

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА

Материалы Международной
научно-практической конференции
молодых ученых
21 – 23 апреля 2011 года
Санкт-Петербург

ПОД НАУЧНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
О. Ю. ЩЕЛКОВОЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

ББК 88
П86

Редакционная коллегия: зав. кафедрой медицинской психологии и психофизиологии ф-та психологии, научный руководитель конференции *О. Ю. Щелкова*, зав. кафедрой общей психологии *В. М. Аллахвердов*, зав. кафедрой эргономики и инженерной психологии *С. А. Маничев*, зав. кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии *А. А. Головей*, зав. кафедрой социальной психологии *А. Л. Свенцицкий*, декан ф-та психологии *А. В. Шаболтас*, проф. кафедры общей психологии *В. М. Бызова*, доц. кафедры медицинской психологии и психофизиологии *Р. О. Серебрякова*, доц. кафедры эргономики и инженерной психологии *К. Р. Червинская*, доц. кафедры социальной психологии *И. В. Кузнецова*, ст. преп. кафедры социальной психологии *А. В. Марфица*, асс. кафедры социальной психологии *Т. В. Казанцева*

*Печатается по решению
Ученого совета факультета психологии
С.-Петербургского государственного университета*

Психология XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века» 21–23 апреля 2011 года. Санкт-Петербург / Под науч. ред. *О. Ю. Щелковой* – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. – 583 с.
ISBN 978-5-288-05185-2

Сборник включает в себя представленные на Международную научно-практическую конференцию молодых ученых «Психология XXI века» материалы, отражающие широту научных интересов молодых исследователей и специалистов России и других стран.

ББК 88

ISBN

978-5-288-05185-2

© Авторы статей, 2011

Общая психология и методология психологии*Абдульманова Д. М.***ЖИЗНЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ ЧЕЛОВЕКА**

Жизненный путь является своеобразным отражением личности: ее мировоззрения, направленности, ее достижений, притязаний, ценностей и отношения к жизни. На данный момент в психологии не существует единого понимания понятия жизненного пути человека, для его описания предлагается множество различных терминов. Изучая некоторые аспекты жизненного пути, мы используем для их определения понятие «жизненный сценарий». Жизненный сценарий включает в себя ряд событий, которые являются наиболее значимыми в жизни субъекта, определяют ее основные вехи, составляют в определенном смысле «каркас» жизни, ее план, согласно которому выстраивается вся траектория жизненного пути. Это те события, тот минимум, без которых человек не будет считать свою жизнь полной и прожитой «правильно». То есть данный событийный ряд определяет маршрут жизни. Примером выделения такого плана может явиться всем известная поговорка: «Каждый мужчина должен в своей жизни построить дом, посадить дерево и вырастить сына».

Исполнение сценария также связано с представлением человека о том, в какое время должно произойти то или иное событие. Каждый в известной мере знает, когда ему еще рано или уже поздно обзаводиться детьми, когда еще можно успеть переменить профессию, если выбранная его не удовлетворяет, и т. д. Личность организует свою жизнь, регулирует ее ход, выбирает и осуществляет избранное направление. Человек не просто существует и развивается во времени, но и имеет историю развития собственной личности. Спецификой жизненного сценария, на наш взгляд, является то, что он в качестве субъективного образа жизни отражает пространственно-временные параметры человеческой жизни и регулирует активность личности как субъекта жизни, в динамике ее психологического времени. Такой субъективный образ биографии человека (охватывающий как прошлое, так и настоящее, и будущее) – это одна из составляющих самосознания и рефлексии личности; он является частью фундамента, на котором строится «Я» человека.

В субъективное представление входят события наибольшей значимости, а потому сценарий становится отражением направленности, цели и, возможно, смысла жизни. Образ сценария собственной жизни выполняет регулирующую функцию, на его основе человек управляет собственной жизнью, реализуя жизненные планы. Человек выступает организатором собственной жизни, придавая ей индивидуальный характер. Индивидуальность жизни состоит в способности лич-

ности организовать ее по своему замыслу, в соответствии со своими склонностями, устремлениями. Чем меньше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем меньше он стремится организовать ее ход, определить ее основное направление, тем больше, как правило, его жизнь становится подражательной, а потому похожей на жизнь других людей, стандартной (Абульханова-Славская К. А., 1991). Способность к организации индивидуальной жизни заключается в том, чтобы не раствориться в жизненном потоке, а быть способным придать своей жизни желательный, определенный ход. В подтверждение вышесказанного можно привести высказывание профессора А. Менегетти: «Человек должен всего-навсего привести к зрелости свою онтогенетическую способность: будут ли у него супруг, дети, любовь, власть, спокойная старость – не имеет значения. Важно лишь, чтобы он был, причем в отведенном ему промежутке времени».

В своем исследовании жизненных сценариев мы исследовали собственно представления людей о собственном сценарии, а также взаимосвязь его особенностей с личностными характеристиками, а также возрастом и полом. Мы выделили ряд характеристик жизненного сценария:

- 1) широта сценария – параметр, который определяется количеством наиболее значимых событий, выделяемых человеком в качестве каркала собственной жизни;
- 2) распределенность событийного ряда – это темпоральная характеристика сценария, отражающая расположение событий индивидуального сценария человека на линии его жизни, их распределенность во временной перспективе личности;
- 3) уникальность сценария – субъективная оценка человеком степени отличности (непохожести) своей жизненной истории от жизней других людей и др.

Агалакова А. С.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ КАК КОПИНГ-СТРАТЕГИИ У МОЛОДЕЖИ

Человек, попадая в трудную жизненную ситуацию, ищет различные способы ее преодоления – копинг-стратегии. Одной из основных копинг-стратегий является социальная поддержка – стратегия, связанная с обращением за помощью и поддержкой к своему социальному окружению. Социальное окружение и его поддержка в стрессовых ситуациях играет роль «буфера», снижая силу стрессовых воздействий, и способствует более эффективной адаптации. Наличие у человека социальных ресурсов позволяет высоко оценить свои возможности в совладании со стрессом и оптимальным образом организовать преодоление

стресса. Копинг-стратегия социальной поддержки обеспечивает использование поддерживающего эффекта социального окружения, тем самым способствует более эффективному преодолению трудных жизненных ситуаций.

Понимая значимость проблематики, которая на сегодняшний день в отечественной литературе изучена мало, мы обратились к изучению копинг-стратегии социальной поддержки в своем исследовании. В исследовании приняли участие 149 юношей и девушек, средний возраст 19,5 лет. Испытуемым предлагалось ответить на вопросы методики «Опросник диагностики копинг-стратегий» (COPE-inventory) Ч. Карвера и др. (адаптация Л. И. Дементий). Анализ копинг-стратегий личности юношеского возраста показал, что к числу типичных копинг-стратегий личности юношеского возраста (больше 12 баллов по 16-балльной шкале) относятся положительное истолкование и рост (средний балл – 13,17), планирование (12,94), активный копинг (12,64), поиск активной общественной поддержки (12,61), поиск эмоциональной общественной поддержки (12,03). Таким образом, для молодых людей стратегия социальной поддержки является типичным и предпочитаемым способом преодоления трудностей.

Руководствуясь логикой современных исследований копинга, которые выделяют два основных вида детерминации – личностный и ситуационный, мы построили нашу работу в русле изучения личностных детерминант социальной поддержки у молодежи. Мы предположили, что обращение за поддержкой к другим людям может обуславливать такие личностные особенности, как восприятие социальной поддержки, локус контроля, мотивация аффилиации, личностные черты. Нами были использованы «Методика исследования локализации контроля личности» Е. Г. Ксенофонтовой; «Диагностика мотивов аффилиации» А. Мехрабиан; «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» Д. Зиммета (адаптация Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского); 16-факторный опросник Р. Б. Кеттелла (16PF – форма С). В результате проведения однофакторного дисперсионного анализа ANOVA был выявлен ряд закономерностей. На поиск информационной поддержки оказывает влияние высокий уровень восприятия социальной поддержки ($F = 3,24$ при $p \leq 0,05$) и дипломатичность (фактор N+, $F = 2,47$ при $p \leq 0,05$). Человек обращается за советом и полезной информацией к другим людям в трудной ситуации в том случае, если высоко оценивает наличие социального окружения, которое потенциально может оказать ему поддержку. При этом обладание такой чертой, как дипломатичность позволяет построить эффективную коммуникацию с собеседником для получения нужной информации и тем самым реализовать копинг-стратегию информационной поддержки. Поиск эмоциональной под-

держки обусловлен такими чертами личности, как подчиненность (фактор E-, $F = 0,93$ при $p \leq 0,05$), конформность (фактор Q2-, $F = 2,99$ при $p \leq 0,05$), а также высоким уровнем страха отвержения ($F = 3,2$ при $p \leq 0,05$) и восприятия социальной поддержки ($F = 12,88$ при $p \leq 0,01$). Подчиненность и конформность характеризуют человека уступчивого, зависимого от мнения группы и стремящегося к согласию с ней, что обуславливает обращение к другим людям как в обычной, так и в проблемной ситуации. В стрессовой ситуации для конформного и подчиняющегося человека поиск эмоциональной поддержки становится характерной стратегией преодоления стресса. Согласно нашей гипотезе обращение за сочувствием к другим людям обусловлено выраженным стремлением к принятию, а не мотивом страха отвержения. Полученный результат мы можем объяснить тем, что переживание потенциального отвержения со стороны других людей заставляет человека обращаться за эмоциональной поддержкой, чтобы, возможно, найти опровержение собственному страху и подтверждение того, что его понимают и принимают окружающие. Таким образом, нами были изучены личностные детерминанты копинг-стратегии социальной поддержки, что способствует расширению представления о социально – поддерживающем процессе личности в стрессовой ситуации.

Акимова А. А.

Смирнова В. В.

ФОРМИРОВАНИЕ СПОРТИВНОЙ МОТИВАЦИИ У ЮНЫХ БОРЦОВ-САМБИСТОВ

Важной особенностью мотивации является ее прямое влияние на спортивный результат. В условиях жесточайшего соперничества полной самоотдачи и достижения поставленной цели можно ожидать лишь от спортсмена, мотивированного определенным образом и обладающего максимальной выраженностью этой мотивации (Гайдук Т. А., 2001). Исследованию различных аспектов мотивации посвящено значительное число работ. Однако в большей части авторских публикаций отражена констатация спортивной мотивации, при этом недостаточно внимания уделяется вопросу формирования спортивной мотивации на начальном этапе занятий спортом (Антипин В. Б., 2007).

Цель исследования – способствовать повышению мотивации к занятиям самбо на этапе начальной подготовки. Объект исследования – мотивационная сфера личности юных борцов-самбистов. Предмет – процесс формирования мотивационных установок у юных самбистов. Гипотеза: мы предполагаем, что для формирования мотивационных установок на занятия спортом необходимо проводить специальную психолого-педагогическую работу, направленную на повышение уверенно-

сти юных спортсменов в себе, на обучение навыкам саморегуляции эмоциональных состояний. Эксперимент проходил на базе МОУ СОШ № 1 и ДЮСШ № 4 г. Великие Луки. В тестировании приняли участие 30 борцов-самбистов 12-13 лет. В исследовании использовались следующие методики: «Методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач» (Т. Элерс); «Опросник для оценки потребности достижения успехов» (Т. Элерс); «Анкета для исследования интересов к занятиям спортом» (Е. Г. Бабушкин); «Методика для исследования направленности спортивной мотивации» (Е. Г. Бабушкин).

Диагностическое исследование до эксперимента показало, что у большинства спортсменов (у 87% из контрольной группы и 93% из экспериментальной группы) выражена мотивация избегания неудач, а мотивация достижения успехов вообще не была выявлена ни у одного спортсмена. При изучении уровня проявления мотивации избегания неудач у юных борцов-самбистов мы выяснили, что высокий уровень изучаемого вида мотивации преобладает у основной части респондентов: у 53% из контрольной группы спортсменов и у 47% из экспериментальной группы, 34% юных борцов-самбистов из контрольной группы и 40% из экспериментальной группы имеют средний уровень данной мотивационной установки. И лишь у 13% выявился низкий уровень мотивации избегания. При изучении степени устойчивости интереса к занятиям спортом у борцов-самбистов нами было определено, что устойчивый интерес преобладает лишь у 13% спортсменов из контрольной группы и 7% – из экспериментальной. У 67% борцов-самбистов из контрольной группы и у 73% из экспериментальной группы проявился неустойчивый интерес.

Исследование направленности спортивной деятельности борцов-самбистов на этапе начальной подготовки показало, что у 47% спортсменов из контрольной группы и 40% из экспериментальной группы выражена соревновательная направленность спортивной деятельности. Однако большинство респондентов (53% борцов из контрольной группы и 60% борцов из экспериментальной группы) имеют тренировочную направленность спортивной деятельности. Таким образом, мы выяснили, что у юных борцов-самбистов недостаточно сформирована спортивная мотивация, преобладают внешние мотивы и установка на избегание неудачи.

С целью коррекции данной проблемы нами был разработан и апробирован коррекционно-развивающий комплекс занятий, направленный на повышение стрессоустойчивости и уверенности в себе, развитие навыков саморегуляции эмоциональных состояний и привитие интереса к спортивной деятельности.

После эксперимента было проведено повторное диагностическое исследование, по результатам которого мы выяснили, что в контрольной группе достоверных изменений не произошло, тогда как в экспериментальной наблюдались положительные значимые изменения по всем показателям: мотивация достижения успеха, не выявленная на первом этапе работы, проявилась у 24% респондентов, тенденция избегания неудачи у большинства борцов-самбистов (48%) оказалась на низком уровне, количество спортсменов с преобладанием устойчивого интереса к занятиям увеличилось до 43% и наиболее выраженной (у 65% юных спортсменов) стала направленность на соревновательную деятельность. Следовательно, гипотеза нашего исследования о необходимости проведения специальной психолого-педагогической работы по повышению спортивной мотивации у борцов-самбистов на этапе начальной подготовки подтвердилась.

Алексеева Е. М.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ*

Во многих исследованиях настоящего времени осуществляется обращение к репрезентациям различных объектов действительности и психических явлений. Понятие репрезентации неоднозначно, хотя чаще всего под ним понимают «представленность», «отображение». Е. К. Рябцева (2005) обоснованно оперирует «представлением», а не «репрезентацией». Исследования репрезентаций обусловлены тем, что нет возможности напрямую изучать то, что они репрезентируют. К репрезентации прибегают, когда недоступен оригинал (Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., 2007). Важно помнить, что репрезентации не являются точной копией объектов (Андреева Е. А. и др., 1998). Среди репрезентаций выделяют, прежде всего, ментальные репрезентации – внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя (Андреева Е. А. и др., 1998). Парадигма ментальной репрезентации позволяет обсудить организацию и содержание вербальных и образных представлений человека (Холодная М. А., 1997; Ребеко Т. А., 1998; Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А., 1998; Ришар Ж., 1998 и др.).

В современной когнитивной психологии представление о ментальных внутренних репрезентирующих структурах занимает центральное место (Найсер У., 1988; Солсо Р., 2002; Ушакова Т. Н., 2004; Холодная М. А., 1997, 2004; Gentner D., Stevens A., 1983; Clark J. M.,

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых в рамках научно-исследовательского проекта МК-2298.2010.6.

Paivio A., 1989 и др.). Зачастую ментальные репрезентации исследуются в совокупности со структурами знаний. Ключевым здесь является положение о том, что знание в разуме человека состоит из ментальных репрезентаций (Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., 2007).

Проблематика ментальных репрезентаций еще мало изучена, однако ее актуальность очевидна, поскольку ментальные репрезентации оказывают влияние на все психические процессы и поведение человека. В когнитивной психологии под ментальной репрезентацией (mental representation) понимается как процесс представления мира человеком, так и единица подобного представления, стоящая вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающая это что-то в мыслительных процессах. Таким образом, к исследованию ментальных репрезентаций можно выделить два основных подхода: изучение преимущественно динамики процесса отображения и изучение структуры и содержания как результата и условия взаимодействия (Андреева Е. А. и др., 1998). На изучении процессуальных и динамических аспектов ментальной репрезентации особый акцент делается в рамках зарубежной когнитивной науки, которая использует преимущественно нейрофизиологические методы (например, измерение закономерностей обработки предъявляемой информации, времени реакции на стимулы и т. д.).

Второй подход наиболее характерен для отечественной психологии, где ментальная репрезентация изучается, прежде всего, как результат отображения, система сложившихся представлений, субъективное описание имеющегося опыта. Взгляд на ментальные репрезентации в таком ракурсе близко позициям психосемантического подхода, в рамках которого личность рассматривается как носитель сложной картины мира, которая включает представления о внешних объектах и психических явлениях (Петренко В. Ф., 1983; Шмелев А. Г., 1982, 1983; Артемьева Е. Ю., 1999).

Именно психосемантические методики, целью которых является реконструкция субъективных представлений о предметах и явлениях действительности, приобрели в отечественной психологии наибольшую популярность в исследовании ментальных репрезентаций. Понимание ментальных репрезентаций как системы представлений дает основание для выделения их иерархической структуры, состоящей из следующих уровней: ассоциативного, оценочного, понятийного и образного. Выделение данных уровней ментальных репрезентаций, безусловно, определяет специфику проведения эмпирических и экспериментальных исследований. Кроме того, существенным является также изучение универсальных и специфических компонентов ментальных репрезентаций.

Аллахвердов М. В.

**ПРОФИЛИ «ЕСЛИ..., ТО...» КАК СОДЕРЖАНИЕ
ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ**

В последнее время активно стали исследоваться имплицитные теории человека, с помощью которых регулируется поведение носителя теории. Имплицитные теории – это иерархическая система неосознаваемых представлений человека о нем самом и о мире его окружающем: как на уровне социального взаимодействия, так и на сенсомоторном уровне. При этом данная система должна быть непротиворечивой, а представления согласованы между собой (Ward, Keenan, 1999). Однако различные исследования, казалось бы, опровергают данный принцип. Например, в исследованиях К. Двек (Chiu, Hong, Dweck, 1997) было обнаружено, что базовая имплицитная теория, которая влияет на все поведение человека, может отличаться в зависимости от того, в какой области она применяется. Так, человек может неосознанно думать, что его моральные качества являются заданными и неизменными, в то время как его интеллект может развиваться и совершенствоваться. Откуда возникает такое противоречие в базовой имплицитной теории и является ли это вообще противоречием?

Психологи, которые активно исследуют поведение личности в различных ситуациях, показали, что, несмотря на отличия в поведении, оно подчиняется определенному паттерну «если..., то...» (напр, Mischel, 2004; Church, Katigback, del Prado, 2010; Moskowitz, 2009; Vansteelandt, 2004; Van Mechelen, 2009; Smith, Shoda, Cumming, Smoll, 2009 и др.). Другими словами, если человек находится в ситуации А, то он ведет себя В, если человек находится в ситуации D, то ведет он себя D, и т. д. Такой профиль взаимосвязи между ситуацией и поведением стали называть «личностным поведенческим почерком» (behavioral signature of personality) (Mischel, 2004). Однако, несмотря на вариативность поведения в различных ситуациях, для каждой черты различие отчетливо сохраняется в некотором пределе изменений для данной черты (Smith, Shoda, Cumming, Smoll, 2009). Данные взаимосвязи между ситуацией и поведением самим человеком чаще всего не осознаются. Поэтому мы можем предположить, что этот профиль, выступающий как регулятор собственного поведения, является частью имплицитной теории человека. Таким образом, внутреннего противоречия нет, потому что в разных ситуациях используется разная часть (разный профиль) имплицитной теории. Мы предполагаем, что имплицитная теория имеет такой вид функции, что каждой конкретной ситуации (ось X) соответствует только один паттерн поведения (ось Y).

Наши исследования подтверждают данные предположения. В нашем эксперименте испытуемым предлагалось решать простые ариф-

метические задачи: складывать или вычитать два числа (от 1 до 9). Им предъявлялось 14 одинаковых серий, в каждой из которой было по 16 таких пар. Числа предъявлялись на сторублевой купюре. В экспериментальной группе (ЭГ) изображение купюры незначительно изменялось: надпись «Билет банка России», герб или номер купюры. В контрольной группе (КГ) изображение купюры оставалось неизменным. Наши результаты показали, что в ЭГ испытуемые совершали меньше устойчивых ошибок, т. е. в одной и той же паре в разных сериях, чем в контрольной. Мы предполагаем, что испытуемые строили свой профиль «если..., то...». В КГ ситуация оставалась одна и та же. Поэтому испытуемый КГ формировал для одного примера один и тот же профиль «если..., то...». Если при этом связь оказывалась ошибочной, то он реализовывал одно и то же неверное поведение, т. е. давал неверный ответ. В случае же изменения irrelevantной информации стимульного материала ситуация немного, но изменялась. Это позволяло испытуемым ЭГ строить для одного примера разные профили «если..., то...», возможно, таким образом исправляя изначальную ошибку. В других наших исследованиях мы так же наблюдали похожие проявления имплицитной теории через профиль «если..., то...» (Аллахвердов, 2010). В дальнейшем мы планируем расширить экспериментальную базу, подтверждающую наши предположения на различных уровнях имплицитных теорий человека: на сенсомоторном уровне, на социальном уровне и уровне мировоззрения и образа мира.

Алоец Е. А.

Барский Ф. И.

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Психология, отталкиваясь от психоаналитической традиции, долгое время акцентировала свое внимание на проблемных и патологических сторонах личности. Только во второй половине прошлого века в центре исследований, во многом благодаря гуманистической психологии, оказывается здоровый человек. Одной из ее задач стало изучение позитивных состояний личности, но решить проблему методологии рационального познания такого субъективного понятия, как счастье, она не смогла. Вопрос о методе оставался открытым, и в начале 2000-х появилась «позитивная психология» (Seligman M. E. P. & Csikszentmihalyi M., 2000). Своим предметом она сделала сильные стороны и состояния личности, положительные эмоции, ценности и достижения. Одним из наиболее изучаемых аспектов стал феномен счастья. Однако, поскольку это понятие, как и многие другие, является «выходцем» из обывденного языка, его концептуализация и операционализация в научной психологии

сопряжена с рядом трудностей. Цель данной работы – обобщить основные направления в психологических исследованиях счастья конца XX-начала XXI вв. Со времен Аристотеля существует философское разделение счастья на два типа:

а) гедонизм, где счастье достигается посредством максимизации удовольствия и отсутствия боли;

б) эвдемония, где человек обретает счастье через реализацию своего потенциала в обществе (Ryan R. M. & Deci E. L., 2001).

Рассмотрим каждый из них в отдельности. Считается, что гедонизм первым описал Эпикур. Он утверждал, что удовольствие и боль являются индикаторами пользы и вреда соответственно. Гедонизм в широком смысле – удовлетворение потребностей как тела, так и сознания. Определяя благополучие (well-being) с точки зрения удовольствия против боли, гедонистическая психология ставит себе целью исследования и вмешательства, чтобы, в конечном счете, повысить, насколько возможно, счастье человека. Несмотря на существование различных подходов, большинство исследователей гедонистического счастья используют оценку субъективного благополучия (Diener E. et al., 1999).

Субъективное благополучие состоит из трех компонентов: удовлетворение жизнью, присутствие положительного настроения и отсутствие отрицательного настроения. Понятие эвдемонического счастья ввел Аристотель (следует отметить, что гедонизм как «стремление идти на поводу у своих желаний» философ считал аморальным). Как считают Т. Кашдан и коллеги (Kashdan T. B., Biswas-Diener R. & King L. A., 2008), эвдемония отражает, в значительной степени, реализацию социально-разделенных ценностей и объективно обусловленных потребностей.

Среди подходов к исследованию эвдемонии можно выделить теорию психологического благополучия К. Рифф (Ryff C. & Singer B., 1998) и теорию самодетерминации Деси и Райана (Ryan R. M. & Deci E. L. 2000). Принятое в психологии разделение на гедонистическое и эвдемоническое счастье в настоящее время активно критикуется (Kashdan T. B., Biswas-Diener R. & King L. A., 2008). В частности, обращается внимание на методические проблемы эмпирических исследований, такие как засилье корреляционного и факторного анализа самоотчетов. В области теории необходимость разделения на два типа счастья также ставится под вопрос.

С нашей точки зрения, представляется перспективным исследование переживания счастья с позиций нарративного подхода, рассматривающего идентичность человека как социально сконструированную жизненную историю (McAdams D. P., 2008; Bauer J. J., McAdams D. P. & Pals J. L., 2006). Представление об идентичности как о нарративе, объе-

диняющем в единое целое биографические события жизни человека и насущные цели и ценности, позволяет преодолеть разделение на гедонистическую (субъективистскую) и эвдемоническую (объективистскую) трактовки благополучия. Кроме того, методы нарративного анализа позволяют исследовать эмоциональную окрашенность индивидуальных переживаний с точки зрения тематических и структурных характеристик сюжетов жизненных историй, которые могут рассматриваться как косвенные индикаторы счастья.

Афоница Н. Ю.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ДОШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ

По всей видимости, исторической вехой становления интеллектуальной дифференциации следует считать возникновение психометрии, и глубже – формирование постулата о врожденности показателей IQ. Социальная ориентация на коэффициент интеллектуального развития – при поступлении в учебные заведения, конкурсном приеме на работу – служит основой возникновения некой «кастовости», нивелирующей личностные особенности и представляющей общество в виде трех групп: «интеллектуальной нормы», «интеллектуальной недостаточности» и «интеллектуального опережения». Последнее характерно для западных стран (Г. Айзенк, 1995) и, с нашей точки зрения, связано с тестологизацией системы образования. В России показатели успешности учебной деятельности часто интерпретируются педагогами как свидетельство высокого интеллектуального потенциала (Коган М. С., Эткин А. М., 1989; Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. Г., 1990; Курганов С. Ю., 1993; Гриндер М., 1994 и др.). Подобный подход способствует выделению каст «средней успеваемости», «отличников» и «неуспевающих». Названные касты представляют собой своеобразные психологические портреты, включающие в себя и характерные способы деятельности, т. е. дифференциация по типу успеваемости накладывает отпечаток на весь дальнейший жизненный путь индивида. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить о широко известном «синдроме отличника». Тем не менее, на современном этапе область, относительно свободной от количественного подхода к интеллектуальному развитию (будь то показатели тестов интеллекта или суммарные баллы успеваемости) остается дошкольный возраст.

Как правило, дошкольная психология рассматривает в качестве критерия интеллектуальной нормы сформированность высших психических функций. И здесь наиболее перспективным направлением представляется «диагностика развития», позволяющая оценить не только актуальный уровень психического развития ребенка, но и сделать про-

гноз относительно его обучаемости. Оценка зоны ближайшего развития, несмотря на достаточно давнюю постановку вопроса, продолжает оставаться перспективным полем исследовательской деятельности.

С 2003 по 2010 гг. на базе дошкольных образовательных учреждений города Тулы и Тульской области нами была организована диагностика психического развития 432-х детей в возрасте 5–7 лет. Пятидесяти из них невропатологом и ПМПК был поставлен диагноз «задержка психического развития», еще пятьдесят психологи ДОО отнесли к категории «одаренных». Основной целью исследования выступило определение наличия или отсутствия взаимосвязи между показателями интеллекта и обучаемостью старших дошкольников. Оценивались данные, полученные с помощью теста Д. Векслера (WISC) и зона ближайшего развития доминирующей в дошкольном возрасте психической функции – памяти.

Как можно было предположить, дети с ЗПР продемонстрировали низкие результаты при выполнении теста Векслера (среднее арифметическое – 83 балла). Среди детей, которых педагоги ДОО рассматривали как «норму» ($n = 332$), 38 дошкольников получили высокие баллы по тесту интеллекта (среднее арифметическое – 115); из 50 «одаренных» детей показатели восьми можно оценить как средние (90–95 баллов). Этот факт еще раз указывает на то, что для определения когнитивного потенциала воспитанников явно недостаточно только педагогической оценки и неформализованного наблюдения.

Обнаружена значимая корреляция между шириной зоны ближайшего развития мнемических процессов и IQ-показателями в группе «нормы» ($\varphi = 0,790$). Примечательно, что не было выявлено аналогичной взаимосвязи при анализе диагностических данных одаренных детей и детей с ЗПР. На наш взгляд, это косвенно указывает на такое искажение структуры познавательной деятельности, при котором память еще не стала доминирующей функцией или уже приобрела периферический статус. Значимо, что при прочих равных условиях (равноценных IQ-баллах и «ширине» зон ближайшего развития) имели место различные темпы актуализации ЗБР, что, безусловно, указывает на воздействие дополнительных личностных или социальных факторов. В свете вышесказанного представляется правомерным и обоснованным следующий вывод: интеллектуальная дифференциация не сводима к каким бы то ни было количественным показателям. Собственно процесс реализации интеллектуального потенциала – явление уникальное и глубоко личностное.

Блажнова И. В.

**ВЛИЯНИЕ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ МАРКИРОВКИ
СТИМУЛОВ НА ФИКСИРОВАННУЮ УСТАНОВКУ**

Известно, что фиксированная установка проявляется возникновением контрастных и ассимилятивных иллюзий, собственно, через эти проявления и изучается установка. Однако до сих пор неизвестно, каков механизм возникновения иллюзий, в особенности, контрастных. Тема достаточно широко изучалась, выяснилось, что соотношение количества случаев контрастных и ассимилятивных иллюзий неслучайным образом меняется в зависимости от отношения размеров установочных и критических объектов, их взаимного расположения, а также от ряда прочих факторов, непосредственно не относящихся к установочным и критическим объектам. При этом максимум контрастных иллюзий наблюдается в классическом варианте Узнадзе. В связи с этим мы имеем все основания предположить, что установка, как ее определяет теория Узнадзе, проявляется ассимилятивными иллюзиями, а контрастная иллюзия является скорее частным случаем, исключением из правил.

В своей работе мы продолжаем изучение влияния различных факторов на соотношение контрастных и ассимилятивных иллюзий. Основанием для проведения нашего эксперимента послужили следующие соображения. Во-первых, в опытах, проведенных Узнадзе, было показано, что установка фиксируется скорее на постоянное соотношение размеров вообще, чем на соотношение размеров конкретных объектов. Во-вторых, как считает Ш. Н. Чхартишвили, величина является больше качественной характеристикой гештальта, чем количественной (Чхартишвили Ш. Н., 1970) Поэтому возникает вопрос: что произойдет с соотношением случаев контрастных и ассимилятивных иллюзий, в случае, если при неизменном соотношении величин сравниваемых предметов, мы будем менять другие характеристики предметов? Или, если ставить вопрос шире, чем же, все-таки фиксируется установка?

Процедура и методы исследования. Введем обозначения: «стимулы с недифференцированной маркировкой» – объекты, отличающиеся друг от друга только по размеру, и «стимулы с дифференцированной маркировкой» – объекты, отличающиеся по размеру и еще по какому-либо свойству. Предметом исследования являлось влияние дифференцированной маркировки стимулов на возникновение контрастных иллюзий. Гипотеза исследования: фиксированная установка зависит от дифференцированной маркировки стимулов: при недифференцированной маркировке стимулов количество иллюзий, в т. ч. и контрастных, будет значительно выше, чем в случае дифференцированной маркировки стимулов, при прочих равных условиях.

В исследовании принимали участие две группы испытуемых по 50 человек каждая. Испытуемым предлагалось сравнить по размеру два круга, предъявляемые на экране компьютера, нажав на одну из трех клавиш. Время на ответ не лимитировалось. Первой группе предлагались больший и меньший круг с идентичным рисунком. Во второй группе рисунки в большем и меньшем кругах были различные. По остальным характеристикам эксперимент повторяет классический опыт Узнадзе.

Результаты исследования. После обработки ответов испытуемых были получены следующие данные. При недифференцированной маркировке стимулов мы наблюдаем 12% случаев контрастных иллюзий, 28% ассимилятивных иллюзий и 60% случаев адекватного восприятия. В случае дифференцированной маркировки стимулов 2% – случаев контрастных иллюзий, 11% – ассимилятивных, 87% случаев адекватного восприятия. Эмпирическое распределение результатов в первом эксперименте статистически достоверно отличается от соответствующего эмпирического распределения во втором эксперименте. Мы видим, что и в первом, и во втором эксперименте преобладают случаи адекватного восприятия. Но изображение предъявлялось не тахистоскопически, и у многих испытуемых установка затухала, пока они сомневались и выбирали, на какую клавишу нажать. Несмотря на это, мы имеем довольно большой процент случаев восприятия по контрасту в первом опыте – 12% и значительно меньший – 2% – во втором. То есть, наша исходная гипотеза подтвердилась.

Выводы: дифференцированная маркировка стимулов уменьшает количество иллюзий и способствует адекватному восприятию. Таким образом, на соотношение количества случаев контрастных и ассимилятивных иллюзий влияет не только отношение размеров объектов, но и их качественные характеристики. Мы можем с уверенностью говорить о том, что установочный объект действительно воспринимается целостно, а установка вырабатывается не просто на постоянное соотношение между размерами объектов, а скорее на постоянное соотношение (подобие) целостных образов, включающих в себя другие характеристики, помимо размера.

Бобылев Е. Л.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСКУССТВА

С момента появления интереса к психологическому анализу искусства можно выделить пять методологических подходов, которые получили свое развитие и распространение на стыке XIX и XX веков. В последние годы XIX в. из культурно-исторической литературоведческой школы выдели-

лась особая «психологическая» школа, основу которой составили отечественные и зарубежные лингвисты, осознавшие необходимость использования психологических знаний в области языка и художественного творчества (И. Фолкелт, Р. Мюллер-Фрейенфельс, Э. Геннекен, А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Н. А. Рубакин). В результате начинает оформляться психологический метод. Психологические законы литературного творчества виделись в тайне личности художника, в глубинах его психики, а различия между художественными произведениями объяснялись различием переживаний и тех психологических типов, к которым принадлежали писатели. В результате упускались из виду вопросы об историческом развитии искусства, его общественной обусловленности. Примерно в это же время активный интерес к использованию достижений искусства в психологии стали проявлять психиатры (Н. Е. Осипов, И. А. Сикорский, В. М. Бехтерев, Н. Н. Баженов, Ю. В. Португалов, М. О. Шайкевич, В. Ф. Чиж). В итоге был разработан метод психиатрической патографии. Его задачами являлось: установление факта психического заболевания и его наименования, то есть диагноза; познание личности, внутренних переживаний и особенностей жизнедеятельности человека, страдающего психическим расстройством; проявление болезни в творчестве.

К проблеме психологии искусства обратили свой взор и последователи психоанализа в России. Главенствующей фигурой среди них можно считать председателя Русского психоаналитического общества И. Д. Ермакова. В центр исследований ставилась проблема бессознательного в искусстве. Искусство рассматривалось как своеобразный способ примирения оппозиционных принципов «реальности» и «удовольствия» путем вытеснения из сознания человека социально неприемлемых импульсов. Оно способствует устранению реальных конфликтов в жизни человека и поддержанию психического равновесия, то есть выступает в роли своеобразной терапии, ведущей к устранению болезненных симптомов. В психике художника это достигается путем его творческого самоочищения и растворения бессознательных влечений в социально приемлемой художественной деятельности.

Сложившаяся в 20-е годы XX века ситуация в науке характеризовалась кризисом субъективизма как в самой психологии, так и в сфере искусства. В рамках литературоведения возникла «формальная школа», ориентированная на неокантианскую философию (Р. Ингарден, К. Леви-Строс, Я. Мукаржовский, В. Б. Шкловский, Б. А. Грифцов). Главным итогом этого периода стала разработка формального метода, под которым понимался метод, утверждающий взгляд на художественную форму как на категорию, определяющую специфику литературы и способную к имманентному саморазвитию. Главную задачу формалисты видели в преодолении характерного для литературоведения того

времени дуализма формы и содержания, что выразилось в представлении о форме как единственном реальном носителе специфики искусства и отнесении содержания к нехудожественной категории и в сведении формы преимущественно к поэтическому языку, обладающему имманентными законами развития и независимому от других нелитературных рядов. В 30-е годы XX в. происходит осознание антипсихологизма формальной школы, которое привело к созданию объективно аналитического метода, в основе которого лежало различие между эстетическим и неэстетическим объектом (Л. С. Выготский). В результате всякое произведение искусства рассматривалось психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию. Объективно аналитический метод гарантировал достаточную объективность получаемых результатов и всей системы исследования, потому что он исходил из изучения твердых, объективно существующих и учитываемых фактов. Общее направление этого метода: от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию эстетической реакции и к установлению ее общих законов. В результате проведенного историко-психологического анализа видно, что для первых трех этапов развития психологии искусства в России были характерны субъективные методологические подходы, на четвертом и пятом этапах обозначился переход к объективизму.

Бызова В. М.

Краева А. В.

ВЫРАЖЕННОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ И МОЛОДЕЖИ

Проблема толерантности остается одной из самых злободневных на сегодняшний день. В нашем исследовании мы исходили из гипотезы, что толерантность является личностным качеством не только учителя, но и учащегося, поскольку успех коммуникации зависит от наличия таких черт, как выдержка и терпение, которые в полной мере проявляются во взаимодействии педагогов с учащимися разных этнических групп. В качестве основной методики был использован опросник коммуникативной толерантности В. В. Бойко. Выборку составили 684 респондента, в том числе: педагоги с разным стажем и разного возраста (21–25 лет – 66 чел., 26–35 лет – 32 чел., 36–45 лет – 44 чел.); учащиеся педагогического колледжа (93 чел.), студенты-психологи разных курсов (1 курс – 52 чел., 4–5 курсы – 46 чел.); студенты направления социально-культурной деятельности (1 курс – 43 чел.); студенты 1 курса физического факультета (38 чел.); учащиеся общеобразовательных школ в возрасте 15–16 лет (из полных семей – 64 чел., социальные сироты –

25 чел.); выборка Санкт-Петербурга – 110 учащихся гимназии с языковым уклоном (70 девушек и 40 юношей). Изучение толерантности проводилось на Северо-Западе России (Архангельская область, Республика Коми и Санкт-Петербург) в период 2007–2010 гг.

Результаты исследования показали, что низкой коммуникативной толерантностью отличаются будущие педагоги – учащиеся колледжа, которые отмечали у себя целый ряд негативных тенденций в поведении – это, прежде всего, категоричность в оценках других людей, неумение и нежелание скрывать неприятные впечатления от общения, стремление подогнать партнера под себя и неумение адаптироваться к другим в процессе взаимодействия. Выборка молодых педагогов 21–25 лет с незначительным стажем работы (1–3 года) отличалась стремлением к перевоспитанию других. Следует подчеркнуть, что нами получены наиболее благоприятные показатели коммуникативной толерантности у педагогов 26–35 лет с достаточным стажем работы (более 3 лет). У педагогов 36–45 лет обнаружилось стремление к категоричности в оценках других и стремление переделать партнера. Выявленные особенности можно отчасти объяснить возможным профессиональным выгоранием педагогов, а также их личностными характеристиками. В выборке студентов-психологов обнаружена позитивная динамика в коммуникативной толерантности: если на первом курсе отмечалась категоричность в оценках других людей и стремление переделать партнера по общению, то к 4 и 5 курсам почти все негативные тенденции в поведении сглаживаются. В выборке студентов-физиков отмечались весьма выраженные негативные проявления: неумение прощать другим их ошибки и заблуждения, неумение адаптироваться к другим в процессе коммуникативного взаимодействия, что может быть связано с недостатком опыта социального общения. В выборке учащихся наиболее неблагоприятные тенденции оказались среди социальных сирот по сравнению с детьми из полных семей. Показатели юношей и девушек Санкт-Петербурга свидетельствуют о различиях: девушки оказались более интолерантными в процессе коммуникации, а юноши демонстрировали способность к более сдержанному поведению, что может быть связано с благоприятной социальной средой как в родительской семье, так и в школе. Полученные результаты отражают необходимость воспитания, прежде всего в самом себе, качеств, обеспечивающих оптимальное взаимодействие в социуме, а также повышения уровня коммуникативной компетентности как педагогов, так и учащихся.

Васянович В. А.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ОБМАНА

Обман встречается практически во всех сферах человеческой жизни. Распознавание обмана и по сей день является одной из самых мало разработанных областей научного знания. В ходе человеческой истории были придуманы различные способы детекции лжи, начиная с различных «народных» способов и заканчивая fMRI. Стоит отметить, что нет метода, который определял бы ложь на 100%, а вероятность разоблачения обмана варьируется от 50% до 80%, в зависимости от метода. Актуальность разработки точного метода растет с каждым годом, но, в связи со сложностью проблемы, прогресс идет очень медленно. Исследования показывают, что люди – весьма плохие детекторы лжи и успешность обнаружения обмана/правды не отличается от случайного угадывания.

Профессионалы (полицейские, операторы полиграфов, таможенники) так же плохо определяют ложь, как и студенты колледжей. Низкие попадания в распознавании правды/обмана связаны со сложностью предсказания поведения лжеца и недостаточной теоретической разработкой данной проблемы.

Существует несколько теорий в рамках, которых происходят исследования невербальных признаков обмана. В мультифакторной модели Цукермана, ДеПауло и Розенталя, наличие признаков обмана появляется в связи с тремя компонентами: эмоциональные реакции, когнитивная нагрузка и контроль поведения. Отсюда следуют три направления, согласно которым ведется поиск невербальных признаков обмана: аффективный подход, когнитивный подход, волевой подход. Аффективный подход представлен знаменитым американским ученым П. Экманом. Он считает, что ситуация обмана чаще всего вызывает три эмоции: стыд, страх и радость. В рамках этого направления верификаторы распознают эмоциональное состояние человека и сопоставляют его с вербальным сообщением и ситуацией в целом. Во втором подходе перед верификатором стоит задача определения и повышения когнитивной нагрузки человека. Интересные эмпирические данные были получены в рамках этого подхода. При ответе на вопрос: «Кто из этих людей сильнее думает?» вероятность попадания в лжеца была выше, чем при вопросе: «Кто из этих людей обманывает?».

Последний подход подразумевает сознательную попытку лжеца контролировать собственное поведение, однако это связано с рядом трудностей для обманщика: он плохо себе представляет, как вести себя естественно, некоторые элементы нашего поведения контролировать крайне сложно, попытка контроля может привести к неестественному, скованному поведению. Исходя из идей этого подхода, анализу нужно

подвергать плохо контролируемые аспекты нашего поведения. ДеПауло и коллеги провели мета-анализ статей по исследованию невербальных признаков обмана и выделили в общей сложности 21 признак. Самыми информативными стали: высота голоса, жесты – иллюстраторы и движение рук/запястий. У лжецов голос кажется выше, наблюдается меньше движений руками и пальцами. В метаанализе было выявлено, что у лжецов расширены зрачки, они кажутся более зажатыми, их голос также более зажат, подбородок более приподнят, чаще поджимаются губы и их лица оцениваются как не очень приятные. Они кажутся более амбивалентными, менее уверенными и менее включенными, чаще повторяют слова и предложения. О. Фрай отмечает, что, несмотря на все полученные данные, взаимосвязи можно считать лишь слабыми или средними. В частности, уменьшение движения рук и пальцев показали 64% испытуемых, а увеличение – 36%.

Это еще раз подчеркивает сложность в прогнозировании поведения. В отечественной науке проблемой психологии обмана занимается крайне маленькое количество исследователей, стоит отметить Д. И. Дубровского и В. В. Знакова, однако их работы носят скорее теоретический характер, нежели практический. Обман – явление многогранное и крайне сложное для исследования в связи с целым рядом как этических, так и практических проблем. Метод распознавания обмана на основе невербальных признаков является самым ненадежным из всех альтернативных способов, но работы этих ученых позволяют с большим оптимизмом взглянуть на эту проблему.

Ветрова И. И.

Зуев К. Б.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДИК ИЗМЕРЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

Со времени введения в психологию понятия «эмоциональный интеллект» (Salovey P., Mayer D., 1990) этот конструкт завоевал заслуженную популярность и привлекает многих исследователей. На данный момент существует две основные модели эмоционального интеллекта, на базе которых разрабатываются методики для его изучения. Смешанные модели эмоционального интеллекта интерпретируют его как сложное психическое образование, имеющее и когнитивную, и личностную природу. В эти модели включаются когнитивные, личностные и мотивационные черты, благодаря чему они оказываются близко связанными с адаптацией к реальной жизни. Измерение непосредственно эмоционального интеллекта осуществляется с помощью опросников, основан-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00459-а.

ных на самоотчете. В моделях способностей эмоциональный интеллект определяется как набор способностей, тесно связанных с когнитивным интеллектом. И при таком подходе измерение эмоционального интеллекта производится с помощью тестов, состоящих из заданий с правильными и неправильными ответами. Как отмечают Р. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер и Д. Люсин (2006), у каждого из этих двух подходов к пониманию эмоционального интеллекта есть свои сильные и слабые стороны, которые наиболее ярко проявляются в предлагаемых исследовательских методиках.

Мы в своей работе по адаптации методики MSCEIT V2.0. предприняли попытку соотнести данные, полученные с помощью четырех методик для изучения эмоционального интеллекта – опросниковых и тестовых. В исследовании приняли участие 57 человек в возрасте от 18 до 26 лет (27 юношей и 30 девушек). Сопоставлялись следующие методики:

1. Тест MSCEIT V2.0. (The Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test) сконструированный Дж. Мэйером, П. Селовеем и Д. Карузо в 2002 г. на базе собственной иерархической модели эмоционального интеллекта, где выделяются четыре уровня эмоционального интеллекта, названные авторами «ветвями» (Mayer D., Salovey P., Caruso D., 2002).

2. Методика Self Report Emotional Intelligence Test (SREIT), сконструированная на базе ранней модели Дж. Мэйера и П. Селовея, Н. Шутте с коллегами (Schutte N. et al., 1998), является опросником.

3. Тест ЭИИ опирается на собственную модель эмоционального интеллекта автора (Люсин Д. В., 2004), где эмоциональный интеллект определяется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими.

Предлагаемая модель эмоционального интеллекта, как утверждает автор (Люсин Д. В. и др., 2004), принципиально отличается от смешанных моделей тем, что в конструкт не вводятся личностные характеристики. Тем не менее данная методика не может быть отнесена и к моделям способностей, ввиду того что является опросником, основанным на самоотчете. ЭИИ-2 – методика, созданная Е. А. Орел и В. В. Одинцовой под научным руководством А. Г. Шмелева (Одинцова, 2006), содержит как тестовые задания, так и вопросы для самоотчета. Стоит отметить большую практическую направленность данной методики.

В ходе корреляционного анализа было выявлено 28 статистически значимых связей между отдельными шкалами методик. Наибольшее количество выявлено между шкалами MSCEIT и ЭИИ-2, а также между шкалами SREIT и ЭИИ-2 (по шесть положительных связей). Шкалы

SREIT имеют пять положительных связей со шкалами ЭМIQ, а шкалы ЭМИн связаны с ЭМIQ-2 тремя положительными и пятью отрицательными связями. Наименьшее количество связей выявлено у MSCEIT с ЭМИн (одна отрицательная связь) и SREIT (две положительные связи). Большое количество связей шкал ЭМIQ-2 со шкалами MSCEIT и SREIT можно объяснить схожей моделью построения теста. В методике ЭМIQ часть заданий сделано тестовыми, а не опросниковыми.

При разработке данной методики авторы опирались в том числе и на модель Дж. Мэйера и П. Сэловея, а также стремились минимализировать влияние социальной желательности, что неизбежно при использовании опросников. Отмеченное большое количество положительных связей между шкалами SREIT и шкалами ЭМИн, измеряющими межличностный эмоциональный интеллект, может быть связано именно с конструированием методик как опросников. Со шкалами ЭМIQ у шкал ЭМИн выявлено определенное количество отрицательных взаимосвязей – эти методики имеют разные теоретические основания и являются различными по построению. В целом исследование подтверждает предположение о зависимости количества и качества связей между шкалами разных методик на эмоциональный интеллект от теоретических моделей в их основе и от способа конструирования методики – является она тестовой или опросниковой.

Ворожейкин И. В.

Куделькина Н. С.

ОПОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЗАТРУДНЕННОГО ВЫБОРА*

В значительном количестве экспериментальных работ было убедительно продемонстрировано, что информация, предъявляемая человеку в затрудненных условиях или на неосознаваемом уровне, влияет на последующую деятельность и даже может семантически обрабатываться (Агафонов, 2006; Аллахвердов, 2000; Куделькина, 2010). То есть человек каким-то образом осуществляет познавательную активность неосознанно, имплицитно. Причем результаты такого рода познавательной активности – научения – проявляются в осознанной деятельности (Иванов, 2010). Представляется важным вопрос о роли механизмов сознания в имплицитном научении. Ведь если научение может происходить неосознанно, зачем вообще осознавать?

В экспериментальном исследовании приняли участие 100 добровольцев – женщин и мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Это студенты и сотрудники психологического, механико-математического и истори-

* Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ № 10-06-00469А и РФФИ № 10-06-00169А, руководитель проф. А. Ю. Агафонов

ческого факультетов Самарского государственного университета. Все участники эксперимента имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. В ходе экспериментальной процедуры испытуемым на экране 15" LCD монитора персонального компьютера последовательно предъявлялись зрительные стимулы – 50 предъявлений четырех горизонтальных отрезков черного цвета на белом фоне. Время предъявления каждого стимула – 500 мс, межстимульный интервал – 1с. Длина отрезков варьировалась от 100 до 199 пикселей.

Использовалась специально разработанная программа, позволяющая задавать последовательность предъявления визуальных стимулов и фиксировать реакцию испытуемых. Испытуемым предъявлялась на экране монитора и озвучивалась экспериментатором инструкция следующего содержания: «Сейчас вы пройдете тест на глазомер. Для этого вам необходимо будет выполнить 50 заданий. Каждое задание – это сравнение длин четырех отрезков, которые вам будут предъявлены на экране. Из четырех отрезков вам необходимо будет выбрать два равных по длине. Причем сделать это необходимо как можно быстрее и вы должны быть предельно внимательны, так как каждое задание будет предъявлено всего на полсекунды. Выбирать отрезки вы будете при помощи клавиш на клавиатуре: “q”, “w”, “a”, “s”. Расположение клавиш на клавиатуре соответствует расположению отрезков на экране, т. е. клавиша “q” соответствует верхнему левому отрезку, а клавиша “s” нижнему правому». Итак, задача испытуемых заключалась в том, чтобы выбрать из предъявленных на экране четырех отрезков два равных по длине. Количество сравнений, таким образом, равнялось пятидесяти. Для каждой из четырех групп испытуемых была сконструирована определенная закономерность построения заданий. О самой этой внутренней закономерности испытуемые не знали и не догадывались в ходе процедуры (что было подтверждено устным интервьюированием каждого испытуемого после эксперимента). Логика заключалась в том, что каждый испытуемый решал два типа задач, условно названных «установочные» и «тестовые».

Поскольку всего было 50 задач, то каждому испытуемому предстояло решить 25 «установочных» и 25 «тестовых задач». Порядок «установочных» и «тестовых» заданий был случаен за исключением того, что «установочное» задание всегда предшествовало «тестовому». Испытуемые, решая «установочное» задание, формировали тем самым задание «тестовое». Главной особенностью «установочных» заданий была невозможность правильно решить задание, т. к. среди предъявляемых отрезком не было равных отрезков. То есть испытуемые ставились в ситуацию, в которой они, хотели того или нет, делали объективную ошибку. «Тестовое» задание представляло из себя следующую задачу:

испытуемым предъявлялись ранее выбранные в «установочном» задании отрезки (те, которые испытуемый посчитал равными) и два объективно равных отрезка. Были получены следующие результаты. Если добавленные в «тестовое» задание объективно равные отрезки являлись уже ранее выбранными в «установочном» задании (для создания равных отрезков использовался один из ранее выбранных отрезков), то в этом случае наблюдается меньшая величина ошибки – 14,1 пикселей. В ситуации, где добавленными объективно равными отрезками являются ранее невыбранные – ошибка равняется 16 пикселям, если добавлены новые отрезки то ошибка равняется – 16,5 пикселей. Самыми «долгорешаемыми» явились задания с новыми отрезками – 2540 мс, против 2158 мс с ранее выбранными, 2054 мс с ранее не выбранными.

Воронин И. А.

ПРОБЛЕМЫ ВАЛИДНОСТИ В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОМЕТРИКЕ

К настоящему времени дифференциальная психометрика переживает пик своего развития. Построенные на материале индивидуальных различий методики пользуются большой популярностью как у практикующих специалистов, так и в области научных исследований. Особенно эта тенденция выражена в психологии личности: распространена точка зрения, что индивидуальные различия исчерпывают феноменологию этой области (Lamiell J. T., 2003). Фиксированный набор процедур служит средством конструирования психодиагностического инструментария, направленного на изучение, прежде всего, индивидуальных различий (Мельников В. М., Ямпольский Л. Т., 1985; Шмелев А. Г., 2002).

Одним из ключевых психометрических свойств любых психодиагностических методик считается «валидность». Валидность психометрического средства, как правило, оценивается путем корреляции между баллами, полученными с помощью методики, и оценками по теоретически релевантному внешнему критерию. При таком подходе она представляет собой переменную величину, которая подлежит максимизации в процессе «настройки» диагностического средства. Между тем, с необходимостью валидизировать методики сталкиваются исключительно психологи: валидность измерительных средств в естественных науках не вызывает сомнений.

С точки зрения Д. Борсбума, основная причина сложившейся ситуации – недостаточная обоснованность онтологического статуса измеряемых свойств. Поскольку феномены психики не доступны непосредственному наблюдению исследователя, измерение их свойств должно опосредоваться наблюдаемыми величинами. В этом случае ва-

лидность средства измерения обеспечивается соблюдением двух условий:

- 1) обоснование онтологического статуса измеряемой величины;
- 2) наличие причинно-следственного влияния латентной величины на наблюдаемую (Borsboom D., Mellenbergh G. J., Van Heerden J., 2004).

Между тем, на деле оба эти условия в дифференциальной психометрике не выполняются. Онтологический статус измеряемых величин обосновывается с помощью эмпирического материала, что характерно для дифференциально-психологического подхода (Lamiell J. T., 2003). Так, общепринятая Большая пятерка черт личности (Big Five) является результатом множества психолексических исследований, основанных на факторном анализе, однако результаты этих исследований далеко не так однозначны, как может показаться (Goldberg L. R., 1993). Борсбум показывает, что использование внешнего критерия не позволяет обосновать онтологический статус характеристик, «открытых» в эксплораторном исследовании (Borsboom D., 2005, Borsboom D., Mellenbergh G. J., Van Heerden J., 2004).

Другая принципиальная проблема заключается в том, что в основе всех дифференциально-психологических исследований (включая все стандартные психометрические процедуры) лежат популяционные статистики, что сразу ставит под вопрос применимость результатов к отдельным индивидам. Основным пунктом критики исследований подобного рода является утверждение о необоснованности и неправомерности переноса популяционных статистических закономерностей на уровень индивида (Lamiell J. T., 2003, 2007; Molenaar P., Campbell C., 2009). Исследования показывают, что факторная структура, полученная на популяции, не повторяется на уровне отдельных индивидов (Borkenau P., Ostendorf F., 1998), что ставит под сомнение онтологический статус черт, обнаруженных в психолексических и межиндивидуальных факторных исследованиях.

Выше уже было сказано, что мерой валидности считается корреляция между баллами, полученными с помощью методики, и оценками по критерию. Однако корреляция сама по себе не несет информации о закономерностях, которые лежат в ее основе, поэтому на основе эмпирического материала нельзя сделать вывод о том, что именно измеряемая характеристика определяет балл (условие валидности измерительного средства). Описанное представление о валидности порождает множество различных типов валидности (в зависимости от того, с чем коррелирует тестовый балл), а также необходимость выполнения значительного количества «валидирующих» процедур. Между тем подход,

предлагаемый Борсбумом, позволяет свести конструирование валидного измерительного средства к двум шагам:

- 1) обоснование онтологического статуса измеряемой характеристики;
- 2) нахождение индикатора, доступного непосредственному наблюдению и связанного с измеряемой характеристикой причинно-следственным образом.

Однако это предполагает отказ от операционально определенных понятий – плодов дифференциально-психологического подхода.

Гасанова Р. О.

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ И ВОСПРИЯТИЕ В НАПРЯЖЕННЫХ СИТУАЦИЯХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основными составляющими феномена восприятия являются субъект и объект, без рассмотрения которых нельзя подойти к раскрытию данной проблемы. Взаимодействие этих двух составляющих выражается в формировании перцептивного образа действительности (Барабанщиков В. А., 2006). В. А. Барабанщиков пишет, что «традиционно субъект восприятия рассматривается как некий регистрирующий прибор, функционирующий безотносительно к окружающей его среде, а объект восприятия – как внешний агент, некая вещь, воздействующая на этот прибор» (Барабанщиков В. А., 2006). По мнению данного автора основной акцент необходимо ставить не на отражение свойств объекта, а именно на взаимоотношение субъекта и объекта восприятия (Барабанщиков В. А., 1990). Только так, и никак иначе, восприятие будет пониматься как непосредственная причастность человека к существующей действительности (Рубинштейн С. Л., 2003). В. И. Барабанщиков отмечает также, что в содержание объекта восприятия необходимо включать не только непосредственно того, кто воспринимает, но и обстоятельства его жизни и деятельности – то есть, ситуацию. Таким образом, объект восприятия в какой-то степени зависит от потребностей, целей, возможностей субъекта, а те, в свою очередь, преобразуются в зависимости от обстоятельств, ситуации. А. А. Демидов пишет о том, что ситуационный подход позволяет преодолеть дизъюнктивность субъекта и объекта восприятия, человека и мира, представить единую логику их соразвития и созависимости.

Проведенное исследование позволяет рассмотреть динамику предметного образа, который выступал объектом восприятия, как в связи с психическим состоянием субъекта, так и в связи с ситуацией жизнедеятельности, что согласуется с вышесказанным. В течение девяти месяцев было проведено семь серий эксперимента с предъявлением двух предметов, которые оценивались участниками эксперимента по

различным параметрам (размеры – вертикаль, горизонталь, диагональ; цвета и др.). Испытуемые находились в различных психических состояниях, а также в разных ситуациях учебной деятельности (лекция, семинар, контрольный срез знаний). Полученные данные анализировались с учетом психического состояния испытуемого (позитивно окрашенные – нейтральные – негативно окрашенные), а также с учетом ситуации (оценивается ли испытуемым данная ситуация эксперимента как напряженная).

Сравнительный анализ полученных данных проводился с учетом значений коэффициентов корреляции Пирсона для количественных показателей, а также с учетом средних значений показателей. Рассматривались параметры, связанные с оценкой размеров (оценка испытуемыми вертикали, горизонтали и диагонали картины, высоты игрушки), а также показатели, связанные с названием цветов (количество названных в описании цветов). Анализ и сравнение перечисленных характеристик проводились для участников эксперимента, испытывающих позитивно окрашенные, нейтральные либо негативно окрашенные состояния. Полученные данные рассматривались также относительно того, в какой ситуации находился испытуемый – повседневной или напряженной.

Выявлено, что для каждой группы состояний в ситуации, оцениваемой как напряженная, существует некая специфика оценки размеров и цветов. В негативно окрашенных состояниях линейные параметры – высота, горизонталь, вертикаль, диагональ – увеличиваются относительно тех размеров, что назывались в нейтральных состояниях. То есть в ситуации напряжения, да еще и при нахождении испытуемых в негативно окрашенном состоянии, и картина, и игрушка воспринимались как более крупные. Однако при нахождении в позитивно окрашенных состояниях наблюдалось еще большее увеличение показателей. Линейные параметры приобретают здесь максимальные значения. Что касается восприятия цветов, то испытуемые, независимо от состояния, находясь в повседневных ситуациях, перечисляют значительно большее их количество, чем в напряженных.

Таким образом, в напряженной ситуации были выявлены особенности восприятия в зависимости от состояния воспринимающего субъекта. Позитивные состояния оказались наиболее чувствительными к негативной внешней ситуации, и изменения в восприятии размеров, наблюдаемые в данной группе, выражены ярче всего. Восприятие цветов в напряженных ситуациях также имеет некоторые особенности, одной из которых является выявленное в данном исследовании сокращение количества различаемых цветов. То есть в ситуации напряжения

различается меньше цветов, чем в повседневных ситуациях жизнедеятельности.

Говорин А. С.

Адамян Н. А.

Кулаженкова И. К.

СУБЪЕКТИВНАЯ УВЕРЕННОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ СТАБИЛИЗАЦИИ ГИПОТЕЗ СОЗНАНИЯ*

Уверенность всегда была проблемной зоной любого психологического направления. Эта традиция началась с экспериментов вюрцбургской школы (О. Кюльпе, 1914), где уверенность была обозначена как "без-образный" феномен, не имеющий аналогов в непосредственном ощущении, что противостояло традиции структуралистской психологии.

В современной психологии до сих пор существует плюрализм мнений в отношении уверенности. Одни рассматривают и изучают феномен субъективной уверенности как личностный конструкт (Скотникова И. Г., 2006) и предлагают для ее изучения в том числе и феноменологические методы, другие – как некий структурный блок в процессе переработки информации (Rosenthal, 2000; Juslin, Montgomery, 1999), и предпочитают экспериментальные методики. Исследователям ближе вторая позиция, которая, впрочем, также вызывает немало споров.

В современной когнитивной психологии все большее внимание уделяется работе когнитивного бессознательного, которое, по мнению многих авторов, несет полную ответственность за принятие любых когнитивных решений. Главный вопрос когнитивной психологии внимания теперь звучит так: «Почему эти информационные процессы «не идут в темноте», независимо от какого-то внутреннего чувства?» (Chalmers, 2006). Какую роль здесь играет осознанное чувство субъективной уверенности?

Исходя из теоретической модели В.М. Аллахвердова (Аллахвердов В. М., 2003, 2010), авторы тезисов склонны считать уверенность показателем некоторого неконкретизированного сличения результатов деятельности с информацией когнитивного бессознательного. Уверенность, возникающая в сознании, говорит нам о том, что некий путь к ответу существует, но ничего не говорит нам о самом ответе. Вместе с тем, уверенность как осознанный феномен закрепляет принятое решение в силу закона Фрейда-Фестингера (Аллахвердов В. М.,

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (государственный контракт № П1215 от 04 июня 2010).

2003), и тем самым препятствует поиску нового, может быть, правильного.

Для проверки этих предположений в исследовании были выбраны эффекты «функциональной слепоты» (Фаликман М. В., 2006, Кувалдина М. Б., Говорин А. С., 2007), заключающиеся в неспособности при определенных условиях заметить яркие, видимые стимулы. Были проведены три эксперимента, в которых приняли участие 90 человек: студенты различных университетов в возрасте от 17 до 33 лет.

В первом эксперименте использовалась экспериментальная парадигма, разработанная Р. Рензинком для изучения «слепоты к изменениям». Испытуемым 10 раз предъявлялась последовательность из двух картинок, имевших одно существенное отличие. Между предъявлениями изображений на 80 или 120 мс предъявлялся пустой экран-дистрактор. Испытуемых просили определить, отличаются ли два предъявляемых изображения, описать предполагаемое отличие и оценить уверенность в правильности своего ответа от 0% до 100%.

По результатам испытуемые разделились на две группы: одни считали, что отличия не было, и были уверены в своем ответе (средняя оценка уверенности по группе – 95%); а другие считали, что отличие все-таки было, но они не успели понять, в чем оно состоит. Средняя оценка уверенности во второй группе составила 70%. Оценки уверенности в существовании отличающегося признака статистически значимо различались (U-критерий Манна-Уитни = 14, $p < 0,05$). Этот результат говорит о том, что степень правильности ответа не всегда соответствует оценкам уверенности даже в рамках уже известных моделей.

В следующем эксперименте проверялась связь между уверенностью и работой механизма вытеснения на другом, более экологичном с точки зрения экспериментаторов, материале. Стимульным материалом для второго эксперимента послужил модифицированный видеофайл, индуцирующий слепоту по невниманию, (Simons, Chabris, 1999), и созданная специально для данного эксперимента текстовая задача. Текстовая задача нацелена на помещение человека в ситуацию неопределенности, в которой в качестве ответа от него требуется выбор одной из двух равноценных альтернатив. После получения первого ответа испытуемому сообщалось, что его выбор неверен, и предлагалось для продолжения решения задачи при тех же условиях либо сохранить, либо изменить ответ. В качестве меры уверенности было принято среднее время сохранения испытуемым первоначального ответа.

Результаты статистической проверки показали, что в группе не увидевших irrelevantный стимул в задаче, индуцирующей слепоту по невниманию, значимо больше испытуемых, впоследствии высоко оценивших свою уверенность при решении текстовой задачи (критерий хи-

квадрат = 6,85, $df = 1$, $p = 0,01$). Это означает, что мы с высокой вероятностью можем предполагать существование связи субъективной уверенности с работой защитных механизмов сознания, в частности – с принятием решения о неосознании и вытеснением.

Третий эксперимент был направлен на проверку гипотезы о том, что и завышение оценок уверенности, и игнорирование иррелевантного объекта связано с механизмом защиты сознанием собственных гипотез. В качестве стимульного материала использовался видеоролик музыкального коллектива “65daysofstatic” длительностью 1,5 минуты. Каждый кадр ролика был разбит на 9 видеосекунд, в которых предьявлялся стимульный ряд, связанный с идеей песни. Некоторые из сцен по причине информационной перегруженности ролика оставались не замечаемыми испытуемыми.

Испытуемые были произвольно разбиты на 2 группы. Отличие между группами заключалось в инструкциях: первой группе говорилось, что видеоролик содержал некоторую связную историю, которую нужно было рассказать, а второй группе – что клип состоит из набора сцен, каждую из которых необходимо описать.

Гипотеза подтвердилась. Испытуемые 1 группы статистически заметно чаще не замечали присутствия главной героини в сцене, прямо не относящейся к сюжету (критерий согласия Пирсона, $p\text{-level} = 0,01$). При этом показатели уверенности для двух групп не отличались. Это говорит нам о том, что мы создали ситуацию генерации сверхуверенности, в которой испытуемые уверенно давали неправильный ответ, то есть пропускали иррелевантный объект с высокой уверенностью в его отсутствии.

Не менее принципиальным является и следующий полученный результат. В видеоролике присутствовали две сюжетно не обусловленные сцены. В первой появлялась главная героиня и иррелевантный объект (лампа), во второй были представлены только горшки с цветами. Как ни странно, испытуемые чаще замечали горшки, игнорируя лампу. Этот результат говорит о важности контекста в решении задач зрительного поиска и сопутствующей оценке уверенности. Поддерживая гипотезу о существовании сюжета в видеоклипе, испытуемые стремились защитить ее, вытесняя из зоны осознания все не относящиеся к контексту и противоречащие ему объекты. Этот результат соответствует данным диссертационного исследования М. Б. Кувалдиной, посвященного феномену «слепоты по невниманию» (Кувалдина М. Б., 2010).

В целом, мы можем заключить, что наше предположение о сквозной роли феномена уверенности в поддержке единожды принятого решения находит свое подтверждение.

Голованова А. С.

РЕГУЛЯТОРНЫЙ ФОКУС КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

При анализе структуры волевых качеств личности традиционно принято выделять первичные и вторичные волевые качества. При этом разные авторы выделяют разные качества как первичные и вторичные (Ильин В. П., 2002). Поэтому становится актуальным вопрос о том, что является ядром волевых личностных свойств, их системообразующим фактором. В работах Е. Т. Хиггинса, посвященных волевой саморегуляции, вводится понятие регуляторного фокуса, который связан с ориентацией на позитивные результаты (фокус содействия) или на минимизацию негативных (фокус предотвращения) (Higgins, 1997; Капрара, Сервон, 2003). В отличие от мотивационных тенденций к достижению или избеганию неудач, регуляторный фокус характеризует сам способ постановки целей и оценки успешности собственных действий: фокус содействия предполагает высокую чувствительность к наличию или отсутствию желаемых результатов, а фокус предотвращения, наоборот, – к наличию или отсутствию избегаемых результатов или состояний.

В ряде исследований (Higgins et al., 1997; 2000) было показано, что испытуемые с выраженным фокусом содействия проявляют тенденцию к максимизации поставленных целей в условиях эксперимента, а также демонстрируют большую настойчивость и упорство при выполнении экспериментальных заданий. Мы полагаем, что именно стратегия максимизации целей играет центральную роль в создании ситуаций, требующих от субъекта проявления волевых качеств, и тем самым способствует их развитию. Поэтому мы предполагаем, что именно фокус содействия является системообразующим фактором волевых свойств личности и, таким образом, тесно связан с выраженностью большинства волевых качеств. В качестве методов исследования были использованы методика на выявление регуляторного фокуса Е. Т. Хиггинса (Higgins et al., 2001) и методика исследования волевой организации личности А. А. Хохлова.

Перевод методики Е. Т. Хиггинса проводился независимо двумя переводчиками; итоговая версия опросника была составлена после процедуры экспертных оценок. С целью валидации опросника был проведен пилотажный эксперимент, в котором испытуемые решали задачи на составление анаграмм, аналогичных эксперименту Хиггинса с соавторами (Higgins et al., 2001). По результатам эксперимента показатели упорства, рассчитанные как отношение среднего времени, затраченного на решение нерешаемых анаграмм, к среднему времени решения обычных анаграмм, оказались связанными с фокусом содействия ($R = 0,34$; $p < 0,05$) и не связанными с фокусом предотвращения, что полностью

соответствует результатам, полученным Е. Т. Хиггинсом на американской выборке.

В исследовании приняли участие 45 студентов психологического факультета Самарского государственного университета. В ходе исследования было подтверждено, что выраженность стратегии саморегуляции, связанной с регуляторным фокусом содействия, сильно зависит от выраженности волевых качеств по общей шкале методики ВОЛ ($R = 0,63$; $p < 0,001$). Корреляции с субшкалами опросника также статистически значимы, хотя и принимают несколько меньшие значения: во всех случаях $0,40 < r < 0,1$, «смелость» ($R = 0,03$; $p > 0,1$). Вероятно, это объясняется тем, что проявления смелости связаны в большей степени с преодолением страха и склонностью к поиску новых и острых ощущений, чем с достижением поставленных целей, а потому смелость вряд ли можно отнести к первичным волевым качествам. Шкала «организация деятельности» большинством авторов также не относится к числу центральных. Наличие статистически значимых корреляций фокуса содействия с центральными волевыми качествами личности позволяет нам предположить, что именно регуляторный фокус является ядром волевых личностных свойств и их системообразующим фактором. Дополнительным подтверждением данного вывода является тот факт, что корреляции шкал методики ВОЛ с фокусом предотвращения во всех случаях статистически незначимы.

Согласно Е. Т. Хиггинсу, регуляторный фокус формируется в детстве в соответствии с двумя моделями взаимодействия родителей и ребенка: поощряющая модель (фокус содействия) и сдерживающая (фокус противодействия), и в дальнейшем задает способ постановки целей и оценки успешности собственных действий, определяя характер взаимодействия ребенка с окружающим миром. Поэтому можно утверждать, что регуляторный фокус первичен по отношению к волевым качествам и является системообразующей детерминантой волевых свойств личности.

Гришакова Е. М.

Ворожейкин И. В.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ЛОКАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОВОВАРИАНТНОГО ВЫБОРА*

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, когда возможность обработки информации на неосознаваемом уровне стала экспериментально доказанным фактом, проблема «когнитивного бессознательного»

* Исследование проводилось при поддержке гранта РФНФ № 10-06-00469А и РФФИ № 10-06-00169А, руководитель проф. А. Ю. Агафонов.

становится одной из ключевых в психологии сознания. Широкое обсуждение получают экспериментальные факты, позволяющие утверждать: возможности неосознаваемой обработки информации значительно превышают эффективность когнитивной деятельности при условии осознаваемого контроля. В связи с этим, целью нашего исследования стала попытка обнаружить эффективность выполнения задач идентификации в условиях многовариантного выбора и лимита времени.

В эксперименте приняло участие 40 человек обоих полов в возрасте от 18 до 45 лет. Они составили контрольную и экспериментальную группы по 20 человек в каждой. Стимульный материал состоял из двух наборов фигур (25 серий по 6 фигур для первого опыта и 25 серий по 6 фигур для второго опыта). Фигуры предъявлялись на 20 мс с экрана монитора сразу после того, как испытуемый нажимал на клавишу. Всего в эксперименте было задействовано три формы: треугольник, квадрат, круг. Фигуры также варьировались по размеру (меньшего и большего размера) и были окрашены в красный, синий, зеленый цвета. В каждой серии из шести фигур две фигуры были одинаковыми, четыре из них отличались по трем параметрам: форма, цвет и размер. Эти различия носили случайный характер и не имели закономерности.

Для того чтобы затруднить сознательное решение задач, использовалась маска в виде штриховки, которая предъявлялась на 50 мс сразу после предъявления фигур. В инструкции перед испытуемыми ставилась задача сравнения фигур с целью обнаружить локализацию двух абсолютно идентичных. После этого испытуемый должен был отметить их на экране монитора с помощью компьютерной мыши. В первом опыте испытуемые выполняли задание, состоящее из 25 серий. После каждой серии предъявлялась обратная связь с верным расположением фигур.

Процедура второго опыта была тождественной, за исключением того, что верная локализация одинаковых фигур предварительно маркировалась точками. Результаты показали, что по количеству верно указанных фигур в контрольной и экспериментальной группах нет статистических различий. Вместе с тем, можно говорить о том факте, что с вероятностью 81% осуществлялся правильный выбор одной из двух идентичных фигур при вероятности случайного угадывания 33%. Почему вероятность случайного выбора одной фигуры из двух идентичных составляет 33%? Поскольку из шести фигур две были одинаковые, испытуемый мог выбрать из этой пары или одну, или другую фигуру. Полученный результат показывает, что для того, чтобы с высокой вероятностью был осуществлен выбор одной из двух фигур, испытуемым неосознанно необходимо было правильно опознавать две фигуры, т. е. фактически с высокой эффективностью неосознанно решать экспери-

ментальную задачу, при том что это правильное решение испытуемыми не осознавалось. Обнаруженный экспериментальный факт является важным результатом данного исследования, т. к. демонстрирует более эффективную когнитивную деятельность на неосознаваемом уровне по сравнению с осознаваемой обработкой информации. При этом абсолютно верное решение, т. е. решение, при котором верно указаны обе фигуры, статистически реже встречается в экспериментальной группе, в которой одинаковые фигуры дополнительно маркировались точкой.

Согласно исходным предположениям, точечный стимул, который выступал в качестве прайма, в силу того, что он фиксировал правильную локализацию одинаковых фигур, должен был повышать эффективность выполнения задач идентификации. Однако полученный результат опровергает нашу гипотезу. Вместе с тем, по общей эффективности решения когнитивных задач между группами статистических различий обнаружено не было. Это позволяет сделать вывод о том, что на неосознаваемом уровне задачи установления сходства одинаково доступны для решения как в контрольной, так и в экспериментальной группах. (Еще раз отметим: для того, чтобы верно указать одну из двух фигур, необходимо знать месторасположение обеих фигур.) Тем не менее, чем большая очевидность решения задачи на уровне когнитивного бессознательного, тем больше шансов для абсолютно верного ответа (указания двух одинаковых фигур) на этапе принятия решения об осознании подвергаться негативному выбору (Аллахвердов, 2000).

Даниленко О. И.

Ли Ц.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РОДИНЕ И В РОССИИ

Обучение в вузе требует от студента усилий по преодолению различного рода трудностей. Тем более это относится к тем, кто приезжает учиться в другую страну. Возможность успешного преодоления трудностей зависит, в частности, от эффективности стратегий совладания, предпочитаемых субъектом. Необходимость учитывать фактор места получения образования делает актуальным изучение копинг-стратегий, используемых студентами, обучающихся у себя на родине и в другой стране.

Предметом нашего исследования стало сравнение структур копинг-стратегий у студентов из Китая, обучающихся в российских вузах, и китайских студентов, обучающихся на родине. Цель – выявить относительную частоту предпочтения копинг-стратегий студентами этих двух групп. Гипотеза состояла в том, что существуют различия в предпочтениях копинг-стратегий студентами, обучающимися на родине и за

рубежом, причем можно ожидать, что китайские студенты, обучающиеся в России, склонны чаще использовать более продуктивные стратегии, чем те, кто учится в Китае.

В нашем исследовании была использована методика «Стратегии совладающего поведения» (ССП), которая была переведена нами на китайский язык в соответствии с правилами, определенными специалистами в области кросс-культурной психологии. Эта методика создана в результате осуществленного в лаборатории клинической психологии СПбПНИИ им. В. М. Бехтерева перевода, адаптации и стандартизации опросника С. Лазаруса, С. Фолкман и др. В исследовании приняли участие 30 китайских студентов, обучающихся в вузах Санкт-Петербурга (15 юношей и 15 девушек) и 40 китайских студентов (20 юношей и 20 девушек), обучающихся в городе Лоян (КНР), всего 70 человек в возрасте от 21 года до 25 лет.

Результаты исследования. В выборке китайских студентов, обучающихся в России, наиболее часто используемый тип копинга – планирование решения проблемы ($M = 53,20$; $\sigma = 8,50$), на втором месте по частоте находится конфронтационный копинг ($M = 52,17$; $\sigma = 7,44$), на третьем – поиск социальной поддержки ($M = 51,40$; $\sigma = 10,39$). В выборке китайских студентов, обучающихся на родине, наиболее часто используется конфронтационный копинг ($M = 54,88$; $\sigma = 7,05$), на втором месте – бегство/избегание ($M = 53,87$; $\sigma = 7,13$), на третьем – дистанцирование ($M = 49,75$; $\sigma = 7,73$). Для того, чтобы выяснить, существуют ли значимые различия в предпочтении копинг-стратегий между группами китайских студентов, обучающихся в России и на родине, был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Выявлено наличие значимых различий в отношении трех стратегий: китайскими студентами, обучающимися в России, чаще используются стратегия планирования решения проблемы ($p = 0,001$) и принятие ответственности ($p = 0,005$), а теми, кто учится в Китае – стратегия бегство/избегание ($p = 0,030$).

Обсуждение результатов. Гипотеза исследования подтвердилась. Выявлены различия в структуре копинг-стратегий китайских студентов, получающих высшее образование на родине и приезжающих для этого в Россию. Стратегия планирования решения проблемы, которая относительно чаще избирается студентами, приезжающими на учебу в Россию, большинством исследователей рассматривается как наиболее эффективная. Стратегия же бегства/избегания, относительно чаще предпочитаемая теми, кто обучается на родине, расценивается как наименее продуктивная. Стратегия принятия ответственности, которая также относительно часто используется китайскими студентами, обучающимися в России, способствует пониманию ими своих действий как причин возникающих трудностей; в этом ее возможный позитивный

вклад в адаптацию. В то же время чрезмерное использование данной стратегии может приводить к необоснованной самокритике, что чревато развитием депрессивных состояний. Полученные нами результаты можно объяснить тем, что в другую страну приезжают учиться, как правило, люди с выраженной установкой на активное преодоление трудностей, которые неизбежны в инокультурной среде.

Выводы. Принявшие участие в нашем исследовании китайские студенты, получающие образование в России, относительно часто используют более эффективные и относительно редко – менее эффективные стратегии, чем студенты, обучающиеся на родине. Тенденция использовать стратегию принятия ответственности создает у приезжих студентов предпосылку для переживания неоправданного чувства вины при возникновении трудностей.

Доценко А. Ю.

К ПОНЯТИЮ СИНДРОМА «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ХОЛОДА» У ДЕВУШЕК

В современном мире ученые отмечают кризис института семьи: все меньше браков заключается, все больше браков распадается – молодежь не хочет вступать в брак. В современной популярной и специальной психологической литературе дана характеристика зависимости, контрзависимости, противозависимости, токсической любви, страха интимности, одиночества и других негативных феноменов, проявляющихся в семейной сфере. Причина данных явлений в неспособности людей быть вместе, устанавливать длительные, психологически интимные, близкие отношения с партнером. Базовым явлением, позволяющим интерпретировать описанные выше негативные феномены, считается синдром «эмоционального холода».

Отечественную интерпретацию синдром «эмоционального холода» получил в работах А. С. Кочаряна (2007), Т. С. Асланян (2009), Н. Н. Терещенко (2007). В настоящее время «эмоциональный холод» определяется как неспособность человека начинать и поддерживать близкие доверительные отношения. Однако синдром «эмоционального холода» у девушек имеет свои особенности, связанные со спецификой его формирования, развития, диагностики и коррекции. Корни синдрома «эмоционального холода» следует искать в семье, в том статусе, который занимает дочь (ребенок женского пола) в отношениях с родителями либо лицами, выполняющими их функции. Многие исследователи подчеркивают роль родителей в эмоциональном и социальном развитии детей начиная с младенческого возраста. На последующее развитие синдрома «эмоционального холода» влияют перемены в составе семьи,

а также примеры поведения родителей в различных жизненных ситуациях.

Вопросы диагностики и коррекции синдрома «эмоционального холода» у девушек на данный момент остаются открытыми. Так, «эмоциональный холод» имеет стойкий характер, и по этому признаку может быть отделен от, например, близкого по внешним проявлениям, но обусловленного ситуационными факторами состояния «отсутствия интереса» к потенциальному партнеру. Коррекция синдрома «эмоционального холода» может быть проведена с использованием современных методов психологии.

Енчикова Е. С.

ПЕРЕЖИВАНИЕ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ И РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Виртуальная реальность является одной из наиболее изучаемых сфер жизни современного человека. В то время как инженеры и программисты создают все новые компьютерные технологии, психологи пытаются понять, как эти технологии воздействуют на человека и влияют на его личность. Сегодня уже нельзя отрицать влияния компьютерных технологий на нашу жизнь, они давно стали частью нашего общества. Сидя за своим компьютером, игрок может общаться с настоящими людьми из других стран, работать, творить и играть вместе с ними. Что переживает человек, находясь в виртуальном мире?

Данная работа посвящена изучению феномена переживания личностью свободы и ответственности в виртуальном мире и сравнению этих переживаний с аналогичными в реальности. Гипотеза исследования предполагала, что в виртуальности человек может испытывать больше свободы и меньше ответственности по сравнению с реальной жизнью, и в этом заключается причина того, что все больше людей предпочитают жить в ненастоящем мире, проводя большую часть времени в виртуальности. В качестве яркого примера виртуальной реальности нами были выбраны многопользовательские он-лайн игры (ММОРПГ), как обладающие всеми характерными признаками виртуального пространства. В ходе изучения данной проблемы было проведено два связанных между собой исследования, чтобы как можно шире охватить суть явления. Первое исследование количественное, направлено на выявление значимых различий у испытуемых по уровню переживаний свободы и ответственности в виртуальном мире и реальной жизни. Второе исследование – феноменологический взгляд на изучаемые явления, направлено на выявление качественных различий в переживаниях. Выборка испытуемых состоит из посетителей форумов игровой тематики в Интернете, игроков в компьютерные игры, а также учеников

старших классов школы и колледжа, об интернет-пристрастиях которых изначально данных не было. Объем выборки первого исследования – 75 человек, второго исследования – 12 человек. В первом исследовании испытуемые отвечали на вопросы тестов «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, «Шкала отчуждения» С. Мадди., а также на открытые вопросы, по результатам которых нами были выделены четыре группы респондентов, различающихся по степени вовлеченности в игровую деятельность.

По результатам сравнения между группами не было выявлено статистически значимых различий по интересующим нас шкалам тестов (свобода, ответственность, экзистенциальная исполненность, отчуждение). Таким образом, уровень переживания свободы и ответственности у людей, активно играющих в он-лайн игры, статистически не отличается от показателей людей, не играющих вовсе.

Однако тесты не дают ответа на вопрос о качестве переживания свободы и ответственности в виртуальном мире. Для того чтобы понять, как именно проявляются эти переживания, было проведено феноменологическое исследование. Было разработано интервью для участников первого исследования, которое включало в себя 12 открытых вопросов, касающихся переживаний свободы и ответственности, которые были объединены в единый вопросник с инструкцией. Опрос проходил через Интернет, в исследовании принимали участие только люди, знакомые с виртуальной реальностью. На основании ответов респондентов было составлено четыре феноменологических описания для каждого из изучаемых нами переживаний. Был выявлен ряд различий в том, как, в каких ситуациях респонденты переживают свободу и ответственность в виртуальности.

Особый интерес представляет выделенный феномен «свободы от самого себя», ярко проявляющийся в виртуальном мире. На наш взгляд, этот феномен обладает значительным потенциалом, требующим дополнительного изучения, и может быть применен в терапевтических целях. В заключение мы провели контент-анализ полученных ответов, и обнаружили, что в виртуальности респонденты чаще испытывают «свободу от», а в реальности «свободу для». Это показывает, что виртуальность обладает большим потенциалом для отдыха и восстановления сил, в то время как реальность является полигоном для реализации себя и своих жизненных целей. На основании проведенного исследования можно заключить, что человек способен переживать свободу и ответственность как в виртуальном мире, так и в реальной жизни, однако есть качественная разница в проявлениях этих феноменов.

Зайцева Ю. Е.

ОБРАЗ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ (АВАТАРА) КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВИЧНОГО ДОВЕРИЯ*

Активность интернет-пользователей растет с каждым годом, чуть более пяти лет назад понятия «блогосфера», «интернет-дневники», «социальные сети» требовали специальных пояснений как для широкой публики, так и для научного сообщества (Блоги: новая реальность, 2006). Сейчас вырастает поколение, не представляющее своей жизни без интернет-коммуникации, без возможности самореализации в блогосфере. Мы полагаем, что феномены общения в текстово-образной среде блогосферы являются отражением традиционных особенностей коммуникации и новых средств их реализации. Задачей настоящего исследования является анализ психологических средств, предоставляемых интернет-средой и вызываемых ими особенностей самопрезентации участников интернет-коммуникации, на примере выбора аватары как виртуального средства первичной самопрезентации при вступлении в контакт с неизвестным участником социальной сети. Самопрезентация (Гоффман И., 2000) сочетает в себе как элементы самохарактеризации, так и самопредъявления, то есть стремления создать о себе определенное впечатление у партнера по коммуникации, воздействовать на него. Мы сосредоточили наше внимание на формировании у партнера «первичного импульса» межличностного доверия (Штомпка П., 1996) средствами интернет-коммуникации.

В качестве такого средства мы рассмотрели «аватару» – изображение, выбираемое субъектом коммуникации для представления себя как автора блога или страницы в социальной сети и сопровождающие его комментарии других авторов. В качестве «аватары» субъект может выбрать любое изображение, в том числе личную фотографию. На основе анализа 879 образов самопрезентации (аватар) на материале социальной сети «Вконтакте.ру», последующей экспертной оценки (группой экспертов-психологов) и работы фокус-группы нами были выделены 14 наиболее типичных для данной социальной сети видов аватар, которые можно сгруппировать в шесть типов по соотношению степени анонимности, обращенности к субъекту общения («призыва к контакту»), типа идентичности с группой/самим собой, отражению физического, реального Я (фото)/символического идеального Я (образ, картинка). Если рассматривать меру анонимности и активности контакта как противоположенные динамические силы, то суммарная

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 10-06-00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации».

«валентность» этих параметров для определенного вида (типа) аватары может говорить о транслируемой готовности/неготовности к доверительному (открытому) взаимодействию с неизвестным партнером по интернет-коммуникации, а суммарное значение по модулю как внутреннюю «напряженность» данных динамических тенденций.

По мере напряженности динамики «доверия»/«недоверия» к потенциальному субъекту интернет-общения воспринимаются как наиболее сильные по своему «посланию»:

1. лицо крупным планом, смотрящее на вас – как показатель готовности к активному доверительному взаимодействию;
2. отсутствие изображения, аватары и изображение автора со спины – как показатель сильного недоверия и неготовности к общению;
3. изображение крупным планом небольшой части лица, тела (глаз, губ, кисти руки, ступни, волос...) – как показатель внутренне противоречивого напряженного амбивалентного желания вступления в контакт и недоверия к партнеру.

В качестве посланий средней силы воспринимаются изображения и картинки, заменяющие фотографию, а также фотографии детей, домашних животных, близких – как несущие значимую дополнительную информацию о будущей коммуникации, привлекающие внимание и требующие расшифровки.

Наиболее распространенными «ВКонтакте» являются аватары, демонстрирующие готовность к доверительному общению и низкому недоверию («лицо крупным планом, обращенное в камеру») и сочетающие высокое недоверие со средним уровнем доверия (лицо или фигура, отчасти скрытая, или картинка, изображение, символ), причем женщины несколько чаще склонны транслировать превышение доверия над недоверием (открытость, с возможностью «ухода»), мужчины – демонстрировать некоторый сдвиг баланса в сторону недоверия (закрытость, с возможностью «раскрытия»).

Отмечаются различия частоты встречаемости аватар в зависимости от зоны социальной сети (различные сообщества, списки друзей). Оценка степени доверия блогеру на основании первого впечатления (от аватары) в среднем снижается по мере увеличения анонимности, отказа от контакта, преобладания групповой идентичности над индивидуальной, преобладания символической идентичности над фактической, транслируемой его аватарой, однако неравномерно в отношении доверия фактам и их истинности, правильности мнений, искренности чувств.

Заломов Я. А.

ТИПЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Одиночество как социально-психологическое явление рассматривается в отечественной и зарубежной литературе достаточно широко: как социально-психологическое явление, как переживание собственной идентичности, как детерминанта психического развития личности. Практическая психология испытывает дефицит в методологическом анализе категории одиночества, разработке инструментов диагностики данного переживания, описании его типов и видов. Существующие концепции одиночества, описывающие его структуру, охватывают, на наш взгляд, отдельные аспекты феномена: компоненты одиночества (Д. Раадшелдерс), уровни одиночества (У. Садлер, И. Ялом), виды одиночества в контексте двухфакторной типологии (Е. В. Неумоева), вид социальных отношений (Н. Бердяев, М. Бубер), эмоциональные состояния одинокого человека (О. И. Скорова). Нам представляется возможным аккумулировать и обобщить опыт этих исследователей в авторской типологии одиночества. Помимо теоретико-методологического анализа, для разработки модели были применены следующие методы: факторизация суждений об одиночестве (выборка 270 человек, количество пунктов – 71); частотный анализ ассоциаций с понятием «одиночество», сортировка наиболее часто выбираемых ассоциаций методом сортировки Миллера (экспертная группа – 25 человек). Исследования проводились в 2008–2010 г. Типология включает в себя четыре конструкта, описывающие состояния одиноких людей на разных уровнях: ценностно-смысловом, мотивационном и поведенческом.

Мы не можем назвать сформированные конструкты типами одиночества в прямом понимании категории «тип» – необходима дальнейшая эмпирическая проверка типологии. Первый тип одиночества мы назвали «дефицитарным». Его детерминирует неудовлетворенная потребность в социальном окружении, принятии группой, признании, обмене информацией, чувстве причастности. Основными маркерами данного переживания являются формулировки «мне не хватает», «я бы хотел», «я мечтаю». Таким образом, тип преимущественно затрагивает мотивационную сферу личности, актуализируя стремление к значимым людям.

Второй тип мы назвали «избегательным». Его детерминируют неконструктивные коммуникативные стратегии: агрессивные или пассивные. К агрессивным относятся: конфликтность, строптивость, стремление доминировать, контролировать, спорить. К пассивным: застенчивость, стеснительность, скованность, страх быть непринятым. Основными маркерами типа являются формулировки страдательного наклонения: «меня не принимают», «меня не любят», «другие предьяв-

ляют ко мне завышенные требования». Личность часто не осознает до конца причин своего одиночества, перенося ответственность на других. Тип затрагивает поведенческую сферу личности, актуализируя избежательные стратегии социального взаимодействия.

Третий тип мы назвали «отчуждающим». Его детерминирует потребность в выстраивании жестких личностных границ с целью сохранения безопасности. «Я» ограничено эмоциональным барьером. Другой не переживается, а воспринимается как объект. Основными маркерами типа выступают формулировки: «я не хочу общаться с другими людьми», «мне достаточно самого себя», «другие могут причинить боль». Специфической особенностью типа является наличие конфликта между стремлением к безопасности и самораскрытием перед другими людьми. Естественная потребность в принятии может компенсироваться широкими поверхностными контактами. Тип затрагивает ценностно-смысловую сферу личности. Ценность другого человека является незначимой, она обесценена.

Четвертый тип мы назвали «self-одиночество». Он также затрагивает ценностно-смысловую сферу, но, в отличие от отчуждающего типа, ценность другого человека является центральной. Маркерами состояния являются формулировки: «мне знакомо одиночество в толпе», «я среди людей, но не с ними». Одиночество детерминирует чувство «инакости», невозможности раскрыться перед другим человеком, это «одиночество в толпе». Конфликт между стремлением к людям и неудовлетворенностью в общении ведет к отрешению от других и самоотрешению. В отличие от экзистенциального одиночества (И. Ялом, Э. Фромм) оно приносит более «земное» страдание, чем переживание «космической отдаленности от мира». Данная модель является гипотетической и требует дальнейшей разработки.

Зотова В. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В современной психологии стоит проблема структуры интегральной индивидуальности и ее компонентов. Существуют различные модели индивидуальности (Мерлин В. С., 2005; Белоус В. В., 2001) В данном исследовании используется модель индивидуальности, которая включает в себя как генетически обусловленные компоненты – темперамент, компоненты с биосоциальной детерминацией – характер, а также формирующиеся в социуме – личность (Беломестнова Н. В., 2003). Считается, что одной из составляющих личности является локус контроля – свойство, характеризующее локализацию причин, которыми субъект объясняет личное поведение и поведение других людей, поня-

тие введено Ю. Ротгером (Большая психологическая энциклопедия, 2007).

Исследуя особенности локуса контроля, можно предположить наличие связи данного явления с различными чертами характера (основываясь на их феноменологии в клинико-психологической типологии [Личко А. Е., 1983]). Так, связь с интернальным локусом контроля (убежденность человека в том, что главные силы, определяющие его жизнь, находятся внутри него самого) может быть присуща шизоидному типу характера. Связь экстернального локуса контроля (убежденность человека в том, что главные силы, определяющие его жизнь, находятся вне его самого) возможна с истероидным типом характера. Проявление интернальности в межличностном общении характерно для человека с гипертимным типом характера, в общении ему свойственно полагаться на себя и самому владеть ситуацией. Таким образом, проблема данного исследования заключается в определении места локуса контроля в структуре индивидуальности – относится ли данное свойство к характерологическому или же к личностному уровню.

Для первого исследования локуса контроля в связи с характерологическими особенностями был взят показатель общей интернальности и интернальности в межличностном общении (Ксенофонтова Е. Г., 1999), а также методика ПДО для выявления типа характера (Личко А. Е., 2010). Экспериментальная выборка – студенты различных факультетов РГПУ им. А. И. Герцена. Общее количество испытуемых – 30 человек, из них 29 девушек (97%) и один юноша (3%). Возраст варьирует от 17 лет до 20 лет, средний возраст – 18,5 лет. По результатам корреляционного анализа была установлена положительная взаимосвязь между шизоидными чертами характера и общей интернальностью $r = 0,55$ ($p \leq 0,05$), а также с интернальностью в межличностном общении $r = 0,60$ ($p \leq 0,05$). Взаимосвязь обнаружена также между гипертимными чертами характера и интернальностью в межличностном общении $r = 0,38$ ($p \leq 0,05$), что и подтверждает ранее высказанные гипотезы. Корреляционный анализ выявил положительную связь между сенситивным типом характера и общей интернальностью $r = 0,39$ ($p \leq 0,05$). Связи с остальными чертами и типами характера не выявлено.

Во второй части исследования испытуемые были разбиты на две группы по показателям общей интернальности (по среднему арифметическому): 24 балла и выше – высокий уровень интернальности; 23 балла и ниже – низкий уровень интернальности (экстернальность). Испытуемые с психастеническими (62,5%), истероидными (64%), и лабильными чертами характера (83%) попали в группу с низким уровнем интернальности; испытуемые с эпилептоидными чертами характера

(57%) попали в группу с высоким уровнем интернальности, испытуемые с остальными чертами характера распределились в обеих группах относительно равномерно. Кроме того по результатам исследования испытуемые были разбиты на две группы по показателям интернальности в межличностном общении (по среднему арифметическому): 8,8 балла и выше – высокий уровень интернальности; 8,7 балла и ниже – низкий уровень интернальности (экстернальность). Испытуемые с психастеническими (71%), истероидными (54,5%), и лабильными чертами характера (66,7%) попали в группу с низким уровнем интернальности; испытуемые с эпилептоидными чертами характера (57%) попали в группу с высоким уровнем интернальности, испытуемые с остальными чертами характера распределились в обеих группах относительно равномерно. Полученные на данной выборке результаты могут свидетельствовать о наличии взаимосвязи локуса контроля и некоторых характерологических типов.

Иванов А. А.

Гришакова Е. М.

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЙ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ СЕНСОМОТОРНЫХ ЗАДАЧ*

На сегодняшний день в когнитивной психологии одно из центральных мест занимает проблема взаимодействия сознания и когнитивного бессознательного. Проанализировав работы современных авторов, мы выявили противоречие, которое заключается в том, что наличие собственного содержания сознания ставится под сомнение, хотя при этом не отрицается возможность переработки той информации, которая перед этим обрабатывалась имплицитно. Одним из возможных вариантов решения данной проблемы может стать принятие теоретического допущения о том, что действия эксплицитных и имплицитных структур при решении когнитивных задач в определенной степени автономны, хотя и согласуются между собой.

Процедура и методы исследования. Целью исследования было изучить особенности когнитивной деятельности в условиях неосознаваемого когнитивного диссонанса. Гипотеза № 1: действия сознания и «когнитивного бессознательного» при решении сенсомоторных задач автономны. Гипотеза № 2: эксплицитные и имплицитные стратегии решения задач качественно отличаются. Для проверки выдвинутых предположений была создана экспериментальная процедура неосознаваемого когнитивного диссонанса, которая моделировала такую ситуацию,

* Исследование проводилось при поддержке гранта РФНФ № 10-06-00469А и РФФИ № 10-06-00169А, руководитель проф. А.Ю. Агафонов.

в которой любое решение, принятое испытуемым, оказывалось неверным. В исследовании приняли участие 34 человека (18 человек в первой группе и 16 во второй). Измерения производились при помощи специальной компьютерной программы. Всего в ходе эксперимента было получено 680 проб. Испытуемому на экране предъявлялись задания, для решения которых он должен был выбрать из четырех геометрических фигур две одинаковые по размеру. В заданиях использовались десять фигур. Всего испытуемый выполнял 20 заданий, из которых десять были установочными, а десять – тестовыми. В установочных заданиях все фигуры были разного размера. Испытуемый должен был отметить по инструкции две из четырех как абсолютно одинаковые и при этом всегда ошибался, т.к. все фигуры различались по размеру. В тестовое задание включались те стимулы, которые испытуемый отметил как равные в установочном, один из стимулов, которые он не выбрал, а второй невыбранный стимул заменялся одним из ранее выбранных. В первой группе все задания предъявлялись на 800 мс, во второй группе – на 50 мс.

Результаты исследования. У испытуемого было три возможности при решении тестовых заданий: сохранить свой неправильный ответ, сменить ответ на новый неправильный и сменить ответ на новый правильный. В первой группе в 37,5% случаев испытуемый сохранил свой неправильный ответ, в 32,5% случаев сменил ответ на новый правильный и в 30% случаев сменил ответ на новый неправильный. Во второй группе в 21,5% случаев испытуемый сохранил свой выбор, в 13% случаев сменил ответ на новый правильный и в 65,5% случаев сменил ответ на новый неправильный. Обработка результатов при помощи χ^2 Пирсона показала, что статистически значимых различий между указанными вариантами выборов в первой группе не обнаружено ($p > 0,05$), однако во второй группе все три категории значимо отличаются друг от друга ($p < 0,01$).

Выводы. 1) Решая задания при дефиците времени осознания (50 мс), испытуемые значимо чаще случайного меняли свой ответ на новый неправильный. Однако чтобы совершить такой выбор, испытуемый должен был неосознанно обнаружить свой прошлый вариант ответа, объективно верный вариант и принять решение о выборе нового неправильного варианта решения. Выбором такого варианта обеспечивается снятие неосознаваемого когнитивного диссонанса между объективно верным и субъективно верным решениями. 2) Повторные выборы в условиях осознаваемого режима предъявления распределились в равной степени по трем возможным вариантам выбора. Это может говорить о том, что сознание, при отсутствии обратной связи, пытается достичь максимальной эффективности посредством равномерного распределения выборов. Таким образом, можно говорить о том, что при различном

времени предъявления стратегии решения различны. В отсутствие возможности осознанной обработки информации сознание не оказывает существенного влияния на деятельность когнитивного бессознательно. Однако при возможности осознания сознательная деятельность протекает относительно автономно.

Ильиных А. Е.

КРЕАТИВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ

В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было введено Ю. Н. Емельяновым. «Сферу возможностей субъектного познания индивида можно назвать его социальным интеллектом, понимая под этим устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов аффективного реагирования и социального опыта, способность понимать самого себя, а также других людей, их взаимоотношения и прогнозировать межличностные события» (Емельянов Ю. Н., 1991). Рассматривая понятия интеллекта и креативности как нетождественные, мы хотим обратить внимание на следующее терминологическое противоречие, причина которого лежит, на наш взгляд, в отсутствии единого мнения относительно структуры и функций интеллекта, вытекающее из кризиса психологических теорий его исследования.

В рамках психологического подхода интеллект, отождествляемый с конвергентным мышлением, и креативность, выступающая синонимом дивергентных способностей, представляют собой две взаимосвязанные, но, тем не менее, различные категории. Однако при их рассмотрении в рамках совершенно иного контекста – контекста социального взаимодействия становится очевидным, что проявления интеллектуальных способностей при выполнении тестовых заданий отнюдь не тождественны интеллекту, раскрывающемуся в рамках межличностного общения. В данной среде понятие интеллекта наполняется принципиально иными функциями, что, на наш взгляд, сближает его с социальной креативностью. Как известно, в заданиях традиционных тестов интеллекта используется ограниченное количество переменных. Более того, тесты сконструированы таким образом, чтобы испытуемый вел поиск решения в узком семантическом поле, следствием чего является наличие единственно верного варианта решения предлагаемой задачи. В отличие от тестов на креативность, в тестах на академический интеллект творчество испытуемого латентно, поскольку оно никак не проявляет себя.

Процесс социального взаимодействия отличается от заданий тестов академического интеллекта, как минимум, по двум аспектам. Во-первых, в данном случае проблемную ситуацию – процесс социального взаимодействия – следует представлять как массив со значительно

большим количеством переменных, находящихся в сложных диалектических взаимоотношениях друг с другом. Во-вторых, наиболее существенным отличием является тот факт, что каждая переменная находится не в статичном состоянии, как в тестах академического интеллекта, а в динамичном, то есть ее значение в каждый момент времени нестабильно, изменчиво. Такое представление социального взаимодействия неизбежно подводит нас к невозможности уверенного прогнозирования развития поведения другого человека, точнее к указанию его наиболее типичных вариантов развертывания. Следовательно, в таком тестовом испытании возможно нахождение сразу нескольких правильных решений, что уже само по себе указывает на проявления скорее креативности, чем интеллекта.

В нашем исследовании были изучены особенности взаимосвязи креативности и социального интеллекта. Используемые методики: ассоциативный тест С. Медника, тест «Круги» Е. Торренса и методика «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда. Выборка ($n = 350$) была разделена на такие подгруппы, как студенты «с высокой/низкой вербальной креативностью» и «с высокой/низкой образной креативностью». Математическая обработка осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Пирсона и коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Было обнаружено, что разные показатели социального интеллекта не имеют прямой связи с вербальной и образной креативностью. Однако, несмотря на это, анализ корреляционных связей внутри подгрупп показал интересные результаты. В группах студентов с высокой вербальной и высокой образной креативностью были обнаружены значимые связи. Чем выше креативность, тем выше показатели социального интеллекта ($R = 0,42$; $p < 0,05$ и $R = 0,31$; $p < 0,05$). Таким образом, можно говорить, что связь социального интеллекта и креативности не является однозначной. Вероятно, лишь при определенном уровне креативности социальный интеллект приобретает значимость для личности в ситуации социального взаимодействия.

Какорин Д. В.

ДВИГАТЕЛЬНАЯ И ЗРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ИЛЛЮЗОРНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ*

Способности человека определять размер посвящено множество исследований в области психологии. Одна из проблем в исследовании восприятия размера – ошибки, которые совершает человек при сопоставлении размеров одинаковых объектов. Попытки сравнить восприятие параметров объектов в различных модальностях предпринима-

* Исследование проведено при поддержке ГК № 14.740.11.0232.

лись в целом ряде экспериментов. Например, изучались особенности движений схватывания элементов конфигураций фигуры Мюллера-Лайера (Milner, Goodale, 1995), исследовались субъективные оценки крутизны (Proffitt, Greem, 1999). Данная работа отличается используемым материалом и способом измерения субъективной оценки размеров предъявленных объектов. Предполагается, что интерпретация размера связана с модальностью, в которой происходит оценка. Цель работы: выявить влияние используемой модальности на величину ошибки при оценке размера иллюзорных фигур.

Метод. Для проведения эксперимента были подобраны три различных иллюзорных рисунка, на каждом из которых присутствуют два идентичных по размеру объекта, кажущихся разными.

Каждый рисунок получил свой уникальный порядковый номер, который определяет очередность предъявления его для испытуемого. Все размеры для интерпретации были равны 60 мм. Для фиксации и измерения размера объекта были сделаны заготовки – равнобедренные треугольники высотой 295 мм и с основанием 120 мм. В ходе эксперимента треугольник устанавливался вертикально, испытуемого просили показать размер видимого им объекта при помощи большого и указательного пальца левой руки движением по треугольнику сверху вниз или снизу вверх (это зависело от пробы). Экспериментатор фиксировал положение пальцев карандашом на треугольнике, когда испытуемый подбирал нужный размер. Такой способ оценки был придуман для того, чтобы снизить вероятность запоминания и фиксации испытуемым положения пальцев от пробы к пробе.

19 человек согласились добровольно участвовать в эксперименте. Испытуемому предъявляли рисунки с иллюзиями. Экспериментатор просил сосредоточиться на зрительном восприятии объектов. Оценка размера испытуемый начинал с объекта, который казался ему больше. В первой серии все рисунки испытуемый оценивал, не видя своих пальцев и треугольника. Во второй серии испытуемого просили смотреть на свои пальцы и треугольник. При каждом предъявлении рисунка используется новый треугольник. Испытуемый не должен видеть отметки экспериментатора на треугольнике, чтобы не иметь возможности коррекции.

Результаты. В ходе эксперимента мы получили визуальную и двигательную оценку размеров трех объектов, причем каждое измерение делалось дважды (от вершины треугольника к основанию и от основания к вершине). Вычислялось среднее арифметическое размера для каждого объекта и разность полученных размеров. Использовали критерий Вилкоксона для сопоставления результатов, полученных в двух разных условиях (визуальная и кинестетическая интерпретация) на од-

ной и той же выборке испытуемых. Таким образом, мы определили, что на уровне $\alpha = 0,05$ сдвиг носит неслучайный характер, т. е. нулевая гипотеза отклоняется. Величина $p = 0,01$. Эксперимент показал, что интерпретация размера зависит от модальности, в которой производится оценка. В целом, результаты соответствуют ранее проведенным аналогичным экспериментам, описанным выше. И все-таки, остается неясным механизм, благодаря которому происходят такие изменения в оценке размеров. Одно из возможных объяснений приводит Б. М. Величковский (2006). Оно заключается в том, что «восприятие для действия» не имеет собственной памяти и в случае прерывания вынуждено опираться на данные имеющего доступ к памяти «восприятия для познания», как следствие – моторная оценка в момент зрительного восприятия точнее и менее подвержена иллюзии, нежели такая же оценка без возможности одновременно рассматривать стимул. С другой стороны, зрительная модальность может служить дополнительным способом контроля правильности собственных действий.

Вероятно, что при необходимости давать отчет, не видя собственную руку, испытуемый имеет меньше возможностей контролировать свою оценку размера. Происходит снижение сознательного контроля, что в свою очередь ведет к правильному решению задачи. Похожей интерпретации результатов при решении других когнитивных задач придерживается Н. В. Морощкина (2006). Само по себе такое объяснение влечет за собой необходимость дополнительной проверки.

Карасаева А. М.

ВЛИЯНИЕ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК НА ВОСПРИЯТИЕ ИКОНИЧЕСКИХ И РЕЧЕВЫХ СТИМУЛОВ

В данной работе рассматривается осознанное восприятие иконических и речевых стимулов. Представлены результаты исследования, проведенного в рамках изучения смысловой обусловленности восприятия иконических и речевых стимулов у подростков 14–16 лет. Значение установок в развитии человека как личности показывают многие российские авторы: А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев, Д. Н. Узнадзе и др. В частности, определено, что смысловая установка отвечает за избирательность восприятия. Многие исследователи отмечают близость идеи Д. Н. Узнадзе об установке и идеи А. Н. Леонтьева о личностном смысле. Это приводит к предположению, что понятия «общая первичная установка человека как личности» и «личностный смысл» описывают различные стороны одного и того же процесса, какого-то общего механизма регуляции деятельности человека. Использование этого механизма – одна из важных задач современной практической психологии. Цель исследования заключалась в выявлении общих закономерностей

стей и гендерных особенностей влияния смысловых установок на восприятие иконических и речевых стимулов у подростков 14–16 лет. В эмпирическом исследовании участвовали 92 подростка, обучающихся в 9-х классах, в возрасте от 14 до 16 лет. В нем использовались следующие методики:

1) опросник «Смысловые базовые установки» (СБУ) (адаптация А. Д. Ишковым и Н. Г. Милорадовой опросника «Шкала дисфункциональности» Д. Бернса);

2) методика «Ценностные ориентации» (О. И. Мотков, Т. А. Огнева);

3) методика исследования системы жизненных смыслов (В. Ю. Котлякова);

4) ассоциативный тест;

5) методика сопоставления и оценки иконических стимулов.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. Несмотря на внимание к смысловым установкам в отечественной и зарубежной психологии, до сих пор малоопределенными остаются онтогенез смысловых установок и их связи с другими компонентами смысловой сферы личности. Открытым остается и вопрос о месте смысловых установок в общей системе регуляции поведения. Обнаружены также терминологическая неопределенность, затрудняющая анализ смысловых установок, и дефицит подходящего психодиагностического инструментария.

2. Выделены четыре общие характеристики смысловых установок:

1) Они выражают личностный смысл – в виде готовности к определенным образом направленной деятельности – и стабилизируют процесс деятельности в целом.

2) Они могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми.

3) Сдвиг смысловых установок всегда опосредствован изменением в деятельности самого человека.

4) Смысловые установки выступают в роли фильтра по отношению к объективным целевым и операциональным установкам.

3. Речевые и иконические стимулы помогают раскрыть наличные личностные смысловые установки. Но сами по себе такие стимулы не могут вызвать существенный сдвиг смысловых установок; для этого требуется сменить форму деятельности.

4. На фоне смысловых установок прошлые впечатления, события и собственные действия человека не выступают для него как покоящиеся пласты прошлого опыта. Все они становятся предметом его отношений и его действий и вносят свой вклад в развитие личности.

5. Особенность функционирования смысловых установок в подростковом возрасте (14–16 лет) – это повышенная ответственность

за других и требовательность к себе. Подростки стремятся к безупречности, переживают, что не смогут достичь хороших результатов. При этом у них еще не сформирован индивидуальный образ, к которому они стремятся.

6. Большинство смысловых установок у мальчиков и девочек совпадает, но девочки более требовательны к себе и более ответственны за свои намерения и поступки. Альтруистические жизненные смыслы больше выражены у мальчиков, а гедонистические жизненные смыслы выражены в большей степени у девочек.

7. Также различно у мальчиков и девочек восприятие иконических стимулов абстрактного содержания. Мальчики склонны оценивать их позитивно, а девочки – негативно.

Каримова А. Р.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ К ПСИХИЧЕСКОМУ ВЫГОРАНИЮ

В последние годы в психологии особое внимание уделяется исследованию феномена психического (эмоционального) выгорания. Так, из всех материалов, опубликованных в сборнике Первой Всероссийской конференции «Психология психических состояний: теория и практика» (2008), около 10% – это работы, посвященные изучению этого синдрома. К настоящему времени описаны симптомы выгорания, механизм, стадии и факторы его развития. Выделен комплекс различных характеристик личности, включенность которых в процесс профессиональной деятельности может привести к выгоранию, – так называемые личностные детерминанты выгорания.

В нашем исследовании (Каримова А. Р., 2003) были обобщены личностные факторы выгорания и показано, что наиболее тесную взаимосвязь показатели синдрома выгорания имеют с качествами, входящими в коммуникативный блок личности (социально-психологической интолерантностью, злонамеренностью, агрессивностью, низкой эмпатийностью). По-видимому, в числе коммуникативных качеств личности может рассматриваться также и эмоциональный интеллект, поскольку он трактуется как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими (Андреева И. Н., 2009; Давыдова Ю. В., 2011; Люсин Д. В., 2006 и др.). В связи с тем, что деятельность в профессиональной сфере «человек–человек» связана с необходимостью распознавать и интерпретировать эмоциональные состояния других людей, логично предположить, что учителя, характеризующиеся высокими показателями эмоционального интеллекта, должны обладать лучшими показателями профессионализма, в том числе устойчивостью к психическому выгоранию, нежели лица с низкими его значениями.

Эмпирическую базу исследования составили данные диагностики 128 учителей средних школ Республики Татарстан – мужчин и женщин в возрасте 31–39 лет. Диагностика эмоционального выгорания (ЭВ) осуществлялась с помощью методики В. В.Бойко. Анализировалась выраженность двенадцати симптомов, объединенных в три фазы выгорания. Сформированность эмоционального интеллекта (ЭИ) определялась по результатам опросника Д. В.Люсина, выраженность ЭИ оценивалась по пяти показателям. Из общей массы обследованных лиц были выделены две сравниваемые группы: одну составили 40 человек с низкими значениями выгорания (18 мужчин и 22 женщины), другую – 37 человек с высокими его значениями (17 мужчин и 20 женщин). Учитывались данные сравнения количественных значений исследуемых показателей (с применением t-критерия Стьюдента), а также результаты корреляционного и дивергентного анализов.

В ходе исследования подтвердились ранее полученные нами результаты, говорящие о половых различиях в показателях эмоционального выгорания: женщины более склонны к выгоранию, чем мужчины. Практически по каждому из двенадцати симптомов выгорания женщины набирают большее количество баллов ($p \leq 0,01$), кроме показателя неудовлетворенности собой, который выше у мужчин ($p \leq 0,05$). Мужчинам более свойственно испытывать недовольство собой, своей профессией, занимаемой должностью и конкретными обязанностями. По общему показателю эмоционального интеллекта достоверных половых различий не выявлено. Однако мужская и женская выборки заметно различаются структурой показателей: в структуре женской выборки показатели ЭВ и ЭИ более тесно связаны между собой, и индекс интегрированности (ИИ) структуры (0,31) значительно выше соответствующего индекса мужской структуры (0,16), что может свидетельствовать о большем влиянии эмоционального интеллекта на синдром психического выгорания у женщин.

Данные дивергентного анализа, позволившего осуществить попарное сравнение корреляционных матриц выборок с высокими и низкими значениями выгорания, убедительно свидетельствуют в пользу высказанного предположения: действительно, в структурах «выгоревших» мужчин и женщин обнаруживается значительно меньшее количество взаимосвязей между отдельными показателями ЭВ и ЭИ (ИИ = 0,11) по сравнению с подобной структурой выборки учителей, устойчивых к выгоранию (ИИ = 0,47). Коэффициент взаимосвязи между их суммарными показателями также ниже в выборке «выгоревших» лиц ($r = 0,04$ к $r = 0,48$, $T_f = -2,398$ при $p \leq 0,05$). Полученные результаты позволяют отнести эмоциональный интеллект к числу основных личностных детерминант устойчивости к эмоциональному выгоранию учителей.

Ковалева Ю. В.

ИНТЕЛЛЕКТ И КРЕАТИВНОСТЬ КАК ИНДИКАТОРЫ ОДАРЕННОСТИ

В последние десятилетия интерес к вопросам одаренности и творчества достиг государственного уровня, поскольку произошедшие в науке изменения поставили все сферы жизни и общественного производства в прямую зависимость от достижений науки. Проблема изучения одаренности, выявления одаренных индивидов и развития их потенциала выходит на передний план. Традиционно одаренность связывается с понятием способностей личности и общей умственной способности или интеллекта. После выхода в свет многофакторной теории Дж. Гилфорда, выделившего категории конвергентного и дивергентного мышления и креативности как синонима последнего встал вопрос о соотношении интеллекта и креативности и свидетельстве их об одаренности.

Существует, по крайней мере, три позиции ученых о соотношении интеллекта и креативности. Первая точка зрения предполагает, что как таковых творческих способностей нет, а интеллект выступает в качестве необходимого, но недостаточного условия творческой активности личности. Главную роль в детерминации творческого поведения играет мотивация, ценности, личностные черты. Так, Д. Б. Богоявленская (2002), придерживаясь данной точки зрения, предлагает свой подход к пониманию одаренности и вводит новое понятие – «интеллектуальная активность», понимая ее «как продолжение мыслительной деятельности за пределами ситуативной заданности». Общие умственные способности составляют фундамент интеллектуальной активности, определяя широту и глубину познавательного интереса, но проявляются в ней опосредованно, преломляясь через всю структуру личности. Вторая точка зрения состоит в том, что высокий уровень интеллекта предполагает высокий уровень творческих способностей и наоборот. Творческого процесса как специфической формы психической активности нет. Данная точка зрения представляется наименее достоверной большинству ученых, занимающихся разработкой этой проблемы. Третья точка зрения состоит в представлении о креативности (творческой способности) как самостоятельном факторе независимом от интеллекта.

Несколько отличается концепция «интеллектуального порога» Е. Торранса: если IQ ниже 115–120, интеллект и креативность образуют единый фактор, при IQ выше 120 творческая способность становится независимой величиной. Дж. С. Рензулли отмечает, что «одаренного человека отражает взаимодействие между тремя основными группами человеческих качеств», среди них: общие способности выше среднего, высокий уровень включенности в задачу и высокий уровень креативно-

сти. По мнению Рензулли, одаренные люди обладают системой таких качеств и способны приложить ее к любой области человеческой деятельности (Renzulli, J. S., 1986, 1997).

К.А. Хеллер, под руководством которого проводилось одно из крупнейших исследований одаренности (Мюнхенский лонгитюд) отмечает диагностические значимые личностные параметры, отличающие высокоодаренных индивидов:

- высокие интеллектуальные способности;
- выдающиеся креативные способности;
- способность к более быстрому усвоению и выдающаяся память;
- интеллектуальное любопытство и стремление к знаниям;
- интернальный локус контроля и высокая личная ответственность;
- убежденность в собственной эффективности и самостоятельность суждений;
- позитивная академическая Я-концепция, связанная с адекватной самооценкой. (Хеллер К. А., 1997).

Отечественными учеными Е. И. Щеплановой и И. С. Авериной проводилось лонгитюдное исследование одаренности московских школьников. Среди основных оцениваемых параметров были: школьная успеваемость, показатель интеллектуальных способностей; показатель креативности, мотивация учебных достижений и др. Проведенное исследование продемонстрировало высокую корреляцию тестовых показателей интеллекта и школьной успеваемости. Оценка креативности школьников подтвердила, что у интеллектуально одаренных во всех возрастах показатели креативности были выше. Кроме того, полученные данные продемонстрировали различия между одаренными и обычными учащимися по показателям мотивации учебных достижений: у одаренных были выше показатели надежды на успех и ниже – страха перед неудачей, чем в контрольной группе (Щепланова Е. И., 1994, 1997).

Следовательно, опираясь на конкретные экспериментальные данные как зарубежных, так и отечественных ученых, мы можем выделить три основные группы качеств, наличие которых у индивида может свидетельствовать об одаренности. Среди них: высокие интеллектуальные способности, высокий уровень креативности и высокий уровень включенности в задачу (мотивация достижений).

Козлов Д. Д.

Голованова А. С.

**ПСЕВДОВОЛЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ УПОРСТВА**

Понимание волевого поведения как противоположного полевому было впервые предложено еще в работах Курта Левина (Левин, 2000). Совершение волевого действия предполагает способность ставить и достигать цели, исходя из внутренних побуждений в противовес ситуативным влияниям, способность «встать над ситуацией». Также предполагается, что совершение волевого действия предполагает наличие и реализацию волевых качеств (Ильин, 2009). Полевое поведение, наоборот, в большей степени детерминировано особенностями актуальной ситуации. В нашем эксперименте 38 студентам Самарского государственного университета было предложено последовательно решить 5 анаграмм, одна из которых была нерешаемой. При этом специально оговаривалось, что студенты в любой момент могут перейти к решению следующей анаграммы, независимо от того, решили они предыдущую задачу или нет; условие обязательного решения всех анаграмм отсутствовало. Время на выполнение задания не ограничивалось. Таким образом, проявление упорства при решении задач, которое выражается в большем количестве времени, затраченном на попытки решения нерешенных анаграмм в сравнении со средним временем, затраченным на успешные попытки решения, не является обязательным и предполагает волевое усилие. Для диагностики личностных качеств как детерминант волевого действия была использована методика ВОЛ А. А. Хохлова.

Кроме того был использован комплекс методик на выявление особенностей саморегуляции в соответствии с социально-когнитивной теорией саморегуляции Е. Т. Хиггинса (см. обзор в: Капрара, Сервон, 2003). Согласно Хиггинсу, на процесс саморегуляции влияют особенности «Я-расхождений» (self-discrepancy) в структуре «Я-концепции» (Higgins, 1987), регуляторный фокус (regulatory focus) (Higgins, 1997) и регуляторный режим (regulatory mode) (Higgins et al., 2003). Регуляторный фокус содействия предполагает максимизацию целей и мобилизацию усилий для их достижения (Shah, Higgins, 1997), связан с расхождениями представлений о реальном и идеальном «Я» (Higgins et al., 1997) и соответствует режиму «действия» (Kruglanski et al., 2000). Фокус предотвращения, наоборот, предполагает чувствительность к наличию или отсутствию избегаемых результатов и состояний и связан с расхождениями между реальным и должным и фокусом «оценивания» (Ibid).

В наших исследованиях показано, что фокус содействия тесно связан с центральными волевыми качествами и может рассматриваться

как ядро волевых свойств личности, в то время как фокус предотвращения не связан с волевой саморегуляцией (Голованова, 2011). Для диагностики «Я-расхождений» была использована идиографическая процедура, предложенная Е. Е. Хардиным на основании работ Хиггинса (Hardin & Lakin, 2009). Выраженность фокусов саморегуляции и режимов саморегуляции определялись при помощи предложенных Хиггинсом опросников RFQ (Higgins et al., 2001) и RFM (Kruglanski et al., 2000). Валидизация опросников проводилась в ходе корреляционного и экспериментального исследования (Голованова, Козлов, 2011). Регрессионный анализ подтвердил структурные взаимосвязи в системе саморегуляции согласно концепции Хиггинса. Однако степень упорства, проявленного испытуемыми в ходе эксперимента, оказалась связанной лишь с расхождением между реальным и должным «Я» и режимом оценивания (и, косвенно, с фокусом предотвращения, опосредующим взаимосвязь между ними). Остальные возможные детерминанты, включая фокус содействия, режим действия и все(!) волевые качества, были исключены из модели в ходе иерархического регрессионного анализа. Итоговая модель имеет хорошие статистические показатели ($R = 0,47$; $F(32,1) = 8,94$; $p < 0,01$; все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,01$).

Таким образом, в нашем исследовании проявление упорства оказалось не связанным с действительными особенностями волевой сферы. Более того, содержательный анализ теории Хиггинса позволяет сделать вывод, что саморегуляция, связанная с фокусом предотвращения и режимом оценивания, в большей степени характеризует нормативное влияние психологической (субъективной) ситуации, нежели волевых характеристик, и представляет собой скорее полевое, нежели волевое поведение. Тем самым наши результаты поддерживают социально-когнитивную идею о том, что реальные детерминанты человеческого поведения связаны не столько с диспозиционными индивидуально-типологическими особенностями, сколько с конкретными когнитивными процессами переработки социальной информации о себе и окружающем мире (Mischel, 1968; Росс, Нисбетт, 2000; Mischel, Shoda, 1995; 2008).

Козлов Д. Д.

ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ «Я» ЛИЧНОСТИ

В зарубежных работах социально-когнитивного направления «Я» (self-system) рассматривается как когнитивно-аффективная система переработки информации (cognitive-affective processing system), имеющая иерархическую структуру, в которую в качестве элементов входят: (личностные) конструкторы, эмоциональные процессы, целевые ожида-

ния, характеристики ценностной сферы и стратегии саморегуляции (Mischel, Morf, 2003; Mischel, Shoda, 1995; 2008). При этом соотношения выделенных элементов, их структурно-функциональная взаимосвязь остаются непроясненными. Согласно нашей модели, элементом анализа при рассмотрении «Я» как подструктуры личности является конструкт – субъективное представление о личностно-значимой характеристике, в то время как остальные когнитивно-аффективные характеристики «Я» являются производными от них.

Эмпирическая проверка предлагаемой модели проводилась на результатах эксперимента, в котором испытуемые в течение длительного (до 100 дней) времени последовательно заполняли бланки самоотчетов, сочетающие в себе методы субъективного шкалирования, множественной идентификации и проективной методики незаконченных предложений. Актуализация конструкта и его доступность для осознания связана не только с оценкой наличия тех или иных характеристик, но и актуализацией личностных стандартов – представлений об идеальном или должном «Я» для данного конструкта, при этом возникающие «Я-расхождения» являются значимыми детерминантами эмоционального состояния (Higgins, 1987). Согласно концепции личностной архитектуры знания-и-оценки Д. Серовона, эмоциональное отношение к себе также является результатом соотношения актуального знания с личными стандартами (Sergovne, 2004).

В отечественной психологии подобное личностно-значимое отношение раскрывается через категорию «личный смысл» (Леонтьев Д. А., 1997; Петровский В. А., 2008). Система конструктов является неоднородной: множество конструктов каждого испытуемого можно дифференцировать на характеристики устойчивых состояний (личностных черт) и актуальных (эмоциональных) состояний ($F(1; 1236) = 21,17; p < 0,001$), несмотря на существенные межиндивидуальные различия в дисперсии оценок «Я-реального» между испытуемыми ($F(17; 1236) = 13,22; p < 0,001$). Однако стандарты идеального являются устойчивыми для обеих категорий конструктов и могут рассматриваться как константы (во всех результатах факторного дисперсионного анализа $p > 0,2$). Наши результаты показывают, что расхождение между стандартами реального и должного сильно коррелирует с самооценкой эмоционального состояния (средний коэффициент корреляции для всех испытуемых равен 0,63; во всех случаях $p < 0,001$). Тем не менее, такое разделение имеет свой эмпирический смысл: если доступность конструктов, характеризующих эмоциональное состояние, остается примерно одинаковой на всем протяжении эксперимента (критерий χ^2 не выявляет значимых различий в частоте актуализации в разные периоды экспери-

мента), то для конструктов, характеризующих устойчивые черты, частота их актуализации меняется в разное время.

Построенные нами регрессионные модели позволяют утверждать, что эмоциональная динамика, связанная с доступностью соответствующих конструктов, опосредует содержательные изменения в «Я-концепции», связанные с изменением доступности конструктов, характеризующих личностные черты. Если при рассмотрении изменений в «Я-концепции» непосредственно от каждого дня к последующему динамика выглядит хаотичной вследствие изменчивости эмоционального состояния, то с увеличением «масштаба времени» – при переходе к рассмотрению динамики от нескольких дней в целом к нескольким последующим, от недели к неделе, от декады к декаде и использовании скользящего среднего – динамика приобретает все более организованный и целенаправленный характер (Козлов, 2010). Это позволяет дать качественную характеристику процессам внутриличностной динамики на протяжении длительного периода времени и предложить системный вариант решения парадокса личностной согласованности (Капрара, Сервон, 2003). Более того, детальный анализ структуры и динамики «Я», частично отраженный в настоящей работе, позволяет предложить нейросетевую модель структуры «Я». Перспективность подобных моделей уже была продемонстрирована для понимания личностных детерминант конкретных форм поведения (Mischel, Shoda, 1998). В настоящее время нами проводится эксперимент по эмпирической проверке предложенных нами рекуррентных нейросетевых моделей организации «Я» (Козлов, 2011).

Крылова Д. А.

СТРУКТУРА СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ

В тезисах представлены результаты исследования семейного совладающего поведения в разных типах семей: воспитывающих детей-инвалидов и с условно здоровыми детьми, а также с различным уровнем адаптации/сплоченности. Такое сравнение позволяет изучить особенности и структуру совладающего поведения семьи в целом, находящейся в ситуации хронического стресса и сталкивающейся с эпизодическими стрессорами. В исследовании приняла участия 21 семья: 11 семей с детьми-инвалидами и 10 семей с условно здоровыми детьми. Были использованы следующие методики: «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (Д. Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави), «Тест смысложизненных ориентаций» (Д. А. Леонтьева) и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т. А. Крюковой).

Обработка данных проводилась в несколько этапов:

1. Были выявлены ведущие копинг-стратегии у членов разных типов семей. В семьях с условно здоровыми детьми преобладают такие стратегии, как поведение, направленное на решение задачи (члены семьи значительно реже уходят от проблем, предпочитая отнестись к возникшей трудной ситуации как к задаче и сосредоточиться на ее решении), эмоциональное реагирование на происходящую жизненную ситуацию (помогает членам семьи уберечь свою психику от неблагоприятного воздействия стресса, поскольку продуктивной составляющей данного стиля выступает возможность эмоциональной разрядки) или ее избегание (члены семьи стараются разными способами обойти или избежать необходимости предпринятия действий). В семьях с детьми-инвалидами основными стратегиями поведения являлись отвлечение (стремление получить удовольствие от вещей, не имеющих отношение к конкретной ситуации: приятные покупки, любимая еда, чтение книг, просмотр телевизора, прогулки по любимым местам; стремление побыть в одиночестве, отдалиться от тревожащей ситуации) и социальное отвлечение (стремление находиться в группе людей, выговориться, поделиться своими переживаниями с близкими людьми, обращение к профессиональной помощи). Мы полагаем, что такая разница в стратегиях поведения обусловлена тем, что условно благополучные члены семьи справляются с трудностями легче за счет друг друга в качестве главного ресурса, а семьи с детьми-инвалидами в силу безвыходности их ситуаций ищут отвлечение и поддержку вовне.

2. Были изучены копинг-стратегии в зависимости от уровня адаптации и сплоченности семьи. Различий не было выявлено. Возможно, данный результат свидетельствует о том, что сам по себе уровень адаптации и сплоченности является показателем способности преодолевать трудные жизненные ситуации и не влияет на показатели копинг-стратегий.

3. Был проведен анализ структуры совладающего поведения в каждой конкретной семье, выявлены ведущие стратегии для каждой конкретной семьи и разница в выборе стратегии между членами семьи. На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

– выбор копинг-стратегий в семьях разных типов различается по направленности: в семьях условно здоровых совладающее поведение направлено на решение задачи, либо эмоциональное реагирование, либо избегание решения проблемы в рамках семьи, в семьях же с детьми-инвалидами копинг связан с отвлечением либо социальным отвлечением вне семейного круга, предположительно из-за отсутствия возможности самостоятельного выхода из ситуации;

– выбор копинг-стратегий зависит от уровня адаптации и сплоченности семьи, предположительно высокий уровень семейной сплоченности и адаптации является фактором, способствующим росту стрессоустойчивости семьи в целом и каждого ее члена;

– на анализе каждой конкретной семьи было выявлено сходство и различие в выборе копинг-стратегий между всеми членами семьи. К сожалению, малый объем тезисов не позволяет рассмотреть подробно структуру совладающего поведения в каждой семье.

Кувалдина М. Б.

РЕЛЕВАНТНОСТЬ СТИМУЛА ПРИ ИНДУКЦИИ СЛЕПОТЫ ПО НЕВНИМАНИЮ*

Слепота по невниманию (СН) проявляется в неспособности испытуемого заметить ясно различимый объект-дистрактор в центральной части поля зрения, если его внимание занято анализом иного целевого объекта, предъявленного одновременно с данным (Фаликман, 2006). Одним из главных факторов, возможно препятствующих осознанию объекта-дистрактора в задаче СН, является то, что он не соответствует основной задаче в деятельности испытуемого (Folk, Remington & Johnston, 1992). В данном эксперименте проверялась гипотеза о сохранении СН при условии включения иррелевантного стимула в класс целевых. Концепция негативного выбора (Аллахвердов, 2000; 2009) предполагает, что мы можем совершать ошибки пропуска объекта, даже если осознанно решаем задачу по его обработке и опознанию. Негативный выбор скорее зависит от принятия решения об осознании, признаков определяющих фигуру, и неосознанном игнорировании признаков объектов, являющихся фоном. В ориентировочной пробе предъявлялся ряд движущихся целевых и фоновых фигур; последние отличались от целевых только признаком цвета. В экспериментальной пробе вводился ключевой стимул-дистрактор, который был идентичен целевым фигурам по цвету, траектории движения, факту соударений с краями окна программы, но отличался от них признаком формы. Следуя инструкции в экспериментальной пробе (считать количество ударов светлых форм), испытуемый должен был бы заметить появление нового объекта, так как он входит в задачу. Если СН является следствием работы механизма негативного выбора, то факт соответствия цели не повлияет на распределение опознавших и не опознавших стимул-дистрактор.

В целом, гипотеза подтвердилась. Процент не заметивших дистрактор (светлый крест, появившийся через две секунды после начала ролика) составляет 53%, что отличается на статистически незначимом

*Исследование поддержано грантом РФФИ 10-06-00482а.

уровне от других показателей СН, полученных в условиях отличия дистрактора от целевых объектов по форме, цвету, траектории движения и т. д. (критерий хи-квадрат = 2,76, $p > 0,1$). Эти показатели составляют от 59 до 68%.

Наибольший интерес представляла неосознаваемая реакция испытуемого на появление нового релевантного стимула. Эта реакция может быть зафиксирована по величине ошибки в выполняемом задании (подсчете количества ударов светлых фигур о края окна программы). Мы получили статистически значимое отличие в выполнении основного задания между группами заметивших и не заметивших ключевой стимул (критерий U Манна-Уитни, $p\text{-level} < 0,05$). Испытуемые, не заметившие ключевой стимул, ошибаются на большую величину при подсчете ударов (2,67 и 1,93). Если бы испытуемый вследствие возможных ресурсных или иных ограничений не увидел дистрактор, разница в величине ошибки была бы незначима в обеих группах. Прямо противоположный результат указывает на неосознаваемую переработку ключевого объекта. Большая величина ошибки в группе не заметивших появление нового релевантного стимула свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие осознанной репрезентации этого объекта, испытуемые его отмечали и стремились восполнить пробел в осознаваемом подсчете, приписывая большие значения количеству ударов. Получившиеся результаты не похожи на классическое проявление установки, где для формирования плана установки требуется достаточно большое количество проб (Узнадзе, 1966). Здесь же определенные ожидания сформировались уже после единственной ориентировочной пробы. Подобный вариант развития событий возможен при одновременном принятии решения об осознании/неосознании. Представляется, что в ориентировочной пробе у испытуемого сложился образ того, как должен выглядеть целевой стимул. При этом все признаки этого стимула (цвет, форма, траектория) слились в единое представление о том, что стоит осознать для того, чтобы выполнить задачу эффективно (позитивный выбор).

В экспериментальной пробе возникла проблема несоответствия (противоречия) позитивно выбранных объектов – фигур и еще одной, частично не совпадающей с уже выделенными признаками. Как уже было показано на материале других экспериментов (Кувалдина, Говорин, 2009), противоречие между представлением о задаче и не входящим в это представление стимулом устраняется путем исключения этого стимула из зоны осознания. Так, по нашему представлению, возникает феномен СН. Проверка данной интерпретации позволит диагностировать возможность проявления СН в той или иной ситуации.

Куделькина Н. С.

Иванов А. А.

КОГДА МАСКА СТАНОВИТСЯ ПРАЙМОМ?*

В настоящем исследовании мы ставим вопрос о том, существуют ли взаимовлияния семантического содержания неосознаваемого прайма и осознаваемой «маски», следующей за праймом. Возможно ли, что нейтральная маска начинает оказывать активное влияние на решение задач? Если на неосознаваемом уровне человек работает с серией информации, то, вероятно, такого рода взаимовлияния могут иметь место.

Процедура и методы исследования. В эксперименте участвовало 30 человек, которые решали серию из 40 анаграмм. Анаграммы «кодируют» слова, состоящие из пяти букв. Анаграмма появлялась на экране монитора и оставалась до момента ее решения. Как только испытуемый находил слово-решение анаграммы, он нажимал на клавишу. Фиксировалось время реакции в мс. За 500 мс до появления анаграммы испытуемому предъявлялся неосознаваемый прайм-стимул. Прайм представлял собой слово, состоящее из пяти букв, и либо соответствовал (валидный прайм), либо не соответствовал (невалидный прайм) слову-отгадке анаграммы. Валидный прайм непосредственно являлся словом-отгадкой. В случае несоответствия слова-прайма были подобраны так, чтобы они не имели семантического и лексического сходства с решением анаграммы. В отдельных процедурах эксперимента использовался бессмысленный прайм-стимул. Время предъявления прайма составляло 25 мс. Сразу после его предъявления следовала «маска» в виде хаотически расположенных линий. Время предъявления маски составляло 50 мс. Маски были двух цветов: коричневого и синего. Стимульный материал предъявлялся визуально на мониторе.

План эксперимента. Установочная серия состояла из 20 задач. Все валидные праймы этой серии сопровождалась масками синего цвета, а все невалидные – масками коричневого цвета. Валидные и невалидные праймы чередовались в произвольном порядке. Затем, начиная с 20-ой задачи, мы «убрали» из масок праймы, и испытуемый получал перед задачей «пустую» маску двух возможных цветов: или коричневую, или синюю в произвольном порядке. Так как условия предъявления праймов в установочной части эксперимента исключали возможность их осознания, то испытуемые не замечали разницы в экспериментальных условиях в первой и второй части эксперимента – для них задачи продолжали сопровождаться масками разных цветов.

* Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ № 10-06-00469А и РФФИ № 10-06-00169А, руководитель проф. А. Ю. Агафонов.

Результаты эксперимента. Время решения задач сопровождающихся «пустыми масками» коричневого цвета (ранее в установочной серии «в маске» коричневого были невалидные праймы) достоверно отличается от времени решения задач, сопровождающихся масками синего цвета (в этих масках в установочной серии были валидные праймы). «Пустые» маски коричневого цвета в контрольной части эксперимента стали оказывать негативный прайминг-эффект на решение следующей за ними задачи (замедляли решение задач), в то время как синие маски, наоборот, улучшали решение последующих задач. Цвета, используемые в масках, сами по себе не обладают статистически достоверным эффектом фасилитации при решении задач. Испытуемые контрольной группы решали те же 40 задач, которые с самого начала сопровождалась «пустыми» масками двух цветов (коричневый и синий). При таких условиях мы не обнаружили статистически достоверных различий во времени решения в зависимости от цвета «пустой» маски.

Обсуждение результатов эксперимента. «Прайм в маске» становится для испытуемого двойным стимулом, одна часть которого является неосознаваемой (прайм), другая – осознаваемой (маска). Изначально семантическое содержание имела только неосознаваемая часть двойного стимула, а именно слово-прайм, в то время как его осознаваемая часть – цветная маска – была лишена «значения» для испытуемого и сама по себе не оказывала какого-либо влияния на эффективность решения последующих задач. Но в результате установочной серии, состоящей из 20 предъявлений (в ходе которой маска коричневого цвета всегда скрывала в себе невалидный прайм, а маска синего цвета – валидный), значение неосознаваемой части стимула постепенно «смещается» на ее осознаваемую часть, и маска сама по себе становится активно работающим праймом. Этот результат указывает на способность человека к классификации неосознаваемых воздействий на валидные и невалидные и к «улавливанию» связи характера маски (цвет) и ее содержания (валидность – невалидность прайма).

Линкевич К. В.

ВЛИЯНИЕ НЕОСОЗНАВАЕМОЙ СТРУКТУРЫ МАТЕРИАЛА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЕГО ЗАУЧИВАНИЯ*

Множество психологических экспериментов на данный момент подтверждают гипотезу о существовании неосознаваемой переработки информации. К ним относятся исследования, направленные на изучение таких феноменов, как прайминг-эффекты, имплицитное научение, им-

* Исследование поддержано ФЦП Госконтракт № «2010-1.1-305-126-038».

плицитная память и др. Иногда их объединяют под общим названием «когнитивное бессознательное» (Kihlstrom, 2002, Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В., 2008). В связи с этим возникает вопрос о влиянии результатов неосознаваемой переработки информации на сознательную когнитивную деятельность. С точки зрения концепции В. М. Аллахвердова (1993, 2000), важным является тот факт, что в каждый момент времени человеком осознается лишь одно из значений предъявляемой информации, а все остальные значения игнорируются, т. е. не осознаются. Выполнение задачи игнорирования приводит к эффекту психической интерференции (Аллахвердов В. М., 1993). Это значит, что сознательный контроль над игнорированием всех других смыслов информации, помимо осознаваемого в данный момент, приводит к ошибкам в работе с ней (Агафонов А. Ю., 2007). В экспериментальном исследовании В. А. Гершкович (2009) было показано, что осознанная реконструкция привычной структуры информации, противоречащей предъявленной, снижает эффективность заучивания информации. Было проведено исследование, направленное на проверку гипотезы о том, что противоречие между предъявленной структурой материала и неосознанно реконструируемой будет приводить к эффекту мнемической интерференции на стадии его припоминания.

Для целей исследования были подобраны легко решаемые анаграммы, предъявляемые в линейном виде. Была выдвинута следующая экспериментальная гипотеза: в процессе запоминания анаграммы (т. е. наборы букв, содержащие неосознаваемую структуру) будут реконструироваться в слова, что приведет к снижению эффективности их заучивания по сравнению с запоминанием бессмысленных наборов букв (псевдоанаграмм). Для проверки этого предположения было проведено пилотажное исследование, в котором приняло участие 29 человек в возрасте от 15 до 22 лет. В первой части исследования 14 испытуемым предъявлялись на экране компьютера в случайном порядке 6 анаграмм (набор из трех согласных и двух гласных букв русского алфавита) и 4 псевдоанаграммы (бессмысленный набор из пяти букв русского алфавита). После этапа предъявления стимулов испытуемым предлагалось воспроизвести все запомненные сочетания букв (с учетом порядка букв в них входящих). Процедура повторялась 10 раз.

В результате обработки полученных результатов оказалось, что испытуемые пытаются воспроизвести анаграммы значительно чаще, чем псевдоанаграммы ($p < 0,05$). При этом испытуемые, по их субъективному отчету, не заметили среди стимулов анаграммы.

Во второй части исследования участие приняли 15 человек. В плане исследования было два изменения:

1) стимулами были 5 анаграмм и 5 псевдоанаграмм;

2) перед первым этапом запоминания испытуемым сообщалось, что среди запоминаемых ими стимулов есть анаграммы.

Выяснилось, что испытуемые значимо чаще ($p < 0,001$) пробовали воспроизвести псевдоанаграммы, чем анаграммы – в противоположность с первой частью исследования. Кроме того, значимо чаще верно воспроизводили псевдоанаграммы, чем анаграммы ($p < 0,001$), а неправильно – чаще анаграммы, чем псевдоанаграммы ($p < 0,01$). Испытуемые также не замечали, какие именно стимулы являются анаграммами, а какие – нет, но при этом они старались не искать и не замечать среди стимулов анаграммы.

Для того, чтобы проверить, имела ли место неосознанная реконструкция анаграмм, было проанализировано количество ошибок перестановок (те случаи, когда все буквы были воспроизведены правильно, но их последовательность была нарушена). Было показано, что процент ошибок перестановок значимо больше ($p < 0,01$) в случае заучивания анаграмм, чем псевдоанаграмм. Это означает, что сами буквы в анаграммах запоминались легче, чем в псевдоанаграммах, однако их последовательность перепутывалась с реконструированной, что и проявилось в затруднении их воспроизведения.

Из полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1) привычное значение анаграмм неосознанно реконструируется, но не осознается;

2) неосознанная реконструкция структуры, противоречащей предъявляемой, снижает эффективность точного заучивания предъявляемой структуры, но облегчает запоминание самого материала.

Ложечкина А. Д.

СТАГНАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО БАЗИСА И ИССЛЕДОВАНИЙ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Особенность деятельности психолога в специальном образовании детерминирована, во-первых, проблемой соотношения количественной и качественной оценки в диагностической деятельности (измерение, психические проявления и др.) и равноценного соотнесения полученных измерений со среднестатистическими норма-нормативами; во-вторых, количественные показатели, полученные при помощи психометрических тестов, которые изначально требуют строгого выполнения самой процедуры тестирования, а также адекватности методики, точности, достоверности, но являются не специфичными для многих вариантов дизонтогенеза, что свидетельствует об отсутствии диагности-

ческой и прогностической валидности и ограничивает возможность использования психометрических тестов и проведения тестирования, а это приводит к определенным застойным явлениям в психометрике отклоняющегося развития и трудностям в проведении исследовательских процедур. В эталонном представлении итогов диагностической деятельности психологом должно быть подготовлено аргументированное психолого-педагогическое заключение, которое дискурсивно раскрывает коррекционно-развивающую индивидуальную парадигму ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Сформулировать принципы построения исследования и стандарт диагностического базиса является наиболее приоритетной и актуальной задачей современного специального образования. Адекватно, целью психологической диагностики является выявление специфики развития ребенка, транслирующей основные особенности формирования психических структур, построение верифицированных гипотез о причинах и механизмах развития данного варианта дизонтогенеза.

Диагностика неразрывно связана с прогнозом. Согласно Л. С. Выготскому, содержание прогноза и диагноза совпадает, но прогноз строится на умении настолько понять внутреннюю логику самодвижения процесса развития, что на основе прошлого и настоящего намечает его дальнейший путь. Прогностический блок направлен на проектирование психофизических, психических и социально-психологических функций индивида. Рассматриваются возможные изменения в когнитивном развитии и личности индивида в целом, а также определение динамики этих изменений. Прогностическую деятельность рекомендуется разбивать на отдельные периоды и прибегать к пролонгированным повторным наблюдениям. Рассматриваемый нами испытуемый, как субъект психологического исследования, участник психологического исследования, имеет некоторые особенности, обусловленные спецификой возраста, влиянием ведущего для того или иного возраста вида деятельности, уровнем развития индивидуально-типологических характеристик, отражающих социальную адаптированность в среде, коммуникативные способности, при этом возрастные особенности требуют своих целей и задач экспериментального исследования, методов и приемов работы.

Получение информации в диагностике психического развития условно делится на краткосрочное и пролонгированное. Результаты тестирования в значительной мере зависят от условий жизни, обучения и воспитания обследуемых, условий, в которых проводятся психометрические процедуры, инструментария, личности диагноста, его профессионализма, уровня развития эмпатии (когнитивной, коммуникативной и т. д.) и многого другого. Комплексные тестовые батареи дают много-

мерную характеристику психического развития детей, результаты диагностики в определенной мере позволяют оценивать эффективность содержания и методов той или иной системы обучения и воспитания.

На сегодняшний момент в фундаментальной науке поддерживается интегративный принцип исследования, принцип целостного, системного изучения человека и усовершенствование системы психологических средств диагностики закономерностей психического развития, исследование закономерностей и механизмов развития в норме и патологии; создание интегративной модели в специализированном (коррекционном) образовательном учреждении образует положительные психолого-педагогические условия для диагностики, естественного индивидуального развития, что в свою очередь детерминирует положительные условия для формирования и динамики когнитивного развития, социально-психологической, социально-трудовой адаптации и интеграции в образовательную среду; определит персонализированный план развития, раскроет механизм адаптивной реализации возможностей учащегося за счет расширения адаптационного ресурса образовательной среды, использования сохранного интеллекта, формирования просоциальной направленности личности на всех уровнях жизнедеятельности.

Мамина Т. М.

ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ВОСПРИЯТИЕ И ЗАПОМИНАНИЕ ОМОНИМИЧНОГО СЛОВА*

Проблема означивания (приписывание значения слову или объекту) является одной из фундаментальных проблем в лингвистике, психолингвистике и психологии. Значение любого слова не ограничивается одним вариантом, многие слова имеют два и более значений, и эти значения могут как пересекаться, так и быть относительно независимыми друг от друга (например, омонимия является феноменом существования двух значений слова при эквивалентности лексемы). Как правило, контекст, в который включено омонимичное слово, «диктует» выбор одного из его значений (Rayner, Morris, 1991). В работе В. М. Аллахвердова (Аллахвердов В. М., 1993) было показано, что неосознание второго значения омонима способствует худшему воспроизведению самого омонимичного слова.

Мы предположили, что невыбранное значение слова (омонима) активно подавляется, а при изменении контекста входит в противоречие с ранее выбранным значением. В качестве основного методического

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 14.740.11.0232.

приема использовалась экспериментальная процедура, которую применял П. И. Зинченко для изучения произвольной памяти. Основным заданием был подбор смыслового значения к выделенному омониму в предложении. Фиксировалось время реакции и количество правильно подобранных значений слова. Предполагалось, что изменение контекста предложения (смена значения омонима), в который включено это слово, будет влиять на выбор ответа. Это влияние будет выражаться в замедлении времени реакции на принятие решения и в уменьшении количества правильных ответов. Кроме того, изменение значения омонима будет способствовать худшему запоминанию этого слова.

Метод. В исследовании приняли участие две группы испытуемых, в общей сложности – 23 человека (студенты в возрасте от 17 до 35 лет). Эксперимент проходил в два этапа. На первом этапе испытуемым на экране монитора предъявлялось предложение, одно из слов в предложении было напечатано жирным шрифтом и выделено курсивом. Выделенное слово было омонимом. Значение этого слова зависело от контекста предложения, в которое оно было включено. Под предложением было четыре варианта смыслового значения выделенного слова, каждый вариант был пронумерован. Задачей испытуемого было нажать в верхней части клавиатуры номер, который соответствовал значению этого слова. Всего было 32 предъявления предложений. Каждое выделенное слово-омоним в течение всей процедуры встречалось дважды. Таким образом, для произвольного запоминания предъявлялось 16 слово-омонимов. На втором этапе испытуемого просили вспомнить все выделенные слова, которые встречались ему на первом этапе.

В эксперименте приняли участие две группы: контрольная (К. гр.) и экспериментальная (Э. гр.). В контрольной группе повторно предъявленное слово-омоним в предложении не меняло свое значение. Т. е. предложение изменялось, но слово-омоним сохраняло свое значение, как при первичном предъявлении этого слова. В экспериментальной группе при повторном предъявлении слова-омонима изменение предложения вело за собой смену значения слова-омонима.

Результаты проведенного исследования. Сравнение между группами оценивалось с помощью U Манна-Уитни. Изменение предложения без добавления нового смысла омонима (К. гр.) способствует более быстрому принятию решения на омонимичное слово по сравнению с группой, где изменение предложения способствовало добавлению нового значения омонима (Э. гр.) (U Манна-Уитни, sig. = 0,02). Добавление нового значения омонима (Э. гр.) способствовало худшему воспроизведению этих слов по сравнению с контрольной группой (U Манна-Уитни, sig. = 0,02). Сравнение времени реакции на выбор смыслового значения омонима внутри контрольной группы показало

статистически значимые различия между первым предъявлением омонима и вторым (Wilcoxon, sig. = 0,02). Статистически значимых различий между первым предъявлением омонима и вторым внутри экспериментальной группы не обнаружено.

Выводы. Добавление второго значения слова-омонима статистически достоверно влияет на скорость принятия решения, а также на количество правильно воспроизведенных слов. Это влияние выражается в уменьшении времени реакции на принятие решения и в уменьшении количества правильно воспроизведенных слов по сравнению с группой, где было предъявлено одно значение омонима. Исходя из результатов, мы можем сделать вывод, что в случае выбора одного значения омонима, второе будет активно подавляться, несмотря на то, что оно выведено на осознанный уровень восприятия.

Марченко О. П.

Микитенко А. А.

Попов А. П.

СТЕПЕНЬ ЗНАКОМСТВА СО СЛОВАМИ И РАЗЛИЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИХ ЧАСТОТНОСТИ*

Одной из переменных, влияющих на показатели скорости и точности выполнения различных когнитивных задач со словами, является степень знакомства с этими словами (familiarity). Эта переменная широко используется в зарубежных исследованиях и определяется как частота встречаемости данного слова в повседневной жизни человека (Stadthagen-Gonzalez, Davis, 2006). В ряде исследований выдвигалась гипотеза о тесной связи этой переменной с частотностью слов. Так, было показано, что степень знакомства со словами высоко коррелирует с письменной частотностью. Авторы предположили, что нет необходимости отдельно учитывать степень знакомства со словами при планировании исследований, так как она не является независимой переменной, достаточно учета письменной частотности (Stadthagen-Gonzalez, Davis, 2006). Однако полемика по поводу необходимости учета степени знакомства слов при планировании исследований не прекращается. До сих пор создаются базы данных по степени знакомства разных слов, и этот показатель учитывается во многих исследованиях наряду с письменной частотностью. Связь показателей степени знакомства слов с письменной частотностью не является такой высокой, как утверждают авторы. Кроме того, можно предположить, что не для всех семантических категорий

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 11-36-00314 «Связанные с событиями потенциалы мозга при запоминании слов, принадлежащих разным семантическим категориям».

эти связи будут одинаково выражены. Существует множество различных показателей частотности слов, связи с которыми не были исследованы.

Целью данной работы было исследование связи между степенью знакомства со словами и разными показателями частотности слов. Для этого выбрано шесть семантических категорий из базы данных по категориальной частотности (Марченко, 2010). Три из них являлись категориями одушевленных объектов и три – категориями неодушевленных объектов. Слова, полученные в этой базе данных, оценивались по шкале степени знакомства. От участников исследования требовалось определить, насколько часто им встречаются представленные в списке слова.

В исследовании степени знакомства слов, представленных по семантическим категориям, приняло участие 40 человек (30 женщин и 10 мужчин) в возрасте от 18 до 52 лет ($M_e = 19$ лет). В качестве меры письменной частотности были использованы показатели из Нового частотного словаря русской лексики О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова. Использовалась письменная частота (ipm – instances per million words), число документов, где встречается данное слово, и коэффициенты D , позволяющие определить равномерность распределения слова по всем письменным источникам. Была показана надежность–согласованность показателей степени знакомства слов методом деления выборки показателей на две случайные половины и подсчетом коэффициента корреляции Спирмена, а далее применением формулы Спирмена-Брауна. Все корреляции были значимы ($p = 0,000$). Надежность–согласованность оказалась высокой для всех шести категорий (в среднем 0,85). Между степенью знакомства и различными показателями частотности (категориальной частотностью, письменной частотностью [ipm], числом документов, где встречается данное слово, и коэффициентами D) считались непараметрические корреляции Спирмена.

Было показано, что если не проводить деления на категории, то обнаруживается значимая корреляция между показателями степени знакомства слов и количеством источников, где упоминаются данные слова ($r = 0,462$, $p = 0,000$), а также между степенью знакомства со словами и категориальной частотностью ($r = 0,244$, $p = 0,000$). Корреляции между степенью знакомства слов и другими показателями частотности были незначимы. При подсчете корреляций между степенью знакомства для категорий и показателями частотности отдельно для каждой категории было обнаружено, что для одних категорий наблюдается значимая связь между степенью знакомства слов с показателем количества источников и категориальной частотности, для других – значимая связь только

с количеством источников. Для двух других показателей частотности связи со степенью знакомства вновь оказались незначимы.

Таким образом, нельзя утверждать, что связь между степенью знакомства и показателями частотности характерна для всех семантических категорий в одинаковой степени. Показатели степени знакомства со словами нужно использовать при планировании исследований, так как вариации этой переменной нельзя объяснить частотой этих слов. Однако в данной работе было использовано всего лишь шесть семантических категорий и остается открытым вопрос о том, какие связи могут быть обнаружены при использовании большего набора категорий.

Михеева М. А.

ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МЕНТАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ*

Проблема построения субъективной картины мира и изучения ее особенностей интересует ученых уже очень длительное время. Неоднократно эта проблема являлась темой для исследований в различных дисциплинах. В настоящее время результаты исследований рассматриваются в рамках когнитивной науки. Для обобщения различных данных было введено понятие ментальной репрезентации. Репрезентация означает «представленность», «отображение». Следует иметь в виду, что репрезентации не являются точной копией объектов. (Андреева Е. А., 1998). Несмотря на такой интерес, многие аспекты до сих пор не изучены, нет однозначного и целостного представления о формировании репрезентаций, их воздействии на другие психические процессы и связь с поведением. Нет сведений и о конкретном влиянии языка и культуры на субъективную картину мира. Это вполне объяснимо и закономерно: до сих пор отсутствуют специальные методы исследования ментальных репрезентаций. Изучение осложняется и тем, что переработка информации зависит не только от стимуляции, но и от опыта отражающего субъекта. Ж. Ф. Ришар утверждал, что содержание репрезентаций зависит также и от условий, целей деятельности. В отличие от многих других ученых, он противопоставлял знание и репрезентацию (Дружинин В. Н., Ушаков Д. В., 2002). Что касается исследований репрезентаций, то на основе теоретических позиций выделяют два возможных подхода: изучение преимущественно динамики взаимодействия и изучение структуры как результата и условия взаимодействия (Андреева Е. А., 1998). Последнее понимание ментальной репрезентации характерно для отечественной психологии.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ в рамках научно-исследовательского проекта МК-2298.2010.6.

Большинство исследователей данной проблемы в России изучают репрезентацию как результат воздействия стимулов, как субъективное описание имеющегося опыта. Осуществляются такие исследования преимущественно с помощью психосемантических методов. В рамках данного направления интерпретация выделяемых структур требует увидеть способы осмысления мира человеком (Петренко В. Ф., 2005). Они осуществляют индивидуальный подход к каждому испытуемому, не являются стандартизированными, хотя и не исключают применения математических методов. Цель таких методик – получить и воспроизвести часть субъективных представлений о мире испытуемого в схемах и числовых данных.

Зарубежная психология ориентирована на изучение возникновения, формирования ментальных репрезентаций, их процессуального и динамического аспектов. На данный момент нередко в когнитивных исследованиях применяются методы нейрофизиологии и нейропсихологии (Величковский Б. М., 2006). То же касается и проблемы ментальных репрезентаций: осуществляется фиксирование воздействия определенных стимулов на части анализатора при определенных познавательных процессах.

В некоторых исследованиях учитывается время реакции и ошибки. Измерение времени реакции – ментальная хронометрия – стало одним из методических приемов когнитивной психологии. Этот способ тоже является информативным источником сведений о внутренней организации процессов (Величковский Б. М., 2006).

Помимо этого, проводятся такие эксперименты, где испытуемые должны представлять себе пространственное расположение объектов и сказать, совместимо ли оно с предложенным описанием или нет (Ришар Ж. Ф., 1998).

Обобщая, можно сказать, что в настоящее время проблема ментальной репрезентации является одной из самых актуальных и сложных. Она предоставляет широкое поле для исследований. Главное затруднение для экспериментатора заключается в том, что на формирование репрезентаций влияет слишком большое количество факторов, необходимо их все учитывать, и довольно часто нельзя однозначно разделить их воздействие. Вопрос, что и как именно влияет, тоже не до конца изучен. В настоящее время нет единой модели ментальных репрезентаций, нет одинакового понимания данной проблемы исследователями. До сих пор не решен вопрос о том, с чего начинается их формирование. Отсутствие специальных методов исследования является следствием специфичности проблемы, ее многогранности.

Муртазина И. Р.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЖИЗНЕННОГО ВЫБОРА

Выбор – чрезвычайно сложное и многоаспектное явление. Сопровождая человека на протяжении всей жизни, проблема выбора имеет большое значение для самого субъекта выбора и для общества в целом. Несмотря на значимость данной проблемы, понятие «выбор» нередко используется как объяснительный конструкт, нежели реальность, подлежащая изучению и объяснению. Это обусловлено сложностью данного явления и довольно частым смешением разных вещей под одним названием «выбор».

К проблеме выбора в разное время обращались и рассматривали ее Э. Фромм, Р. Мэй, В. Франкл, К. Левин, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова и др. Тем не менее в современной психологической литературе она остается недостаточно изученной. На сегодняшний день не существует однозначного определения понятия «жизненный выбор». Так, например, Л. С. Кравченко рассматривает жизненный выбор как поворотное событие на жизненном пути субъекта, которое имеет свою специфическую структуру и внутренние тенденции, свидетельствующие о направленности личности, способах ее взаимодействия с миром и уровне развития. Такой поворот изменяет жизнь субъекта, задавая ей то или иное направление. Под ситуацией выбора понимается сам момент выбора жизненного пути и социально обусловленные обстоятельства его совершения.

В структуре жизненного выбора выделяются два компонента: содержательно-смысловой (ценности, детерминирующие выбор) и инструментальный (способ принятия решения по жизненно значимому вопросу и способ его реализации). Н. И. Соболева (1989) понимает жизненный выбор как некоторый «переломный момент жизненного пути человека», включающий активное функционирование оценочно-нравственной системы личности, где личность выступает как подлинный субъект жизни. Основой для осуществления субъектом выбора выступает система ценностей, отражающих жизненную позицию личности – носителя этих ценностей.

А. А. Комлев определяет жизненный выбор как «атрибутивный психологический феномен человеческой жизнедеятельности <...> неизменно сопровождающийся потоком чувствований, волевых усилий и когнитивных и актуализирующийся в бифуркационных точках жизненного пути». Основа выбора – «субъективный процесс мотивированного ранжирования и предпочтения одной из объективно существующих возможностей на основе присущей человеку ментальности» (Комлев А. А., 2003).

Н. П. Паттурина под жизненным выбором понимает «выбор человеком особенностей своего существования» (Паттурина Н. П., 2003) и отмечает, что выбору присущи как общие свойства, характерные для всех видов выборов (нравственность, действенность и творческий характер), так и специфические (обусловленность жизненного выбора особенностями протекания личностного или духовного роста; сложившееся видение человеком собственной жизни и своего положения в ней; интенциональность как внутреннее движение, внутренний путь развития; видение реальной ситуации в конкретный момент времени).

А. Г. Асмоллов (2002) отмечает, что наиболее явно личность проявляется как индивидуальность в ситуациях свободного выбора, а история развития личности представляет собой историю принятых и отвергнутых альтернатив. Такой выбор не связан заранее определенным исходом. Человек воспринимает совершаемое им как нечто совершаемое по внутренней необходимости и полностью несет ответственность за совершаемый выбор. Ф. Е. Василюк (1997) отмечает, что в случае ухода или неумения сделать выбор человек обречен на неудобства и страдания, как собственные, так и страдания других людей. Чтобы этого избежать, человек должен сам осуществлять выбор, не уходя от ответственности.

Таким образом, жизненный выбор в отечественной психологии трактуется как потенциально переломный момент жизненного пути человека, предопределяющий его дальнейшее содержание, включающий в себя активную деятельность человека по преобразованию сложившейся ситуации, а также принятие определенного решения из ряда существующих равновозможных альтернатив и ответственность субъекта выбора за свои действия. Основой жизненного выбора выступают система присущих человеку ценностей, его ориентации и рефлексия. В результате анализа литературы можно выделить ряд факторов, которые влияют на жизненный выбор личности. Это социальная ситуация, в которой находится субъект выбора, его индивидуально-психологические особенности: пол, возраст, ценностно-мотивационные характеристики, личностные свойства, способы поведения, уровень притязаний и самооценка.

Мусатов К. А.

Васянович В. А.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Современные психологические исследования все больше посвящены изучению личностных характеристик, когнитивного бессознательного, креативности и многим другим аспектам психической реальности. В то же самое время уменьшается количество исследований, которые направлены на изучение невербального поведения человека. Стоит отметить, что исследования в области невербального поведения все еще являются актуальными. Прикладные исследования в этой области крайне востребованы в сфере общественной безопасности, юридической и клинической практиках.

В рамках отечественной психологической школы существует весьма небольшое количество лабораторий и исследовательских групп, изучающих данную проблематику. Исключение составляет Лаборатория невербальной коммуникации Института психологии Российской академии наук, возглавляемая В. П. Морозовым, а также несколько небольших исследовательских групп, в основном придерживающихся паралингвистического и лингвоцентрического подходов.

Основной проблемой изучения невербального поведения является недостаточная проработанность методов и сравнительно небольшое их количество. Невербальное поведение можно изучать по следующим проявлениям: фонационные средства (экстралингвистика, паралингвистика и просодические аспекты речи) и оптико-кинетические средства (мимика, жесты, позы, походка; длительность, частота и направление взгляда).

Существуют и другие проявления поведения человека, такие как знакo-символические средства, тактильные средства и пространственно-временные средства, но они проявляются в меньшем объеме, нежели фонационные и оптико-кинетические и, следовательно, представляют меньшую ценность для исследователя и практика. Однако изучение более значимых проявлений, таких как голос, мимика, позы и жесты человека, также не является популярным направлением в современной психологии.

Например, на данный момент самым распространенным методом измерения мимики является Facial Action Coding System (FACS), разработанная американскими психологами П. Экманом и У. Фризенном еще в 1976 г. Помимо лицевых мимических выражений, FACS также позволяет измерять характеристики взгляда человека, такие как длительность, частоту и направление. Кроме того, на основе исследований Пола Экмана, Марка Франка и коллег была создана обучающая система

для Службы транспортной безопасности США, которая на данный момент широко используется в американских аэропортах и на вокзалах.

Для исследования голосовых проявлений поведения наиболее широко используется программное обеспечение PRAAT, созданное голландскими лингвистами П. Боерсма и Д. Вининком. Данный инструментарий чаще используется для изучения лингвистических характеристик, но PRAAT полноправно может считаться перспективным программным продуктом и для психологических исследований голоса.

В сфере изучения жестов и поз за все годы исследований были получены весьма противоречивые результаты, не позволяющие делать каких-либо однозначных выводов относительно особенностей невербального поведения, которые, в свою очередь, могли бы внести значительный вклад в психологическую науку. Стоит отдельно отметить большое количество научно-популярной литературы по данной тематике и малое количество научных источников. Чаще всего для исследования поз и жестов человека составляется карта наблюдения, основанная на одной из множества классификаций данных невербальных проявлений. Однако использование данного метода разными исследователями предоставляет слишком много противоречащих друг другу результатов.

К сожалению, в российской психологии нет широко применяемых методов исследования невербального поведения, а использование вышеперечисленных инструментариев является несистематичным, методы не стандартизированы для российских исследований и не апробированы на достаточно большой выборке. В отличие от мировой науки, в современной отечественной психологии в области изучения невербального поведения появляется сравнительно небольшое количество работ. Для развития данной области исследований необходимо внедрение современных технических средств измерения и обработки проявлений невербального поведения, а также более тесное сотрудничество с ведущими мировыми специалистами. Исходя из вышеуказанной актуальности и важности практического применения такого рода исследований, развитие области изучения невербального поведения человека в российской психологии является весьма перспективным направлением, существенным для интеграции в мировую психологическую науку.

Мусатов К. А.

О ПРОЯВЛЕНИИ ЭМОЦИЙ В ГОЛОСЕ

Эмоции в психологии исследуются достаточно давно. За всю историю психологической науки различными учеными были предложены различные классификации эмоций, были выдвинуты теории о связи эмоций человека с другими психическими процессами, поднимались вопросы о происхождении и истинной природе эмоций. Отдельной те-

мой исследований было проявление эмоций в поведении человека, были поставлены задачи объективного определения эмоций по человеческому поведению.

К концу XX в. были достигнуты определенные результаты. Полом Экманом, Уоллесом Фризенем и другими американскими психологами была создана FACS (Facial Action Coding System), система кодирования лицевых мышц, по которой анализировалась мимика человека. Результаты их исследований показали, что определенные мимические выражения связаны с конкретными эмоциональными реакциями. Изучение поз и жестов человека, напротив, не дало каких-либо определенных результатов.

Из невербальных признаков поведения человека наиболее неизученным остался только голос. Исследования выражения эмоций посредством голоса было начато в позапрошлом веке естествоиспытателями, учеными, наблюдающими за поведением человека и животных. Еще в книге Чарльза Дарвина «Выражение эмоций» рассматривалось изменение голоса человека и животных под влиянием каких-либо эмоций. Данная научная тема долгое время была актуальной и в психологии, особенно в период активного исследования невербального поведения. Однако каких-либо однозначных выводов и научно достоверных результатов получено не было.

В какой-то степени это можно связывать с недостаточно развитой технической базой. В 1982 г. вышла статья Клауса Р. Шерера «Методы исследования голосовой коммуникации: парадигмы и измерения», которая и по сей день является достаточно подробным и обстоятельным обзором всех возможных подходов к исследованию голоса и теорий, связывающих голос с различными психическими явлениями. Шерер выделяет три группы голосовых характеристик, которые возможно изучать техническими средствами: характеристики длительности, характеристики интенсивности и характеристики частоты. Фактически это все, что мы можем технически замерить в голосе человека. И хотя после выхода данной статьи прошло почти 30 лет, техническое оснащение исследователей-психологов значительно улучшилось, объективно измерять эмоции по голосу все еще невозможно. Прямая взаимосвязь голосовых характеристик и конкретных эмоций также до сих пор не была обнаружена. Что весьма удивительно, поскольку мы каким-то образом все же понимаем эмоции собеседника по его голосу. Впрочем, это не был единственный способ изучения эмоций и голоса.

В 1985 г. биолог Владимир Петрович Морозов предложил новый термин – эмоциональный слух, описывающий способность распознавать по звуку голоса человека (в частности, говорящего) его эмоциональное состояние. Эмоциональный слух рассматривается как эволюци-

онно более древняя форма слухового восприятия по сравнению с речевым (семантическим) слухом. В. П. Морозов разработал тест для определения степени развития эмоционального слуха. В этом тесте обследуемому предъявляются для декодирования эмоционального состояния три фразы (в магнитофонной записи), произнесенные профессиональным актером, который имитировал пять состояний (радость, печаль, страх, гнев и нейтральное состояние). По результатам исследований Морозова было выявлено, что люди различных профессий и возрастных групп с различной успешностью определяют эмоции по голосу. Но более значимым в данном исследовании является сам факт того, что испытуемые достаточно успешно определяют эмоции. И если существует эмоциональный слух, позволяющий нам определять эмоции в голосе собеседника, значит, каким-то образом эмоции в голосе проявляются.

Естественно, данная научная тема является чрезвычайно трудоемкой, в частности, из-за большого количества факторов, которые необходимо учитывать при анализе голоса человека. Но техническое оснащение современной психологической науки полностью располагает к проведению исследований даже такой сложности. Кроме того, все еще неохваченной остается физиологическая сторона вопроса, а именно взаимосвязь эмоциональных реакций и определенной вибрации голосовых связок. В любом случае, без всестороннего изучения проявления эмоций в голосе, исследование эмоций человека нельзя считать завершенным.

Одайник А. С.

Четвериков А. А.

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ*

Технический прогресс постепенно становится неотъемлемой частью всех областей бытия человека. Даже в науке, все более и более явственно видны изменения. В психологии, в частности, произошел переход от тахистоскопа к монитору компьютера, от ручных подсчетов к применению статистических пакетов. Готовы ли мы сделать еще один шаг и перейти от психологических лабораторий к исследованиям в сети Интернет? И не окажется ли сей шаг опрометчивым, не потеряем ли мы в точности наших результатов, в их надежности и валидности? Почему исследования в лаборатории стали столь привлекательны для настоящих исследователей психики? Лабораторные исследования привлека-

*Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 14.740.11.0232.

тельны, прежде всего, тем, что в них экспериментатор может контролировать большую часть влияющих на испытуемого переменных. В частности, он может оградить испытуемого от разговоров с друзьями, от запахов, шумов и других дополнительных стимулов. Кроме того, до недавнего времени лаборатории обладали сокровенным техническим оборудованием, таким как те же тахистоскопы, энцефалографы, приборы слежения за движением зрачков глаз и т. п. Недостатками же этих исследований являлись перемещение испытуемых из естественного ареала в мрачные застенки подвалов психологических факультетов и пугающее присутствие экспериментатора. Не каждая храбрая душа согласится на столь отчаянный поступок, как участие в эксперименте! Вот и приходится в качестве сферического испытуемого в вакууме использовать студентов-психологов.

Что же могут предложить исследования в сети Интернет? Начнем с того, что от участников исследования не требуется никуда идти. Психолог в своей виртуальной ипостаси сам к ним приходит и все необходимое с собой приносит. Пользу этого давно осознали те психологи, которые оперируют опросниками разного рода. То, что используется собственный компьютер участника, дает поистине сказочные преимущества в виде легкости и скорости набора выборки и экологической валидности. Для испытуемого эксперимент становится игрой, правда, зачастую невыразимо скучной. Перед исследователем встает задача замотивировать испытуемого, что может увеличить валидность получаемых данных. Однако что же это за эксперименты? Ясно, что электроэнцефалограмму снять не получится, хотя с появлением недорогих коммерческих интерфейсов мозг-машина на основе ЭЭГ дает возможность решить и эту проблему. Но так ли часто это необходимо?

Большинство исследований, особенно в когнитивной психологии, требуют от испытуемого либо моторных реакций, либо вербальных ответов в устном или письменном виде. Может ли современный компьютер обеспечить, к примеру, достоверную регистрацию времени реакции? Разумеется, да. В исследовании зарубежных коллег (Reimers & Stewart, 2007) сравнивалась эффективность регистрации времени реакции в эксперименте, написанном на Flash и проводимом в лаборатории или вне ее, с его аналогом, написанном на языке С. Поясним, что Flash – типичный медиум в сети Интернет, применяемый как для встраивания мультимедиа, так и просто для разработки сайтов. Получили они следующие результаты: разница между всеми вариантами заключалась лишь в различии средних, но не отклонений стандартных. Испытуемые в сети были на 20 мс медленнее, чем в лаборатории, где они были на 20 мс медленнее при применении Flash в сравнении с С. Одинаковый уровень дисперсии говорит о том, что различия, заметные в одних усло-

виях, будут заметны и в других, что и было показано в психолингвистическом исследовании (Keller, Gunasekharan, Mayo, & Corley, 2009). Понятно, что в случае применения специализированных устройств для регистрации времени реакции, точность была бы выше.

То же самое можно сказать и о времени предъявления стимула. Да, исследователь не знает частоту обновления монитора. Но крайне редко в психологических исследованиях кто-либо синхронизирует предъявление стимула с обновлением экрана. Чаще желаемое выдается за действительное, когда, установив в программе время предъявления, кратное частоте обновления, мы ожидаем, что они будут совпадать. Погрешность времени предъявления на любом современном ПК можно приблизительно принять равной частоте обновления, если, конечно, в период между предъявлениями не включены сложные операции, например, загрузка стимула с сайта.

Таким образом, с нашей точки зрения, проведение исследований в сети Интернет дает громадные преимущества. В частности, повышается экологическая валидность, доступность выборки.

Околот М. В.

Чепелева Л. М.

Целковников Б. М.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

В данное время наблюдается некоторый конфликт в понимании значения музыки для личности и ее развития. С одной стороны, можно наблюдать огромный интерес к этому виду искусства, в той или иной форме взаимодействуют с ней практически все население планеты, для которого это возможно. С другой стороны, исследования в данной области практически не ведутся, и научное сообщество не придает данной проблематике должного внимания. Тем не менее, уже давно было доказано то, что музыка способна влиять на человека, на функционирование его организма, на его развитие в духовном плане и т. д. Однако было бы ошибочным считать, что музыка способна воздействовать одинаковым образом на всех людей, что определенные характеристики личности, ее установки и ведущий тип субъективного бытия личности никаким образом не влияют на проявления ее особенностей в области потребностей в музыке и какой-либо музыкальной деятельности.

Личность интересует психологов как система, способная к активному преобразованию действительности, к саморазвитию и самораскрытию в различных сферах своего взаимодействия с миром. Личность рассматривается как субъект организации пространства своего бытия. Исследование личности ведется как в направлении изучения объектив-

ных характеристик ее бытия, так и в направлении понимания субъективного восприятия личностью окружающей действительности. Изучение автобиографических воспоминаний личности является одним из способов познания как внутреннего мира личности, индивидуальной системы ценностей и смыслов, так и объективных обстоятельств развития личности. Именно в автобиографии наиболее ярко представлены те формы взаимодействия с миром, которые являются для личности актуальными и значимыми, выявляется особенность смысловой системы личности. Вот почему возникает огромная потребность исследовать данный психологический феномен в контексте субъективного восприятия личности, в рамках ее личностного пространства бытия на современном этапе развития общества.

В нашем исследовании приняли участие 50 музыкантов в возрасте от 14 до 60 лет. Мы применяли автобиографический метод исследования, т. к. именно в автобиографической форме человек выражает стилевые особенности переживания смысла собственного бытия. В результате, среди респондентов нами были выявлены три типа автобиографического переживания личностью пространства ее бытия и особенности выражения в них ее музыкальных потребностей. «Деятельностный» тип отражает позицию человека, реализующего собственный потенциал через переживание достижений в различных видах музыкальной деятельности, событийная линия строится на основе достижений в творчестве, учебе и отношении окружающих к этим достижениям. Для личности данного типа характерно стремление к признанию, переживания связаны, в большей степени, с оценкой окружающих. Происходит реализация в музыке потребности в самореализации (95% опрошенных данного типа), положительной оценки со стороны окружающих (37%), достижении успеха (87%), соревновательности (65%) и стремлении быть лучше других (87%). «Социальный» тип отражает переживание личностью смысла собственного бытия через отношения с окружающими людьми. Личность данного типа постоянно определяет, выбирает для себя образ значимого Другого и ориентируется в своем развитии на данный образ. Ведущими потребностями являются: потребность в одобрении (89%), поиске ориентиров для подражания (97%), признании и значимости труда (95%), востребованности (89%), полезности обществу (57%), сочувствии (69%). «Экзистенциально-чувственный» тип отражает переживание личностью бытия через осмысление жизни и своей роли в ней, через стремление понять мир и происходящее в нем. Ведущими являются потребности в самореализации и самовыражении (87%), самостоятельности деятельности (69%), духовной поглощенности музыкой (92%) и новизне в музыке (57%).

Таким образом, данная работа теоретически дополняет освещение проблемы музыкальных потребностей в субъективной сфере личности. Может содействовать конкретизации работы с людьми различных типов субъективного бытия, улучшению процесса терапии и обучения данных людей музыке, пониманию различий в музыкально-потребностной сфере людей.

Ординова Е. М.

СУБЪЕКТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ЛИЧНОСТНЫЙ РИСК*

В психологии принято соотносить личностную и ситуационную детерминанты принятия риска (Канеман Д., Словик П., Тверски А., 2005). Одним из направлений выступает обсуждение интуитивного и рационального компонентов как личностных переменных, актуализируемых при принятии решений в условиях неопределенности (Корнилова Т. В., 2003). Одной из возможностей понимания и исследования личностного риска является выявление аспектов субъективных репрезентаций риска.

Нашей исследовательской задачей стало составление опросника имплицитных теорий риска, факторы которого впоследствии соотносились с факторами опросников, выявляющих личностные диспозиции принятия неопределенности и взаимодействия со своим прошлым опытом. Соответственно, цели: разработка нового опросника для выявления имплицитных теорий риска; создание факторной структуры опросника и выявление шкал для категоризации имплицитных теорий риска; проверка гипотез (о наличии устойчивой факторной структуры, полученной в результате опроса по списку утверждений; о связях факторов опросника с личностными диспозициями испытуемых, опрошенных по методикам НТН (Корнилова Т. В., 2009) и Самопонимание (ШПС) (Shill M. A., Lumley M. A., 2002).

В основу разработки опросника легла процедура выявления имплицитных теорий риска, состоящая из нескольких этапов.

I. Создание опросника:

а) по результатам свободного опроса студентов об их понимании риска был составлен предварительный перечень утверждений, состоящий из 13 пунктов и инструкции закончить аналогичное предложение;

б) далее в исследовании приняли участие 221 человек – студенты психологического (118 человек: 31 м (М = 21) и 87 ж (М = 20), физического (81 человек: 52 м (М = 19) и 29 ж (М = 21) и механико-математического (22 человека: 12 м (М = 20) и 10 ж (М = 21) факультетов МГУ. Они выражали степень своего согласия с каждым из

* Выполнено по гранту № 10-06-00416а.

13 утверждений по 5-балльной шкале и дописывали неоконченное предложение;

в) на основе полученной матрицы интеркорреляций был проведен эксплораторный факторный анализ, обнаружены четыре первичных фактора;

г) после сбора данных по свободным ответам мы выделили 30 утверждений, которые не вошли в первоначальный опросник. 10 независимых экспертов разбивали утверждения на группы, тем самым указывая на не использовавшиеся ранее пункты. В результате обработки утверждений, проанализированных экспертами, дополнительно было выделено семь утверждений, которые вошли в окончательный вариант опросника «ИмPLICITНЫЕ теории риска».

II. Связь личностных диспозиций с опросником: Новый опросник был предложен группе испытуемых с факультета журналистики ($n = 69$, $M = 19,37$, $\sigma = 1,1$), и группе студентов психологического факультета ($n = 62$, $M = 21,38$, $\sigma = 4,3$).

Методики.

1) разработанный опросник «ИмPLICITНЫЕ теории риска» – ИТР;

2) новый опросник толерантности к неопределенности – НТН, шкалы ТН (толерантность к неопределенности), ИНТ (интолерантность к неопределенности), МИНТ (межличностная интолерантность к неопределенности); опросник шкала «Самопонимание» – ШПС (в апробации М. А. Новиковой), шкалы «Контактность», «Важность».

Результаты.

1. На основе полученной новой матрицы интеркорреляций была проведена процедура эксплораторного факторного анализа и были выявлены пять факторов: риск как ценность, риск как средство, риск как следствие, осознание вероятности неудачи, риска жизни и выигрыш у судьбы. В ходе проверки, проведенной с помощью CFA, было обнаружено, что из-за высокой RMSEA = 0,089 и низкого CFI (0,50), данную факторную структуру можно считать первичной и требующей уточнения по утверждениям и дополнениям по количеству испытуемых.

2. На выборке журналистов выявлены значимые корреляции между риском как ценностью и шкалой ИНТ опросника НТН ($r = 0,307$, $p < 0,05$), риском как средством и ТН ($r = 0,252$ при $p < 0,05$), МИНТ ($r = 0,292$ при $p < 0,05$), осознанием вероятности неудачи и ТН ($r = 0,252$ при $p < 0,05$), риском жизни, выигрышем у судьбы и ИНТ ($r = 0,418$, $p < 0,01$). На выборке психологов значимая связь выявлена между риском жизни, выигрышем у судьбы и шкалами «Контактность» ($r = 0,361$, $p < 0,01$), «Важность» ($r = 0,560$, $p < 0,01$).

Выводы. В результате собранных данных было выявлено пять факторов нового опросника «Имплицитные теории риска», которые проверены на конвергентную валидность с помощью опросников НТН, ШПС и могут быть использованы для дальнейшего исследования данной проблемы.

Павлова Е. М.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ КРЕАТИВНОСТИ*

В разных психологических школах по-разному решался вопрос о механизмах, лежащих в основе творческого мышления. В школе О. К. Тихомирова критерием творчества выступает выраженность новообразований в процессе мышления (Тихомиров О. К., 1984), им же была показана и связь эмоций с мышлением, вылившаяся в идею о предвосхищающей функции эмоций. В концепции Я. А. Пономарева творческое мышление понималось как развертывание внутреннего плана действия. Он сделал акцент на том, что потребность в новизне опирается на особый интуитивный механизм, определяющийся двойственностью результата деятельности: прямым продуктом, соответствующим поставленной цели, и побочным продуктом, полученным неосознано (Пономарев А. Я., 1976).

В зарубежной психологии креативность рассматривается как способность и личностное свойство. Сегодня в ней переоткрывается продуктивная функция эмоций, развивается идея связи креативности с эмоциональным интеллектом (ЭИ). Однако, по словам Т. Любарта (ученика Стернберга), эта связь исследована всего в нескольких работах (Любарт Т., 2009). Р. Стернберг считает, что неявное знание является основой интуитивных решений, на которых базируются креативные процессы (Sternberg R. J., 2003).

Мы предположили, опираясь на работу Т. В. Корниловой и Е.В. Новотоцкой-Власовой (2009), продуктивную роль в разработке креативных решений ЭИ и толерантности к неопределенности (ТН). В цитированной работе она была показана на материале методики MSTAT (в апробации Луковицкой). В нашем исследовании мы перешли к измерению ТН на основе нового опросника НТН (Корнилова Т. В., 2010) и предварительно установили значимую связь ТН с ЭИ (при использовании опросника Д. Любина).

Роль интуиции в творческом процессе и связь интуиции с ТН подчеркивается многими авторами (Степаносова О. В., 2006). Мы поставили цель выяснить, какие из перечисленных переменных можно считать предикторами креативности.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 10-06-00416а.

Методика. Испытуемыми в нашем исследовании выступили 352 студента (239 студентов факультета психологии МГУ и 113 студентов естественных факультетов; 167 мужчин и 175 женщин в возрасте от 18 до 44 лет ($Med = 19,7$, $SD = 1,72$). Для построения индекса креативности использовалась методика Р. Стернберга «Креативные заголовки к комиксам» (Sternberg R. J., 2006); для диагностики личностных свойств – Новый опросник толерантности к неопределенности (Корнилова Т. В., 2010), где выделены шкалы ТН, а также интолерантности к неопределенности (ИТН) и межличностной интолерантности (МИТН); межличностный (МЭИ) и внутриличностный (ВЭИ) эмоциональный интеллект диагностировался по опроснику Д. Люсина (Люсин Д. В., 2004); шкалы применения интуиции (ПИ) и интуитивной способности (ИС) – по опроснику С. Эпстайна «Рациональный–Опытный» (в апробации О. В. Степаносовой, Т. В. Корниловой, Е. Л. Григоренко, 2004).

Результаты и их обсуждение. Был проведен регрессионный анализ с использованием линейной модели (коэффициент линейности при подгонке кривых – 0,55) и метода принудительного включения переменных в регрессионное уравнение с попарным исключением пропущенных значений. Предполагаемые предикторы были объединены в три блока: толерантность к неопределенности, эмоциональный интеллект и интуиция. Было установлено, что предикторами уровня креативности являются: ТН ($\beta = 0,012$, $p = 0,001$); МЭИ ($\beta = -0,025$, $p < 0,001$); интуитивная способность ($\beta = 0,027$, $p = 0,001$).

Полученная модель объясняет 20% дисперсии, что вызвано большим количеством смещений и ситуационных факторов, влияющих на креативность. Итак, несмотря на то, что вклады личностных предположений невелики, они являются значимыми. Таким образом, более выраженной креативностью обладает человек, более толерантный к неопределенности, а также с более развитой интуитивной способностью. Обнаруженное отрицательное влияние межличностного эмоционального интеллекта на креативность, скорее всего, связано с тем, что высокий эмоциональный интеллект не дает человеку создавать уникальный продукт, так как при его создании человек ориентируется на других людей.

Выводы. Регрессионный анализ позволил выделить предикторы креативности, которыми выступили толерантность к неопределенности, интуитивная способность и межличностный эмоциональный интеллект, что подтверждает гипотезы об их влиянии на творческую продуктивность. Регрессионная модель обеспечивает только 20% объясненной дисперсии, и, следовательно, перед нами стоит задача уточнения аналогов независимой переменной.

Паксютова В. В.

РОЛЬ СИТУАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ

Значимость регуляции психических состояний для субъекта в его повседневной и профессиональной деятельности, а также в экстремальных ситуациях очевидна. А насколько эффективные методы регуляции и саморегуляции психических состояний можно разработать, не имея представления о субъективном образе психического состояния, его структуре, принципах детерминации, динамике? Вопрос риторический. Фундаментальные исследования – основа для разработки новых практических методов в психологии. Делая шаг в данном направлении, свое исследование мы посвятили проблеме влияния меняющихся условий объективной действительности (ситуаций) на субъективный образ психического состояния. В рамках своего исследования мы попытались ответить на вопрос: приведет ли изменение ситуации к актуализации соответствующих ей новых параметров «внутреннего мира» человека (как физиологических, так и психологических – эмоциональных и поведенческих), ведь именно ситуация запускает формирование образа состояния. Психическое состояние, вслед за А. О. Прохоровым, нами понимается как отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома (совокупности характеристик) в динамике психической деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживания в континууме времени. В результате восприятия и интерпретации ситуации складывается субъективный образ психического состояния. Цель нашего исследования – выявление особенностей влияния ситуации на взаимосвязь компонентов образа прошлого состояния на примере состояния радости. Основываясь на проведенном анализе теоретических концепций и исходя из поставленной цели, мы выдвинули два предположения для верификации:

- 1) ситуация обуславливает взаимосвязь всех компонентов образа состояния;
- 2) пространственная организация образа устойчива и внеситуативна.

Эмпирическая база исследования. Выборку составили 40 испытуемых (20 юношей и 20 девушек) в возрасте от 17 до 22 лет. Все они являются студентами разных специальностей казанских университетов. Методическое обеспечение исследования. Студентам предлагалось вспомнить состояние радости, которое они испытывали в каждой из пяти заданных ситуаций:

- 1) при соприкосновении с прекрасным;
- 2) при встрече с другом;
- 3) во время праздника, масштабного мероприятия;

- 4) выигрыш спортивной команды;
- 5) приобретение долгожданной вещи.

Необходимо было методом свободно конструируемого ответа дать словесное описание семантического пространства состояния радости в определенной ситуации. Вторая часть исследования проводилась с использованием методики «Рельеф психического состояния». Опросник представляет собой перечень признаков структуры психического состояния и содержит 40 характеристик состояния, разделенных на четыре блока: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение. Каждый показатель имеет 11 уровней выраженности. Из всего многообразия психических состояний для эмпирического изучения нами была выбрана именно радость, так как она является положительным состоянием высокой степени активности, а они характеризуются наиболее сложно организованной структурой. К согласующимся выводам привело сопоставление индекса организованности структуры (ИОС по Карпову) и субъективной оценки испытуемыми степени влияния ситуации на состояние: образ состояния, возникшего в ситуации, которая, по мнению испытуемых, ими почти не контролировалась, оказался наиболее организованным. Другими словами, по мере повышения ситуационного влияния взаимосвязи компонентов образа состояния становятся более устойчивыми. Возможно, это обусловлено тем, что при усилении чувства контроля над ситуацией личностные особенности человека начинают оказывать более значительное влияние на формирование образа состояния, и он становится более индивидуализированным.

Наиболее значимым итогом исследования является доказательство того, что пространственная организация (структура) образа прошлого состояния устойчива, не зависима от ситуации, в которой оно переживалось (т. е. образ пережитого состояния вписался в субъективный опыт человека и воспроизводится статично, независимо от ситуации, в которой это состояние возникало). И, наконец, установлено, что пространственная организация образа состояния становится более интегрированной (взаимосвязь компонентов образа состояния усиливается) по мере возрастания субъективного чувства влияния ситуации на состояние.

Пономарева И. В.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ

В настоящее время в психологии стало актуальным изучение личности как активного субъекта своей жизнедеятельности, способного к принятию продуктивных решений, способного устоять перед возникающими трудностями, мобилизоваться в случае неудачи, целенаправленно использовать ресурсы своей личности для достижения результата (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский).

Системной характеристикой субъекта, определяющей его активность, автономность, может выступать континуум «личностная беспомощность – самостоятельность», описанный в концепции личностной беспомощности Д. А. Циринг и представляющий для нас особый исследовательский интерес. Данный континуум означает выраженность субъектности, а именно нахождение человека на той или иной точке континуума «личностная беспомощность – самостоятельность», является индикатором его субъектности, то есть способности преобразовывать действительность, а также собственную жизнедеятельность. Согласно концепции личностной беспомощности Д. А. Циринг, данный феномен является качеством субъекта, представляющим собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющим низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности (Циринг Д. А., 2010). Теоретический анализ концепции личностной беспомощности показал, что природа личностной беспомощности как системной характеристики неоднородна, что ставит вопрос о необходимости разработки типологии личностной беспомощности.

Нами была предпринята попытка выделить теоретическую типологию личностной беспомощности. Исходя из того, что одним из детерминирующих факторов формирования личностной беспомощности выступают нарушения взаимоотношений в семье, Д. А. Циринг были выявлены четыре типа родителей, реализующих такой стиль воспитания, при котором с большей вероятностью формируется беспомощность. Данными типами явились: доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, жестокость родителей и непоследовательность в воспитании. Отличие личностной беспомощности, сформированной в результате нарушений воспитания, по нашему мнению, будет состоять в функциях, которые может выполнять личностная беспомощность.

Исходя из особенностей воспитания, реализуемого той или иной категорией родителей, мы выделили такие функции личностной беспомощности, как манипулятивная, защитная и адаптивная. Манипулятивная функция личностной беспомощности формируется в условиях доминирующей гиперпротекции, в постоянном стремлении родителей к максимальному и некритичному удовлетворению любых потребностей ребенка, в поощрении его несамостоятельности, в результате чего ребенок приобретает навыки манипулятивного поведения. Противоречивый стиль воспитания родителей формирует у ребенка личностную беспомощность с функцией защиты. Наличие в воспитании явных противоречий создает ситуации несопряженности поступков ребенка и реакций родителей – воспитанников, в результате ребенок, защищаясь, не актуализирует ресурсы для достижения желаемой цели, сохраняя психологический комфорт и проявляя личностную беспомощность. Повышенная моральная ответственность и жестокость родителей актуализирует адаптивную функцию личностной беспомощности. Это обусловлено возникновением ситуаций, представляющих собой серьезные испытания и требующих восстановления адаптации.

Адаптивная функция личностной беспомощности в ситуации психологического напряжения будет работать по принципу быстрого уменьшения напряжения посредством убеждения личности в неспособности повлиять на ситуацию, снижения мотивации и, соответственно, сопровождаться уменьшением попыток активного вмешательства в ситуацию с целью изменить положение вещей к лучшему. Такая бездеятельность и пассивность приводит к устранению психологического дискомфорта, но не к реальному решению ситуации.

Объективными критериями дифференциации личностной беспомощности явились выполняемые ею функции, в соответствии с которыми мы выделяем три типа, назвав их: манипулятивной, защитной и адаптивной личностной беспомощностью. Таким образом, в результате теоретического анализа была выявлена теоретическая типология личностной беспомощности, которая требует эмпирического подтверждения, что является перспективой дальнейших исследований.

Почтарь А. А.

Зуев К. Б.

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ В РАЗНЫХ ТИПАХ СЕМЕЙ

В тезисах представлены результаты исследования, являющегося частью серии работ, направленных на изучение понимания как реализации когнитивной функции субъекта. В данном исследовании изучена структура смысловых ориентаций в различных типах семей. Нами были исследованы семьи с условно здоровыми детьми и с детьми-

инвалидами, а также семьи с различным уровнем адаптации и сплоченности. Всего в исследовании приняла участие 21 семья. Для изучения понимания смысла жизни был использован опросник «Тест смысло-жизненных ориентаций» в адаптации Д. А. Леонтьева и полуструктурированные рассказы о семьях. Для изучения уровня адаптации и сплоченности был использован опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) в адаптации Э. Г. Эйдемиллера. Полученные данные обрабатывались в три этапа. Сначала было проведено сравнение уровня выраженности СЖО в семьях, воспитывающих здоровых детей и детей-инвалидов. Было выявлено, что в семьях со здоровыми детьми выше такие показатели, как «процесс жизни», «локус контроля-жизнь» и общий показатель СЖО. Данные результаты свидетельствуют о понимании испытуемыми из семей с детьми-инвалидами своей жизни как слабо поддающейся контролю, но в то же время отсутствие различий по показателям целей жизни и результативности жизни, позволяет предположить, что смысл жизни для данных испытуемых не потерян, а, возможно, иначе структурирован, чем в семьях со здоровыми детьми. Второй этап состоял в изучении различий в семьях с высокой и низкой адаптацией и сплоченностью. Для выделения данных семей выборка была разделена на контрастные группы на основе средних баллов, заложенных психометрикой опросника для семей, находящихся на разных этапах развития. В результате не было выявлено различий в семьях с высокой и низкой сплоченностью и адаптацией по уровню выраженности компонентов СЖО.

Мы видим, что в результате воздействия длительного стрессора, которым, безусловно, является хроническая болезнь, структура СЖО претерпевает значительные изменения. В то же время по нашим данным одна из системных семейных характеристик не оказывает решающей роли в данной структуре. К сожалению, на основе полученных данных мы не можем сравнивать вклад типа семьи и уровня сплоченности/адаптации в становление СЖО членов семей. Данная задача ставится для следующих этапов работы. Но для выявления взаимосвязи СЖО с характеристиками семейной системы данный результат представляется весьма перспективным. Возможно, наоборот, уровень характеристик СЖО будет влиять на уровень сплоченности/адаптации.

На третьем этапе мы анализировали каждую семью по уровню выраженности компонентов понимания смысла жизни: СЖО и результатов рассказов о семье. Малый объем тезисов не позволяет подробно остановиться на данном анализе. Отметим лишь, что структура СЖО в семье в целом отличается в семьях со здоровыми детьми и семьях, воспитывающих детей-инвалидов.

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Существуют различия в уровне выраженности смысло-жизненной ориентаций в семьях со здоровыми детьми и с детьми-инвалидами.

2. Уровень смысло-жизненных ориентаций не связан с уровнем адаптации/сплоченности семьи.

3. Понимание смысла жизни в семье в целом различно в семьях со здоровыми детьми и в семьях, воспитывающих детей-инвалидов. Авторы отдают себе отчет в поисковом характере данной работы и надеются на продолжение серии данных исследований.

Решетников М. М.

О НАУЧНЫХ ПОСТУЛАТАХ НА ОСНОВЕ НЕДОКАЗУЕМЫХ ИДЕЙ

Практически вся современная наука о человеке строится на представлениях о том, что материя первична, а психика и сознание – вторичны, при этом последние соотносятся исключительно с функциями головного мозга. Эта идея никогда и никем не была доказана, а ее утверждение в качестве единственно верной, как представляется, было связано с борьбой против власти Церкви (а еще больше – против религиозных запретов и неукротимого желания достижения полной свободы от всех моральных и нравственных норм).

В 2008 г. мной была сформулирована иная гипотеза о психике. В этой гипотезе, в отличие от уже традиционных представлений о мозге (как «субстрате мышления») ему отводилась более скромная роль «биологического интерфейса», действующего в своеобразном «Wi-Fi-пространстве». Естественно, меня тут же обвинили в оккультизме и богоискательстве (на этом критика закончилась). На мой взгляд: не слишком убедительные аргументы для научной дискуссии. Отмечу также, что ни оккультизм, ни богоискательство мне не близки.

В последние десятилетия в кулуарах научного сообщества все чаще обсуждается одна и та же идея: чем больше мы узнаем о психике и живой материи, тем явно меньше становится убежденности, что столь сложные самовоспроизводящиеся структуры, например такие, как ДНК, могли возникнуть случайным путем. Одновременно с этим все яснее становится, что знание – это не то, что знают люди, оно существовало и существует вне нас, и независимо от нас (также как и Закон всемирного тяготения), а мы лишь пытаемся приблизиться к нему, нередко – мифологизируя свое незнание (в том числе – в форме так называемого «научного материализма»). Даже современная физика оказалась более гуманитарно-ориентированной, обращая (пусть и гипотетическое) внимание

на огромное число взаимосвязей, аналогий и взаимозависимостей живой и косной материи, включая ее чувствующую и мыслящую часть. Здесь уместно обратиться к идеям В. И. Вернадского о ноосфере, которые на какой-то период вызвали всеобщий интерес, а затем стали предметом ожесточенной критики. Что же такого ужасного было в гипотезе В. И. Вернадского? Что вообще им предлагалось для осмысления?

По Вернадскому, ноосфера – это область взаимодействия всего мыслящего сообщества и природы, где разумная (можно было бы добавить – и неразумная – М. Р.) человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (и снова уместно добавить – или дегенерации). В. И. Вернадский также высказал гипотезу о том, что в биосфере (к которой принадлежит все живое), возможно, существует некая космическая сила, действие которой обычно не принимается во внимание. Нужно признать, по-прежнему не принимается во внимание и даже не обсуждается, несмотря на все более очевидные параллели природных и социальных катаклизмов, выявляемые подобия в строении косного и живого вещества, например спиралей ДНК и спиралевидных галактик, которые также делятся и сливаются, порождая новые звезды и т. д. Так же точно были отвергнуты идеи Вернадского о том, что строение любого вещества, включая живое, соответствует некоему пространству (напомню, что открытие спиралевидных галактик появилось уже после Вернадского), а их разнообразие свидетельствует о разнообразии пространств; что живое вещество развивается в реальном пространстве-времени, которое обладает определенной структурой, симметрией и асимметрией. При этом реальное пространство-время является общим и для живой, и для косной природы. Примеров такого соответствия «некоему пространству-времени» более чем достаточно: можно упомянуть (почему-то никем не замечаемые) подобия строения галактик, солнечных систем, живых клеток и атомов, и даже социальных систем, где во всех случаях выявляются центральные структуры (ядро), различные каналы информационно-энергетического обмена, зависящую от центральных процессов периферию, оболочку и т. д.

Весьма примечательно, что в то время, когда точные науки все чаще оперируют некими чисто философскими гипотезами и концепциями, гуманитарное знание стало приобретать предельно утилитарную направленность. Многие из современных теорий (и в точных, и особенно – в гуманитарных науках) создаются, прежде всего с учетом их непротиворечивости примитивно-материалистическому мировоззрению. В ряде случаев они становятся популярными не в силу их экспериментального подтверждения, а оттого, что под них можно «подогнать» большую часть из того, что уже известно или (применительно к гумани-

тарной сфере) приемлемо с учетом той или иной социально-политической ситуации.

Романенко К. Р.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ ИДЕНТИФИКАЦИЮ С ЛИТЕРАТУРНЫМ ГЕРОЕМ

Основным интересом нашей научной работы является формирование ценностно-смысловой сферы личности и его взаимосвязь с культурным и информационным пространством. Культурно-историческая психология Л. С. Выготского (Выготский Л. С., 2005) описывает процесс и результаты взаимодействия личности с культурой, теория архетипов К. Г. Юнга (Юнг К. Г., 2005) и отечественная школа сказкотерапии (Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., 2008) описывают отдельные случаи выстраивания своего жизненного пути в соответствии с культурными образцами. Однако нас заинтересовали механизмы восприятия человеком литературной, кинематографической или документальной истории (в данном случае английский язык оказывается богаче: имеется в виду *story*, а не *history*), которая может оказаться значимой и влияющей на формирование личности.

В работе нарративиста и когнитивиста Р. Джеррига «Переживание нарративных миров» (Richard J. Gerrig, 2000) мы нашли подробное описание активной работы читателя или зрителя с текстом/историей/сценарием/нарративом: это «реакция участия»; «саспенс», состояние напряжения и неопределенности, которое тем сильнее, чем больше идентификация читателя с героем истории; таким образом, чтобы история вызвала отклик и произошло вовлечение и перемещение в нарративный мир, история должна резонировать со значимыми темами идентичности читателя. Кроме того при сильной идентификации «реципиент» истории обязательно начинает ее переписывать в соответствии с собственными представлениями об эстетике, справедливости, поведении людей и т. д., и таким образом становится соавтором.

Именно идентификация и «переписывание» заинтересовали нас больше всего, однако в случае опроса читателей или кино- и телезрителей об их мыслях и эмоциях возникло бы множество искажений. К счастью, мы нашли уникальное явление «фанфикшн», литературную традицию и субкультуру, в которой фанаты книг и фильмов пишут продолжения, объяснения или альтернативы любимым сюжетам. Изначальный сюжет называется «канон», сообщество фанатов и одновременно совокупность текстов вокруг одного «канона» – «фэндомом», отдельное произведение в жанре «фанфикшн» – фанфиком, а его автор – «фанфикером». Фанфикер объединяет в себе создателя и «реципиента» истории, и потому, основываясь на творчестве фанфикеров, можно отсле-

дить мысли и эмоции, возникающие у читателя или зрителя; а учитывая разницу между образами героев в каноне и в фанфике, можно сделать выводы об особенностях личности и характере фанфикера.

Мы проанализировали работы 105 фанфикеров в фэндоме книг и фильмов о Гарри Поттере (как самое многочисленное, интернациональное и ресурсное сообщество) по ряду критериев: жанр, рейтинг, любимые герои и отношение к канону – детализация, заполнение пробела или альтернатива. Анализируя составленные профили испытуемых мы разделили их на две группы. Первая группа (59 человек) пишет об одних и тех же героях, использует одинаковые жанры и рейтинги и создают альтернативы канону; их рассказы отличаются довольно сильной эмоциональной напряженностью. Вторая группа (46 человек) пишет о разных героях, пробует себя в разных жанрах и редко ставит высокие рейтинги, чаще использует пародию, а также предпочитает более сложные виды работы с каноном – заполнение пробела и детализацию. Можно предположить сильную идентификацию с героями у первой группы участников исследования.

Для проверки гипотезы мы предложили фанфикерам из обеих групп с помощью метода парных сравнений оценить себя и «себя-идеального», а также двух часто используемых героев в канонном варианте и варианте своих фанфиков. У фанфикеров первой группы получился большой разрыв в оценке «себя-реального» и «себя-идеального», зато связь между собой и любимым героем канона, а также между своим идеальным образом и образом героя в своей версии истории о мире Гарри Поттера была очевидна. Следовательно, через идентификацию с литературным героем фанфикер меняет литературного героя и развивается сам. У второй группы участников исследования разница между «Я-реальным» и «Я-идеальным» невелика, а образы «я» сильно отличаются от оцениваемых образов любимых героев. Значит, путем написания фанфиков вторая группа испытуемых решает другие задачи. В чем причина такого разделения мы, попробуем понять в продолжении нашего исследования, где оценим защитные механизмы и свойства личности и особенности самооценки и эмоциональной регуляции у обеих групп участников исследования.

Рудыхина О. В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕВЫХ И ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

В настоящее время в сфере высшего образования существует потребность в оптимизации процесса обучения. Данная ситуация обусловлена внедрением Болонской системы в процесс образования. В связи с этим возрастает актуальность использования индивидуального под-

хода к студентам вуза. Однако сегодня существует проблема выбора эффективных методов для осуществления индивидуального подхода в обучении. Не случайно, начиная с 80-х годов XX в., исследователи в области зарубежной психологии (Н. Witkin, R. Gardner, D. Kolb, L. Curry, J. Kagan, P. Honey, A. Mumford, D. Wardell, J. Royce, R. Sternberg) обратили внимание на исследование когнитивных стилей, отражающих индивидуальную специфику интеллектуальных процессов. Вследствие этого проблематика когнитивных стилей не только вызвала широкий интерес в среде зарубежных и отечественных психологов, но и привела к возникновению ряда проблем и противоречий. Одной из актуальных проблем в области изучения когнитивных стилей является отсутствие единого понимания статуса данного понятия в структуре индивидуальности. Тем не менее существуют попытки объединить разные подходы, в частности в контексте изучения стилей учения (Kolb D., 1984; Curry L., 1987; Leaver B. L., 1995). В свою очередь, в области исследования стилей мышления ученые предпринимают попытку создания моделей стилевой системы (Royce J., Wardell D., 1978; Nosal Ch., 1990; Либин А. В., 1998). Интересно, что в качестве эпистемологических стилей мышления как стилей высокого порядка, выделенных J. Royce и D. Wardell (1978) исследователь М. А. Холодная (2002) выдвигает предположение о том, что типы личности по теории К. Г. Юнга можно рассматривать в качестве эпистемологических стилей мышления. Отсюда можно предположить, что стилевые и типологические свойства личности находятся в тесной взаимосвязи, однако характер этой связи не является ясным в современной психологии.

Наряду с вышесказанным, в области современной дифференциальной психологии возрастает интерес к типологии К. Г. Юнга (1921). Так, вслед за зарубежными исследователями К. Briggs и I. Briggs-Myers (1962), М. McCaulley (1985), D. Keirse (1998) отечественные психологи проводят исследования психологических характеристик типов личности с опорой на теорию К. Г. Юнга (Кононова В. Н., 1995; Овчинников Б. В., Владимирова И. М., Павлов К. В., 2003; Окладников В. И., Кухлова Г. Г., 2004; Абельская Е. Ф., 2006; Смирнова Т. П., 2008). Кроме того, исследователи С. А. Богомаз (2003) и О. М. Разумникова (2004) обнаружили психофизиологические отличия между представителями типов личности по типологии К. Г. Юнга. Отсюда следует, что данную типологию правомерно рассматривать как оптимальный вариант изучения типологических характеристик личности. С учетом вышесказанного, решению проблемы выбора средств для осуществления индивидуального подхода в обучении, на наш взгляд, может способствовать классификация типов личности по теории К. Г. Юнга, которые це-

лесообразно рассматривать в качестве эпистемологических стилей мышления, отражающих особенности познавательной картины мира.

Для проверки данного предположения нами была поставлена цель – определить взаимосвязь особенностей психологического типа по теории К. Г. Юнга с интеллектуальными стилями мышления и предпочитаемыми ценностями. Методики исследования:

1) опросник Д. Кейрси для диагностики типологических характеристик личности, основанный на теории К. Г. Юнга;

2) опросник «Стиль мышления» (авторы: А. Харрисон и Р. Брэмсон; адаптирован А. А. Алексеевым и Л. А. Громовой) для определения преобладающих интеллектуальных стилей мышления;

3) методика М. Рокича для диагностики терминальных и инструментальных ценностей.

В исследовании приняли участие студенты первого курса технических, экономических, гуманитарных специальностей НГТУ (n = 300). Проведенное нами исследование показало существование тесной взаимосвязи особенностей психологического типа личности с выраженностью интеллектуальных стилей мышления и специфику ценностных предпочтений в типологических группах. Таким образом, мы приходим к пониманию правомерности и целесообразности рассмотрения типологии К. Г. Юнга в качестве классификации эпистемологических стилей мышления, что вносит вклад в изучение взаимосвязи стилевых и типологических характеристик личности. Кроме того, наше исследование свидетельствует о целесообразности использования классификации психологических типов по К. Г. Юнгу в контексте индивидуального подхода в системе образования современного ВУЗа.

Салитова М. В.

Шпицер Д. Д.

КОНФЛИКТ ЦЕЛЕЙ – НОВЫЕ ГРАНИ В ПОНИМАНИИ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

История рассмотрения проблемы конфликта целей насчитывает не более четырех десятилетий. Активное изучение началось за рубежом в 80-е годы XX в. (Эммонс Р., 2004). В отечественной психологии имелись предпосылки для детального рассмотрения данной проблемной области (идеи В. С. Мерлина и А. Р. Лурия), но они не получили должного развития. Теоретически конфликт целей следовало бы считать интегративной структурой, проявляющейся во всех типах личностных конфликтов – мотивационном, когнитивном и ролевом.

Для более детального ознакомления со спецификой внутриличностного поля конфликта и представлений с ним связанных было проведено предварительное исследование с использованием метода анкети-

рования, в котором определялись понятия «цель», «конфликт», «конфликт целей», отмечались подробности существования таких конфликтов в жизненном опыте. Обобщив результаты контент-анализа полученных данных, можно утверждать, что у человека присутствует понимание конфликта целей как определенного противоречия, столкновения нескольких целей, которые являются лично равнозначными и не имеют возможности одновременного осуществления из-за влияния ряда факторов. Таковыми являются: недостаток времени и ресурсов, затруднительность процесса взвешивания приоритетов и вероятных исходов. Немаловажным фактором воспринимается равнозначное количество плюсов и минусов в характеристиках результатов. Другим осложняющим фактором считается противоречие в методах достижения целей. В конечном итоге человек затрачивает много сил на активный поиск, выявление негативных последствий реализации конфликтующих целей и сравнение объема отрицательных воздействий. Когда речь идет о конфликте целей, отмечается сложность и осознанность процесса выбора, присутствие завышенных запросов, наряду с этим сильное фрустрирующее влияние конфликта.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что конфликт возникает лишь в значимых для личности сферах. Необходимо отдельно выделить эмоциональную составляющую целевого конфликта, которая проявляется в способах реагирования, в позитивной и негативной окраске суждений о выбранных и отложенных или отвергнутых целях, в описании переживаний ситуации выбора. Интереснейшим фактом можно считать использование метафор в определении конфликта целей или же его составляющих. Данное исследование в настоящее время носит пилотажный характер, однако работы в этой предметной области обладают немаловажной теоретической и практической ценностью, так как человек в поисках своего призвания каждый день сталкивается с ситуацией выбора, противоречия, конкуренции своих целей, идей и не всегда уверен в подборе идеальных средств и стратегий для решения возникшего интраперсонального конфликта.

Саркисян Я. Я.

Ломайкина Т. Н.

РОЛЬ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ФОНА В ПРОЦЕССЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ РЯДА ЧИСЕЛ

Проводится большое количество исследований на восприятие осознанной и неосознанной информации. Цель данного эксперимента – проверить, как иррелевантная информация (фон) будет влиять на запоминание. Таким образом, ставится проблема соотношения осознанного запоминания и неосознаваемой обработки фоновой информации; иссле-

дуются с точки зрения того, как изменение структуры фона влияет на протекание когнитивных процессов. В ходе исследования было выдвинуто две гипотезы:

1) на фоне с простой иррелевантной информацией воспроизведение будет более эффективным, чем на фоне со сложной иррелевантной информацией;

2) бессознательное способно ошибаться при переизбытке сложной иррелевантной неправильной информации и коротком промежутке времени восприятия этой информации.

Гипотезы опираются на исследование М. Г. Филипповой 2006 г. «Роль неосознаваемых значений в процессе восприятия многозначных изображений» и на теорию Аллахвердова об эффекте неосознанного негативного выбора.

Выборка: учащиеся старших классов и студенты с нормальной остротой зрения или скорректированным до «нормального» зрением, количество человек 75 (5 групп по 15 человек), в возрасте от 16 до 20 лет, добровольно принявшие участие в эксперименте.

В ходе исследования испытуемым предъявлялся ряд трехзначных чисел для запоминания, где фон служил иррелевантной информацией. Для затруднения идентификации иррелевантной информации цвет вычислительных примеров будет приближен к цвету фона, а ряд трехзначных чисел будет черного цвета.

Первая экспериментальная: будет предъявляться иррелевантный признак – простые вычислительные примеры ($2 + 3 = 5$);

Вторая экспериментальная: будет предъявляться иррелевантный признак – простые неправильные вычислительные примеры ($2 + 3 = 6$);

Третья контрольная: отсутствие иррелевантного признака – чистый белый фон;

Четвертая экспериментальная: будет предъявляться иррелевантный признак – сложные вычислительные примеры ($13 * 154 = 2002$);

Пятая экспериментальная: будет предъявляться иррелевантный признак – сложные неправильные вычислительные примеры ($45 * 12 = 678$). Группы сравнивались по следующим параметрам: время реакции, количество правильно воспроизведенных чисел, количество ошибок.

Общий вывод по первой гипотезе: первая гипотеза не подтвердилась, т. к. ошибок в первой группе (с фоном, состоящим из простых вычислительных примеров) было больше, чем в четвертой группе (с фоном, состоящим из сложных вычислительных примеров) на 40%. На основе полученных результатов можно сделать предположение, что при наличии дополнительной сложной неосознаваемой информации когнитивные процессы протекают более эффективно. Кроме того был обнаружен факт, заключающийся в том, что при предъявлении фона с про-

стыми вычислительными примерами количество ошибок не отличалось от количества ошибок в контрольной группе, следовательно, в данной ситуации фон не оказал никакого влияния. А при предъявлении фона со сложными вычислительными примерами количество ошибок было меньше на 40% по сравнению с контрольной группой, что показывает сильное влияние фона. При этом количество правильных ответов в обеих группах отличалось незначительно – на 6%.

Общий вывод по второй гипотезе: вторая гипотеза подтвердилась. Во второй группе (с фоном, состоящим из простых неправильных вычислительных примеров) было меньше правильных ответов и больше ошибок (13% и 27% соответственно), чем в пятой группе (с фоном, состоящим из сложных неправильных вычислительных примеров). Следовательно, бессознательное действительно могло принимать неверные ответы в вычислительных примерах (из которых состоял фон) за верные и таким образом эффективнее воспроизводить ряд чисел. Можно предположить, что бессознательное может ошибаться (хотя раньше это считалось невозможным) при переизбытке сложной irrelevantной информации и в ограниченном отрезке времени (т. е. в условиях стресса). В ходе проведения эксперимента было отмечено, что фон влияет на ошибки гораздо сильнее, чем правильные ответы.

Силантьев В. И.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОСЕМАНТИКИ

Данная работа представляет собой критический анализ психосемантики как раздела психологии, изучающего «генезис, строение и функционирование индивидуальной системы значений, опосредующей психические процессы» (Петренко, 2005). Несмотря на то, что на сегодняшний день психосемантика является достаточно распространенной областью психологического знания, а ее базовые понятия прочно вошли в тезаурус как психологов-теоретиков, так и некоторых практикующих психологов, актуальным остается пересмотр и дальнейшее осмысление психосемантики как на уровне базовых понятий и допущений, так и на уровне конкретных методических приемов. Ниже приведены основные аспекты критического анализа психосемантики.

Во-первых, спорным представляется достижение основных задач дисциплины (реконструкции системы индивидуальных значений, а также исследования различных форм существования значений в индивидуальном сознании) (Петренко, 2005) с позиции конструктивизма, заявленного как реализуемая в психосемантике парадигма (Петренко, 2005).

Во-вторых, на ряде примеров (Лоренц, 2009; Яньшин, 2006), показывается, что традиционное для отечественной психологии понятие

значения как запечатления субъектом общественно-исторического опыта (Мещеряков, 2006) необходимо пересмотреть, исходя из учета биологических (в частности, этологических) оснований. Кроме того, классической дихотомии «индивид» (как отдельно взятой биологической особи) – «личность» (как социализированный индивид) противопоставляется тезис о том, что социальное на Земле является более древним, нежели человеческое общество, и, таким образом, уже содержится в понятии «индивида». Соответственно, вносятся определенные коррективы в понятие психологического значения.

В-третьих, показано, что изучение индивидуального сознания (являющегося предметом психосемантики де-юре) невозможно, исходя из исследований общественного сознания (изучаемого психосемантикой де-факто).

В-четвертых, обращается внимание на то, что современная психосемантика является в значительной степени лингвоцентрированной. Несмотря на то, что В. Ф. Петренко со вниманием относится к самой идее изучения семантики сознания при помощи невербальных методов, фактически в данной области преобладают исследования вербалики с помощью вербалики. В свою очередь, вопрос о соотношении вербального и невербального в психике представляется нерешенным на сегодняшний день в психологической науке.

В-пятых, ставится вопрос о целостности психосемантики. Психосемантика на сегодняшний день является не картографией семантических пространств, включающей понятия, аналогичные долготе, широте, меридианам в географии, но скорее представляет собой множество частных исследований, каждое из которых обладает своей метрикой. Кроме того, в работе содержится ряд критических замечаний методического характера. Так, ставится вопрос о соответствии семантических пространств категориальной структуре сознания. Рассматривается также правомерность использования «вербально-вербального» (Артемьева, 1999) семантического дифференциала как наиболее распространенного в психосемантике метода.

В заключении рассматривается статус психосемантики как науки о психологических значениях. Подчеркивается, что данная дисциплина должна носить фундаментальный характер, что для ее нормального функционирования как аппарата по добыче новых знаний необходимо создание теории психологических значений, учитывающей как биологические, так и исторические основания человеческого бытия, как вербальную, так и невербальную сферу психики, обращающуюся преимущественно к индивидуальному сознанию (как исконно психологическому предмету исследований), а не к общественному сознанию. Предполагается, что только после того, как будет построен соответст-

вующий теоретический аппарат, станет возможным корректное проведение эмпирических исследований психологических значений в самых разных областях.

Солдатова П. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современные психологи уделяют пристальное внимание методологии изучения процессов памяти. В частности, Верч и Боер (Wertsch & Boer, 2009) делятся соображениями о возможности поиска новых ключей к исследованию памяти человека, ссылаясь на необходимость привлечения к ее изучению не только когнитивных психологов, а, к примеру, антропологов, социологов и историков. Утверждается, что невозможно полностью охватить феномен, не рассматривая его сквозь призму социокультурных парадигм. Так, ученый-эклектик М. Хальбвакс (Хальбвакс, 2007) еще в 1930-е годы одним из первых начал говорить о феномене коллективной памяти, связывая его с опытом истории и социологии. С точки зрения Хальбвакса, существует два типа памяти: внутренняя (автобиографическая) и внешняя (историческая). Коллективная память включает прошлое в свои структуры, наносит черты, достойные запоминания. Поэтому кажется, что она формирует свою образность вокруг пространственных ориентиров, рельефом проступающих на кругах восприятия.

Процесс, посредством которого индивидуальные воспоминания интегрируются в структуры коллективной памяти, Хальбвакс связывает с традицией. Традиция и сохраняет, и модифицирует социальные рамки памяти во времени. Этот процесс происходит так медленно, что накапливающиеся изменения незаметны для тех, кто постоянно с этими рамками сталкивается. Кроме того, защитники традиции должны, вероятно, поддерживать ее мнемонические места посредством актов коммеморации, которые, считает Хальбвакс, призваны скрыть (или остановить) процесс медленного изменения традиции. Именно поэтому коммеморация напрямую относится к политике и, например, патриотическому воспитанию. Социальные психологи начинают исследовать коллективную память в связи с возникновением этнических конфликтов (Bar-Tal, 1998). Коллективная память здесь выступает в роли лейтмотива, пронизывающего социум и внушающего определенные идеи, которые передаются следующим поколениям (Bar-Tal, 2000). Эти идеи играют воспитательную роль и оказывают влияние, в первую очередь, на новых членов общества. Тем самым объясняются национализм и патриотизм таких стран, как Палестина, Израиль и др. Насилие, желание нанести фи-

зический вред зарождаются беспричинно, в силу «специфического понимания социумом» своих позиций.

Упор на социальные факторы формирования индивидуальной (автобиографической) памяти как самоидентичности в различных средах позволил Хальбваксу настаивать на существовании разных (больше одной) концепций коллективной памяти, таким образом указывая на ее отличие от истории. Коллективная память рассматривалась исследователями как нескончаемая борьба между официальной и народной культурами, существующими в социуме (Воднар, 1992). Система взглядов на мир формулируется в терминах противопоставления чаще, чем в позиции структурного, четкого воспроизведения. Эти конфликты и переосмысление происходят в политической и социальной сферах и вымещаются в прошлом, которое, в свою очередь, влияет на самоидентичность. Точность занимает здесь второстепенную роль и может пожертвовать собой в пользу необходимой работы других функций.

Разделение на память человека и историю связывают с появлением грамотности, причем грамотности в роли инструмента создания дискурса и критической мысли способов восприятия. Хальбвакс заявил, что «формальная» история отличается от коллективной памяти, после чего начались дискуссии, которые продолжаются до сих пор. П. Нора (1989) имел своеобразную точку зрения, считая «формальную» историю вытесненной и полагая, что «мы говорим так много о памяти, т. к. ее у нас очень мало». В своем труде «Проблема поколений» (1928) К. Маннгейм представил поколение как социальный, не биологический конструкт, являющийся продуктом исторической, социальной и политической реальности и зависящий от опыта конкретного социума. Г. Шуман и Ж. Скотт (1989) использовали понятия Маннгейма, чтобы сформулировать гипотезу о различии поколений в восприятии исторических событий. Явлениями, определяющими «картину мира», будут те, которые пришлось на юношеский возраст (17–21 год).

На наш взгляд, в исследовании коллективной памяти может быть продуктивным обращение к нарративному подходу. Именно истории со своими характерными сюжетами составляют социальные факты, которые в итоге представляют групповую идентичность. Анализ групповых нарративов позволит выявить инварианты и индивидуальные особенности коллективных нарративов памяти, а также проследить способы, которыми коллективные мотивы включаются в индивидуальную идентичность.

Соловьева М. А.

СПОСОБЫ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ И ИХ СВЯЗЬ С ЛИЧНОСТНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Как известно, эмоции не всегда желательны в обществе, так как при своей избыточности они могут дезорганизовать деятельность или их внешнее проявление может поставить человека в неловкое положение, выдав, например, его чувства по отношению к другому. Регуляция эмоций – осознание своих эмоциональных переживаний и их биологически и социально целесообразное использование для достижения цели и удовлетворения потребности. Выделяют такие виды эмоциональной регуляции как: эмоциональное отреагирование – эмоция осознается и разряжается в деятельности, направленной на решение проблемы. Эмоциональная трансформация, когда внутренний мир меняется за счет конструктивного переструктурирования эмоций. Эмоциональное подавление, при котором внутренний мир меняется за счет неконструктивного вытеснения эмоций, их подавления (Саенко Ю. В. 2010). Целью нашего исследования является сравнительный анализ эффективности различных способов регуляции эмоций. В соответствии с нашей гипотезой для выбора способа регуляции эмоций важны следующие особенности личности: манипулирование, защитные механизмы, аддиктивное поведение, уровень невротизации, уровень ответственности, а также наличие соматических заболеваний, способность к самораскрытию и независимость. Мы провели исследование и выявили типичные способы регуляции эмоций респондентов и их личностные качества. Как преобладающий вид регуляции эмоций, отреагирование используют 43% испытуемых, подавление – 30%, трансформацию и подавление в равной степени используют 10%, отреагирование и подавление – 7%, отреагирование и трансформацию – 7%. Подавление прямо пропорционально связано с аддиктивным поведением. То есть, чем больше человек использует подавление, тем больше он склонен к формированию зависимостей. Трансформация обратно пропорционально связана с аддиктивным поведением и прямо пропорционально – с интернальностью. Чем лучше человек владеет способом трансформации эмоций, тем меньше он подвержен аддикциям. А также принятие ответственности на себя способствует тому, что человек прибегает к эмоциональной трансформации. С отреагированием корреляций не обнаружено. Кроме вышеприведенных данных, мы также обнаружили ряд интересных связей. Лица, склонные к аддиктивному поведению, характеризуются тем, что они не спонтанны (не уверены в себе, не естественны), манипулируют (скрыто используют другого человека для достижения собственных целей), экстернальны (низкий уровень внутреннего контроля), используют защитные механизмы (замещение, отрицание, регрессию), склонны к алексии-

тимии (не способны открыто выразить свои эмоции). Лица, склонные к соматическим заболеваниям, обнаруживают алекситимию, используют защитные механизмы (регрессию), не удовлетворены жизнью, у них высокий уровень стресса. Манипуляторы склонны к аддиктивному поведению, к использованию защитных механизмов (отрицание и замещение), не спонтанны, являются экстерналами. У людей, склонных к неврозам, низкий уровень стресса, они не склонны к алекситимии, не склонны использовать защитные механизмы, интернальны. Люди, удовлетворенные жизнью, менее склонны к соматическим заболеваниям, меньше используют защитные механизмы, у них низкий уровень стресса, они автономны (с высоким уровнем независимости, психического здоровья, целостности и полноты личности), интернальны. Интерналы не склонны к аддиктивному поведению, с низким уровнем стресса, умеют выражать свои чувства, не используют защитные механизмы, удовлетворены жизнью, не склонны к манипулированию, автономны, спонтанны (уверенны в себе, естественны, открыто выражают свои чувства и желания). Самоактуализирующиеся личности удовлетворены жизнью, не склонны к аддиктивному поведению, устойчивы к стрессу, не используют защитные механизмы, являются интерналами.

Полученные в нашем исследовании сведения о связи тех или иных личностных особенностей могут стать основой для следующих умозаключений. Чтобы преодолеть психосоматические заболевания и склонность к аддикциям, сделать свою жизнь более удовлетворенной, следует отказаться от манипулирования и эмоционального подавления и развивать интернальность, самоактуализацию (в частности, автономность и спонтанность) и эмоциональную трансформацию в качестве способа регуляции эмоций. Решение этой задачи возможно осуществить в тренинге развития самоактуализации и преодоления манипулирования, который предполагается провести в качестве исследования в дальнейшем.

Тухтияева Н. Х.

ВЛИЯНИЕ ИРРЕЛЕВАНТНЫХ ПАРАМЕТРОВ СТИМУЛА НА ФИКСИРОВАНИЕ УСТАНОВКИ*

В XX в. в грузинской школе психологии под руководством Д. Н. Узнадзе активно исследовался феномен фиксированной установки. Установка формировалась в результате многократного предъявления пары стимулов (шары, круги) для сравнения по величине. В предварительных (установочных или фиксирующих) опытах стимулы были рав-

*Исследование поддержано ФЦП, Государственный контракт «2010-1.1-305-126-038» на выполнение научно-исследовательских работ.

ными по величине, что создавало установку на неравенство объектов. Затем (критические опыты) испытуемым предлагались разные по величине стимулы, которые, как показали результаты исследования, большинством испытуемых оценивались как равные. Такие иллюзии установки могли быть контрастными (по контрасту со способом оценки установочных стимулов) или ассимилирующими (по аналогии с ней) (Узнадзе Д. Н., 2001).

В основе нашего понимания природы эффекта установки лежит представление о сознании как логическом механизме, для которого важно, чтобы все протекало логически непротиворечиво и закономерно. Поэтому в сознании выстраиваются определенные гипотезы о закономерностях ситуации, в данном случае о соотношении величин объектов. Нарушение установленной ситуативной закономерности приводит к затруднениям дальнейшей «логичной» работы сознания, вызывает сбой в поведении. Именно этим проявлением «закона Узнадзе» можно объяснить неадекватную оценку величины критических стимулов (Аллахвердов В. М., 2000). В исследованиях грузинских психологов показано, что при фиксации установки неравенство объектов начинает выступать в качестве релевантного параметра сравниваемых стимулов. Другие параметры (например, форма и цвет) не имеют существенного значения для фиксирования и актуализации установки. Так, в исследованиях З. И. Ходжавы (1958) было обнаружено, что установка, выработанная при сравнении величин одних геометрических фигур, сохраняется по отношению к другим. В эксперименте Н. Г. Адамашвили (1958) использовались различные варианты предъявления объектов по цвету и фону при переходе к критической стадии. Цвет критических объектов и фона в одном варианте был тождественным установочным (красные круги на зеленом фоне); во втором – дополнительным (зеленые круги на красном фоне); в третьем – отличным от установочного, но не дополнительным (синие круги на желтом фоне). Было выявлено, что только в случае антагонизма цвета (второй вариант) происходит ослабление установки. В других же случаях смена цвета стимулов не оказывала влияния на проявление установки. Возможность переноса выработанной на соотношение установки с одних объектов на другие получило название генерализации установки. Поскольку образование установки связано с фиксацией гипотезы, происходящей на установочной стадии, возникает вопрос о роли иррелевантных параметров установочных стимулов.

Мы предположили, что регулярное изменение цвета установочных стимулов окажет влияние на проявление фиксированной установки. Для проверки данного предположения был проведен эксперимент с участием 126 человек. В качестве стимулов использовались два круга, предъявляемых симультанно на экране монитора. На установочной ста-

дией слева предъявлялся круг большего размера (10 см), справа – меньшего (6,5 см). На критической стадии два круга были тождественны по величине (6,5 см). Круги предъявлялись на белом фоне в следующих вариантах для четырех групп испытуемых:

- 1) все круги черного цвета;
- 2) черные круги на установочной, цветные на критической стадии;
- 3) цветные, затем черные;
- 4) все цветные на обеих стадиях.

Испытуемым предлагалось сравнивать стимулы по величине. Всего предлагалось 15 установочных и 20 критических экспозиций. Было обнаружено, что количество установок в условиях изменения цвета установочных стимулов (группа 3 и 4) составляет по 21% в сравнении с 5,2% установок в группе 2, где такого изменения не происходило (критерий ϕ^* Фишера, $p \leq 0,02$). В группе 1 количество установок составило 11,2%, что также отличается от результатов групп 3 и 4, но разница не является статистически значимой.

Таким образом, изменение цвета стимулов на установочной стадии привело к усилению установки. Вероятно, иррелевантное изменение установочных стимулов заставляет абстрагироваться от параметра цвета, сильнее сосредоточившись на работе с величиной, что упрочивает установку на такой способ сравнения. Можно также предположить, что отказ от гипотезы, сформированной с большим усилием, происходит с большим трудом, что требует дополнительного исследования.

Фомель М. С.

ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТ И ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ АНАЛИЗА

Персонология как новое интегративное направление в психологии личности, предлагая вариант ответа на «вечные» вопросы методологии, обрывает новой методологической проблематикой, анализ которой представляется актуальным. В данном докладе мы рассмотрим одну из методологических проблем зарождающегося персонологического направления, а именно игнорирование соотношения уровней анализа. Главный замысел персонологии – интеграция психологической теории и практики. Основным средством решения этой задачи выступает персонологический факт как результат эмпирического исследования, соответствующий критериям нетривиальности, информативности и экзистенциальной значимости. Будучи предъявленными испытуемым, такие факты становятся «психологическими орудиями» «самостроительства личности». Однако процедура получения персонологического факта связана со статистической обработкой индивидуальных показателей

определенной выборки испытуемых. О ком это знание, какое отношение оно имеет к каждому конкретному участнику исследования как личности? Обратимся к разработанной нами модели соотношения номотетического и идиографического подходов как различных уровней анализа.

Суть ее можно представить в виде следующей метафоры: Рассмотрим одну из картин, написанную в технике пуантилизма – мазками в виде точек. То, что издалика представляется как насыщенное синее небо, есть сочетание разноцветных точек. Будем развивать этот образ дальше, превратив его в так называемый фрактал, то есть объект, части которого подобны целому. Для этого представим, что каждая из точек также представляет собой картину, выполненную художником-пуантилистом, и аналогичным образом распадается на множество цветных точек, каждая из которых также образована картиной. И так до бесконечности. Этот образ может рассматриваться как метафора объекта персонологического исследования. Всякий раз речь идет о соотношении точек и картины – индивидуальности и закономерности, которое оказывается представленным на различных уровнях: начиная с уровня человечества до закономерного для конкретного человека в отдельной ситуации. Обозначенные уровни, по сути, представляют собой ответ на вопрос: в каких пределах справедлива выявленная в нашем исследовании психологическая закономерность? Взаимосвязь неких психологических параметров и ее интерпретация, полученные в ходе анализа показателей группы индивидуумов, могут быть как применимы, так и не применимы в случае каждого из отдельно взятых испытуемых. Возвращаясь к метафоре, синий цвет неба складывается из точек самых разных цветов. То, что является психологическим фактом на уровне группы, превращается не более чем в гипотезу, когда мы пытаемся «спустить» его на уровень индивидуальности.

Проблема здесь в том, что любой изучаемый феномен реально существует лишь в контексте системы психической организации отдельных людей, от которой он условно абстрагируется в процессе проведения номотетического исследования. Стремясь выделить общее в изучаемом феномене у отдельных испытуемых, мы затушевываем индивидуальные различия, образуя новую целостность в видении феномена: из отдельных точек складывается небо. Мы приходим к предположению об относительности истинности психологического факта к уровню анализа, на котором он был получен. Этот вывод позволяет нам вернуться к методологии персонологии, сделав важные замечания и предложив варианты разрешения возникших затруднений.

Итак, какое отношение к психической реальности испытуемого имеет сообщенный ему персонологический факт, полученный в исследовании? С нашей точки зрения, речь идет о различных уровнях анали-

за. Результат психологического исследования – это знание «о них», о группе испытуемых, составлявших выборку исследования. То обстоятельство, что данный конкретный испытуемый входит в обозначенную группу, еще не свидетельствует о том, что полученная закономерность справедлива и в его случае. Традиционный вариант обратной связи по результатам психологического исследования в этом отношении более адекватен, т. к. нет пересечения уровней анализа: испытуемому сообщается его же психологический портрет. Возможный вариант решения выявленной проблемы – осмысление полученных результатов: как групповых, так и индивидуальных, а также их соотношения – в совместной работе персолога и участника исследования. В этом случае персологический факт сможет в большей степени проявить свой потенциал как орудие самостроительства личности, а соотношение уровней анализа будет учтено.

Хабибулин Р. К.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОРТРЕТИРОВАНИИ

Под психологическим портретированием понимается создание целостной психологической характеристики личности. Область психологического портретирования очень широка – в той или иной мере она затрагивается практически всеми гуманитарными науками. Разумеется, в психологии эта тема является одной из главных и первоначальных. Деятельность психотерапевта или психологического консультанта невозможна без предварительного психологического анализа клиента. Тем не менее до сих пор наблюдается отсутствие обобщающих, систематизирующих концепций в сфере психологического портретирования, влекущее за собой бессистемность методологического инструментария. В сегодняшней практике преобладают покомпонентные методы (опросники, тесты и пр.) психологического анализа личности, практическая ценность которых оставляет желать лучшего (А. Г. Шмелев). Перечислим их некоторые недостатки: представляя лишь обобщенный типаж, такие методики никак не отражают «вариации индивидуального стиля деятельности», что препятствует тонкому оцениванию исследуемой личности; парадоксальность многих тестов состоит в том, что их валидность определяется не прогностическими критериями, а чем-то другим – теоретической моделью или исторически сложившимися представлениями (А. А. Бодалев). Они, таким образом, как бы замкнуты на самих себя; исследователями отмечается низкая прогностичность «чертографических» методик. Опросники позволяют предсказывать всего лишь 4–10% дисперсии экспериментальных данных по предсказанию поведения конкретных людей (А. А. Бодалев). Это приводит к конфликту с принципом системного подхода.

В большинстве таких методик личность представляется состоящей из отдельных независимых частей (шкал). Очевидно, это противоречит принципу системной организации психики, который давно уже обоснован и принят в отечественной психологии (Л. И. Анцыферова). Весьма интересным в этой ситуации представляется обращение к опыту литературы и, в частности, к жанру литературного портрета. Поясним, что литературный портрет – это художественно целостная характеристика конкретного реального человека, создающая представление о его индивидуально-неповторимом, живом облике, о его характере (В. С. Барахов). Теория и принципы литературного портрета достаточно хорошо разработаны (Л. Я. Гинзбург, Л. Гутман).

В связи с этим возникает важный исследовательский вопрос. Какая портретная характеристика в целом будет более точно представлять данную личность: составленная на основе научно-психологических методик или созданная по принципам литературного портрета? Для ответа на этот вопрос нами было проведено соответствующее исследование. Опишем его суть. Была выбрана некая личность (объект портретирования), на которую были составлены две характеристики – психологический портрет (с использованием методов тестирования) и литературный портрет (с использованием принципов литературного портретирования). Затем был составлен опросник в отношении фактов поведения объекта портретирования. Далее, на отдельном листе были помещены фотографии четырех людей схожего типажа, один из которых – объект портретирования. Все испытуемые были разделены на две группы (по 45 человек каждая). Первой группе был предъявлен литературный портрет, второй – психологический. Задание для обеих групп звучало одинаково: на основе портретной характеристики определить факты поведения описываемой личности и произвести ее идентификацию по фотографии.

Результаты исследования показали, что группе, работавшей с литературным портретом, удавалось более точно определять поведение портретируемого ($p < 0,05$) и лучше идентифицировать его по фотографии ($p < 0,05$). Такой результат означает, что метод литературного портрета является недооцененным среди общего инструментария психологического портретирования. Психолог-портретист, используя метод наблюдения и метод работы с документами, может создавать портретные характеристики личности, которые, в целом, более точно представляют ее, чем строгие объективные тесты. При этом целый ряд психологических механизмов, таких как проекция, стереотипизация и пр., затрудняющих объективное оценивание другого человека, может достаточно успешно преодолеваться.

Чернышкова Е. Ю.

**РЕФЛЕКСИЯ АГРЕССИИ И ЭМОЦИИ ГНЕВА:
ВЕДУЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ**

Сегодня, когда трудные фрустрирующие ситуации постоянно сопровождают нас, очень сложно сохранять спокойствие и равновесие. Часто человек начинает реагировать агрессивно, не сдерживая своих эмоций, либо же накапливать их, и в результате может произойти неконтролируемый их выплеск. Дети и подростки не являются исключением. Они сознательно или неосознанно повторяют и копируют реакции взрослых, начинают вести себя подобным образом, невольно развивая в себе агрессивность как свойство личности. На наш взгляд, развитая рефлексивность может выступать в качестве фактора, способствующего неагрессивному поведению. Интересен динамический аспект данной взаимосвязи, обнаруживающий то, что рефлектирующий субъект способен взять под контроль ключевую эмоцию агрессии – гнев. Более того, важным фактором, актуализирующим рефлексивность, может являться образ «значимого другого».

Таким образом, введем основные понятия и концептуальную модель, демонстрирующую ведущие закономерности во взаимосвязи рефлексии, агрессии, гнева. Агрессией назовем любые действия, которые причиняют или намерены причинить ущерб другому человеку, группе людей или животному (Реан, 1996). Гнев – это эмоциональное состояние, порождаемое внутренними физиологическими реакциями и непроизвольной эмоциональной экспрессией, обусловленной неблагоприятными событиями (Берковиц, 2001). Определим рефлексивность как психическое свойство, способность к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу, к пониманию психических особенностей других людей (Карпов, 2003). Более того, рефлексия в процессуальном аспекте рассматривается нами как состояние, в котором у рефлектирующего субъекта актуализирована способность к самонаблюдению, возможность смотреть и анализировать свое поведение будто со стороны, как бы глазами другого. Этот другой – изначально значимая для тебя персона – становится как бы частью тебя, твоим внутренним наблюдателем. То есть рефлексия видится нами в качестве процесса, в котором актуализировано состояние внутреннего наблюдателя. Таким образом, появляется еще один ключевой концепт работы, – «значимый другой». Данный термин был введен в 1930-х годах американским психологом Г. Салливаном, чье понимание мы дополняем, исходя из мультисубъектной теории личности В. А. Петровского (Петровский, 1996; 2009). «Значимый другой» – личность, отраженная субъектностью которой (идеальная представленность одного человека в другом, бытие кого-либо в ком-либо) оказывает влияние на других людей, изменяя их

мотивационно-смысловую и эмоциональную сферы (Петровский, 2006). При этом рефлексия определяется нами как состояние актуализированного внутреннего наблюдателя, интериоризированного «значимого другого» в тебе, как процесс анализа при личном «претворенном я». Человек, который являлся значимым для личности, идентифицируясь с которым она училась анализировать и понимать других и себя, продуцирует образ, который, интериоризировавшись в данной личности, становится присущим ей настолько, что становится частью ее, свойственным ей «претворенным я». Рефлексия и является процессом «пробуждения» этого «претворенного я» «значимого другого» во мне, этого характерного для меня внутреннего наблюдателя.

Таким образом, нам представляются следующие взаимосвязи в контексте рассматриваемых явлений. Рефлексия способна актуализироваться образом «значимого другого», при этом сама она может рассматриваться как интериоризированный «значимый другой» в личности. Актуализированная рефлексия приводит к появлению неагрессивного, мирного реагирования. Это, с одной стороны, выражается в том, что начинают появляться социально приемлемые реакции, с другой, – интенсивность эмоции гнева с каждым «шагом» в рефлексивном процессе будет падать, заменяясь спокойствием, смирением или иными, астеничными эмоциями.

Таким образом, первая гипотеза: если у человека актуализирована рефлексия присутствием «значимого другого», то у него более низкая частота агрессивных реакций. Вторая гипотеза: если рефлексивный процесс актуализирован, то интенсивность эмоции гнева падает. Первая гипотеза была подтверждена нами в ранее проведенных эмпирических исследованиях (Chernyshkova, 2010; Чернышкова, 2010). Вторая гипотеза относительно процессуальной стороны взаимосвязи рефлексии – гнева планируется быть проверенной с помощью психологического эксперимента, строящегося на основании модификации стимульного материала «Методики рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга.

Четвериков А. А.

ИЗМЕНЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ОСОЗНАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ СМЕНЫ «НАИВНЫХ ТЕОРИЙ»*

При изучении способностей человека к обработке информации исследователь неизменно сталкивается с тем фактом, что эти способности превосходят все предыдущие ожидания. Так сенсорные пороги оказываются отражением критериев ответа, а не собственно возможностей переработки информации: «Когда влияние критериев ответа наблюдате-

*Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 10-06-00482.

ля изолировано, сенсорные ограничения не очевидны» (Swets, 1961, p. 168). Одним из объяснений этого феномена является то, что некоторый сигнал, получаемый благодаря бессознательной переработке информации, интерпретируется на основе существующих у испытуемого «наивных теорий» (Skurnik, Schwarz, & Winkielman P., 2000). На роль этого сигнала наиболее подходит аффективная оценка, выстраиваемая на основе эвристик беглости переработки информации (Oppenheimer, 2008; Reber, Fazendeiro, & Winkielman P., 2002).

Исходя из этой идеи, изменение «теории», существующей у испытуемого, можно изменить пороги осознания стимулов. Для проверки этой гипотезы был проведен следующий эксперимент, состоявший из трех этапов. На первом этапе испытуемым предъявлялись последовательно изображения 60 иероглифов, половина один раз, половина пять раз, по 40 мс на предъявление, без пауз (RSVP). На втором этапе испытуемым предъявлялись пары, состоящие из одного старого и одного нового иероглифа. Цель участников эксперимента состояла в том, чтобы выбрать тот иероглиф, который им «больше нравится, кажется более приятным, симпатичным». На третьем этапе им вновь предъявлялись пары старых и новых иероглифов, но на этот раз требовалось выбрать тот стимул, который был показан на первом этапе. Пары иероглифов были перемешаны между вторым и третьим этапом. В качестве независимой переменной варьировалась дополнительная инструкция, получаемая испытуемыми на втором этапе.

Одной группе испытуемых ($N = 29,11$ М, 18 Ж, ср. возр. 24,5 лет) говорилось, что все иероглифы, которые они сейчас увидят, были предъявлены на первом этапе. Другой группе ($N = 30,9$ М, 21 Ж, ср. возр. 23,4 года) говорилось, что все иероглифы, наоборот, новые, т. е. на первом этапе их не было. Третья группа ($N = 50,7$ М, 43 Ж, ср. возр. 24,3 года) никакой дополнительной инструкции не получала. Мы исходили из того, что изменение инструкции на данном этапе приведет к тому, что испытуемые будут подстраивать критерии осознания на третьем этапе в соответствии с полученной информацией. Если им сказать, что все иероглифы, предъявленные на втором этапе, были показаны ранее, то они будут задавать более строгие критерии для принятия решения об осознании, поскольку будут ожидать более сильный сигнал – «если я уже видел этот стимул на предыдущем этапе, то я его точно узнаю». Наоборот, в случае, если иероглифы на втором этапе «ранее не предъявлялись», то критерий будет ослаблен, поскольку увеличивается количество помех, явно не имеющих отношения к цели. Кроме того, нас интересовало влияние изменения инструкции на саму задачу выбора более предпочитаемых иероглифов. Полученные данные анализировались с применением логистической регрессии. Анализ показал, что в соответствии с выдвинутой гипотезой частота узнавания старых иерогли-

фов в группе «все были» (48%) была значимо ($p < 0,05$) ниже, чем в группе «не было» (51%) и на уровне тенденции ($p < 0,1$) ниже, чем в контрольной группе (50%). Группа «не было» и контрольная группа различались между собой лишь численно. Аналогичные различия, но направленные в противоположную сторону, были получены и в самой задаче выбора более приятного иероглифа. В группе «все были» старые иероглифы предпочитались чаще всего (52%), в группе «не было» – реже всего (48%, $p < 0,05$ в сравнении с «все были»), а контрольная группа находилась между ними, значимо не отличаясь от обеих.

Таким образом, изменение «наивных теорий» испытуемых привело к изменению критериев принятия решения об осознании. Изменение результатов в задаче выбора более предпочитаемых стимулов соответствует теориям, рассматривающим связь между беглостью обработки информации и предпочтениями. В этом смысле задача узнавания принципиально не отличается от задачи выбора предпочитаемого стимула. Интересным для дальнейших исследований представляется тот факт, что в задаче узнавания в группе «все были» частота узнавания оказалась даже ниже случайной, хотя и незначительно. Возможно, он связан с атрибуцией разницы в беглости переработке информации в задаче выбора предпочитаемого иероглифа.

Чигринова И. А.

ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Реализация в психологии новых путей исследования, связываемых с «качественной методологией», на основе методологического анализа достижения понимания как интерпретативного процесса, устанавливающего смыслы, а не истины, а также учет ценностных приоритетов указывают на становление в ней постнеклассической стадии (Корнилова Т. В., 2011).

В нашем исследовании мы хотим показать неправомерность противопоставления методологии качественных исследований количественным, поскольку качественные исследования позволяют проникнуть в сферу человеческих смыслов, обогащая понимание исследуемого предмета. Целью исследования стало изучение личностной регуляции морального выбора. Процедура и методики. В исследовании приняли участие 100 человек – студенты третьего курса факультета психологии д/о МГУ в возрасте от 18 до 26 лет, в том числе 79 женщин ($M = 19$, $SD = 1,2$) и 21 мужчина ($M = 19,5$, $SD = 2,5$). Было разработано два блока задач (по 4 в каждом), которые моделировали ситуацию выбора из альтернатив:

- а) согласия/несогласия на манипуляцию (1 блок)
- б) принятие/непринятие неопределенности (2 блок).

Студент должен был выбрать одну из четырех альтернатив решений; два ответа были заданы и два были открытыми, т. е. в них нужно было дополнительно обосновать свой выбор.

Выявление уровней развития самосознания проводилось по опроснику Справедливость–Забота (Молчанов, 2005), оценка уровня макиавеллизма – по Мак-шкале (Знаков, 2000), свойств рациональности и готовности к риску – по методике Личностные факторы принятия решений выявляла (Корнилова, 2003). Для оценки личностной переменной толерантность к неопределенности (ТН) испытуемые диагностировались с помощью двух опросников: MSTAT в апробации Е. Г. Луковицкой (1998) и Нового опросника толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой (2010).

Результаты и обсуждение. Проведенный регрессионный анализ позволил выявить личностные предикторы выбора: в первом блоке задач основное влияние оказывают такие переменные, как «доличностный» уровень развития морали (к которому относятся доконвенциональный уровень, по Колбергу, и самоозабоченность, по Гиллиган, а также макиавеллизм), во втором блоке основными предикторами выбора выступают ТН и «личностный» уровень самосознания. Таким образом, доличностный и личностный уровни нравственного самосознания оказывают реципрокное влияние на выбор в задачах, моделирующих ситуации, связанные с манипуляцией и условиями неопределенности. Качественный анализ с помощью метода конденсации смыслов (Бусыгина Н. П., 2008) помог выявить существенные различия в обосновании того или иного выбора у разных групп испытуемых по выраженности макиавеллизма.

Задачи, связанные с манипуляцией. Испытуемые со слабо выраженным макиавеллизмом в меньшей мере были склонны соглашаться на манипулирование другими, объясняя это тем, что обман и лесть как средство манипуляции они считают «мерзкими», предпочитая при этом, открыто выражать свою точку зрения. Испытуемые со средней выраженностью макиавеллизма чаще соглашались на манипуляцию в виде лести, поскольку считают, что так можно поддержать человека, не обидеть его. Отказ от манипуляции в большинстве случаев они объясняют страхом наказания, которое может последовать при раскрытии факта манипулирования. Наконец, при сильной выраженности макиавеллизма испытуемые все чаще выбирают манипуляцию, поскольку она помогает им добиться своих целей. Отказ от манипуляции они объясняют тем, что в предложенной ситуации не считают ее использование необходимым.

Задачи, связанные с ТН. В этих задачах ответы, продиктованные принятием неопределенности, указывают на отличия испытуемых с ярко выраженным макиавеллизмом от других: они чаще выбирают по-

добный ответ с целью открытия новых возможностей, в том числе возможности произвести впечатление на нужных людей. Отрицательные ответы показывают, что испытуемые со слабо выраженным макиавеллизмом стремятся найти для себя более комфортные условия для реализации своих планов, со средней и высокой степенью выраженности макиавеллизма выбирают те варианты, которые представляются им наиболее легкими.

Таким образом, с помощью качественного анализа мы можем непосредственно наблюдать выделенное нами реципрокное влияние уровней нравственного самосознания на уровне обоснования своего выбора. При рассматривании других людей как средства удовлетворения потребностей манипуляция как проявление доличностного уровня развития самосознания представляется хорошим способом достижения своих целей.

Ширяк М. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВООБРАЖЕНИЯ В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В современной психологии искусства значительное внимание уделяется исследованиям интеллектуальных и эмоциональных факторов в их взаимосвязи с перцептивными процессами. Несмотря на всесторонние исследования имагинативных процессов, до сих пор не рассматривалась проблема воображения как формы связи с реальностью и отражения эстетического опыта личности. В кросскультурном исследовании восприятия живописи во французской и русской культурах нами изучался вопрос, в чем состоит отличие взрослого восприятия от детского опыта, как при восприятии произведений живописи происходит преобразование неосознаваемой информации в осознанную, ее использование в формировании чувственного образа.

В настоящем исследовании восприятие живописи рассматривается как социальный феномен, как продукт и процесс творческой деятельности. Цель настоящего исследования – показать социальную значимость восприятия живописи и познавательную ценность искусства.

Гипотеза исследования. При восприятии живописи творческая деятельность воображения находится в прямой зависимости от эстетического опыта. Предметом исследования являлись суждения и эстетические эмоции, фиксируемые в процессе анализа социальных репрезентаций произведений живописи, формы воображения как способа взаимосвязи фантазии с реальностью, его конструктивный аспект.

В качестве социальных репрезентаций в эмпирическом исследовании рассматривались произведения русской живописи, в контексте ситуативного подхода к анализу произведений. Социальные репрезен-

тации картин дифференцировались по ситуациям и по художественным стилям: «Двое», «Семейный портрет», «Будни и праздники», «Времена года и жизнь», «Связь времен». Нами изучалось эстетическое суждение при восприятии конкретных социальных ситуаций в живописи, то есть отношение человека к ситуации через ее понимание и отражение этого понимания в действиях и поведении личности. Необходимым условием взаимосвязи восприятия и действия является воображение, его «интеллектуальный и эмоциональный факторы» (Выготский, 2008), способности личности к преобразованиям. Изучение социальных репрезентаций в эмпирическом исследовании проводилось на выборке молодых взрослых – от 20 до 27 лет – четыре группы: дилетанты и люди, имеющие эстетический опыт («гуманитарии и технари»).

Группа психологов (смешанная). В пилотажном исследовании принимали участие две группы испытуемых – 40 человек: дети 9–10 лет. Была выявлена способность детей дифференцировать и оценивать произведения искусства. В исследовании использовались сравнительный метод, метод самонаблюдения, метод «фокус групп», тестирование, проективные методы, метод математической статистики, корреляционный анализ. В эмпирическом исследовании использовались адаптированные методики У. Торренса, Т. Любарта де Роза, Д. Маркса, Е. Туник, модифицированная авторская методика.

Исследование проводилось в два этапа. В процессе исследования измерялись когнитивные, эмоциональные и конативные параметры эстетического суждения, параметры творческих способностей к воображению, способности к креативности и преобразованию ситуаций. В ходе пилотажного исследования была установлена связь между творческим воображением, эстетическим суждением и пониманием произведения живописи. Кроме того, была установлена связь между эстетическим суждением и факторами индивидуальной и межгрупповой изменчивости эстетических предпочтений – когнитивными параметрами опередления стилей, структуры произведений, их социальной составляющей, а также личностными и культурными параметрами.

Творческое воображение рассматривалось в двух аспектах: как проявление креативности (параметры гибкости, оригинальности и личностных черт) и способности к преобразованиям. Было установлено, что воображение оказывает стимулирующее влияние на продуктивность творческой деятельности и на развитие личностных качеств. Данное исследование позволяет идентифицировать потенциальные процессы, связанные с эстетическим опытом: суждение, эмоциональную оценку, влияние творческого воображения, определить, как человек понимает и каким образом оценивает произведение искусства, каким образом эти процессы, а также развитие творческого воображения способствуют

формированию индивидуальных черт личности, и в этом контексте – преобразованию конкретных жизненных ситуаций.

Щербакова О. В.

Голованова И. В.

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ СБОИ В ПРОЦЕССЕ ПОНИМАНИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ*

Интеллект человека работает в тесной взаимосвязи с личностью и эмоциональной сферой. Поэтому успешность когнитивной работы с различными задачами и текстами определяется не только интеллектуальным потенциалом человека, но и зрелостью его метакогнитивной регуляции, которая организует и направляет базовые когнитивные умения человека (Холодная, 2002). Метакогнитивная регуляция интеллектуальной деятельности предполагает рефлексивное отношение познающего к своим интеллектуальным действиям и их результатам, оценке способов и стратегий текущего когнитивного поведения; она интегрирует интеллект в структуру личности, формируя индивидуальный психический склад человека. Недавние исследования показывают, что именно слабость метакогнитивной сферы является причиной когнитивных ошибок, совершаемых взрослыми людьми с высоким интеллектом в процессе понимания различного рода текстов и решения задач (Гельфман, Холодная, 2006; Осорина, Щербакова, Аванесян, 2011). Такие ошибки являются не следствием когнитивных дефицитов, а результатом недостаточно рефлексивного отношения к процессу и результатам умственной работы.

Для выявления типичных сбоев метакогнитивной регуляции, проявляющихся в процессе реконструкции смысла, нами было проведено пилотажное исследование. В качестве материала для анализа выступили письменные работы взрослых интеллектуально успешных людей (18–53 года), обучавшихся принципам анализа текстов. Им были предложены крылатые выражения, имеющие хождение в культуре и прошедшие психологическую экспертизу (например, «От смешного до великого один шаг» и т. п.). Крылатые выражения предъявлялись в письменном виде, при этом давалась инструкция: «Постарайтесь как можно более полно раскрыть смысл каждого из предъявленных выражений своими словами и укажите, в каких случаях их будет уместно употребить».

* Работа выполнена при финансовой поддержке факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, проект «Метакогнитивная регуляция интеллектуальной деятельности: информационно-энергетический аспект».

Было получено 154 письменных ответа, которые были подвергнуты качественному анализу. Особый интерес представляли ошибочные (не полностью раскрывающие/искажающие смысл стимульного выражения) ответы; они рассматривались как материал, отражающий качественную организацию когнитивной и метакогнитивной сферы. Анализ ошибок позволил выделить следующие типы дефицитов метакогнитивной регуляции.

1) Незнание культурного контекста, аллюзия на который содержится в стимульном выражении. Следствием этого является непонимание метафорического компонента крылатого выражения, которое мыслится реципиентом не как культуральная цитата, а как самостоятельное высказывание, содержащее обобщенное морализаторское послание. Реципиенты, «схватывая» объективно присутствующую в стимуле идею этического долженствования, не признают себе в том, что не могут точно ее воспроизвести, подменяя эту работу конструированием псевдоморализаторских утверждений. Например, при объяснении смысла стимульного выражения «А Васька слушает да ест» респонденты давали ответы: «заниматься одним делом, а параллельно, даже незаметно для окружающих, прислушиваться к полезной информации, которая может пригодиться в жизни»; «не терять времени, делая все дела сразу»; «чтобы быть в курсе событий, узнавать что-то новое».

2) Непонимание смысловой целостности текста, которое псевдокомпенсируется избирательной работой с отдельными его компонентами. Нередко это связано с отсутствием реконструкции смысловых интенций крылатого выражения, что может быть обусловлено сбоем в метакогнитивном регулировании или недостаточным культурным опытом реципиента. Так, респонденты, раскрывая смысл выражения «Гора родила мышь», отвечают: «употребляется в ситуации, когда человек нашел выход из безвыходной ситуации, признав нечто новое»; «нестандартное решение»; «даже “гора” может “родить” мышь, если нужно и захочется».

3) Чрезмерное внимание к теме, прямо не отраженной в исходном выражении. В этом случае респонденты опирались на буквальные значения ключевых для понимания слов. Так, при работе с выражением «Гора родила мышь» буквально понимался глагол «родить»: «довольно часто детям весьма и весьма сложно превзойти или хотя бы достигнуть уровня своего родителя»; «у великих и талантливых людей могут родиться самые обыкновенные дети».

Рассмотренные затруднения имеют экстракогнитивную природу; они отражают не уровень развития интеллектуальных способностей самих по себе, но характер их функционирования в системе личности. Анализ их качественной структуры позволяет приблизиться к построе-

нию типологии дефицитов метакогнитивного регулирования и выявлению механизмов работы метакогнитивной сферы человека.

Якименко О. Ю.

ПОЛОРОЛЕВАЯ СФЕРА ЖЕНЩИН, НАХОДЯЩИХСЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПСИХОСЕКСУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

На сегодняшний день существенно трансформировались психологические механизмы становления маскулинности/феминности у мужчин и женщин (Кочарян А. С., 2004). Исчезли традиционные гендерные фильтры: половая сегрегация в школе, «феномен двора», идентификация с отцом (Кочарян А. С., 2001; Барина Н. В., 2006). Феминистические призывы к гендерному равенству, толерантность к неосексуальным практикам, лояльность к полоролевым девиациям и новым формам семьи свидетельствуют об изменении механизмов гендерной социализации. В последние годы описаны феномен страха интимной близости, синдром эмоционального холода и феномен межличностной зависимости, характерные для современных девушек (Кочарян А. С., 2004; Асланян Т. С., 2009; Фролова Е. В., 2008). Эти феномены являются проявлениями нарушений контакта, в том числе и партнерского, и делают невозможным построение конструктивных жизненных сценариев. В основе таких нарушений лежат девиации становления полоролевой идентичности. Традиционно становление женской полоролевой идентичности рассматривают через прохождение ряда последовательных этапов. В своем психосексуальном развитии женщина должна суметь пройти два болезненных отрыва: один отрыв – от первичного объекта своей любви – матери, а второй – от отца, на которого переключается любовь маленькой девочки (при условии успешного прохождения первого отрыва) (Фрейд З., 1989; Хорни К., 1993).

В связи с этим, цель исследования – выявить особенности структуры полоролевой сферы у девушек, находящихся на разных этапах психосексуального развития. Объект исследования – психосексуальное развитие женщины. Предмет исследования – особенности структуры полоролевой сферы у девушек, находящихся на разных этапах психосексуального развития.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические концепции и подходы к изучению психосексуального развития женщины.
2. Исследовать этапы психосексуального развития у девушек.
3. Изучить особенности структуры полоролевой сферы у девушек, находящихся на разных этапах психосексуального развития.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: устное биографическое интервью (разработанное совместно с

А. С. Кочаряном), методика изучения гендерной идентичности (МИГИ), анкета половых ролей С. Бэм (BSRI), психосексуальная пропорция Dur-Moll теста L. Szondi, пятая шкала MMPI. Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием метода факторного анализа (Extraction: principal components, вращение по методу Varimax) (Наследов А. Д., 2005). В исследовании приняли участие 64 девушки в возрасте от 17 до 21 года (возраст окончательного становления полоролевой идентичности).

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день в психологии нет единой теории, касающейся психосексуального развития женщины. Соответственно, исследования этой сферы не теряют актуальности, а результаты таких исследований должны стать базой для создания новой, единой концепции женского психосексуального развития.

2. Установлено, что маскулинность и фемининность не являются тождественными конструктами у девушек, которые находятся на разных этапах психосексуального развития. Были выделены такие виды маскулинности, как иллюзорная, идентификационная и биогенная и такие виды фемининности, как непростроенная, отрицаемая, демонстративная и сбалансированная. Кроме того, выделена компенсаторная структура андрогинности.

3. Выявлено, что полоролевая сфера девушек, которые находятся на разных этапах психосексуального развития, имеет разную структуру. И маскулинность, и фемининность в каждой группе имеют свою, специфичную структуру. Так, для девушек, не прошедших отрыва от матери, свойственны иллюзорная маскулинность и непростроенная фемининность. Для девушек, идентифицировавших себя с отцом, характерны идентификационная маскулинность, биогенная маскулинность и отрицаемая фемининность. Для девушек, которые не прошли отрыва от отца (либидо на отце), – непростроенная фемининность, демонстративная фемининность и компенсаторная андрогинность. Для девушек, которые успешно прошли оба отрыва, свойственны сбалансированная фемининность и компенсаторная андрогинность Я-концепции.

Яковистенко А. Д.

Соколова Е. А.

Пуговкина Е. А.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО СИСТЕМЕ СЕМЕЙНОЙ ГРУППОВОЙ ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ

Известно, что правильная, разборчивая и интересная речь является одним из важнейших условий полноценной коммуникации, ключе-

вой профессиональной компетенцией, показателем психического и нравственного здоровья человека, важнейшим фактором духовного развития нации. В наши дни проблема культуры речи и речевой коммуникации приобретает высокую общественную и социальную значимость, поскольку с каждым годом увеличивается количество детей, имеющих те или иные трудности речевого общения (это около 70% первоклассников). Более того, в современной школе имеет место тенденция замены естественного диалогического общения учителя с учениками письменными ответами на тесты, «общением» с компьютером, что, к сожалению, сужает коммуникативно-речевые возможности ребенка. Коммуникативно-речевые нарушения сейчас частое явление и среди взрослого населения, а тем не менее именно данные умения входят в профессиональную компетентность современного специалиста и обеспечивают его востребованность и конкурентоспособность на рынке труда.

Вышесказанное убеждает нас в необходимости поиска методов и технологий работы по коррекции, развитию и совершенствованию коммуникативно-речевой деятельности у лиц разной возрастной категории. Такие технологии существуют, они входят в состав системы семейной групповой логопсихотерапии (СГЛПТ). Система СГЛПТ базируется на методе групповой логопсихотерапии Ю. Б. Некрасовой, который с середины 60-х годов XX века изначально создавался для коррекции невроза речевого общения в форме заикания.

Вот уже более 25 лет данная система успешно развивается под руководством доктора психологических наук Н. Л. Карповой (1997, 2003). СГЛПТ – сложное единство педагогики, психологии, логопедии и немедицинской психотерапии. Основная цель СГЛПТ – не «лечение заикания», а восстановление нарушенного речевого общения через глубинное преобразование личности и семейной среды. Весь цикл логопсихотерапевтической работы предусматривает, прежде всего, обучение эффективному речевому общению и ведется под лозунгом: «Каждый заикающийся может и обязан стать оратором!». Это требование к новой восстановленной речи было сформулировано в 20-е годы XX в. бывшим заикавшимся И. И. Тартаковским, который подтвердил известный в психологии «феномен Демосфена». В Самаре работа групп СГЛПТ ведется с 2001 г. на базе Центра развития образования сотрудниками лаборатории психологии общения и развития речи. За это время организовано и проведено шесть таких групп, в которых получили помощь заикающиеся дети, подростки и взрослые в возрасте от 8 до 45 лет (это более 70 человек), их родители и родственники (около 170 человек). Консультативную помощь получили около 40 семей дошкольников с заиканием. На базе групп ежегодно проводятся практико-ориентированные курсы повышения квалификации для психологов и

педагогов Самары (в настоящее время обучение прошло около 70 специалистов Самары), проходят практику студенты психолого-педагогических факультетов вузов Самары. Результаты работы периодически обсуждаются на научно-практических конференциях областного, общероссийского и международного масштаба.

Десятилетний опыт работы в Самаре позволил увидеть широкие образовательные возможности данной системы и адаптировать ее к работе с другими видами нарушения речевой коммуникации (в частности, с дисграфией и дислексией), а также использовать методические возможности системы СГЛПТ в учебно-консалтинговой работе (проведение тренингов и обучающих семинаров по эффективной речевой коммуникации). В настоящее время на основе системы СГЛПТ разработана и успешно апробируется в трех образовательных учреждениях Самары программа по профилактике трудностей усвоения письменной речи у младших школьников во внеучебной деятельности. Разработана и апробирована программа «Психолого-педагогическое сопровождение детей с ОНР в компенсирующих группах методами семейной групповой логопсихотерапии». На основе системы СГЛПТ разработаны и успешно проводятся тренинги и обучающие семинары для студенческой аудитории, для специалистов по следующим направлениям: техника речи и постановка голоса; технология эффективного публичного выступления и презентации; основы саморегуляции; профилактика эмоционального выгорания педагогов и т. п. Таким образом, система СГЛПТ обладает широкими методическими и образовательными возможностями, эффективность которых подтверждается многолетней практикой, что позволяет решать различные коммуникативно-речевые проблемы в любом возрасте.

Абдуллаева В. К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА БОЛЬНЫХ ГЕРОИНОВОЙ НАРКОМАНИЕЙ

В настоящее время употребление наркотиков является важнейшей не только клинической, но и психологической проблемой. Высокий уровень специализированной лечебно-диагностической и реабилитационной помощи больным наркоманиями невозможен без внедрения эффективных, доступных и информативных методов психологического обследования пациентов. Основным синдромом состояния химической зависимости является патологическое влечение к наркотическому или другому психоактивному веществу. В ряде исследований установлена связь между аффективными расстройствами и патологическим влечением к психоактивному веществу (Израелян А. Ю., 2009, Балашов П. С., 2003; Gerra G., Zaimovic A., 2004).

Целью исследования явилась психологическая оценка эмоционального статуса больных героиновой наркоманией. В ходе исследования было обследовано 156 больных героиновой наркоманией. Средний возраст больных составил 24,5 года, средняя суточная доза наркотика составила 0,95 г героина в сутки. Распределение по длительности воздержания от наркотика: максимальное значение воздержания от наркотика при обращении составило 168 часов (семь суток), минимальное – 0,5 часа.

Для оценки эмоционального статуса была использована шкала HADS. Шкала обладает высокой дискриминантной валидностью в отношении двух расстройств: тревоги и депрессии. При анализе данных уровня тревоги и депрессии ($n = 156$) пациенты распределились на три группы: 58 пациентов (37,2%) обнаружили клинически выраженную тревогу, 48 (30,8%) – слабо выраженную тревогу, у 50 человек (32,1%) выявлено отсутствие симптомов тревоги. У 69,9% больных выявлены симптомы тревоги в период воздержания от приема наркотиков.

При исследовании уровня депрессии получены следующие результаты: 54 пациента (35%) обнаружили клинически выраженную депрессию, 53 (34%) – субклинически выраженные признаки депрессии, у 49 человек (31%) симптомы депрессии отсутствовали. У 77 (49,4%) пациентов совпала степень выраженности тревоги и депрессии. У данной группы больных проведено изучение связи степени выраженности тревоги и депрессии с другими признаками (средний возраст, максимальная суточная доза наркотика, время воздержания от наркотиков).

В процессе исследования были выявлены следующие закономерности. У 67,5% пациентов были признаки и тревоги, и депрессии. В группе с клинически выраженной тревогой и депрессией средний возраст составил 26,0 года, в группе с субклиническим уровнем тревоги и депрессии – 24,3 года, в группе пациентов без признаков тревоги и депрессии – 24,8 года. Следовательно, более старший возраст определяет большую возможность появления тревоги и депрессии у больных героиновой наркоманией. У пациентов с клинически выраженной тревогой и депрессией наблюдалась самая высокая употребляемая средняя суточная доза наркотика – 1,12 г героина. У больных с субклиническим уровнем тревоги и депрессии средняя суточная доза наркотика составила 1,03 г героина. В группе пациентов без признаков тревоги и депрессии отмечена самая низкая суточная доза – 0,68 г героина.

Таким образом, чем выше средняя суточная доза употребляемого наркотика, тем выше степень выраженности тревоги и депрессии, т. е. выявлена прямая зависимость между средней суточной дозой наркотика и уровнем выраженности тревоги и депрессии в период воздержания от приема наркотиков. В группе с клинически выраженной тревогой и депрессией наблюдался самый короткий промежуток времени воздержания от наркотика (12,6 часа), в группе с субклиническим уровнем тревоги и депрессии – 19 часов, а в группе пациентов без признаков тревоги и депрессии – 25,2 часа. Следовательно, чем меньшее время прошло с момента последнего приема наркотика, тем выше степень выраженности тревоги и депрессии, т. е. выявлена обратная зависимость между временем воздержания от наркотика и уровнем выраженности тревоги и депрессии.

Таким образом, у исследуемой группы больных героиновой наркоманией в период воздержания от приема наркотиков в 70% случаев выявляются той или иной степени выраженности эмоциональные расстройства в виде тревоги и депрессии. При этом в 49% наблюдений установлена корреляция между тяжестью депрессии и степенью выраженности тревоги. Более высокая средняя суточная доза потребляемого наркотика определяла большую степень выраженности тревоги и депрессии. Однако при увеличении периода времени воздержания от наркотика глубина и тяжесть тревожно-депрессивных расстройств снижается, что совпадает с появлением и нарастанием соматических расстройств в рамках абстинентного синдрома.

Афанасьева Д. В.

СУПЕРВИЗИЯ В СТРУКТУРЕ ДОДИПЛОМНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Актуальность развития института супервизии обусловлена необходимостью совершенствования психологических служб и интеграции отечественной психологии в мировое профессиональное сообщество. Появление в профессиональной среде кадров с низкой квалификаци-

ей свидетельствует о необходимости выработки критериев и программы успешной профессионализации. Профессионализация – целостный непрерывный процесс становления личности специалиста, который начинается с момента выбора и принятия будущей профессии и заканчивается, когда человек прекращает активную трудовую деятельность. Одним из наиболее интенсивных периодов профессионализации считается обучение в вузе. Поэтому важной задачей университетского образования, помимо передачи знаний и умений, должно стать формирование личности профессионала, содействие его идентификации с профессией (Матвеева Л. Г., 2004).

В соответствии с нормами зарубежного профессионального сообщества, клинический психолог за время обучения должен пройти 3000 часов тренингов личностного роста и супервизорства. Существующие в России стереотипы постдипломной профессиональной жизни психологов обычно закрывают разрыв между базовым академическим образованием и насущными потребностями практики (Кравцова Н. А., 2008). Отсутствует система последовательного додипломного и постдипломного сопровождения профессионального становления психолога-практика, где супервизия могла бы быть органичной частью целостной системы. Элементы личностно-ориентированного супервизорского сопровождения встречаются в жизни студента-психолога на этапе практических занятий на клинических базах университета, но носят явно фрагментированный конкретно-ситуативный характер, т. е. прагматически ориентированы на работу с конкретной трудностью, нет заботы о последовательном профессиональном развитии специалиста (Залевский Г. В., 2004).

Супервизия направлена на профессиональное становление специалиста, на развитие социально-личностных характеристик, необходимых в дальнейшей работе клинического психолога. Следовательно, является оптимальной для внедрения в академическое образование клинических психологов. В процессе прохождения научно-исследовательской практики студентами третьего курса специализации «Клиническая психология» Южно-Уральского государственного университета была разработана учебно-воспитательная модель супервизии на этапе додипломной подготовки клинических психологов, предназначенная для внедрения в образовательный процесс.

Цель предлагаемой модели супервизии: помощь профессиональному становлению студентов.

Задачи:

- а) создание условий для профессиональной рефлексии;
- б) помощь в определении пробелов в теоретических знаниях;
- в) содействие в обретении широкого круга профессиональных контактов;

г) стимулирование практической деятельности студента для формирования его профессиональных навыков;

д) помощь осознанию своего места в профессии.

Модель супервизии предполагает несколько этапов длительностью с первого по пятый курс. Первый этап – тренинги знакомства, сплочения и личностного роста, проводимые в рамках учебного процесса (первый курс). Второй этап – супервизорская работа в диадах и триадах, проводимая в рамках дисциплины «Основы психологического консультирования, психокоррекции и психотерапии» с обсуждением хода работы и обратной связью (четвертый курс). Третий этап – индивидуальные беседы с пациентами и клинико-психологические разборы на базе терапевтического стационарного отделения ГБ г. Челябинска № 3 в рамках дисциплины «Основы психосоматики» (4–5 курс). Четвертый этап – самостоятельное проведение тренингов в студенческой группе, с дальнейшим обсуждением ошибок, в роли супервизора выступает преподаватель дисциплины «Социально-психологический тренинг» (пятый курс). Пятый этап – посещение групповой или индивидуальной супервизии на добровольной основе, проводимой преподавателями кафедры клинической психологии, для проработки вопросов и проблем студентов (3–5 курс). Для каждого этапа супервизии выбраны мероприятия и темы учебных занятий, предложенные студентами с помощью обратной связи.

Выводы:

1. Построение учебно-воспитательной модели супервизии на этапе додипломного образования показало необходимость ее осуществления для эффективности обучения и повышения социально-личностной компетентности.

2. Супервизия на практике позволяет студентам:

а) оценить правильность своего профессионального выбора;

б) научиться моделировать гипотезу терапии, планируемой в последующих встречах;

в) определиться в выборе дальнейшей специализации.

Ахмедова И. С.

Паламарчук Н. В.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ СТРЕССУ

Нахождение психофизиологических критериев повышения эффективности профессиональной деятельности в условиях воздействия факторов стресса является важной задачей, направленной на оптимизацию процессов управления. В связи с этим научный и практический интерес может представить анализ психофизиологических аспектов повышения устойчивости к информационному стрессу. В соответствии

с этой целью нами были сформулированы следующие задачи исследования:

1. Изучение динамики психофизиологических характеристик деятельности в процессе адаптации к факторам информационного стресса.
2. Определение психофизиологических характеристик деятельности при воздействии факторов информационной перегрузки.
3. Исследование взаимосвязи личностных характеристик испытуемых с успешностью выполнения деятельности в условиях действия факторов информационного стресса.

Исследование было проведено на базе факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Было обследовано 23 студента вузов г. Санкт-Петербурга в возрасте от 20 до 26 лет, из них 20 мужчин и 3 женщины. Всего проводилось 69 обследований.

Нами был сформирован комплекс психологических методик, включающий модифицированный вариант методики «Мультифакторная тестовая батарея» – МАТВ («The Multi-Attribute Task Battery») для оценки физиологических и психофизиологических реакций на воздействие факторов информационного стресса, личностный опросник «BIG 5», методику исследования особенностей оперативной памяти и функционирования оперативной памяти в стрессовых условиях «Маршрут», методику «Личностный дифференциал». Кроме того, на протяжении выполнения методик «Маршрут» и «МАТВ» производилась оценка напряжения регуляторных систем организма по показателям вариабельности сердечного ритма.

В ходе исследования было выявлено, что:

1. При выполнении тестовой задачи «Маршрут», моделирующей операторскую деятельность, испытуемые используют две стратегии, одна из которых, «вербальная», основана на преимущественно вербальном кодировании поступающей информации, в то время как другая, «комплексная», опирается на применение как вербальных, так и пространственно-образных форм кодирования.
2. Характер используемых когнитивных стратегий оказывает существенное влияние на устойчивость индивидов к воздействию факторов информационного стресса. Установлено, что лица с «комплексной» когнитивной стратегией демонстрируют достоверно более высокие показатели эффективности деятельности по сравнению с лицами, использующими «вербальную» стратегию.
3. Лица с «комплексной» стратегией по сравнению с индивидами с «вербальной» стратегией демонстрируют более высокие показатели эффективности деятельности при работе в многозадачном режиме,

что может быть обусловлено более успешным распределением когнитивных резервов.

4. В процессе тренировки лица с «комплексной» стратегией по сравнению с лицами с «вербальной» стратегией демонстрируют более высокие показатели успешности адаптации к факторам информационного стресса. Это позволяет сделать вывод, что целенаправленное формирование когнитивных стратегий, обеспечивающих эффективное функционирование индивида в стрессовых условиях, может являться важной задачей профессиональной подготовки специалистов.

5. В процессе тренировки в многозадачном режиме физиологические показатели напряжения, такие как средняя частота сердечных сокращений, достоверно снижаются, что может свидетельствовать о физиологической оптимизации деятельности в результате тренировки.

6. Выраженность такого личностного качества, как экстраверсия, связана с более низкими показателями эффективности деятельности в условиях информационной перегрузки. Этот факт согласуется с данными о том, что у экстравертированных лиц в стрессогенных условиях тормозные процессы развиваются быстрее и нормализуются медленнее, чем у лиц с преобладанием интровертированных черт.

Нам представляется, что выявленные в исследовании психологические и психофизиологические характеристики лиц с разными когнитивными стратегиями могут позволить более целенаправленно и дифференцированно подходить к проведению тренировки, а также профессиональному отбору специалистов, чья деятельность связана с воздействием факторов информационного стресса.

Бабарахимова С. Б.

Шаханская О. В.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ В ДИАГНОСТИКЕ ЛУДОМАНИИ

Лудомания по определению МКБ № 10 отнесена к психическим заболеваниям и представляет собой зависимость от азартных, в том числе и компьютерных игр. В связи с ростом научного прогресса и более обширного влияния информационных технологий на современное общество возникает проблема предупреждения отрицательных последствий на психику наиболее подверженных влиянию слоев населения – молодежи и подростков. Всемирная информационная сеть создала «виртуальный мир», который овладевает умами многих молодых людей, формируя зависимость намного сильнее наркотической. Уход в «виртуальный мир» сопровождается полной отрешенностью от реальной действительности и делинквентным поведением.

Методы исследования, разработанные клиническими психологами, имеют большое диагностическое значение в изучении состояния здоровья и психики молодежи и подростков с данной патологией. Применяются психологические методы исследования при обследовании психического статуса молодежи и подростков, а также выявляются факторы способствующие развитию игромании (игровой и интернет-зависимости). Было протестировано 68 посетителей интернет-клубов, интернет-кафе города Ташкента в возрасте от 12 до 19 лет; специально разработанная анкета, содержала перечень психологических тестов-вопросов, созданных сотрудниками кафедры психиатрии совместно с клиническими и социальными психологами. В процессе экспериментального психопатологического исследования применили метод пиктограмм Лурия и тест Шмишека-Леонгарда.

В ходе опроса были получены следующие результаты. На вопрос: «цель посещения интернет-кафе?» отвечали: «от нечего делать» 20% опрошенных, 15 % – «не могут жить без игр», 25 % – «чтобы развлечься», 15 % тестируемых – «чтобы выплеснуть эмоции», 10% – «двигает спортивный интерес», 15% – «делают на этом деньги». 15% опрошенных играли в аркадные игры, 25% – игры на быстроту реакции, 60% опрошенных играли в ролевые компьютерные игры.

Неролевые компьютерные игры (аркадные и игры на быстроту реакции) вызывали меньшую психологическую зависимость и подростки могли легко отказаться от участия в игре при предоставлении им других видов деятельности. Наибольшее влияние на психику подростков оказывали ролевые игры. Потребность в этой форме игры опрошенные объясняли желанием уйти от реальности и потребностью в принятии более значимой социальной роли.

Путем опроса у этих лиц была выявлена группа социально запущенных подростков. Среди них 15% росли в неполной семье, 25% – в социально неблагополучной семье (в 98% случаев отец злоупотреблял спиртным, в 2% случаев – мать), 30% имели проблемы в общении и установлении новых социальных связей. Анализ полученных данных позволил выявить лиц, склонных к делинквентному и девиантному поведению, с гедонистической жизненной позицией.

Результаты теста Шмишека-Леонгарда показали наличие неустойчивой, психастенической и с шизоидной акцентуацией личности. Психологическое тестирование приобретает важное диагностическое значение в выявлении факторов, способствующих развитию игровой зависимости и определении наличия психических расстройств у лиц с лудоманий. Полученные данные свидетельствуют о том, что необходимо проводить психокоррекционную работу с детьми из группы риска

для предупреждения возникновения и формирования зависимости от компьютерных игр.

Бегоян А. Н.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС

Концептуальный диссонанс (далее КД) – это конфликт между уже имеющимся и новым опытом. КД – это несоответствие конкретной действительности конкретным ожиданиям и прогнозам личности. КД есть нарушение концептуальной целостности личности, когда новый опыт, познаваемое невозможно объяснить своей концепцией или втиснуть в рамки уже существующих представлений, когда происходящее не соответствует законам и принципам концептуальной системы личности (далее КСЛ). Состояние КД характеризуется психоневротическим напряжением (стресс) и переживанием страха и тревоги.

Осознавая факт несогласованности имеющихся концептов реальности, т. е. осознавая, что действующие концепты недееспособны и неточны в новой сложившейся жизненной ситуации, личность понимает также, что приходят в негодность, точнее опровергаются, и действующие «сценарии будущего» (т. е. свое видение своего будущего). Нет «сценария будущего» – нет определенности и жизни вообще, нет определенности – нет и комфорта и спокойствия. Таким образом, теряя свое психическое равновесие и «уверенность в завтрашнем дне», личность теряет «почву под ногами». Страх и тревога наполняют все бытие личности. Т. е. в данном случае «страх возникает как реакция человека на осознание рассогласованности мира, несоответствия желаемого и реального» (Гуревич, 1992). «Мир прозрения рождает оцепенение. Т. е. человек в какой-то момент осознает реальное положение дел и свое место в этом. Страх возникает именно в момент корреляции субъекта и объективной ситуации» (Даллакян, 1998). И данное состояние «оцепенения» нуждается в немедленном устранении. По крайней мере, к этому неудержимо стремится личность, переживающая его.

Состояние КД активизирует защитные механизмы личности, дабы сохранить целостность КСЛ, а тем самым и текущие «сценарии будущего». Психологическая защита в рамках концептуальной психотерапии (Бегоян, 2010) рассматривается с позиций гуманистической психологии (Берберян, 2010), т. е. «не как неосознаваемая регуляция деятельности (S. Freud), а как средство согласования непосредственного опыта с представлением индивида о себе за счет искажения этого опыта в сознании» (С. Rogers). Вследствие концептуального диссонанса возникает острая необходимость реинтеграции нового опыта, т. е. переработки новой информации. Данный подход вполне совместим с психодинамической моделью переработки информации (Horowitz, 1979), согласно

которой, из-за существующей у индивида естественной «тенденции к завершению» личность будет постоянно перерабатывать травматическую информацию в активной памяти до тех пор, пока она (информация) не начнет соответствовать внутренней модели мира индивида. Если же травматический опыт не удастся включить в существующую картину мира, то информация остается в активной памяти и будет проявляться в форме навязчивых мыслей. Этот процесс будет длиться до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень интеграции.

Соответствует наш подход и концепции ДПДГ F. Shapiro (Shapiro, 1995; Шапиро, 1998). Согласно ей, «симптомы посттравматического синдрома вызываются беспокоящей информацией, накопленной в нервной системе. Эта информация запечатлена в той же форме, в какой она была впервые воспринята и пережита, так как информационно-перерабатывающая система, которая должна была бы “переварить” эту информацию, по тем или иным причинам оказалась заблокированной».

Беляева В. А.

ВЫЯВЛЕНИЕ ДЕПРЕССИИ И АНАЛИЗ ПРИЧИН ЕЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ-СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Депрессия – бич XXI века. Ежегодно около 150 миллионов человек в мире лишаются трудоспособности из-за депрессий. По прогнозам ВОЗ, к 2020 г. депрессия выйдет на первое место в мире среди всех заболеваний, обогнав сегодняшних «лидеров» – инфекционные и сердечно-сосудистые заболевания.

Уже сегодня она является самым распространенным заболеванием, которым страдают женщины. Несмотря на то, что это самый частый повод обращения к психологу, больше половины людей, которые страдают депрессией, вообще не обращаются за помощью к специалистам. Надо иметь в виду, что депрессивные проявления могут выступать в рамках психических расстройств, гетерогенных аффективным. Наибольшие сложности для дифференциальной диагностики представляют стертые, атипичные депрессии с многообразными проявлениями.

Подростки особенно нуждаются в безусловном позитивном внимании и уважении. В этом возрасте происходят сильные изменения внешности. Из-за этого может стать очень весомой разница между психическим и физическим развитием. В жизни подростков наступает момент выхода во взрослую жизнь, что является огромным стрессом. Масса факторов способна вызвать множество негативных явлений и спровоцировать у них появление депрессивных состояний.

Исходя из вышесказанного, мы провели исследование, направленное на выявление депрессии у школьников-старшекласников и рассмотрение возможных причин возникновения этого синдрома. В каче-

стве гипотезы выдвигается предположение, что в выборке будет отмечаться достаточно высокий процент лиц с состоянием легкой депрессии в связи с наступлением ответственного момента окончания школы и предстоящим выбором профессии. Нами была применена методика дифференциальной диагностики депрессии В. Зунге. Возможные причины выяснялись в ходе личной беседы с каждым испытуемым.

Выборку составили 64 ученика 11х классов, обучающихся в гимназии. Результаты тестирования 64 подростков по методике дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунге следующие:

- состояние без депрессии – 78,1%;
- состояние легкой депрессии ситуативного или невротического генеза – 15,6%;
- субдепрессивное состояние или маскированная депрессия – 6,25%;
- истинная депрессия – 0%.

В ходе личной беседы с испытуемыми, у которых диагностируется состояние депрессии, со слов испытуемых, были выявлены возможные причины депрессивного состояния: стресс, связанный с предстоящими выпускными экзаменами; стресс, связанный с предстоящими вступительными экзаменами; тревожность, связанная с трудностью определения вуза для поступления; проблемы в отношениях с противоположным полом; трудности взаимопонимания с родителями; недовольство собственной внешностью.

В данной выборке отмечается достаточно высокий уровень депрессии ситуативного или невротического генеза. Абсолютно все опрошенные испытуемые при описании возможных причин своего состояния на первое место ставят предстоящую сдачу ЕГЭ, что полностью подтверждает гипотезу. Испытуемые также отмечают, что не способны выдержать такие нагрузки и испытывают неимоверную усталость. Отмечаются тенденции страха не оправдать ожидания родителей и статуса ученика гимназии. Кроме того, становятся невыносимыми тяготы постоянных размышлений о будущем и о выборе профессии, необходимость откладывания на второй план аспектов, не связанных с учебной, сведения на минимум интимно-личностного общения. Таким образом, среди школьников-старшеклассников наблюдается высокий процент подростков, страдающих депрессивным синдромом. По большей части это связано со страхом сдачи выпускных экзаменов и неопределенностью выбора будущей профессии.

Болдицин С. В.

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ МОБИЛЬНЫХ АДДИКТОВ

Сложно представить себе существование современного индивидуума без разнообразных технических устройств. Приборы отвоевали значительную территорию человеческой индивидуальности. Мы радуемся тому, с какой скоростью модернизируется наше бытие, но не задумываемся о том, что эта скорость превышает скорость формирования потребности в подобной модернизации. Человек не всегда осознанно приобретает и использует тот или иной прибор. Часто мотивами для этого служат стремление «не отставать от жизни», «быть не хуже других».

В пилотажном исследовании индивидуально-психологических особенностей личности аддиктов сотовой телефонной связи приняло участие 50 человек – 25 мужчин, 25 женщин. Возрастной диапазон испытуемых – 25–55 лет. Образование среднее специальное, высшее. Были использованы следующие методики: авторская анкета исследования уровня мобильной аддикции; 16-факторный опросник Кеттела. Результаты анкетирования разделили генеральную совокупность на аддиктов (66%) и контрольную группу (34%). Было установлено, что женщины более подвержены мобильной аддикции, нежели мужчины (средний балл по шкале 34,8 против 28,8). В трех подгруппах, разделенных по возрастному признаку (25–35, 36–45, 46–55 лет) уровень аддикции существенно снижался (ср. зн. 34,3; 30,3; 27,8 соответственно).

Различия уровня мобильной аддикции по критерию образования не были выявлены. После расчета и перевода первичных средних значений результатов в стандартные (стены) по методике Кеттела по группе аддиктов были получены следующие показатели: фактор MD (6). Интеллектуальный блок: фактор В (3); фактор М (3); фактор Q1 (4). Блок эмоционально-волевых особенностей: фактор С (3); фактор G (8); фактор I (6); фактор O (8); фактор Q 3 (4); фактор Q 4 (4). Блок факторов коммуникативных свойств и особенностей межличностного взаимодействия: фактор А (2); фактор Н (6); фактор F (4); фактор E (5); фактор Q 2 (5); фактор N (6); фактор L (6).

Интерпретация результатов исследования индивидуально-психологических особенностей личностей аддиктов сотовой телефонной связи по методике Кеттела позволяет отметить следующее. Аддиктам свойственны конкретность, ригидность мышления, ограниченность и излишняя внимательность к мелочам, консервативность, устойчивость по отношению к традиционным трудностям, недоверие к новым идеям, нежелание перемен, отсутствие аналитических и интеллектуальных соображений. Для аддикта характерна низкая толерантность по отноше-

нию к фрустрации, подверженность чувствам, переменчивость интересов, склонность к лабильности настроения, раздражительность, утомляемость, невротические симптомы, ипохондрия, тревожность, депрессивность, ранимость, впечатлительность.

Статистическая обработка результатов исследования подтвердила правильность выводов. С целью проверки надежности анкеты исследования уровня мобильной аддикции было проведено повторное анкетирование реципиентов через месяц. Результаты позволяют считать анкету эффективным инструментом исследования.

Исследования такого феномена, как мобильная аддикция, в настоящее время приобретают все большую актуальность. Зависимый человек в увлечении прибором забывает основные навыки. Ломается речь, теряется способность видеть свой внутренний мир, обедняется эмоциональная сфера жизнедеятельности, утрачивается способность общения с живыми людьми. Технологии – неотъемлемая часть современной жизни и вместе с прогрессом рожают психологические проблемы, которые заставляют проводить исследования, разрабатывать новые методики исследования и коррекции, привлекать внимание общества на существование такой проблемы, как мобильная аддикция.

Болдицин С. В.

Пронин С. П.

ФЕНОМЕН МОБИЛЬНОЙ АДДИКЦИИ, КАК ФОРМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В последние десятилетия число технологических аддикций дополнили зависимости от электронных приборов. На Западе это явление получило название гаджет-аддикции (gadget – безделушка, техническая новинка) и определяется как пристрастие к техническим приспособлениям, которое проявляется в неконтролируемом стремлении владеть новинками технических устройств. Люди, страдающие гаджет-аддикцией, проводят неоправданно много времени за изучением функций технологических новшеств, тратят немалые средства, зачастую необходимые на более насущные нужды, на их модернизацию, аксессуары.

Особое место в иерархии технологических аддикций занимает зависимость от мобильного телефона. На текущий момент мобильный телефон – самый популярный гаджет. Сейчас затруднительно найти человека, который бы не имел мобильного телефона. Растущее число функций позволяет обходиться без таких приборов, как калькулятор, плеер, фотоаппарат, видеокамера и т. д. У зависимых людей возможность задействовать эти функции имеет куда большее значение, чем использование телефона по прямому назначению, т. е. как средство коммуникации. У людей, страдающих мобильной зависимостью, созда-

ется иллюзия доступности для контакта, чему немало способствует реклама компаний сотовой связи. Конечно, нельзя однозначно сказать, что мобильный телефон – это зло. Если телефон используется как средство связи по необходимости – это прибор, экономящий время, позволяющий в любой момент соединиться с нужным тебе человеком. В этом случае глупо отрицать безусловную пользу прибора. Но когда мобильный телефон становится предметом, без которого человек не мыслит своего существования, когда он становится средством престижа, времяпрепровождения, тут речь идет о зависимости. Мобильная аддикция становится разрушительной для внутреннего мира человека. Необходимое для поддержания внутренней гармонии время для общения с самим собой используется на всевозможные манипуляции прибором.

На сегодняшний момент, используя классификации А. Ю. Егорова и А. В. Котлярова, можно обозначить следующие признаки мобильной аддикции:

1. Предпочтение общения посредством мобильного телефона живому общению.
2. Восприятие телефона как символа успешности и престижа.
3. Стремление быть всегда доступным для связи, возникновение чувства дискомфорта из-за отсутствия возможности общения посредством мобильного телефона. Устранение дискомфорта при возобновлении такой возможности.
4. Устойчивый интерес к рекламе мобильных телефонов, компаний сотовой связи, тарифов. Приобретение под влиянием рекламы новых приборов, смена тарифов, компаний сотовой связи.
5. Бессодержательность звонков, SMS, имеющих целью не передачу информации, а бездумные манипуляции прибором.
6. Стремление использовать мобильный телефон для видов деятельности, не связанных с общением (фото-, видеосъемка, игры, прослушивание музыки и т. д.).
7. Постоянный физический контакт с прибором (постоянное ношение в руках, манипуляции кнопками).
8. Пополнение мобильного счета в ущерб личному, семейному бюджету.
9. Возрастающая потребность в общении посредством мобильного телефона.
10. Возрастающие затраты на приобретение, модернизацию прибора, аксессуаров, оплату тарифного времени.
11. Частое восприятие посторонних звуков как звонка мобильного телефона.
12. Отсутствие чувства неловкости при необходимости отвечать на звонок во время какого-либо мероприятия.

13. Навязчивое стремление подарить мобильный телефон тому из близких, у кого его нет и тем самым приобщить его к собственному пристрастию.

14. Возникновение проблем в учебном заведении, на работе из-за использования мобильного телефона.

15. Возникновение межличностных проблем из-за постоянного использования мобильного телефона.

16. Возникновение угрозы здоровью и даже жизни вследствие использования мобильного телефона в неподходящей ситуации (например, во время вождения автомобиля).

Мобильная аддикция по степени воздействия на личность более сильна, чем другие технологические зависимости, хотя бы потому, что мобильник всегда и везде под рукой и постоянно требует внимания владельца: пополни счет; прочитай SMS; закачай новую картинку; заряди аккумулятор и т. д. На сегодняшний день проблема недостаточно хорошо изучена и требует тщательного, многостороннего исследования и разработки методик исследования и коррекции.

Бондаренко А. А.

Буклина С. Б.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СИНДРОМЫ У ПАЦИЕНТОВ С ТОРСИОННОЙ ДИСТОНИЕЙ

Введение. Торсионная дистония представляет собой хроническое заболевание, характеризующееся поражением экстрапирамидной системы. Основным симптомом является неравномерное распределение мышечного тонуса, которое провоцирует гиперкинезы. Лечение дистонии проводится обычно двумя путями: консервативно (подбор медикаментозной терапии, соответствующей форме и длительности заболевания) или хирургически. Хирургическое лечение проводится обычно при неэффективности медикаментозного и заключается либо в различного рода деструктивных операциях на подкорковых структурах для избавления от основных двигательных симптомов, либо в появившейся в последние годы хронической электростимуляции тех же самых структур.

Деструктивные операции нередко влекут за собой ряд отрицательных последствий, к числу которых относятся рецидивы экстрапирамидных симптомов и психические отклонения. Менее инвазивная хроническая электростимуляция показала лучшие результаты в плане состояния психических функций. Ряд авторов после проведенного исследования признал, что DBS (deep brain stimulation) не влияет негативно на когнитивные функции и эмоциональное состояние пациентов с первичной формой дистонии (B. Pilon, C. Ardouin, K. Dujardin,

P. Vittini, A. Pelissolo, O. Cottencin, L. Vercueil, J. L. Houeto, P. Krystkowiak, Y. Agid, A. Destée, P. Pollak, M. Vidailhet).

На сегодняшний день состояние высших психических функций у таких пациентов очень мало изучено в нашей стране. Считается, что данное заболевание не оказывает существенного влияния на когнитивные функции. Тем не менее ряд исследований, проведенных на Западе, показывает, что интерес к этой проблеме активно растет в последние годы. Исследуется память, внимание (Christoph J. Ploner, MD; Ulrike Stenz, MS; Karin Fassdorf, BSc; and Arnold Guy, MD), появляется необходимость в исследовании зрительно-пространственных функций. В первую очередь это касается тех больных, которым проводятся стереотаксические операции. Врачей и нейропсихологов интересует, насколько изменяется состояние психических функций таких пациентов после различного рода операций (деструкции, электростимуляция) сразу после них и в катамнезе.

Материалы и методы. На базе НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко проводится исследование, посвященное проблеме состояния высших психических функций у пациентов с различными формами торсионной дистонии. Все эти пациенты поступают в НИИ для хирургического лечения, заключающегося в имплантации системы для нейростимуляции KINETRA в подкорковые структуры (преимущественно бледный шар) для хронической электростимуляции. Пациентам проводится комплексное нейропсихологическое обследование до операции, сразу после операции и в динамике по методу А. Р. Лурия.

На данный момент осмотрено 20 пациентов (из них десять пациентов до и после операции, десять еще и в динамике). Результатом данного пилотажного исследования стало выдвижение двух основных гипотез.

Гипотеза 1: У больных с торсионной дистонией будут наблюдаться определенные нарушения высших психических функций, в первую очередь нарушения памяти.

Гипотеза 2: Сразу после операции по электростимуляции глубинных структур мозга состояние ВПФ у таких пациентов может ухудшиться, однако в динамике будет наблюдаться возвращение к дооперационному уровню.

Выводы. Предварительные результаты позволяют выявить наличие у таких пациентов нарушения динамического праксиса, расстройства памяти (преимущественно слухоречевой, по типу повышенной тормозимости следов интерферирующими воздействиями). Кроме того, можно отметить инертность мышления, заключающуюся в трудностях переключения в серийном счете, ошибках при оценке простых ритмов по типу недооценки, ошибках персеверативного характера. У многих

присутствуют нарушения оптико-пространственных функций. Локализацией функционального дефицита чаще всего являются лобные доли, преимущественно задние и глубинные отделы. После операции можно отметить нарастание симптомов инертности, нарушений памяти, персевераций. Таким образом, в связи с быстрорастущей популярностью электростимуляции при дистонии и необходимостью в таких операциях, исследование состояния высших психических функций у таких больных является важной задачей врачей и нейропсихологов, работающих в данной сфере.

Буенок А. Г.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЧУВСТВА ЮМОРА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние годы проблемы изучения юмора все чаще привлекает внимание психологов. Чувство юмора, с одной стороны, является критерием психического здоровья человека, а с другой – механизмом совладания со стрессовыми жизненными событиями. Большинство исследований в области психологии юмора принадлежит западным ученым. Одним из основоположников этого направления является Род Мартин. Результаты его исследований показали, что юмор полезен для психического здоровья: люди, которые чаще смеются и шутят в повседневной жизни, как правило, являются менее депрессивными, тревожными, пессимистичными, менее склонны к развитию психических расстройств, а также они отличаются более высокой самооценкой и общим состоянием здоровья (Мартин, 2009).

В России психологических исследований чувства юмора мало. В основном они относятся к области клинической/медицинской психологии и рассматривают такие вопросы, как нарушение чувства юмора при шизофрении и аффективных расстройствах, психопатологические особенности и чувство юмора, использование юмора в качестве инструмента клинической диагностики (Ениколопов С. Н., Иванова Е. М., 2006).

В нашей работе мы рассматриваем чувство юмора как фактор профилактики синдрома профессионального выгорания в управленческой деятельности. Нами было проведено исследование, в котором в качестве респондентов выступили 52 менеджера производственно-коммерческих фирм г. Санкт-Петербурга (из них: 17 женщин, 35 мужчин; средний возраст 35–40 лет; средний стаж управленческой деятельности 10–15 лет). Для изучения особенностей проявления чувства юмора у руководителей мы использовали следующие методики: «Опросник диагностики стилей юмора» Р. Мартина (адаптация С. Н. Ениколопова и др.) и опросник «Отношение к смеху» В. Руха (адаптация Е. Стефаненко). Для диагности-

ки профессионального выгорания использовался опросник «Отношение к работе и профессиональное выгорание» В. А. Винокура.

Гипотеза нашего исследования заключается в предположении, что использование менеджерами выделенных Р. Мартином аффилиативного и самоподдерживающего стилей юмора может быть рассмотрено как фактор, снижающий риск профессионального выгорания. Для проверки гипотезы был выбран метод регрессионного анализа, который позволяет определить степень детерминированности вариации синдрома выгорания особенностями проявления чувства юмора. В качестве зависимой переменной мы взяли интегративный индекс профессионального выгорания; а в качестве независимых переменных – стили юмора (аффилиативный, самоподдерживающий, агрессивный и самоуничижительный) и отношение к юмору (гелотофобия – отрицательное отношение к юмору, гелотофилия – положительное отношение к юмору, катагелостицизм – склонность к высмеиванию других людей).

Результаты регрессионного анализа показали, что предикторами (объясняющими переменными) выраженности синдрома профессионального выгорания у менеджеров являются агрессивный стиль юмора ($B = 0,56$; $\beta = 0,67$) и гелотофобия ($B = 0,37$; $\beta = 0,21$). Агрессивный юмор выражается в склонности использовать юмор для критики или управления другими при сарказме, поддразнивании, насмешке, использовании потенциально оскорбительных форм юмора. Гелотофобия (от греческого слова «гелос» – смех, и «фобос») – это страх перед насмешками, который может привести к серьёзным психологическим проблемам. Если в качестве гипотезы мы предположили, что использование аффилиативного и самоподдерживающего стилей юмора может стать одним из методов профилактики выгорания, то результаты пилотажного исследования показали, что использование агрессивного стиля юмора и отрицательное отношение к юмору (гелотофобия) можно отнести к факторам риска, способствующим процессу выгорания. Учитывая, что юмор сопровождает все типы социальных взаимодействий, выполняет ряд важных психологических функций: когнитивную, социальную, эмоциональную, – мы пришли к выводу, что изучение данного феномена является перспективным направлением в рамках психологии профессионального здоровья.

Буславская А. В.

ТАНЦЕВАЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КАК МЕТОД РЕАБИЛИТАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ПАЦИЕНТОВ

В последние десятилетия резко возросло количество людей, страдающих онкологическими заболеваниями. В настоящее время ежегодно в мире насчитывается около 500 000 новых больных. Данная про-

блема ставит перед клиническим психологом ряд специфических задач, ведь рак – «это не просто болезнь, это образ жизни и особое смысловое пространство» (Русина Н. А, 2002). На современном этапе развития общества стало очевидно, что без учета психологических факторов арсенал современных методов диагностики и лечения злокачественных опухолей часто не может эффективно использоваться. Все больше растет интерес к психологическим аспектам онкологического заболевания. Уже не оспариваются значение психической структуры человека, его эмоциональных и поведенческих паттернов, учет психотравмирующих и длительных стрессовых ситуаций в предрасположенности к раку, их влияние на течение болезни и на совладение с ней (Бирюкова И. В., 2005).

Попытки сделать психотерапию неотъемлемой частью реабилитационных мероприятий по лечению больных раком предпринимаются в последнее десятилетие и в России. Тем не менее российская психологическая служба делает лишь свои первые шаги в этом направлении. Данная работа ставит своей целью обозначить перспективы применения танцевально-двигательной терапии как одного из психотерапевтических методов в комплексе мероприятий по психологическому сопровождению онкологических больных в условиях стационара; знакомит с начальным опытом использования этого метода в работе с больными онкологической патологией репродуктивной системы в радиологическом отделении Областного онкологического клинического диспансера города Курска. Использование данного метода обусловлено представлениями о том, что тело и психика неразрывно связаны между собой и оказывают постоянное взаимное влияние друг на друга. Делая более гибким тело посредством танца, мы делаем более гибкой и душу, и наоборот. Танец выступает как коммуникация, которая осуществляется на трех уровнях: с самим собой, с другими людьми и с миром (Бирюкова И. В., 2001).

Способность танцевально-двигательной терапии обращаться к телу напрямую, расширить свое представление о нем и на уровне ощущений воспринять его как источник радости и удовольствия выступает как психологический ресурс на фоне безнадежности, тревоги и депрессии. Включение в танец – это уже проявление собственной активности, творческой инициативы. Танец учит мобилизовываться и расслабляться, отпускать ненужное напряжение, а вместе с ним ставшие ненужными переживания, застрявшие в теле. Возвращая чувственность, ощущение радости и интереса в тело, можно опосредованно привести их и в душевное состояние.

Для определения показаний к танцевально-двигательной терапии учитывается специфика личной истории онкологических пациентов, фаза

лечения, актуальность состояния, возрастные особенности и условия стационара. В связи с этим основными целями танцевально-двигательной терапии для онкологических пациентов на стадии радиологического лечения мы видим: обеспечение двигательной активности стационарных больных, посредством релаксации редуцирование стрессовых реакций на болезнь и лечение, восстановление контакта с телом через работу с осознанием ощущений, получение позитивного телесного и двигательного опыта, работу с телесными зажимами и эмоциональное высвобождение, поддержку и развитие личностных ресурсных состояний, а также развитие позитивной коммуникации пациентов (Малкина-Пых И. Г., 2005).

Таким образом, каждое занятие должно сочетать в себе приемы визуализации, релаксации и двигательного выражения глубоких экзистенциальных тем. Для достижения поставленных целей планируется использование техник телесного джаза, двигательной визуализации, сенсорное осознание дыхания и релаксационных техник. Программа по танцевально-двигательной терапии в реабилитации больных раком репродуктивной системы в период их стационарного лечения на фазе лучевой терапии выступит одним из важных психотерапевтических методов в комплексе мероприятий по психологическому сопровождению больных. В данном случае танец позволит соприкоснуться со своими чувствами и дать им выход, что поможет вернуть контакт со своим телом, а значит, с собой, будет способствовать повышению уровня стрессоустойчивости пациентов в борьбе с болезнью.

Ващенко К. В.

О ДОМИНИРУЮЩИХ СТРАТАГЕМАХ В ПОВЕДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Основной проблемой наших исследований является изучение различных эмоциональных состояний. Мы пытаемся увидеть взаимосвязь между возникновением различных эмоций и их влиянием на адаптационные возможности субъекта. Мы предполагаем такое соотношение понятий: стратагема ↔ эмоциональный фон ↔ адаптация. Под стратагемой мы понимаем некую устойчивую позицию или план, с помощью которого происходит рефлексирование стимулов в среде. Феномен, который мы назвали стратагема, хорошо изучен в искусстве (театр): выбранные стратагемы позволяют актеру менять свой эмоциональный фон, что дает ему возможность создать нужный образ. Например, в системах К. С. Станиславского, А. П. Чехова, в сущности, речь о таких стратагемах. Для определения понятие типичных стратагем мы выбрали 36 сюжетов Ж. Польти. Мы исходили, далее, из предположения, что формирование отрицательных или положительных эмоций напрямую зависит от выбранной стратагемы в восприятии окружающего

мира и, возможно, существует взаимосвязь между уровнем адаптации и способом реагирования испытуемого на комические образы (в виде карикатур). Исследования проводилось на базе психофизиологической лаборатории СПбГУ. В его первой части и во второй принимали участие 29 испытуемых в возрасте 18–19 лет (11 женщин и 18 мужчин). В первой серии исследований испытуемым предъявлялся список Ж. Польти «36 драматических сюжетов». Во второй серии участники интерпретировали «36 карикатур».

Результаты 1 серии. При проведении факторного анализа методики Ж. Польти «36 драматических сюжетов» было выявлено четыре фактора. Первый фактор был назван «Безумная жестокость» на основании следующих признаков, которые вошли в данный фактор: адюльтер, сопровождающийся убийством; безумие; фатальная неосторожность; невольное кровосмешение; невольное убийство близкого и др. Второй назван фактором «Чувство вины» на основании следующих признаков – жертва кого-нибудь; адюльтер, угрызения совести; потеря близких. Третий был назван фактором «Дерзкая попытка» на основании следующих признаков – отважная попытка; соперничество между близкими. Четвертый фактором «Чрезмерное достижение через самоподавление» на основании следующих признаков – спасение; месть, преследующая преступление, достижение с отрицательным знаком, соперничество неравных с отрицательным знаком и др.

Результаты второй серии. Для исследования способов реагирования испытуемого на карикатуры мы составили набор «36 карикатур». Алгоритм создания теста:

1. Из Интернета были выбраны 142 наиболее смешные карикатуры (мнение посетителей сайта karikaturist.ru).

2. Из упомянутых 142 карикатур 36 экспертов (22 мужчин и 14 женщин в возрасте 20-27 лет) выбрали самых смешных карикатур на основе ранжирования последних.

3. Выбранные 36 карикатур были предъявлены другой группе испытуемых (11 женщин и 18 мужчин). Каждому испытуемому предъявлялся опросный лист, где были перечислены номера картинок (набор из этих 36 карикатур). Испытуемый должен был оценить степень юмористичности картинки по десятибалльной шкале, дав ей свое название.

В результате описанного исследования у нас получилась таблица, где каждой картинке конкретным испытуемым был присвоен соответствующий ранг, т. е. получена матрица оценок размером 29 × 36. После этого исходная таблица была подвергнута факторному анализу.

4. Помимо сказанного, был составлен частотный словарь обозначений картинок, которые были даны упомянутыми 29 испытуемыми. Каждой картинке было присвоено название, наиболее часто упоминае-

мое в ответах испытуемых. Названия объединялись в группы по их смыслу.

Результаты проанализированы с помощью метода факторного анализа, и было выявлено четыре фактора. Первый фактор был назван «Опасность» на основании следующих признаков: война клонов; удар в небо; былое и думы и др. Все другие факторы были интерпретированы по такому же алгоритму. Второй назван фактором «Беспомощность». Третий – фактором «Отчужденность». Четвертый назван фактором «Противостояние». В результате двух серий экспериментов мы выявили, что факторы и, возможно, и стратагемы, оказались похожими. Это можно проинтерпретировать так, что, независимо от их характера предъявляемого материала (вербальные задания или картинки), результат получается одним и тем же или результаты очень похожи. Это говорит о том, что в сознании людей присутствуют одни и те же схемы восприятия окружающей среды, и эта схема исключает генетическую основу.

Вейц А. Э.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТОВ У ДЕТЕЙ С НЕВРОЗАМИ И НЕВРОЗОПОДОБНЫМ СИНДРОМОМ

На личностные конфликты как причину возникновения неврозов вообще и у детей в частности указывали многие ведущие психиатры и психологи XX в. и современности. Детские конфликты по принципу направленности подразделяются на три группы: внутриличностные (ВК), межличностные (МК) и сочетанные. ВК характеризуются высоким уровнем тревожности, эмоциональной ранимостью, необоснованными страхами, чувством одиночества, нарушенной самооценкой. Для МК характерна агрессивность, вспыльчивость, демонстративность, чувство соперничества, болезненное реагирование на оценку окружающих. Сочетанные конфликты объединяют и те и другие признаки.

В рамках изучения эмоциональных нарушений у детей с неврозоподобным синдромом, обусловленным резидуально-органической патологией ЦНС (F06,8 по МКБ-10), нами было исследовано 126 детей младшего школьного возраста (7–10 лет), разделенных на три группы: дети с неврозоподобным синдромом (1 группа), с неврозами неорганической этиологии (2 группа) и здоровые (3 группа). Исследование проводилось по детскому апперцептивному тесту ДАТ, направленному на психологический анализ детских конфликтов. Изучались следующие параметры: агрессивность, тревожность, необоснованные страхи, соперничество, одиночество, низкая самооценка, демонстративность, потребность в отце, в матери и в защите в целом.

Зона межличностных конфликтов у детей 1 группы связана с семьей и представлена в высоком проценте потребности в защите (87%)

при практическом отсутствии этого параметра в двух других группах, потребности в отце, матери, в родительской ласке, понятии и принятии, что обусловлено нарушенными семейными взаимоотношениями и патологическими типами семейного воспитания. Преобладает воспитание по типу повышенной гиперпротекции, что побуждает детей этой группы стремиться вырваться из-под родительской опеки, искать самостоятельные пути решения проблем, уединиться от всех. Рисунки с изображением семьи комментируются отстраненно. Дети не связывают себя с персонажами, употребляют минимум прилагательных, характерны односложные ответы, лишённые эмоциональной окраски. Отмечается смятение в душе, потребность укрыться, спрятаться от действительности. Ответы показывают, что дети нуждаются в проявлении истинной родительской любви. Зачастую же она показная. Характерно парадоксальное мышление, т. е. ответы, не адекватные изображенной ситуации. Наблюдается высокий уровень агрессивности и раздражительности (46%) наряду с высокими показателями по шкале одиночества (38%). У детей этой группы практически отсутствует самооценка, чувство соперничества, желание выделиться в группе сверстников, что обусловлено низкой дифференцировкой эмоций, незрелостью эмоционально-волевой сферы.

У детей с невротизмом наблюдается преобладание в ответах необоснованных страхов (44%) и низкой самооценки (51%). Потребность в родительском тепле выражена почти в равной степени у детей 1 и 2 групп (52% и 48% соответственно). Но у детей 2 группы зона межличностных конфликтов связана как с семьей, так и со сверстниками, что представлено высокими показателями по шкалам демонстративности (25%), соперничества (37%), одиночества (33%). В этой группе наблюдается сочетанный характер конфликтов, но доля внутриличностных конфликтов значительно выше по сравнению с межличностными. Дети же с невротизмом не склонны к глубоким эмоциональным переживаниям, для них не важна оценка окружающих.

В 3 группе также прослеживается демонстративность (21%) и чувство соперничества в группе сверстников (17%), т. е. наблюдаются межличностные конфликты. Но у здоровых они сопровождаются оптимизмом, поиском путей их решения, а у детей с невротизмом конфликты переживаются очень болезненно. Таким образом, для детей с невротизмом характерны сочетанные конфликты с конфликтогенными зонами в собственной личности, в семье и в отношениях со сверстниками. У детей с невротизмом преобладают межличностные конфликты с конфликтогенной зоной в семье. Внутриличностные конфликты у них практически не выражены в связи с недостаточным осознанием себя как личности, с отсутствием выраженности своего «Я». В силу отсутствия

реакции на мнение окружающих у них почти не встречаются конфликты со сверстниками.

Результаты исследования позволяют более детально подойти к дифференциации эмоциональных нарушений у детей с неврозоподобным синдромом и у детей с неврозами и разработать комплекс мероприятий, направленных на коррекцию семейных взаимоотношений и эмоционального состояния ребенка.

Верзилин С. Д.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ АУТИЗМЕ

Когнитивный подход к исследованию аутизма получил широкое развитие в течение последних десятилетий. Современное состояние, достоинства и недостатки когнитивных теорий аутизма, особенностей психологической помощи аутичным детям обсуждаются в работах (Richardson T., 2008; Rajendran G., Mitchell P., 2007; Dichter G., Belger A., 2007; Мамайчук И. И., 2007; Bjerne P., Balkenius C., 2005; Plaisted K. et al., 1999; Ozonoff S., et al., 1991; Rumsey J., Hamburger S., 1988; Premack D., Woodruff G., 1978). Материалы этих работ использованы для сопоставления когнитивных теорий аутизма, выявления перспектив развития и возможных направлений практического применения для компенсации расстройств развития аутичных детей. Теория несформированной модели мышления утверждает, что индивидуумы с аутизмом не способны приписывать себе и другим умственные состояния (Shah A., Wing L., 1986). Теория не применима к индивидуумам с высокофункциональным аутизмом, обладающим высоким IQ. Такие люди обычно владеют навыками, позволяющими компенсировать нарушения, характерные для аутизма. Baron-Cohen S. (1989) придал теории большую универсальность: следует говорить не об отсутствии модели мышления, а о задержке ее формирования. Этот тезис подтвержден в исследованиях Happé F. (1994, 1995), установивших значимую зависимость между умственным вербальным возрастом аутичного ребенка и вероятностью прохождения теста первого порядка.

Несмотря на разночтения в трактовке теории, не вызывает сомнений, что индивидуумы с аутизмом имеют проблемы с пониманием своего мышления и мышления других людей. Особенностью теории дисфункции исполнительных систем является то, что она применима ко всей сфере когнитивного функционирования. Подход, связанный с исследованием исполнительных функций (Executive Functions EF) базируется не на изучении нормального когнитивного функционирования, а на сопоставлении с функционированием индивидуумов, имеющих специфические органические поражения головного мозга. Преимущество

EF-концепции в том, что она позволяет исследовать все аспекты, связанные с аутизмом, а не только социальные нарушения. Недостаток: симптомы, сопровождающие дисфункцию исполнительной системы, наблюдаются не только при аутизме. Конструктивный подход направлен на преодоление этого недостатка, построение характерных профилей индивидуумов с аутизмом, показывающих, какими обычно бывают результаты прохождения ими тестов исполнительной системы. Теория слабой центральной связи состоит в том, что люди с обычным когнитивным развитием обрабатывают информацию таким образом, чтобы выделить главное, обнаружить общий смысл, а аутичные индивидуумы, концентрируя внимание на деталях, не могут их объединить в целостную картину окружающего мира (Frith U., 1989; 2003; Frith U., Happé F., 1994; Happé F., 1999).

В настоящее время теория слабой центральной связи трактуется как теория превалирования локальных процессов обработки информации. Перечисленные теории дополняют одна другую, объясняя различные аспекты аутизма, но не позволяют объяснить все его проявления. Тесты, разработанные в рамках когнитивных теорий, могут быть использованы как основа для коррекции нарушений развития при аутизме, поскольку являются моделями жизненных ситуаций. Предлагаются следующие направления интеграции когнитивных теорий, обеспечивающие повышение их конструктивности и создание условий для их практического применения для обучения аутичных детей:

- стандартизация тестов, программ обучения/коррекции, методик тестирования (обеспечение повторяемости результатов);
- формирование расширенной системы показателей (результаты прохождения разнотипных тестов, возраст, IQ, пол, степень выраженности различных симптомов и т. п.), характеризующих состояние участников тестов и программ обучения/коррекции;
- применение методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа и др.) для обработки результатов тестирования с целью выявления зависимостей между тестами, состоянием тестируемых и результатами, а также определения категорий аутичных детей по критериям, связанным с перспективами их обучения;
- многомерная классификация тестируемых по расширенной системе показателей (по построенным профилям);
- создание типовых программ обучения/коррекции для различных профилей;
- создание методик для анализа динамики профилей аутичных детей;
- создание методик обучения/коррекции с обратной связью (применение результатов анализа динамики профилей).

Волковыская Е. А.

Вассерман М. В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ БОЛЬНЫМИ, ПЕРЕНЕСШИМИ ИНСУЛЬТ

Как известно, проблема эмоций относится к числу весьма актуальных и сложных проблем современной психологии. Способность к пониманию эмоций и способность к управлению эмоциями часто страдает вследствие возникших когнитивных нарушений у больных, перенесших инсульт (Бредбери Д., 2009). Клинические наблюдения показывают, что нарушения в этой сфере у людей приводят к различным расстройствам и требуют специальной коррекции (Сидорова О. А., 2001). Данные, полученные в ходе психологического исследования особенностей перцепции и вербализации эмоций, а также адекватной оценки собственного эмоционального состояния постинсультными больными, становятся необходимыми в процессе построения коррекционной программы, направленной на восстановления не только соматического и психологического здоровья, но и социального статуса больных (Бизюк А. П., 2002).

Целью исследования стало изучение особенностей перцепции и вербализации эмоций постинсультными больными с правополушарными и левополушарными поражениями головного мозга. Основную группу исследования составили 30 больных с правополушарным и левополушарным ишемическим инсультом в бассейне среднемозговой артерии, 18 мужчин и 12 женщин в возрасте 40–60 лет. Давность сосудистой катастрофы до 2,5 лет. Основная группа была разделена на две подгруппы в зависимости от стороны поражения – 14 человек с правополушарным инсультом и 17 человек с левополушарным инсультом. Контрольная группа – здоровые лица того же возраста, 18 мужчин и 12 женщин. У испытуемых, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения, в качестве остаточных явлений имелись правосторонний или левосторонний гемипарез. Больные с тяжелыми когнитивными и речевыми нарушениями, со сниженным интеллектом в выборку не включались.

Была выдвинута гипотеза, что существуют различия между особенностями эмоциональной сферы у постинсультных больных с правополушарными и левополушарными поражениями головного мозга. Результаты исследования: Данные, полученные с помощью методики «Самочувствие, активность, настроение», показали, что постинсультные больные дают худшую оценку своей активности в сравнении с оценкой самочувствия или настроения. Статистически значимых различий между особенностями оценки самочувствия, активности или настроения левополушарных и правополушарных больных не обнаружено. У боль-

ных с ишемическим инсультом выраженность депрессивных состояний выше, чем у контрольной группы испытуемых (Wilson B., 2009). Статистически значимых различий между левополушарными и правополушарными больными по уровню выраженности депрессии обнаружено не было. У постинсультных больных уровень алекситимии выше, чем у группы здоровых лиц. Вследствие сравнения уровня алекситимии между правополушарными и левополушарными больными было обнаружено, что у правополушарных больных уровень алекситимии выше.

Оценка уровня невербального интеллекта с помощью теста интеллектуального потенциала (ТИП) (Вассерман Л. И., 2008) выявила, что постинсультные больные справляются с выполнением заданий теста хуже, чем группа испытуемых, не перенесших инсульт. В группе постинсультных больных была обнаружена связь между количеством выполненных заданий теста интеллектуального потенциала и способностью выявлять знак и модальность эмоций по методике эмоциональной идентификации портретов (Алексеева Е. А., 2004). Сравнилось количество ошибок, допущенных при определении знака и модальности эмоции при предъявлении эмоциональных стимулов с количеством ошибок, допущенных при выполнении заданий теста интеллектуального потенциала. Выяснилось, что низкая способность к адекватной оценке графического изображения эмоциональных состояний сказывается на качестве выполнения заданий теста интеллектуального потенциала.

Обсуждение результатов: Анализ литературных данных и результатов исследования позволяет утверждать, что особенности перцепции и вербализации эмоций постинсультными больными с унилатеральным поражением головного мозга отличается от аналогичных данных здоровых испытуемых того же возраста. Способность выявлять знак и модальность эмоций у больных, пренесших ишемический инсульт, связана с качеством выполнения заданий на выделение уровня невербального интеллекта. Гипотеза о том, что существуют различия между характеристиками эмоциональной сферы у постинсультных больных с правополушарными и левополушарными поражениями головного мозга, подтвердилась частично.

Высотина Т. Н.

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ, ИМЕЮЩИМ АУТИЗМ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Дети со сложными вариантами нарушений психического развития (аутизм с умственной отсталостью) вызывают интерес многих специалистов (психиатров, психологов, педагогов, социологов). Имеющаяся тенденция увеличения их численности, трудности диагностики и организации психолого-педагогической помощи объясняют необходи-

мость всестороннего изучения не только детей, но и их семей. Своеобразие эмоционального и интеллектуального развития при аутизме, осложненном умственной отсталостью, оказывает значительное влияние на формирование родительского отношения к ребенку, которое, в свою очередь, может активизировать либо замедлять его психическое развитие.

Целью исследования было выявить особенности родительского отношения к детям со сложными вариантами нарушений психического развития (аутизм с умственной отсталостью). В исследовании приняли участие 120 родителей детей от четырех до шести лет. Экспериментальная группа (ЭГ) – 56 родителей детей с аутизмом и умственной отсталостью (А/УО), контрольная (КГ) – 64 родителя детей с умственной отсталостью (УО). В исследовании был использован клинко-психологический метод (биографический, наблюдение, беседа), экспериментально-психологические методики – опросник родительского отношения (ОРО) (А. Я. Варга, В. В. Столин), методика «Родительское сочинение» (адаптация А. А. Шведовской), метод цветовых выборов (МЦВ) (Л. Н. Собчик), методы статистической обработки данных (критерий U-Манна-Уитни).

Диагностика родительского отношения по методике ОРО выявила статистически достоверные различия ($p \leq 0,05$) в склонности родителей ЭГ и КГ к эмоциональному отвержению ребенка, искажению его образа. Родители детей с А/УО, в целом, более негативно, чем родители детей с УО, оценивают своего ребенка, преувеличивая его недостатки. Вместе с тем для них свойственно противоречивое стремление к единению с ребенком, сокращению психологической дистанции. В отличие от них, родители детей с УО больше включены в процесс воспитания ребенка, чаще занимая по отношению к нему авторитарную позицию. Контент-анализ сочинений родителей позволил выявить различия в высказываниях родителей детей с А/УО и УО и выделить несколько типов детско-родительского взаимодействия (ЭГ – конфликтный, дистантный, «Ребенок-диктатор», КГ – конфликтный, «Родитель-диктатор»). При конфликтном типе наряду с общей положительной оценкой ребенка, родители крайне редко отмечают его эмоционально-личностные особенности (неконтактность, отрешенность).

При дистантном типе образ ребенка в прошлом связан с отсутствием проблем (спокойный, послушный), родителями положительно оценивается самостоятельность ребенка, умение себя занять. Причины трудностей, по мнению родителей, связаны с личностными и волевыми особенностями ребенка («может, но не хочет», «ему не интересно»). При типе «Ребенок-диктатор» значимым для родителей является позитивный эмоциональный настрой ребенка, отсутствие негативной реак-

ции на ситуацию взаимодействия. Среди основных характеристик ребенка они отмечают настойчивость, умение добиваться своего. При типе «Родитель-диктатор» значимыми являются коммуникативные качества ребенка, успешность в сфере обучения. Причины трудностей – волевые качества ребенка. Идеальный образ ребенка связан одновременно с послушанием и активностью в достижении целей.

Данные, полученные с помощью МЦВ свидетельствуют о наличии у 80 % родителей детей с А/УО стресса, вызванного ограничениями или запретами, разочарованием и препятствиями на пути к реализации своих намерений. Фрустрация потребности в независимости, сохранении собственной индивидуальности сочетается с ощущением непреодолимости препятствий. У 65 % родителей детей с УО также отмечается напряженность, вызванная ограничениями собственной независимости. Однако их отличает протест в отношении запретов и нежелательных ограничений, активность в преодолении трудностей.

Исследование показало, что ситуация постоянного стресса, создающая ощущение безвыходности сложившейся ситуации, приводит к тому, что у родителей детей с А/УО складываются специфические паттерны родительского отношения. Несмотря на вариативность типов детско-родительских отношений, их объединяет противоречивая структура – неприятие особенностей ребенка, инфантилизация его образа и, вместе с тем, стремление наладить взаимодействие. Таким образом, формирование родительского отношения зависит не только от психологических особенностей родителей, семейного микроклимата, но и от структуры и тяжести нарушения развития у ребенка.

Гаджибабаева Д. Р.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ УЧАЩИХСЯ

Здоровье – одна из важнейших ценностей человеческой жизни. В его общем представлении, психологическое здоровье находится на особом месте, выступая значимой характеристикой личности. Оно отражает особенности ее генезиса и психического развития. Одной из актуальных задач на сегодняшний день является необходимость решения вопроса психологического здоровья школьников. Об остроте и необходимости работы над этой проблемой говорят данные исследований физического здоровья учащихся, а также результаты изучения их психического состояния (тревожности, безопасности и т. п.). Нарушение психологического здоровья связано с соматическими заболеваниями, неблагоприятными факторами и стрессами, воздействующими на психику ребенка. Для психологического здоровья норма – это присутствие определенных личностных характеристик, позволяющих человеку не только

адаптироваться к обществу, но и развиваясь самому, содействовать развитию общества.

Понимание нормы основывается на анализе взаимодействия человека с окружающей средой и предполагает, прежде всего, гармонию между умением человека адаптироваться к среде и умением адаптировать ее в соответствии со своими потребностями. Психологическое здоровье позволяет личности постепенно стать самодостаточной, регулирующей свои психические процессы, ориентирующейся в поведении и отношениях не только на задаваемые извне нормы, но и на внутренние осознанные ориентиры. Составляющими (компонентами) психологического здоровья являются социальный, эмоциональный и интеллектуальный аспекты развития личности.

В качестве главных критериев психологического здоровья можно выделить следующие:

- позитивное самоощущение (позитивный основной эмоциональный фон настроения), позитивное восприятие окружающего мира;
- высокий уровень развития рефлексии;
- наличие стремления улучшать качество основных видов деятельности;
- успешное прохождение возрастных кризисов;
- адаптированность к социуму (если это ребенок – то к семье и школе), умение выполнять основные социальные и семейные роли.

В школе необходимо создать для ученика такую атмосферу, чтобы он чувствовал себя успешным. Нельзя допускать хронического неуспеха и неудач, поскольку это навсегда может отбить интерес к учению. Нельзя допускать, чтобы ученик воспринимал неправильно выполненное задание как показатель собственной неполноценности и личной недостаточности. Излишняя требовательность учителя становится бедствием для учеников с невротической склонностью к панике, с потребностью защищать позитивные впечатления. Ошибка для них – катастрофа, они впадают в отчаяние, вопреки действительности у них возникает чувство «я ничего не умею».

Неблагоприятные психологические состояния и ряд личностных особенностей влекут за собой повышение уровня невротизации, что является признаком дезадаптации и риском для здоровья учащихся. Нередко встречаются нарушения психологического здоровья, истоки которых лежат в подростковом возрасте. Они связаны с осложнением протекания нормативного подросткового кризиса, который принято называть кризисом идентичности – представления о себе, своих силах, возможностях, позиции в отношении окружающего мира. В этом случае подросток переживает чувство тревоги из-за невозможности ощутить целостность своего «Я». Тогда при наличии активной позиции, а в этом воз-

расте она наиболее типична, подросток сопротивляется любым социализирующим воздействиям: отказывается учиться, соблюдать дисциплину на уроках, идти к психологу. Он как бы надевает защитную маску «у меня все хорошо», пряча, прежде всего от самого себя, глубокое чувство тревоги.

В наиболее сложных ситуациях подростки полностью теряют ориентацию на будущее и живут одним днем. Параметры развития или психологического здоровья часто внешне не проявляются, а сопутствующие им поведенческие изменения не всегда социально желательны и могут не устраивать педагогов и родителей. Например, ребенок, у которого снизился уровень социальных страхов, становится менее «удобным» для некоторых взрослых. Для обеспечения психологического здоровья учащихся необходимым является проведение в учебных заведениях медицинскими работниками, психологами, совместно с министерствами: образования, науки и молодежной политики, по национальной политике, физической культуры и спорта профилактических работ, в рамках пропаганды здорового образа жизни, формирования у молодежи системы альтернативных увлечений, позитивных социально ориентированных установок, что может способствовать поддержанию и сохранению психологического здоровья личности.

Гончарова Ю. А.

ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ ПРИ СОСТОЯНИИ ЗАВИСИМОСТИ

Субъектность, приобретая статус методологического принципа, определяется как свойство индивида быть субъектом своей активности (Петровский В. А., 1996); как содержательно-действенная характеристика активности, подчеркивающая интенциональность субъекта (Осницкий А. К., 1996); как свойство выступать субъектом своей деятельности (Бариев П. Т., 2004); с точки зрения квинтэссенции индивидуальности, как то, что дает человеку возможность быть причиной самого себя, сохраняя достигнутый уровень целостности и подлинности (Большунова Н. Я., 2006).

Мы рассматриваем субъектность через категорию отношений как личностное свойство человека, которое раскрывает сущность человеческого способа бытия, заключающегося в осознанном и деятельном отношении к миру и себе в нем и способности производить взаимообусловленные изменения в мире и в человеке (Волкова Е. Н., 1998). В основе этого свойства лежит отношение к себе как к деятелю.

Согласно теории отношений В. Н. Мясищева, психическое состояние является общим функциональным уровнем, на фоне которого развиваются психические процессы, отражающиеся в системе отноше-

ний личности. Система отношений личности строится в субъект-субъектной системе координат. Таким образом, субъектность как свойство человека также получает свое отражение в системе субъект-субъектных отношений. Человек выступает субъектом собственной активности, творческой деятельности. Он выступает и как инициатор выстраивания системы отношений с внешним миром, и как преобразователь этих отношений. Субъектная природа человека проявляется в его способности изменять окружающий мир и себя вместе с ним, измерять и оценивать последствия этих изменений, излагать произошедшее себе и другим людям. Дефицитарность переживаний в поле субъект-субъектных отношений, характеризующих систему отношений личности, приводит к формированию состояния зависимости, которое строится в субъект – объектной системе координат. Зависимость определяется как специфическая деятельность, определяемая сверхценным отношением к объекту, имеющая некоторое внешнее выражение (Левитов Н. Д., 1964); как переживание состояния невозможности функционировать, избегать и получать удовольствие без использования каких-либо веществ или совершения действия (Левитов Н. Д., 1964).

Дефициты субъект-субъектного типа отношений проявляются в конфликтности, неопределенности, непоследовательности, нестабильности. Субъектная природа человека нарушается. Компенсация возникающих дефицитов происходит в системе субъект-объектных отношений, которые, в свою очередь, характеризуются бесконфликтностью, определенностью, последовательностью и стабильностью. Это ведет к изменению социальной ситуации человека, сужению восприятия ситуации. Происходит деформация субъектности. Человек перестает выступать субъектом собственной активности, творческой деятельности.

Однако нельзя не отметить двустороннюю связь данного процесса: возникающие дефициты субъект-субъектных отношений приводят к формированию зависимости, что в свою очередь деформирует субъектность человека. В то же время деформация субъектности, возникающая в процессе онтогенеза человека, вызывает невозможность реализации отношений в субъект-субъектной системе координат, что в свою очередь ведет к формированию зависимости. Субъектность возникает на некотором уровне развития личности и представляет собой новое системное качество личности, которое определяет специфику внешнего поведения человека. В. И. Слободчиков (1995), выделяя стадии становления субъектности, в основу периодизации ставит смену «человеческих общностей», являющихся, по его мнению, предельно общим понятием, включающим одновременно и объект, и источник развития. Одним из аспектов этой системы отношений выступает феномен доверия, являясь фундаментальной установкой, определяющей дальнейшее

развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим. Т. П.Скрипкина (2008) определяет доверие как специфический вид отношений к любому объекту, представленный субъекту как значимое переживание, проявляющееся в соотношении ценностных отношений к себе и миру. Таким образом, возникает необходимость исследовать доверие как фактор деформации субъектности.

Гринштейн Э. А.

Бутаков Д. Б.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ ОБРАЗА АЗАРТНЫХ ИГР У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Данная работа посвящена исследованию образа азартных игр как одного из способов понять природу игровой зависимости. Для каждого рода зависимости существуют свои специфические предпосылки, но очевидно, что для понимания эффективных способов профилактики необходимо изучать механизмы их актуализации. В данном исследовании был сделан акцент на половые различия в восприятии азартных игр. Н. Н. Иванец выделил категории лудоманов, классифицированные по различным особенностям, в том числе и по полу – мужчины (89,7%), женщины (10,3%) (Иванец Н. Н., 2006). Возможно, что такое неравномерное распределение игроков связано не только с социальными, но и с психологическими особенностями людей.

Таким образом, была выдвинута гипотеза о том, что мужчин в азартных играх привлекает эмоциональный аспект, в то время как женщины не воспринимают игру как способ получения эмоциональных впечатлений. Проведенное эмпирическое исследование было направлено на выявление половых различий при конструировании образа игры. Для исследования была сформирована рандомизированная выборка испытуемых в возрасте 16–48 лет. Всего 80 человек, из них 51 женщина и 29 мужчин.

В исследовании использовался метод семантического дифференциала (метод главных компонент, вращение Varimax). При составлении бланка семантического дифференциала использовались результаты проведенного ранее пилотажного исследования. Испытуемым предлагалось прочитать текст об азартных играх и выбрать 10–15 слов, которые оказались ключевыми при прочтении. На основании этих данных были выбраны наиболее часто встречающиеся слова, которые стали объектами исследования (азарт, выигрыш, удача, стратегия, эмоции, страсть, риск, атмосфера). Для актуализации образа игры использовались отрывок из художественного текста, содержащие описание игры, а именно описание ощущений при игре и самого хода игры. Текст в данном слу-

чае играл принципиально важную роль – он настраивал испытуемого на размышления об игре, создавал эмоциональный фон.

Анализ построенных полей позволяет сделать выводы о существовании различий между образами игры у женщин и мужчин. В результате факторного анализа было выявлено четыре фактора – «личностная значимость», «реалистичность», «иррациональность», «простота». Эти факторы оказались равноценно значимыми для мужчин и женщин. Дальнейший анализ факторных структур показал, что мужчины воспринимают все понятия, связанные с настроениями и переживаниями, возникающими в процессе азартных игр, как единую семантическую структуру; для них понятия «азарт», «эмоции» и «атмосфера» оказываются одинаково значимыми.

Мужчины считают наиболее реалистичным в игре существование азарта, который так же оказывается достаточно простым явлением. Атмосфера азартных игр для мужчины выглядит сложной, но реалистичной, в отличие от понятия «страсть», которое воспринимается как простое. Женщины понимают игру как иррациональное явление, неподдающееся объяснению; «выигрыш», «удача» и «стратегия» для них не связаны между собой. Для женщин те выгоды и риски, которые существуют в игре, не связаны с той стратегией, которая в ней возможна – для них это случайные явления. Женщинам в азартных играх важны эмоции, которые они там получают, атмосфера, связанная с самими игорными заведениями, но для них понятие азарт не связано с азартными играми и оказывается не важным по всем шкалам. Женщины понимают реалистичность эмоциональных процессов и явлений, возникающих при игре; стратегическая составляющая игры для них кажется нереалистичной. Максимально реалистичными женщины видят риски, существующие в азартных играх. Сама атмосфера азартных игр видится женщинам нереалистичной, но в то же время достаточно простой, т. е. поддающейся пониманию. «Азарт» непосредственно включен в мужской образ игры и становится тем ключевым понятием, с помощью которого мужчины описывают азартные игры. Женщины оказываются менее эмоционально включенными в азартные игры – они готовы получать эмоции и наслаждаться атмосферой, но при этом не становятся азартными.

Исследования Д. Б. Бутакова свидетельствуют о тесной связи эмоций, относящихся к азартному поведению и самооотношения личности (Д. Б. Бутаков, 2010). Существующий парадокс между эмоциональной включенностью мужчин в азартные игры и вытеснением стратегии из сферы значимого, а также нарушения самооотношения и могут стать причиной возникновения зависимости.

Громова И. А.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

Взаимодействия и взаимоотношения между людьми привычно рассматриваются в понятиях группы. Однако на современном этапе развития информационных технологий, ведущей роли информации стало более актуальным анализировать отношения между людьми через такое понятие, как социальная сеть. Социальные сети – социальные объекты, группы, организации, системы, которые объединены одним или более типом взаимоотношений. Данные группы могут разделять общие ценности, взгляды и идеи; иметь социальные контакты; состоять в родстве; быть членами в определенных организациях, а также могут включать и другие аспекты человеческих отношений (Olivier Serrat, 2009).

Социальная парадигма сети обеспечивает теоретические и методологические инструменты для понимания природы современных обществ. Обычно исследователи социальных сетей заинтересованы в моделировании отношений между индивидами, которые составляют социально детерминированную, т. е. заданную внешними обстоятельствами и социальными силами группу, имеющую очевидные границы.

В последнее десятилетие особое внимание социальных исследователей привлекают эго-сети, не имеющие очевидных границ. Под личной (или эго) сетью понимают социальные (родственные, профессиональные, дружеские, соседские и т. п.) связи отдельного индивида. По существу, личная сеть – это мир отношений с точки зрения одного человека, которого называют центральным индивидом, или эго. Это непосредственное социальное окружение индивида выступает связующим звеном между личностью и обществом. Личная сеть играет важную роль в воспитании, становлении личности и ее социализации, являясь проводником ценностей и норм поведения, доминирующих в обществе.

Эго-сеть включает:

- 1) самого эго;
- 2) других индивидов, с которыми он поддерживает отношения;
- 3) связи эго с этими другими;
- 4) связи между другими участниками сети.

Принцип образования личных сетей, их природа и функционирование в значительной степени зависят от социальной структуры общества и отражают происходящие в нем процессы. Структура эго-сетей зависит от культуры, религии, традиций и многих других характеристик общества (С. В. Сивуха, 2006).

В данной статье будут рассмотрены особенности социальных сетей химически зависимой личности. Нами было проведено пилотаж-

ное исследование, в котором приняли участие 20 опиумных наркоманов, находящихся на лечении в 1-ом наркологическом отделении г. Минска. Возраст пациентов от 26 до 36 лет. Стаж приема от 8 до 20 лет.

Была применена батарея методик, позволяющая выявить личностные особенности, характер межличностных отношений и специфику семейной истории респондентов. При анализе стажа заболевания было установлено, что практически у всех респондентов первое употребление наркотических веществ приходится на период от 15 до 20 лет. Важным в контексте проведенного исследования представляется тот факт, что все респонденты впервые употребили наркотик, находясь в группе знакомых сверстников, в которой некоторые члены употребляли психоактивные вещества. Из анализа историй наркоманов следует, что употребление наркотиков ограничивает (сужает) социальные взаимодействия личности и сосредоточивает их в определенной наркоманической сети. Изучение анамнеза жизни наркоманов позволило установить тот факт, что все испытуемые имели ряд травмирующих жизненных ситуаций, таких, как: зависимые члены семьи, физическое или психологическое насилие со стороны значимых других, насильственные смерти в поколениях, проблемы взаимоотношений в семье между родителями и детьми.

Данные факты свидетельствуют о значимых травматических событиях, происходивших в детстве, неблагоприятных жизненных ситуациях и неудовлетворяющих взаимоотношениях с родными и близкими. Исследования (Ronald B., Cox Jr., 2010) показывают, что химически зависимая личность будет функционировать в соответствующей себе социальной сети. Фактически для большинства зависимых людей их социальные сети состоят из таких же зависимых. Немаловажным является тот факт, что личность с зависимыми паттернами поведения будет выбирать такую социальную сеть, модель которой соответствует ее собственным. Такие сети создают взаимозависимые отношения, своего рода замкнутый круг, в котором поддерживаются существующие зависимые паттерны поведения.

Таким образом, интерес к эго-сетям обусловлен широкой сферой прикладного применения. Выявление особенностей социальных сетей зависимой личности дает возможность построения более эффективной реабилитационной и профилактической работы.

*Гурвич И. Н.
Антонова Н. А.
Ерицян К. Ю.*

ИЗУЧЕНИЕ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ С ВЫСОКИМ РИСКОМ ЗАРАЖЕНИЯ ВИЧ В ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

На современном этапе развития общественного здравоохранения в Российской Федерации, как и во многих других странах мира, наибольший практический интерес среди социально опасных заболеваний представляют ВИЧ, ИППП, вирусные гепатиты В и С, туберкулез. По данным Федерального центра СПИД (2010) на сегодняшний день в России официально зарегистрировано более 530 тысяч ВИЧ-инфицированных. В реальности эта цифра, по мнению специалистов, может оказаться выше в 3–5 раз в связи с анонимностью обследования на ВИЧ/СПИД и/или незнания своего ВИЧ-статуса респондентами при опросах. Согласно международной классификации, выделяется четыре вида/стадии эпидемии ВИЧ: низкого уровня, концентрированная, генерализованная и гиперэндемия (ЮНЕЙДС).

В настоящее время в РФ наблюдается концентрированная эпидемия ВИЧ, т. е. ВИЧ быстро распространился в определенных подгруппах населения, однако не распространяясь широко среди населения в целом. К группам с высоким риском заражения, которые одновременно являются и труднодоступными для исследования и проведения профилактической работы группами населения («hard-to-reach populations/groups») в Российской Федерации в первую очередь относят потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) – именно среди представителей этой группы сконцентрировано наибольшее число зарегистрированных случаев ВИЧ в России. Кроме того, роль сексуальных контактов с представителями высокопораженных групп населения (ПИН и людей с диагностированной ВИЧ-инфекцией [ЛЖВ]) становится все более значимой в связи с ростом числа инфицированных половым путем.

Таким образом, так называемые мостовые популяции – представители основного населения, практикующие сексуальные отношения одновременно и с представителями группы риска и представителями основного населения – представляют потенциальную угрозу для выхода ВИЧ-инфекции из рамок групп высокого риска и распространения ее среди основного населения.

В рамках научно-исследовательской работы № НИР 8.0.171.2010, выполненной на факультете психологии СПбГУ в 2010 г., была предпринята попытка обзора и вторичного анализа методов и результатов опубликованных ранее исследований, в которых на эмпирическом уровне рассматривались вопросы здоровьесберегающего поведения представителей труднодоступных групп населения, наиболее ак-

туальные в контексте эпидемии ВИЧ-инфекции. База данных исследований была создана при поддержке гранта RUB1-7001-ST Американского фонда гражданских исследований и развития (АФГИР).

Критерии для отбора публикаций были следующие:

- исследование реализовано на территории Российской Федерации;
- объектом исследования являются группы ПИН, ЛЖВ и половых партнеров потребителей инъекционных наркотиков (ПП ПИН);
- предметом исследования являются личностные особенности, знания, мотивы, установки или поведение представителей указанных труднодоступных групп в контексте эпидемии ВИЧ-инфекции.

Объем выборки составил 59 релевантных публикаций. Результаты анализа показали, что объем данных, посвященных проблеме ВИЧ-инфекции среди указанных групп населения, за последние 20 лет постоянно возрастал – более 90% всех исследований было проведено в течение последних десяти лет.

Внимание исследователей преимущественно сконцентрировано на группах ПИН и ЛЖВ. Половые партнеры ПИН – наиболее актуальная для Российской Федерации группа-мостик до настоящего момента не являлась предметом изучения российских исследователей. Так, использованная система отбора публикаций позволила выявить 32 исследования, направленных на описание и анализ здоровьесберегающего поведения и сопутствующих характеристик у ЛЖВ и 27 – у ПИН. Не было обнаружено ни одной публикации, в которой бы группа половых партнеров ПИН выступала в качестве самостоятельного объекта исследования. Общепсихологические и социально-психологические составляющие здоровьесберегающего поведения на сегодняшний день являются недостаточно изученными. В указанных исследованиях преимущественно изучается когнитивный и поведенческий компоненты самосохранительного поведения, значительно реже – мотивы и установки, и крайне редко – личностные особенности представителей указанных труднодоступных групп в контексте эпидемии ВИЧ-инфекции. Изучение данной проблематики среди высокоуязвимых групп, а также всестороннее изучение представителей мостовых популяций актуально с точки зрения противодействия развитию эпидемии ВИЧ-инфекции в РФ.

Давлетшина Н. Р.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В настоящее время в условиях изменения социальной сферы общества саморегуляция и ее роль в развитии личности становится одной из наиболее актуальных проблем психологической науки и практики. Различные аспекты становления саморегуляции подростков раскрыты в работах К. А. Абульхановой-Славской, Б. С. Волкова, И. В. Дубровиной, В. А. Кру-

тецкого, Н. С. Лейтеса, В. И. Моросановой, Г. А. Цукерман, Д. Б. Эльконина и др. Анализ психологических исследований саморегуляции показывает, что существуют различные взгляды на определение, структуру и функции саморегуляции, однако исследователи едины в понимании того, что поведение и деятельность, формирование содержательной структуры и форм проявления целой системы других психологических образований обусловлены особенностями саморегуляции личности.

В связи с этим особую значимость приобретает содержание саморегуляции лиц с ограниченными возможностями здоровья. С помощью теоретических методов было проведено изучение и анализ философских и психологических источников по проблеме саморегуляции человека. В качестве эмпирических методов выступили фокусированная беседа, психолого-педагогическое наблюдение, констатирующий и формирующий эксперименты, психологическое тестирование, анализ продуктов деятельности, количественный и качественный анализ эмпирических данных, подтвержденный статистическими расчетами, достаточными для необходимых выводов. Эмпирические данные были получены в исследовании, проводившемся в сентябре–ноябре 2010 г. В исследовании приняли участие 79 младших подростков в возрасте от 10 до 12 лет, проходящих социально-психологическую реабилитацию в специализированном центре г. Кирова.

Выборка была гетерогенная по полу и по возрасту и составляла 35 юношей (44,3%) и 44 девушки (55,7%). Подростки имели следующие заболевания: травматическая болезнь головного мозга, последствия ДЦП, последствия нейроинфекции, остеохондроз и сколиоз различных отделов спинного мозга, энцефаломиелит и др. Участие в исследовании основывалось на добровольном согласии, всем респондентам предоставлялись четкие инструкции выполнения заданий. С целью выявления уровней выраженности саморегуляции поведения нами была применена методика изучения стилевой саморегуляции поведения В. И. Моросановой.

Диагностические возможности данной методики позволили получить следующие результаты: выявлено, что большинство испытуемых имеет низкий уровень саморегуляции поведения – 57 человек (72%), 15 (19%) человек имеют средний уровень саморегуляции и семь человек (9%) – высокий. Анализируя полученные результаты, следует отметить, что подавляющее большинство респондентов имеют низкий уровень саморегуляции поведения (72%) Это означает, что для лиц с ограниченными возможностями здоровья применительно к данной выборке свойственна плохо сформированная потребность в осознанном планировании и программировании своего поведения. Полученные результаты могут быть связаны с тем, что ситуация болезни в данном случае может являться причиной плохо сформированной осознанной саморегуляции

поведения лиц с ограниченными возможностями здоровья. Респонденты с высоким уровнем саморегуляции легче овладевают новыми видами активности, увереннее чувствуют себя в незнакомых ситуациях. Средний уровень саморегуляции имеет в данной выборке представленность в количестве 19%. Респонденты данной группы в целом способны к осознанному планированию, прогнозированию, программированию собственной деятельности. Они проявляют самостоятельность и гибкость в поведении, обладают хорошо развитыми волевыми качествами личности. Но, вместе с тем, данные свойства могут проявляться у них в зависимости от ситуации, от обстоятельств, а также от ближайшего окружения респондентов.

Таким образом, анализ результатов по методике В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» показал, что респонденты данной выборки обладают низким общим уровнем осознанной саморегуляции поведения (72%), т. е. способность к осознанному планированию, программированию, прогнозированию собственного поведения у них затруднена. Это может быть связано с тем, что ситуация болезни, требующая рассмотрения возможных перспектив собственной жизни, во многом фрустрирует лиц с ограниченными возможностями здоровья ввиду построения ими неблагоприятных прогнозов относительно собственного выздоровления и успеха лечения.

Дворцова Е. В.

Чувашова И. А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЭМПАТИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Возможность достижения наиболее полного развития своих способностей, реализации личностного потенциала у человека появляется именно в профессиональной деятельности, начальным этапом которой является студенчество (стадия адепта, по Е. А. Климову). Однако препятствующим этому фактором в профессии психолога может являться эмоциональное выгорание. В силу необходимости организации эффективного взаимодействия с людьми профессии типа «Человек–человек» предъявляют повышенные требования к эмпатии специалиста. В исследованиях взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания имеют место противоречивые данные. Взаимосвязь эмпатии и эмоционального выгорания может быть различной у юношей и девушек, поскольку как манера общения, установления контактов с людьми, так и реагирование в эмоционально сложных ситуациях имеет свои особенности у представителей разного пола.

Цель: выявить особенности взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания у юношей и девушек – студентов-психологов. Гипотеза: существуют отличия во взаимосвязи эмпатии и выгорания у юношей и деву-

шек – студентов-психологов. Выборка: 72 студента-психолога пятого курса НФИ КемГУ, из них 12 юношей и 50 девушек. Методики: «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой; диагностики эмоционального выгорания В. В. Бойко; «Определение психического “выгорания” А. А. Рукавишника; опросник А. Меграбяна по изучению эмпатии; диагностики эмпатических способностей В. В. Бойко. Математико-статистическая обработка данных: корреляционный анализ (критерий Пирсона).

В группе юношей были выявлены положительные корреляции на уровне значимости $p \leq 0,01$ между: эмоциональным истощением и эмоциональным каналом эмпатии ($r = 0,85$), неудовлетворенностью собой, а также между тревогой, депрессией и присоединением ($r = 0,79$; $r = 0,83$), сформированностью фазы резистенции и интуитивным каналом эмпатии ($r = 0,85$). Отрицательно связаны: редукция персональных достижений с чувствительностью к отвержению ($r = -0,84$, $p \leq 0,01$), неудовлетворенность собой, а также тревога и депрессия – со способствующими эмпатии установками ($r = -0,83$, $p \leq 0,01$; $r = -0,79$, $p \leq 0,01$) и проникающей способностью в эмпатии ($r = -0,8$, $p \leq 0,01$; $r = -0,78$, $p \leq 0,01$). В группе девушек положительно связаны: тревога и депрессия, редукция профессиональных обязанностей, истощение – с чувствительностью к отвержению ($r = 0,56$, $p \leq 0,01$; $r = 0,6$, $p \leq 0,01$; $r = 0,66$, $p \leq 0,01$); редукция персональных достижений – с присоединением ($r = 0,6$, $p \leq 0,01$) и рациональным каналом эмпатии ($r = 0,36$, $p \leq 0,05$); деперсонализация, эмоциональная отстраненность, профессиональное истощение и личностное отдаление – с идентификацией в эмпатии ($r = 0,34$, $p \leq 0,05$; $r = 0,36$, $p \leq 0,05$; $r = 0,29$, $p \leq 0,05$; $r = 0,31$, $p \leq 0,05$); Отрицательно связаны на уровне значимости $p \leq 0,05$: тревога и депрессия, неадекватное эмоциональное реагирование – с эмпатией ($r = -0,34$; $r = 0,45$); сформированность фазы тревожного напряжения и фазы резистенции, общий уровень выгорания по методикам В. В. Бойко и А. А. Рукавишника – с присоединением ($r = -0,35$; $r = -0,32$; $r = -0,3$; $r = -0,33$); сформированность фазы резистенции, «отсутствие профессиональной мотивации», общий результат эмпатии по методикам В. В. Бойко и А. А. Рукавишника – с проникающей способностью в эмпатии ($r = -0,35$; $r = -0,35$; $r = -0,35$; $r = -0,34$).

Таким образом, проведенное исследование показало, что девушки, получающие профессию психолога, более подвержены возникновению эмоционального выгорания, чем юноши. Интересен тот факт, что у юношей яркое проявление эмпатии, сочувствия, вхождение в глубокий эмоциональный резонанс с окружающими способствует развитию выгорания, а у девушек – предотвращает его возникновение. И наоборот – гибкая переключаемость, быстрая постановка себя на место

другого и абстрагирование от него, открытое, непринужденное общение с людьми предотвращает выгорание у юношей, однако способствует его возникновению у девушек. При разработке системы психологического сопровождения начальной стадии профессионального пути студенчества следует учитывать гендерные особенности взаимосвязи эмпатии и эмоционального выгорания.

Дик П. В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ РИСКОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

При разработке новых методов, а также для повышения эффективности существующих мероприятий по профилактике рискованного поведения подростков необходимо проанализировать возможную взаимосвязь между различными видами нежелательной деятельности (курение, употребление алкоголя, рискованное сексуальное поведение и драки) несовершеннолетних.

Объектом исследования являлись ученики старших классов школ, учащиеся колледжей и студенты младших курсов вузов. В анкетировании приняло участие 316 человек, средний возраст опрошенных – 18 лет, гендерный состав выборки – 54 % юношей и 46 % девушек. Инструментальная основа исследования представляла собой анонимный опрос о вовлеченности респондента в различные виды рискованного поведения; опросник об индивидуальных особенностях подростка и блок, посвященный взаимоотношениям с родителями, семейным запретам.

Проведенное исследование показало, что центральным элементом в массиве рискованного поведения подростков является употребление алкоголя, которое имеет наибольшее число корреляционных связей с другими видами нежелательной деятельности несовершеннолетних. Для юношей и девушек коэффициенты корреляции связи употребления спиртного с курением составили соответственно – 0,29 и 0,39; с драками – 0,24 и 0,36; с сексуальной активностью – 0,25 и 0,38. У молодых людей наиболее сильна связь алкоголя с курением, что объясняется в большей степени социальными факторами, нежели физиологическими, например, воздействием такого агента социализации, как сверстники.

Сравнение возраста начала регулярного курения и приема спиртных напитков в рассматриваемой выборке указывает, на то, что формирование этих вредных привычек происходит одновременно, и в большинстве случаев совместно. Приведенные данные указывают на существование достаточно сильной взаимосвязи употребления спиртного и начала половой жизни и количества сексуальных партнеров, в особенности у девушек. Несомненно, что алкоголь часто применяется под-

ростками для снятия чувства неловкости в общении с противоположным полом; при этом одновременно с ростом уверенности в себе снижается и уровень самоконтроля. Согласно полученным в ходе анкетирования данным, за 30 дней до опроса 20 % респонденток находились хотя бы единожды в состоянии сильного алкогольного опьянения. При этом девушки не могут адекватно оценивать поступки окружающих и полностью контролировать свое поведение, в результате возрастает вероятность сексуальных контактов, которые были бы исключены в трезвом состоянии.

Еще один вид рискованного поведения, связанный с алкоголем – это драки. Обращает на себя внимание более сильная корреляционная связь для девушек – у них влияние алкоголя на физическое насилие выражено сильнее. Последнее обстоятельство связано с тем, что драки социально неприемлемы для женского пола в отличие от насилия в мужской среде. У девушек, вынужденных сдерживать свою агрессию из-за существующих социальных запретов, под действием спиртного снижается уровень самоконтроля и страха быть осужденными окружающими. В целом, более сильные корреляционные связи у девушек демонстрируют большую восприимчивость к алкоголю и, по-видимому, более легкую при их употреблении вовлекаемость в рискованное поведение. Большинство подростков ограничены в финансах, поскольку находятся на попечении родителей или людей, которые их заменяют, и основным источником являются карманные деньги. Абсолютное большинство родителей не поддерживает курение и выпивку, что автоматически ограничивает ресурсы, которые требуются на эти «развлечения». Поэтому в большинстве случаев покупка сигарет, алкоголя происходит за счет традиционных ежедневных покупок подростков, чаще всего еды. Между подростками, выкуривающими ежедневно разное количество сигарет существует статистически достоверная разница в количестве употребляемого фастфуда, чипсов и сладких газированных вод – курящие потребляли их значительно меньше. С учетом актуальных цен, пачка сигарет эквивалентна по стоимости упаковке чипсов и бутылке газированной воды.

Таким образом, экономически ограничить покупку сигарет в актуальной ситуации практически невозможно. Проведенное исследование показало, что профилактические мероприятия необходимо интенсифицировать в направлении предотвращения употребления алкоголя подростками. Спиртное способствует снижению самоконтроля и неадекватному восприятию окружающей ситуации несовершеннолетними, и в конечном итоге способствует вовлечению молодых людей и девушек в другие виды рискованного поведения.

Долбеева К. А.

НАРУШЕНИЯ ПЕРЕРАБОТКИ АФФЕКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ У ЛИЦ С ДЕПРЕССИВНЫМ СИНДРОМОМ

На сегодняшний день вопрос влияния аффективной информации на функционирование когнитивных процессов является одним из самых обсуждаемых в сфере когнитивной и клинической психологии. Показано, что как здоровые, так и страдающие психическими расстройствами лица демонстрируют специфические изменения внимания и памяти, нарушения когнитивного контроля при переработке аффективной информации (Mogg K, Bradley B., 2005; Fox E., Russo R., Bowles R., Dutton K., 2001, Зотов, 2006). Цель нашего исследования состояла в изучении изменений процесса селективной переработки на ранних и поздних этапах у лиц с депрессивным синдромом под воздействием стрессогенной информации.

Испытуемые. 19 студентов (ср. возраст 22 (M+/-1)), 16 пациентов ГПБ № 6 (с депрессивным синдромом разного генеза: реактивная депрессия, шизоаффективное расстройство (ср. возраст 39 лет (M+/-12))).

Эксперимент 1. Методика регистрации движений глаз. Испытуемым предъявлялся на короткое время (350 мс, 350 мс – маска) визуальный стимульный материал (17 картин, подобранных по валентности и силе вызываемых эмоций). Регистрация движений глаз осуществлялась с помощью прибора модели Tobii X120 Eye Tracker. Прибор использует бесконтактный неинвазивный оптический метод. Нами были проанализированы общая длительность и количество зрительных фиксаций на фотографиях с аффективной и нейтральной информацией. Статистически значимых различий между контрольной и экспериментальной выборкой выявлено не было. На основании полученных данных можно говорить о том, у лиц с депрессивным синдромом при коротком времени экспозиции, то есть на этапе первичной оценки информации, изменений селективной переработки не проявляется.

Эксперимент 2. Методика многозадачного поиска. Методика многозадачного поиска основывается на быстром последовательном предъявлении визуальных стимулов, среди которых имеются два целевых стимула. Первая и вторая цели располагаются очень близко на временной оси (от 180 до 450 мс). Феномен мерцания внимания заключается в том, что при определенных временных и качественных условиях успешная детекция первой цели делает невозможной детекцию второй. Одна из моделей, объясняющих возникновение данного феномена, предполагает наличие двухуровневого процесса, включающего первичную детекцию целевого стимула и сознательную его обработку. Чтобы корректно опознать первый целевой стимул, испытуемый сознательно

вовлекается в его обработку, процесс уже второго уровня, и именно это мешает правильной детекции и обработке второго стимула.

Экспериментальная серия содержала 17 картин, среди которых было 15 нейтрального и 2 аффективного содержания. Одна из аффективных картин играла роль прайминга, предъявлялась перед началом серии на 500 мс. Серии были объединены в две группы по принципу валентности эмоционального стимула (негативные и позитивные). Таких серий было десять. Кроме того, было пять серий, в которых все фотографии были нейтральными. Время экспозиции стимула составляло 250 мс.

В каждой серии одна из фотографий помечалась черной горизонтальной чертой. Этой фотографии присваивался статус второго целевого стимула. Первый целевой стимул нами помечен не был. Наша гипотеза заключалась в том, что аффективные картины негативного содержания станут «первыми целевыми стимулами» без предварительного задания, вызовут вовлечение ресурсов внимания и трудности в отвлечении, что приведет к возникновению эффекта «мерцания внимания». У контрольной выборки такой эффект возникнуть не должен, также как и не должен возникнуть и у экспериментальной в сериях, где аффективные стимулы имели положительную валентность. Между гипотетическим первым и вторым целевыми стимулами предъявлялось 2 дистрактора.

По результатам методики многозадачного поиска были выявлены различия на высоком уровне статистической значимости между контрольной и экспериментальной выборками в сериях с негативной стимульной информацией (лица с депрессивным синдромом были неуспешны в детекции второй цели).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что у лиц с депрессивным синдромом дисфункции селективной переработки аффективной информации имеют место на поздних этапах, и состоят в фиксации и трудностях в отвлечении от негативных стимулов, тогда как изменений на ранних этапах выявлено не было. Кроме того, было выяснено, что подобные дисфункции вызывает информация, строго релевантная депрессивному расстройству (фотографии плачущих детей, страдающих людей и животных), а не негативная информация в целом.

Драчкова В. О.

СУБЪЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Ежегодно количество впервые зарегистрированных случаев заболевания умственной отсталостью среди детей увеличивается. Олигофрения встречается примерно у каждого сотого ребенка, и это коли-

чество неуклонно растет, что заставляет обратить более пристальное внимание на данную проблему. Проблема умственной отсталости разрабатывается в рамках различных наук: медицины, клинической и специальной психологии, педагогики. Особый интерес представляет рассмотрение этого заболевания в рамках психологии субъективной семантики. Умственная отсталость характеризуется многочисленными речевыми нарушениями, среди которых преобладает семантический дефект (Волкова Л. С., Шаховская С. Н., 1998).

Для исследования особенностей субъективной семантики детей с диагнозом умственная отсталость были выбраны методики «вербальный ассоциативный эксперимент», и «ассоциативный эксперимент со звуковыми стимулами», которые позволяют оценить уровень обобщения, абстрактность мышления, уровень речевого развития, обнаружить ассоциативные семантические универсалии. Были опрошены дети в возрасте 13–14 лет из общеобразовательной школы и коррекционной школы восьмого типа (здоровых детей – 11, детей с умственной отсталостью – 10).

По результатам ассоциативного эксперимента со словесными стимулами можно сделать вывод, что ассоциации умственно отсталых детей более конкретны, по сравнению со здоровыми детьми. Это связано с тем, что при умственной отсталости наблюдаются такие нарушения, как снижение способности к обобщению, абстрактному, оригинальному мышлению. Из частей речи преобладают существительные и глаголы, что отражает уровень речевого развития этих детей, номинативный характер речи. Семантические универсалии словесных стимулов (жизнь, картина, болезнь, утро, город) обеих групп детей практически не пересекаются, так как ассоциации здоровых детей более абстрактны, разнообразны. Количество ассоциаций у умственно отсталых детей значительно ниже, чем у здоровых. Возможно, это связано с тем, что при умственной отсталости уменьшается словарный запас, затрудняются ассоциативные процессы.

Особый интерес представляют ассоциативные семантические универсалии, полученные при предъявлении звуковых стимулов (звук сирены, крик птицы, звук аплодисментов) обеим группам испытуемых, так как результаты таких исследований ранее не опубликованы. Полученные семантические универсалии имеют довольно большое сходство. Для первого звукового стимула «сирена» общей в ассоциативную семантическую универсалию для обеих групп входят ассоциации «милиция», «скорая помощь» и «пожарная». То есть указывался предмет, издающий этот звук. Так же, как и в случае с универсалией «птица», данной на звуковой стимул «крик птицы». Общей семантической универсалией для звукового стимула «звук аплодисментов» оказалась ассоциа-

ция «аплодисменты». Дети, страдающие умственной отсталостью, использовали, в основном, парадигматические центральные ассоциации, в то время как здоровые дети чередовали их с синтагматическими и периферическими.

Таким образом, можно отметить, что результаты «вербального ассоциативного эксперимента» отличаются от результатов «ассоциативного эксперимента со звуковыми стимулами». В первом случае имелись значимые различия между ассоциативными семантическими универсалиями обеих групп, во втором – нет, что может быть объяснено тем, что звуковые стимулы для здоровых детей, как и для детей с умственной отсталостью не связаны с системой вербальных понятий. В то же время вербальные стимулы более связаны с системой словесных понятий у здоровых детей (большее количество и разнообразие связей) и менее связаны у больных (только конкретные парадигматические ассоциации).

Егоркина Т. В.

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОТРАВМАТОЛОГИИ

В отечественной и иностранной литературе в течение последних двадцати лет отчетливо усиливался интерес к исследованию жизненных событий, документированию негативных последствий психотравматизации в разных обстоятельствах и возрастах, однако практически не был представлен другой аспект этой проблемы – потенциальные позитивные изменения в результате посткризисной перестройки личностной структуры. В рамках своей концепции Richard Tedeschi и Lawrence Calhoun определяют посттравматический рост (развитие) как «позитивные психологические изменения, переживаемые в результате преодоления чрезвычайных жизненных обстоятельств» (Tedeschi R. G., Calhoun L. G., 2004, p. 1). Эти исследователи разработали шкалу для оценки основных компонентов посттравматического развития, описали общую модель этого процесса и наиболее благоприятные условия для позитивных изменений. Подвергается критике спекулятивность многих связей и соотношения понятий (Wortman C. B., 2004), хотя оппоненты признают плодотворность авторской гипотезы и возможность организации теоретически более обоснованных исследований.

Способы проявления посттравматического роста включают усиление переживания ценности жизни в целом, более наполненные, осмысленные межличностные отношения, изменение приоритетов, более насыщенную экзистенциальную и духовную жизнь. Авторы концепции посттравматического развития считают необходимым подчеркнуть, что вовсе не склонны рассматривать травму саму по себе как не-

кое благо. Напротив, очевидно, что люди, переживающие травму, сталкиваются со множеством неприятных последствий и некоторые могут развить болезненные формы реагирования. Эмпирические исследования говорят о том, что посттравматическое развитие – не универсальный феномен и клиницист не должен ориентироваться на то, что позитивные изменения – это необходимый этап восстановления (Handbook of posttraumatic growth, 2006). Травма рассматривается как своеобразное психологическое «землетрясение», событие сейсмического характера, которое потрясает основы мироустройства, жизненные кризисы подвергают серьезному испытанию или даже разрушению систему представлений, способ осмысления мира (Janoff-Bulman R., 1992). Необычность, неконтролируемость, потенциальная необратимость, скрытая или явная угрозы события меняют перспективу, способ восприятия мира и себя в этом мире, человек оказывается расщепленным на «до» и «после», он не равен самому себе, прежние границы разрушены.

Именно из-за нарушения системы фундаментальных представлений, которая обеспечивала структуру и смысл жизни, мы видим дистресс и рост сосуществующими после травмы. Ирвин Ялом также говорит о том, что выживание в экстремальных обстоятельствах зависит от того, способен ли человек найти смысл в собственном страдании (Ялом И., 1999). Судя по всему, посттравматическое развитие и уровень дистресса/комфорта относятся к разным измерениям. Это соответствует клиническим наблюдениям, поскольку люди, переживающие значимые изменения на пути посттравматического развития, далеко не всегда демонстрируют снижение уровня дистресса и улучшение состояния.

Консультант, который стремится способствовать посттравматическому развитию клиента, должен помнить о нескольких базовых положениях такого сопровождения:

- внимание к способу описания, который использует клиент для сообщения о самом событии и собственных реакциях;
- готовность консультанта к работе с экзистенциальными и духовными проблемами;
- концентрация на процессе обсуждения, на слушании в противоположность попыткам найти быстрое решение;
- уважение переживаний клиента в настоящий момент – для некоторых людей пережитое событие настолько разрушительно и ужасно, что любая мысль о возможных позитивных последствиях абсурдна и бессмысленна;
- сосредоточение не на абсурдном описании самой травмы как потенциально позитивного опыта, но на возможных позитивных изменениях в результате активного преодоления, борьбы с последствиями этой травмы (Tedeschi R. G., Calhoun L. G., 2010).

Тематика личностных изменений в результате преодоления последствий травматической ситуации более близка экзистенциальному и гуманистическому подходу, чем традиционно медицинскому. Однако одним из направлений создания психотравматологии как научной дисциплины является интеграция представлений о возможных вариантах посттравматических изменений личности – как негативных, болезненных, так и потенциально позитивных, и концепция посттравматического развития может стать существенной частью интегративной психотравматологии.

Жукова Д. И.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ У ЛИЦ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В ЮНОСТИ

В последнее десятилетие в зарубежной клинической психологии и психиатрии интенсивно дискутируется связь депрессивного реагирования с «перфекционизмом» – дисфункциональной личностной чертой, предполагающей стремление личности устанавливать чрезмерно высокие стандарты и как следствие – невозможность испытывать удовлетворение от результатов своей деятельности. В нашей работе мы рассматриваем автобиографическую память (АП) как психическую составляющую, тесно связанную с Образом Я. Депрессивные и перфекционистские установки – важные составляющие части личностной организации человека. Сегодня ситуация такова, что пока не только не выявлены все представления о психологической структуре и формах перфекционизма, но нет точной разработки инструментов, тестирующих различные параметры и формы перфекционизма. Цель диссертационной работы – изучение особенностей автобиографической памяти у лиц юношеского возраста с высоким уровнем перфекционизма. Проблема данного исследования: каковы особенности автобиографической памяти у лиц юношеского возраста с высоким уровнем перфекционизма? Объектом данного исследования является автобиографическая память. Предметом – особенности автобиографической памяти у лиц юношеского возраста с высоким уровнем перфекционизма. В исследовании принимало участие 120 человек в возрасте 17–18 лет. В ходе исследования нами были использованы следующие методики:

- 1) опросник депрессивности Бека (Beck Depression Inventory – BDI);
- 2) опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян., А. Б. Холмогоровой;
- 3) автобиографическое интервью В. В. Нурковой;
- 4) метод экспертной оценки рассказов.

Обработка полученных результатов производится с помощью пакета статистических программ SPSS for Windows, Standard Version 19.0, Copyright SPSS Inc., 2010.

При рассмотрении уровня депрессии в выборке студентов, мы получили следующие результаты: у 41,4% юношей отсутствуют депрессивные симптомы; 54,3% испытуемых имеют умеренно выраженную степень депрессии; у 2,9% испытуемых наблюдается критический уровень депрессии и у 1,4% – явно выраженная депрессивная симптоматика. Анализируя данные опросника перфекционизма Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогоровой мы пришли к следующим выводам: лица с высоким и низким уровнем перфекционизма составляют по 7,1% от всех испытуемых в выборке учащихся (большая часть которых составляют лица мужского пола). И 85,8 % юношей обладают средним уровнем перфекционизма. Проведя корреляционный анализ показателей опросников, мы получили данные о существовании статистически достоверной корреляции общего показателя перфекционизма с показателями депрессии. Это говорит о том, что лица юношеского возраста, имеющие умеренную и ярко выраженную депрессивную симптоматику, будут характеризоваться как лица, обладающие чертами перфекционизма. Метод экспертной оценки рассказов позволил исследовать особенности автобиографической памяти у лиц юношеского возраста с высоким уровнем перфекционизма, а также выделить и описать следующие критерии: образ Я; Я реальное; Я идеальное; образ другого; тема рассказа; успех–неуспех; реакция собственного Я на успех или неуспех; механизмы психологической защиты; чувства; способ совладания с чувствами; временная соотнесенность.

Таким образом, были получены и систематизированы следующие результаты:

- в качестве значимых и ярких событий выступают события раннего подросткового возраста, связь с переживанием успеха и неуспеха;
- параметры эмоциональности искажены в сторону преобладания отрицательного характера;
- завышенные, по сравнению с индивидуальными возможностями, стандарты деятельности и цели; – поляризованное мышление;
- дихотомическая, «черно-белая» оценка результата собственной деятельности;
- негативное селектирование;
- преимущественная сосредоточенность на неудачах и ошибках при игнорировании реальных удач и достижений;
- персонализация – перманентные сравнения себя с другими людьми при ориентации на полюс «самых успешных и совершенных»;
- восприятие других людей как делегирующих чрезмерно высокие ожидания;
- чрезмерные требования к другим и завышенные ожидания от них.

Загорец Т. Л.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПЛАЕНСА И ТИПА ВКБ ПРИ СОМАТОФОРМНЫХ РАССТРОЙСТВАХ

Научные исследования, выполненные в различных областях практической медицины, доказали роль комплаенса и комплаентности как факторов, определяющих успешность любого лечения. Несоблюдение пациентами назначенного им лечения признается одной из самых серьезных и распространенных трудностей клинической практики (Priest R. G., Baldwin D., 1994). Улучшение комплаенса приобретает особое значение в терапии соматоформных расстройств, при которых, согласно МКБ-10, стойкое недоверие лекарственным назначениям и отказ следовать советам врачей признается одним из диагностических критериев. В связи с чем выявление и описание факторов и психологических механизмов, определяющих уровень комплаенса данной категории больных, является актуальным для организации эффективных лечебных и психокоррекционных мероприятий.

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи между уровнем комплаенса, типом ВКБ и индивидуально-психологическими особенностями пациентов с соматоформными расстройствами.

Задачи проводимого исследования:

1. Выявить и описать особенности комплаенса при соматоформных расстройствах.
2. Выявить и описать особенности внутренней картины болезни (ВКБ) больных с соматоформными расстройствами.
3. Изучить взаимосвязь между уровнем комплаенса, типом ВКБ и индивидуально-психологическими особенностями пациентов с соматоформными расстройствами.

4. Разработать программу психокоррекционных мероприятий по улучшению комплаенса при соматоформных расстройствах. Исследование проводится на базе ПКБ № 12 г. Москвы. На сегодняшний день в исследовании приняли участие 32 пациента в возрасте от 18 до 47 лет. В рамках данной работы планируется обследовать не менее 90 пациентов с соматоформными расстройствами. Для реализации программы исследования используются следующие экспериментально-психологические методики: уровень комплаенса оценивается при помощи авторской анкеты, включающей самоотчеты больных и блок вопросов, адресованных лечащему врачу, а также при помощи шкалы установки на лечение – DAI-10 (Hogan T. P. et al., 1983); особенности ВКБ исследуются при помощи опросника ТОБОЛ (тип отношения к болезни) и методики «незаконченные предложения» в авторской модификации; индивидуально-психологические особен-

ности пациентов оцениваются посредством построения личностного профиля (методика СМИЛ).

Обработка эмпирических данных проводится методами корреляционного и дисперсионного анализа. Полученные предварительные результаты с высокой степенью достоверности показали преобладание низкого уровня комплаенса у пациентов с соматоформными расстройствами (у 75% обследованных), а также сформированность установки к отказу от предлагаемого лечения, вплоть до смены лечащего врача и лечебного учреждения (у 53% обследованных). Выявлена положительная корреляционная связь между уровнем комплаенса и показателями шкалы установки на лечение ($p < 0,05$). Преобладающими типами ВКБ в обследованной выборке пациентов являются ипохондрический, тревожный, меланхолический и неврастенический (суммарно – 56%). У 12,5% пациентов выявлен сенситивный, эгоцентрический или паранойяльный тип отношения к болезни. У 25% пациентов – смешанный тип отношения к болезни. При этом выявлена положительная корреляция между типом отношения к болезни и соответствующими шкалами СМИЛ ($p < 0,05$).

Предварительный анализ взаимосвязи уровня комплаенса и типа ВКБ при соматоформных расстройствах показал отрицательную корреляцию в случае ипохондрического, тревожного, меланхолического и неврастенического типов отношения к болезни ($p < 0,05$ - $p < 0,01$) и положительную корреляции в случае сенситивного отношения к болезни ($p < 0,05$). В остальных случаях достоверных корреляционных взаимосвязей выявить не удалось.

Результаты проводимого исследования представляются особенно значимыми для разработки специальных психокоррекционных программ по улучшению комплаенса и преодолению психологических трудностей при лечении соматоформных расстройств.

Зеленская И. А.

Демченко Е. А.

Лубинская Е. И.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОЛЬНЫХ ИБС ПОСЛЕ АОРТОКОРОНАРНОГО ШУНТИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

Операция аортокоронарного шунтирования (АКШ) признана наиболее перспективной в плане улучшения качества жизни и прогноза больных с тяжелой, быстро прогрессирующей и/или резистентной к медикаментозной терапии ишемической болезни сердца (ИБС). Учитывая данные современной литературы о неоднозначной динамике психоэмоциональных состояний больных в послеоперационном периоде, необходимо уделять огромное внимание психопрофилактике и психокор-

рекции на этапе восстановительного лечения и реабилитации. Данные мероприятия осуществляются в рамках мультидисциплинарного (многопрофильного) подхода и в значительной степени могут прогнозировать приверженность пациента к лечению.

В связи с этим нами была проведена работа с целью оценить психоэмоциональный статус, тип отношения к болезни, совладающее поведение у больных ИБС, перенесших операцию АКШ, в зависимости от их приверженности к участию в программе мультидисциплинарной реабилитации. Были проанализированы результаты годовичного наблюдения 88 больных (28 женщин и 60 мужчин) в возрасте 33–70 лет ($M = 54,4$), перенесших в 2009–2010 г. плановое АКШ. Все пациенты были включены в программу многопрофильной кардиореабилитации. На седьмой день и через 12 месяцев после операции все пациенты прошли психодиагностическое обследование. Использовались экспериментально-психологические методы: шкала депрессии Зунга, интегративный тест тревожности (ИТТ), шкала оценки качества жизни (SF-36), методика оценки типа отношения к болезни (ТОБОЛ), методика оценки копинг-стратегий Э. Хайма. Статистические методы: U-критерия Манна-Уитни, T-критерия Вилкоксона.

Сравнительный анализ полученных данных производился в двух группах: I группа – реабилитации (45 человек) – активно участвующих в реабилитационной программе, II группа – сравнения (43 человека) – пациенты, не участвующие в реабилитационной программе весь период полностью. К концу 1-го года наблюдения в I группе 80% больных регулярно принимали медикаментозную терапию, 32% регулярно выполняли рекомендации по физическим тренировкам, 24% соблюдали диету. Больных, полностью не выполняющих рекомендаций врача, среди них не было. Во II группе 50%, 5% и 10% соответственно, один пациент полностью прекратил прием рекомендованных лекарств. По результатам психологического тестирования уровень ситуативной ($3,5 \pm 1,41$) и личностной ($5,7 \pm 2,55$) тревожности в выборке был невысок. Признаки депрессии выявлены у 20% (клинические проявления у 3%, субдепрессия – у 17%). При повторном тестировании показатели ситуативной тревожности в I группе были значительно ниже, чем во II ($p = 0,049$). Выявлены случаи непродуктивных эмоциональных копингов (подавления эмоций, самообвинения и агрессии): в группе реабилитации у семи человек (16%), в группе сравнения у 15 человек (35%). Непродуктивные когнитивные копинг-стратегии (растерянность и смирение) были обнаружены в I и II группах: 5% (два человека) и 16% (семь человек) соответственно. Продуктивные поведенческие копинг-стратегии (сотрудничество) выявлены только у больных I группы: 49%

(22 человека), во II группе преобладало активное избегание – 88% (38 человек).

Преобладающими типами отношения к болезни у пациентов в группе I являлись эргопатический (49%), анозогнозический (22%), гармоничный (16%). В группе II доминирующие типы отношения к болезни: сенситивный (33%), эргопатический (23%), тревожный (16%), анозогнозический (9%), апатический (12%), гармоничный (7%). Оценка качества жизни по методике SF-36 через один год выявила отличия между I и II группами по показателям жизненной активности (65 ± 15 и 35 ± 12 , $p < 0,05$) и ролевого функционирования, обусловленного физическим состоянием (75 ± 12 и 50 ± 15 , $p < 0,05$).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в I группе больных, активно участвующих в программе реабилитации, более 80% не имели выраженных явлений психической дезадаптации, связанных с реакцией на болезнь. В этой группе достоверно чаще использовались продуктивные стратегии совладания со стрессом, выше оценка качества жизни. Кроме того, приверженность больных в данной группе к медикаментозному и немедикаментозному лечению значимо выше. Длительное систематическое наблюдение, использование методик психокоррекции в рамках комплексной мультидисциплинарной реабилитации способно уменьшить количество и выраженность психопатологических реакций, повысить приверженность пациентов к лечению, улучшить качество жизни и прогноз больных после АКШ.

Ившина М. Е.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Беременность – одно из самых важных событий в жизни женщины. Готовность к материнству – специфическое личностное образование, стержневой образующей которого является субъект – субъективная ориентация по отношению к еще не родившемуся ребенку. Психологическое здоровье женщины зависит от опыта невынашивания беременности, личностных особенностей, жизненной ситуации и влияет на особенности смысловой и эмоциональной сферы, принятия роли матери.

Цель нашего исследования – определить влияние типа готовности к материнству на формирование психологического здоровья женщины. Исследование проводилось на базе областного клинического родильного дома города Курска с 18 октября по 30 декабря 2010 г. В исследовании приняли участие 60 беременных женщин со сроком 27–39 недель. Из них 25 человек составили контрольную группу (с опытом невынашивания беременности в виде выкидыша) и 35 человек составили экспериментальную группу

(без опыта невынашивания беременности). В исследовании применялись следующие методики: структурированное интервью, тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, тест Г. В. Ложкина и А. Ю. Рождественского «Саморефлексия телесного потенциала», цветовой тест отношений (ЦТО) Эдкинда, тест Филипповой «Фигуры».

Проводилась статистическая обработка полученных данных. Значимые различия при статистической обработке обнаружены по шкале «цели в жизни», по шкале общего показателя осмысленности жизни, по критерию готовности к материнству. Статистическое значение по критерию «цели в жизни», «осмысленности жизни» выше в экспериментальной группе, чем в контрольной.

Значимые статистические значения по формированию готовности к материнству. Статистически значимые различия по показателям «цели в жизни», «осмысленности жизни» выше в контрольной группе, чем в экспериментальной группе.

Различные показатели по стилю переживания беременности. В экспериментальной группе цели направлены в будущее и характеризуются возможностью создавать конкретную программу действий для достижения цели и гибко менять программу операций. У беременных женщин с опытом невынашивания беременности сложилось представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями. Их осмысленность жизни высокая, что свидетельствует о высоком значении событий для жизни женщины, и телесные возможности используются как инструмент для вынашивания ребенка. В контрольной группе цели направлены на настоящий момент и характеризуются неадекватной оценкой условий достижения цели. Их адекватное переживание беременности способствует более чуткому реагированию на изменение условий протекания беременности, а телесный потенциал интегрируется в Я-структуру, становится его частью, связывая между собой мать и ребенка. У беременных женщин без опыта невынашивания беременности существует выраженная потребность в поддержке и одобрении, что свидетельствует о напряжении подсистемы эмоциональной регуляции и недостаточности личностного ресурса для совладания новыми ресурсами.

Обобщая данные, можно сделать вывод о том, что опыт невынашивания беременности влияет на формирование готовности к материнству, появляется чувство страха и тревоги, а также обнаруживается наличие специфических связей в смысловой сфере. Смысловая сфера беременных женщин с опытом невынашивания беременности включает в себя построение планов, которые не имеют реальной опоры в настоящем, у женщин без опыта невынашивания ребенок имеет очень большое

значение. Планы они строят в соответствии с реальной опорой, у них тревожная и болезненная оценка своего самочувствия. У женщин без опыта невынашивания беременности присутствует болезненная оценка своего состояния. Они не строят планов на будущее. Готовность к материнству влияет на психологическое здоровье женщины.

Ильина А. Н.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДИАЛОГА В КОНФЛИКТЕ В ПАРАХ С РОМАНТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Проблема семьи, развитие ресурсов построения здоровых, полноценных семейных отношений – одна из актуальнейших в современном обществе. Романтические отношения в юношеском возрасте – это важнейший опыт, лежащий в основу предстоящих супружеских отношений. Здоровье отношений определяется не отсутствием в них противоречий и конфликтов, а способностью пары конструктивно разрешать обостряющиеся до уровня противоречия конфликты. Поиску ресурсов романтической пары преодолеть эти конфликты посвящена наша работа.

Многие известные авторы указывали на высокую значимость романтических отношений в жизни человека. Потребность любить и быть любимым выступает как одна из основных потребностей человека (А. Маслоу), а достижение подлинной близости с романтическим партнером является одной из основных личностных задач, стоящих перед человеком, одной из главных возрастных задач развития (Э. Эриксон, К. Роджерс). Конфликты в романтических отношениях являются неотъемлемой их частью.

В своей работе мы опираемся на представление о конфликте Б. И. Хасана в русле конструктивной психологии конфликта. По его мнению, конфликт – это такая характеристика взаимодействия, в которой не могущие сосуществовать в неизменном виде действия взаимодействующих и изменяют друг друга, требуя для этого специальной организации. В нашей работе конфликты рассматриваются как критические точки в отношениях, способные являться источником как развития отношений, так и их разрушения.

Дезорганизация взаимодействия в конфликте особенно явно проявляется в вербальной коммуникации, именно через нее и оказывается возможным поиск взаимопонимания. Как отмечает С. Л. Братченко, диалог обладает наибольшей конфликто разрешающей силой, более того – превращает конфликт в мощный личностно развивающий фактор. Понятие межличностного диалога рассматривается многими известными авторами – М. М. Бахтин, С. Л. Братченко, М. Бубером, Д. А. Леонтьевым. На основе обобщения взглядов этих авторов, можно определить

межличностный диалог как специфическую форму межличностного взаимодействия и качество отношений, при которых другой человек выступает не как объект или условие моей деятельности, направленной на достижение моих целей, а как равноправный мне свободный субъект, обладающий своими интересами, ценностями и внутренним миром и преследующий свои цели.

Таким образом, цель моей работы – выявление связи между взаимностью романтических отношений и диалогом в конфликте в паре. Объект исследования – пары с романтическими отношениями (юноши и девушки возраста 17–23 лет, с временем образования пары более одного месяца). Предмет исследования – связь между взаимностью романтических отношений и диалогичностью в конфликте. Мы проверяли гипотезу: чем более взаимны романтические отношения в паре, тем более выражен диалог в конфликте в паре. В работе использовались две основные методики – «треугольник Р. Стернберга» (измеряет соотношение трех основных параметров – интимность, страсть, решение/обязательство у каждого из партнеров) и игровая методика А. А. Кроника (используется для моделирования конфликтов понимания в паре, для выявления наличия или отсутствия у партнеров диалога). На протяжении проведения методики использовались средства аудио- и видеозаписи для последующего качественного наблюдения и анализа данных. После проведения методики проводилась постэкспериментальная беседа с испытуемыми.

Исследование проводилось на 18 романтических парах. Анализ полученных данных показал наличие высокой корреляционной связи между взаимностью романтических отношений и диалогом в конфликте в паре – чем более взаимны романтические отношения, тем более выражен диалог в конфликте в паре. В настоящее время мы продолжаем работать над темой данного исследования. Анализ полученных данных, обзор психологических источников, позволил нам предположить, что важным ресурсом для осуществления диалога в конфликте является не только взаимность отношений, но и направленность личности партнера – эгоцентрическая или децентрированная.

Таким образом, мы поставили следующую гипотезу: чем более выражена эгоцентрическая направленность личности партнера, тем менее выражены его готовность и способность восстанавливать и поддерживать диалог в конфликте. В настоящее время мы занимаемся исследованием по проверке этой гипотезы.

Канахова Д. Н.

Билецкая М. П.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ПЕРЕНЕСШИХ ИШЕМИЧЕСКИЙ ИНСУЛЬТ

В настоящее время во всем мире инвалидами в результате инсульта становятся около 30 млн. человек. У большинства больных, перенесших инсульт, наблюдается нарушение психологической и социальной адаптации, чему способствуют такие факторы, как выраженный двигательный и речевой дефицит, болевой синдром, потеря социального статуса. Большое значение также имеет нарушение психологического состояния, наличие социальных проблем, что обуславливает необходимость проведения не только медицинской реабилитации этой категории больных, но исследование психологических аспектов, которые мало изучены.

Проведено исследование, целью которого было изучение особенностей адаптации лиц, перенесших ишемический инсульт. В исследовании принимали участие лица в возрасте 40–60 лет, перенесшие ишемический инсульт в бассейне левой среднемозговой артерии, давность заболевания от двух до трех лет и группа условно здоровые мужчин и женщин в возрасте 40–60 лет. Были использованы следующие методики: опросник «индекс жизненного стиля» (ИЖС) Р. Плутчик, Г. Келлерман, тест «копинг-стратегии» R. S. Lazarus, шкала сплоченности и семейной адаптации FACES-3 Д. Олсен, И. Лави, методика «тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л. И. Вассерман, методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Для лиц, перенесших инсульт, характерно отрицание вызывающих тревогу обстоятельств, вытеснение психотравмирующего обстоятельства; они склонны к избеганию тревоги путем перехода на более ранние стадии развития. Таким образом, лица, перенесшие инсульт, используют незрелые механизмы психологической защиты. Больные, перенесшие инсульт, склонны прилагать все усилия для поиска информационной, действенной, эмоциональной поддержки у социального окружения, что свидетельствует о меньшем использовании ими личностных ресурсов. Характерно снижение конфронтативного копинга, дистанцирования, самоконтроля, планирования решения проблем и принятия ответственности по сравнению с контрольной группой.

В семьях лиц, перенесших инсульт, менее выражены эмоциональная взаимозависимость, гибкость адаптации в семейной системе в отличие от семей условно здоровых. Внешние семейные границы более жестки, более выражен контроль в семье, наблюдается уменьшение об-

щения с друзьями семьи, более выражено разделение ролей, менее выражена дисциплина по сравнению с условно здоровыми лицами.

Для лиц, перенесших инсульт, характерны сенситивный, тревожный и паранойяльный типы отношения к болезни. Для мужчин, перенесших инсульт, в большей степени характерны меланхолический и апатический типы реагирования на болезнь. Для женщин, перенесших инсульт, в большей степени характерны гармоничный, эгоцентричный и паранойяльный типы отношения к болезни. Для постинсультных больных характерен низкий уровень социальной фрустрированности, так как в силу болезни они не соприкасаются с социальными нормами, они стали меньше интересоваться своими социальными достижениями, своим положением в обществе, взаимоотношениями с коллегами, друзьями.

Каразаева А. Ю.

Разумникова О. М.

РАЗЛИЧИЯ В КОРКОВОЙ АКТИВНОСТИ У ЛЕВШЕЙ И ПРАВШЕЙ В ФОНЕ И ПРИ РЕШЕНИИ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ

Известно, что левши отличаются от правшей менее выраженной асимметрией полушарного и корково-подкоркового взаимодействия (Жаворонкова Л. А., 2009). Эти нейрофизиологические особенности полушарных функций у левшей могут быть предпосылками более эффективного поиска нестандартных решений проблемы за счет расширенного когнитивного пространства. Так как в последнее время фоновое состояние активности мозга (default-mode network) рассматривается как важное условие индивидуальных особенностей в функциональной организации систем мозга (Разумникова О. М., 2003; Chen et al., 2008), то целью нашего исследования стало выяснение связанной с креативностью активности полушарий у левшей в сравнении с правшами в фоне и при выполнении креативных заданий вербальной и образной природы.

В исследовании принимали участие абсолютные левши и абсолютные правши (по пять человек в каждой группе), которые были выделены на основе результатов предварительного определения профиля функциональной асимметрии у студентов Новосибирского государственного педагогического университета (250 человек) с помощью сенсорных проб (Леутин В. П., Николаева Е. И., 1988). В качестве экспериментальных творческих заданий использовали образный субтест Торренса «неоконченные фигуры» и модифицированный вариант вербальной задачи «когнитивный синтез» (Разумникова О. М., 2002).

В первой серии – образном эксперименте – необходимо было, используя элемент, предъявляемый на мониторе персонального компьютера в течение одной минуты, создать в своем воображении образы,

включающие данный элемент, во второй – придумать предложение с использованием триады слов – существительных из отдаленных семантических категорий.

Каждая серия эксперимента включала предъявление пяти фигур-стимулов, или пяти триад слов. ЭЭГ регистрировали в 16 стандартных отведений для ситуаций фона, предшествующего каждому из заданий, и при их выполнении. Расчет мощности ЭЭГ выполняли для тета1 (4–6 Гц), тета2 (6–8 Гц), альфа1 (8–10 Гц) и альфа2 (10–13 Гц), бета1 (13–20 Гц) и бета2 (20–30 Гц) диапазонов.

Статистический анализ данных проводили с использованием методов непараметрической статистики. Наиболее выраженные достоверные различия в показателях мощности ЭЭГ между группами левшей и правшей были обнаружены на альфа1, альфа2, бета1 и бета2 частотах ($p < 0,05$). На частоте альфа1 диапазона достоверные межгрупповые различия в показателях мощности биопотенциалов были получены для трех экспериментальных состояний. В фоне большие значения мощности альфа1 ритма у правшей по сравнению с левшами обнаружены в передней части коры. При выполнении образного задания этот эффект был представленной в теменных областях коры и задних участках правого полушария (отведения Т6 и О2). При выполнении вербального – достоверные различия между левшами и правшами не обнаружены. На частоте альфа2 диапазона большие значения мощности у правшей топографически генерализованно были представлены как в фоне, так и при выполнении креативных заданий. В высокочастотном бета1 диапазоне правши отличались большими показателями мощности в фоне и при тестировании образной креативности, за исключением передней части правого полушария, а при тестировании вербальной межгрупповые различия были представлены более локально: преимущественно в центральнотеменной коре. На частоте бета2 диапазона большие значения мощности у правшей были обнаружены в ситуации фона во всех отведениях за исключением передневисочных, в ходе выполнения образного задания эти различия сохранялись во всех отведениях, кроме переднефронтальных, а при выполнении вербального сглаживались и были достоверны только для центральнотеменной области и передней и задневисочной областей левого полушария.

Таким образом, наиболее выраженные отличия в активности коры мозга между группами абсолютных левшей и правшей выявлены для ситуации фона. Этот эффект сглаживается при выполнении образного творческого задания и минимально представлен в ситуации вербального креативного мышления. Связанные с креативностью различия в корковой активности между левшами и правшами при выполнении образного задания в большей степени касаются мощности биопотен-

циалов низкочастотного альфа1 диапазона, а вербального – высокочастотного бета. Полученные данные свидетельствуют о разной «преднастройке» корковой активности у левшей и правшей, влияющей на дальнейшую частотно-пространственную организацию систем мозга, связанную с решением креативных заданий.

Коледа Ю. Н.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ С СИНДРОМОМ ВДА

Борьба с алкоголизмом в нашей стране и в мире приобретает все большую актуальность. Это связано с тем, что данное заболевание наносит вред не только здоровью пьющего, но и является комплексной проблемой, включающей ряд аспектов: социальный, экономический, воспитательный, правовой, психологический, медицинский. Особую проблему в настоящее время представляет собой семейный алкоголизм, т. к. пьющие родители наносят вред не только своему здоровью, но и здоровью будущих поколений. Почти все дети из алкогольных семей рождаются с дефектами: от незначительных нарушений до грубых пороков развития и уродства. А если ребенок родился физически здоровым, то неуклонно страдает его психическое развитие, т. к. воспитывается он в условиях постоянного страха, скандалов, неуравновешенного поведения родителей, а часто жестокости и насилия с их стороны. В итоге дети вырастают нервными, эмоционально неустойчивым и с заниженной самооценкой. Все это не позволяет детям успешно адаптироваться в социальной среде. В здоровой семье внимание обоих родителей направлено на развитие детей, а в семье алкоголика внимание и силы направлены на погашение потребностей зависимого человека.

Синдром взрослых детей алкоголиков (ВДА) – это приобретенный и сформированный способ поведения человека, который управляет всей его жизнью. Это некие предубеждения, жизненные ценности, которые сформировались вследствие неправильных отношений в семье.

Актуальность данной работы предопределена необходимостью личностной и социальной адаптации детей, родители которых употребляют спиртное, тем самым мешая собственным детям полноценно развиваться, получать образование, жить счастливой жизнью. Разработка технологии социально-психологической адаптации молодежи с синдромом ВДА является одним из приоритетных направлений в работе с данной социальной группой. Нами разработана модель социально-психологической адаптации молодежи с синдромом ВДА, содержащая блоки на основе трех составляющих психологии здоровья: психологическое, социальное, физическое здоровье.

Основная цель блока социального здоровья – помочь юношам и девушкам справиться с переживаниями, которые препятствуют их нормальному самочувствию и общению со сверстниками. В первую очередь, это переживание, возникшее в результате беспокойства, страха, обиды и неуверенности в себе, скованности, нерешительности в общении, неспособности контролировать свои чувства. В этом блоке применяется тренинг «познай себя». Этот тренинг способствует развитию уверенности в себе, умению находить выход из сложной ситуации, эффективно взаимодействовать с окружающими, самостоятельно решать внутрисемейные проблемы.

Блок физического здоровья направлен на профилактику аддиктивного поведения. При нарушении физического здоровья люди с синдромом ВДА становятся грубыми, непослушными, стремятся все сделать назло. Наряду с активными реакциями протеста могут отличаться пассивные реакции, когда юноши и девушки уходя из дома, боятся родителей и не возвращаются, затем постепенно начинают избегать общения и со сверстниками. На этом фоне у них легко возникают невротические расстройства: нарушения сна, неустойчивость настроения. Более резким проявлением пассивного протеста являются попытки самоубийства, в основе которых лежит чрезмерно выраженное чувство обиды, желание отомстить, напугать. В некоторых случаях эти попытки носят демонстративный характер. Следовательно, цель этого блока состоит в формировании адекватного поведения при становлении личности у молодежи с синдромом ВДА. Для работы в данном блоке разработана коррекционно-развивающая программа с применением метода игровой терапии. В игре происходит отреагирование чувств и желаний, постижение нового опыта социального взаимодействия, развития воображения и расширения круга общения, приобретаются новые знания и умения. Кроме этого, через игру возможно дать осознать юношам и девушкам недостатки своего характера и найти оптимальные пути решения проблемных или конфликтных ситуаций общения.

Блок психологического здоровья включает индивидуальное консультирование. Полученные результаты исследования помогают не только существенно расширить знания о социально-психологическом здоровье детей алкоголиков, но и оптимизировать сам процесс оказания квалифицированной медицинской и психологической помощи детям.

Колесникова Д. А.

Билецкая М. П.

СТРУКТУРА ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ I ТИПА

Цель исследования: установление взаимосвязи между психологическими нарушениями с СД I типа и клиникой заболевания. Объект исследования: подростки 14–16 лет с сахарным диабетом I типа. Проведено обследование 40 подростков 14–16 лет с СД I типа (20 мальчиков и 20 девочек). Контрольная группа: 40 здоровых подростков 14–16 лет (20 мальчиков и 20 девочек). Методы исследования:

1. Клинико-психологический: анамнез заболевания, история болезни, данные объективного исследования и параклинических методов; методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса (адаптирована Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко); методика диагностики психических состояний Г. Ю. Айзенка для подростков (EPI) (адаптирована А. О. Прохоровой); торонтская алекситимическая шкала (TAS); методика «индекс жизненного стиля» (ИЖС) Р. Плутчика, Г. Келлермана, Г. Конте (адаптирована авторским коллективом лаборатории клинической психологии НИИ им. В. М. Бехтерева под руководством Л. И. Вассермана, 1997); Тест «копинг-стратегии» R. S. Lazarus, адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой.

2. Статистический (сравнительный, корреляционный анализ).

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между степенью тяжести заболевания и психологическими особенностями подростка. Подростки с СД I типа первой степени тяжести используют форму совладающего поведения – «планирование решения проблем», поэтапно совершая шаги в сторону положительной тенденции лечения. Кроме того, подростки с первой степенью тяжести используют «конфронтативный копинг». Поведение подростка направлено в противоположную сторону от лечебного процесса. Подростки с первой степенью тяжести используют «замещение» в качестве психологического механизма защиты. Бессознательно подавляются негативные мысли, неприемлемые для осознания эмоций и чувств по поводу собственной болезни. У подростков с СД I типа первой степени тяжести высокий уровень тревожности как психическое состояние обуславливает высокий уровень общей тревожности на личностном уровне. Поглощенность заболеванием снижает уровень общей тревожности в школе. В связи с утяжелением соматического состояния меняется структура защитно-совладающего поведения. Подростки с СД I типа второй степени тяжести пробуют проявление «самоконтроля», связанного с медикаментозным лечением, подсознательно делают попытки замещения психотравмирующих ситуаций. Подростки со второй степенью тяжести стремятся

использовать копинг «принятия ответственности», признать свою роль в решении данной проблемы, но при наличии психологического механизма «регрессии», данный вид совладающего поведения оказывается неэффективным. Общая тревожность обуславливает развитие таких психических состояний, как фрустрированность и ригидность.

Подросток с СД 1 типа третьей степени тяжести при наличии высокого уровня общей тревожности используют копинг «дистанцирование». В случае заболевания третьей степени тяжести долгое сопротивление и дистанцирование болезненному состоянию оказывается неэффективным. Подростки используют механизмы психологической защиты – «интеллектуализация», механизм «реактивного образования», как механизм гиперкомпенсации. Но используемые формы защитно-совладающего поведения оказываются неэффективными, так как уровень общей тревожности и тревожности как психического состояния не снижается. Подростки с СД 1 типа третьей степени тяжести при наличии сформированных поздних осложнений используют копинг «планирование решения проблем», помогающий вновь активизировать личные ресурсы, осознавая собственную ответственность в процессе лечения. Больные прикладывают усилия для поиска информационной, действенной, эмоциональной поддержки у социального окружения. Низкий уровень конфронтации свидетельствует о том, что потребность в выражении агрессивных эмоций, чувств снижается.

Таким образом, у подростков с СД 1 типа имеются специфические клинико-психологические особенности, отличающие их от условно здоровых подростков. Полученные результаты могут быть положены в основу психокоррекционной программы с учетом степени тяжести заболевания.

Котова Т. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РИТМИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ПСИХОКОРРЕКЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ

По данным отечественных и зарубежных авторов, нарушения психического развития наблюдаются у 12–20% детей. Своевременная психологическая помощь дошкольнику требует учета структуры и специфики дефекта, особенностей клинических характеристик, социальной ситуации развития ребенка. В исследованиях многих авторов подчеркивается роль ритмических упражнений в процессе психокоррекционной работы с детьми (Захаров А. И., 2009; Мамайчук И. И., 2003; Никольская О. С., 2007; Спиваковская А. С., 2000 и др). Однако специальных исследований, направленных на значение формирования чувства ритма в системе психологической коррекции, мы не нашли. Умение улавливать ритм окружающей среды и сопоставлять его с собственным внутренним ритмом способствует

организации времени жизни, налаживанию психологически комфортного состояния и самоконтроля поведения. Двигательная активность, на основе которой формируется чувство ритма, является мощным биологическим стимулятором жизненных функций растущего организма.

С учетом всех вышеперечисленных требований, нами была разработана специальная программа по игровой ритмике, ориентированная на коррекцию психомоторного, эмоционального, когнитивного и общего развития ребенка. Цель программы – адаптация ребенка с нарушениями развития к социальным условиям, психологическая коррекция дефекта, формирование самостоятельности и активности. Основные задачи включают в себя следующие блоки:

- развивающие – активизировать и стимулировать двигательные функции, что способствует развитию высших психических процессов;
- коррекционные, направленные на коррекцию и профилактику имеющихся нарушений с учетом психофизического статуса ребенка.

В исследовании участвовали 30 детей в возрасте от трех до шести лет с нарушениями психического развития различного генеза, пациенты ПМСС Центра Василеостровского района г. Санкт-Петербурга.

На диагностическом этапе психологической коррекции использовались следующие методики:

- 1) для исследования возрастных особенностей формирования когнитивных функций у ребенка (Мамайчук И. И., Ильина М. Н.; 2004г.);
- 2) опросник PARY, для исследования особенностей родительских отношений к ребенку;
- 3) тест тревожности (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен);
- 4) опросник для диагностики эмоционального неблагополучия детей (ОДЭН) (Миланич).

Результаты исследования выявили высокий уровень психической напряженности у 60% детей, из них у 78% наблюдалась задержка темпов развития когнитивных функций, Неконструктивные подходы в воспитании ребенка выявлены в 64% случаев, что проявлялось в высокой зависимости ребенка от родителей, в подавлении его воли.

Результаты психологической коррекции выявили высокую эффективность занятий по используемой программе, что на эмоциональном и поведенческом уровнях проявлялось у детей в свободном выражении эмоций, в изменении способов эмоционального реагирования на ситуацию конфликта. На когнитивном уровне наблюдались улучшения динамических и операциональных характеристик психических функций. Полученные нами данные подчеркивают эффективность разработанной программы в системе сопровождения детей с нарушениями в развитии.

Вывод: программа может быть успешно использована психологами и педагогами в качестве психокоррекционной технологии для детей с проблемами в развитии.

Кузнецова А. С.

КАТЕГОРИЯ «ЗДОРОВЬЕ» В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Одной из универсальных человеческих ценностей выступает здоровье, оно является ключевой характеристикой человека, важнейшим жизненным приоритетом, определяющим возможность реализовать все его индивидуальные и социальные устремления. Проблема здоровья как ценности рассматривается в рамках гуманистической психологии (Э. Эриксон, Э. Фромм, Г. Олпорт, К. Роджерс). Фундаментальные основы исследования здоровья в их ценностном аспекте заложены А. Маслоу, который рассматривал высшие ценности как своего рода детерминанты успешного и полноценного развития индивидуума. Актуальным в настоящее время, особенно для молодежи, должно быть осмысление здоровья как основополагающей ценности культуры и как значимой ориентации, определяющей социальное и психическое бытие конкретной личности.

Цель исследования – выявить отношение к здоровью как ценности студентов разных специальностей и связь с личностными конструктами. В исследовании участвовали студенты разных специальностей 18–22 лет (158 человек), использованы методики «уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» (Фанталова Е. Б., 2001), САТ, УСК, шкалы гибкости (СРІ, ССП), статистическая программа SPSS. Нами были проранжированы ценностные сферы по значимости и доступности и отдельно дан анализ здоровья как ценности.

В совокупной выборке здоровье по своей значимости оказалось на третьем месте. Местоположение здоровья в ценностной иерархии у студентов разных специальностей различалось. Так, здоровье по значимости располагалось на втором месте у студентов медицинского и спортивного факультетов; на третьем – у психологов; на четвертом – у специальностей «экономика» и «маркетинг», «сервис», «реклама» и на пятом у дизайнеров. Несмотря на высокую значимость здоровья для студентов разных специальностей, доступным его считают для себя лишь студенты спортивного факультета (третье место по доступности). Недоступно здоровье для студентов специальностей «дизайн», «сервис», «реклама», «психология» (десятое место), «лечебное дело» (девятое место) и «экономика» (седьмое место).

Важным для анализа является показатель ВК (расхождение выбора ценности по значимости и доступности). Высокие значения этого

показателя обнаружены у студентов психологического (ВК = 4) и медицинского (ВК = 3,7) факультетов, что является индикатором внутриличностного конфликта в сфере здоровья. Наличие такого конфликта можно объяснить высокой значимостью ценности здоровья для студентов данных специальностей, большей осведомленностью их о достижимости/недостижимости здоровья; к тому же известен факт, что специальность «психология» выбирают лица с внутриличностными проблемами для их разрешения. Корреляционный анализ позволил выявить связи между ценностью здоровья и личностными особенностями. Так, у студентов большинства специальностей (исключение психологи, экономисты) показатель значимости здоровья коррелирует с гибкостью поведения: «дизайн» ($r = -0,452$, $p = -0,009$), «сервис», «реклама» ($r = -0,444$, $p=0,034$), Физическая культура ($r=-0,601$, $p=0,001$).

Наибольшее количество значимых связей обнаружено у студентов медицинского факультета, здоровье как ценность коррелирует с ценностными ориентациями ($r = 0,596$, $p = 0,002$), гибкостью поведения ($r = 0,564$, $p = 0,003$), самоуважением ($r = 0,722$, $p = 0,000$), синергичность ($r = 0,683$, $p = 0,000$). Это свидетельствует о том, что студенты более гибки в отношении саморегуляции поведения и по личностным особенностям, очевидно более самоактуализированы, ценят здоровье более высоко.

Таким образом, результаты исследования показали, что здоровье является одной из самых значимых ценностей в ценностной системе студентов и связано с личностными конструктами. Самым ценным здоровьем является для студентов медицинского, спортивного и психологического факультетов; наименее ценным для дизайнеров. Самым доступным здоровьем считают студенты специальности «физическая культура», а самым недоступным – «дизайн», «сервис», «реклама», «психология». Внутриличностный конфликт в сфере здоровья обнаружен у студентов специальностей «лечебное дело» и «психология».

Мы считаем, что студенты, ставящие здоровье на одно из первых мест среди других ценностей, способны выделять ценности, характерные для самоактуализирующейся личности; они обладают высокой степенью гибкости в реализации своих ценностей, умеют быстро реагировать на изменяющиеся аспекты ситуации, ценят свои достоинства и целостно воспринимают мир и людей, что является важным в реализации профессиональных устремлений и развитии себя как личности.

Кузнецова Е. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ (ВСД, ФД)

В практике современной педиатрии вегетососудистая дистония и функциональная диспепсия становятся все более частыми диагнозами. Эти заболевания являются функциональными, и часто внешним фактором, способствующим их проявлению, становится психологический фактор. В данной работе исследуются психологические особенности детей, страдающих вегетососудистой дистонией и функциональной диспепсией, которые могут лежать в основе запускающего механизма заболевания. В нашем исследовании было обследовано 108 человек в возрасте от 13 до 18 лет, из них экспериментальную выборку составили 52 подростка, страдающие вегетососудистой дистонией и диспепсией. В контрольную выборку (56 человек) вошли здоровые подростки. Все подростки являются кадетами военно-космического корпуса. Обе группы выравнены по возрасту, социальному и семейному положению.

В исследовании использовались следующие методы:

1. Анамнестический метод, направленный на анализ анамнестических данных и социально-психологических факторов развития;
2. Опросник, направленный для выявления и оценку невротических состояний Яхина-Менделевича;
3. Методика Дембо-Рубинштейн, направленная на исследование самооценки;
4. Многофакторный личностный опросник Кеттелла;
5. Проективные рисуночные тесты как дополнительные методы исследования личности и особенностей психических состояний.

Было выявлено, что в группе испытуемых чаще проявляются такие невротические симптомокомплексы, как тревога, признаки невротической депрессии и подавленного настроения, астенизация, истерическое реагирование на трудные ситуации, многие из испытуемых имеют страхи, в группе есть испытуемые с вегетативными нарушениями.

В экспериментальной группе, несмотря на высокий общий уровень эмоциональной устойчивости, испытуемые предъявляли жалобы на боли в голове и подложечной области. В структуре личности у них наблюдалась повышенная тревожность, чувствительность, импульсивность, фрустрационная напряженность, низкий уровень психической адаптации в отличие от подростков контрольной группы. Кроме того, при проведении исследования с использованием рисуночных проективных методик, испытуемые в экспериментальной группе чаще отмечали свое неудовольствие в отношении внутрисемейных взаимоотношений, своего положения в семье. Полученные данные подчеркивают, что психологический фактор играет важную роль в появлении функциональных

расстройств в подростковом возрасте. Предпосылками к появлению такого расстройства могут являться:

- длительный эмоциональный стресс;
- наличие некоторых невротических симптомокомплексов – повышенный уровень тревоги;
- повышенный уровень астенизации;
- эмоциональная неустойчивость;
- высокая фрустрационная напряженность;
- низкий уровень психической адаптации к новым условиям.

Куликов С. А.

ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДЕФИЦИТА У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ С РАЗНЫМ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ

Утверждение нейрокогнитивной парадигмы в изучении шизофрении способствовало новому взгляду на проблему когнитивных расстройств. Когнитивный дефицит стал определяться как недостаточность познавательных функций, развивающаяся вследствие структурно-функциональных нарушений головного мозга на уровне внутри- и межполушарных взаимодействий (Двирский А. Е., 1976; Введенский Г. Е., 1990; Стрелец В. Б., 1993; Магомедова М. В., 2001; Егоров А. Ю., 2006). Многочисленными исследованиями показано, что познавательные расстройства присущи значительному числу больных шизофренией. Выделены нарушения когнитивных функций, носящие как генерализованный, так и локальный характер; продемонстрировано уменьшение познавательных возможностей больных по сравнению со здоровыми (Поляков Ю. Ф., 1974; Зейгарник Б. В., 1976; Критская В. П. и соавт., 1991; Критская В. П., Мелешко Т. К., 2003; Frith С. D., 1995; Bilder R. M., 2000 и др.); описаны виды расстройств в зависимости от характера заболевания (Корсакова Н. К., Магомедова М. В., 2002; Гурович И. Я. и соавт., 2004 и др.). Кроме описания дисфункций, были показаны четкие зависимости между степенью когнитивного дефицита и уровнем социального функционирования (Гурович И. Я., Шмуклер А. Б., 1994; Магомедова М. В., 2000; Аведисова А. С., Вериги Н. Н., 2002; Green M., 1996; Green M. F., Neuchterlein K. H., 1999).

Менее изучены вопросы соотношения когнитивных дисфункций и качества жизни (далее КЖ) как субъективного критерия социальной адаптации больных, а также специфических проявлений когнитивного дефицита у больных шизофренией с разным качеством жизни. Последнее и предопределило цель актуальной экспериментально-психологической работы. Цель исследования – выявить особенности когнитивного дефицита у больных шизофренией с разным уровнем качества жизни. Для достижения цели в работе был реализован метод

синдромного анализа, в схему обследования вошли эмпирические приемы и тестовые задания стандартизированного набора, разработанного сотрудниками СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева, а также субтесты из методики М. В. Магомедовой (отделение внебольничной психиатрии и организации психиатрической помощи МНИИП МЗ РФ, 2003). Всего 63 пробы, направленные на исследование как частных нейропсихологических функций, так и регуляторных характеристик психической деятельности.

Обследованы 96 больных шизофренией, вся выборка была разделена на две подгруппы на основании суммарной итоговой оценки специфического КЖ: первую группу (экспериментальную) составили испытуемые с показателями КЖ ниже значения медианы ($< 59,9$ балла) – 59 человек (51% от общей выборки больных); вторую группу (группу сравнения) – испытуемые с показателями КЖ выше значения медианы ($> 59,9$ балла) – 57 человек (49% от общей выборки больных).

В результате исследования у испытуемых обеих групп определены общие ведущие нарушения, а также выявлены специфические независимые комплексы нейрокогнитивных аномалий. Так, общей в обеих группах больных была значительная перестройка факторной структуры обеспечения когнитивных функций, которая выражается в мозаичном сочетании симптомов «выпадения» и «искажения» функций, что обуславливает сложность и многоплановость феноменологических проявлений нейропсихологических дисфункций.

Сравнительный интергрупповой анализ показал, что, несмотря на сходную выраженность общего нейрокогнитивного дефицита, в экспериментальной группе пациенты демонстрировали более грубые расстройства частных нейропсихологических функций. Достоверно значимые различия были определены в реализации: гнозиса ($p \leq 0,01$), а именно слухового ($p \leq 0,001$) и тактильного ($p \leq 0,01$); кинетического и конструктивного праксиса ($p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$, соответственно); вербального мышления ($p \leq 0,05$) и импрессивной речи ($p \leq 0,05$). Они оказались более нарушенными в группе больных с низкими оценками КЖ. Исходя из качественного анализа нарушений, можно говорить о том, что в данной группе больных нейрокогнитивный дефицит преимущественно представлен симптомами «выпадения», включающими в себя структурные расстройства информационных процессов, и проявляющимися на всех уровнях обработки (перцептивной и речемыслительной).

Полученные данные позволяют предполагать наличие системных нейрокогнитивных механизмов нарушений при шизофрении, связанных не столько с падением психической активности личности, сколько со специфической формой организации процессов переработки

информации, что требует учета более глубоких детерминант биологического характера.

Купцова С. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ В СЕМЬЕ

Известно, что личность ребенка, в том числе и умственно отсталого, формируется в семье (А. Е. Личко, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, А. Я. Варга и др.). Семейные отношения, будучи фактором развития личности, влияют на формирование всех ее компонентов, в том числе и на самооценку (Л. И. Божович). В свою очередь, знание особенностей формирования самооценки необходимо для понимания и управления развитием умственно отсталых лиц, их социальной адаптации (Д. Н. Исаев, Л. И. Божович и др.). Если самооценка ребенка с умственной отсталостью неадекватна – это серьезное нарушение структуры личности, которое может привести к депрессиям, неврозам, асоциальности (Д. Н. Исаев). Таким образом, если выяснить, какой тип семейного воспитания способствует развитию адекватной самооценки, можно разработать рекомендации для родителей в помощь воспитанию детей с умственной отсталостью.

Наше исследование проводилось на базе школы № 7 VIII вида города Великий Новгород. В исследовании принимали участие дети 8–9 лет, учащиеся вторых и третьих классов. У детей установлена легкая интеллектуальная недостаточность. Из 36 семей, принявших участие в исследовании, семь являются многодетными. Почти половина от общего числа исследуемых семей – неполные, часть из которых состоит на учете в органах опеки как неблагополучные (по жилищным и материальным условиям, трудоустройству родителей, злоупотреблению родителями алкоголем). Средний возраст родителей, принимавших участие в исследовании, составляет 30 лет. Все испытуемые являются интеллектуально сохранными, без каких-либо психических патологий. Все родители, принимавшие участие в исследовании, имеют среднее или средне-специальное образование, рабочие профессии (фасовщица, дворник, слесарь, почтальон и т. д.).

Для изучения влияния типа семейных отношений на самооценку детей с легкой степенью умственной отсталости мы использовали следующие методики: методика «лесенка» Т. Д. Марцинковской; изучение общей самооценки (опросник Г. Н. Казанцевой); методика «кто Я?» Р. С. Немова; тест-опросник родительского отношения к детям (ОРО) А. Я. Варга и В. В. Столина; опросник анализа семейного воспитания (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса.

Наше исследование показало, что большинство младших школьников с легкой степенью умственной отсталости имеют неадекватную завышенную самооценку. Испытуемые с завышенной самооценкой (78,8%) оценивают себя только положительно. Небольшая часть младших школьников с легкой степенью умственной отсталости имеют заниженную самооценку (9,8%). В 11,4% случаев испытуемые оценивают себя адекватно.

При исследовании типов семейных отношений нами было установлено в целом доминирование «потворствующей гиперпротекции» (40,2%) и «симбиоза» (36,4%). В части семей мы диагностировали отношение к ребенку как к «маленькому неудачнику» – гипоопека (11,1%). В некоторых семьях был отмечен «неустойчивый» (5,3%) тип отношения к ребенку. Часть родителей используют в воспитании доминирующую гиперпротекцию (7%).

В результате проведенного нами исследования удалось установить, что большинство испытуемых живут в атмосфере негармоничных семейных отношений. Результаты нашего исследования мы обработали статистически с помощью корреляционного анализа. При обработке использована ранговая корреляция Спирмена. Данная корреляция установила наличие связи между симбиотическим типом отношений, потворствующей гиперпротекцией и завышенной самооценкой у испытуемых, а также связь между доминирующей гиперпротекцией, отношением к ребенку как к «маленькому неудачнику» и заниженной самооценкой у испытуемых.

В итоге нашей работы нами были составлены психолого-педагогические рекомендации, которые могут быть использованы родителями, учителями и другими близкими взрослыми для гармонизации семейных отношений и адекватизации самооценки детей:

- 1) Детям нужна помощь в понимании мира, обозначении границ приемлемого и недопустимого поведения.
- 2) Для благополучия Вашего ребенка очень важна последовательность и согласованность в действиях, запретах и разрешениях.
- 3) Каждому ребенку хочется, чтобы родители его понимали. Умению слышать, понимать ребенка и строить с ним конструктивные отношения можно учиться.
- 4) Необходимо помнить, что пред детьми на каждом этапе развития стоят определенные «задачи возраста».

Лебедева Г. Г.

ПСИХООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ ПРИ ЛЕЧЕНИИ ДЕПРЕССИИ

Важным направлением современной психиатрии и клинической психологии является реабилитация больных с депрессивными расстройствами. По данным Всемирной организации здравоохранения признаки депрессии обнаруживают около 100 млн. человек в мире, при этом количество людей с данным заболеванием увеличивается. Этому способствуют стрессогенные события, высокие психоэмоциональные нагрузки, и другие социально-психологические и биологические факторы. Один из самых актуальных вопросов – раннее выявление аффективных расстройств (Краснов В. Н., Смулевич А. Б., Дмитриева Т. Б., 1999–2005; Г. Н. Носачев). Сложность диагностики депрессии обусловливается еще и частой алекситимией, когда пациент не может описать свое душевное состояние.

Для обеспечения пациентов информацией относительно их заболевания в психиатрических отделениях общего профиля одного из стационарных учреждений здравоохранения города Санкт-Петербурга врачом-психиатром совместно с психологом организованы психообразовательные занятия. Занятия проходили в форме закрытой группы в количестве 6–8 пациентов, продолжительностью по 60 минут. Основные темы занятий: расстройства настроения, депрессия и мания, стигматизация, ресурсы человека. В результате проведенного анкетирования и беседы с пациентами, было установлено, что психообразование дает возможность более объективного суждения о своем самочувствии во время ремиссии. У 95% больных, прошедших психообразование, отсутствует страх перед госпитализацией, что косвенно может свидетельствовать о снижении у них уровня стигматизации.

Полученные данные позволяют сделать выводы о том, что психообразование дает возможность:

- а) привить элементарные навыки распознавания симптомов психического заболевания и выработать более адекватную тактику поведения;
- б) ознакомить с ролью фармакотерапии в лечении и процессе выздоровления;
- в) добиться партнерских отношений в процессе лечения (комплаентные отношения);
- г) преодолеть страх перед возможными побочными явлениями фармакотерапии и научить своевременному (раннему) распознаванию их возникновения для консультаций с лечащим врачом;
- д) получить эмоциональную поддержку и снизить уровень стигматизации.

Таким образом, использование психообразовательного подхода обеспечивает повышение качества психиатрической и психосоциальной помощи пациентам и их родственникам и является необходимым компонентом реабилитационного процесса в психиатрической практике.

Ликстанова Н. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ВРАЧЕЙ

Профессиональное здоровье – свойство организма сохранять заданные компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие работоспособность во всех условиях, в которых протекает профессиональная деятельность. Врачебная практика относится к той сфере профессиональной деятельности, которая протекает в стрессовых условиях, поэтому врачам помимо поддержания здоровья пациентов необходимо заботиться и о своем профессиональном здоровье.

Цель: исследование психологических факторов профессионального здоровья врачей. Выборка: 36 респондентов: врачи МЛПУ «Зональный перинатальный центр» и МЛПУ «Клинический родильный дом № 3» г. Новокузнецка; 18 мужчин и 18 женщин в возрасте от 22 до 57 лет, стаж работы от 2 до 34 лет.

Методики: «самооценка физического, психического и социального здоровья» Г. С. Никифорова, Л. И. Августовой; «отношение к здоровью» Р. А. Березовской; личностный опросник Р. Кеттелла. Математико-статистическая обработка: вычисление первичных статистик, корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Профессиональное здоровье респондентов оценивалось нами по интегральному показателю, включающему сумму баллов по методике самооценки здоровья минус показатели по методике выгорания.

В целом профессиональное здоровье респондентов находится на среднем уровне. Из критериев профессионального здоровья самый большой вклад в данный показатель вносит именно физическое здоровье ($r = 0,94$, $p \leq 0,01$). Скорее всего, физическое благополучие является основополагающим условием профессионального здоровья, т. к. позволяет организму функционировать в полной мере. Фактор I «чувствительность» (эмоционально-волевой блок) положительно коррелирует с профессиональным здоровьем ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$). Врачам необходимо обладать развитой эмпатией, умением сопереживать и понимать пациентов, быть с ними приветливыми. Кроме того, выявлена взаимосвязь профессионального здоровья с «открытостью» (фактор А) ($r = 0,41$, $p \leq 0,05$). Скорее всего, общительность, доброжелательность, во-первых, помогают устанавливать и поддерживать хороший контакт с пациентами и коллегами, обеспечивая хорошее настроение, а во-

вторых, выплескивать свои чувства и эмоции наружу, не храня все в себе. Возможно, это объясняет еще одну взаимосвязь профессионального здоровья с удовлетворенностью своим выражением и восприятием чувств ($r = 0,36$, $p \leq 0,05$). Выявлена положительная взаимосвязь между профессиональным здоровьем и положительным отношением к работе ($r = 0,40$, $p \leq 0,05$). Отрицательная взаимосвязь выявлена между профессиональным здоровьем и высказываем респондентов: «Когда я чувствую недомогание, я расстроен» ($r = -0,54$, $p \leq 0,01$). Возможно, такая установка респондентов – не расстраиваться при недомогании, а сразу принимать меры лечения, помогает поддерживать свое профессиональное здоровье на высоком уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что у респондентов существует обратная взаимосвязь между профессиональным здоровьем и фактором В «интеллект».

Возможно, чем больше респонденты знают что-то о здоровье, об его поддержании, укреплении, тем меньше они что-то для этого делают, т. к. все внимание обращено именно на когнитивную составляющую здоровья, нежели на поведенческий компонент, и все знания сложно воплотить в жизнь. На основе интегрального показателя профессионального здоровья вся выборка была разделена на две группы – группу с высоким и низким профессиональным здоровьем. Различия в группах составляют физическое здоровье (108,6 баллов – высокий уровень и 52,8 баллов – средний уровень соответственно), эмоциональное истощение (23,8 – средний уровень и 31,3 – высокий уровень), стрессоустойчивость (43,6 – низкий уровень и 61,5 – высокий уровень). В группе с высоким профессиональным здоровьем основной процент (57%) составляет женский пол, в группе с низким профессиональным здоровьем женщин всего 31%. Скорее всего, это связано с тем, что женщины более ответственно относятся к своему здоровью и принимают различные меры для лечения и профилактики, не отрицая заболевания.

Таким образом, профессиональное здоровье врачей зависит как от коммуникативных черт (общительность), эмоционально-волевых черт (чувствительность), так и от положительного отношения к своей работе и к своему здоровью в целом – умения контролировать себя при недомогании, сразу принимать меры для лечения и профилактики.

Лобанова А. В.

ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Изменения, происходящие сегодня в нашем обществе, выдвинули целый ряд проблем, одной из которых является проблема аддиктивного поведения в подростковой среде. Решение этой проблемы на территории Российской Федерации в настоящее время признано одной

из первоочередных задач, стоящих перед государством и обществом. Невысокая эффективность лечения наркологических заболеваний общеизвестна, в результате все больший приоритет отдается профилактическим мероприятиям. Особенно это актуально в профилактической деятельности среди подростков, т. к. именно эта часть населения наиболее подвержена наркологическим заболеваниям. Именно поэтому основной акцент должен ставиться на меры первичной профилактики, направленной на поддержание и развитие индивидуально-психологических особенностей подростков, что способствует сохранению физического, личностного и социального здоровья. К мероприятиям первичной профилактики относятся меры защиты, которые могут воздействовать либо на пути неблагоприятного влияния наркопровоцирующих факторов, либо на повышение устойчивости организма человека к неблагоприятным факторам.

Первые шаги по изучению и разработке профилактических моделей связаны с идеями Т. М. Богомоловой, И. Канкаровича, В. Ф. Матвеева, В. И. Демченко. Наиболее серьезные исследования проблемы проведены зарубежными учеными М. Кингом, У. Козном, Ч. Цитренбаумом, Э. Фроммом, Э. Чарлтоном. Но их выводы требуют проверки в условиях российской действительности. Материал зарубежных ученых дает возможность говорить об общих проблемах развития системы первичной профилактики, о сходных тенденциях в развитии, но о разных условиях их применения. В настоящее время многие отечественные ученые обращаются к проблеме первичной профилактики наркомании: формируется специальная система первичной, превентивной профилактики с ее содержанием, формами и методами (С. В. Березин, К. С. Лисецкий, Е. А. Голипкина); научно обосновывается система коррекционно-развивающей работы в студенческой среде (Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Т. В. Волкова, Т. С. Бунина, И. Б. Орешникова). Разрабатывается система самореализации личности в социуме (Б. Е. Спрангер, Ю. И. Филимоненко, А. Удалова), апробируется система диагностического изучения подростков, склонных к употреблению наркотиков, и оказания им психологической помощи (В. Р. Арагонов, В. В. Куликов, О. И. Роик, Ф. Б. Березин, М. П. Мирошникова, Е. Д. Соколова).

Таким образом, различные аспекты первичной профилактики исследованы, разработаны и внедрены в разной степени, но для работы с такими детьми нужны особые специалисты, поэтому в школах, интернатах, детских домах, образовательных учреждениях для детей с проблемами в развитии нужны специальные психологии, готовые организовывать и проводить интеграционные и реабилитационные мероприятия. Учитывая социальную значимость, сложность, комплексность проблем, решаемых в рамках профилактической деятельности, встала необходимость в проведении научных исследований. Основной задачей, на

решение которой направлены научные исследования, является разработка наиболее эффективной программы первичной профилактики зависимого поведения. Новизна поставленной задачи состоит в новом подходе к разработке программы первичной профилактики зависимого поведения, с учетом индивидуально-психологических особенностей подростков, российских традиций и опыта, современных научных традиций.

Содержание программы по реализации данной модели учитывает потребности Тульского региона. Для решения поставленных задач использовались следующие методы: теоретический анализ научной, психолого-педагогической литературы; психолого-педагогический эксперимент в единстве его этапов (констатирующий, формирующий, контрольный); метод проектов; моделирование; психодиагностические методы; анализ полученных данных. Исследование показало, что все подростки имеют личностные проблемы, но не все с психологическими проблемами становятся зависимыми. Человек будет иметь психологический иммунитет против зависимости, если он способен адекватно выражать свои чувства, поддерживать здоровые отношения с другими, умеет ставить цели и реализовывать их.

Лордкипанидзе Н. З.

Корчагина З. В.

ПСИХОДИАГНОСТИКА В ГИНЕКОЛОГИИ: ЗАДАЧИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МОДЕЛИ

Современные тенденции развития медицинской (клинической) психологии обуславливают существенное расширение клинико-психологических и экспериментально-психологических исследований в соматической медицине. Это связано с доминированием в методологическом плане биопсихосоциальной парадигмы психического и соматического здоровья, а также общемедицинской концепции адаптации человека (Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю., 2003). Для обоснования психотерапии и реабилитации больных соматического профиля, как известно, существенное значение имеют исследования личности больных в контексте психосоматических и соматопсихических соотношений, где психогенное и соматогенное в развитии болезни сложно дифференцируется без применения методов психодиагностики. Обобщая данные литературы (Вассерман Л. И., с соавт., 2010), основной задачей психодиагностики в соматической клинике является получение информации о личности больного, о психологических механизмах фрустрирующего влияния болезни и потенциальных возможностях индивида ее преодолеть, мобилизуя личностные ресурсы и социальную поддержку.

Сказанное, несомненно, относится и к больным гинекологической клиники, например, к страдающим предменструальным синдромом (ПМС) и дисменореей. В клинической картине возникновения и течения ПМС и дисменореи существенна роль психосоциальных факторов, но их феноменология требует уточнения как с точки зрения специфики, так и степени выраженности. Наряду с имеющимися типичными соматическими симптомами у больных с ПМС и дисменореей часто наблюдаются невротоподобные расстройства, выделяемые в МКБ-10 (1994) как F43.2 – расстройства адаптации, F45.3 – соматоформные вегетативные дисфункции, например, для этих форм гинекологической патологии обличаются тревогой, депрессивные, чаще астено-депрессивные проявления, эмоциональная лабильность, дисфория в поведенческой (коммуникативной сфере) и др. (Аганезова Н. В., с соавт., 2010). Психические и соматические нарушения провоцируют и усиливают друг друга, образуя «замкнутую сеть» взаимообуславливающих нарушений, требующих комплексной лекарственной терапии и психотерапии, для некоторых в свою очередь, необходимы уточнения роли личностных факторов в патогенезе симптомообразования и их трансформации в процессе терапии.

В качестве примера приведем результаты экспериментально-психологического исследования механизмов психологической защиты у женщин, страдающих ПМС и дисменореей. Исследование проводилось на клинической базе кафедры акушерства и гинекологии СПбМАПО. Использовалась методика Индекс жизненного стиля – (ИЖС) (Вассерман Л. И., с соавт., 1999). Обследовано 96 женщин репродуктивного возраста (средний возраст 29,6; $\sigma = 1,9$), из них 36 пациенток, страдающих ПМС, 30 – дисменореей, и 30 – с сочетанной патологией. Результаты исследования показали, что у всех трех групп пациенток доминируют МПЗ «компенсация», «регрессия», «реактивные образования», т. е. под действием фрустрирующего влияния болезни пациентки неосознанно пытаются реализовать защиту «Я» от тревоги, уходя в мир «фантазий», используя более простые и привычные поведенческие стереотипы, заменяя неприемлемые для них внутренние импульсы на субъективно близкие, но, условно говоря, противоположные тенденции. Пациентки, страдающие смешанными расстройствами менструального цикла, характеризуются меньшей выраженностью МПЗ «отрицание» по сравнению с пациентками каждой из групп в отдельности.

Данное обстоятельство, видимо, связано с большей выраженностью болевых и психоэмоциональных симптомов у указанных пациенток, фрустрирующих и дезадаптирующих их в реальной жизни в такой степени, что пациентки уже не могут отрицать и не замечать эти кризисные обстоятельства. Данные симптомы, вызывая тревожные переживания, связанные с возможной угрозой созданию семьи (при ее отсут-

вии), сохранению семьи, репродуктивной функции, поддержанию социального статуса и т. д., создают отчетливую психогенную ситуацию – риск нарушений психической адаптации.

Таким образом, проявления ПМС и дисменореи имеют безусловный личностный смысл для женщин репродуктивного возраста, следовательно, коррекция нарушений в эмоциональной и поведенческой сферах является актуальной задачей психотерапевта и клинического психолога в гинекологической клинике.

Лысенко С. В.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ СТРЕССОРНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ

Нарастающие нагрузки на нервную систему современного человека, большая часть которых носит психогенный характер, приводят к формированию эмоционального напряжения и развитию стресса. Выявление факторов и разработка технологий, способствующих психической устойчивости личности в стрессовых ситуациях, является актуальной проблемой, что особенно важно для студенческого периода жизнедеятельности. Под психической устойчивостью в широком смысле понимают сохранение продуктивного функционирования психики в кратковременной или длительной напряженной ситуации (Варданян Б. Х., 1983). Свойство личности, которое обеспечивает гармоничное отношение между всеми компонентами психической деятельности в сложной эмоциональной ситуации и способствует оптимально успешному достижению цели деятельности, называется стрессоустойчивостью (Зильберман П. Б., 1974). Формирование стрессоустойчивой личности является механизмом сохранения психологического здоровья, условием социальной стабильности и профессиональной продуктивности личности (Чебыкин А. Я., 1984).

Цель работы – исследование психологической сущности стрессоустойчивой личности и апробация коррекционной программы, направленной на повышение стрессоустойчивости студентов. В исследовании приняли участие студенты третьего курса факультета психологии университета ТГУ им. Г. Р. Державина.

На первом этапе исследования на основании Т-критерия Стьюдента нами были выявлены существенные признаки, характерные для стрессоустойчивых и стрессонеустойчивых студентов. Стрессонеустойчивые студенты отнесены нами к группе риска психологического здоровья. Факторный анализ позволил выявить, что психологическая структура стрессоустойчивости представлена такими уровнями, как личностные особенности поведения, межличностные отношения, самоактуализация, социальная адаптированность (Лысенко С. В., 2010). Эти исследования послужили основой для разработки коррекционной про-

граммы, направленной на повышение устойчивости студентов к стрессам. При построении коррекционной программы вектор развития был нами направлен на переход от энергетической саморегуляции к ценностно-смысловому самоуправлению личности.

В связи с выявленными нами предварительными показателями были поставлены следующие задачи коррекционной работы: во-первых, выравнять энергетический баланс и повысить уровень эмоциональной устойчивости, снять тревожность, укрепить уверенность и развить воображение; во-вторых, сформировать доверительные диалоговые межличностные отношения и, в-третьих, повысить степень самоактуализации.

Коррекционная работа со студентами с низкой устойчивостью к стрессам состояла из ряда этапов. Вначале, с целью оптимизации энергетического состояния, мы применили технологию биологически обратной связи (БОС-регуляция), основанной на диафрагмально-релаксационном дыхании, с использованием программ автоматизированного комплекса типа «Нейрокор 3.1.С». Работа с испытуемыми проводилась индивидуально, контролировалось текущее состояние. Каждый сеанс начинался и заканчивался самооценкой эмоционального состояния, с помощью специальной шкалы.

По результатам работы наблюдалась положительная динамика эмоционального состояния как после однократного сеанса, так и по окончании коррекционной работы.

Таким образом, технологию биологической обратной связи целесообразно использовать на первом этапе психокоррекционной работы для снятия эмоционального напряжения и выравнивания энергетического состояния.

Второй этап состоял из комплекса упражнений, необходимых для формирования качеств, повышающих стрессоустойчивость, в зависимости от индивидуальных показателей, полученных на предварительном этапе исследования. В частности, упражнения направлены на снятие внутренней напряженности, агрессии, гнева, приобретение навыков избавления от обиды и других отрицательных эмоций (например: «уменьшение в росте человека, вызвавшего гнев», «сбрось усталость», «гора с плеч») (Бука Т. Л., 2005), а также на повышение уверенности, самоактуализации, умение выстраивать диалоговые отношения. Парное сравнение результатов, полученных до проведения коррекционной работы и после, выявило достоверные отличия.

В целом, в результате проведенной работы у стрессонеустойчивых студентов уменьшился уровень напряженности и тревожности, повысилась гибкость поведения, самопринятие и контактность.

Мальцева Н. А.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА ПРИ РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

К настоящему моменту исследований об особенностях временной и пространственной перцепции при аутизме немного. Но некоторые исследователи предполагают, что в основе многих вторичных нарушений при аутизме лежат сложности ориентировки во времени. По некоторым данным (Martin J. S., 2010), люди, страдающие расстройствами аутистического спектра, склонны совершать значительные ошибки при оценке и воспроизведении временных интервалов. У них также наблюдается большая выраженность некоторых иллюзий временно-пространственного восприятия (например, связанных с одновременным предъявлением аудиальных и визуальных стимулов). Несомненно, это создает значительные сложности в обучении, взаимодействии с другими людьми и окружающей действительностью.

В нашем исследовании пространство и время фигурировало на разных уровнях: от восприятия физического времени и пространства до представлений об этих категориях в контексте картины мира. В исследовании приняли участие 36 испытуемых: 20 подростков, страдающих расстройствами аутистического спектра и 16 здоровых подростков. Возраст испытуемых от 12 до 16 лет. В качестве методов исследования представлений о времени и пространстве использовались методики семантического дифференциала, проективные рисунки на тему времени и пространства и структурированное интервью по рисункам. Для исследования восприятия времени использовались метод измерения восприятия длительности временных отрезков в покое и во время деятельности (оценка субъективной минуты). Для оценки восприятия времени на более высоком уровне (локализация событий во времени, понимание причинно-следственных связей между ними) использовалась последовательность сюжетных картин. Для изучения восприятия пространства использовалось копирование фигуры Рэя-Тэйлора.

Полученные результаты позволяют говорить о различиях в восприятии времени у здоровых подростков и подростков с аутистическими чертами. При восприятии времени подростки обеих групп склонны переоценивать временной интервал (что согласуется с результатами исследований, приводимых ранее), однако подростки с аутизмом переоценивают время в покое значимо меньше и больше искажают результат по сравнению с контрольной группой. Кроме того, в контрольной группе наблюдается некоторая (не достигающая уровня значимости) связь временной перцепции с деятельностью: в деятельности время переоценивается в меньшей степени (то есть течение времени ускоряется), в экспериментальной группе связь обратная (в деятельности время течет

медленнее, увеличивается переоценка временных интервалов). Кроме того, в контрольной группе наблюдается близкая к единице корреляция между оценкой времени в покое и в деятельности ($r = 0,85$).

Таким образом, в норме существует индивидуально специфичный стиль восприятия времени, проявляющийся независимо от экспериментальных условий. У подростков с аутистическими чертами такой связи нет. Можно предположить, что их восприятие времени больше зависит от особенностей ситуации, чем от субъективных эталонов восприятия. Представления о времени и пространстве также различались. В протоколах интервью у испытуемых с аутизмом наблюдалось меньше предикатов, фигур и эмоциональных описаний, движение времени чаще описывалось как циклическое. Различным был и характер связи между переменными. При кластерном анализе данных контрольной группы в кластеры объединялись переменные разных категорий.

Таким образом, можно предположить, что время и пространство в норме представляет собой единый хронотоп. У подростков с аутизмом такой связи не наблюдалось.

Малюкова Н. Г.

Рудоменова Ю. Ю.

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В НЕЙРОРЕАБИЛИТАЦИИ

Организация и осуществление нейрореабилитации – одна из наиболее актуальных и сложных проблем современной медицины и здравоохранения. Пациенты с последствиями органических поражений мозга, имеющие выраженные нарушения двигательных и когнитивных функций являются одной из самых тяжелых категорий больных. Актуальность изучения клиники когнитивных расстройств у пациентов с последствиями нейроинфекций (НИ) обусловлена малой степенью исследованности данной группы больных. Нарушения разных видов внимания, восприятия, памяти, речи, праксиса и других когнитивных функций – причина инвалидизации больных, многие из которых на момент заболевания находились в трудоспособном возрасте.

Нейропсихологический метод является важнейшим звеном в современной системе комплексной нейрореабилитации таких пациентов. Нейропсихологом и логопедом было обследовано 20 пациентов (от 18 до 69 лет) с последствиями НИ, проходивших 45-дневный курс комплексной нейрореабилитации в стационарном отделении Центра патологии речи и нейрореабилитации (индивидуальные и групповые занятия с логопедом и нейропсихологом, лечебная физкультура и массаж, медикаментозная терапия, физиотерапия, эрготерапия, психотерапия).

Исследование высших психических функций проводилось в рамках методологии А. Р. Лурия (1969, 2002) с использованием модифицированной батареи нейропсихологических методов (Ахутина Т. В., 2002; Шкловский В. М., Визель Т. Г., 2000, 2005; Бурлакова М. М., 1999; Вассерман Л. И., Дорофеева С. А., Меерсон Я. А., 1997; Храковская М. Г., 2008; Глозман Ж. М., 1999 и др). Проводился качественный и количественный (балльный) анализ выраженности когнитивных нарушений. Исследование когнитивных функций в начале курса нейрореабилитации выявило у данного контингента пациентов симптомы дисфункции лобных, теменно-височно-затылочных отделов мозга, субкортикальных структур в виде нарушений нейродинамики (инертности, адинамии, флуктуаций произвольного внимания и работоспособности, повышенной утомляемости), мнестических расстройств, отчетливых синдромов акустико-мнестической и амнестической афазий, выраженного дефицита пространственного звена праксиса и гнозиса, неполноценности произвольного контроля.

По составленной программе с каждым пациентом проводился курс направленного восстановительного обучения. В результате нейрореабилитации у всех пациентов выявляется положительная динамика в состоянии когнитивных функций. Возрос уровень психической активности, увеличился период продуктивной работы, произвольное внимание стало более устойчивым, улучшились показатели его концентрации и переключаемости. Пациенты стали лучше понимать обращенную речь и сложные грамматические конструкции, расширился активный словарь, улучшился звуко-буквенный анализ на письме. Положительная динамика отмечалась также и в сфере слухо-речевой памяти, более всего, в звене ее объема и прочности запоминания. Вместе с тем торпидность, высокий процент симптоматической эпилепсии у данного контингента больных оказывает негативное влияние на возможную динамику восстановления психических функций.

Итак, использование нейропсихологической методологии в нейрореабилитации позволяет качественно и количественно оценить картину нарушений психических функций, разработать программу нейрореабилитации, оценить эффективность лечебных и коррекционно-восстановительных воздействий, осуществить (совместно с врачами) прогностическую оценку нейрореабилитации. Это дает право считать нейропсихологическое направление важнейшей составляющей процесса нейрореабилитации. Оптимизация комплексной нейрореабилитации пациентов с последствиями нейроинфекций требует дальнейших междисциплинарных исследований.

Мачильская А. П.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОРОВЕВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПОДРОСТКОВ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Подростки с умственной отсталостью представляют собой группу риска по сексуальным злоупотреблениям, нежелательной беременности в связи с недостаточными способностями к полноценному пониманию и усвоению социальных норм и эталонов взаимоотношений. Необходимость в изучении формирования половой идентичности подростков с нарушением интеллекта определяется недостаточной их готовностью к будущей жизни.

Объектом исследования выступили учащиеся специальных (коррекционных) школ VIII вида в возрасте 14–17 лет: 52 подростка с легкой степенью умственной отсталости (24 девушки и 28 юношей) и 47 подростков с умеренной степенью умственной отсталости (20 девушек и 27 юношей). Контрольную группу составили 45 человек с нормальным интеллектуальным развитием того же возраста. Для изучения половой идентичности были использованы различные методы: изучение анамнеза, наблюдение, беседа, проективные методики: рисуночный тест К. Маховер (2003), модифицированный опросник для изучения осведомленности в вопросах пола Н. В. Александровой (1986), «Опросник для выяснения уровня психосексуального развития», разработанный С. В. Андреевой (2004).

По результатам рисуночного теста нами было выделено три группы:

- 1) дифференцируют мужчин и женщин по отдельным признакам (одежде, фигуре, прическе); не дифференцируют по полу;
- 2) различают фигуры по полу – в одиночных, случайных ситуациях ставят буквы, пишут слова;
- 3) не прорисовывают человека вообще (бесполые фигуры).

Установлено, что представления о половых различиях в рисунках подростков с легкой умственной отсталостью выражаются в большинстве случаев по внешнему виду человека (одежда, прическа). В рисунках подростков (как юношей, так и девушек) преобладает подчинение власти женщине, придание большого значения так называемым женским идентификациям. Это может свидетельствовать о влиянии «женского воспитания», так как дома, как правило, воспитанием детей занимаются мамы и бабушки, и в образовательном учреждении персонал, в основном, состоит из женщин.

Подростки с умеренной умственной отсталостью рисовали лишь головногие бесполое фигуры, т. е. выявлено, что половые представления подростков с умственной отсталостью зависят от уровня ин-

теллеktуального развития: чем он выше, тем по большему числу признаков идентифицируют испытуемые свой и противоположный пол.

В рисунках контрольной группы достаточно полно отображены признаки половой идентификации обоих полов. Показатели осведомленности в вопросах пола свидетельствуют о ее низкой степени в экспериментальной группе по данному вопросу. Различия мужчин и женщин подростки указывали лишь по внешней атрибутике - одежде, причёске. Осведомленность в вопросах о контрацепции, сексуальном насилии практически отсутствовала у подростков с умственной отсталостью. Низкая осведомленность в вопросах пола повышает возможность попадания их в группу риска по сексуальным злоупотреблениям.

При обработке результатов опросника психосексуального развития подтвердились данные о половой идентификации умственно отсталых подростков, в основном, по внешним признакам одежды и причёски и почти полном отсутствии ее по первичным и вторичным половым признакам. Понятия возрастных изменений пола и половых ролей были выражены, но очень примитивно у подростков с легкой степенью умственной отсталости, у подростков с умеренной степенью отсутствовали. Таким образом, формирование полоролевых представлений у подростков с умственной отсталостью зависит от степени умственной отсталости (чем грубее поражения ЦНС, тем слабее выражен психологический процесс самоотжествления), а также от социального окружения и личностных особенностей подростка.

Медведев Н. Н.

ТРЕВОЖНО-ДЕПРЕССИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ У НЕВРОТИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Как объект исследования выступили женщины от 20 до 25 лет. Образовано три группы – условно здоровые личности (30), с повышенным уровнем невротизации (30), больные неврозом (30), всего исследовано 90 человек. Методики: «уровень невротизации», «семантический дифференциал», «доминирующие состояния», «опросник самоотношения Столина», «уровень развития субъектности личности», «уровень субъективного контроля».

Показатели «доминирующих состояний» позволили сделать вывод о том, что: при повышении уровня невротизации имеют место явления тревожно-депрессивного характера. Это рост уныния, напряженность, тревога и падение тонуса. Создавался отрицательный образ Я, появлялось ощущение неудовлетворенности жизнью. Корреляционный анализ показал, что тревожно-депрессивные проявления оказались обусловлены повышенной эмоциональной возбудимостью, продуцирующей негативные переживания, а также действием неадаптивных

защитных механизмов, с помощью которых производились попытки компенсации заниженной самооценки. Для компенсации совершались попытки усиления самоконтроля, но оборачивались они напряженностью, скованностью и снижением тонуса. Самооценка оставалась заниженной. Еще одним источником тревожно-депрессивных проявлений оказалось стремление контролировать свои межличностные отношения и избегать неудач. Но из-за смещения локуса контроля, у лиц с повышенным уровнем невротизации формировалась склонность приписывать себе ответственность за неудачи, а за успехи – внешним факторам, и результаты попыток саморегуляции с целью компенсации не оказывались удовлетворительными. Это способствовало росту тревоги и самообвинения и приводило к затяжному стрессу.

Итак, у женщин с повышенным уровнем невротизации главную роль в компенсации самоотношения играл когнитивный компонент, но пути его использования были неадаптивны. Неблагоприятно складывающаяся ситуация с переживанием хронического стресса для женщин, находящихся в преневротическом состоянии, обернулась неадекватным использованием самооценки и самоотношения как факторов дополнительного давления на компенсаторные механизмы психической адаптации. Для женщин, больных неврозом, явления компенсаторного характера приняли аффективный оттенок.

Интегральный показатель самооценки свидетельствует о стремлении к аддиктивной компенсации самоотношения за счет его аффективных компонентов. По сравнению со второй группой, больные неврозом демонстрировали повышенные показатели по шкалам аффективных компонентов и сниженные значения по шкалам когнитивных компонентов. Так, женщины, больные неврозом, отказывались от механизмов саморегуляции, связанных с когнитивной стороной самоотношения. Компенсация за счет аффективного компонента и «освобождение» телесных ресурсов от участия в неадаптивных компенсаторных механизмах привело к повышению активности, бодрости, устойчивости эмоционального тона и снижению тревоги (но показатели все равно оказывались далекими от условно здоровых). Нарастала удовлетворенность жизнью в целом и формировался положительный образ Я. Последнее заставило думать об искажении самокритики. Это подтверждается повышенным уровнем параметров аутосимпатии, самопринятия и ожидаемого отношения от других.

Параметр «ожидаемое отношение других» образует мало связей с факторами, описывающими личностные характеристики, что позволяет говорить о развитии экстернальности. Это подтверждает связь параметра «самопринятие» с фактором «сила: друг» и связь самоинтереса с отношением других. Выявлена зависимость самоуважения от эмоцио-

нальных состояний и его отрицательное взаимодействие с параметром «сила: женщины», что позволяет говорить о противопоставлении своей личности остальным женщинам и предположить отрицательную проекцию. Подобное явление оказывает неблагоприятное влияние на тонус личности, создает напряженность, тревогу, неудовлетворенность жизнью и может вызывать ощущения тревожно-депрессивного характера. Под влиянием противопоставления формировался малоценностный образ Я.

Таким образом, невротизированные личности использовали когнитивный компонент, повышенные интернальность и саморучководство для компенсации самооценки, что приводило к явлениям тревожно-депрессивного характера, а лица, больные неврозом, в качестве компенсаторного механизма использовали аффективные компоненты самооценки, искажения самокритики и завышенную экстернальность. Последняя приводит к образованию отрицательных проекций и противопоставлению своей личности окружающим, от чего происходят к тревожно-депрессивные явления.

Нагорская И. А.

НАРУШЕНИЯ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ С ФАРМАКОРЕЗИСТЕНТНОЙ ВИСОЧНОЙ ЭПИЛЕПСИЕЙ

Клинико-психологическое исследование высших психических функций у детей, страдающих фармакорезистентной формой височной эпилепсии, является актуальной проблемой современной эпилептологии, с учетом высокой частоты фармакорезистентных форм и все большего распространения метода хирургического лечения эпилепсии (Engel J. J., 2008). В связи с этим необходимым этапом предхирургического и послеоперационного обследований детей являются исследование структуры нейропсихологических синдромов нарушения ВПФ и их динамики, выделение факторов, влияющих на характер и тяжесть синдромов, а также разработка стандарта нейропсихологических рекомендаций при принятии решения о хирургическом лечении, оценке эффективности хирургии эпилепсии и прогнозирования ее последствий. В современной литературе даны противоречивые данные о характере и степени когнитивного дефицита у детей с височной формой эпилепсии. Большинство работ направлены на исследование памяти или уровня интеллекта, но не происходит качественной квалификации симптома. Анализируется ряд условий (возраст дебюта, сторона поражения, моно/политерапия антиэпилептическими препаратами, вторичная генерализация приступов, гистология и т. п.), которые могут оказывать влияние на состояние когнитивных функций, по-разному оценивается их вклад в тяжесть нарушений (Berg A. T. et al., 2008; Hennessy M.J. et al.,

2001; Lespinet V. et al., 2002; O'Leary S. D. et al., 2006; Микадзе Ю. В., Гогберашвили Т. Ю., 2010). Предполагается исследовать группу детей от 6,5 лет до 16,5 лет в дооперационном и послеоперационном периодах (катамнез до одного года). В настоящее время начат набор в группу. Далее представлены данные 12 детей с диагнозом установленной фармакорезистентной височной эпилепсии, в возрасте от 7 до 15 лет, обследованных в дооперационном периоде на базе НИИ нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко РАМН. Детям проводились общее нейропсихологическое обследование по А. Р. Лурия и шкала интеллекта для детей (WISC-III-R).

По обработанным данным WISC-III-R можно сделать предварительные выводы о том, что:

1) Не выявлено различий между группами детей по критерию латерализации очага и наличию вторичной генерализации или ГТКП в семиологии приступов.

2) Наиболее сильное влияние на нарушение когнитивных функций у детей оказывают возраст дебюта и длительность заболевания. Дети с дебютом до трех лет значительно хуже выполняют субтесты «Арифметический», «Словарный», «Повторение цифр», «Кубики Кооса», «Кодирование», что согласуется с данными других исследователей (Aldenkamp A. P., 1990). Эти данные позволяют сделать вывод, что характер снижения когнитивных функций может быть описан в терминах неспецифического метасиндрома (отсутствие более выраженного, по сравнению с другими, синдрома эпилептического очага) при дебюте заболевания до трех лет (снижение слухоречевой памяти, нарушение счета и неувоение понятий числа и арифметической операции, сужение объема внимания, зрительно-конструктивные нарушения). Похожий паттерн нарушений складывается и при большей длительности течения эпилепсии (стаж болезни более пяти лет).

3) У всех детей, независимо от возраста дебюта заболевания, его длительности, латерализации и гистологии очага поражения, грубо снижены показатели по субтесту «Словарный», что указывает на недостаточное развитие речи, набор активного и пассивного словаря.

4) Дети с циклолептическим течением приступов имеют более низкие показатели по вербальным субтестам WISC-III-R, значительно хуже выполняют субтесты «Сходство» и «Недостающие детали», чем дети с относительно стабильной периодичностью приступов, что может свидетельствовать о снижении уровня обобщения, сужении объема внимания и трудностях дифференциации существенного и второстепенного в зрительных образах.

5) При сравнении данных по гистологии очага поражения можно отметить, что лучше всех с заданиями справлялись дети с врожден-

ными доброкачественными опухолями, что в данной выборке может быть связано с тем, что у большинства детей из этой группы длительность заболевания составляет меньше пяти лет. Для медиального височного склероза и пороков развития (атрофия коры, фокальные корковые дисплазии) характерны более грубые нарушения высших психических функций, которые носят неспецифический характер и могут возникать «на отдалении» от эпилептического очага и очага анатомического поражения, являясь последствиями эпилептической энцефалопатии.

Павленко И. Н.

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ С ОНКОГЕМАТОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В настоящий момент в современном здравоохранении специалисты, занимающиеся разработкой и изучением детской онкологии, столкнулись с необходимостью расширения мишеней, фокусов внимания данной проблематики. В связи с этим прогрессивные специалисты уделяют особое внимание постановке, выделению, изучению проблем больных детей, их душевным страданиям, но при этом не забывают, что существенным для повышения эффективности лечения будет являться учет проблем родителей тяжелобольных детей.

Цель работы – изучение особенностей родительского отношения к детям с онкогематологическими заболеваниями. Выдвигается гипотеза: дезадаптивное психоэмоциональное состояние родителей детей с онкогематологическими заболеваниями способствует формированию неэффективного родительского отношения. В исследовании приняли участие 124 человека (мамы). Использовались методики: «методика диагностики отношения к болезни ребенка» В. Е. Каган, И. П. Журавлева; «опросник родительского отношения» А. Я. Варга, В. В. Столин; «Опросник АСВ – анализ семейного воспитания» Э. Г. Эйдемиллера; «Шкала депрессии А. Векс» и «Шкала уровня тревоги А. Векс», адаптированные Н. В. Тарабриной; Опросник «запрет на выражение чувств» В. К. Зарецкого.

Полученные результаты исследования. Особенности родительского отношения к детям с онкогематологическими заболеваниями проявляются в следующем. Матери испытывают сильное эмоциональное напряжение, обусловленное страхом потерять ребенка, страхом смерти ребенка, стремятся отдать ему все чувства, всю любовь, уделять ему все свое время, внимание, силы, ребенок становится центром их жизни, они ощущают себя с ребенком единым целым, они потворствуют всем его желаниям, потребностям, стараются удовлетворить их, оградить ребенка от трудностей и неприятностей, предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их крайне редко, избавляют детей от всех обязанностей (их обязанности в семье минимальны или их нет во-

все), ограничивают самостоятельность, активность. Матерям присуще стремление игнорировать повзросление ребенка, стимулировать у него сохранение таких детских качеств, как непосредственность, наивность, игривость и т. д. Это указывает на желание матерей инфантилизировать ребенка, приписать ему личностную и социальную несостоятельность, родитель видит ребенка младше его реального возраста. Кроме того, они неосознанно отвергают ребенка с его личностными особенностями, стремятся изменить его под ту модель, которая является для них более привлекательной, в данном случае «детские, женские черты».

Инфантилизация усиливается за счет чрезмерного, всестороннего контроля активности и самостоятельности ребенка, родитель требует от него безоговорочного послушания и дисциплины. Мать старается навязать ребенку во всем свою волю, не в состоянии встать на его точку зрения. Видно проявление неустойчивого стиля воспитания, проявляющегося в сочетании черт потворствующей гиперпротекции и доминирующей гиперпротекции.

В итоге можно сделать вывод, что нарушение родительского отношения к детям с онкогематологическими заболеваниями проявляется в нарушении поведенческого компонента родительского отношения, обусловленное искажением эмоционального компонента родительского отношения. За искажением родительского отношения в целом стоит запрет на выражение чувств, неосознание чувств, отказ от их проявления. Следствием запрета на выражение чувств, в частности запрет на переживание и выражение негативных эмоций, является их постепенное накопление, что также способствует увеличению уровня тревоги, депрессии. А неспособность испытывать положительные эмоции, переживать радость (ангедония) усугубляет течение депрессии и является неотъемлемым ее компонентом.

Следует отметить, что неспособность, отказ проявлять чувства, запрет на их выражение скрывают эмоциональный дискомфорт – депрессию, тревогу. Видна сложная кольцевая зависимость, проявляющаяся во взаимном влиянии запрета на выражение чувств и тревожных переживаний, депрессивной симптоматики, которые вместе образуют общее дезадаптивное психоэмоциональное состояние родителей и способствуют формированию неэффективного родительского отношения, не дают объективно осмыслить, воспринять происходящую ситуацию лечения. Это, в свою очередь, негативно сказывается на лечении ребенка, так как родители не могут принять решение относительно медицинских процедур, они не в состоянии следовать режиму, выполнять инструкции врачей.

Пащенко М. А.

Козина Н. В.

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА У ЛИЦ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Изучение стрессоустойчивости является важным аспектом в лечении алкоголизма. Целью нашего исследования явилось исследование психологических защит и копинг-механизмов у лиц с алкогольной зависимостью при наличии сопутствующего диагноза туберкулез.

В соответствии с данной целью были сформулированы следующие задачи:

1. Проанализировать социально-демографические особенности.
2. Исследовать особенности преобладающего эмоционального состояния у лиц с алкогольной зависимостью при наличии сопутствующего диагноза туберкулеза.
3. Определить типы личности по степени выраженности оптимизма–пессимизма и активности–пассивности.
4. Изучить особенности личностных ресурсов и адаптационных возможностей.
5. Рассмотреть копинг-стратегии.
6. Проанализировать механизмы психологической защиты.

Предмет: механизмы сопротивления (психологические защиты и копинг-механизмы). Объект: лица с алкогольной зависимостью. Гипотеза: существуют механизмы сопротивления, специфические для лиц с алкогольной зависимостью, с учетом пола и наличия сопутствующего диагноза.

Методики: анкета, шкала дифференциальных эмоций К. Изарда, шкала AOS, опросник «потери и приобретения персональных ресурсов» (ОППР), опросник «копинг-стратегии» Р. Лазаруса, психологическая диагностика индекса жизненного стиля Р. Плутчика и Г. Келлермана (LSI).

По результатам экспериментально–психологического исследования нами было получено:

1. Социально-демографические особенности больных алкоголизмом характеризуются следующим:
 - Большинство испытуемых имеют среднее образование, неотягощенную алкоголизмом и психическими заболеваниями наследственность. Больные ранее не лечились от алкоголизма, отрицают желание выпить, утверждают, что хотели бы все изменить. Особенности течения алкоголизма: стаж алкоголизма – 10–15 лет, употребление – в компании.
 - I группа мужчин, преимущественно холосты, не судимы, имеют назначенный срок лечения 3–6 месяцев. Считают основной при-

чиной алкоголизма психическое напряжение. Длительность запоя 3–10 дней.

– II группа мужчин с наличием туберкулеза, преимущественно холосты, судимы, имеют назначенный срок лечения 3–6 месяцев и один год. Основной причиной алкоголизма считают – социальное окружение. Длительность запоя 3–7 дней.

– Женщины, в основном замужем, не судимы, имеют назначенный срок лечения 3–6 месяцев. Основной причиной алкоголизма считают социальное окружение, длительность запоя – 3–7 дней.

2. Эмоциональная сфера больных хроническим алкоголизмом характеризуется следующими особенностями:

– Для мужчин с алкогольной зависимостью характерно преобладание негативных эмоций.

– Для больных туберкулезом мужчин с алкогольной зависимостью и для женщин с алкогольной зависимостью характерно преобладание негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

3. В ходе исследования преобладающего типа личности было выявлено, что для всех групп испытуемых характерен выраженный уровень пессимизма и пассивности, можно говорить о сформированном типе личности – «Пассивные Пессимисты» или «Жертва».

4. Потери и приобретения персональных ресурсов лиц с хроническим алкоголизмом характеризуются следующими особенностями:

– Для всех групп испытуемых характерен средний уровень адаптационного потенциала личности.

– Среди женщин, больных хроническим алкоголизмом, наиболее характерен больший разброс данных по показателю адаптационного потенциала.

5. В ходе исследования копинг-стратегий были выявлены следующие особенности:

– Для мужчин с алкогольной зависимостью характерно преобладание бегства – избегания и принятия ответственности.

– Для больных туберкулезом мужчин с алкогольной зависимостью и женщин с алкогольной зависимостью – принятие ответственности.

6. В результате исследования механизмов психологической защиты выявлено:

– Для мужчин с алкогольной зависимостью характерно преобладание отрицания, вытеснения и реактивного образования.

– Для больных туберкулезом мужчин с алкогольной зависимостью – отрицание, регрессия, проекция.

– Для женщин с алкогольной зависимостью – проекция, регрессия, отрицание.

Таким образом, для мужчин с алкогольной зависимостью характерно принятие ответственности и бегство – избегание, а также психологические защиты отрицание, вытеснение и реактивное образование. Больные туберкулезом мужчины с алкогольной зависимостью: копинг-механизм – принятие ответственности; психологические защиты – отрицание, регрессия и проекция. Женщины с алкогольной зависимостью: копинг-механизм – принятие ответственности и психологические защиты – проекция, регрессия, отрицание.

Пикалова Ю. В.

ОСОБЕННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИ СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Состояние алкогольной зависимости хорошо изучено с медицинской точки зрения (Т. Г. Рыбакова, А. У. Тархан, Е. М. Крупицкий, С. П. Ерошин). Вопросы, касающиеся изучения данного состояния и процессов саморегуляции при алкогольной зависимости, в психологии недостаточно изучены. В целом состояние алкогольной зависимости характеризуется общим снижением процессов саморегуляции (планирование, моделирование, самоконтроль, произвольность, программирование, особенность контроля и оценивания, гибкость и общий уровень, или степень осознанной саморегуляции). Эмоционально-волевая регуляция состояний реализуется через механизмы, которые дефицитарны при состоянии алкогольной зависимости. Однако аспекты, касающиеся изучения регуляций состояния зависимости, фактически не представлены. В данной области исследования занимаются следующие специалисты: В. И. Морасанова, С. П. Елмашанский, Т. И. Шульга, В. И. Селиванов, Е. П. Ильин, В. А. Иванников, О. В. Дашкевич, О. Е. Высоцкий, А. В. Боков.

В данном исследовании решается проблема эмоционально-волевой регуляции при состоянии алкогольной зависимости. Объектом работы является состояние алкогольной зависимости. Предмет исследования – регуляторные механизмы эмоционально-волевой сферы при алкогольной зависимости. Целью работы является изучение особенности эмоционально-волевой регуляции при состоянии алкогольной зависимости. Организационной базой исследования стала городская наркологическая больница, исследование проводилось с октября по декабрь 2010 г.

Эмпирическое исследование осуществлялось с использованием психодиагностической методики (индивидуальных особенностей осознанной саморегуляции В. И. Морасанова), архивного метода и метода клинической беседы. Статистическая обработка данных проводилась с использованием U-критерия Манна-Уитни. Общий объем выборки составил 90 человек, мужчины. Возраст испытуемых от 25 до 50 лет. Дли-

тельность употребления алкоголя не более пяти лет. Группы формировались по критерию выраженности состояния зависимости с патологическим влечением ($n = 30$).

Среднее значение показателей саморегуляции, соответствующее низкому уровню, выявлено по механизмам планирования ($43,00 \pm 8,15$), моделирования ($7,13 \pm 2,51$), самоконтроля ($4,50 \pm 1,81$), программирования ($10,75 \pm 2,66$), особенности контроля и оценивания ($2,90 \pm 1,91$), гибкости ($5,10 \pm 1,91$) и общего уровня, или степени осознанной саморегуляции ($4,22 \pm 1,95$) с абстинентным синдромом. Среднее значение показателей саморегуляции, соответствующие среднему уровню, выявлено по механизмам планирования ($36,15 \pm 8,41$), моделирования ($5,95 \pm 2,41$), самоконтроля ($4,22 \pm 1,95$), программирования ($4,80 \pm 1,54$), особенности контроля и оценивания ($3,63 \pm 1,45$), гибкости ($5,06 \pm 1,99$), и общего уровня, или степени осознанной саморегуляции ($4,50 \pm 1,81$) с патологическим влечением. Среднее значение, соответствующие высокому уровню выявлено по механизмам планирования ($48,15 \pm 7,04$), моделирования ($9,00 \pm 2,61$), самоконтроля ($5,46 \pm 2,22$), программирования ($11,77 \pm 2,45$), особенности контроля и оценивания ($3,62 \pm 1,17$), гибкости ($6,69 \pm 1,52$) и общего уровня, или степени осознанной саморегуляции ($4,50 \pm 1,81$) у здоровых людей.

Значимость различий выявлена при попарном сравнении по показателям (U эмпирическое – U критическое).

Таким образом, эмоционально-волевая регуляция состояния при алкогольной зависимости с абстинентным синдромом характеризуется дефицитами механизмов (планирования, моделирование, самоконтроля, и общим уровнем осознанной саморегуляции) с патологическим влечением (самоконтроля, планирования, моделирования).

Полянская Е. А.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕКЦИИ В ТЕРАПИИ СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Проблема стресса и его последующих негативных влияний на организм неоднократно поднималась в различных отраслях психологии, как теоретической, так и практической. Как отмечают многие авторы, психологический, эмоциональный стресс имеет качественное отличие от стресса биологического. Его негативные последствия для физического и психического благополучия человека могут быть даже более разрушительны и при этом они менее предсказуемы (Китаев-Смык Л. А., 2005). «Психологический стресс может проявляться в изменениях различных функциональных систем организма, а интенсивность нарушений может варьировать от небольшого изменения эмоционального настроения до таких серьезных заболеваний, как язва желудка или ин-

фаркт миокарда» (Щербатых Ю. В., 2006). При этом речь совсем необязательно идёт о людях, работающих в экстремальных условиях. «Отец теории стресса» Ганс Селье метко отметил, что «Жизнь есть стресс, а стресс есть жизнь» (Селье Г., 1979). Многие люди не догадываются даже, что их заболевания психосоматические и являются последствием некогда пережитого стресса. Да и повседневные проблемы, столь узнаваемые многими – одиночество, распад отношений, угнетение эмоционального состояния, субдепрессия, проблемы обучения у детей и взрослых и многие другие – тоже часто оказываются той же природы.

Именно этим руководствовались Г. Стокс и Д. Уэтсайд, создавая свою методику, снижающую воздействия стрессов на организм, снимающую их последствия (Стокс Г. Уэтсайд Д., 1996; 1997). На кафедре психофизиологии и клинической психологии психологического факультета ЮФУ применяется – не первая в России, где апробируется методика снятия стресса, разработанная Г. Стоксом и Д. Уэтсайдом (1972) под названием «единый мозг». В 90-е годы прошлого века этим занимался доцент В.Ф. Сазонов на кафедре физиологии анатомии и гигиены Рязанского госпедуниверситета.

Данное направление снятия стрессов относится к кинезиологии – динамично развивающейся дисциплине, относящейся к системам естественного оздоровления, применяющим немедикаментозные методы. «Единый мозг» – психотерапевтическое направление, оно может быть классифицировано как процессуальная телесноориентированная терапия. Сущность методики заключается в урегулировании эмоционального состояния клиента с помощью мягкого словесного и мануального воздействия на тонус мышц на фоне умеренной активации травмирующих переживаний и воспоминаний (Сазонов В. Ф., Муравьева М. С., 1995). Отрицательные эмоциональные состояния при этом связывались с той или иной личной психологической проблемой.

Психологическая коррекция эмоционального состояния основана на психофизиологических механизмах неосознанного мышечного реагирования, опирающегося на вербализацию и сознание. Стремление к массовым радостям и мнимой безопасности не всегда уменьшает напряженность нашей жизни. Проблемы, связанные со стрессом, в чем-то, а может быть, во многом индивидуально различны, т. к. каждый человек уникален (Китаев-Смык Л. А., 2005). Методика «единый мозг» позволяет работать с учетом индивидуальных особенностей человека, как физических, так и психологических. Первый позитивный опыт российских кинезиологов описан в последнем издании книги К. Э Хойнц «Безграничные возможности (Хойнц К. Э., 1997). С 2005 г. существует секция кинезиологии в Профессиональной психотерапевтической лиге, возглавляемая кандидатом медицинских наук И. К. Чобану, запатентовавшей

метод диагностики психологических особенностей индивида при помощи психотерапевтической кинезиологии. Она же отмечает в числе явных преимуществ метода чёткую схему работы, широкий диапазон воздействий, оперативный метод диагностики (И. К. Чобану, 2010). На данный момент стоит отметить, что личный опыт автора (полтора года работы, десятки коррекций) подтверждает эффективность данного метода в следующих случаях: проблемы семейных отношений – пять случаев, угнетенное эмоциональное состояние, субдепрессия – шесть случаев, угнетенное эмоциональное состояние, осложненное болезненными симптомами – два случая, фобии (три случая, зависимость (табакокурение) – два случая, работа с пожилыми (свыше 70 лет) – три случая, проблемы в обучении у младших школьников – три случая.

Все это говорит о том, что как практический метод «единый мозг» развивается и распространяется в России. Однако, литературы по нему явно недостаточно, по крайней мере, объясняющей и исследующей психофизиологические механизмы данного вида коррекции. Именно поэтому мы планируем такие исследования в лаборатории факультета психологии ЮФУ.

Романова Е. И.

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ДОВЕРИЕ К СЕБЕ У БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Проблема эгоцентрических установок и доверия к себе в системе переживаний беременных женщин представляет собой как теоретический, так и практический интерес. Её разработка и изучение обусловлены особенностью современной демографической ситуации в нашей стране – снижением уровня рождаемости, повышением количества осложненных беременностей и родов, ухудшением здоровья беременных женщин и новорожденных. Актуальность данной проблемы определяется также и отсутствием сформулированных методических и методологических подходов, средств и форм психологического воздействия на психику женщины в период родов (Бергум В., 2000). В связи с этим возникла необходимость специального изучения особенностей психического состояния, влияющего на особенности эмоциональной сферы беременных женщин, а также потребность в разработке методов их психологического сопровождения.

В системе переживаний беременных женщин эгоцентрические установки занимают значимое место. Понятие эгоцентризма было сформулировано Ж. Пиаже, рассматривалось Д. С. Гусманом, Т. В. Рябовой. Эгоцентризм – это ощущение себя центром мира и всех событий. Это потребность быть главным, всегда привлекать внимание окружающих. Понятие доверия довольно широко использовалось авторами в контексте

социально-психологических, индивидуально-личностных проблем (В. Вичев, Б. Ф. Поршнев, И. С. Кон, А. В. Мудрик, В. А. Лосенков, В. М. Бехтерев, В. С. Кравков, В. Н. Куликов, Л. А. Петровская, А. И. Донцов, А. У. Хараш, М. Ю. Кондратьев, В. А. Петровский и др). Т. П. Скрипкина определяет доверие как рефлексивный, субъектный феномен личности, позволяющий человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к самому себе, к миру и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию (Скрипкина Т. П., 2000).

Объектом исследования являются эгоцентрические установки и феномен доверия к себе в системе переживаний беременных женщин. Предмет исследования – особенности взаимосвязи эгоцентрических установок и доверия к себе в системе переживаний беременных женщин. Цель исследования – выявить особенности взаимосвязи эгоцентрических установок и доверия к себе в системе переживаний беременных женщин. В качестве диагностических методик были использованы «методика доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе Т. П. Скрипкиной», исследование эгоцентризма (ЭАТ). Исследование проводилось на базе «МУЗ Городской клинический родильный дом» г. Курска. Всего в исследовании приняло участие 22 беременные женщины в возрасте от 21 до 36 лет, (средний возраст 26 лет). В качестве методов статистической обработки использован пакет STATISTICA 6.0, с использованием критерия корреляционного анализа и описательных статистик.

Центральная гипотеза – существует взаимосвязь между эгоцентрическими установками и доверием к себе у беременных женщин, чем выше уровень эгоцентризма, тем ниже у них степень доверия к себе. Полученные результаты позволяют говорить о наличии преобладающей тенденции. Среди беременных женщин преобладает доверие к себе – $x_{cp} = (21,00 \pm 6,52)$, что соответствует высокому уровню доверия к себе. Преобладающей тенденцией по показателю эгоцентрических установок является $x_{cp} = (16,63 \pm 6,12)$, что соответствует низкому уровню.

Выводы: полученные результаты свидетельствуют о наличии обратной пропорциональной связи между эгоцентрическими установками и доверием к себе у беременных женщин, т. е., чем выше уровень эгоцентризма, тем ниже у них степень доверия к себе (уровень значимости $p\text{-level} = 0,0051$, коэффициент корреляции = 0,34). При решении задачи исследования была выявлена обратно пропорциональная связь между эгоцентрическими установками и доверием к себе у беременных женщин. Женщины, с низким уровнем эгоцентрических установок склонны доверять себе, охотно идут на контакт с медицинским персоналом, согласны на психологическое сопровождение, сосредоточены на ребенке, его состоянии. Результаты исследования представляют практи-

ческую значимость для клинических психологов, занимающихся психологическим сопровождением родового процесса.

Селиванова Е. А.

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Современный молодой человек активно включен в разнообразную деятельность, он находится в постоянных межличностных отношениях. Но несмотря на то, что молодежь обладает достаточно высоким уровнем мобильности, интеллектуальной лабильности и здоровья, актуальным является вопрос, связанный с социализацией молодых людей, способностью к самосовершенствованию и самораскрытию. Еще А. Маслоу указывал на важность самоактуализации для личностного роста человека (Маслоу А., 1999.). Чтобы развивать себя и совершенствовать свою деятельность, надо знать, что есть «Я», что есть «моя деятельность», как их можно улучшать (Зобнина Т. В., 2006). В жизненно-практических ситуациях в действиях молодого человека и для его общения необходима рефлексивность как самоанализ собственных мыслей и поступков. Это значит, что, воспринимая внешне видимое, человек стремится проникнуть «вглубь», за пределы первоначального смысла информации.

Мы предполагаем, что рефлексивность – это способность личности выходить за пределы собственного «Я», отображать свои собственные состояния, анализировать, осмысливать что-либо через сравнение образа своего «Я» с какими-либо личностями, событиями. Способность рефлексировать проявляется через внешние критерии. К ним мы относим саморегуляцию, свободу, неразрывно связанную с уровнем субъективного контроля, отсутствие тревожности, проницательность, эмпатию, социальную компетентность, самосознание, уверенность в себе.

Целью нашего исследования явилось выявление уровня самоактуализации у студентов с разным уровнем рефлексивности. В качестве испытуемых выступили студенты психологического факультета 2–3 курсов Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Для реализации поставленной цели нами были использованы следующие методики: методика «стилевая саморегуляция поведения человека» В. И. Моросанова, Е. М. Коноз, методика «уровень субъективного контроля» Д. Роттера, личностный опросник Айзенка, опросник Р. Кеттэлла «16 личностных факторов», компетентность социально-коммуникативная, методика исследования самоотношения, самоактуализационный тест. По итогам первого этапа исследования на основании критериев рефлексивности студенты были поделены на две группы: с низким и высоким уровнем рефлексивности.

Анализ средних значений по t-критерию Стьюдента позволил дать сравнительную характеристику выделенных групп. Студенты

с высоким уровнем рефлексивности отличаются от студентов с низким уровнем рефлексивности наличием способности выделять существенные условия достижения целей, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности. Они способны четко анализировать свои поступки. У студентов этой группы высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Они отличаются психологической устойчивостью, отсутствием тревожности, эмоциональной выдержанностью, хорошей адаптированностью к социальной среде. Эти испытуемые проницательны по отношению к окружающим, разумны, ощущают силу собственного «Я». Они довольны собой, своими начинаниями и достижениями, ощущают свою компетентность и способность решать жизненные вопросы.

На втором этапе исследования мы выявили степень выраженности самоактуализации у студентов с разным уровнем рефлексивности. Наиболее выраженные и достоверные различия ($p \leq 0,05$) установлены по шкалам: ориентация во времени, поддержка, ценностная ориентация, гибкость поведения, самоуважение, самопринятие. Так, испытуемых из группы с высоким уровнем рефлексивности отличает наличие способности человека жить настоящим и видеть свою жизнь целостной. Эти испытуемые в большой степени разделяют ценности, присущие самоактуализирующейся личности. При этом в реализации своих ценностей проявляют гибкость в поведении, взаимодействии с окружающими людьми. Они ценят свои достоинства, уважают себя за них, принимают себя такими, каковы они есть. Такие студенты независимы в своих поступках, свободны в выборе, не подвержены внешнему влиянию, стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, что не означает враждебности к окружающим и конфронтации с групповыми нормами.

Таким образом, студенты с низким уровнем рефлексивности обладают меньшим уровнем самоактуализации. Результаты данного исследования помогут разработать программу, направленную на развитие рефлексивности и самоактуализации у студентов.

Семяшкин А. А.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЗАИМОСВЯЗИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ И ТЕМПЕРАМЕНТА

Проблема соотношения познавательных и индивидуально-личностных особенностей субъекта относится к фундаментальным в психологии и не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Целью исследования стало изучение взаимосвязи когнитивно-стилевых и психодинамических характеристик человека. Объем выборки составил 241 человек обоего пола в возрасте от 12 до 52 лет. Использовались следующие методики: групповой тест скрытых фигур Г. Уиткина, методика «свободная сортировка объектов» Р. Гарднера в модификации В. А. Колги, тест-опросник Г. Айзенка (EPI) (форма А) в адаптации В. М. Русалова, ОФДСИ-В и ОФДСИ-П В. М. Русалова.

Статистическая обработка данных строилась на основе непараметрического корреляционного анализа г-Спирмена. Проведенный анализ выявил, что полнезависимость прямо связана с интеллектуальной эргичностью, психомоторной пластичностью и интеллектуальной активностью. Полезависимость положительно коррелирует с эмоциональностью в интеллектуальной сфере и общей эмоциональностью. Аналитичность положительно связана с эргичностью в интеллектуальной сфере, а синтетичность сопряжена с эмоциональностью в психомоторной сфере. Таким образом, существуют взаимосвязи различных параметров когнитивных стилей с психомоторной, интеллектуальной и общей эмоциональностью, что свидетельствует о достаточно большом «взаимопроникновении» когнитивно-стилевых характеристик и «эмоциональных» компонентов психодинамической сферы, а также может указывать на существование взаимосвязей порога чувствительности к несовпадению реального и ожидаемого результата действия с понятийной дифференцированностью и когнитивной артикулированностью. Кроме того, значительное число связей зафиксировано между эргичностью в интеллектуальной и психомоторной сферах и изучаемыми параметрами когнитивных стилей, что может объясняться существованием взаимосвязи между силой нервной системы и степенью выраженности понятийной дифференцированности и артикулированности когнитивной сферы.

Изучаемые параметры когнитивных стилей более тесно связаны со свойствами темперамента, проявляющимися в психомоторной и интеллектуальной сферах, нежели в коммуникативной. Следовательно, можно утверждать, что когнитивно-стилевая сфера взаимосвязана, главным образом, с предметным аспектом темперамента, поскольку в работах В. М. Русалова психомоторная и интеллектуальная сферы темперамента относятся к предметно-ориентированному аспекту поведения человека. При этом наличие подавляющего числа корреляций между

когнитивно-стилевыми характеристиками и «интеллектуальными» свойствами темперамента представляется не случайным, а может объясняться обращением к теоретическому положению В. Д. Небылицына о том, что общая психическая активность как важнейшая формально-динамическая характеристика должна, преимущественно, проявляться в «умственной деятельности». Количественный анализ данных показал наиболее высокую концентрацию взаимосвязей когнитивного стиля «полезависимость–полenezависимость» с формально-динамическими свойствами в сравнении с числом соответствующих связей когнитивного стиля «аналитичность–синтетичность». Это дает основание считать когнитивную артикулированность в большей мере по сравнению с понятийной дифференцированностью связанной с психодинамической сферой индивидуальности.

Многими отечественными и некоторыми зарубежными специалистами теоретически и экспериментально утверждается высокая корреляция определенных показателей темперамента с общими и частными свойствами нервной системы (Айзенк Г. Ю., 1993; Голубева Э. А., 2005; Небылицын В. Д., 1966, 1976; Павлов И. П., 1951; Русалов В. М., 1979, 1985; Теплов Б. М., 1985). Наряду с этим в некоторых психофизиологических исследованиях была показана сопряженность определенных индикаторов безусловно-рефлекторных типологических свойств с показателями когнитивной артикулированности (Тихомирова И. В., 1994, 1997) и понятийной дифференцированности (Колга В. А., 1976; Тихомирова И. В., 1994, 1997).

Исходя из этого, можно предположить, что в основе выявленных взаимосвязей свойств темперамента с исследуемыми показателями когнитивных стилей лежит психофизиологический механизм, основанный на определенных индивидуально-заданных свойствах нервной системы. Иными словами, определенные сочетания свойств нервной системы могут детерминировать проявление индивидуально-своеобразных способов восприятия, организации и переработки информации и силу выраженности тех или иных формально-динамических характеристик.

Соина Н. А.

Рычкова О. В.

НАРУШЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Одним из основных симптомов шизофрении, наряду с расстройством мышления, является нарушение эмоциональной сферы. Наряду с неадекватностью, амбивалентностью эмоциональных проявлений специфическим признаком такого рода нарушений является снижение выраженности эмоциональных реакций, уплощение аффекта. К рас-

стройству шизофренического спектра относят депрессии, занимающие значительное место в структуре данного заболевания (Смулевич А. Б., 1987). Такое явление, как аутизация больных, снижение их потребности в социальном взаимодействии, названо одним из ведущих компонентов психологического синдрома шизофренического дефекта (Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф., 1991). Кроме того, многими исследователями подтверждено снижение эмоционального интеллекта данной категории больных. Низкий уровень эмоционального интеллекта связывают с социальной дезадаптацией, а также с проявлениями тревоги и депрессии. Дефицит потребности в общении обуславливает неспособность к распознаванию эмоциональных проявлений других людей, что ведет к неуспешности во взаимодействии с ними и усугубляет черты аутизма (Плужников И. В., 2010). Затруднения в распознавании эмоций по лицевой экспрессии способствует росту подозрительности, тревоги больных, приводя к уменьшению положительных эмоций, получаемых от общения с другими людьми (Corrigan P. W., Penn D. L., 2001).

Целью нашей работы является выявление взаимосвязи параметров нарушения эмоциональной сферы у больных параноидной шизофренией.

Гипотезы:

1. Выраженное снижение эмоционального интеллекта является одним из проявлений нарушения эмоциональной сферы больных параноидной шизофренией.

2. Социальная ангедония занимает значимое место в структуре нарушений эмоциональной сферы больных параноидной шизофренией.

3. Наличие социальной ангедонии у больных параноидной шизофренией взаимосвязано со снижением эмоционального интеллекта.

В качестве экспериментального материала для нашего исследования были использованы данные клинико-психологического обследования больных с установленным диагнозом «шизофрения, параноидная форма», проходивших обследование МСЭ. Обследовано 60 человек (30 мужчин, 30 женщин) в возрасте от 20 до 55 лет. Для сравнения использовались данные обследования группы психически здоровых испытуемых (30 человек: 15 мужчин, 15 женщин), не имевших существенных отличий от группы больных по полу и возрасту.

В исследовании нами были использованы следующие методики:

1. Шкала оценки уровня социальной ангедонии (Revised social anhedonia scale, RSAS) (Eckblad, Chapman, Mishlove).

2. Шкала депрессии А. Бека.

3. Опросник тревоги А. Бека.

4. Опросник «запрет выражения чувств» В. К. Зарецкого, А. Б. Холмогоровой.

5. Проективный тест враждебности А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гаранян.

6. Методика «поза и жест» Н. С. Курека.

7. Методика «распознавание эмоций» Н. Г. Гаранян.

8. Тест «чтение мыслей по глазам» С. Бэрона-Коэна.

9. Шкала оценки психопатологической симптоматики у больных шизофренией PANSS (С. Кэй, Л. Оплер и А. Фишбейн). Для статистической обработки данных был использован U-критерия Манна-Уитни, корреляционный анализ, кластерный анализ.

Использовались программы: Microsoft Office Excel, Stadia, Statistica. В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. У больных параноидной шизофренией присутствуют выраженные нарушения эмоционального интеллекта.

2. Снижение эмоционального интеллекта у больных параноидной шизофренией имеет частичную связь с клиническими проявлениями болезни, в частности с позитивными синдромами (подозрительность, враждебность), негативными (притупленный аффект, эмоциональная отгороженность, малоCONTACTность, пассивно-апатическая социальная отгороженность), общими (тревога, вина, напряженность, депрессия).

3. Снижение эмоционального интеллекта у больных параноидной шизофренией связано с нейрокогнитивным дефицитом, наблюдаются синдромы расстройства мышления, синдромы стереотипного мышления, синдромы нарушения внимания, расстройства воли.

4. У больных параноидной шизофренией по сравнению со здоровыми людьми наблюдаются выраженные проявления социальной ангедонии.

5. Наиболее существенными механизмами стабилизации и хронификации нарушений эмоциональной сферы представляются наблюдаемые у больных психологические явления, такие как социальная ангедония, депрессия, тревога, враждебное отношение к окружающим, запрет на выражение чувств.

Солодухина А. В.

ДЕФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ПРИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Субъектность – личностное свойство человека, которое раскрывает сущность человеческого способа бытия, заключающегося в осознанном и деятельном отношении к миру и себе в нем и способности производить взаимообусловленные изменения в мире и в человеке. В основе этого свойства лежит отношение к себе как к деятелю

(Волкова Е. Н., 1998). В качестве основных компонентов субъектности выделяются следующие: активность, способность к рефлексии, свобода выбора и ответственность за него, уникальность субъекта, понимание и принятие другого, саморазвитие. В исследованиях А. Г. Асмолова (2002) субъектность тесно связана с мотивацией: потребностями, мотивами, целями, установками, эмоциями. Высшей формой субъектности А. Г. Асмолов (2002) считает личностный смысл, придаваемый событиям и действиям. В работах В. А. Петровского (1996) исследуются феномены надситуативной активности как проявления субъектности, а субъектность выражает качественное своеобразие человека как целеполагающего, свободного, ответственного и развивающегося существа. Общей тенденцией этих исследований является представление о том, что именно личность является носителем преобразующих свойств субъекта.

Опираясь на критерии нормы и патологии К. К. Платонова (по В. Д. Менделевич, 2001, с. 276) и гуманистических психологов (Перлз Ф., 1995; Рисмен Д., 1993; Роджерс К., 1994; Фромм Э., 1990), можно выделить следующие критерии нормы и патологии:

- сбалансированность/несбалансированность психических процессов;
- автономность/нарушение автономности;
- самоактуализация/нарушение процесса самоактуализации.

Центральным феноменом человеческой субъективности является особый интегративный внутриличностный феномен, позволяющий человеку занять определенную ценностную позицию по отношению к себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию (Слободчиков В. И., Исаев Е. Н., 1996). Согласно теории Мясищева, психическое состояние, с одной стороны, проявляется через систему отношений личности, с другой стороны, система отношений личности оказывает влияние на основные характеристики состояния зависимости. С позиции указанной теории, система отношений личности строится в субъект – субъектной системе координат. И в этой системе координат формируется состояние доверия. Дефициты субъект – субъектного типа отношений проявляются в конфликтности, неопределенности, непоследовательности, нестабильности (Никишина В. Б., Запесоцкая И. В., 2010). Компенсация возникающих дефицитов происходит в системе субъект – объектных отношений, которые, в свою очередь, характеризуются бесконфликтностью, определенностью, последовательностью и стабильностью.

Таким образом, происходит изменение социальной ситуации, сужение восприятия ситуации, что впоследствии приводит к изменению системы отношений и поведения личности в целом. Можно сделать вы-

вод о том, что субъект-объектный тип отношений выступает основным при формировании состояния алкогольной зависимости.

Сотников В. А.

Селин А. В.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОГО КОМПОНЕНТА ИДЕНТИЧНОСТИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ*

С каждым годом увеличивается интерес психологов к проблеме человека, находящегося в ситуации онкологического заболевания (Тхостов А. Ш., 2002; Чулкова В. А., 2010). Данная группа патологий как пример особенно тяжёлых разрушает, или дестабилизирует уже сложившуюся систему смыслов, ценностей, паттернов отношения к себе и поведения в целом. Мы можем обозначить данное явление как кризис идентичности (Erickson E. H., 1968). Человек всю свою жизнь решает задачу на обретение идентичности, и столкновение с онкологическим заболеванием является мощным провокатором перестройки представлений о себе и выстраивания новой системы самоидентичности, что в том числе отражается и в структуре временной идентичности, восприятии себя, как субъекта непрерывного в своем существовании.

Мы предполагаем, что онкологическая патология приводит к изменению временного компонента идентичности. Для проверки данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось изучение особенностей влияния онкологической патологии на временной компонент идентичности. Гипотеза нашего исследования – онкологическая патология сужает и трансформирует временной компонент идентичности.

Для изучения временного компонента идентичности мы использовали: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) (адаптация А. Сырцовой); процедуру «линия жизни», суть которой в том, что испытуемым предлагается изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события прошлого, настоящего и будущего и оценивая их согласно предложенной шкале от + 5 до – 5; используя данный прием, можно оценить особенности переживания настоящего момента и преобладающую временную ориентацию, методику «кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда.

При планировании данного исследования был использован экспериментальный план ex-post-facto. В исследовании приняли участие 40 испытуемых. Экспериментальную группу составили пациенты онко-

* Исследование проведено при поддержке гранта № МК-4130.2011.6 Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

логического диспансера, находящиеся на амбулаторном лечении, со стажем заболевания до трех месяцев, $n = 20$. Контрольную группу составили практически здоровые испытуемые, $n = 20$. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 8.0, с использованием U-критерия Манна-Уитни и описательных статистик.

В процессе статистической обработки данных исследования, были получены следующие результаты. Событийная насыщенность будущего (по линии жизни) в группе больных онкологической патологией ниже, чем в группе здоровых ($p = 0,000009$). В группе онкологических больных отмечаются более высокие показатели по признаку «фаталистическое настоящее», по сравнению с группой здоровых ($p = 0,03$). В контрольной группе здоровых на уровне статистической тенденции отмечаются более низкие показатели по признаку «позитивное прошлое», по сравнению с группой онкологических больных ($p = 0,055$).

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования мы получили данные, свидетельствующие о том, что люди, страдающие онкологической патологией, имеют измененный временной компонент идентичности, что подтверждается нарушением временной протяженности и преемственности событий собственной жизни, деформацией жизненно-смысловой перспективы – сужается перспектива будущего, выделяется позитивная установка на прошлое и фаталистическая на настоящее. Больные обеспокоены и заняты только ближайшими во времени событиями, начинают переоценивать и переосмысливать значение всех жизненных ситуаций с точки зрения настоящей ситуации, возможны изменения жизненной стратегии. Происходит совершенно новое осмысление собственной жизни личностью, что может являться этапом к обретению новой идентичности и новых смыслов.

Третьякова Т. М.

АНАЛИЗ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЛОКАЛЬНЫМИ ПОРАЖЕНИЯМИ МОЗГА

Работа клинических психологов по диагностике и реабилитации больных, находящихся на лечении в неврологических и нейрохирургических отделах клиник, оказывает существенную помощь множеству людей (Хомская Е. Д., 2005). Критериями оценки психоэмоционального напряжения могут служить уровни тревожности, агрессии и депрессивных состояний. Особенно на первоначальном этапе лечения неблагоприятное психоэмоциональное состояние будет снижать эффективность лечебных процедур. Все это определяет актуальность данного направления исследований.

Цель данной работы заключалась в осуществлении сравнительного анализа психоэмоционального состояния больных с локальными

поражениями мозга и подростков без нейропсихологической патологии. Для достижения поставленной цели были сформулированы и решались следующие задачи: сопоставить уровни тревожности, агрессии и депрессивных состояний у больных с локальными поражениями мозга и подростков без данного заболевания; выявить причины непродуктивной тревожности у больных и здоровых детей; разработать основные направления и конкретные рекомендации, способствующие нормализации психоэмоционального состояния. Были обследованы подростки с локальными поражениями мозга, находящиеся на лечении в нейрохирургическом отделении ДРБ. Общее число обследованных – 50 человек, из которых 25 были госпитализированы с нейрозаболеваниями разной локализации (височных, лобных долей справа и слева), этиологии (пренатальные воспалительные процессы, механические травмы). В качестве контрольной группы использовались данные психоэмоционального состояния подростков без нейрохирургической патологии.

Учитывая возраст детей, был осуществлен выбор методик исследования, а именно, использовались опросник состояния агрессии Басса-Дарки (Ратанова Т. А., Шляхта Н. Ф., 1998), шкала депрессии Балашовой, шкала самооценки ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (Кудряшова А. Ф., 1992). В процессе проведения процедуры тестирования с каждым ребенком проводилась беседа, а в дальнейшем использовался метод наблюдения. Полученные данные были статистически обработаны с помощью компьютерного пакета SPSS (однофакторный дисперсионный анализ для несвязанных выборок).

У подавляющего большинства подростков контрольной группы показатели враждебности, ситуативной и личностной тревожности находятся в оптимальных границах. Высоким значениям соответствовали показатели: реактивной тревожности (у 28% детей), личностной тревожности (16% детей), враждебности (16% детей). Ни у кого из испытуемых не выявлено снижения настроения до депрессивного состояния. В 52% случаев зарегистрированы высокие показатели агрессии. У подростков, госпитализированных в нейрохирургическое отделение ДРБ с локальными поражениями мозга, резкое изменение условий проживания и болезнь привели к дезорганизации не только физического состояния, но и психического. У них наблюдали высокие уровни неконструктивной реактивной и личностной тревожности соответственно в 80% и 75% случаев, в основном при левовисочных поражениях мозга, агрессии – в 75% случаев при височных поражениях справа и слева, депрессии – в 72% случаев при поражении левовисочных долей. Высокие показатели враждебности были зарегистрированы в 28% случаев, в основном при поражении височных долей. Зарегистрированные низкие уровни тревожно-

сти, депрессии, враждебности и агрессии принадлежат больным с лобными поражениями мозга, при этом в ходе беседы было выявлено, что их не омрачает госпитализация, они прекрасно себя чувствуют и верят в скорую выписку, несмотря на предназначенное длительное лечение.

Итак, резюмируя полученные данные, можно сказать, что психоэмоциональное состояние детей в значительной степени определяется локализацией поражения мозга, в некоторых случаях оно зависит от пола ребенка, его взаимоотношений с родителями и сверстниками, самим фактом госпитализации. Были предприняты попытки по коррекции психоэмоционального состояния, вследствие которых наблюдались слабые, но стабильно-устойчивые изменения в положительную сторону, что дает основания для дальнейшей работы в данном направлении. Результаты проведенных исследований позволяют разработать основные направления и конкретные рекомендации по нормализации психоэмоционального состояния детей. Причем психолог должен использовать наряду с индивидуальными групповые методы терапии. Важным направлением дальнейших исследований является также работа с семьей и близким окружением.

Тромбчиньски П. К.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БОЛЬНЫХ НЕВРОЗАМИ

Термин «личность» имеет несколько различных значений. Ее изучением занимается раздел академической психологии, который охватывает широкий спектр разных теоретических представлений. Являясь объектом изучения, личность, кроме того, представляет собой абстрактное понятие, которое объединяет многие аспекты, характеризующие человека. Концептуальное значение личности многогранно – в рамках самой психологии мы не имеем одного, общепринятого значения этого термина. Также многозначен и подход к пониманию природы личностных нарушений, в частности, невротических расстройств. Однако, несмотря на различные теоретические подходы к проблеме неврозов, многие авторы рассматривают определенные личностные особенности как предрасполагающие факторы формирования невротических нарушений. В связи с этим возникает вопрос, действительно ли невротические пациенты обладают существенными общими чертами, которые позволили бы нам говорить о «невротической личности»?

Попытку ответить на этот вопрос предпринял польский психиатр Е. Александрович, который в 2006 разработал «Опросник невротической личности KON-2006» (ОНЛ). Несомненным достоинством этого опросника является попытка охватить все индивидуально-психологические характеристики, которые обычно описывают невротиче-

ческую личность. Опросник дает описание и оценку дисфункций, одновременно дифференцирует невротические расстройства и другие стрессовые реакции, на образование которых личностные дисфункции не влияют. Опираясь на метод самоописания, этот опросник дает возможность оценить степень дисфункций личности без особенных временных затрат, а использование компьютерных программ позволяет получить информацию об ответах, значениях отдельных шкал а также общего показателя X-KON. Изменения этого показателя, происходящие в ходе лечения, дают возможность оценки его влияния лечения на особенности личности, связанные с невротическим расстройством, а в связи с этим также оценить результаты терапии. Коэффициент X-KON дает возможность общей оценки расстройства личности, связанного с образованием невротической симптоматики.

Целью исследования являлось изучение особенностей этиологии и патогенеза невротических расстройств на современном этапе развития общества, а также перевод, адаптация и апробация на российской популяции ОНЛ и изучение его эффективности в процессе диагностики невротических расстройств. Адаптация проводилась среди 120 человек. В состав выборки вошли две группы: здоровые – 60 человек (24 мужчины и 36 женщин) и больные неврозами – 60 человек (18 мужчин и 42 женщины) разного социального положения и разного уровня образования. Исследование пациентов проходило в отделении неврозов и психотерапии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева и в Психиатрической больнице № 7. Испытуемая группа больных характеризовалась диагнозами «расстройство адаптации» и «тревожно-депрессивное расстройство», средняя продолжительность болезни три года.

В исследовании использовались четыре опросника: ОНЛ, уровень невротизации и психопатизации, SCL 90, Q-сортировка. На данной выборке выявлено, что шкалы ОНЛ валидны и на высоком уровне статистической достоверности отражают изучаемые черты личности испытуемого. Исследование доказало, что показатель X-KON ОНЛ, а также другие его шкалы вступают в прямую зависимость со шкалами остальных методик. Это дает нам возможность предполагать, что адаптированная методика ОНЛ может быть использована как эквивалент остальных используемых нами опросников.

Трунов А. Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК УСЛОВИЕ ЛИЧНОСТНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛОКОМОТИВНЫХ РАБОТНИКОВ

Деятельность работников локомотивных бригад предъявляет повышенные требования не только к физическому, но и к личностному здоровью ее субъектов. Этим определяется актуальность изучения условий сохранения личностного здоровья и профилактики его снижения у машинистов и помощников машинистов локомотивов. Объектом настоящего исследования являлось личностное здоровье работников локомотивных бригад, которое в отличие от термина «психическое здоровье» понимается нами не только как отсутствие психических отклонений и рисков их возникновения, но и как гармоничность, адаптированность и самоактуализация личности.

Цель исследования – изучить роль способности к эмоциональной рефлексии и, наоборот, алекситимии в системе взаимосвязей показателей личностного здоровья у работников локомотивных бригад. В эмпирическом исследовании использовались: торонтская шкала алекситимии (Малкина-Пых И. Г., 2004), методика УСК (Райгородский Д. Я., 2002), опросник дезадаптации О. Н. Родиной (Никифоров Г.С., 2003), тест САМОАЛ (Фетискин Н. П., 2002), тест стилевых особенностей саморегуляции В.И. Моросановой (Моросанова В. И., 2000), опросник удовлетворенности работой Р. Кунина (Харский К., 2003).

В исследовании принимали участие 82 испытуемых: 40 машинистов (средний возраст 43 года) и 42 помощника машиниста (средний возраст 37 лет). Данные обрабатывались математически с уровнем значимости 0,05. Как показало исследование, большинство шкал дезадаптации и шкала алекситимии были положительно связаны между собой и отрицательно с субъектными качествами личности: общей саморегуляцией, и интернальностью, контролем в производственных отношениях и в отношении здоровья, в меньшей степени – в отношении достижений и семейных отношениях. В структуре самоактуализации работников локомотивных бригад показатели эффективной ориентации во времени и принятия базовых ценностей самоактуализирующейся личности были положительно связаны с субъектными качествами личности (шкалы саморегуляции, интернальности) и отрицательно – с большинством показателей дезадаптации; шкала «самопонимание» обнаружила положительную связь с показателем общей интернальности и отрицательную – с алекситимией и некоторыми шкалами дезадаптации.

Для дальнейшего исследования выборка была разделена на контрастные группы: сначала были выделены работники с максимальными и минимальными показателями дезадаптации и алекситимии, а затем в каждой из этих групп были выделены подгруппы с минимальными и

максимальными показателями самоактуализации. По большинству параметров саморегуляции испытуемые с высоким уровнем самоактуализации отличались от испытуемых с низким уровнем только в адаптированной группе, и только в этой группе отмечалась отрицательная связь между алекситимией и самоактуализацией. Показатели моделирования значимых условий деятельности, гибкости и оценки результатов, общей интернальности, в отношении достижений и здоровья, удовлетворенности трудом были наиболее низкими в дезадаптированной группе, но при этом обладающей высоким показателем «самоактуализации». Это говорит о феномене «ложной самоактуализации» при наличии ригидности и стремления к психологической защите, когда испытуемые считают качества самоактуализирующейся личности социально желательными. В адаптированной самоактуализирующейся группе преобладали шкалы самоактуализации «ориентация во времени», «базовые ценности» и «самопонимание». При «ложной самоактуализации» по шкале «базовые ценности» отмечался спад, тогда как показатели «спонтанность», «аутосимпатия», «контактность» и «гибкость в общении» были выше, чем у всех остальных групп. Адаптированная, но не самоактуализирующаяся группа по профилю показателей самоактуализации была ближе к первой, чем ко второй, либо занимала промежуточное положение. В группе с низкими адаптацией и самоактуализацией по сравнению с другими группами минимальными были показатели ориентации во времени, отношения к природе человека, креативности и самопонимания, что также свидетельствует о ригидности данной группы.

Таким образом, способность к эмоциональной рефлексии связана с психологическим здоровьем и адаптированностью работников локомотивных бригад и может рассматриваться как одно из первоначальных условий личностного здоровья, только при выполнении которого достигается более высокий субъективный уровень здоровья личности, выражающийся в ее активной самоактуализации.

Фадеева Ю. И.

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Разработка темы смерти актуальна, поскольку она все чаще проявляет себя в нашей жизни. Стихийное развитие отношения к смерти непредсказуемо: от чрезмерного страха до полного обесценивания (особенно в юношеском возрасте). В связи с этим возникает необходимость целенаправленного формирования адекватного отношения к смерти. Цель работы – выявить особенности отношения к смерти в юношеском возрасте в зависимости от пола. Мы предполагаем, что у девушек более выражены аффективные стороны отношения к смерти, чем у юношей.

Задачи, поставленные нами в данном исследовании, предполагают:

- 1) изучение теоретических аспектов проблемы смерти, разработка понятия «отношение к смерти»;
- 2) проведение эмпирического исследования отношения к смерти в юношеском возрасте в зависимости от пола.

С этой целью проведен анализ различных теорий и взглядов зарубежных и отечественных авторов: экзистенциальной философии (Хайдеггер М., 2003; Ясперс К., 1997) и психологии (Ялом И., 2008; Гроф С., 1996), психоаналитических представлений о смерти (Фрейд З., 1994), категории «отношение» (Мясищев В. Н., 1995), представлений о смерти в возрастном аспекте (Крайг Г., 2007; Реан А. А., 2006) а также представлений о психологических половых различиях (Берн Ш., 2007; Кон И. С., 2001).

Под сформированным отношением к смерти в данном исследовании понимается сформированность отдельных составляющих компонентов, а также их согласованность между собой, т. е. для человека со сформированным отношением к смерти характерна осмысленность данного явления (мотивационный компонент), логичность, глубина знаний, представлений о нем (когнитивный компонент) и адекватность эмоциональных и поведенческих реакций, касающихся данной темы, наличие способов преодоления страха смерти (эмоциональный и поведенческий компоненты). Что касается половых различий, то многие авторы видят в качестве психологических половых различий более выраженную эмоциональность и пассивность у женщин, и более выраженную рациональность и активность у мужчин (Берн Ш., 2007; Кон И. С., 2001).

Мы провели исследование, в котором приняли участие студенты первого курса ВГПУ психолого-педагогического факультета и факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности. Всего в исследовании участвовало 40 человек (20 девушек и 20 юношей в возрасте от 17 до 22 лет).

В исследовании были использованы следующие методики:

1. шкала тревожности по поводу смерти Д. Темплера («Death Anxiety Scale» – DAS);
2. методика «метафоры личной смерти» Дж. Мак-Леннана (Metaphors of Personal Death – RDFS);
3. опросник суицидального риска (модификация Т. Н. Разуваевой);
4. проективный рисунок («образ смерти» и «образ жизни»).

Проанализировав полученные данные психологического исследования, мы сделали следующие выводы: для девушек характерен более высокий уровень танатической тревожности. У них более позитивные представления образа смерти в целом и своей смерти в частности. Од-

нако у девушек более выражено доминирование эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации, готовность реагировать на психотравмирующую ситуацию эмоционально. В крайней мере может происходить аффективная блокада интеллекта. Кроме того, у девушек наибольшая тенденция к суицидальным намерениям, чем у юношей. Но и антисуицидальный фактор у девушек выше. В рисунках у девушек образ смерти более детализирован, конкретно-ситуативен, эмоционально окрашен, чем у юношей. У юношей меньший уровень танатической тревоги по сравнению с девушками. Отмечается большее преобладание негативных метафор и образов, связанных со смертью. Уровень сформированности суицидальных намерений ниже, чем у девушек. Но и показатели по антисуицидальному фактору низкие. Рисунки образа смерти у юношей более целостные, символические. По эмоциональной окраске отмечается большой разброс: от черно-белых до ярких, разноцветных. У юношей отмечается более выраженная логическая переработка образа смерти, его вербализация. Этот факт указывает на наличие у юношей более эффективного контроля над отношением к смерти. Для того чтобы уменьшить страх и тревогу у девушек и юношей по отношению к смерти, и обеспечить профилактику суицидального поведения, нам представляется необходимым разработать специальную систему обучения отношения к смерти.

Филипченко Е. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В настоящее время все большую актуальность приобретает тема наркотической зависимости подростков. Точные статистические данные о том, сколько подростков принимают наркотики или пробовали принимать, получить сложно, хотя совершенно очевидно, что в последние годы отмечается рост наркозависимости среди несовершеннолетних, продолжается омоложение наркопотребителей, часто наблюдается уменьшение возраста первой пробы. По данным многочисленных исследований, наиболее критическим, представляющим риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление наркотиков, является именно подростковый период (А. Е. Личко, В. С. Битенский, 1991; И. Н. Пятницкая, Н. Г. Найденова, 2002; С. В. Березин, К. С. Лисецкий, 2001; Егоров А. Ю., 2002; Л. М. Шипицына и др.).

На развитие потребления наркотиков у подростков влияют социальные, психологические и медико-биологические факторы (М. Н. Паюшина, 2006). Целью нашего исследования является выявление уровня социально-психологической адаптации подростков, склонных к наркотической зависимости. Понятие «социально-психологическая адаптация» подразумевает

приспособленность человека к гармоничной жизнедеятельности в обществе, которая объединяет необходимость соответствовать требованиям социума и собственные потребности, мотивы, интересы. Социально-психологическая адаптация характеризуется осознанием необходимости для личности постепенных изменений отношений с социальной средой через овладение новыми способами поведения, а также становлением новых приспособительных механизмов, ориентированных на гармонизацию отношения личности со средой. Уровень социально-психологической адаптации тесно связан с психологическими характеристиками личности и особенностями ее поведения (А. Н. Гусева, 2008).

Исследование проводилось на базе УО «ГПТУ № 30 речного флота». В нём приняли участие 44 учащихся, из них 11 девушек и 33 юноши. В экспериментальную группу вошли 14 учащихся в возрасте от 16 до 18 лет, склонных к наркотической зависимости, а в контрольную группу – 30 учащихся в возрасте от 16 до 18 лет, не склонных к наркотической зависимости.

В качестве метода исследования использована психодиагностическая методика Р. Даймонда – К. Роджерса «опросник социально-психологической адаптации». В ходе анализа полученных значений по φ^* – критерию углового преобразования Фишера были получены следующие результаты. По шкале «лживость» в группах подростков, склонных к наркотической зависимости и подростков, не склонных к наркотической зависимости, были получены статистически незначимые показатели ($\alpha \geq 0,01$), что говорит о высоком уровне искренности испытуемых в ситуации обследования. В группе подростков, склонных к наркотической зависимости, показатели по шкалам «адаптивность» ($\varphi^* = 3,48, \alpha \leq 0,01$), «принятия себя» ($\varphi^* = 3,95, \alpha \leq 0,01$), «принятия других» ($\varphi^* = 2,97, \alpha \leq 0,01$), «эмоциональный комфорт» ($\varphi^* = 3,95, \alpha \leq 0,01$), имеют достоверно более низкие значения, чем в группе подростков, не склонных к наркотической зависимости. Это нам говорит о том, что у подростков, склонных к наркотической зависимости уровень приспособления к существованию в обществе не соответствует требованиям этого общества и не согласуется с собственными потребностями и мотивами. Кроме того, мы видим, что у подростков, склонных к наркотической зависимости, прослеживается неудовлетворенность своими личностными чертами и качествами. В группе подростков, склонных к наркотической зависимости, достоверно более выражены, чем в группе подростков, не склонных к наркотической зависимости, показатели по шкалам «непринятие себя» ($\varphi^* = 3,48, \alpha \leq 0,01$), «эмоциональный дискомфорт» ($\varphi^* = 2,39, \alpha \leq 0,01$), «ведомость» ($\varphi^* = 1,67, \alpha \leq 0,05$ и $\alpha \geq 0,01$). Это значит, что подростки склонные к наркотической зависимости, ощущают эмоциональный дискомфорт в процессе взаимодействия

с социумом и стремление быть подчиненным, выполнять поставленные кем-то задачи.

Таким образом, полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют о том, что у подростков, склонных к наркотической зависимости, нарушены процессы социализации личности, выражающиеся в снижении адаптации к социальным нормам и правилам, рассогласование с собственными потребностями, мотивами и интересами. Они также не удовлетворены своими личностными чертами и качествами.

Харлова К. О.

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ

Сегодня большинство ученых, в центре внимания которых стоит человек, согласно с тем, что не существует дихотомии тело – психика. Человек по своей природе является неразделимым единством тела и ума. Несмотря на то, что большинство людей пестуют только один из аспектов (например, только тело, занимаясь спортом, или только ум, упражняя свой интеллект), для достижения самореализации в любой области существования необходимо развивать единую психофизическую реальность целостно и гармонично. С Античности человечество знакомо с пониманием важности телесного начала как естественного и необходимого средства действия психики. Этот тезис поддерживался крупными философами и учеными. Знаменитый принцип Ювенала гласит: *mens sana in corpore sano*/в здоровом теле – здоровый дух. Культурную значимость человеческого тела и его функций раскрыл З. Фрейд, первое научное обоснование связи тела и характера дал Э. Кречмер. Развитие исследований телесности может идти в разных направлениях: психосоматика Ф. Александера, характероанализ В. Райха, биоэнергетика А. Лоуэна, биосинтез Д. Боаделла. Из особенно значимых отечественных исследований надо указать на внутреннюю картину болезни, разработанную Р. А. Лурией.

Повышенный интерес к теме телесности наблюдается в современном гуманитарном мышлении. Тело стало рассматриваться не только (и даже не столько) как материальный объект и/или живой организм, но как телесность – «сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов»: «феноменологическое тело» у Мерло-Понти, «социальное тело» у Делеза и Гватари, «текстуальное тело» у Р. Барта». Тело оказывается основой основ – «фундированность телесностью является гарантом подлинности ("аутентичности") наличного сущего...» (Грицанов А. А., 2002). Организмическая теория говорит о том, что организм – это не две отдельные системы души и тела, каждая со своими движущими принципами, но единое целое, включающее много частных функций

(Гольдштейн К., Ангьял А., Маслоу А., Менегетти А.). К. Роджерс пишет о «естественном организмическом оценочном процессе»: решение «хорошо – плохо» принимается не на уровне разума, а на уровне человеческого организма в целом. Под организмическим понимается «совокупность материальных и психических функций, служащих единству действия. Психологический и духовный контекст» (Менегетти, 2009). Лишь совершив коренное изменение мышления в сторону точного восприятия своей организмической данности, человек может уйти от своей одинаковости, заикленности, заштампованности судьбы и обрести возможность роста и самоактуализации (Менегетти, 2009).

Этот принцип лег в основу курса «Музыка тела», который проводится нами уже на протяжении двух лет под руководством специалиста в области психотелесной психотерапии. Цель курса – научиться через тело познавать реальность, обрести целостность знания. Задачи курса: осознать индивидуальные особенности (блоки своего тела, зажимы); восстановить природный порядок, здоровый ритм тела; развить жизненные центры тела; вложить полученную энергию в другие проекты (творчество, наука, бизнес).

Основные формы работы: дыхательная гимнастика (методы А. Н. Стрельниковой, диафрагмальное дыхание); мелодистика – инструмент онтопсихологии, использующий спонтанный танец и перкуссионные инструменты; мелоданс – танец под любую ритмическую музыку, исполняемый в соответствии с критериями мелодистики; техника свободного пения – развитие главных резонаторов тела и диафрагмы. Благодаря психотелесным инструментам человек гораздо быстрее может почувствовать себя сильным, здоровым, изменить привычные формы поведения и восприятия многих вещей и ситуаций.

Курс проходит с регулярностью занятий 2–3 раза в месяц по 1,5–2 часа в группе до 25 человек. Возраст участников: 20–50 лет с разницей физической подготовкой. Анализируя «эффекты быстрого действия» (сразу после занятия), отмечается: повышение энергетического тонуса, максимальная сосредоточенность на себе, плавность движений, походки, расслабление мимических мышц. Сами участники отмечают улучшение физического самочувствия, прилив сил, исчезновение «накопленной усталости», восстановление внутреннего баланса, повышение чувствительности тела. Наибольший позитивный результат наблюдается у участников, которые параллельно проходят психологическое консультирование. Это говорит о важности объединения психотелесных методов с методами психологической коррекции, что обеспечивает целостный подход, где психика и тело неразделимо взаимосвязаны.

Хватова Ю. Г.

НЕВРОТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ И ИХ СВЯЗЬ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ

Проблема здоровья студенческой молодежи относится к разряду актуальных и социально значимых для современной России. В литературе описан целый комплекс неблагоприятных факторов, существенно осложняющих личностно-профессиональное развитие (Деркач А. А., Дьячков В. М., 1997; Ширманова О. В., 2002), среди которых наиболее распространены пограничные нервно-психические расстройства и эмоционально-неблагоприятные состояния.

Целью работы явилось исследование неблагоприятных психоэмоциональных состояний у студентов и их связи с функциональным состоянием. В исследовании приняли участие студенты Тамбовского университета имени Г. Р. Державина.

Для решения поставленных задач нами был использован опросник К. К. Яхина – Д. М. Менделевича, направленный на выявление невротических расстройств. В результате было выявлено, что 57% студентов ($n = 268$) имеют невротические расстройства в структуре личности, в том числе 22,7% на первом курсе, 34,3% на четвертом курсе. Качественный анализ показал, что наиболее часто встречается среди студентов невротическая тревога (70% случаев), в 60% распространены обсессивно-фобические расстройства, а в 50% выявлены истерия и вегетативные нарушения. При этом достаточно часто у одного студента встречаются несколько невротических расстройств.

Далее нами было выделено две группы студентов: первая группа – с невротическими проявлениями в структуре личности; вторая без невротических проявлений, которая условно названа невротозустойчивой. В этих группах был проведен сравнительный анализ психофизиологических характеристик. В этих группах было проведено исследование функционального состояния с помощью прибора типа «Варикард», который позволяет рассчитать интегральный показатель по Р. М. Баевскому на основании анализа variability сердечного ритма.

Интегральный показатель позволяет оценить функциональное состояние студентов и отнести его к одному из трех диапазонов: нормальному, преморбидному, донозологическому. Так, в группе студентов с невротическими расстройствами функциональное состояние находится на преморбидном уровне у 37,3%, на донозологическом уровне – у 41,5%, в норме – у 21,3%. У студентов без невротических проявлений функциональное состояние на преморбидном уровне обнаружено у 31,4%, на донозологическом уровне – у 35,2%, в норме – у 33,4% лиц. Использование ф-критерия позволило установить, что процент лиц

с функциональным состоянием на преморбидном уровне выше у студентов с невротическими проявлениями, чем у студентов без невротических проявлений ($\phi^* = 2,27$, $p \leq 0,01$ при $f_{кр} = 2,3$), функциональное состояние в диапазоне нормы чаще встречается среди лиц без невротических проявлений ($\phi^* = 3,23$, $p \leq 0,01$ при $f_{кр} = 2,31$).

Корреляционный анализ показал, что у студентов с невротическими проявлениями существует достоверная положительная связь функционального состояния со шкалой невротической тревоги ($r = 0,494$; $p \leq 0,05$), т. е. чем выше невротическая тревога, тем больше функциональное состояние смещено от нормального полюса к донозологическому. Это свидетельствует о возможном векторе соматизации эмоционального состояния.

С другими шкалами опросника и в группе студентов без невротических проявлений корреляционных связей не установлено. Кроме того, в структуре личности студентов с невротическими проявлениями выявлены такие деструктивные проявления, как алекситимия. Среди студентов, у которых выявлены невротические проявления, 30% первокурсников и 34% старшекурсников имеют алекситимию в структуре личности; а среди студентов с алекситимией 70% студентов первого курса и 75% четвертого имеют те или иные невротические проявления. Значимые корреляции наблюдаются между алекситимией и невротической депрессией ($r = 0,50$; $p \leq 0,05$), между алекситимией и обсессивно-фобическими нарушениями ($r = 0,48$; $p \leq 0,05$), а также астенией и вегетативными нарушениями ($r = 0,50$; $p \leq 0,05$).

В целом можно констатировать, что у большей части студентов с алекситимией в структуре личности имеются невротические расстройства, преимущественно невротическая депрессия. Таким образом, в результате проведенного исследования установлена количественная и качественная характеристика невротических расстройств, встречающаяся у студентов, их связь с функциональным состоянием. Проведенное исследование позволило наметить пути коррекционной работы по психологическому сопровождению студентов, направленному на сохранение их психологического здоровья и предотвращение соматизации.

Хромов А. И.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

Большинство современных исследователей придает большое значение состоянию когнитивной сферы больных шизофренией. Многочисленные исследования состояния когнитивных функций таких больных позволили говорить о наличии когнитивного дефицита (КД) как самостоятельной характеристике заболевания. Дискуссионным ос-

тается вопрос об устойчивости КД на ранних этапах заболевания, а также об эффективности проводимого лечения.

В данной работе предпринята попытка оценить изменения в состоянии когнитивной сферы больных шизофренией детей и подростков на фоне проводимого нейролептического лечения. Материалы и методы. В исследовании приняли участие 18 детей и подростков (средний возраст $12,2 \pm 3,0$ лет): 10 человек, имеющих диагноз шизофрения, детский тип (F20) и 8 человек – шизотипическое расстройство (F21). На протяжении всего периода исследования все больные проходили стационарное лечение, которое подбиралось индивидуально лечащими врачами.

Для оценки когнитивных функций больных использовались следующие патопсихологические методики: память – заучивание 10 слов (А. Р. Лурия), «простые» и «сложные» парные ассоциации (В. П. Критская); внимание – тест Струпа, поиск чисел по таблицам Шульте (мотивирующая инструкция «сделай быстрее всего» для последней таблицы); мышление – «конструирование объектов» (С. М. Алейникова и Т. К. Мелешко); восприятие – «идентификация формы».

Параметры оценки: объем непосредственного (НП) и отсроченного (ОП) воспроизведения, объем «простых» (ППА) и «сложных» (СПА) парных ассоциаций; скорость и точность (тест Струпа), время выполнения таблиц Шульте; количество ошибок восприятия; количество целостных и комбинаторных ответов в «конструировании объектов». Оценка состояния когнитивных процессов больных проводилась дважды: в течение первой недели после госпитализации и спустя месяц после первичного обследования.

Результаты. Сравнение результатов первичного и повторного исследования показало, что в целом больные из группы F20 продемонстрировали большую чувствительность к лечению. В этой группе достоверно ($p < 0.05$) увеличился объем НП, ОП и ППА, снизилась скорость выполнения теста Струпа, «мотивирующей» таблицы Шульте, а также снизилось количество ошибок восприятия. У больных из группы F21 достоверно улучшились лишь параметры внимания (скорость теста Струпа, 1-ой таблицы Шульте). Оцениваемые параметры мышления не изменились ни в одной из групп. Интересно, что сравнение групп F20 и F21 как независимых не обнаружило достоверных различий ни в первичном, ни в повторном исследовании.

На наш взгляд, полученные данные стоит интерпретировать осторожно. Наблюдаемые изменения в состоянии когнитивных функций могут являться следствием различных факторов, не связанных напрямую с лечением. Так, достоверное снижение скорости выполнения теста

Струпа в обеих группах больных, вероятно, может быть связано с эффектом научения, которого не наблюдается, например, при поиске чисел в таблицах Шульте. Другой фактор – различный возрастно-половой состав выборки, влияние которого, однако, в известной степени сглаживается дизайном исследования («продольные срезы»). Еще один фактор, влияние которого в данной работе не оценивалось – давность заболевания и тяжесть состояния конкретного больного. Два последних фактора связаны с другим аспектом КД, касающимся времени его появления, степени выраженности и устойчивости на протяжении заболевания, с возрастной динамикой КД при шизофрении. Указанные обстоятельства позволяют утверждать, что патопсихологическая оценка динамики КД при шизофрении в детском и подростковом возрасте должна проводиться комплексно с учетом сложности и динамичности самой «картины» познавательного развития таких больных, т. к. влияние болезни на ранних стадиях развития познавательных процессов приводит к искажению самого познавательного развития – когнитивному дизонтогенезу.

Цветкова И. В.

РОЛЬ СОЦИО-КУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВНУТРЕННЕЙ КАРТИНЫ ЗДОРОВЬЯ

Здоровье, представляющее собой ценность и на общегосударственном уровне, и на уровне индивида, объективируется телесностью человека. «Одной из базовых составляющих аксиологии здоровья выступает аксиология человеческой телесности, поскольку именно тело человека, его состояние и степень развития, характер его функционирования и динамика изменений, его сопряженность или же разбалансированность с социальным бытием субъекта являются важным индикатором здоровья» (Быковская И. М., 2007). Телесность индивида, в свою очередь, формируется и трансформируется по аналогии с другими высшими психическими функциями – прижизненно, в ходе социального взаимодействия, в первую очередь с близким взрослым. Ребенок постепенно путем интериоризации усваивает социально приемлемые способы контроля и регуляции собственных телесных проявлений. Социумом задаются представления об идеалах внешности, эталоны здоровья. Поэтому необходимым условием адекватного рассмотрения феномена внутренней картины здоровья является изучения влияния социокультурных норм и стереотипов на субъективные представления человека о собственном здоровье. Внутреннюю картину здоровья неверно рассматривать как нечто обратное внутренней картине болезни. Внутренняя картина здоровья – это самостоятельный продукт познавательной и личностной активности субъекта, которую можно определить как

совокупность субъективных представлений о нормальном и патологическом состоянии, как переживание человеком статуса и динамики своего здоровья, осознание своих душевных и физических возможностей и ресурсов (Творогова Н. Д., 2007). При этом структура и функции данных психологических образований во многом могут иметь схожие черты и источники развития. Внутренняя картина здоровья задает модус поведения человека в отношении собственного тела и здоровья и перспектив его развития.

Современное общество жестко диктует стандарты и нормы личностного отношения к здоровью и приемлемые способы его поддержания, а также идеалы красоты и успешности. Современные социальные ценностные стандарты и стереотипы, активно навязываемые СМИ, зачастую детерминируют ригидный, стрессогенный, дисгармонизирующий эффект и не соответствуют индивидуальному многообразию конституциональной и психологической организации субъекта (Фромм Э., 1990). Данный феномен служит примером «обратной стороны социализации», в результате которой натуральные психические функции приобретают не только свойства ВПФ, но также патологический характер (Тхостов А. Ш., Сурнов К. Г., 2005). Подобные виды телесной патологии сопровождаются переживаниями дисгармоничности собственной личности, несоответствия общепринятым стандартам, формированию зависимости от предлагаемых средств удовлетворения потребностных состояний, например индустрии здорового образа жизни или глянцевого журналов. Ярким примером подобного современного культурного стереотипа является «социальная ипохондрическая практика», которую можно определить как «структурированную, организованную деятельность, направленную на сохранение здоровья, не требующую для своего инициирования проблем со здоровьем» (Тхостов А. Ш., 2005), что включает в себя всевозможные профилактические и оздоровительные процедуры.

Практическая значимость изучения субъективных представлений о здоровье связана с пониманием того, что сохранение и преумножение здоровья индивида и нации в целом не может быть обеспечено только с помощью медицины. Необходима специально организованная работа по формированию развитых социальных и индивидуальных представлений о здоровье.

Таким образом, в связи с ухудшением экологических условий, роста психологической нагрузки и стрессов в современном обществе проблема понимания психологического аспекта феномена здоровья становится одной из важнейших. Требуется расширение теоретических представлений и модернизация психологического мониторинга процесса интеграции новейших технологий в жизнь личности с целью форми-

рования представлений человека о том, к каким конкретным целям следует стремиться в процессе деятельности по совершенствованию здоровья, чтобы избежать ловушек агрессивного, манипулятивного внешнего управления этим интимным личностным процессом. Чтобы сохранить и развить в себе способность к личному усилию, личной компетентности и личной ответственности (Сурнов К. Г., Цветкова И. В., 2010).

Цымбал А. В.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ПЕРЕЖИВШИХ УГРОЗУ ЖИЗНИ

Проблема сохранения здоровья и работоспособности лиц, подвергавшихся воздействию факторов экстремальных ситуаций, в последнее время привлекает внимание большого числа исследователей (Н. В. Тарабрина, А. Г. Маклаков). Особое внимание уделяется состоянию, поведению и деятельности людей в чрезвычайных ситуациях с витальной угрозой (стихийные бедствия, техногенные катастрофы, теракты) (Решетников М. М., 2004). В последнее время остро встает проблема социально-психологических последствий аварий на угольных предприятиях и разработки мероприятий психологической помощи пострадавшим, поскольку в силу ряда причин данная категория недостаточно изучена (А. А. Токман).

Целью данного исследования является изучение особенностей социально-психологической адаптации шахтеров, переживших угрозу жизни во время аварии. В исследовании приняли участие 98 человек в возрасте от 22 до 52 лет, работающих на шахтах Кемеровской области. Выборка была разбита на две группы:

- в первую (основную) группу вошли 48 шахтеров, пережившие витальную угрозу во время аварии на шахте;
- во вторую (контрольную) группу вошли 50 шахтеров, не попадавших за время работы в ситуации, когда их жизни угрожала опасность.

Выборку составили мужчины в возрасте от 22 до 52 лет. Средний возраст в контрольной группе 38,2 года, в основной – 37,5 лет. Стаж работы на шахте у исследуемых был от 2,5 до 29 лет, средний стаж работы в контрольной группе 15,5 лет, в основной – 12,8 лет. В основной группе время, прошедшее с момента аварии, варьировалось от 6 месяцев до 12,5 лет.

Обе группы обследовались при помощи методики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда и опросника выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Chek List – SCL-90). В ходе проведенного исследования в обеих группах выявлен средний уровень социально-психологической адаптации: основная группа –

73,6%, контрольная – 78,3%. Кроме того, в обеих группах выявлен высокий уровень самопринятия и принятия других. По шкалам опросника социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда статистически значимых различий между группами не выявлено. При этом в обеих группах часто встречается повышение по шкале лжи (30%), что говорит о стремлении давать социально желательные ответы. По опроснику выраженности психопатологической симптоматики SCL-90 в основной группе распространенность психопатологических симптомов по всем шкалам существенно выше, чем в контрольной. Особенно часто встречаются такие симптомы, как соматизация (36%) и межличностная тревожность (29,5%). Средние значения по шкалам в контрольной группе в пределах нормы, в основной группе среднегрупповой балл по шкале «соматизация» выше нормы ($0,47 \pm 0,12$). Исследуемые наиболее часто отмечали жалобы на головные боли, боли в пояснице, в мышцах, тяжесть в конечностях.

При статистической обработке данных с использованием U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия в выраженности соматической симптоматики между контрольной и основной группами ($p < 0,05$). В основной группе у семи человек (14,5%) выявлена психологическая дезадаптация: сильная выраженность симптоматики по всем шкалам, общий балл (GSI) и индекс выраженности дистресса (PDSI) выше нормативного уровня; в контрольной группе не выявлено людей с дезадаптацией.

Проведенный корреляционный анализ выявил положительную связь между уровнем адаптации по Роджерсу-Даймонду и индексом выраженности дистресса PDSI (0,54 при $p < 0,01$). Не выявлено корреляционной связи между выраженностью психопатологической симптоматики, уровнем социально-психологической адаптации и такими показателями, как время, прошедшее с момента аварии, возраст, стаж работы.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы об основных последствиях переживания витальной угрозы шахтерами на рабочем месте. Ведущее место занимает проблема соматизации и межличностной тревожности. Оба этих синдрома могут существенно влиять на здоровье, работоспособность и качество жизни шахтеров и требуют адресной психологической помощи. Кроме того, нужно отметить, что в основной группе наблюдается внешняя социально-психологическая адаптация, при этом выявлена большая распространенность психопатологических симптомов, что показывает необходимость разработки на предприятиях угольной промышленности системы мероприятий по психологическому сопровождению лиц, переживших угрозу жизни во время аварии на шахте.

Черепанов А. В.

АКТИВНАЯ МУЗЫКОТЕРАПИЯ В РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ ПРИ СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВАХ

В современном обществе проблема управления стрессом стоит очень актуально. Множество психических расстройств возникают именно под воздействием чрезмерных нагрузок у жителей цивилизованного мира. Особое значение имеет обучение навыкам психоэмоциональной саморегуляции, которые при комплексном и грамотном применении позволяют повысить общий уровень работоспособности человека и эффективно восстановить затраченные ресурсы в ситуациях повышенного напряжения (Водопянова Н. Е., 2009). Регуляция эмоций в вопросе реакции человека на стресс является важнейшей составляющей улучшения качества жизни и преодоления патологических форм развития личности.

Наиболее изучены стратегии подавления и переоценки, различные формы которых представлены в когнитивном психологическом подходе. Переоценка как стратегия изменения реакции позволяет индивиду, изменив отношение, вовлекаться в продуктивные социальные взаимодействия, она считается более эффективной. Репрессия эмоций, как правило, сдерживает положительные, но оставляет отрицательные эмоции на том же уровне (Падун М. А., 2010), поэтому важно находить такие выразительные средства, которые смогут направить переживания человека в созидательное русло. Эти средства известны в психологии как арт-терапевтические и довольно широко используются.

Разработанный нами метод музыкотерапии с обратной связью (как индивидуальный, так и групповой) имеет ряд структурных компонентов. Первый – это объективация переживаний; предполагает использование средств музыкальной выразительности, игры на инструментах и пения. Суть этой первоочередной работы в том, чтобы выявить те эмоции, которые в жизненных ситуациях дезадаптируют человека, и «проиграть, пропеть» их. Так, сдержанная агрессия выражается в громкой напористой игре на барабанах, а тревожное или печальное состояние находит отражение в игре на флейте или тихом пении, после которых человек на занятии чувствует облегчение. Катарсическое переживание возникает вследствие понимания и эмпатии к «музыке души» со стороны ведущего и группы (Бурно М. Е., 1999), такой творческий способ самовыражения дает возможность услышать себя со стороны и переоценить свое настроение, отрегулировать эмоциональный фон. Вторым компонентом – управление переживаниями. Воздействие музыки происходит на комплексном уровне, затрагивая и когнитивную, и эмоциональную, и телесную сферы психики (Шушарджан С. В., 2000). Сам человек воздействует на музыку, ее характер, громкость и длительность, для

этого служат простые в обращении, не требующие специального навыка владения техникой игры, инструменты: варган, ударно-перкуSSIONные барабаны, погремушки, ксилофоны и прочие (Искандеров М. Н., 2010). Третьим компонентом работы является дальнейшая объективация через обратную связь. Для запечатления уникальной неповторимой композиции ведущим используются портативное цифровое оборудование для аудиозаписи. Эмоциональная экспрессия эффективна тогда, когда индивид оказывается способным найти адаптивные формы выражения эмоций, т. е. найти понимание других людей, инициировать решение проблемы, а не просто «выпускать» аффект. Поэтому особое внимание уделяется обсуждению чувств, возникающих у пациента при прослушивании созданной им композиции, рефлексии и последующему когнитивному реструктурированию своих установок.

Таким образом, активная музыкотерапия вызывает интенсивные эмоции участников, открывая способы их регуляции для изменения. Завершающий компонент – использование в дальнейшем понимания динамики состояния человека под воздействием искусства и спонтанного творчества. Эстетическая реакция очень напоминает игру на рояле: каждый элемент, входящий в состав произведения искусства, ударяет как бы на соответствующую чувственную клавишу нашего организма, в ответ раздается чувственный тон или звук, и вся эстетическая реакция есть эти встающие в ответ на удары по клавишам эмоциональные впечатления (Выготский Л. С., 1986). Многие переживания окружающего мира остаются неоднозначными, вызывая в нас разное отношение, иногда негативное. Представая во всем многообразии своих проявлений окружающая реальность не поддается формализации. Нахождение в ней эстетического способствует управлению стрессами жизнедеятельности, делая человека композитором своей жизни.

Чернова Т. Н.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В наше непростое, стремительно изменяющееся время человеку требуется большая внутренняя сила. Современная жизнь насыщена трудными и критическими ситуациями, с которыми человек не всегда может справиться самостоятельно. Поэтому с особой остротой встает вопрос о сохранении психологического здоровья. Термин «психологическое здоровье» в отечественной психологии был содержательно обозначен И. В. Дубровиной. По мнению И. В. Дубровиной, психологическое здоровье – это прижизненное образование, хотя, безусловно, его предпосылки создаются еще в пренатальном периоде. Естественно, что

в течение жизни человека оно постоянно изменяется через взаимодействие внешних и внутренних факторов (Дубровина И. В., 1997).

Для нормального развития психологического здоровья ребенка наиболее важными факторами являются семья и образовательные учреждения. Все семейные факторы риска можно условно разделить на три группы. Первую группу составляют нарушения психологического здоровья самих родителей и их повышенная тревожность или эмоциональная холодность. Во вторую группу входит неадекватный стиль воспитания ребенка, и в первую очередь, гиперопека. Третья группа представлена нарушениями механизмов функционирования семьи, и в первую очередь, конфликты между родителями.

Наше исследование было посвящено изучению условий и факторов формирования психологического здоровья младших школьников. В ходе данной работы нами изучались тревожность, как основной показатель психологического здоровья младших школьников, а так же социометрический статус и эмоциональные отношения в семье как возможные факторы риска нарушения психологического здоровья младших школьников. Первоначально нами был изучен основной показатель психологического здоровья младших школьников, а именно тревожность с помощью методик СМАС (Прихожан А. М., 2000) и тест Филлипса. Нами были определены наиболее значимые, с точки зрения влияния на психологическое здоровье школьников, ситуации школьной жизни. Наиболее высокая тревожность по данной методике у младших школьников наблюдается по следующим показателям: общая тревожность – у 13% испытуемых, страх самовыражения – у 21%, страх ситуации проверки знаний – у 16% младших школьников. Далее нами были изучены межличностные отношения со сверстниками и социометрический статус, как возможные факторы риска нарушения психологического здоровья младших школьников (методика «выбор», Реан А. А., 2007).

Проведенное исследование показало, что в классе достаточно много детей, имеющих статус «изолированных» – 15%, что может рассматриваться как фактор риска нарушения психологического здоровья. Для изучения семьи как возможного фактора риска нарушения психологического здоровья нами были изучены некоторые показатели семейных отношений с помощью «опросника эмоциональных отношений в семье» (Захарова Е. И., 2002).

В ходе анализа полученных результатов было установлено, что в группе родителей в целом достаточно хорошие показатели эмоциональных отношений. Однако при этом наблюдается большое количество семей с низким эмоциональным фоном – 19%, невысокой способностью воспринимать состояние ребенка – 19%, низким уровнем стремления к

телесному контакту – 14%, низкой способностью к оказанию эмоциональной поддержки ребенку – 14%.

Далее нами была предпринята попытка установления корреляционных связей между показателями эмоционального отношения в семье и уровнем тревожности ребенка. Отрицательная корреляционная связь была установлена по таким показателям, как: понимание причин состояния ребенка и отношение к себе как к родителю.

Таким образом, чем меньше способность родителей к пониманию причин состояния ребенка и ниже уровень отношения к себе как к родителю, тем выше уровень проявления тревожности ребенка. Значимая положительная корреляционная связь установлена между тревожностью детей и таким показателем детско-родительских отношений, как «чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком». Т. е. чем позитивнее чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком, тем ниже уровень проявления тревожности у ребенка. По остальным показателям статистически достоверных различий не выявлено.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что наиболее значимым фактором риска нарушения психологического здоровья в младшем школьном возрасте являются детско-родительские отношения, а в качестве условия его формирования можно считать «благодатный» характер отношения взрослого к ребенку.

Чумакова И. О.

ПЕРЕЖИВАНИЕ БОЛЕЗНИ ПАЦИЕНТАМИ С ФИБРИЛЛЯЦИЕЙ ПРЕДСЕРДИЙ В ХОДЕ ЛЕЧЕНИЯ

Фибрилляция предсердий (ФП) – одно из наиболее часто встречающихся нарушений ритма сердца. Характер течения, клинические проявления этой формы аритмии, а также жалобы пациентов с ФП чрезвычайно вариативны, при этом лекарственная терапия ФП обладает сравнительно низкой эффективностью (ок. 40%), что определяет показания для интервенционного (малоинвазивного) лечения, прежде всего методом радиочастотной катетерной абляции легочных вен. Высокотехнологичное интервенционное лечение ФП получает сегодня все большее распространение, однако и оно не исключает рецидивов нарушения сердечного ритма.

Исследование особенностей переживания болезни пациентами с ФП, проходящими лечение методом катетерной абляции, позволило обосновать направления психологического сопровождения интервенционного лечения с целью повышения качества жизни больных и улучшения медицинского прогноза. Вышеизложенное определило направленность настоящего исследования.

Материал и методы исследования. На базе отделения рентгенохирургии аритмий и электрокардиостимуляции № 1 ФГУ «ФЦСКЭ им. В. А. Алмазова» было обследовано 34 пациента с ФП (17 мужчин и 17 женщин в возрасте от 33 до 69 лет), госпитализированных в связи с плановым лечением методом катетерной аблации. 21 пациент такое лечение проходил первично, остальные – повторно. Исследование проводилось с помощью беседы, направленной на оценку психического статуса; «интегративного теста тревожности» (ИТТ); «шкалы самооценки депрессии» Зунга (SDS); «методики для психологической диагностики типов отношения к болезни» («ТОБОЛ»).

Результаты исследования. Среди обследованных пациентов большинство (27 чел.) имели высокосимптомное течение ФП и испытывали весьма дифференцированные ощущения, связанные с болезнью. В большинстве случаев (21 пациент) неприятные ощущения локализовались в области сердца: учащенное сердцебиение, замирание сердца, тяжесть, сдавливание в области сердца и пр. Резкая слабость, одышка сопровождали приступы у шести пациентов. Также были выявлены пациенты с малосимптомным течением (семи пациентов). ФП у них была выявлена в ходе планового обследования либо при лечении другого заболевания. Такие пациенты не ощущали выраженного физического дискомфорта, испытывали замешательство при установлении диагноза, нередко отмечали фрустрированность трудностями распознавания нарушения ритма сердца. В самоотчетах часть пациентов отмечали выраженную обеспокоенность и нервозность, как связанную с предстоящим лечением, так и отражающую устойчивый эмоциональный фон. Кроме того, типичными были жалобы на повышенную раздражительность (9 чел.), слезливость и угнетенное настроение (6 чел.) в связи с болезнью. Пять пациентов указывали на выраженный страх, связанный с приступами аритмии; подобные фобические реакции были характерны в большей степени для женщин.

По результатам использования методики «ИТТ» был выявлен высокий уровень личностной тревожности у 9 пациентов, при этом достоверно выше ($p < 0,05$) он у пациентов, проходящих повторное лечение, что, вероятно, свидетельствует о влиянии опыта неудачного вмешательства, снижении доверия к врачам и медицинским манипуляциям. Результаты использования методики «шкала самооценки депрессии» Зунга свидетельствуют об отсутствии проявлений депрессивного спектра у обследованных пациентов. Ведущими типами отношения к болезни, согласно результатам методики «ТОБОЛ», являются эргопатический (14 чел.) и сенситивный (7 чел.). Гармоничный тип был выявлен лишь в пяти случаях.

Таким образом, типичными являются защитные реакции компенсации фрустрированности болезнью активной деятельностью и профессиональными достижениями. Многим пациентам также свойственна повышенная чувствительность, ранимость и сосредоточенность на симптомах заболевания; такой тип реагирования достоверно ($p < 0,05$) чаще отмечается у больных, проходящих повторное интервенционное лечение.

Вывод. Особенности переживания болезни пациентами с фибрилляцией предсердий, проходящих интервенционное лечение методом катетерной абляции, являются выраженный уровень тревоги, обусловленной как ожиданием вмешательства, так и являющийся частью личностного образования. Преобладающими типами отношения к болезни являются эргопатический и сенситивный, при этом у пациентов, проходящих повторное лечение, значительно более выражен сенситивный компонент в структуре внутренней картины болезни.

Шелонина Т. В.

Горбатов С. В.

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Категория «отношение» является междисциплинарным понятием. Оно объединяет в единое целое разнообразные стороны познания. В отечественной психологии понятие «отношение» связано с именами таких исследователей, как А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев, Б. Г. Ананьев и др. Лазурским была разработана гипотеза нервно-психической организации личности. Личность, по мнению А. Ф. Лазурского, представляет собой единство двух психологических механизмов (Лазурский А. Ф., 1997). Внутренний психологический механизм, это эндопсихика – ядро человеческой личности, является скрытым основанием как внешних, так и внутренних проявлений психического. Вторая сторона – это отношение личности к среде. Понятие «среда» было истолковано не как биологическое, а как психологическое: среда как создаваемая личностью из множества объектов действительности. Сюда входят отношения: к людям, природе, материальным вещам, социальной группе, самому себе и духовным благам. В. Н. Мясищев, развивая идеи Лазурского об отношении личности, строит свою концепцию личности (Мясищев В. Н., 1995). Стержневой для него является идея субъектно-объектной связи. Эта связь индивидуальна, избирательна, сознательна, основана на опыте и выражается в действиях, переживаниях. С точки зрения В. Н. Мясищева, сущность личности определяется ее отношениями к окружающему миру, другим людям и себе. Отношения – движущая сила личности, они определяют цели, задачи, смысл жизни человека. Б. Г. Ананьев говорил о необходимости понимания личности в

системе социальных связей и отношений (Ананьев Б. Г., 2002). Он считал, что структура и динамика отношений (к обществу, к людям, к самому себе) наряду с социальной ролью, статусом, мотивами и ценностями являются характеристиками личности, определяющими ее жизненную направленность, мировоззрение, основные тенденции развития. Б. Ф. Ломов полагает, что личность необходимо рассматривать с позиции субъективно-личностных отношений, где основными считаются общественные отношения (Ломов Б. Ф., 1999). Личностные свойства как проявление социального качества индивида можно понять лишь при изучении его жизни в обществе. Индивиды – это объекты и субъекты общественных отношений.

Приведенные выше положения позволяют говорить о том, что личность мыслится большинством исследователей в отношениях, связях, статусах и т. п. Личность не может быть исследована без изучения общественных отношений. Объектом исследования в нашей работе были две группы испытуемых в возрасте от 14 до 17 лет:

1. Нормативная группа – успешные школьники.
2. Несовершеннолетние с аддиктивным поведением.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в системе отношений подростков с аддиктивным поведением наблюдается сильная деформация. Несовершеннолетние с аддиктивным поведением характеризуются высоким уровнем враждебности; им свойственны неуверенность в себе, импульсивность, пренебрежительное отношение к общественным нормам и правилам, эгоцентричность. У них наблюдаются трудности в осуществлении межличностных контактов и высокая степень конфликтности, что обуславливает определенную замкнутость и отчужденность. Подростки экспериментальной группы не ясно представляют свое будущее, оно выступает как отрицание настоящего. У них наблюдается отсутствие собственной жизненной программы. Они не доверяют себе, в результате чего испытывают чувство собственной неполноценности. Наиболее часто встречающимися темами в рассказах по тесту MAPS у подростков с аддиктивным поведением является: убийство, преступление, суицид, отношение к себе, будущее, любовь, дружба и отношение к семье. Следует отметить, что тема жалости к другим людям в этот перечень не входит.

Шухлова Ю. А.

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОДРОСТКОВ, СТРАДАЮЩИХ ДЕПРЕССИЕЙ

Одним из тяжелых периодов в жизни каждого человека является подростковый кризис. По мнению А. Н. Леонтьева, в подростковом возрасте происходит второе рождение ребенка. В этот период перед человеком открываются новые возможности и в то же время новые

сложности. Индивид в этот период времени приобретает чувство возрастной неполноценности (Бохан Т. Г., 2003). Все чаще подростки, которых не понимают, замыкаются в себе, отчуждаются от той среды, в которой живут, погружаясь в депрессию. Причина депрессии может развиваться при фрустрации двух потребностей (Бохан Т. Г., 2003):

- Аффiliationи (потребность во включенности, т. е. в данном контексте потребность включиться в круг сверстников);
- Приватизации (потребность в отделении от родителей). Подростки, больные депрессией, часто испытывают упадок сил, они апатичны и безынициативны. Снижение активности, отчужденность и самоизоляция от общества могут наблюдаться и при некоторых тревожных расстройствах, однако в большинстве случаев для таких больных характерно активное поведение и возбужденное состояние. Кроме того, данное расстройство может провоцировать попытки самоубийства, приводить к потере аппетита и утрате интереса к жизни.

В нашем исследовании мы предположили, что подросток, страдающий депрессией – будет иметь низкий личностный потенциал. Исследование проводилось в ОГУЗ ТКПБ (Томская клиническая психиатрическая больница) в подростковом отделении 15 г. Томска.

Материалы и методы исследования. Выборку составили подростки (шесть человек) из них три девушки и три молодых человека в возрасте с 12 до 17 лет.

До нас специалисты этого отделения диагностировали пациентов при помощи методики «CDI» («описание детской депрессии» М. Ковач). Результаты их исследования выявили наличие тяжелого состояния депрессии у подростков. При исследовании личностного потенциала у подростков, страдающих депрессией, мы использовали такие методики, как «жизнестойкость» (С. Мадди), «базисные убеждения» (Р. Янов-Бульман) и «субъективное благополучие» (Н. П. Фетискин). Использование данных методик для исследования личностного потенциала было обосновано доктором психологических наук, профессором С.А. Богомазом (Богомаз С. А., 2009). Результаты исследования. По методике определения «жизнестойкости», исходя из среднего балла, у всех респондентов были выявлены низкие показатели по шкалам «вовлеченность» (27,5 балла) и «контроль» (22,3 балла), т. е. респонденты неспособны включаться в решение жизненных задач, контролировать свои действия, свое состояние здоровья и находиться в контакте с окружающим миром. Показатели по шкале субъективного благополучия (средний показатель по выборке составил 9 баллов) говорят о том, что подростки, скорее всего, не удовлетворены собой и своим положением, лишены доверия к окружающим и надежды на будущее. Они испытывают

трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенны, негибки, постоянно беспокоятся по поводу реальных и воображаемых неприятностей.

Эти результаты подкрепляются и данными, полученными по методике «базовые убеждения», по которой показатели соответствуют норме (3,5 балла) по таким шкалам, как: благосклонность мира, доброжелательность людей, справедливость мира, контролируемость мира, случайность и ценность «Я». По шкалам «самоконтроль» и «везение» методики «базовые убеждения», респонденты демонстрируют показатели ниже нормы (2,8 балла). Данные результаты свидетельствуют о том, что подростки склонны доверять миру с убежденностью в том, что он к ним благосклонен. Им присуще чувство справедливости в том контексте, что каждый получает то, что заслуживает, при этом – они не верят в удачный ход событий своей жизни и не питают надежд на будущее. Подростки уверены в способности контролировать происходящее, но при этом не склонны доверять себе.

В ходе проделанной работы мы подтвердили свою гипотезу, что подростки, страдающие депрессией, имеют низкие показатели личностного потенциала. Более того, полученные результаты позволяют утверждать, что депрессия может тормозить развитие личностного потенциала, т. к. это ригидная форма поведения «притупляет» активный рост подростка и способствует развитию фиксированных форм поведения. В заключение хотелось бы добавить, что низкий личностный потенциал имеет свою динамику, он развивается в течение жизни, и можно предположить, что после лечения и активной включенности в жизнь, получения необходимой психологической поддержки возможно повышение личностного потенциала за счет внутренних ресурсов.

Щевлягина М. Б.

ИГРОВАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ АДДИКЦИЯ У ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ И ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Актуальность изучения аддиктивных расстройств обусловлена широкой распространенностью и влиянием на деструктивное поведение. Компьютерные интернет-зависимости являются новыми клиническими формами аддиктивного поведения. Особый интерес представляет изучение дезадаптивной и компенсаторной функций игровой компьютерной аддикции у психически больных с шизофренией, эпилепсией, расстройствами личности, алкоголизмом и наркоманией. Это связано с тем, что в структуру данных заболеваний входят облигатно значимые психопатологические феномены, которые могут играть существенную роль в развитии т. н. расстройств привычек и влечений.

Научная проблема данного исследования заключена в необходимости изучения наличия и характера взаимосвязи зависимости

от компьютерных игр с особенностями антиципационной и волевой деятельности у психически больных и лиц с девиантными формами поведения. Целью исследования является изучение взаимосвязи зависимости от компьютерных игр со спецификой антиципационной и волевой деятельности у психически больных и лиц с девиантными формами поведения.

В рамках обозначенной в ходе теоретического анализа проблемы и в соответствии с целью исследования, были выдвинуты гипотезы:

1. Патологическая игровая компьютерная деятельность имеет специфические психологические особенности и проявления при разных психических расстройствах и девиантных формах поведения.

2. Патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением антиципационной и волевой способностей личности психически больных и лиц с девиантными формами поведения.

В реализованном исследовании приняли участие лица мужского пола 20–30 лет, проходившие лечение в РКПБ им. В. М. Бехтерева г. Казани и в Казанском городском наркодиспансере. Вся выборка была разделена на 5 экспериментальных групп: больные шизофренией (27); эпилепсией (18); расстройствами личности (15); алкоголизмом (17); наркоманией (15). Контрольную выборку составили здоровые испытуемые (не состоящие на учете у психиатра и нарколога) того же возраста (28). Каждой из групп был предложен следующий блок психодиагностических методик:

1. тест «склонность к зависимому поведению» В. Д. Менделевича,
2. разработанная анкета,
3. тест «антиципационной состоятельности» В. Д. Менделевича,
4. нормированная шкала диагностики волевых расстройств

Л. О. Пережогина.

Перед началом обследования с каждым пациентом проводилась индивидуальная беседа. Все полученные данные впоследствии подверглись корреляционному и дивергентному анализу. Изучение специфики антиципационной и волевой деятельности у лиц с психическими заболеваниями (шизофренией, эпилепсией, расстройствами личности) и девиантными формами поведения (алкоголизмом, наркоманией) позволило пролить свет на особенности возникновения игровой компьютерной зависимости у данных больных. Было обнаружено, что в каждой группе испытуемых игровая аддикция взаимосвязана с комплексом различных особенностей антиципационной и волевой сферы.

Таким образом, была подтверждена гипотеза № 1 о том, что патологическая игровая компьютерная деятельность имеет специфические психологические особенности и проявления при разных психических расстройствах и девиантных формах поведения. Однако в ходе исследо-

вания было выявлено, что нарушения антиципационной состоятельности и волевой деятельности имеют место лишь у больных эпилепсией, наркоманией и расстройствами личности. Соответственно в этих группах пациентов игровая компьютерная зависимость представляет наибольшую угрозу для психологического благополучия и развития личности. У больных шизофренией, алкоголизмом и у контрольной группы – здоровых испытуемых данных расстройств обнаружено не было. Наоборот, было отмечено улучшение показателей.

Таким образом, игровая компьютерная деятельность оказывает положительное влияние, снижая уровень переживания болезни. Соответственно гипотеза № 2 о том, что патологическая игровая компьютерная деятельность связана с нарушением антиципационной и волевой способностей, подтвердилась частично (не для всех групп больных). Однако, принимая во внимание природу возникновения склонности к зависимому поведению в отношении компьютерных игр у больных шизофренией, не стоит строить благоприятного прогноза. Не исключено, что с развитием черт зависимой личности появятся и нарушения волевой и антиципационной сферы. Да и в случае с больными алкоголизмом можно считать сомнительным выбранный ими способ компенсации, поскольку возникновение новой зависимости может привести много новых проблем в жизнь аддикта.

Яковлева А. С.

Жирков А. М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ К БОЛЕЗНИ ЛИЦ С ОНКОГЕМАТОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Цель исследования – изучить основные компоненты адаптации личности к болезни и лечению при хроническом миелолейкозе (ХМЛ) и хроническом лимфолейкозе (ХЛЛ). Задачи исследования: у лиц, страдающих ХМЛ и ХЛЛ, выявить доминирующие эмоциональные состояния, изучить особенности «внутренней картины болезни», особенности «терапевтического поведения» (комплаенса), особенности психологического преодоления стресса болезни (копинг-стратегии), взаимосвязь основных компонентов психологической адаптации личности к болезни с клинико-биологическими характеристиками.

Методы исследования: «методика определения доминирующего состояния» (ДС) (Куликов Л. В., 2002), «тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) (Вассерман Л. И., 2002), «способы копинга» (Вассерман Л. И., 1999), «уровень субъективного контроля» (УСК) (Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд Л. М., 1993).

Материалы исследования: данные психологического исследования 39 больных ХМЛ и ХЛЛ, среди них 20 мужчин и 19 женщин;

средний возраст изученных больных составил 54, 55 лет. Исследование проводилось в Федеральном центре сердца, крови и эндокринологии им. В. А. Алмазова, на базе Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И. П. Павлова.

Результаты исследования: лиц, страдающих ХМЛ, в отличие от больных ХЛЛ, характеризует более пассивное отношение к жизни; большая тревожность, лабильность эмоционального состояния. В свою очередь, больные ХЛЛ более критичны в самооценивании. У больных ХМЛ и ХЛЛ чаще всего встречаются следующие типы отношения к болезни: гармоничный, эргопатический, анозогнозический, ипохондрический, меланхолический, эргопатический, сенситивный. Больные ХМЛ и ХЛЛ используют стратегии конфронтации, дистанцирования, поиска социальной поддержки, самоконтроля, планирования решения проблемы. Больным ХМЛ присущ более высокий уровень субъективного контроля личности над сферами отношений и достижений, чем больным ХЛЛ. При лимфо- и лейкоцитозе у больных ХМЛ и ХЛЛ наблюдаются выраженные изменения в оценке своего состояния, уровне субъективного контроля личности над значимыми сферами жизни, способах преодоления стресса, связанного с заболеванием. Полученные данные могут быть использованы при психологическом сопровождении лечебного процесса, при планировании психокоррекционной и социореабилитационной работы.

Яшанина А. А.

ЭЭГ-КОРРЕЛЯТЫ КРЕАТИВНОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ

В последнее время большое внимание уделяется изучению нейробиологических основ творческих способностей и выяснению особых личностных характеристик творческих людей. Хотя, согласно литературным данным, многие личностные черты могут быть связаны с креативностью, мы решили остановиться на чертах, выделяемых К. Г. Юнгом [Юнг, 2001]. Это было обусловлено тем, что широко известна гипотеза Г. Айзенка о связи экстраверсии с фоновым активационным состоянием коры, а, с другой стороны, согласно представлениям К. Мартиндейла, высокой креативности сопутствует сравнительно низкая активация коры.

В исследовании принимали участие 48 человек (студенты НГТУ, юноши). Деление на группы высоко- и низкокративных лиц осуществлялось по успешности решения эвристической задачи. Для определения личностных черт использовали опросники Г. Айзенка EPQ и Д. Кейрси. Активность коры головного мозга регистрировали при помощи 16-канального отведения биопотенциалов и с использованием программы «Нейрокартограф» определяли показатели мощности и когерентности биопотенциалов для шести частотных диапазонов (тета-1,

тета-2, альфа-1, альфа-2, бета-1 и бета-2) фоновых значений ЭЭГ. Факторный анализ показателей экстраверсии, мощности, частоты и когерентности биоэлектрических потенциалов проводили отдельно для каждого частотного диапазона в группах высоко- и низкокреативных студентов.

Различия в факторной структуре в зависимости от креативности были установлены для показателей частоты и когерентности биоэлектрических потенциалов. Для левого полушария факторная структура экстраверсии и ЭЭГ-характеристик была сходна, а для правого полушария – отличалась, что соответствует литературным данным о доминировании функций правого полушария в творческом процессе.

При анализе показателей межполушарной когерентности в гомологичных отведениях левого и правого полушария вклад экстраверсии в структуру ритмов биоэлектрических потенциалов также был отмечен только для группы высококреативных испытуемых.

В ходе факторного анализа показателей индивидуальной средней частоты биоэлектрических потенциалов были выделены три наиболее информативных частотных диапазона: тета-2 (4–6 Гц) и бета-1,2-диапазоны (15–30 Гц). Для тета-2-диапазона межгрупповые различия касались степени взаимосвязи уровня экстраверсии и регионарных изменений пиковой частоты мощности этого ритма.

В результате корреляционного анализа установлено, что чем выше значения экстраверсии, тем ниже частота тета-2-ритма в правой височной области коры. Этот факт также подчеркивает особое значение правого полушария и является подтверждением гипотезы Г. Айзенка о меньшей активации коры у экстравертов. В ходе анализа индивидуальной частоты бета-ритмов фактор «Экстраверсия» со значимыми нагрузками от показателей частоты бета-ритма был выделен только в группе высококреативных лиц. Для этой группы выявлены положительные корреляции между экстраверсией и частотой бета-2-ритма, достоверные для биоэлектрических потенциалов преимущественно передней части коры и правого полушария. С использованием факторного анализа показателей средней частоты биоэлектрических потенциалов в шести выделенных диапазонах ЭЭГ и значений по шкалам «ощущение» (S), «мышление» (Т) и «рассудочность» (J) для групп низко- и высококреативных испытуемых различия в факторной структуре было обнаружено только для функций «ощущения» и «мышления». В группе высококреативных лиц значения этих функций входили в отдельный фактор, сформированный вместе с нагрузкой от показателей частоты мощности биоэлектрических потенциалов в бета-2 и тета-1-диапазонах. Для низкокреативной группы функция «ощущения» была связана с показателями тета-1 и альфа-1 ритмов, а функция «мышления» с бета-1 и альфа-1-ритмами. Для функции «рассудочность» значимые различия в формировании факторов между группами не были установлены.

Полученные данные свидетельствуют, что высококреативные лица по частотным характеристикам ЭЭГ отличаются большей склонностью к диффузным широко распределенным корковым процессам, имеющим разные формы «подготовки» активности мозга к дальнейшей деятельности в зависимости от преобладания функций «ощущение–интуиция» и «мышление–чувство». Кроме того, на основе полученных данных можно сделать вывод о том, что потенциал развития творческих способностей у низкокреативных лиц тем выше, чем выше их иррациональные личностные особенности. Таким образом, подтверждена ведущая роль в организации творческой деятельности правого полушария, функциональную активность которого связывают с иррациональными формами мышления.

Педагогическая и возрастная психология*Анискевич Е. И.**Юхновец Т. И.***РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ**

Формирование профессионального самосознания личности будущих специалистов в процессе учебно-профессиональной деятельности является актуальной проблемой современной психологии, что связано с изменившимися социальными и экономическими условиями, новациями в области профессионального образования. Профессиональное самосознание выступает в качестве центрального психического новообразования студенческого возраста и является важнейшим элементом психологической культуры будущего специалиста, а развитие профессионального самосознания рассматривается как основное содержание процесса профессионализации (Кудрявцев Т. В., 1986). Теоретический анализ психологической литературы позволяет констатировать многообразие точек зрения на проблему профессионального самосознания. Данный феномен рассматривается как осознание человеком своей принадлежности к профессиональной группе (Парыгин Б. Д., 1971), как средство саморегуляции личности, выражающееся в осознании собственных психических особенностей, анализе себя как субъекта деятельности, осознании и оценке системы отношений (Фам Т. Н., 1989).

С целью развития профессионального самосознания студентов-психологов нами была разработана программа психолого-педагогического тренинга. На наш взгляд, специально организованный тренинг развития профессионального самосознания, включающий, помимо специальных психокоррекционных техник, дискуссионные методы группового принятия решений, лекции, является одной из наиболее удобных, конструктивных форм психологической работы со студентами-психологами. Тренинг также предоставляет возможность самоанализа, который как средство самосознания способствует личностному и профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию (Богомаз С. Л., 1997).

В качестве методологической основы при разработке тренинга мы придерживались позиции П. Л. Шавира, который определяет профессиональное самосознание как установку по отношению к себе как субъекту профессиональной деятельности и осознание себя в этой деятельности (П. Л. Шавир, 2005).

Разработанная программа была реализована в 2010 на базе Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. В исследовании принимали участие студенты третьего курса (10 человек). Занятия проводились два раза в неделю по 1 часу

20 минут в течение пяти недель. В процессе реализации программы тренинга решались задачи: развитие когнитивного (расширение системы знаний о себе как личности и профессионала), аффективного (выработка адекватной самооценки) и поведенческого (закрепление собственной Я-концепции в конкретных ситуациях взаимодействия, развитие эффективной саморегуляции) компонентов профессионального самосознания.

Для оценки эффективности разработанной программы использовалась методика «семантический дифференциал» Ч. Осгуда, в качестве объектов оценивания выступили имеющиеся у студентов образы «Я-реального», «Я-студента» и «Психолога». Для сопоставления показателей по шкалам, измеренным у испытуемых до и после реализации программы, использовался Т-критерий Вилкоксона. По трем из девяти переменных были выявлены статистически значимые сдвиги оценок в направлении их увеличения после проведения тренинга, а именно: «Сила Я-реального» ($T = 5,5; p < 0,05$), «Активность Я-реального» ($T = 5; p < 0,01$), «Активность Психолога» ($T = 5; p < 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что произошло развитие волевых осознаваемых качеств третьекурсников, их уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях; повысилась их активность, общительность, экспрессивность. Кроме того, изменился образ психолога, в котором последний предстает более активным, энергичным, деятельным, невозмутимым человеком. Можно сделать вывод о том, что проведение занятий сказалось в большей степени на поведенческом компоненте самосознания студентов, что в целом согласуется с теоретическими разработками по проблемам развития и формирования профессионального самосознания, согласно которым образ Я отличается определенной устойчивостью к различного рода психологическим воздействиям, особенно за небольшой промежуток времени, а также реализуется основной принцип деятельностного подхода, согласно которому личность развивается в значимой деятельности. На наш взгляд, необходимо усилить проводимую систематическую работу по развитию профессионального самосознания студентов-психологов на протяжении всего периода обучения в вузе, что будет способствовать более высокому уровню осознанной целенаправленной их активности.

Антонян Л. В.

Петанова Е. И.

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

В отечественной литературе адаптация рассматривается как многоуровневый, динамический процесс, имеющий свою структуру, определенную последовательность к особенностям протекания (Д. Л. Андреева, Н. А. Довголевская, Л. Г. Егорова, И. А. Милославова, Ю. С. Колесов, П. А. Просецкий и др). Адаптация всегда связана с переходом на новые режимы, вхождением в новые социальные роли, т. е. с определенной перестройкой личности. Вхождение молодых людей в систему вузовского обучения и приобретение ими нового социального статуса студента предполагает процесс адаптации, который может протекать без психофизиологических срывов, а может создавать для начинающих студентов существенные сложности на начальном этапе их вузовского обучения. Адаптация к вузовскому обучению преимущественно содержит социально-психологический аспект – это преобразование стиля взаимодействия личности в новой социальной среде (в учебной группе) и приобретение нового социального статуса. В процессе социальной адаптации реализуются значимые потребности молодых людей, такие как потребность в достижении, признании различных способностей, определяющих ролевую статус студента в группе.

Однако ситуация вузовского обучения может иметь целый ряд факторов, по отношению к которым у студентов на начальном этапе обучения не сформирована стрессоустойчивость (ситуация устных выступлений на семинарах, выполнение контрольных, зачеты и экзамены). Некоторым студентам не хватает личностных ресурсов для адаптации к условиям и требованиям вузовского обучения. Личностный адаптационный ресурс может быть еще более ограничен, если студенту приходится обучаться на неродном языке. Очевидно, что адаптация российских и иностранных студентов к вузовскому обучению имеет как единообразие, так и различия.

Изучению специфики факторов, связанных с процессом социально-психологической адаптации российских и иностранных студентов, была посвящена наша эмпирическая работа. Группа иностранных студентов состояла из китайских студентов первого курса, обучающихся на филологическом, психологическом и факультете социологии, в возрасте от 20 до 24 лет, общей численностью в 20 человек, из которых 12 были девушки и 8 юноши. Психологическая диагностика была выполнена в процессе работы волонтерского семинара по оказанию помощи в организации процесса обучения и его психологическом сопровождении. Группа российских студентов первого курса обучения была

сформирована из бакалавров экономического факультета. Их возраст: от 18 до 22 лет, общая численность – 52 человека, из которых 19 юношей и 33 девушки.

Исследование проводилось в процессе изучения курса «Психология», методики выполнялись студентами самостоятельно в рамках домашней работы по курсу. Статистическая обработка информации была проведена нами по программе SPSS. По результатам полученной статистики адаптированность как свойство личности соответствует среднему уровню выраженности и у группы российских студентов, и у группы иностранных студентов. Была выявлена тенденция, по которой можно считать, что в среднем показатель «адаптированность» выше у иностранных студентов ($26,3 \pm 6,8$ и $23,5 \pm 5,6$).

При изучении уровня психологической гибкости поведения, потребности в достижении и стрессоустойчивости значимых различий между сравниваемыми группами не обнаружено. Можно констатировать наличие тенденции, которая проявилась в том, что уровень психологической гибкости в среднем значении выше у российских студентов и составляет $5,2 \pm 1,9$, а у иностранных студентов он равен $4,7 \pm 3,1$. Потребность в достижении у российских и китайских студентов одинакова ($11 \pm 3,4$, $11,1 \pm 4,3$). По показателю «стрессоустойчивость» значения выше у иностранных студентов ($21,8 \pm 5,5$, $19,5 \pm 6,5$). Значимые различия обнаружены при сравнении характеристики «потребность в одобрении», у группы иностранных студентов показатель по этой характеристике ниже, чем у группы российских студентов ($6,1 \pm 3,0$, $8,4 \pm 3,2$). С нашей точки зрения, выявленное различие может быть объяснено тем, что российским студентам в большей мере, чем иностранным необходимо отстаивать свою роль в группе и в связи с этим потребность в одобрении приобретает большую ситуационную значимость. Срезное исследование личностных факторов, связанных с процессом адаптации у российских и иностранных студентов-первокурсников, показало, что по изученным характеристикам различия проявились только в том, что касается потребности в одобрении, которая у российских студентов более выражена, чем у иностранцев.

Афанасьева А. С.

Селин А. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Рефлексия и управление эмоциями являются одними из важнейших умений специалистов, работающих с людьми. Поэтому для студентов, получающих образование в области медицины и психологии, основной задачей представляется развитие качеств, которые включает

в себя понятие эмоционального интеллекта. Компоненты эмоционального интеллекта рассматриваются в литературе как ментальные способности, которые могут формироваться и совершенствоваться вне зависимости от возраста и индивидуальных особенностей. Таким образом, выделение психологических факторов, которые являются предпосылками к их развитию, имеет важное прикладное значение. В зависимости от направления обучения специалистов-психологов и медицинских работников, повышая некоторые психологические характеристики, можно воздействовать на развитие эмоционального интеллекта еще на этапе профессиональной подготовки. Таким образом, нами была поставлена проблема взаимосвязи психологических факторов: рефлексии и осмысленности жизни на развитие эмоционального интеллекта.

Для проведения исследования роли психологических факторов на развитие эмоционального интеллекта нами был использован следующий измерительный инструментарий: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика Карпова А. В. «диагностика рефлексии», методика оценки эмоционального интеллекта Н. Холла. Для изучения взаимосвязи психологических факторов с компонентами эмоционального интеллекта мы использовали план многомерно корреляционного исследования, а для изучения динамики показателей на протяжении обучения и сравнения их на различных факультетах корреляционный план сравнения двух групп.

Для статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена и U -критерий Манна-Уитни для сравнения двух независимых групп. В исследовании приняли участие 247 студентов Курского медицинского университета второго и пятого курсов факультетов лечебного, фармацевтического и клинической психологии.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные: при высоком уровне общего показателя осмысленности жизни наблюдаются высокие показатели всех компонентов эмоционального интеллекта. Высокие показатели локуса контроля-Я соответствуют высоким показателям самомотивации ($p = 0,0012$), управления своими эмоциями ($p = 0,000000$), распознавания эмоций других людей ($p = 0,0041$), что свидетельствует о том, что способность контролировать свою жизнь и принимать самостоятельные решения взаимосвязана с самообладанием и мотивацией собственными убеждениями, а также способностью к пониманию посторонних эмоциональных состояний и реакций. Эмоциональная осведомленность студентов тем выше ($p = 0,00043$), чем выше рефлексивность, т. е. возможность взглянуть внутрь себя позволяет признать ошибки, а также увидеть другие ситуации.

Высокие показатели эмоционального интеллекта связаны также со смысложизненными ориентациями «Цель в жизни» и «Процесс жизни». Обнаружена положительная и высоко значимая корреляция ориентации на будущие цели и представления с показателями самомотивация ($p = 0,000031$), эмпатия ($p = 0,047$), распознавание эмоций других людей ($p = 0,000392$), а также управление своими эмоциями ($p = 0,000024$), что мы понимаем как прогнозирование последствий и соотнесение их с установками на будущее, ориентацию на важность эмоциональных контактов в будущем. Обнаружена взаимосвязь всех показателей эмоционального интеллекта на высоком уровне значимости с ориентацией на процесс, что говорит о том, что осмысленность настоящих и ситуативных эмоциональных контактов способствует повышению контроля за своими эмоциональными реакциями и наблюдению за эмоциями других людей. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что развитие эмоционального интеллекта при подготовке специалистов-психологов и врачей различного профиля может происходить с помощью работы над рефлексивностью и повышением уровня осмысленности жизни. Интеграция личного эмоционального опыта в таком случае будет способствовать расширению границ профессиональных навыков, профилактике эмоционального выгорания и сохранению адаптивности собственного поведения.

Бабушкина О. Н.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ К САМОРЕАЛИЗАЦИИ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

В современной психологии уделяется большое внимание изучению проблемы самореализации, что непосредственно связано с исследованием внутренней активности личности; возможности максимально-го использования ресурсов (внешних и внутренних) для полного самореализации личности в процессе ее развития (Дерманова И. Б., 1998). Самореализация рассматривается как необходимое условие этого развития. Семья является одним из главных факторов, влияющих на процесс самореализации личности подростка. Выступая в качестве источника становления и развития личности ребенка, она способна формировать сильный побудительный мотив для личностного роста, что является неотъемлемой предпосылкой для самореализации личности (Коростылёва Л. А., 1998).

В настоящее время постоянно увеличивается количество детей, лишенных родительского попечения. По разным оценкам специалистов, в России сейчас насчитывается около полумиллиона детей-сирот, около 10% из них – «настоящие» сироты, родители которых умерли, остальные – социальные сироты, т. е. дети, лишенные семьи при живых роди-

телях. В нашем исследовании был сделан акцент на изучение особенностей мотивации к самореализации девочек-подростков, имеющих неблагоприятный опыт семейного воспитания. Выборка исследования составила 38 девочек-подростков в возрасте 13–16 лет. Из них 26 – учащиеся восьмого и девятого класса Мариинской гимназии-интерната; 12 – социальные сироты, проживающие в детском доме. Стоит заострить внимание на специфике Мариинской гимназии. Она изначально заявляла себя как образовательное учреждение, ориентированное на развитие в девочках «благородных» качеств, первый набор (сейчас 8–9 класс) осуществлялся с акцентом на девочек с неблагоприятной семейной ситуацией.

В результате исследования мы выявили некоторые особенности мотивации к самореализации девочек-подростков, имеющих неблагоприятный опыт семейного воспитания. У девочек обеих выборок преобладает высокая и средняя мотивация достижения успеха.

Результаты факторного анализа, где первый компонент, названный нами «ориентация на внутренние ресурсы достижения успеха» имеет самый большой «вес» (42%), свидетельствует о преобладании у девочек внутренней мотивации к самореализации. В структуре мотивации достижения успеха девочек обеих выборок преобладает интериоризация успеха. Высокий процент девочек считают успехом преодоление препятствий (27% девочек гимназии, 25% девочек из детского дома), признание (39% и 42% соответственно).

Нами было замечено, что девочки обеих групп в большинстве своём связывают успех с удачей, везением (73% девочек гимназии, 100% девочек из детского дома). Низкие показатели получились у девочек по шкале успех как власть (86% и 75% соответственно) и успех признание другими (67% и 50%).

Полученная в результате факторного анализа вторая компонента – «ориентация на внешние признаки достижения успеха» имеет сравнительно малый вес (14%). В состав третьей компоненты – «успех как доминирование над другими» вошли мотивация избегания неудач и успех как власть, которые имеют обратную зависимость. Такие результаты могут быть следствием отсутствия у девочек потребности доминирования над другими, отсутствия желания контролировать самим свое социальное окружение, быть ведущими, а не ведомыми; а также говорят об отсутствии потребности быть признанными, уважаемыми своим социальным окружением.

Это может являться следствием влияния той среды, в которой они находятся – и в детском доме, и в гимназии-интернате: им практически не дают права выбора, свободы действий, они привыкли к атмосфере полного контроля.

Сравнение двух выборок по Т-критерию Стьюдента показало, что не существует достоверных различий между мотивацией к самореализации у девочек-подростков, учащихся гимназии-интерната, и девочек-социальных сирот.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что девочки, при наличии у них внутренней мотивации к самореализации, в большинстве своем не видят того необходимого для самореализации что может и предоставляет им социальная среда, социальное окружение. Не сформированная внешняя мотивация к самореализации свидетельствует о слабо выраженном стремлении к достижениям в окружающем социуме. Кроме того, полученные нами результаты убеждают нас в том, что образовательная стратегия сосредоточения в одном образовательном учреждении для девочек-подростков из семей с неблагоприятной семейной ситуацией вряд ли может считаться психологически обоснованной и конструктивной.

Багненко Е. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНЩИНОЙ СВОЕГО ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

На протяжении многих лет лица и тела с видимыми отличиями связывались в обыденном сознании со злом или жестоким поведением (Zeidner M., Endler N. S., 1996). Наличие морщин у женщины ассоциируется с существованием у нее неких болезней (Myers T. A., Crowther J. H., 2009), что на подсознательном уровне делает ее менее привлекательной для мужчин, поскольку приятные черты наряду с другими биологическими сигналами служат в популяции факторами отбора для продолжения рода наиболее полноценных особей (Salter F., 1996). В одних культурах тенденция к выщипыванию бровей или увеличению объема губ является данью мод, т. е. желанию выглядеть «как все», в то время как в других культурах, чтобы выглядеть как все, нужно иметь густые сросшиеся или дорисованные на переносице брови.

История не знает такой культуры, которая бы так или иначе не регламентировала определенные параметры внешнего вида человека, не выдвигала бы в качестве образцов для подражания какие-то идеальные модели и не создавала условий для их внедрения в сознание человека (Лелеко В. Д., 1994), при этом установлено (Myers T. A., Crowther J. H., 2009), что женщины оказываются недовольными своей внешностью, только сравнивая себя с другими. Подражание и эмоциональное заражение (Вилюнас В. К., 1990) – известный, хотя и малоизученный психологический феномен, в основе которого, как полагают, лежат не только социально-адаптивные механизмы, но и безусловные рефлексy. Вместе с тем манера одеваться, причесываться, пользоваться макияжем свиде-

тельствует об отчетливом желании «выделиться из толпы», привлечь на себя внимание, это стремление, как известно, оказывается максимально выраженным при участии в публичных мероприятиях с большим количеством людей. Это желание выделиться из общей массы, по нашему убеждению, в основе своей имеет безусловнорефлекторный характер: психологам известен факт, что непосредственно перед овуляцией и в течение нескольких дней после нее женщины ведут себя и одеваются более провокационно в плане их сексуальной привлекательности (Gallup G. G. Jr., Frederick D. A., 2010).

Целью настоящего исследования явилось изучение побудительных мотивов обращения женщин в косметологическую клинику для коррекции их внешности. С использованием клинико-психологического метода (включенное наблюдение и структурированное интервью) изучены мотивы 60 женщин в возрасте от 17 до 67 лет. Параллельно с изучением мотивов с помощью визуального наблюдения и уточняющих вопросов оценивалась их манера одеваться, причесываться и пользоваться декоративной косметикой.

Установлено, что как бы клиентки ни формулировали свои мотивы обращения к врачу-косметологу, фактически они сводятся к желанию, чтобы их внешность, в первую очередь лицо, соответствовало некоему общепринятому в их понимании стандарту, представления о котором сформированы у них на основании образов, фигурирующих в средствах массовой информации, мнений родственников, знакомых, а также интервью медийных лиц различным печатным изданиям. Другим фактором оказывается реклама различных косметических средств и методов лечебной косметологии, из которой некоторые женщины выясняют, что они отстали от жизни и что все давно уже этим пользуются, хотя профессионалу видно, что демонстрируемые эффекты от применения чудодейственных кремов на самом деле результат применения ботокса, пилинга, наполняющих методик или методов пластической хирургии.

Итак, в формировании женщиной своего внешнего облика прослеживаются две противоположные тенденции – иметь внешность максимально приближенную к некоему стандарту и одеваться, делать прическу и использовать декоративную косметику таким образом, чтобы выделиться из общей массы. Данное противоречие служит еще одной иллюстрацией философского закона единства и борьбы противоположностей.

Болтик Г. В.

ИЗУЧЕНИЕ САМООЦЕНКИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ КРЕАТИВНОСТИ

В современной психологии все чаще декларируется принцип гуманизации в обучении, воспитании и развитии каждого ребенка, причем приоритетной признается направленность на развитие личности и способностей ребенка. В связи с этим актуальными становятся исследования, направленные на изучение личностных особенностей, а именно самооценки детей, способствующей реализации творческого потенциала ребенка, начиная с самого раннего возраста (Д. Б. Богоявленская, Л. А. Венгер, В. Н. Дружинин, О. М. Дьяченко, А. В. Запорожец). Разработка данной темы поможет глубже понять природу детской креативности, разработать методы их диагностики, проследить преемственность детского сада в развитии креативности детей.

Так как целью исследования является определение уровня самооценки старших дошкольников с высоким уровнем креативности, нами были предложены следующие методики: краткий тест творческого мышления П. Торренса «незавершенные фигуры» (фигурная форма), адаптированный И. С. Авериной, Е. И. Щеплановой; методика исследования самооценки «лесенка». Исследование проводилось на базе трех дошкольных учреждений г. Гомеля: два неспециализированных детских сада г. Гомеля и один специализированный детский сад г. Гомеля с эстетическим уклоном.

На начальном этапе исследования выборка была поделена на две части: 39 дошкольников (5–6 лет), обучающихся в неспециализированном дошкольном учреждении и 26 дошкольников, обучающихся в специализированном дошкольном учреждении. После диагностики уровня креативности с помощью краткого теста творческого мышления П. Торренса «незавершенные фигуры» (фигурная форма), адаптированный И. С. Авериной, Е. И. Щеплановой, была вновь сформирована выборка, состоящая из двух групп: старшие дошкольники с высоким уровнем креативности в количестве 16 дошкольников и старшие дошкольники со средним и низким уровнем креативности – 49 дошкольников. Анализируя полученные данные, можно утверждать, что 80% креативных детей, составляющих выборку, обучаются в специализированном детском саду.

Для того, чтобы доказать значимость результатов данной методики, мы использовали метод f^* – углового преобразования Фишера. С помощью методики «лесенка» мы можем сделать вывод о том, что у старших дошкольников со средним и низким уровнем креативности преобладает высокий уровень самооценки: «Я – хороший». У старших

дошкольников с высоким уровнем креативности преобладает высокая самооценка: «Я – самый хороший».

Таким образом, если высокая самооценка сочетается с высоким уровнем креативности, творческий человек хорошо адаптирован к среде, активен, эмоционально уравновешен. В литературе, в частности в исследованиях Е. Л. Солдатовой, Г. Н. Лавровой сочетание самооценки и креативности предрасполагает к выбору разных сфер социальной активности. В том случае, когда высокая самооценка сочетается с высоким уровнем креативности, творческий человек хорошо адаптирован к среде, активен, эмоционально уравновешен, независим. Наоборот, при сочетании креативности с невысокой самооценкой, человек чаще всего невротичен, тревожен, плохо адаптирован к требованиям социального окружения. (Бурлачук Л. Ф., 2007)

Болтик Г. В.

Наркевич Т. Ю.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В современных социокультурных условиях приоритетным направлением деятельности средней школы является формирование стрессоустойчивости старших школьников в предэкзаменационный период. Важной проблемой при этом является психолого-педагогическая подготовка всех участников данного процесса: учителей, школьников и их родителей. Стрессоустойчивость определяется совокупностью личностных качеств, позволяющих человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки, обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья. Одним из наиболее ярких показателей предэкзаменационного стресса учеников является высокий уровень тревожности. Тревожность как личностное свойство – наиболее значимый риск-фактор, ведущий к повышению чувствительности к стрессу, затрудняет интеллектуальную деятельность, вызывает неуверенность в собственных способностях. Поэтому целью исследования и разработки программы стало развитие стрессоустойчивости старшеклассников.

Работа в рамках развития стрессоустойчивости строилась с учетом следующих этапов:

- психодиагностическое исследование старшеклассников по методике самооценки ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга;

- проведение психокоррекционной программы, направленной на обеспечение учеников знаниями о возможностях саморегуляции и

практических техник релаксации, знакомство со способами определения стрессовых ситуаций;

– вторичная психодиагностика уровня ситуативной и личностной тревожности по методике Ч. Д. Спилберга.

В исследовании приняли участие 68 учеников из трех девятых классов СОШ № 53 г. Гомеля: 43 человека из экспериментальной группы (два класса) и 25 человек из контрольной группы (один класс). Анализ полученных данных при помощи методики показал, что общий уровень тревожности каждого класса в отдельности находится либо в пределах крайней границы нормы, либо показатели уровня тревожности располагаются за пределами показателей нормы.

Таким образом, были получены следующие результаты: 45,1 и 45,8 баллов при условии заранее заданного в методике Ч. Д. Спилберга оптимального уровня тревожности в пределах от 31 до 45 баллов. Программа рассчитана на восемь встреч по одному часу каждая. Включает в себя упражнения по развитию навыков уверенности в себе, самообладания, целеполагания, саморегуляции и др. В план занятий были включены психологические техники эффективного усвоения информации, техники дыхательных упражнений. Участники получали общие представления о взаимосвязи работы организма и психики на всех уровнях – от ведущего типа темперамента и преобладающего вида памяти до проявлений в поведении личности. Кроме того, испытуемым предоставлялся раздаточный материал, позволяющий работать самостоятельно после тренинга.

На повторной диагностике вновь использовалась та же методика. В экспериментальную группу вошли 43 человека, в контрольную – 25 человек. Путем сравнения результатов диагностики до и после реализации программы, определена эффективность. Используемые методы диагностики не предполагают количественного, статистического анализа, поэтому результаты диагностики представлены феноменологическим путем. Полученные данные позволяют судить об эффективности разработанной программы. Не отрицая возможности подобрать статистические методы для оценки программы, на первый план мы ставим успешное проведение практических занятий, дающих субъективную оценку. У участников программы, прошедших полный ее курс, уровень личностной тревожности понижается по сравнению с уровнем, выявленным при первичной диагностике. Стабилизация уровня тревожности происходит уже за время реализации программы, однако предполагается, что позитивные изменения будут происходить и в дальнейшем.

Величева Д. И.

ВЛИЯНИЕ СОВМЕСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА НА ОБРАЗ СЕБЯ И ОБРАЗ ДРУГОГО

Отношения с товарищами находятся в центре жизни подростков, во многом определяя все остальные стороны их поведения и деятельности. Для подростков, в отличие от младших школьников, становится значимым не просто быть среди своих сверстников, но также занимать удовлетворяющее положение. Невозможность добиться такого положения чаще всего сопровождается повышенной конфликтностью ребят по отношению к своим сверстникам (И. С. Кон, Л. И. Божович). Эмоциональное благополучие подростка все больше и больше начинает зависеть от статуса, который он занимает в группе и который начинает определяться, прежде всего, отношением и оценками сверстников. Вследствие чего возникают трудности в общении, обостряются и тяжело переживаются проблемы одиночества, изолированности подростков. Состояние общения подростка со сверстниками важно в плане возрастного развития. Устойчивые сложности в отношениях могут приводить к недоразвитию средств личностного общения, изоляции от других и от собственных внутренних ресурсов. Все вышесказанное определило необходимость изучения психологических механизмов и поиск способов создания более позитивного и толерантного общения подростков со сверстниками.

Идея данного исследования основывается на двух теоретических положениях: во-первых, образ себя и образ другого рассматриваются как продукты общения, т. е., с одной стороны, репрезентируют качества общения, в процессе которого они сложились (Е. О. Смирнова, М. И. Лисина), а с другой стороны, опосредуют и во многом определяют дальнейшее общение и отношения; во-вторых, в качестве ресурса и способа создания позитивного и толерантного общения в данной работе выступает совместное художественное творчество (СХТ). Суть творчества – процесс порождения замысла, создание нового.

Творческое самовыражение открывает человеку доступ к своим собственным внутренним ресурсам, проявлению своей индивидуальности, связано с сильными, яркими и позитивными эмоциями. СХТ содержит в себе характеристики совместной деятельности и художественного творчества. С одной стороны, оно основывается на непосредственном взаимодействии с другим человеком, а с другой стороны, в нем есть возможность самовыражения, выплеска и презентация своих идей, эмоций и переживаний в процессе и в самом результате совместного творчества. Такое СХТ, способно обогатить общение, принести в него новые характеристики и помочь в выражении своих замыслов, смыслов, а так-

же помочь в познании себя и другого (А. Н. Леонтьев, Н. Роджерс, А. А. Мелик-Пашаев).

Основная идея данной работы заключалась в проверке позитивного влияния специально организованного совместного художественного творчества на отношения малообщающихся подростков, на их представления о себе и другом. Исследование проводилось на базе гимназии «Универс» г. Красноярска в рамках курса ИЦН (Интересы. Ценности. Нормы). В качестве испытуемых выступили учащиеся шестых классов. Для чистоты эксперимента и исключения влияния побочных факторов на результат исследования были сформированы одна экспериментальная и две контрольные группы.

Задания для совместного художественного творчества были специально разработаны и вписаны в рамки ИЦН, дополняя курс. На занятиях ребята в парах с теми, с кем они мало общаются из класса, создавали спонтанные рисунки, писали сценарии, участвовали в драматизации и т. д. До и после занятий были получены данные самоописания и взаимоописания с помощью модифицированной методики Куна «Кто Я». Результаты исследования показали, что гипотеза подтвердилась, но частично. Основные и значимые изменения после таких совместных творческих занятий произошли у подростков в образе себя: количество характеристик в повторном самоописании увеличилось по сравнению с первичными данными, которые были произведены до совместного художественного творчества, характеристики в образе себя стали более положительными, чем до совместного художественного творчества. В образе другого также произошли изменения, но после проведенной математической обработки изменения оказались незначимыми. В пользу частичного подтверждения гипотезы, говорит и тот факт, что в контрольных группах не обнаружилось изменений в образах, а это, в свою очередь, исключает влияние самого курса ИЦН на образы себя и другого и подтверждает положительное влияние совместного художественного творчества.

Власова Е. Ф.

Котов А. А.

СОЦИАЛЬНОЕ И ПЕРЦЕПТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ НОВЫХ СЛОВ

Р. Bloom в своей книге (2000, р. 34) описывает эффект научения значениям новых слов (fast mapping) у детей в раннем детстве, впервые открытый в работах S. Carey (1978). Этот эффект заключается в способности детей с первого раза понимать значения новых слов без предварительной процедуры научения или обратной связи. Р. Bloom предполагает, что такое научение строится на основе социальных подсказок: наи-

более релевантной для обобщения значения нового слова является та информация о свойствах объекта, которая сообщается ребенку взрослыми, а не та, которая может быть запомнена посредством простого восприятия.

Мы в своем исследовании проверяем предположение Р. Bloom о социальной роли знака в формировании значений. Мы придумали задание, в котором испытуемому показывали новый объект и сообщали его название, внешний цвет и внутренний. Если Р. Bloom прав, и знак играет скорее социальную роль, то испытуемые должны лучше вместе с названием запомнить информацию о внутреннем цвете объекта и не запомнить внешний цвет. Испытуемыми были 15 детей (шесть мальчиков, девять девочек), средний возраст $M = 4,41$; $SD = 0,43$. В качестве стимульного материала мы использовали искусственные объекты, подобранные таким образом, чтобы они не напоминали никакие предметы из повседневного окружения испытуемых. Всего мы выбрали четыре таких объекта: один – целевой (его мы обозначали новым словом «коба»), остальные три объекта были вспомогательными. Испытуемому давали игровое поле, сообщая, что это океан, в котором есть три острова (круги оранжевого цвета, расположенные в центре). В двух противоположных углах поля были расположены два желтых квадрата – берега. Задачей испытуемого было провести все объекты-лодочки от одного берега до другого, минуя острова, с помощью «кобы».

Эксперимент проводили с каждым ребенком индивидуально. Детям демонстрировали игровое поле и сообщали правила игры. После объяснения задачи испытуемому показывали целевой объект как средство для решения этой задачи. Ребенку сначала сообщали название нового объекта, потом внешний цвет и потом внутренний, прося его повторить их сразу после называния, чтобы убедиться, что он их услышал и понял. После ребенок выполнял задание. Тестовая серия, которую мы проводили через неделю, включала в себя несколько заданий, в которых мы проверяли, что ребенок запомнил о новом объекте. Мы задавали ему вопросы о форме целевого объекта (показывая несколько черно-белых изображений), его названии, внешнем и внутреннем цвете, его функции. И испытуемые могли давать ответ либо в форме свободного воспроизведения, либо, если не могли вспомнить, выбирали из двух вариантов.

Результаты и обсуждение. Испытуемые хорошо помнили форму целевого объекта (все 15 испытуемых ответили верно), его название (14 из 15), функцию (все 15) и внешний цвет (все 15). Внутренний цвет помнили чуть хуже, но все же на довольно высоком уровне успешности (12 детей из 15 ответили правильно). Таким образом, не было получено различий в запоминании внешней и внутренней информации об объекте. Наши результаты не подтверждают гипотезу о преимущественно

социальной роли знака – внешняя информация запоминалась так же хорошо, как и внутренняя.

Как мы могли бы объяснить эти результаты? Теоретически наши результаты не исключают возможности, что знак все-таки играет подобную роль, поскольку информация о внутреннем цвете объекта запоминалась очень хорошо. Требуется объяснения то, почему наряду с внутренними свойствами так же хорошо запоминались внешние. Возможно, социальный характер влияния знака на запоминание информации об объекте зависит от возраста ребенка – в более раннем возрасте социальная роль знака может быть сильнее, чем в более старшем.

Для проверки такого предположения мы планируем провести этот эксперимент с трехлетними детьми, на которых, возможно удастся получить результаты, предсказанные Р. Bloom. Если же на детях более раннего возраста будут получены такие же результаты, то другим вариантом продолжения нашего исследования будет эксперимент, в котором будет варьироваться само наличие знака для целевого объекта – какую информацию и с какой степенью успешности запомнят испытуемые, если у них или будет, или не будет название для объекта? Последний вариант эксперимента позволит напрямую ответить на вопрос – нужен ли знак как таковой для формирования обобщений. Результаты последних двух экспериментов и их обсуждение мы планируем представить в докладе на конференции.

Володин Н. А.

Хоршева Н. А.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРЫ О СЕНСОМОТОРНОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ПЕРВОГО ГОДА ЖИЗНИ

Чувственное познание является первой ступенью усвоения ребенком знаний об окружающем мире и базисом для развития познавательной деятельности. Ученые (С. М. Вайнерман, Л. В. Филиппова и др.) констатируют, что в детском возрасте не обнаружено абсолютных оптимумов развития по отношению к элементарным сенсомоторным реакциям, что свидетельствует о значительном потенциале процессов развития сенсорики и сенсомоторики в период детства. Усвоение сенсорных эталонов и накопление сенсомоторного опыта происходит в процессе взаимодействия ребенка с миром людей и миром вещей, в ходе овладения различными видами деятельности. Младенческий возраст в этом смысле – фундаментальное основание, на котором выстраивается сложная конструкция чувственного опыта и интеллектуального развития в целом.

Ряд зарубежных исследователей (Р. Грегори, И. Рокк, Х. Шифман и др.) отстаивают идею о генетической связи моторики и сенсорики. В частности, Х. Шифман утверждает, что новорожденный ребенок обладает способностью локализовать в пространстве звуковые раздражители (Шифман Х. Р., 2003). И. Рокк, ссылаясь на исследования Б. Ф. Скиннера, делает вывод о том, что 6–8 недельные младенцы обладают константностью восприятия размера. Более того, по данным автора, младенцы от семи дней и старше превосходят форму объекта при схватывании, придавая определенную конфигурацию своим пальцам. Если же предмет вкладывался в руки младенца, когда тот его не видел, то пальцам не придавалась подходящая форма, и младенец не делал попыток посмотреть на предмет. (Надо полагать, что в данном случае автор имеет в виду не действие хватания, как психическое действие, которое формируется у ребенка к 5–6 месяцам, а цеплятельный рефлекс [психомоторный цеплятельный акт], который является безусловным рефлексом.) Анализируя особенности связи моторики и сенсорики у младенцев, авторы (Р. Грегори, Х. Шифман) предлагают психологам ставить акцент не на специфике развития каждой отдельной сферы, а изучать психологию сенсомоторных координаций.

Эта же проблема была поставлена и в отечественной психологии: широко известно положение исследователей (Л. А. Венгер, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и др.) о ведущей роли движений для развития сенсорных и перцептивных процессов. Однако большинство этих исследований относится не к начальным, а к более поздним этапам онтогенеза. На ранних стадиях (до одного года) связь сенсорики и моторики не представляется совершенно однозначной. Тем не менее ряд исследований, выполненных в этом направлении, позволяет сделать важные выводы о генезисе развития сенсомоторики. Е. А. Сергиенко предложила различать «активность» и «практическую деятельность» младенца (Сергиенко Е. А., 2001). По ее мнению, у младенца мы сначала имеем двигательную активность (функция которой – развитие моторики, тренировка), затем под контролем восприятия начинают развиваться действия (направленные на внешние цели), моторика, а когда они развились – они начинают обратно влиять на восприятие. Картину, напоминающую эту, представляет и А. В. Запорожец. Так, он пишет, что «исследования онтогенеза восприятия, проведенные нами <...> свидетельствуют о том, что между восприятием и действием существуют сложные и изменяющиеся в ходе развития ребенка взаимоотношения» (Запорожец А. В., 1986). В первые месяцы жизни развитие сенсорных функций и ориентировочных реакций опережает онтогенез соматических движений. Однако, по Запорожецу, эти сенсорные функции еще не позволяют формировать конкретные

предметные образы. Только на более поздних этапах онтогенеза, когда формируются простейшие практические действия (схватывание), сенсорные функции встраиваются в них, переструктурируются и превращаются в перцептивные действия (Запорожец А. В., 1986). В. П. Зинченко (Зинченко В. П., 1997) подчеркивает, что на ранних стадиях онтогенеза практически невозможно четко различать перцептивные, мыслительные и исполнительные акты. Восприятие, мышление и моторика первоначально развиваются слитно, только впоследствии разделяясь настолько, чтобы можно было проводить их изучение как самостоятельных процессов. И все-таки эта «слитность», по мнению ряда ученых – уже результат первичной интеграции элементарных сенсорных и моторных актов, поскольку в первые недели и месяцы жизни именно ощущения и восприятия ведут за собой развитие движений, являясь стимулами для них.

Галасюк И. Н.

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ ИНВАЛИДА

Современные исследования семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, выделяют ряд проблем, с которыми сталкиваются родственники инвалида. Прежде всего, это проблемы, связанные со специфическими особенностями той или иной инвалидности. Однако не менее важными являются и различные негативные внешние факторы, оказывающие воздействие на членов семьи инвалида. К таковым можно отнести часто встречающуюся некомпетентность специалистов в области оказания психологической помощи. Как правило, в центре внимания врачей, педагогов, психологов, воспитателей, работающих в социальной сфере, находится человек с ограниченными возможностями здоровья. Состояние же его близких учитывается мало или не учитывается вовсе, «вместо того, чтобы предоставлять информацию, поддерживать и формировать чувство контроля, в котором нуждаются эти семьи во время кризиса, многие профессионалы игнорируют членов семьи, за исключением моментов сбора сведений о пациенте» (Николаас М., Шварц Р., 2004). При этом следует отметить, что родственники инвалида сталкиваются не только с дополнительными физическими нагрузками по уходу за больным, но и с психологическими переживаниями особого рода, выходящими за рамки обычного человеческого опыта. Так, в работах В. В. Ткачевой отмечается, что «переживания, выпавшие на долю матери аномального ребенка, часто превышают уровень переносимых нагрузок, что проявляется в различных соматических заболеваниях, астенических и вегетативных расстройствах» (Ткачева В. В., 2004). Как правило, на фоне личностных изменений родственников инвалида под влиянием травмы нарушаются взаимоотношения в

семье, появляются конфликты, связанные с ответственностью за жизнь и здоровье инвалида, с повседневными заботами и уходом за больным. Помимо исследований родителей инвалида появляются исследования их сиблингов, дедушек и бабушек, в которых уделяется большое внимание оказанию травмирующего влияния болезни на физическое и психическое состояние всех членов семьи (P. E. Vadasy, R. R. Fewell, D. J. Meyer, S. Mulroy, L. Robertson, K. Aiberti, H. Leonard, C. Bower, B. Mandleco, T. Dyches, E. Marshall и др).

Проведенные исследования показывают, что родственники инвалида нуждаются в психологической помощи профессионалов. На сегодняшний день накоплен определенный опыт работы с такими семьями. Это психообразование, психотерапия и тренинги по формированию отдельных навыков. Однако стоит отметить, что большинство специалистов ощущают нехватку глубоких знаний для проведения подобной работы, поэтому зачастую она ведется лишь на бумаге.

В настоящее время происходит развитие системы обучения и повышения квалификации специалистов социальной сферы, работающих с инвалидами. Разрабатываются специальные учебные программы, учитывающие необходимость освоения данными специалистами знаний по семейной и возрастной психологии, знаний о специфике того или иного заболевания, ограничивающего жизнедеятельность человека. Не менее важным моментом является компетентность в области психологии общения, или коммуникативная компетентность. По нашему мнению, сложность коммуникации с родственниками инвалида заключается в том, что специалисты сталкиваются с тяжелыми чувствами, глубокими переживаниями членов семьи и с собственной беспомощностью, основанной на невозможности кардинально изменить ситуацию – полностью победить болезнь. Вместе с тем, у специалистов часто отсутствуют навыки рефлексии, активного слушания, умения отвечать на приступы отчаяния и ярости, обиды и вины пониманием, а не защитной реакцией. В этой связи становится очевидной необходимость включения в программы обучения работе с инвалидом и его семьей занятий, позволяющих освоить практический инструментарий коммуникативной компетентности.

Основываясь на опыте проведения практических занятий в формате тренинга со специалистами социальной сферы – психологами, социальными педагогами и воспитателями, руководителями социозащитных учреждений – нами было отмечено приобретение ими профессиональной уверенности, повышение стрессоустойчивости, эмпатии.

В заключение следует отметить, что в последние три десятилетия в мире сложились устойчивые тенденции и механизмы формирования политики в отношении инвалидов. Однако психологические аспек-

ты данной проблематики остаются недостаточно исследованными. В этой связи необходимо подчеркнуть, что обучение специалистов работе с семьей инвалида является важным направлением, требующим разработки и глубокого изучения.

Глод Н. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В СЕМЬЕ И ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ ПОДРОСТКОВ

Социализация ребенка в условиях семьи является одной из важнейших теоретических и практических проблем психологии. Формирование личности находится в тесной связи со всеми сферами жизни семьи: организацией ее быта, эмоционально-нравственной атмосферой, стилем взаимоотношений взрослых, а также, безусловно, отношением к ребенку. Особую актуальность для педагогической теории и практики приобретают исследования, затрагивающие различные аспекты формирования личности в семье и, в особенности, изучение влияния психологического климата семьи на процесс адаптации современного подростка к дальнейшей самостоятельной жизни. Как отмечает Б. Д. Парыгин, психологический климат является существенным фактором жизнедеятельности человека, оказывающим влияние на всю систему социальных отношений, на образ жизни, на повседневное самочувствие, работоспособность и уровень творческой и личностной самореализации (Б. Д. Парыгин, 1999).

Для современных подростков проблема социальной регуляции поведения, формирования внутренней системы установок, ценностей приобретает особую значимость. Следует отметить, что установки в подростковом возрасте проявляются в различных сферах психической жизни. Наибольшую выраженность они приобретают в мотивационно-потребностной и профессиональной сферах. Профессиональные установки заключаются в готовности подростка принимать профессионально важные качества и связаны, с одной стороны, с объективными требованиями самих ситуаций профессионального выбора, т. е. с задачами профессионального развития, а с другой – с уже изменяющимся у личности опытом решения жизненных задач. Поэтому так важны на этом возрастном этапе внимание и поддержка со стороны родителей, основанные на подлинном интересе к ребенку и на признании его как личности (В. С. Мухина, 2000).

В исследовании, направленном на изучение взаимосвязи психологического климата в семье и жизненных установок подростков, приняло участие 70 подростков в возрасте от 12 до 14 лет. Для изучения психологического климата в семье подростков нами был использован опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» И. М. Марковской, который позво-

ляет определить спектр воспитательных воздействий каждого из родителей. С целью изучения жизненных установок подростков использовались «методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной, методика «перекресток» Н. С. Пряжникова.

Проведенное исследование проблемы позволяет сделать следующие выводы:

– Семья является ведущим инструментом социализации в подростковом возрасте. Психологический климат в семье определяет устойчивость внутрисемейных отношений, является важнейшим условием совершенствования образа жизни и формирования личности каждого члена семьи.

– Спектр воспитательных воздействий, используемых родителями, отражает характер отношения к ребенку, выступает в качестве важной составляющей психологического климата семьи. Уровень согласованности поведения отцов и матерей оказывает влияние на благополучие психологического климата в семье, существенно сказывается на мотивах стремления подростков к взрослости.

– Показатели социально-психологических установок у мальчиков и девочек не имеют существенных отличий. Девочкам, по сравнению с мальчиками, больше свойственны: «ориентация на процесс», «ориентация на альтруизм» «ориентация на власть» и «ориентация на деньги». Выявлено, что показатели установок мальчиков и девочек отражают не половые, а возрастные признаки.

– Выявлена взаимосвязь психологического климата в семье и жизненных установок современных подростков, что актуализирует необходимость дальнейшего изучения проблемы влияния современной семьи на формирование различных сторон личности ребенка, его самоопределение и выбор жизненного пути.

Говалева Ю. И.

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДОШКОЛЬНИКОВ

В последнее время у детей дошкольного возраста все чаще отмечается эмоциональное неблагополучие и неустойчивость поведения. На фоне этого возникает тревожность, враждебность, агрессия. Все это может привести к трудностям взаимодействия в детском коллективе и неэффективному общению с взрослыми. Эмоции являются неотъемлемой частью жизни человека. В разное время мыслители и ученые занимались вопросами природы эмоций и изучали их роль в жизни человека. В конце XIX в. Ч. Дарвин опубликовал работу «Выражение эмоций у человека и животных», где связал эмоции человека с соответствующи-

ми инстинктивными реакциями. В XX в. В. В. Зеньковский отводил эмоциям одно из первых мест по их значению в развитии ребенка. В. Вундт связывал эмоции с простейшими психическими процессами и ощущениями.

В отечественной психологии выделяются работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, которые обосновали принципиально важные положения, касающиеся зависимости эмоций от характера деятельности субъекта, о регулирующей их роли в этой деятельности, о развитии их в процессе усвоения человеком общественного опыта.

Целью нашего исследования является изучение особенностей эмоциональной сферы детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения, и создание психологически благополучной ситуации их развития. К условиям эффективного решения проблемы можно отнести создание благоприятного эмоционального фона в группе ДОУ и сотрудничество с семьей. Одним из возможных средств развития эмоционального мира ребенка, его коррекции является сказкотерапия, в которой через восприятие истории, через переживание событий, через принятие той или иной позиции по отношению к персонажам ребенок испытывает те или иные эмоциональные состояния, живет жизнью героев, вместе с ними принимает решения. Во все времена сказка способствовала развитию межличностных отношений, социальных умений и навыков поведения. В связи с этим особенно значимыми моментами использования этого средства является приобретение детьми опыта узнавания по внешним признакам эмоционального состояния других людей, выражением сочувствия, самовыражением разных эмоций, снятие напряжения.

На первом этапе исследования были созданы экспериментальная и контрольная группа в ДОУ № 476 г. Челябинска, подобраны диагностические методики и проведено первое исследование, результаты которого дали представление об эмоциональном состоянии дошкольников. В результате исследования было выявлено, что в той и другой группе имеются дети с выраженной агрессией: в КГ таких 30%, в ЭГ – 50,5%. Обнаружено, что в КГ 15% детей с выраженной тревожностью, в ЭГ их 11%. В КГ 10% детей показали эмоциональную отчужденность, в ЭГ – 11%.

Выявлены дошкольники с выраженной обидой и печалью по разным причинам (10% и 11% соответственно). Эти факты отражаются на поведении детей, в их реакциях на события в группе, на отношения во время игр. На основании полученных результатов мы пришли к выводу о необходимости коррекции эмоциональной сферы дошкольников и в соответствии с этим разработали программу развития эмоциональной сферы детей дошкольного возраста средствами сказкотерапии.

Гончарик И. М.

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ Я СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ:
АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЙ**

Настоящее исследование посвящено изучению содержательного аспекта ментальной представленности эмоционального Я старших подростков. В исследовании приняло участие 96 учащихся общеобразовательных средних школ Брестской области (Беларусь). Возраст испытуемых 14-15 лет. В качестве методики исследования использовался личностный семантический дифференциал, который включал 40 биполярных шкал, основанием подбора которых послужили субстантивная и атрибутивная шкалы эмоциональных состояний Л. Н. Рожиной (Рожина Л. Н., 2003). Окончательный состав шкал был определен методом экспертной оценки. В инструкции к методике испытуемым предлагалось, используя биполярные шкалы, оценить сначала их реальное эмоциональное Я, затем – идеальное эмоциональное Я. Набор шкал для оценивания был одинаков.

Для анализа экспериментального материала мы обратились к методу семантических универсалий, разработанному Е. Ю. Артемьевой. Семантическая универсалия – список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых большинством испытуемых исследуемой однородной группы (Артемьева Е. Ю., 1999). В нашем исследовании стимулы – это реальное эмоциональное Я и идеальное эмоциональное Я, координаты – оценки по биполярным шкалам. Репрезентативность построенных семантических универсалий обеспечивалась 90% уровнем частоты встречаемости признака (дескриптора). Валидность метода семантических универсалий доказана Е. Ю. Артемьевой процедурой реконструкции стимула и сопоставления стимулов на основе их универсалий (Артемьева Е. Ю., 1999).

Качественный анализ выделенных семантических универсалий оценки реального и идеального эмоционального Я показывает их сходства и различия. Сходство обеих семантических универсалий в обеих выборках выражается в наличии сквозных дескрипторов, таких как активное (2,34/2,45 для реального и идеального эмоционального Я соответственно), веселое (2,35/2,58), живое (2,20/2,44), жизнерадостное (2,30/2,52), затаенное (0,88/1,01), приятное (2,09/2,40) радостное (2,23/2,45), светлое (2,05/2,37), яркое (2,09/2,29). Однако, учитывая вес данных дескрипторов, можно судить о том, что в идеальном эмоциональном Я испытуемых данные характеристики более выражены. Дескрипторы с наименьшим весом также информативны: они одинаково оценены 90% испытуемых, но по другому полюсу шкалы. В данном случае вес дескриптора «затаенное» свидетельствует, что степень выраженности этой характеристики реального и идеального эмоциональ-

ного Я, по мнению большинства испытуемых, низкая. Поэтому в работе такого рода дескрипторы мы обозначаем, используя частицу (не): (не)затаенное. Сквозные (повторяющиеся) дескрипторы, выявленные в семантических универсалиях различных стимулов (реальное эмоциональное Я; идеальное эмоциональное Я), представляют интерес, поскольку выступают главными осями оценивания. Различия семантических универсалий выражены специфичными дескрипторами, т. е. выявленными только в одной семантической универсалии. Так, учащиеся общеобразовательных школ полагают, что их реальное эмоциональное Я (не)безмятежное (0,96), (не)невозмутимое (0,86).

Анализ данных показал, что из семантической универсалии оценки идеального эмоционального Я учащихся общеобразовательных школ «выпали» дескрипторы, отражающие параметры интенсивности переживаемых эмоций и чувств, а именно (не)безмятежное, и (не)невозмутимое. Однако появились такие характеристики, как высокое (2,26), искреннее (2,26), наслаждающееся (2,31), сильное (2,26), сияющее (2,28), четкое (2,27), чистое (2,52) и ясное (2,36). Заметим, что обогащение семантической универсалии оценки идеального эмоционального Я испытуемых осуществляется в большей мере за счет включения метафорических характеристик (высокое, сияющее, теплое, четкое, чистое, ясное и др.).

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о наличии инвариантных и вариативных характеристик в содержании ментальных репрезентаций реального и идеального эмоционального Я старших подростков.

Гордиенко Н. В.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА КАК ПРОФЕССИОНАЛА

Проблема профессиональной деформации личности педагога носит комплексный междисциплинарный характер, соответственно выделяются и различные аспекты профилактики этого негативного явления: социальные, экономические, медицинские, психологические, организационные и т. д.. Продуктивной основой для решения многих вопросов может стать концепция целостного психологического обеспечения профессиональной деятельности на всем протяжении профессионального пути (Маркова А. К., 1986; Никифоров Г. С., 1996; 2006). «Процесс непрерывного психологического сопровождения рассматривается в качестве обязательного условия становления специалиста и его последующего профессионального функционирования» (Никифоров Г. С., 2006). Еще В. Даль трактовал сопровождение как действие по глаголу «сопровождать», т. е. «провождать, сопутствовать, идти вместе для про-

водов, провожатым, следовать». Соответственно, сопровождающий – это человек, который временно находится рядом с путником, выполняя такие ролевые функции, как «спутник, товарищ на пути, в дороге, в жизни»; «проводник», путевод, «спутник для указания пути, для охраны, защиты, для присмотра», т. е. посредник между человеком и миром жизни, обеспечивающий безопасность и необходимую, но достаточную поддержку личности в кризисные, переходные периоды жизни. Р. В. Овчарова определяет психологическое сопровождение как целостный и непрерывный процесс изучения и направленного вмешательства в объект сопровождения с целью его оптимизации и предупреждения нежелательных отклонений. Осуществление целостной психопрофилактической стратегии предполагает скоординированную реализацию трех основных видов психологической работы: диагностической, коррекционной, развивающей.

В последние годы в связи со становлением отечественной службы практической психологии образования активно обсуждаются вопросы работы психолога образовательного учреждения с педагогическим коллективом (Банщикова Т. Н., Ветров Ю. П., Клушина Н. П., 2006; Дубровина И. В., 1991; Ключева Н. В., 2000; Овчарова Р. В., 2000; Родионов В. А., Ступницкая М. А., 2002 и др). Это направление деятельности практического психолога образования расценивается как одно из самых сложных и малоразработанных. Хотя в Положении о службе практической психологии образования в РФ подчеркивается главная ориентация психолога образования на работу с детьми, авторы основных моделей организации этой службы (И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, Л. М. Фридман) единодушно указывают на необходимость тесного сотрудничества психолога с педагогом. Кроме того, охрана психологического благополучия и здоровья детей предполагает меры, позволяющие исключить превращение деформированного педагога в «виктимогенного агента социализации» (Руденский Е. В., 1998). Вот почему главная цель психологической службы образования формулируется как «содействие социальной ситуации развития и охраны здоровья личности обучающихся, воспитанников, их родителей, педагогических работников и других участников образовательного процесса» (Банщикова Т. Н., Ветров Ю. П., Клушина Н. П., 2004).

Программы, нацеленные на профилактику выгорания, повышение стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности педагогов (Семенова Е. А., 2002; Семенова Е. М., 2005; Чернявская В. С., 2002 и др.) как правило, не ограничиваются предложением эффективных средств саморегуляции, а предполагают развитие рефлексии, гибкости мышления, эмпатии и т. д., т. е. имеют комплексный характер. Целью психологического сопровождения профилактики профессиональной

деформации личности педагога является создание социально-психологических условий для развития личности педагога на разных этапах профессиональной деятельности.

Осуществление целостной психопрофилактической стратегии профессиональной деформации личности педагога предполагает скоординированную реализацию трех основных видов психологической работы:

- мониторинг процесса вхождения педагога в пространство профессиональной деятельности;
- психологическая коррекция выявленных в ходе психодиагностики отклонений;
- применение развивающих стратегий, способствующих усилению личности и оптимизации функционирования будущего педагога и/или субъекта педагогического труда, а также становлению/поддержанию устойчивости к профессиональной личностной деформации. Своевременное психологическое сопровождение развития личности педагогов является неотъемлемой и основной частью процесса профилактики профессиональной деформации.

Гурина И. Г.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В СОЗНАНИИ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Все возрастающее негативное воздействие человека на природу привело к тому, что проблемы экологии в настоящее время приобретают междисциплинарный характер, актуализируясь в психологических, философских исследованиях. В настоящее время очевидно, что экологический кризис невозможно преодолеть без изменения господствующего типа сознания, являющегося его психологической базой. Это привело к необходимости более детального изучения существующего типа сознания. Одной из единиц сознания является концепт (Домбровская М. В., 2004). Концепт – сложное, многослойное образование. Так, Н. С. Болотнова отмечает существование следующих структурных компонентов концепта: предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный (Болотнова Н.С., 2007). При этом многие из этих слоев находятся в отношениях включения и пересечения.

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на одном из этих структурных составляющих – ассоциативном слое, как приоритетном, позволяющем актуализировать в сознании испытуемого остальные «слои» концепта. Концепты актуализируются в сознании своих носителей посредством ассоциаций. Для изучения содержания концепта «природа» у учащихся в возрасте 15 лет нами был использован направленный ассоциативный эксперимент. Как отмечает И. Г. Бескорвайная,

ассоциативный эксперимент позволяет исследователю максимально «приблизиться» к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам человека (Бескоровайная И. Г., 2004).

Экспериментальное исследование проводилось среди учащихся СШ № 16, 125 и гимназии № 75 города Минска. В нем приняли участие 80 учеников в возрасте 15 лет. Общее количество реакций, зафиксированных на стимул «природа» в ходе ассоциативного эксперимента у учащихся в возрасте 15 лет, составило 2000 реакций, из них 545 являются оригинальными, а 275 – единичными. Все ассоциаты на стимул «природа» были объединены в ассоциативное поле, в котором мы выделили три зоны: ядерную, ближнюю периферию и дальнюю периферию. Ядро формируются ассоциатами с высоким индексом частотности, на периферии оказываются менее частотные и единичные реакции. Так, к ядерной зоне мы условно отнесли реакции с индексом частотности более 12 (нижний барьер). К ближней периферии принадлежат ассоциаты с индексом частотности от 11 (верхний барьер) до 3 (нижний барьер), а к дальней периферии были отнесены реакции с индексом частотности 2 и 1.

В целом учащиеся описывают природу с нескольких сторон:

1.) описание природы как объективной реальности: лес (43), животные (39), солнце (39), трава (34), деревья (33), река (22), вода (21), цветы (20), воздух (18), дождь, небо (17) и др.;

2.) особенности эмоционально-оценочного отношения к природе: чистая (31), светлая (14), веселая (12), любить, радостная (11), спокойная (10), добрая, интересная, удивительная (7), загадочная, приятная, любовь (6) и др.;

3.) изучение, использование и охрана природы: думать (9), наблюдать (8), изучать, исследовать (4), рыбалка, беречь, сохранять (3), открывать, познавать, добывать, ловить, охотиться, рубить (2), запоминать, обдумывать, учить (1) и др.;

4.) природа как источник отдыха и оздоровления: отдыхать (30), плавать (18), гулять, отдых (17), играть (10), здоровье (6), купаться, лежать (4), путешествие, загорать, деревня, кататься, пикник (3) и др.

Таким образом, проведенное исследование концепта «природа» позволяет нам сформулировать основные выводы относительно представлений о природе, которые сложились в сознании учащихся в возрасте 15 лет. В целом ядерные реакции ассоциативного поля отражают в большей степени созерцательное, пассивное отношение к природе, нежели стремление действовать в природе, преобразовывать ее. Все реакции, свидетельствующие о стремлении изучать природу, использовать или охранять ее, представлены только на периферии ассоциативного поля. Ученики более склонны наблюдать за природой, отмечая ее красоту. При этом прослеживается два вида отношения к природе – как

к объекту и как к субъекту, что отражается в двух направлениях ассоциирования, выделенных в ядерной зоне ассоциативного поля. Отношение к природе как объекту подразумевает «чистое» описание природы, безотносительно к специфике позиции субъекта, его эмоционально-оценочного отношения к объекту. Отношение к природе как к субъекту отражает позицию человека – его эмоционально-оценочное отношение к природе, восприятие природы как живого организма.

Дворцова М. Н.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АКЦЕНТУАЦИЙ И ЗАВИСИМОСТИ ОТ СЕТИ «В КОНТАКТЕ» У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Интернет, который прочно вошел в нашу жизнь, предоставляет широкие возможности для общения и развлечения, однако вместе с тем может привести к пагубным последствиям. В настоящее время зафиксирован феномен интернет-зависимости – психического расстройства, связанного с навязчивым желанием подключиться к Интернету и болезненная неспособность вовремя отключиться от него. Среди старшеклассников наибольшей популярностью пользуется социальная сеть «В контакте», которой они посвящают значительную часть своего свободного времени. Зависимость старшеклассника от социальной сети проявляется в следующем: увеличение времени, проводимого в сети; ухудшение настроения при отсутствии возможности выхода в социальную сеть и его улучшение при появлении таковой; сокращение реального общения и интересов, не связанных с социальной сетью; перевод общения в интернет-пространство. Все это сопровождается ухудшением здоровья и снижением результатов успеваемости. Данный возрастной период характеризуется проявлением акцентуаций характера и наиболее подвержен различным отклонениям в поведении, в том числе возникновению и развитию различных химических и нехимических аддикций.

Цель – исследование взаимосвязи акцентуаций характера с зависимостью от социальной сети «В контакте» у старшеклассников. Выборка: старшеклассники десятых классов г. Новокузнецка в количестве 52 человек (42 девочки и 10 мальчиков от 15 до 17 лет).

Методики:

- 1) «выявление склонности к аддиктивному поведению» С. А. Рогова;
- 2) диагностики интернет-зависимости А. Жичкиной;
- 3) диагностики интернет-зависимости Кимберли Янг, модифицированные Буровой, адаптированные нами для социальной сети «В контакте»;
- 4) авторская анкета «использование социальной сети «В контакте»»;

5) диагностики типа акцентуаций Шмишека (по концепции К. Леонгарда);

6) диагностики дезадаптации Родиной О. Н.

Старшеклассники зарегистрированы в различных социальных сетях, но именно сеть «В Контакте» используют постоянно и целенаправленно. Активность использования «В контакте» у старшеклассников находится на среднем уровне и характеризуется частым использованием сети со средним по длительности нахождением в ней. Социальной сетью «В контакте» пользуются все старшеклассники выборки, значительная часть которых уделяют ей время каждый день. Половина испытуемых значительно превышают допустимые для старшеклассников нормы пребывания за компьютером (свыше одного часа).

Диагностика зависимости от социальной сети «В контакте» на основании трех методик показала, что в данной выборке старшеклассников нет контакт-аддиктов, большая часть респондентов не склонны к контакт-зависимости, однако присутствует определенная часть школьников, склонных к контакт-зависимости (44% по Рогову и 21% по Жичкиной). Более контакт-зависимые старшеклассники являются более дезадаптированными: у них сильнее проявляется ухудшение самочувствия, эмоциональные сдвиги, особенности отдельных психических процессов, снижение общей активности, ощущение усталости, сомато-вегетативные нарушения, снижение мотивации к деятельности. Длительное пребывание за компьютером не может не сказываться на состоянии здоровья старшеклассника. Накопленная усталость приводит к тому, что активные пользователи социальных сетей начинают чувствовать общее недомогание, у них появляются резкие колебания настроения, снижается внимание и память, понижается общий тонус организма. В группе более контакт-зависимых старшеклассников учебные показатели по всем предметам существенно ниже.

Следовательно, активное увлечение «В Контакте» отнимает у респондентов время, которое они могли посвятить продуктивной подготовке к учебным занятиям. А проявления дезадаптации, выражающиеся в накопившейся усталости, ухудшении самочувствия и ухудшении здоровья, не позволяют получить эффективный результат даже в то время, которое школьник уделяет учебной подготовке.

Выявлена взаимосвязь акцентуаций характера и зависимости от социальной сети «В Контакте». Способствуют развитию контакт-зависимости такие акцентуации характера, как тревожность ($r = 0,47$, $p \leq 0,01$), педантичность ($r = 0,32$, $p \leq 0,05$), возбудимость ($r = 0,33$, $p \leq 0,05$), циклотимность ($r = 0,38$, $p \leq 0,01$), дистимность ($r = 0,33$, $p \leq 0,05$), а препятствует гипертимность ($r = -0,32$, $p \leq 0,05$). Результаты исследования будут полезны школьным психологам при проведении

работы по профилактике зависимости от социальной сети «В Контакте» с учетом акцентуаций характера старшеклассников.

Дербенева М. Ю.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Профессиональное самоопределение на этапе выбора профессии связано с сильными эмоциональными переживаниями в отношении той или иной профессиональной деятельности и профессиональной среды. В литературе упоминается о выборе человеком определенных видов деятельности на основе эмоциональной направленности его личности: возникая в деятельности, эмоции или потребности, переживаемые в виде эмоций, являются вместе с тем побуждениями к деятельности (Додонов Б. И., 1978; Шавир П. А., 1991; Климов Е. А., 2004). Эмоциональная направленность личности определяется через доминирующие эмоции и предпочтение определенных эмоциональных переживаний, а также их индивидуально-личностную иерархию.

При изучении проблемы эмоциональной направленности (2006) нами были выявлены определенные цветовые предпочтения для каждого из типов эмоциональных предпочтений по Б. И. Додонову (использовался метод цветовых отношений, выборку составили 100 юношей и девушек в возрасте 16–17 лет). По-видимому, выбор определенного цвета можно рассматривать в качестве предпочитаемого способа удовлетворения потребностей, лежащих в основе эмоциональных предпочтений. Выявлена связь системы эмоциональных предпочтений с личностными особенностями (для диагностики использовался личностный опросник Р. Кеттелла – подростковый вариант). При этом наибольшее количество связей обнаружено с факторами F (экспрессивность), I (сенситивность), E (доминантность), J (индивидуализм), Q2 (самодостаточность) и Q3 (самоконтроль).

Далее мы предположили, что эмоциональная направленность может являться предпосылкой становления профессиональной направленности, поскольку формирование эмоциональных предпочтений совершается в результате включения человека в ту или иную деятельность. Для изучения особенностей эмоциональных предпочтений мы модифицировали анкету эмоциональной направленности Б. И. Додонова. Разработанный опросник включает утверждения относительно значимости различных эмоциональных переживаний и позволяет выявить ведущие эмоциональные предпочтения личности. Профессиональная направленность изучалась с помощью теста Дж. Холланда и опросника «Карта интересов» Л. А. Головей.

В исследовании приняло участие 230 учащихся 9–11 классов. Изучение доминирующих эмоциональных предпочтений старшекласс-

ников выявило, что по мере взросления от 14–15 к 16–17 годам происходит их дифференциация в соответствии с полом. Так, у девушек и юношей девятого класса доминирующими являются коммуникативные, глорические, практические и гедонические эмоциональные предпочтения, при этом у юношей к ведущим добавляются пугнические, однако значимых различий при сравнении средних значений не выявлено. У девушек десятого класса ведущими остаются коммуникативные, практические и гедонические предпочтения, что совпадает с таковыми у юношей. При этом у девушек значимо выше коммуникативные, практические и альтруистические предпочтения. У девушек одиннадцатого класса преобладают коммуникативные, практические, гедонические и эстетические предпочтения, а у юношей практические, глорические и пугнические. У девушек значимо выше предпочтение альтруистических, коммуникативных и лирических эмоций, а у юношей пугнических и акизитивных.

Корреляционный анализ показал, что система эмоциональных предпочтений оказалась связанной как с системой познавательных интересов, так и с типами профессиональной направленности. Выявленные соотношения можно использовать в практике профконсультирования для определения областей, которые в наибольшей степени могут отвечать особенностям эмоциональной направленности личности и обеспечивать удовлетворение эмоциональных предпочтений. С возрастом от 14–15 к 16–17 годам возрастает количество связей эмоциональных предпочтений с профессиональными типами в целом, особенно ярко это проявляется для социального, артистического и предпринимательского типов, что может быть связано с особенностями становления данных профессиональных типов (согласно концепции Дж. Холланда).

Таким образом, наше исследование позволяет предполагать, что система эмоциональных предпочтений (их индивидуальная иерархия) может являться одним из факторов формирования системы познавательных интересов и профессиональной направленности и выступать основой становления готовности к профессиональному самоопределению в старшем школьном возрасте. В практике профконсультирования особенности эмоционального сходства предметно очень разных деятельностей, а также учет эмоциональных предпочтений личности существенно расширяют возможности профессионального выбора.

Ефимова Ю. В.

КОРРЕКЦИЯ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ИГРОТЕРАПИИ

В основе страха как базовой человеческой эмоции лежит инстинкт самосохранения. Биологически осмысленный (адекватный) страх

выполняет в жизни защитную и адаптивную функции (Захаров А. И., 2000). Однако следует отметить, что страхи могут и не иметь данных позитивных функций, и тогда они становятся сигналами личностного неблагополучия. В последние годы отмечается существенный рост детских страхов, резкое увеличение количества детей, испытывающих чувство страха. Рост уровня вызван целым рядом неблагоприятных факторов, действующих на ребенка, таких как ухудшение социальных условий жизни, кризис семейного воспитания, большого количества стрессов, явная невротизация общества, отсутствие безопасности (Вологодина Н. Г., 2006).

Целью данной работы является изучение страхов у детей старшего дошкольного возраста и их психологическая коррекция средствами игротерапии. Экспериментальная работа проводилась нами в старшей группе МДОУ 21 «Кэнчээри» г. Якутска Республики Саха (Якутия). Из 55 детей старшего дошкольного возраста была осуществлена выборка детей, у которых мы выявили наличие тех или иных страхов. Так, экспериментом было охвачено 20 детей.

Для выявления уровня проявления страхов у детей старшего дошкольного возраста используются следующие методики: «страхи в домиках» и проективная методика «нарисуй свой страх» А. И. Захарова, авторский опросник детских страхов (протокол-анкета). Анализ работы констатирующего эксперимента свидетельствует о том, что дети старшего дошкольного возраста больше всего боятся смерти (70%), отрицательных сказочных персонажей (80%), страхи, существуют связанные с причинением физического ущерба (90%), у них достаточно выражены социально опосредованные страхи (80%).

Из 20 опрошенных детей старшего дошкольного возраста низкий уровень страха на этапе констатирующего обследования был выявлен только у 20% детей, тогда как высокий уровень страхов наблюдался у 50%. Средний уровень страхов был выявлен у 30% детей. Изучение степени наличия страхов детей позволило нам спланировать и организовать работу, направленную на коррекцию негативных эмоциональных проявлений в связи с наличием чувства напряженности, скованности, боязни в различных жизненных ситуациях.

На формирующем этапе нами была разработана коррекционно-развивающая программа, основная цель которой заключалась в устранении, преодолении страхов у детей старшего дошкольного возраста. Содержание программы профилактики детских страхов состояла из пятнадцати коррекционных занятий, длительностью по 30 минут. Каждое занятие включало три части: вводную, основную и заключительную. Детские страхи носят комплексный характер, поэтому работа по уменьшению страхов у детей старшего дошкольного возраста осуществлялась с помощью системы психокоррекционных методов (игротера-

пия, сказкотерапия, арттерапия), где игротерапия выступает в качестве основного, системообразующего, наиболее эффективного метода коррекции. Такая система позволяет уменьшить проявление страхов у детей старшего дошкольного возраста и ведёт к положительным изменениям в эмоциональной сфере ребёнка, установлению положительных межличностных взаимоотношений в семье и в группе сверстников. Необходимое условие эффективности работы заключается в совместном участии родителей и детей в психокоррекционном процессе, который создает эффект фасилитации, что позволяет интенсифицировать процесс коррекции страхов у детей дошкольного возраста. Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента позволяет говорить о положительной динамике в выборке, выражающейся в уменьшении количества детей старшего дошкольного возраста с высоким уровнем проявления страхов.

Таким образом, разработанная нами коррекционно-развивающая программа способствовала нормализации, стабилизации психического здоровья детей, которая стала возможной в результате создания определенных психолого-педагогических условий для выражения ребенком своих эмоций, чувств, переживаний, настроения по отношению к различным жизненным ситуациям. Комплексное использование средств и методов психолого-педагогической коррекции в процессе игровой активности позволили понизить проявление страхов у детей старшего дошкольного возраста.

Жученко О. А.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОЦЕНОК СТУДЕНТАМИ НА ЭКЗАМЕНЕ

Как в России, так и во всем мире идет постоянное обновление вузовских образовательных программ, в частности проверки знаний. В зарубежных странах чаще применяют тестирование и письменную форму экзамена. Так, в Великобритании, Германии, Японии, США устные экзамены сдают только люди, имеющие высшее образование, компетентные в своей области, что придает им уверенность в себе и повышает стресс-толерантность (Галаган А. И., 2003; Wilkinson E., 1996). Несмотря на массовое внедрение тестирования в нашей стране, преподаватели считают, что уровень подготовленности субъектов можно лучше определить в ходе беседы, вот почему студентам необходимо уметь предъявлять свои компетенции при любой форме итогового контроля.

В нашем исследовании учащиеся перед началом экзамена определяли желаемую, ожидаемую оценку, оценку себе. Затем прогнозируемые отметки сравнивались с реально полученной. Успешное предсказание, ожидание результатов собственной деятельности и отношения других людей, выбор той или иной реакции зависят как от представления

человека о среде, в которой он действует, так и от целого ряда свойств личности: оптимизм – пессимизм, тревожность, застенчивость, мотивация избегания неудачи (Фейгенберг И. М., Иванников В. А., 1978; Сычев О. А., 2009). Личностные особенности измерялись нами с помощью теста «стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, личностного многофакторного опросника Кеттелла (16 PF), ОСТ В. М. Русалова.

Изучались наиболее часто используемые в России формы экзаменов: устная, письменная, тестирование. В результате анализа выявлено, что возможно завышение, занижение и совпадение антиципируемых оценок по отношению к реальности, связанные с личностными особенностями учащихся.

На основе этого нами составлены рекомендации по развитию способности студентов прогнозировать в ситуации экзамена:

– Учащимся, чьи антиципируемые оценки выше реальной на устной и письменной форме контроля знаний, свойственны сформированность таких процессов и свойств саморегуляции, как оценивание результатов и гибкость; общительность, уверенность в себе, высокая нормативность поведения. Таким лицам предлагается развивать мышление, самостоятельность, самоорганизацию, совершенствовать регуляцию психофизиологического состояния и повышать стресс-толерантность.

– Для студентов, завышающих предполагаемые оценки на тестировании, характерны низкий уровень мотивации, общительность, уверенность в себе, жажда деятельности, недостаточная степень сформированности программирования, поэтому им рекомендуется повышение мотивации, развитие гибкости мышления и мыслительных операций, приобретение рефлексивных навыков, формирование навыков учения вузе.

– Вследствие неадекватной личностной самооценки, уровня притязаний, интроверсии, эмоциональной лабильности, недостаточной сформированности моделирования, оценивания результатов и регуляторных свойств, тенденции к конфликтным взаимоотношениям с преподавателями субъектам учебного процесса, чьи антиципируемые отметки ниже реально полученной при устной и письменной форме проверки знаний, рекомендуется повышение уверенности в себе и личностной самооценки, развитие абстрактного, реалистического мышления, самостоятельности, сенситивности, коммуникативной компетенции, формирование целеустремленности.

Данные рекомендации являются базисом программы по развитию способности студентов прогнозировать в контрольно-оценочной ситуации в зависимости от направленности их антиципируемых оценок,

состоящей из блоков упражнений, способствующих развитию самостоятельности; формированию целеустремленности; развитию самоорганизации; повышению мотивации и навыков учения в вузе; регуляции психофизиологического состояния; повышению самооценки и уверенности в себе; развитию коммуникабельности, сенситивности; развитию мышления, рефлексивных навыков. В ходе занятий должна использоваться психогимнастика, способствующая изменению состояний как группы, так и отдельных ее участников.

Антиципация студентов, будучи основой многих процессов саморегуляции, в контрольно-оценочной ситуации обеспечивает психологическую защищенность, так как снимает неопределенность относительно будущих событий, что является, по И. А. Баевой (2002), одним из компонентов психологической безопасности образовательной среды. Успешная презентация студентом своих компетенций на экзамене позволяет ему выстраивать продуктивные стратегии взаимодействия, а преподавателю выявить зону его актуального развития, чтобы потом создавать оптимальные способы продвижения данной зоны.

Зайцева Я. Н.

Валитова В. Р.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

В наш информационный век важно не просто усвоение готовых знаний, а умение получить их самостоятельно в ходе изучения окружающего мира. Реальную возможность самостоятельного получения знаний предоставляет организация участия детей в исследовательской деятельности. Опираясь на А. В. Леонтовича, можно сказать, что детская потребность в исследовательском поиске обусловлена биологически, ребенок рождается исследователем. Неутомимая жажда новых впечатлений, любознательность, постоянное стремление самостоятельно искать новые сведения о мире – важнейшая черта детского поведения. Исследовательская активность – естественное состояние ребенка, он настроен на познание мира. Именно это порождает соответствующее поведение и создает условия для того, чтобы психическое развитие ребенка изначально разворачивалось как процесс саморазвития. Исследовательская работа является уникальным инструментом развития личности обучающихся. В рамках учебно-исследовательской деятельности развиваются способности учащихся к самоанализу и самопознанию, формируются коммуникативные навыки, укрепляющие социальные связи, которые способствуют его успешной адаптации в социуме.

Для выявления психологических особенностей школьников, занимающихся научной деятельностью, нами было проведено исследова-

ние на базе факультета научной подготовки учащихся. Факультет научной подготовки учащихся является структурным подразделением Северо-Осетинского государственного педагогического института. Целью исследования было выявление психологических особенностей школьников, занимающихся научной деятельностью. Задачи: определение уровня мотивации успеха и боязни неудач; соотнесение уровня самооценки и притязаний; определение профиля личности; изучение креативности, беглости, оригинальности, гибкости творческого мышления.

Для решения задач исследования мы применили следующий диагностический пакет методик: «мотивация успеха и боязнь неудач» А. А. Реана; опросник ЕРІ Айзенка; «исследование самооценки Дембо-Рубинштейна» 16-факторный опросник Кеттелла; Тест Гилфорда (модифицированный). Гипотеза: мы предположили, что у детей, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, можно выявить некоторые психологические особенности: внутренняя мотивация преобладает над внешней; преобладает эмоциональная стабильность; существует оригинальность творческого мышления.

Исходя из полученных данных, можно сделать выводы, что дети, занимающиеся научной деятельностью обладают высоким уровнем мотивации на достижение успеха. Они уверены в себе и своих силах, сами проявляют инициативу. Преобладает экстравертированный тип. Действуют под влиянием момента, предпочитают движение и действие, импульсивны, беззаботны, ощущают необходимость в контактах. Эти школьники постоянно находятся в состоянии возбуждения, не могут оставаться без дела, даже в обстановке, способствующей отдыху. Эти дети также обладают высокими общими мыслительными процессами, имеют широкие интеллектуальные интересы, быстро обучаются, настойчивы в достижении своих целей, предлагают множество решений, обладают высокой скоростью переключения с одной задачи на другую, максимальной частотой оригинальных ответов, проявляют большую инициативу, независимость суждений, имеется склонность ставить перед собой новые сложные задачи. Среди личностных особенностей можно выделить: обособленность и отчужденность, тревожность, осторожность, сдержанность. В делах они точны и обязательны, но недостаточно гибки. Характеризуются как люди, которые не способны контролировать свои эмоциональные импульсы, невыдержанны в общении, импульсивны. Не стесняются публичных выступлений, любят находиться на виду. Обладают богатым воображением. Любят совместные действия, сильные и энергичные. Верят в себя, легко переживают жизненные неудачи.

В заключение считаем необходимым отметить, что научно-исследовательская деятельность учащихся предполагает формирование

и развитие всех видов мышления школьников, конечным результатом чего должно явиться «перерастание» репродуктивного стиля мышления и когнитивной деятельности в продуктивный. На наш взгляд, это и составляет основу психологических особенностей учащихся, занимающихся научно-исследовательской деятельностью. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования полученных данных для планирования и организации форм работы с детьми, склонными к научно-исследовательской деятельности.

Закурдаева И. Д.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕНЦИИ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ

Структура коммуникативного акта и специфика человеческого общения уже более полувека исследуются в психологии, психолингвистике и антропологии. По мнению М. Томаселло, понимание интенций является основополагающим процессом любого социального взаимодействия (Tomasello M. et al., 2005). С первых недель жизни дети уверенно идут по пути развития не только понимания интенций взрослого, но и трансляции собственных желаний, которая может осуществляться посредством жестов или, в дальнейшем, речи. Оптимальное для человека взаимодействие достигается в так называемом «истинном сотрудничестве», характеризующемся наличием общих интенций и внимания и координацией ролей. Большое значение в его достижении имеет понимание социальных и референтных интенций, а также наличие совместных знаний (общего контекста) (Tomasello M., 2008).

По определению М. Брэтмена, интенция – это план действий, который выбирает организм и которому он следует для достижения цели (Bratman M. E., 1989). К 12 месяцам дети начинают понимать план действий другого субъекта и осваивать навыки совместной намеренности, чему предшествуют стадии диадического (ребенок–взрослый, ребенок–объект) и триадического взаимодействия (ребенок–объект–взрослый) (Tomasello M., 2000). Решающим компонентом для понимания референтной (на что субъект направляет наше внимание) и социальной интенции (зачем он это делает) являются совместные знания. Они могут быть основаны как на совместном внимании, так и на структурах более высокого порядка – например, общих целях или некоторых знаниях о культуре. Для трансляции собственных интенций дети в раннем возрасте используют указательный жест, за которым могут стоять декларативные (показать, поделиться чем-либо) или императивные мотивы. В свою очередь, среди декларативных мотивов различают экспрессивные (выразить эмоцию по поводу чего-либо) и информативные (предоставить необходимую информацию для взрослого).

По мнению Томаселло, эти мотивы являются естественными человеческими мотивами, которые имеют свои эволюционные истоки. В этом возрасте дети также используют иконические жесты для того, чтобы изобразить действие (значение: «сделай это» либо «дай мне то, что делает это»). На втором году жизни дети все реже употребляют иконические жесты, по сравнению с указательными, т. к. первые заменяются речью, а вторые продолжают существовать, сопровождая ее. Таким образом, полная система сотрудничества развивается до речи и является основополагающей для ее появления. В то же время концепция Томаселло оставляет для дальнейших исследований ряд проблем: появление указательного жеста в онтогенезе, осознание ребенком себя как субъекта, происхождение понимания интенций и др. Кроме того, интересно практическое применение данной теории: представляется возможным выделить более четкие критерии для различения стадий развития понимания интенций с целью диагностики и, по необходимости, коррекции коммуникативной деятельности в раннем возрасте.

Кагермазова Л. Ц.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Актуальность проблемы, связанной с профессиональным становлением преподавателей высшей школы, объясняется, с одной стороны инновационными преобразованиями, происходящими в высшей школе, с другой – многогранностью, полифункциональностью педагогической деятельности. Профессиональное становление с позиции акмеологического подхода раскрывается как сложный, динамический, поэтапный процесс возникновения, закрепления и преобразования содержательных характеристик потребностно-мотивационной, когнитивной, личностной и эмоционально-волевой подструктур, обеспечивающих субъекту деятельности возможность: проявлять социальную, профессиональную активность, направленную на решение конкретных задач. И здесь важное значение приобретает способность преподавателя выявлять противоречия, препятствующие профессиональному становлению.

Анализ научной литературы показывает, что вопрос выявления затруднений, ограничений, противоречий, проблем в деятельности профессионала достаточно широко обсуждался в исследованиях И. Л. Беляевой, А. А. Деркача. В частности, А. А. Деркач, занимаясь проблемой развития аутопсихологической компетентности государственных служащих, выделяет ряд ограничений, которые блокируют оптимальное саморазвитие: внешние ограничители – деструктивное окружение и его негативное давление на человека; внутренние ограничители

– неосознанные комплексы неполноценности, невротические образования, психологические защиты, негативное влияние прошлого опыта (Деркач А. А., 2003).

Как показывают научные исследования и практика, не всегда возникающие трудности и проблемы связаны непосредственно с профессиональными знаниями, умениями, навыками. Это обусловило необходимость изучения тех проблем, которые можно разрешить в результате организованной деятельности специалистов акмеологического сопровождения при соответствующей мотивационной готовности самих преподавателей к сотрудничеству, к развитию и саморазвитию, к построению успешной стратегии профессионального становления.

С этой целью был проведен ряд эмпирических исследований, который позволил выявить: готовность личности к саморазвитию; уровни саморазвития; самооценку профессиональной деятельности и подготовку к ней; факторы, стимулирующие и препятствующие развитию, что позволяет дать рекомендации, направленные на проектирование успешной стратегии профессионального становления.

По результатам полученных данных был проведен кластерный анализ. Выделение кластеров и их составляющих показало, что для преподавателей вуза на каждом этапе профессионального становления (адаптация, профессионализация, профессиональное мастерство) возникают определенные трудности, которые условно можно объединить в три группы:

- 1) трудности, связанные с овладением преподавателем теоретическими знаниями или их ограниченностью;
- 2) трудности в подаче знаний студентам, в том числе и с позиции активных методов;
- 3) трудности в анализе собственной преподавательской деятельности и деятельности коллег.

Для всех групп испытуемых представляются сложными и вызывают трудности следующие проблемы: способы организации дискуссий, проблемные формы обучения и активные приемы в анализе и осещении теоретических вопросов в ходе занятий, недостаток научных знаний в области возрастной психологии.

Полученные результаты позволили акцентировать внимание на следующих вопросах:

- поиск потенциалов акмеологической среды, обеспечивающих оптимизацию процесса профессионального становления;
- определение условий, способствующих активизации личностных потенциалов;
- необходимость включения в систему повышения квалификации по психологии и акмеологии, как дисциплин, позволяющих анали-

зировать, оценивать и соотносить требования общества к педагогической деятельности.

Способность преподавателей вуза к проектированию стратегий продуктивного профессионального становления, с одной стороны, зависит от их готовности к саморазвитию, уровней саморазвития, осознания факторов, сопутствующих и препятствующих профессиональному становлению, возможности преодолевать препятствующие факторы, разрешать проблемы, степени адекватности оценки своей профессиональной деятельности и степени удовлетворенности профессиональной подготовкой. И, как показывает практика, создать условия для успешной самореализации, вершинных достижений может среда акмеологического типа. Постановка и достижение такой цели позволит значительно усилить потенциал средового пространства и личностный потенциал всех субъектов акмеологической среды: преподаватели, студенты.

Карасаева А. М.

ВЛИЯНИЕ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК НА ВОСПРИЯТИЕ ИКОНИЧЕСКИХ И РЕЧЕВЫХ СТИМУЛОВ

В настоящее время актуальным в психологической науке является вопрос о взаимоотношениях различных психологических категорий. В данной работе исследуются взаимоотношения категорий «сознание» и «восприятие» и рассматриваются осознаваемые основания восприятия иконических и речевых стимулов. В докладе представлены результаты исследовательской работы, проведенной в рамках изучения смысловой обусловленности восприятия иконических и речевых стимулов у подростков 14–16 лет. Значение установок в развитии человека как личности показывают многие российские авторы (А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев, Д. Н. Узнадзе и т.д.); в том числе указывая на тот факт, что смысловая установка отвечает за избирательность восприятия. Многие исследователи отмечают близость идеи Д. Н. Узнадзе об установке и идеи А. Н. Леонтьева о личностном смысле. Это приводит к предположению о том, что понятия «общая первичная установка человека как личности» и «личностный смысл» описывают различные стороны одного и того же процесса, какого-то общего механизма регуляции деятельности человека. Использование этого механизма – одна из важных задач современной практической психологии.

Цель исследования заключалась в изучении общих психологических закономерностей и гендерных особенностей влияния смысловых установок на восприятие иконических и речевых стимулов у подростков 14–16 лет. В эмпирическом исследовании участвовали 92 подростка, обучающихся в девятых классах, в возрасте от 14 до 16 лет.

В нем использовались следующие методики:

- 1) опросник «смысловые базовые установки» (СБУ) (адаптация А. Д. Ишковым и Н. Г. Милорадовой опросника «шкала дисфункциональности» Д. Бернса);
- 2) методика «ценностные ориентации» (О. И. Мотков, Т. А. Огнева);
- 3) методика исследования системы жизненных смыслов (В. Ю. Котлякова);
- 4) ассоциативный тест;
- 5) методика сопоставления и оценки иконических стимулов.

Анализ полученных в ходе эмпирического исследования результатов позволил сформулировать следующие выводы:

1. Исследование подтверждает, что, несмотря на ряд фундаментальных исследований проблемы смысловых установок в отечественной и зарубежной психологии, до сих пор мало изученными остаются вопросы онтогенетического развития смысловых установок и их связи с другими компонентами смысловой сферы личности и спорными – вопросы места смысловых установок в общей системе регуляции поведения. Кроме того, возникают определенные терминологические различия, затрудняющие процесс анализа смысловых установок, и отмечается дефицит психодиагностического инструментария по их изучению.

2. Смысловые установки обладают рядом характеристик:

- 1) выражают личностный смысл в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизируют процесс деятельности в целом;
- 2) могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми;
- 3) сдвиг смысловых установок всегда опосредован изменением деятельности субъекта;
- 4) выступают в роли фильтра по отношению к установкам нижележащих уровней – целевым и операциональным установкам.

3. Речевые и иконические стимулы в качестве воздействующих стимулов могут раскрыть смысловые установки личности. Сами по себе данные стимулы не могут вызвать существенный сдвиг смысловых установок, для этого требуется смена формы деятельности.

4. На уровне смысловых установок прошлые впечатления, события и собственные действия субъекта не выступают для него как покоящиеся пласты прошлого опыта. Они становятся предметом его отношений, его действий и поэтому вносят свой вклад в личность.

5. Особенности функционирования смысловых установок в подростковом возрасте 14–16 лет являются повышенная ответственность за других и требовательность к себе. Подростки стремятся к безупреч-

ности, переживают, что не смогут достичь хороших результатов. При этом у них ещё не сформирован индивидуальный образ достижения.

6. Большинство смысловых установок у мальчиков и девочек совпадает, но девочки более требовательны к себе и ответственны за свои намерения и поступки. Альтруистические жизненные смыслы больше выражены у мальчиков, чем у девочек. Гедонистические жизненные смыслы выражены в большей степени у девочек, чем у мальчиков.

7. Восприятие иконических стимулов абстрактного содержания различно у мальчиков и девочек. Мальчики склонны оценивать такие картины как позитивные, в то время как девочки оценивают их как негативные.

Кашаева Л. С.

Коскина Е. Н.

АГРЕССИВНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РОДИТЕЛЬСКИХ РЕАКЦИЙ И УСТАНОВОК

В ситуации социального кризиса большинство людей разделились, одни стали депрессивными, другие агрессивными. Отношения между людьми резко обострились: появились озлобленность, эгоизм, пренебрежение к интересам окружающих, вседозволенность в выборе средств поведения, потеря уважения к другим. Мы считаем, что ответ на вопрос, почему так происходит, можно найти в маленькой ячейке общества – семье, в которой как в капле воды отражается массовый всплеск насилия в обществе, дегуманизация социальных связей.

Таким образом, целью нашего исследования явилось выявление зависимости агрессивности младших школьников от родительских установок и реакций. Объект исследования – агрессивность младших школьников. Предмет исследования – родительские установки и реакции как фактор формирования агрессивности младших школьников.

В нашем исследовании мы применили следующие методы: анализ научно-методической литературы; констатирующий эксперимент; психодиагностические методики: методика измерения родительских установок и реакций (PARI) Е. Шефер и Р. Белл; тест «руки» (Б. Брайклин, З. Пиотровский, Э. Вагнер); математико-статистическая обработка данных.

Констатирующий эксперимент проводился на базе МОУ СОШ № 5 г. Великие Луки Псковской области, в нём приняли участие ученики третьего класса и их родители. В ходе проведенного нами исследования были получены следующие результаты. С помощью диагностической методики «измерение родительских установок и реакций» мы определили особенности родительского воспитания по 23 шкалам, кото-

рые отражают отношение родителей к семейной роли и к ребенку. При определении отношения родителей младших школьников к семейной роли было выявлено, что у большинства матерей по всем шкалам преобладает средний балл (от 55 до 80), что говорит об ограниченности женщин рамками семьи, об их зависимости от семейных дел, а также можно отметить несамостоятельность их как матерей. Большинство принявших участие в эксперименте женщин погружены в заботы исключительно о семье, вероятно, поэтому проявляется ощущение самопожертвования при реализации роли матери и возникает неудовлетворенность ролью хозяйки дома. Можно предположить, что причиной данных проявлений является «безучастность» мужа и его невключённость в дела семьи, что, в свою очередь, подтверждается результатами методики. Несмотря на то, что в воспитании ребенка и в устройстве дома доминирует мать, существует необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка. Это можно объяснить нехваткой времени на выполнение необходимых дел и постоянной неудовлетворённостью своей жизнью.

Перечисленные особенности отношений в семьях влекут за собой конфликты, затрагивающие различные стороны семейной жизни. Рассматривая особенности отношения родителей к ребенку, можно констатировать, что между ними прослеживаются уравнительные отношения, однако иногда родители склонны проявлять раздражительность, вспыльчивость, суровость. При изучении выраженности различных категорий агрессивности у младших школьников было выявлено, что в большей степени дети младшего школьного возраста склонны проявлять активную безличность (13,5 балла), эмоциональность (6,8 балла) и коммуникацию (4,7 балла), в меньшей – демонстративность (2,6 балла) и страх (1 балл).

Для выявления взаимосвязи между особенностями родительских установок, реакций и проявлениями агрессивности был проведен корреляционный анализ, результаты которого свидетельствуют о том, что супружеские конфликты, возникающие в семье, способствуют проявлению агрессии со стороны ребенка ($r = 0,592$; $p = 0,01$). При возникновении необходимости посторонней помощи в воспитании ребёнка снижаются агрессия ($r = -0,558$; $p = 0,05$) и демонстративность ($r = -0,562$; $p = 0,05$), проявляемые им. Предоставление родителями ребенку возможности высказаться способствует тому, что у него не выражаются такие агрессивные реакции, как навязчивость ($r = -0,474$; $p = 0,01$) и демонстративность ($r = -0,463$; $p = 0,01$). Поощрение активности ребёнка снижает его эмоциональность ($r = -0,527$; $p = 0,05$), коммуникацию ($r = -0,569$; $p = 0,05$) и усиливает демонстративность

($r = 0,716$; $p = 0,01$). Навязчивость родителей снижает проявление ребенком активной безличности ($r = -0,563$; $p = 0,05$).

Таким образом, наше предположение о том, что дисгармоничные детско-родительские отношения способствуют проявлениям агрессии в младшем школьном возрасте, подтвердилось.

Клокова А. В.

ХАРАКТЕРИСТИКА СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛИ ТК

В настоящее время существует множество методов диагностики различных аспектов личности. Но они, как правило, достаточно сложны, трудоемки и неэкономичны во времени. Мы предлагаем использовать модель трансформационного коучинга (ТК) для характеристики как личности индивида, так и для характеристики группы индивидов, связанных каким-либо общим признаком.

Данная наша работа направлена на создание кратких характеристик студентов, получающих образование по следующим специальностям: физика, психология, лечебное дело. Модель ТК: В модели выделены четыре пары противоположностей: стабильность–изменение, сила–чистота, действие вовне–действие вовнутрь (рефлексия), направление–внимательность.

Нами были получены следующие результаты:

Первая группа – студенты, получающие образование по специальности физика. Студенты данной специальности целенаправленные, способны горы свернуть, двигаясь к собственной цели. Эти характеристики являются для них базовыми. Другим важным качеством является стремление к постоянству, стабильности. Они спокойны и уравновешенны. В характеристике стабильности преобладает направление, целеполагание, стремление к цели. Это неразрывно связано с характеристикой силы. Для студентов данной специальности не свойственна чистота. То есть они менее чувствительны к миру. Они не склонны к самоанализу, о чем свидетельствуют низкие баллы по шкале рефлексии.

Вторая группа – студенты, получающие образование по специальности психология. Студентам, получающим образование по специальности психология, свойственна чувствительность к миру, всегда «чистый» взгляд на окружающую действительность, склонность к выражению чувств и одновременно склонность к изменениям, а также способность к постановке цели. Все эти характеристики необходимы студентам-психологам для эффективной профессиональной деятельности, а также самореализации. У студентов, получающих образование по специальности психология, параметр чистоты связан со способностью услышать говорящего ($\Gamma = 0,55$; $p < 0,001$). Чем более чувствителен сту-

дент-психолог к миру, тем он более способен услышать и понять собеседника. Данный факт обусловлен особенностями специальности данных студентов, так как психологу необходимо понимание клиента, а чистота является одной из базовых характеристик студентов, получающих образование по специальности психология. У них параметр силы отрицательно связан со способностью донести информацию ($\Gamma = -0,54$; $p < 0,001$). Это также объясняется особенностями профессии: чем более психолог сосредоточен на цели, тем сложнее ему передать свои мысли, донести их до клиента, так как информацию психолог должен передавать клиенту не в чистом, а в переработанном виде. У студентов, получающих образование по специальности психология, параметр рефлексии связан с тем фактом, что индивиду нравится осмысление разговора после того, как последний состоялся ($\Gamma = 0,4$; $p < 0,001$).

Третья группа – студенты, получающие образование по специальности медицина. Они склонны и открыты для изменений, пластичны в психологическом плане. Кроме того, эти студенты направлены и твердо идут к достижению поставленной цели. Они широко открыты для переживаний и тщательно наблюдают за происходящим, в то же время они легко замечают, что разворачивается внутри и вокруг них, склонны к рефлексии. Параметры внимательности и направления являются одними из ведущих у студентов данной специальности, по долгу службы медикам важно внимательно слушать пациентов, поэтому склонность получать удовольствие от «слушания» собеседника является важным качеством, способствующим успешной деятельности.

Все рассмотренные аспекты тесно связаны с особенностями специализации студентов и, как мы видим, проявляются и имеют большое значение уже в период получения образования.

Козлова Е. В.

Киреева Н. Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В качестве главного результата общего образования в «Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» рассматривается готовность и способность молодых людей, оканчивающих школу, самостоятельно принимать серьезные решения в ситуации выбора, прогнозируя возможные последствия, нести ответственность, как за собственное благополучие, так и за благополучие общества. Это в большой степени определяет собственную гражданскую позицию молодого человека. В этом контексте становление гражданской позиции личности является все более актуальной проблемой. Ключевыми в данном вопросе являются понятия «позиция» и «гражданская по-

зиция». Термин «позиция» является предметом изучения целого ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики. В психологических исследованиях рассматривается понятие «позиция личности». На данный момент накоплено множество определений этого феномена. С точки зрения С. Л. Рубинштейна, позиция личности есть система отношений личности к обществу, людям, труду, самой себе; позиция – образование, объединяющее разные виды ценностных ориентаций. Б. Г. Ананьев определяет позицию как интегральное отношение человека к окружающей действительности и самому себе, наличие установок и мотивов поведения, целей и ценностей, на которые направлена деятельность. К. А. Абульханова-Славская считает, что позиция – избранный личностью в соответствии с ее ценностями способ осуществления жизни. (И. С. Лебедева, 2007).

Термин «гражданская позиция» не является установившимся в современной науке, а рассматривается с различных точек зрения. Большинство исследователей считают, что определение гражданской позиции необходимо строить исходя из понимания термина «гражданин». Требования к личности как к гражданину имеют конкретно-исторический характер, изменяются в зависимости от социального строя государства. Сейчас принято понимать гражданина как человека автономного, способного делать выбор и контролировать свою личную и общественную жизнь, реализовывать и отстаивать гражданские права. Учитывая все эти аспекты, наиболее полно отражена сущность понятия «гражданская позиция» в определении Т. А. Кобелевой: «Гражданская позиция – интегративная система отношений личности к государству, праву, гражданскому обществу, к самому себе как к гражданину, определяющих ориентацию на общественное благо и реализующихся в деятельности» (Т. С. Кобелева, 2006).

Анализ содержания гражданской позиции позволяет выделить две её стороны: политико-правовую и нравственную. Гражданская позиция личности в политико-правовом аспекте представляет собой осознание личностью своей позиции в качестве субъекта и активного участника политической деятельности в соответствии с правовым статусом гражданина. Нравственная сторона гражданской позиции представляет собой интериоризацию моральных норм, традиций, установок и системы ценностей. В исследовании И. Л. Гуляевой подчеркивается, что нравственные отношения являются ядром отношений, создающих гражданскую позицию личности. Нравственностью человека опосредуются все социальные отношения личности: политические, правовые, эстетические, трудовые и другие (И. Л. Гуляева, 2007). Анализ литературы показал, что к 14–16 годам у школьников складывается устойчивое представление об окружающем мире и обществе и идет активный поиск

путей самоутверждения, способов самореализации. Именно в этом возрасте можно говорить о некоторой устойчивости позиции школьников, о завершении этапа первичной социализации. К этому возрасту у подростков складывается система ценностей, опираясь на которую они выстраивают свое взаимодействие с окружающим миром. Формирование в подростковом возрасте мировоззрения расширяет ту среду, в которой живет подросток. Чувство взрослости, возникающее у подростка как центральное и специфическое новообразование его сознания, выражает новую жизненную позицию по отношению к самому себе, окружающим людям, к миру.

Исследователями подчеркивается, что система ценностей подростка, его способность интересоваться другими людьми и принимать участие в жизни общества (другими словами – социальный интерес) влияют на становление его позиции по отношению к государству и обществу, или гражданской позиции. (И. В. Молодцова, 2007).

Таким образом, систему ценностей и социальный интерес можно выделить в качестве одних из главных психологических факторов становления гражданской позиции старшеклассников.

Кособудская О. А.

РАЗВИТИЕ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ Я-КОНЦЕПЦИИ У СТУДЕНТОВ СПОРТИВНЫХ ВУЗОВ

Современное переосмысление содержания образования предполагает ориентацию на раскрытие личностного потенциала студента. Вместе с тем возрастают общественно-экономические требования к профессионалу, среди которых «Я»-концепция и выбранная профессия выступают одними из условий профессионального роста. Оказание психолого-педагогического сопровождения студентам в самоактуализации, как составляющей «Я»-концепции, способствует самосовершенствованию и профессиональному росту в процессе обучения в вузе.

Цель нашего исследования – выявить развитие самоактуализации в структуре «Я»-концепции у студентов физкультурного вуза. Эксперимент проводился на базе Великолукской государственной академии физической культуры и спорта в течение пяти лет (с 2006 по 2011 гг.). Для изучения самоактуализации у студентов использовался модифицированный опросник диагностики самоактуализации личности САМОАЛ (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина) в котором по выделенным шкалам изучались компоненты «Я-концепции»: ориентация во времени, ценности, взгляд на природу человека, потребность в познании, креативность, автономность, спонтанность, самопонимание, аутосимпатия, контактность и гибкость в общении.

Анализируя результаты проведенного опроса, мы приходим к выводу о том, что изменения уровня развития самоактуализации происходило постепенно. Так, например, изменения результатов по шкале «ориентация во времени» развивались от низкого уровня на первом курсе у 90% испытуемых к высокому уровню на пятом – 80%. Студенты, погруженные в прошлые переживания, с завышенным стремлением к достижениям, мнительные и неуверенные в себе на первом курсе, стали хорошо понимать экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь», научились наслаждаться актуальными моментами, не сравнивая их с прошлым опытом. Изменился показатель по шкале «ценности». На первом курсе у 76% испытуемых наблюдался низкий уровень развития данного качества, а на пятом курсе у 90% студентов выявлен высокий уровень его развития. Это свидетельствуют о том, что большинство студентов разделяют ценности самоактуализирующей личности, стремятся к гармоничному бытию и здоровому отношению с людьми, далекому от желания манипулировать ими в своих интересах. По шкалам «взгляд на природу человека» и «высокая потребность в познании» на первом курсе у 64% и на пятом курсе у 78% испытуемых наблюдается высокий уровень сформированности, интерпретируемый как устойчивое основание для искренних и гармоничных межличностных отношений. Студенты акцентированы на доверие к людям, честность, непредвзятость, доброжелательность, бескорыстную жажду к новому. Высокий уровень развития по шкале «стремление к творчеству» и «спонтанность» на первом курсе выявлен у 66%, а на пятом курсе у 72% студентов.

Развитие данных показателей тесно связано со спецификой физкультурного вуза. Студенты до поступления в академию уже сталкивались с необходимостью принятия самостоятельных решений, поиском выхода из сложных ситуаций во время тренировочной и соревновательной деятельности. Процесс обучения в вузе, связанный с участием в соревнованиях и подготовкой к ним, положительно повлиял на развитие стремления к творчеству и спонтанности. Огромную роль сыграла не только соревновательная деятельность, но и тренер, который искусно создавал определенные условия, необходимые для развития личности спортсмена. Низкий уровень развития по шкалам «контактность», «гибкость» и «аутосимпатия» наблюдается у студентов первого курса (68%, 74%, 66%), соответственно.

Эти результаты характерны для студентов, не уверенных в том, что они интересны собеседникам, не способны к адекватному самовыражению в общении. На 5 курсе по этим шкалам доминировал высокий уровень развития самоактуализации (80%, 90%, 84%). Это объясняется тем, что хорошо осознаваемая позитивная «Я»-концепция, служит ис-

точником устойчивой адекватности самооценки. От низкого уровня к высокому изменились показатели по шкалам: «самопонимание» и «автономность» на первом курсе (76%, 70%), на пятом курсе (82%, 90%) соответственно.

Произошли видимые изменения от неуверенности, низкой ориентации на себя, тревожности и незащищенности к целостности и полноте личности, к правильной оценке внешних социальных стандартов, к адекватной самооценке как составляющей «Я»-концепции. Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение, реализующееся в академии физической культуры, выступает значимым фактором развития самоактуализации личности в структуре «Я»-концепции у будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта.

Кравчик К. Б.

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ И КРЕАТИВНОСТИ

В рамках нашего дипломного исследования была выдвинута гипотеза об инновационном музыкально-педагогическом процессе, который способствует развитию музыкального мышления у студентов консерватории, т. е. композиторского мышления, а также развивает у них креативность, как музыкальную, так и в целом.

Мы поговорим о создании психолого-педагогических условий, развивающих музыкальное мышление и креативность при особо организованном музыкально-педагогическом процессе. Выборка была в составе 60 человек, студенты вечернего отделения музыкального вуза. Она делилась на две группы: экспериментальная и контрольная. В каждой по 30 человек. В контрольной группе было шесть девушек и 24 юноши. В экспериментальной было семь девушек и 23 юноши. Все испытуемые учились на третьем курсе по классу фортепиано. Первый замер методиками произошел в начале октября 2009 г., а второй, окончательный, в конце февраля 2010 г.

Методы исследования. Диагностика творческих способностей: методика Е. Торренса. В рамках нашего исследования использовался тест «незаконченные фигуры» (вербальная и образная креативность) и музыкальная креативность, т. е. словесно-звуковое творческое мышление – «звук и образы» и «звукоподражание и образы». В первом тесте надо нарисовать ассоциации на любой музыкальный звук. Во втором тесте надо написать, на что похож тот или иной звук. Дается полная свобода воображения. Методика «выбери музыку» Л. В. Школяра; тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра.

Экспертная оценка (для диагностики музыкальных способностей). Это авторская разработка нескольких профессиональных музы-

кальных педагогов. Оценивает теоретические и практические аспекты музыкального мышления. Используется пятибалльная система оценки, затем выводился средний балл. У каждого из аспектов музыкального мышления свой принцип выставления балла. Например, 5 баллов за теоретический аспект ставили при осмыслении логики развития каждого музыкального голоса, за чувствование семантики музыкальных средств, за эстетическое, философское осмысление художественного предназначения и т. д. 5 баллов в практическом аспекте ставили за культуру звукоизвлечения. За осмысленность интонирования, за полноту и непрерывность восприятия и воспроизведения каждого из голосов. За хорошие навыки исполнения штрихов в полифонии. За осознанность ритмической организованности исполнения многоплановой фактуры, полиритмическое сочетание голосов, продуманное использование средств агогики в полифонии, знание правил педализации и т. д. 1 балл за теоретический аспект ставился при мизерных знаниях о полифонии венского классицизма и за практический аспект при непонимании полифонического характера композиции при главенстве аккордово-гармонических комплексов вместо линейно-развивающихся голосов.

Идея инновационного музыкального обучения в том, что студенты занимаются творческим поиском, направленным на усвоение научных знаний о полифонии венского классицизма, самостоятельно анализируют клавирные произведения Й. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена и тренируют практические навыки исполнения полифонии, обучаясь в классе фортепиано. Изучают биографию каждого из композиторов, делали рефераты, доклады. Выводы: В инновационном музыкальном обучении участвовала экспериментальная группа. Результаты второго замера по методикам креативности и экспертной оценки были выше первого замера, а у контрольной, которая занималась по традиционной форме, результаты были практически такими же, как при первом замере. При первом замере средний уровень музыкальных способностей у КГ: теоретический аспект = 1,8, а практический = 2,08. Средний уровень у ЭГ теоретический аспект = 1,9, а практический = 2,06. При втором замере после полугодового обучения по инновационной системе у ЭГ теоретический аспект = 4,17, а практический аспект = 3,67. второй замер по экспертной оценке у КГ за теоретический аспект = 2,15, а практический = 2,37.

Кроме того, выявлено множество корреляций на высоком статистическом уровне значимости ($p < 0,01$ и $p < 0,05$) между ростом музыкальных способностей и ростом творческих способностей. Корреляцию не удалось выявить между новым музыкальным обучением и интеллектуальными способностями, потому что полгода это небольшой срок для изменения уровня интеллекта. В результате подтверждения

гипотезы исследования, в этом музыкальном вузе с первого сентября 2010 г. всё обучение по классу фортепиано с традиционной формы перешло на инновационную. В этом заключается практическая значимость нашей дипломной работы.

Курчигина О. Л.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Пространственно-временные параметры являются не только первичными свойствами организации поступающей в центральную нервную систему информации, но и объектом психического отражения. Генезис представлений о пространственных и временных отношениях между процессами и явлениями субъективного и объективного мира осуществляется на основе первичных образов восприятия. Источником развития пространственно-временных представлений являются восприятие параметров экстеро-, интеро- и проприоцептивных стимулов, наглядно-манипулятивная деятельность ребенка. Переход от образного к понятийно-логическому мышлению характеризуется возрастанием опосредующей функции речи, которая активно развивается и интегрируется в когнитивной сфере ребенка. Благодаря этому осуществляется качественная перестройка пространственно-временных представлений с невербального на вербальный уровень организации.

Существуют возрастные и индивидуальные закономерности развития пространственно-временных представлений. У младших школьников (от 6–7 до 9–11 лет) пространственные и временные образы отличаются нечеткостью и разобщенностью, так как деятельность когнитивных процессов недостаточно скоординирована. Только в среднем школьном возрасте (от 10–11 до 15 лет) работа различных анализаторов (зрительного, слухового, вестибулярного, кожно-кинестетического) становится значительно слаженнее, возрастает произвольность и целенаправленность всех психических процессов.

Пространственно-временные представления являются одной из базовых составляющих когнитивного развития и деятельности ребенка (Пиаже Ж., 1995; Веккер Л. М., 1998). Психологические условия школьной успеваемости зависят от уровня ориентировки учащихся в системе пространственно-временных координат (Защиринская О. В., 2006; Елецкая О. В., Горбачевская Н. Ю., 2006). Представления являются переходными структурами от перцептивно-образного к понятийно-логическому уровню отражения.

На основе понимания особенностей пространственно-временного континуума складывается целостная картина мира, в том числе формируются такие сложные школьные навыки, как чтение, счет

и письмо. Многие учащиеся начальных классов испытывают трудности в овладении навыками письменной речевой деятельности. Структурной единицей письма является графема – мультимодальный образ восприятия изображаемой на письме фонемы, печатной буквы или артикулемы. Каждая графема характеризуется пространственными (конфигурация графических элементов) и временными (местоположение в слове) параметрами. Именно поэтому при нарушении или недоразвитии пространственно-временных представлений у учащихся возникают сложности или неспособность перевода акустических или оптических образов слов в графические, т. е. трудности в овладении письмом.

Результаты нашего исследования, в котором принял участие 31 ученик третьих классов коррекционной школы VII вида с диагнозом «смешанное специфическое расстройство психического развития» (F83 по МКБ-10) в возрасте от 9 до 11 лет и 30 учащихся третьих классов общеобразовательной школы в возрасте от восьми до девяти лет, показывают, что достаточная сформированность сферы пространственно-временных представлений является необходимой предпосылкой овладения навыками письма. Чем выше уровень развития пространственных и временных представлений (в особенности вербальных), тем лучше учащиеся овладевают навыками письма ($p < 0,05$; $p < 0,01$) (Защиринская О. В., Курчигина О. Л., 2009). Степень сформированности пространственных представлений у учащихся с задержкой психического развития на вербальном уровне совпадает с их индивидуальными возможностями овладения пространственными представлениями невербального уровня. Нормально развивающиеся ученики демонстрируют более высокие результаты оперирования пространственными представлениями при овладении вербальным материалом. Ученики обеих групп с одинаковой успешностью ориентируются в пространственных представлениях (право–лево) на невербальном материале с опорой на схему тела. Временные представления о возрасте, временах года, днях недели и времени суток у нормально развивающихся учащихся в отличие от испытуемых экспериментальной группы полностью сформированы. Временные представления о месяцах усваиваются со значительными затруднениями испытуемыми обеих групп. Необходимо с самых ранних этапов обучения формировать пространственно-временные представления младших школьников, так как они играют важную роль в психическом развитии ребенка, обеспечивают процессы познания и обучения, становление навыков письменной речи.

Лебедева Е. И.

**МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО И
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ***

Данное исследование выполнено в рамках подхода «модели психического» и является частью работы, посвященной изучению развития понимания ментального и физического мира детьми с типичным развитием и расстройствами аутистического спектра. На данном этапе анализировалась связь успешности выполнения задач на понимание ментального и физического мира с уровнем развития психометрического интеллекта. В исследовании участвовали 136 детей от 3 до 11 лет. Из них 92 типично развивающихся ребенка четырех возрастных групп (с трех до шести лет) и 44 ребенка с расстройствами аутистического спектра с пяти до 11 лет. Сопоставлялись блоки задач двух уровней: базового – на владение отдельными представлениями и более высокого, предполагающего связанность отдельных представлений в единую картину физического или ментального мира, позволяющую понять причинность событий. Базовый уровень отражал распознавание эмоций, понимание желаний, намерений и основных законов физического мира (субстанциальности, гравитации, непрерывности).

Уровень моделей включал в себя понимание причин эмоций, физической и ментальной причинности, обмана, понимания отличия движения физических объектов и живых тел и понимание принципа сохранения. По каждому блоку методик были введены интегративные показатели, которые сравнивались с уровнем интеллектуального развития в каждой группе детей. Уровень интеллектуального развития оценивался при помощи «методики исследования интеллекта у детей Д. Векслера» (1994) для детей 5–11 лет и теста интеллекта Векслера для дошкольного и младшего школьного возраста (WPPSI) для детей 3–4 лет. Дети с расстройствами аутистического спектра разделились на две группы: со средним уровнем развития интеллекта (> 85) и ниже среднего (< 85). Дети с типичным развитием также разделились на две аналогичные группы.

Наше исследование показало, что при типичном развитии в дошкольном возрасте понимание причинности событий социального и физического мира (т. е. только более высокие уровни понимания) связано с показателями вербального интеллекта, а показатели невербального и общего психометрического интеллекта и с базовым, и более высоким уровнем понимания. В свою очередь, в группе детей со сниженным интеллектом, когда дефицитность обнаруживается не только в понима-

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-1758.2010.6)

нии ментального и физического мира, но и в общих когнитивных способностях, становление ментальных моделей психического и физического мира оказывается изолированным от развития психометрического интеллекта. У детей с расстройствами аутистического спектра с сохраненным интеллектом обнаружены инвертированные связи понимания ментального и физического мира с коэффициентами интеллектуального развития так же, как у типично развивающихся детей. Вербальный интеллект оказывается связанным со всеми уровнями понимания: базовым и уровнем моделей ментального и физического мира, в то время как невербальный интеллект отрицательно сопряжен с пониманием ментального и физического мира на уровне моделей.

Подобные факты были получены и в других исследованиях. В ряде работ обнаружена нелинейная связь развития модели психического с вербальными способностями (Leekam, Perner, 1991; Harpe, 1994). По-видимому, развитие уровня общей осведомленности, логического обобщения, сформированность дефинитивного мышления как составляющих вербального интеллекта является необходимым, но недостаточным условием для формирования модели психического у детей с расстройствами аутистического спектра. Мы предполагаем, что вербальный интеллект, тесно коррелирующий с разными уровнями понимания ментального и физического мира у детей-аутистов, отражает развитие общей ментальной способности, состоящей в достижении когерентности окружения, что и становится критичным для понимания детьми даже базовых ментальных и физических законов. Вербальный интеллект при этом опирается на более высоко развитую когерентность, поскольку предполагает оперирование с абстракциями второго порядка (вербальными понятиями). Данное предположение нуждается в дополнительной проверке и аргументации, но оно подтверждается связью вербального интеллекта только с уровнем моделей физического и ментального мира у детей с типичным развитием.

Леоненко Н. О.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ И ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ

Современный мир характеризуется возросшей интенсивностью межкультурного общения, подлинная культура которого может возникнуть только на основе раскрытия индивидуальных различий в таких стержневых характеристиках личности, как Я-концепция и терминальные ценности, определяющих мировосприятие и социальное поведение личности (К. Роджерс, Р. Бернс и др). Наиболее сензитивным периодом в формировании данных личностных образований является подростковый возраст (Л. С. Выготский, Э. Эриксон, Д. Б. Эльконин и др).

Актуальность изучения возрастных особенностей личности в межэтническом аспекте усиливается в связи с тем, что именно подростки закладывают характер отношений между этническими группами в будущем. Исходя из данных теоретического анализа, мы предположили, что существуют этнические особенности Я-концепции и терминальных ценностей подростков. С целью эмпирической проверки гипотезы нами проводилось психодиагностическое обследование подростков (50 подростков из России и 24 подростка из Германии). Психодиагностический инструментарий: тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд в модификации Т. В. Румянцевой), методика «личностный дифференциал» (Ч. Осгуд), методика «ОТеЦ 2 (подростковый вариант)» (И. Г. Сенин).

Данные психодиагностического обследования были подвергнуты факторному анализу. Факторная структура Я - концепции и терминальных ценностей русских подростков. Первый фактор включил в себя ценности: «собственный престиж», «высокое материальное положение», «креативность», «активные социальные контакты». Мы обозначили данный фактор как «стремление к престижу и статусу». Второй фактор включает в себя компонент «материальное Я». Исходя из авторской интерпретации данной шкалы, мы назвали этот фактор «значимость материальной обеспеченности». Третий фактор включает в себя переменную «физическое Я». Исходя из авторской интерпретации данной шкалы как выраженности осознания своей физической идентичности, рефлексии телесных ощущений, мы обозначили этот фактор как «телесная идентичность». Факторная структура Я-концепции и терминальных ценностей немецких подростков. Первый фактор включает в себя ценностные компоненты: «развитие себя», «достижения», профессиональная жизнь», «обучение». Мы назвали фактор «стремление к профессиональной компетентности». Второй фактор включает в себя отрицательный полюс самооценки собственной активности. Этот фактор свидетельствует об интровертированности немецких подростков, их пассивности, спокойных эмоциональных реакциях, и мы назвали его «пассивность». На наш взгляд, выраженность данной переменной может быть связана с историческим опытом немецкой этнической группы, а именно с чувством вины перед мировым сообществом за бессмысленность и жестокость Второй мировой войны, начатой по инициативе немецкого вождя. Третий фактор представлен отрицательным полюсом ценности «креативность», что мы интерпретируем как отсутствие достаточного спектра вариативности в способах действий, или «консерватизм». Содержательный анализ компонентов, входящих в первый фактор, показывает, что, если для испытуемых русской выборки особую важность представляет их материальное положение и статус в контексте общественной жизни (мы образно назовем эту тенденцию «ИМЕТЬ»), то для

немецких подростков наибольшую значимость представляют возможности обучения и развития в сфере профессиональной жизни (условно обозначим эту тенденцию «БЫТЬ»).

Наше предположение может быть рассмотрено через призму концепции Эриха Фромма (1990), в которой автор выделяет два модуса человеческого существования – «быть» и «обладать». Модус бытия, по Э. Фромму, означает стремление к росту, развитию, реализации своих способностей и талантов. Модус обладания, характерный для русских подростков, с точки зрения Э. Фромма, выражается в стремлении обладать вещами. Однако такое стремление, по Фромму, не является врожденным, а формируется в результате воздействий социальных условий. Мы предположили, что для русских подростков такими условиями могли стать долгие годы тоталитарного режима в СССР, со свойственными для него тотальным дефицитом материальных благ и утверждением конформизма. С этой точки зрения, стремление к материальному достатку и статусу в обществе может быть следствием гиперкомпенсации их недоступности в прошлом для всей этнической общности на постсоветском пространстве.

Маслов Е. И.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О СЕМЕЙНОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Современная европейская семья переживает изменения, которые одними исследователями определяются как кризис (А. И. Антонов, Б. Бергер, В. Н. Дружинин, Д. Папеное, В. Сатир), другими – как социально-культурологическая трансформация исторического феномена малой группы (И. С. Голод, Р. Зидер, Б. Н. Миронов, А. А. Реан). В России и других странах эти процессы разворачиваются на фоне глубокого системного кризиса, затронувшего все уровни общества; от поведения отдельных членов и малых групп до его ценностно-культурных оснований.

Нами был апробирован комплекс методов, позволяющий наиболее полно изучить ориентационное поле старшеклассников в изучаемом аспекте. Исходным явилось структурированное интервьюирование «Как вы представляете себе семью». Оно позволило определить состояние связи между компонентами формирования личностного отношения к ценностям семейного образа жизни. Было проинтервьюировано 27 учащихся ГОУ «Кировский физико-математический лицей». Ответы были подвергнуты процедуре контент-анализа. Категориями для него послужили компоненты формирования личностного отношения к данному феномену (в рамках концепции отношений В. Н. Мясищева).

По силе их выраженности нами сделаны выводы о степени сформированности отношения.

1. Эмоционально-мотивационный компонент – было продифференцировано восемь показателей (чувство самодостаточности в семье, взаимопонимание, радость, забота, любовь, взаимопомощь и поддержка, доверие, защищенность). Всего получено 60 выборов этого компонента.

2. Когнитивно-оценочный – определено пять элементов. Они включают знания старшеклассников о том:

- каков состав семьи;
- что численность семьи в ходе времени меняется по разным причинам;
- семья необходима для выполнения различных функций;
- различные историко-культурные типы семей. Здесь было получено 33 выбора.

3. Поведенческий – выделено тоже пять элементов. Учащиеся определяют

- стили отношений с близкими и дальними родственниками;
- необходимость семьи в жизни;
- что есть «фундамент семьи». Получен 41 выбор.

4. Прогностический – выделено три элемента. Учащиеся описывают, каким образом в ходе жизни человека меняются функции семьи, семейные роли, формы взаимоотношений между членами семьи. Было получено десять выборов.

Таким образом, в представлениях старшеклассников о семье как общечеловеческой ценности доминирующее место занимает ее эмоционально-мотивационная составляющая. Семью воспринимают как необходимое и очень нужное образование в жизни любого человека. На вопрос: «Хотите ли Вы создать свою семью?», все учащиеся отвечают утвердительно. Но эта диагностика выявила и недостаточность знаний в понимании этого феномена. Поэтому нами была разработана и апробирована техника «Правила моей будущей семьи». Это упражнение было проведено в девятом классе после внеклассного занятия «Конструирование образов семьи», акцентом которого были различные ценностные аспекты устройства семей различных видов (городских, православных, благополучных, русских и т. п.). Было предложено заполнить анкетный листок, в вопросы которого нами как исследователями вкладывался смысл о компонентах формирования отношения. На их основе был проведен контент-анализ полученных данных.

На эмоционально-мотивационном уровне формирования были определены психологические основы организации (31 выбор). Старшеклассники уделяют внимание необходимости любви, доверия, честности, взаимопониманию и верности. На когнитивно-оценочном уровне

получено 63 выбора аспектов внешнего устройства семьи. Из работ воспитанников: «В семье должны быть 1–2 ребенка, оба родителя, семья живет в городе в многокомнатной квартире, имеет загородный дом, машина(ы), быть материально обеспечена». В семье «труд разделяется между ее членами, но они совместно отдыхают». Поведенческий уровень определил моральные принципы поведения членов семьи (45 выборов). Отмечается, что семья строится на принципах «взаимопомощи, равенства, терпимости, взаимоуважения и доброжелательности».

Перечисленное характеризует недостаточную сформированность когнитивного компонента личностного отношения к ценности семьи. Эта техника выявила превалирование прагматических ориентиров в этом компоненте. В ходе эксперимента было показано, что старшеклассники готовы к контакту с педагогами. В практике их взаимодействия необходима постоянная воспитательная коррекция в сторону доминирования духовно-нравственных составляющих ценности семьи.

Махиева Л. Х.

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Психологическое время в целом и временная перспектива личности в частности в настоящее время являются активно изучаемыми категориями. Актуальность исследования данных феноменов следует из современной противоречивой ситуации, сложившейся в нашем обществе. За последние десятилетия произошла смена привычного уклада и новые экономические отношения, которые влекут за собой изменения в отношениях со временем.

Целью работы выступало исследование особенностей временной перспективы у подростков из детских домов. Проблема временной перспективы достаточно широко представлена в зарубежных исследованиях. Временная перспектива, как видение индивидом своего будущего и прошлого в своем настоящем была освещена в теории Курта Левина. Ф. Зимбардо и его коллегами временная перспектива рассмотрена, как основной аспект в построении психологического времени. Дж. Нюттен раскрывает когнитивный компонент временной перспективы. В отечественной психологии временная перспектива в составе жизненной перспективы личности рассмотрена К. А. Абульхановой-Славской. Причинно-целевая концепция временной перспективы разработана Е. И. Головахой, А. А. Кроником. Т. Н. Березина развивает мысль о взаимовлиянии таких аспектов временной перспективы, как прошлое, настоящее и будущее. А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых рассматривали особенности отношения к будущему у подростков, лишенных родительского попечительства, а особенности временной перспек-

тивы как целостного феномена у подростков из детских домов является малоизученным аспектом.

Эмпирическое исследование особенностей временной перспективы у подростков из детских домов и их сверстников из семей было проведено нами в 2010 г. на базе Военно-антоновского детского дома (40 подростков 12–17 лет) и школы-гимназии № 66 (36 подростков того же возраста) в Кыргызской Республике. В исследовании использовались следующие методики: опросник ZТPI Ф. Зимбардо, интегративный тест тревожности А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлева, проективная методика «образ цели» Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, проективная методика автопортрет, цветовой тест отношений Е. Ф. Бажина, А. М. Эткинда. По результатам исследования были получены следующие результаты.

Для подростков из детского дома более характерно фаталистическое отношение к своему настоящему: высокий уровень ситуативной и личностной тревожности, эмоционального дискомфорта и тревожной оценки перспективы.

Корреляционный анализ показал, что высокие показатели тревожности связаны с негативным отношением к своему прошлому. Для подростков из детского дома по отношению к прошлому характерны высокие показатели депрессии, а для подростков из обычных школ – стремление защитить себя от воспоминаний о прошлом и чувство, что прошлое никак не зависит от самих подростков, а зависит от окружающих людей и обстоятельств. По отношению к настоящему для подростков, лишенных родительского попечительства, характерны агрессивность, депрессия и ощущение зависимости от окружающих людей и обстоятельств. По отношению к будущему подросткам из обычных школ более характерны страхи и агрессивность, ощущение, что будущее зависит не от них самих, а от окружающих людей и обстоятельств. Образ цели у подростков из детских домов связан с потребностью в любви и принятии, подростки из детских домов склонны ставить перед собой незначимые цели, считая и их труднодостижимыми.

Минакова М. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОШИБОК НАЧИНАЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ

Введение. В настоящее время актуальны проблемы, связанные с началом практики психологов-консультантов. Они закончили вуз, получили дополнительное образование в сфере практической психологии, но им не хватает опыта реальной практики консультирования. Трудно понять, на что ориентироваться в процессе консультирования, эти ориентиры только начинают выстраиваться. Сложно видеть свои недочеты и

ошибки в работе, поскольку в стандартных программах переподготовки этому уделяется мало внимания. Однако именно такая информация может стать в начале пути наиболее ценной, служить главному принципу работы психолога-консультанта: «Не навреди!». Развивать себя как профессионала можно также формируя определенные качества, которые необходимы практическому психологу. Например, «умение понимать, сопереживать, поддерживать и анализировать чувства клиента по отношению к ближайшим другим... способность четко и конкретно планировать изменения в жизни клиента, структурировать все, что он говорит и делает, давать обратную связь и корректировать его высказывания» (Алешина Ю. Е., 2004). Это важно для всей практики в целом, но с каких ориентиров новичку-психологу начинать, чтобы помочь клиенту, а не сделать еще хуже.

Цель исследования. Построение первой системы ориентиров для начинающих психологов-консультантов. **Гипотеза исследования.** На основании эмпирических данных можно выстроить индивидуальную систему ориентирования начинающих практических психологов, основанную на сведениях о типичных ошибках психологов-консультантов, проходящих стандартную учебную программу переподготовки по психологическому консультированию.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 54 человека (46 женщин, 8 мужчин). Все испытуемые – студенты психологических факультетов вузов Москвы, проходившие интенсивный пятимесячный курс повышения квалификации по психологическому консультированию при Московском центре психологии и развития «Навстречу». Возраст испытуемых – от 18 до 22 лет.

Методика. В процессе обучения каждый курсант проводил первые сессии, в которых клиентом с реальной проблемой являлся его коллега. Ведущие программы (сертифицированные практические психологи) осуществляли супервизию сессий, фиксируя ошибки и недочеты, допущенные во время их проведения.

Анализ результатов. Собрана и проанализирована база данных ошибок участников курса (22 основные ошибки). Благодаря факторному анализу удалось выделить шесть факторов – групп ошибок консультанта:

1. Ошибки контакта:
 - Редуцирована или отсутствует фаза установления контакта.
 - Вторжение в личное пространство клиента.
 - Периодическое прерывание контакта с клиентом.
2. Наличие непроработанных личных проблем:
 - Переключение на собственные проблемы.
 - Демонстрация клиенту своих нерешенных проблем.

- Обесценивание значимых для клиента событий или чувств.
 - Спутывание причины и следствия в проблемной ситуации.
3. Речевые коммуникативные ошибки:
- Перебивание клиента.
 - Невнимательность к словам клиента, искажение или интерпретация.
 - Использование профессиональной терминологии без объяснения значений терминов.
 - Многословность либо длительное бесцельное молчание.
 - Неточные названия чувств, неправильные формулировки мыслей.
 - Неумение вернуть клиента к ответу на заданный ранее значимый вопрос.
4. Нарушение этики психологического консультирования:
- Нарушение любого пункта общепризнанных этических норм психологического консультирования.
 - Обесценивание психотерапевтического процесса.
5. Проблемы в ориентации на «здесь и сейчас»:
- Невнимание к телесным реакциям клиента.
 - Игнорирование актуальных проблем и потребностей клиента.
6. Трудности в работе на определенном уровне обобщения:
- Не сформулирован или неправильно сформулирован контракт (цель работы).
 - Работа на чрезмерно абстрактном уровне без обращения к конкретным проблемным ситуациям, чувствам и мыслям клиента.
 - Невнимание к значимым для психотерапии биографическим данным клиента.
 - Отсутствие или некорректность выводов и домашнего задания по итогам консультации.
 - Ориентация на средство (технику), а не на цель работы Выводы.

Возможно предоставить начинающим психологам-консультантам систему ориентирования в качестве систематизированного перечня типичных ошибок, которые имеет смысл искать и устранять в своей работе. Это сделает работу новичков более эффективной и безопасной для клиента.

Миронова А. Н.

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОГО КОМПОНЕНТА ГОТОВНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ К ЕГЭ

Одной из проблем, с которой столкнулось образование в результате перехода к Единому государственному экзамену, является психолого-педагогическая подготовка всех участников образовательного процесса: администрации образовательного учреждения, учителей, школьников и их родителей. По нашему мнению, среди всех компонентов психологической готовности к сдаче ЕГЭ наибольшее значение для сохранения здоровья школьников и для успешной сдачи ЕГЭ имеет эмоционально-волевой компонент, так как длительное воздействие стрессов может привести не только к нарушениям психологического состояния, но и ухудшению физического здоровья, а высокий уровень тревожности создает угрозу психическому здоровью личности, способствует развитию предневротических состояний. Находясь в стрессовом состоянии, человек не может полностью и эффективно использовать свои знания и проявлять умения и навыки, что чревато понижением качества выполняемой работы, ухудшением мыслительных процессов и как следствие низким результатом сдачи экзамена.

Методики: бостонский тест на стрессоустойчивость; диагностика волевого потенциала (Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова); диагностика личностной и реактивной тревожности Спилбергера-Ханина; симптоматический опросник «Самочувствие в экстремальных условиях» (Волкова, Водопьянова); опросник «копинг-стратегии» Р. Лазаруса, анкета «Методы борьбы со стрессом и негативными психическими состояниями», авторская методика на стрессоустойчивость.

Выборка: учащиеся 11-х и 9-х классов г. Новокузнецка, 69 человек. Результаты пилотажного исследования учеников 11 класса показали, что большинство респондентов имеют средний уровень стрессоустойчивости ($14,2 \pm 7$), примечательно, что высокого уровня нет ни у кого из исследуемых школьников. Кроме того, большинство диагностируемых имеют средний уровень подверженности стрессу ($14,2 \pm 7$), низкого уровня нет. Ситуативная тревожность у большинства респондентов также находится на среднем уровне ($49,5 \pm 7,6$), низкого уровня нет ни у одного исследуемого. Исследование способов выхода из стрессовых состояний показало, что у школьников наблюдаются недостаточно разнообразные способы и методы работы с такими психологическими состояниями, как апатия, усталость, нервозность. Наиболее выбираемыми ответами были: отдых, смена деятельности, избегание ситуации беспокойства и общение с близкими. Это является негативным фактором, так как диагностика выявила преобладание среднего уровня подверженности стрессу.

Таким образом, в результате пилотажного исследования мы делаем вывод, что развитие эмоционально-волевого компонента находится на недостаточном уровне развития, в связи с этим мы разработали программу психологического сопровождения, с целью развития эмоционально-волевого компонента психологической готовности к ЕГЭ.

Для проведения эксперимента мы взяли экспериментальную и контрольную группу – два параллельных девятого класса, провели входную диагностику, в результате которой нами были разработаны индивидуальные рекомендации для школьников и составлен общий отчет для классного руководителя. После этого нами была разработана программа сопровождения экспериментальной группы до 11 класса, первым этапом этой программы была разработка и проведение занятий на развитие стрессоустойчивости, расширение стратегий борьбы со стрессом и негативными психическими состояниями, а также развитие волевых качеств. Этот цикл занятий был проведен, после чего снята промежуточная диагностика по тем же методикам. В результате оценки достоверности различий по критерию Стьюдента значимых отличий не обнаружено. Мы считаем, что это связано с ограниченным временным ресурсом, с момента проведения занятий до повторной диагностики прошло мало времени, чтобы добиться значительных изменений. Но стоит отметить, что нами были обнаружены следующие положительные тенденции: понизились значения показателей: эмоциональной неустойчивости, ситуативной тревожности, нарушения силы воли. Повысилось значение показателя копинг-стратегии «планирование решения проблемы». Анализ анкеты показал, что испытуемые стали применять большее количество методов борьбы со стрессом, встречались также способы, которые мы изучали на занятиях.

Таким образом, мы планируем продолжить программу психологического сопровождения: скорректировать проводимые занятия, учитывая полученные результаты, а также, разработав индивидуальные занятия для старшеклассников.

Моисеев Р. Л.

ОСОБЕННОСТИ РИСУНКА ЧЕЛОВЕКА У ЛИЦ, ЧЬИ РОДИТЕЛИ ИМЕЮТ ИНВАЛИДНОСТЬ ПО ЗРЕНИЮ

Психологические особенности людей с ограниченными возможностями являются предметом таких дисциплин, как специальная психология и специальная педагогика. Нам кажется очевидным, что люди, имеющие глубокое нарушение той или иной функции организма, имеют целый спектр более или менее характерных психологических особенностей, которые нельзя сбрасывать со счетов. В то же время не менее очевидным нам кажется и то, что личность ребенка и процессы

его развития находится под очень большим влиянием психологических особенностей родителей и взаимоотношений в семье. Но при этом какие-либо особенности психического развития детей родителей с ограниченными возможностями на данный момент не изучены. Когда мы занялись проблемой влияния глубокого нарушения зрения (инвалидность I группы по зрению) у родителей на эмоциональную сферу детей, нам удалось найти только одну книгу, посвященную проблемам воспитания детей в семьях незрячих и слабовидящих.

Мы исследовали проявления тревожности у испытуемых в возрасте от 7 до 12 лет, у которых один или оба родителя имеют I группу инвалидности по зрению, а у самих детей серьезных нарушений зрения нет. При этом наряду с другими методиками мы использовали проективную методику «Рисунок человека».

При анализе результатов первых шести испытуемых мы получили неожиданные данные – помимо признаков тревожности и проблем в сфере общения, мы обнаружили ряд признаков, которые есть в рисунках всех шести испытуемых. Нас заинтересовал этот феномен, и мы решили параллельно с основным исследованием изучить рисунки детей незрячих и слабовидящих родителей, не ограничиваясь узкими возрастными рамками. В данный момент мы располагаем рисунками 13 испытуемых обоего пола в возрасте от 4 до 34 лет. Причем трое испытуемых, вопреки инструкции, изначально выполнили два рисунка, и один из испытуемых захотел еще раз нарисовать человека спустя полгода. Таким образом, на данный момент мы располагаем 17 рисунками – и большинство тех признаков, на повторяемость которых мы изначально обратили внимание, присутствует во всех 17 рисунках, еще несколько признаков отсутствуют в одном или двух рисунках. В частности, на всех 17 рисунках кисти рук либо непропорционально уменьшены или увеличены, либо деформированы или нарисованы в виде варежек, либо вовсе отсутствуют. Причем прослеживается следующая закономерность: в рисунках дошкольников (двоеиспытуемых, три рисунка) кисти непропорционально увеличены, в рисунках младших школьников (шесть испытуемых, восемь рисунков) – непропорционально уменьшены и плохо прорисованы, а в рисунках подростков и взрослых (четверо испытуемых, четыре рисунка) исчезают – только на одном рисунке из этой группы кисти присутствуют, но они скрыты варежками; на одном рисунке и руки, и ноги в виде колбасы, на двух – руки спрятаны за спину, причем на обоих этих рисунках ступни также отсутствуют; все эти рисунки выполнены разными людьми.

Другие постоянно повторяющиеся признаки, которые привлекли наше внимание, – это отклонение от вертикали и более или менее явное нарушение симметрии тела нарисованного человека. Эти призна-

ки присутствуют с разной степенью выраженности во всех 17 рисунках, причем наименее выражены они в рисунках взрослых испытуемых (двое испытуемых, 22 и 34 года). Кроме того, в 14 рисунках из 17 наблюдается отчетливое нарушение пропорций (этот признак отсутствует в рисунках обоих взрослых испытуемых и в рисунке одного из испытуемых подросткового возраста), и в 12 рисунках присутствуют признаки непопадания линий в нужную точку.

Если непропорциональные, деформированные или отсутствующие кисти традиционно интерпретируются как указание на проблемы в сфере общения, то четыре последних признака А. Л. Венгер связывает не столько с личностными или эмоциональными особенностями, сколько с сенсомоторным развитием, с процессами созревания нервной системы.

Чтобы объяснить выявленные нами особенности и то, что выраженность их, насколько можно судить по нашей выборке, должна уменьшаться с возрастом, мы должны либо не согласиться с данным утверждением и предположить большую роль научения в овладении вертикалью, симметрией и пропорциями, либо выдвинуть предположение о том, что сенсомоторное развитие детей, которых растят родители, имеющие глубокое нарушение зрения, отличается от развития остальных детей, поскольку один или оба родителя не имеют возможности прививать им с самого раннего возраста культуру зрительного восприятия и графические навыки.

Молутова М. К.

БЕСЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОНИМАНИЯ ПРОБЛЕМ И ПЕРЕЖИВАНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В юношеском возрасте складывается свой стиль поведения в различных жизненных ситуациях и формируется собственный опыт переживания проблем. Подростки и молодые люди имеют дело с большим количеством проблемных ситуаций, от решения которых зависит их последующая жизнь.

Наше исследование проводилось в марте 2010 г. среди учащихся второго и третьего курсов музыкально-педагогического колледжа № 3 г. Санкт-Петербурга. Выборка включала 58 человек в возрасте от 17 до 22 лет, из них большинство составили девушки – 50 человек (что объяснимо профилем вышеуказанного заведения), юношей было семь человек. Цель эмпирического исследования заключалась в том, чтобы обнаружить и описать особенности переживания проблемных ситуаций в юношеском возрасте.

Методика. «Проблемная анкета» И. Сейффже-Кренке (1984) (в адаптации Л. А. Ругуш, 1999) позволила рассмотреть проблемные

переживания по семи разным сферам жизни: учеба, будущее, родители, сверстники, досуг, другой пол, «Я». Наиболее проблемными стали сферы, связанные с будущим (2,96), с родителями (2,75), сверстниками (2,75), с досугом (2,65). Менее значимыми оказались сферы, связанные с другим полом (2,47), с самим собой (2,44), с учебой (2,26). Беседа о волнующих проблемах и связанных с ними переживаниях, проведенная с учащимися в ходе исследования, дала богатый материал для понимания особенностей переживания различных жизненных ситуаций. Учащиеся колледжа активно обсуждали проблемы, связанные с родителями, с друзьями, со своей учебной деятельностью. О проблемных ситуациях, связанных с родителями, высказалось большинство учащихся, которые указывали, что одним из основных конфликтных моментов, приводящих к сильным переживаниям, является их экономическая зависимость от родителей. Учащиеся говорили о том, что родители используют фактор экономической зависимости как основной обезоруживающий аргумент в любой возникающей конфликтной ситуации. В качестве примера ссылались на выбор друзей, в том числе противоположного пола, мест проведения досуга, одежды и прически. Родители, по словам учащихся, считают себя вправе решать за них, с кем дружить, где проводить время, как выглядеть и мотивируют свои претензии тем, что пока дети зависимы от них материально, только они и должны определять и утверждать круг предпочтений в любых сферах жизни.

Некоторые учащиеся указывали другие причины проблемных ситуаций и напряжения в отношениях с родителями. Они говорили о непонимании, неприятии по разным вопросам со стороны родителей. Были и такие высказывания (у двух девушек), что только в своей собственной семье они чувствуют себя абсолютно защищенными, понятыми, принятыми, а окружающий мир им представляется грубым, несправедливым. Эти девушки говорили о том, что они видят смысл своей жизни в помощи и заботе о своих родителях, а не в поиске спутника жизни и создании своей семьи.

Учащиеся также говорили о своем профессиональном выборе, который многие считают правильным и логичным, следующим из их интересов и способностей. Другие высказывания касались того, что выбор был, с одной стороны, predetermined, но к середине обучения оказалось, что он совсем не тот, к которому лежит душа. Эти учащиеся говорили о том, что обязательно закончат обучение в колледже, но впоследствии будут искать свою реализацию в других, не только творческих профессиях. В беседе упоминалось также о недостатке времени на интересный досуг, встречи с друзьями в связи с большим объемом учебных заданий. Интересное наблюдение, по нашему мнению, состоит также в том, что во время беседы многие учащиеся в качестве основной

проблемной ситуации обсуждали свою учебную деятельность (подготовку к зачетам и экзаменам), сетовали по поводу наличия задолженностей по некоторым предметам, тогда как в результатах переживания проблем, связанных с учебой, заняло последнее место.

Проведенная беседа во многом подтвердила результаты, полученные по «Проблемной анкете», послужила дополнительным источником информации о респондентах, стала вспомогательным инструментом в нашем исследовании, но и, что представляется более важным, беседа помогла установить доверительные и искренние отношения с учащимися.

Морозов А. В.

Измайлова Г. Х.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ

Состояние современной цивилизации, характеризующееся чрезвычайно высокими темпами ее изменения, общественным прогрессом, создает условия высокой конкурентности в различных сферах профессиональной деятельности. Залогом достойного существования человека, его защитой от безработицы становится все более качественное выполнение им деятельности на высоком профессиональном уровне. В обществе складывается своеобразный культ профессионализма, когда все, что по-настоящему профессионально, дорого ценится (и в моральном, и в материальном плане). Чем более профессионален труд человека, тем больший вклад он вносит в общественный прогресс, способствуя благу других людей, и в то же время, тем в большей степени человек реализует самого себя. Процесс личностно-профессионального развития с учетом интегративного характера психолого-акмеологических разработок стал предметом специальных исследований относительно недавно. В контексте обозначенной проблемы все еще недостаточно изучены вопросы профессионализации личности будущего специалиста. В структурном отношении на первый план профессионализма выходит индивидуальное «Я» профессионала, которое и задает профессиональную деятельность (в этом мы видим механизм профессиональной самореализации). В данном случае профессиональные нормы как бы наполнены индивидуальным «Я» профессионала, что выступает источником личной значимости профессиональной деятельности, ответственности за порученное дело, внутреннего контроля профессиональной деятельности, то есть поиска причин успеха – неуспеха в себе самом и внутри профессии, формирования индивидуального почерка профессионала.

Профессиональное обучение направлено на стимулирование у обучаемых психологических качеств, необходимых для успешного

прохождения этапов профессионализации (освоения профессии, адаптации к профессии, овладения мастерством и творчеством в профессии, повышения квалификации и т. д.). Главной целью профессионального обучения является формирование, проектирование личности специалиста, эффективно осуществляющей трудовую деятельность, наиболее полно реализующей себя в труде, владеющей рядом качеств и умений, необходимых для данной профессии. К последним относятся: активное целеполагание в трудовой деятельности, умение осуществлять ее на уровне высоких заданных стандартов, в том числе в новых неопределенных профессиональных условиях и ситуациях, при решении неизвестных профессиональных задач; готовность в последующей трудовой и профессиональной деятельности освоить необходимые, но пока отсутствующие профессиональные знания, умения, технологии и при необходимости – новую профессию; владение базовыми способностями и функциями, общими для широкого круга профессий и обеспечивающими переход от одной профессии к другой для поддержания конкурентоспособности на рынке труда. Личностное пространство обучающегося в ходе профессионального обучения находится в постоянной динамике и определяется, в значительной мере, теми профессиональными задачами, которые в настоящее время осваиваются в обучении. На каждом из этапов профессионального обучения важно предусмотреть не только формирование определённых знаний и умений, но и последовательное развитие психических качеств. В последнее время профессиональное обучение и образование становится все более гибким, отвечающим потребностям личности. Быстрая смена технологий в разных сферах производства и изменения в социальном мире требуют, чтобы профессиональная подготовка обеспечила возможность дальнейшего саморазвития выпускника учебного заведения, успешную адаптацию к изменяющемуся миру. Меняются задачи образования, ими становятся не только усвоение готовой суммы минимально необходимых профессиональных знаний и умений, но и усвоение приемов самостоятельного поиска информации, решение неизвестных ранее и нестандартных профессиональных задач, приемов потенциального переучивания на другую профессию и специальность.

Итак, этап профессионального обучения является важнейшим в становлении и развитии будущего специалиста. Именно в этот период профессионализации начинают формироваться профессионально важные качества, намечается принятие на себя роли профессионала, уточняются профессиональные мотивы, а также складывается адекватное представление о выбранной профессии. Все это является залогом дальнейшего личностного и профессионального развития в достижении вершин профессионализма.

Морозов А. В.

Петрова Л. Е.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СЛУШАТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИХ ОБУЧЕНИЯ

Очевидно, что в России необходимы серьезные изменения в процессе подготовки специалистов-управленцев. Отсутствие продуманной и обоснованной системы обучения, оторванность содержания от реальной практики управления, устаревшие учебные программы не позволяют надеяться на скорое решение этой важной общегосударственной проблемы без серьезного государственного вмешательства. В качестве единого фундаментального принципа организации функционирования государственной службы закреплён принцип профессионализма и компетентности. При этом среди приоритетных направлений кадровой политики в системе государственной службы называется совершенствование программ подготовки и профессионального развития государственных служащих, основной целью которого является рост профессионального уровня чиновников. В рамках непрерывного образования, определяя содержание и направления развития профессиональной компетентности, необходимо учитывать не только основные современные линии научных исследований, но и дифференцированно подходить к организации учебного процесса для слушателей, ориентируясь на уровень их первоначальной профессиональной подготовленности.

В отечественных исследованиях выделяются следующие уровни компетентности государственных служащих:

– Дофессиональный уровень компетентности работников характеризуется недостаточностью или бессистемностью профессиональных знаний, не дающих в полной мере упорядочить выполняемые производственные действия.

– Профессиональный уровень компетентности государственного служащего является результатом интеграции деятельностного и личностного опыта, предполагает также преднамеренное преобразование опыта в ходе его накопления.

– Суперпрофессиональный уровень компетентности основывается на идеях служения государственным интересам и приверженности профессиональным ценностям.

Таким образом, каждый уровень профессиональной подготовленности определяет индивидуальное формирование групп обучающихся и ориентирует в выборе целей и средств педагогического воздействия.

Еще одним интересным, на наш взгляд, аспектом, участвующим в формировании актуального в системе непрерывного образования обу-

чающего механизма, являются когнитивные стили обучения взрослых. Опыт отечественных и зарубежных исследователей в системе дополнительного образования взрослых свидетельствует о том, что учебная группа обычно состоит из приверженцев разных стилей когнитивного стили обучения. Поэтому для эффективного формирования компетентности важно создать учебную среду с различными видами познавательной активности, предусмотреть многообразие путей познания и дать возможность всем обучаемым воспользоваться, в том числе, и приоритетным для них стилем.

В настоящее время, решая проблемы формирования профессиональной компетентности слушателей в процессе их обучения в вузе, необходимо не только изыскать возможность получения работниками профильного образования, но и осуществлять формирование отдельных компетенций с использованием новейших знаний и технологий, учитывая социально-психологические особенности обучаемых в рамках непрерывного образования.

Морозова А. В.

ОБРАЗ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В ПЕРИОД КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ

Последние годы в отечественной психологии наблюдается повышение интереса к субъективной картине жизни человека. Становится ясно, что недостаточно изучения отдельных психических процессов и феноменов, и актуальность приобретает целостное изучение личности, важной частью которого является рассмотрение жизненного пути человека. Жизненный путь – индивидуальная история личности, ее содержание, мировоззренческая суть (Логина Н. А., 1991). В его структуру входят те факты, события и поступки, которые определяют становление индивида как личности. События – основная «единица» всякого исторического процесса, в том числе и биографии человека (Логина Н. А., 1985). Б. Г. Ананьев различал события окружающей среды и события поведения человека в среде. Н. А. Логина добавляет к ним события внутренней жизни, составляющие духовную биографию человека.

В настоящее время с разработкой проблемы жизненного пути личности тесно связаны исследования психологического возраста. Личность живет не только в «психологическом поле», но и в «психологическом времени» и вне индивидуального временного контекста не может быть исчерпывающе и адекватно понята.

Для исследования нами был выбран период кризиса середины жизни. Выбор обусловлен тем, что кризисы – это те самые остановки, во время которых человек осмысливает отрезок пройденного пути, утверждает в его значимости, иногда переоценивает ценности

(Хухлаева О. В., 2009). Таким образом, кризисный период наиболее удачен для проведения ретробиографического исследования, так как люди естественным образом проводят осмысление своего пройденного жизненного пути.

С целью изучения особенностей восприятия жизненного пути в период кризиса середины жизни нами было проведено пилотажное исследование. В исследовании приняли участие 56 человека, 40 женщин и 16 мужчин, в возрасте от 40 до 45 лет, жители города Самара. В исследовании использовались методика «оценивание пятилетия жизни» А. А. Кроника, методика «сколько Вам лет» Б. Г. Ананьева, методика «формирование списка событий» А. А. Кроника, авторская модификация методики «техника фотовизуализации прошлого в психобиографическом исследовании личности» Н. Р. Халапян. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью индуктивного контент-анализа. В качестве метода статистической обработки использовался коэффициент ранговой корреляции К. Спирмена. Была установлена статистически значимая взаимосвязь между психологическим возрастом как оцениванием прошлого, настоящего и будущего (методика А. А. Кроника) и психологическим возрастом по внутреннему самоощущению (методика Б. Г. Ананьева) – 0,476 при $p \leq 0,05$; между психологическим возрастом как оцениванием прошлого, настоящего и будущего и хронологическим (паспортным) возрастом – 0,438 при $p \leq 0,05$. Между психологическим возрастом по внутреннему самоощущению и хронологическим (паспортным) возрастом статистически значимой связи не установлено. При анализе списка наиболее значимых, по мнению испытуемых, жизненных событий (методика А. А. Кроника) было выявлено, что в 86% случаев это события-обстоятельства, т. е. возникающие не по воле субъекта; 13,3% составляют события-поступки, и только одним испытуемым было написано событие-впечатление. Лишь в 3% случаев упоминаются негативные события, такие как смерть близкого человека, тяжелая болезнь, развод. Для 100% испытуемых значимыми событиями жизни являются свадьба и рождение ребенка. 100% респондентов мужского пола считают значимым событием службу в армии. Кроме того, к числу важных жизненных событий наиболее часто относят события, связанные со школой, поступлением в университет, получением диплома, профессиональной деятельностью или изменениями в межличностных отношениях. Кроме того упоминаются события, связанные с материальными ценностями – покупка квартиры, машины, строительство дома. Для части испытуемых значимыми оказались события не их собственной жизни, а жизни детей – поступление ребенка в школу, университет. Таким образом, психологический возраст как оценивание прошлого, настоящего и будущего связан с хронологическим возрастом и возрастом

по внутреннему самоощущению. Наиболее распространенными являются события-обстоятельства. Самыми значимыми событиями жизни испытуемые считают свадьбу и рождение ребенка.

Москвина Е. А.

Галимзянова М. В.

ПЕРЕЖИВАНИЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ ВЗРОСЛЫМИ

Одной из тенденций, наблюдающихся в современном обществе, является увеличение частоты разводов. В России, согласно статистическим данным, численность разводов возрастает, начиная с середины XX в. На протяжении последнего десятилетия в нашей стране ежегодно разводятся около 700 тысяч пар. В связи с тем, что события детства и субъективные переживания, связанные с ними, оказывают воздействие на жизнь взрослого человека, изучение переживаний развода родителей является актуальным и значимым для понимания функционирования современной семьи.

В 2010 г. нами было проведено исследование, направленное на изучение отношения взрослых к разводу родителей, пережитому ими в детстве. В исследовании приняли участие 54 взрослых (среди них 80% женщин и 20% мужчин), чьи родители развелись. Средний возраст респондентов на момент развода родителей составил восемь лет. Согласно цели исследования, нами была разработана анкета «Переживание развода родителей в детстве». Анкета направлена на изучение событий, связанных с разводом родителей, и переживаний, испытанных респондентами. Анкета содержит открытые и закрытые вопросы и шкалы семантического дифференциала. По свидетельству испытуемых, период, когда отношения родителей были особенно напряженными до развода, длился в среднем четыре года. Скорее всего, эти родители стремились сохранить брак, несмотря на конфликтность отношений. После развода родителей респонденты в 100% случаев воспитывались матерью и проживали с ней. 76% испытуемых отмечали, что отец продолжал принимать участие в их воспитании после развода. Наблюдается тенденция к совместному воспитанию ребенка родителями даже после их развода. Инициатором развода являлась мать в 52% случаев, отец – в 29% случаев. По свидетельству 19% респондентов решение о разводе было принято родителями обоюдно. Матери более склонны принимать решение о разводе, нежели отцы.

Напряженность отношений родителей до развода испытуемые оценивают 64,3% респондентов, после развода – на 35,3%. Таким образом, отмечается тенденция к сокращению конфликтов и снижению их интенсивности между супругами после развода. Помимо этого респондентам предлагалось оценить то, насколько близкими были их отноше-

ния с родителями до и после развода. Установлено, что близость испытуемых с матерью до развода в среднем составила 69,1%, после развода – 73,1%. Можно предположить, что отношения ребенка с матерью вследствие развода родителей остаются такими же близкими, какими они были до развода. Однако в отношениях с отцом, согласно оценке респондентов, наблюдаются обратные изменения. Данные анкеты указывают на то, что и мужчины, и женщины после развода родителей в детстве отдалились от отца. Однако потеря близости в большей степени характерна для отношений мужчин с отцом (на 37,1%), нежели женщин (на 17,9%). Вероятно, девочки испытывают большую потребность в сохранении близких отношений с отцом после развода родителей. Отношение к обоим родителям после развода не изменилось более чем у половины респондентов. При этом у 27% респондентов отношение к матери улучшилось (в среднем на 8 баллов), ухудшилось – у 16% респондентов (в среднем на 11 баллов). Отношение к отцу улучшилось у 36% (в среднем на 17 баллов), ухудшилось у 12% респондентов (в среднем на 24 балла). Таким образом, отношения между родителями могут обуславливать отношение ребенка к ним.

Немцова Г. Д.

Божко Т. В.

ИЗУЧЕНИЕ СИТУАЦИОННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ МОТИВАЦИИ ПОМОЩИ

Просоциальное поведение изучается различными дисциплинами. Особенность психологического его рассмотрения состоит в том, что исследователь обращается не столько к объективному результату поступка, сколько к тем внутренним процессам, которые детерминируют этот результат (Нартова-Бачавер С. К., 1992). Признавая сложность психологической детерминации просоциального поведения, большинство исследователей выделяют личностные и ситуационные факторы. Значение факторов ситуации в развитии и проявлении психического практически признано всеми подходами, а расхождения между ними связаны с тем, в какой степени ситуационные факторы способны детерминировать поведение человека. Однако признание роли ситуационных переменных еще не означает изучения самой ситуации. Н. В. Гришина отмечает, что понятие ситуации нередко даже не определяется в психологической литературе (Гришина Н. В., 1997). Сравнительно недавно стали появляться работы, касающиеся психологического определения ситуации (Magnusson D., 1981), (Емельянов Ю. Н., 1985), (Филиппов А. В., Ковалев С. В., 1986), (Бурлачук Л. Ф., 1998). В работе А. В. Филиппова и С. В. Ковалева подчеркивается, что ситуация как элемент психологического тезауруса есть результат взаимодействия субъекта со средой.

Применительно к нашему исследованию – морально значимый поступок зависит не только от актуальной позиции субъекта, но и от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому предметом нашего изучения стало влияние ситуационных условий на выраженность мотивации помогающего поведения студентов. Анализ эмпирических данных позволяет говорить об обусловленности морально значимого поведения человека логикой той деятельности, в которую он включен, а также переживанием успеха – неуспеха в ней (Хекхаузен Х., 1986).

В данной работе мы остановимся на проверке следующей гипотезы: включение в ситуацию достижения способно ослабить мотивацию помощи; переживание успеха в деятельности увеличивает желание помочь другим людям, а переживание неудачи – ослабляет. Исследование проводилось в 2010 г. на базе БГПУ им. М. Танка. В нем приняли участие 77 студентов второго курса факультета психологии (69 девушек и 8 юношей). На первом срезе (незадолго до контрольного теста по дисциплине «Психология развития») измерялся уровень фоновой мотивации помощи и проводился социометрический опрос по критерию выраженности альтруистического поведения. Второй опрос проводился по окончании занятия, когда студенты уже знали, какую отметку они получили. Им задавался вопрос об удовлетворенности результатами теста. На основании ответа в протоколе фиксировался «успех» или «неуспех».

Для выявления мотивации помощи применялся опросник «мотивация помощи» (Нартова-Бачавер С. К., 1992). Для определения выраженности реального помогающего поведения был проведен социометрический опрос. При отборе критериев мы стремились к тому, чтобы это были конкретные ситуации, приближенные к реальной жизни студентов.

В результате обработки первичных данных были выделены три группы респондентов, условно обозначаемые как «отзывчивые», «индифферентные» и «уклоняющиеся». Для обработки данных использовались статистические критерии различий для связанных выборок (парный критерий Т-Вилкоксона) и несвязных выборок (критерий U-Вилкоксона – Манна-Уитни). Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS 10,0.

В целом по всей группе произошло снижение показателя мотивации помощи ко второму замеру ($z = -2,64$, $p = 0,008$). Т. е. фактор включенности в ситуацию достижения привел к ослаблению мотивации помощи, что согласуется с данными Я. Рейковского. Однако динамика изменений различна. В группе студентов, удачно справившихся с контрольным тестом, существенных изменений по показателю мотивации помощи не произошло. В группе студентов неудачно сдавших тест, отмечено существенное снижение мотивации помощи ($z = -3,33$,

$p = 0,001$). Что касается влияния успеха и неудачи на степень выраженности мотивации, то полученные результаты частично соответствуют выдвигаемым гипотезам. Так, студенты в случае неудачи выражали меньшее по сравнению с первым опросом желание помогать другим людям.

При сравнении результатов мотивации помощи в разных статусных группах наблюдается следующая закономерность: чем выше социометрический статус группы, тем выше в ней показатель мотивации помощи. Причем различия становятся наиболее заметны во втором срезе. Таким образом, в ходе исследования удалось изучить динамику мотивации помощи студентов в условиях включенности в ситуацию достижения, переживания успеха и неудачи.

Нестеренко Е. С.

Полегошко А. С.

Гончарова С. С.

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И ПОДРОСТКОВ

Во второй половине XX в. в психологии возникла проблема изучения копинга, или совладающего поведения, которой в настоящее время в разных странах посвящено большое количество эмпирических и теоретических исследований (А. Блазер, Э. Хайм, Р. Лазарус, С. Фолкман, Н. Эндлер и др.). В отечественной психологии эта тема долгое время не получала своей разработки, так как не была определена соответствующая система понятий. Ситуация изменилась в последние десятилетия, которые отмечаются ростом отечественных исследований в данном направлении (Т. Б. Карцева, Е. В. Куфтяк, И. М. Никольская, Р. М. Грановская и др.).

Исследовательская работа выполнена в рамках курсового проекта «Особенности копинг-стратегий детей разного возраста». Цель исследования: изучить особенности копинг-стратегий младших школьников и подростков. Гипотеза: существуют различия в репертуаре копинг-стратегий младших школьников и подростков.

Выборка исследования: 30 учеников 2–4 классов в возрасте от 7 до 10 лет; 30 учеников шестых классов в возрасте 12–13 лет. В исследовании был использован «опросник копинг-стратегий школьного возраста» П. Джонса (Никольская И. М., 2000).

По результатам статистических данных (критерий Манна-Уитни) не выявлено различий в количестве используемых копинг-стратегий у младших школьников и подростков. Содержательный анализ позволил охарактеризовать репертуар стратегий преодоления в двух исследуемых выборках. Так, у младших школьников преобладающими

являются следующие копинг-стратегии: плачу или грущу – 66,6%; молюсь – 66,6%; обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь, глажу животное – 63,3%; мечтаю, представляю себе что-нибудь – 63,3%; стараюсь забыть – 60%; говорю сам с собой – 53,3%; остаюсь сам по себе, один – 53,3%. Наименьшее количество выборов получили стратегии: воплю и кричу, схожу с ума, дразню кого-нибудь, бью, ломаю или швыряю вещи; борюсь или дерусь с кем-нибудь.

У подростков приоритетные места занимают следующие копинг-стратегии: стараюсь расслабиться, стать спокойным – 60%; смотрю телевизор, слушаю музыку – 60%; стараюсь забыть – 53,3%; гуляю вокруг дома или по улице – 50%; остаюсь сам по себе, один – 46%, говорю с кем-нибудь – 46%; обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь, глажу животное – 43%; мечтаю, представляю себе что-нибудь – 43%. Единичные ответы были получены в отношении: дразню кого-нибудь, бью, ломаю или швыряю вещи; воплю или кричу; борюсь с кем-нибудь, говорю сама с собой и схожу с ума.

Таким образом, на основании полученных результатов мы можем сделать следующие выводы:

1. Не выявлено различий в количестве используемых копинг-стратегий у респондентов двух возрастов.

2. Младшие школьники и подростки четко дифференцируют социально-приемлемые/неприемлемые копинг-стратегии (последние места в перечне стратегий занимают социально неодобряемые копинг-стратегии: дразню кого-нибудь, бью, ломаю или швыряю вещи; воплю или кричу; борюсь с кем-нибудь).

3. Подростки в большей степени используют поведенческие копинг-стратегии, младшие школьники – эмоциональные. У подростков проявляются навыки саморегуляции при встрече с трудными ситуациями (стараюсь расслабиться, оставаться спокойным; слушаю музыку; гуляю вокруг дома или по улице).

4. Полученные данные могут стать основой для разработки профилактических и коррекционных программ по формированию осознанных стратегий преодоления трудных ситуаций.

Околот М. В.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЛЮДЕЙ С РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ ОБУЧЕННОСТИ В ОБЛАСТИ МУЗЫКИ

Человечество находится в кризисе. Ядром кризиса является духовная сфера человека, т. к. она есть проявление «человеческого в человеке». Образование, наука, философия, искусство и др. формы деятельности составляют содержание культуры и могут способствовать восстановлению «человеческого в человеке». Признание мощного воздействия

музыкального искусства на психику дает основания рассматривать музыкально-педагогическую реальность как действенную силу развития и интеграции личности.

Музыка окружает человека повсюду, поэтому необходимо прояснить данный феномен. Потребность в музыкальной деятельности определяется по-разному. Как «...состояние, побуждающее к восприятию ценностей искусства...» (Коган Л. Н., 1974); как «...побуждение, вызывающее необходимость обращения ... к различным видам музыкальной деятельности и опирающееся на эмоциональность...» (Морозова З. П., 1990). С позиций отношений личности – «Музыкальная потребность выступает как отношение индивида... которое определяется качеством музыки... объемом и силой чувств, жизненных ценностей индивида, объективируемых с помощью музыки» (Тарасов Г. С., 1979). Для исследования данного феномена нами был применен метод исследовательского интервью. Приняло участие 80 человек, возрастом от 14 до 60 лет. Выборка была разделена на группы людей обучающихся музыке и не имеющих такого образования, которые характеризуются меньшей осознанностью своей потребности в музыке и знанием о ней. Тем не менее, нужно отметить, что все респонденты (как выяснилось в дальнейшем) так или иначе «общаются» с музыкой и имеют потребность в ней вне зависимости от степени обученности в этой сфере. В результате анализа полученных данных были сделаны следующие выводы. Для всех категорий исследуемых музыка является специфической микросредой (99% опрошенных), наполненным миром, в некоторых случаях – миром, являющимся «защитной оболочкой» от нежелательных проявлений внешнего мира (20%), либо просто «внутренней средой обитания» – миром, куда можно погрузиться и побыть наедине с музыкой или разделяя эту среду с другими желательными людьми (79%).

Люди, обучающиеся музыке, видят в ней самостоятельную ценность, уникальную и незаменимую. Им присущи потребности «жизни в музыке» (89% от активно взаимодействующих с музыкой), живой и осознанный интерес к музыке (90%), потребности в эстетическом наслаждении (97%), стремление к духовному развитию в области музыки и др. сферах культуры (62%), потребность в самосовершенствовании своих навыков общения с ней (технике анализа и исполнения) (59%). У творческих людей к этому добавляются потребности в самовыражении средствами музыки (78% сочинителей), потребность признания (85%), привнесения новизны в музыкальную жизнь (63%), «потребность в удовлетворении потребностей других в музыке» (творчество «для других») (59%) и т. д.

Не имеющие образования, скорее используют ее как «фон» жизни. У них также имеется интерес к музыке, но зачастую он не осоз-

наваем. На первый план выходят потребности в эмоциональной и физической регуляции и стимуляции с помощью музыки, т. е. потребности физиологического плана (99%). При этом существует потребность в активизации деятельности при помощи музыки (89% опрошенных, не обучавшихся музыке) и релаксационный компонент (67%). Необходимо отметить, что данные потребности характерны для всех возрастов и категорий, но просто в разной степени значимости.

У занимающихся музыкой, потребность в активизации отмечается у 67% респондентов, а в успокоении и релаксации – у 65%. У всех категорий исследуемых музыка является регулятором и катализатором эмоциональных, а порой и физических состояний, удовлетворяет потребность в отдыхе, релаксации или же, наоборот, стимуляции активности, повышении тонуса, как физического, так и эмоционального. У различных возрастных групп при постоянном обучении, потребности в музыке имеют склонность расширяться и изменяться, переходить на другой уровень, соответствующий нормативными задачам развития человека, новообразованиями возраста. Они являются определенной сферой жизни и развития личности, вносят вклад в формирование духовной сферы человека. Если же взаимодействие прекращается, то наблюдается остановка развития уровня потребностей на каком-либо возрастном этапе, а иногда даже возвращение к потребностям более раннего этапа.

Полученные данные могут дать почву для разработки терапевтических и педагогических программ работы с людьми различного возраста и уровня обученности музыке.

Павлова О. В.

ВЗАИМОСВЯЗИ ПАРАМЕТРОВ ЗНАЧИМЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Студенческий возраст – один из важнейших периодов в жизни. Он охватывает периоды юности и ранней взрослости. На начальных этапах обучения в вузе изменяется вся сфера значимых межличностных отношений студента, т. е. это те отношения, в ходе которых проходит становление и развитие его личности, отношения с референтными людьми, к которым относятся однокурсники и друзья, значимые лица противоположного пола, родители и преподаватели вуза. На степень значимости отношений, их структуру и уровень удовлетворенности влияет множество личностных и социальных факторов. В связи с этим целью исследования является описание и анализ взаимосвязей параметров значимых межличностных отношений и личностных особенностей студентов вуза с учетом фактора пола.

В исследовании приняли участие 60 студентов первого курса стоматологического факультета СПбГМУ, из них 41 респондент – де-

вушки и 19 – юноши. Результаты получены на основе следующих методик. Для изучения значимости, полюса, тесноты и направленности отношений использовались методика Т. Ю. Андрущенко «круг общения» и ЦГО; мотивации в общении – методика Мехробян. Уровень удовлетворенности отражен в анкете. Личностные особенности – в опроснике Кеттелла (форма С).

Гипотеза: у юношей и девушек параметры значимых межличностных отношений обусловлены разными личностными особенностями. Для изучения значимых межличностных отношений студентов выделили три сферы: отношения студентов со сверстниками, отношения с преподавателями и отношения с родителями. Каждая сфера характеризуется следующими параметрами: уровень удовлетворенности отношениями, количество контактов, полюс отношений (хорошие, противоречивые, напряженные), теснота (близкие и дистантные отношения), направленность (взаимные и невзаимные), значимость отношений, мотивация общения. Наиболее интересные данные корреляционного анализа получились по параметрам удовлетворенность отношениями, значимость отношений и мотивация общения.

Анализируя взаимосвязи личностных особенностей и уровня удовлетворенности отношениями у юношей и девушек, делаем вывод, что у девушек показатели удовлетворенности отношениями с родителями, друзьями и молодым человеком связаны с личностными особенностями, у юношей указанных связей не обнаружено. Девушки, проявляющие большую тревожность и консерватизм во взглядах, более удовлетворены отношениями с родителями. Удовлетворенность отношениями с молодым человеком демонстрируют более смелые и общительные девушки. Более спокойные и невозмутимые девушки больше удовлетворены отношениями с друзьями ($p < 0.05$). Анализируя взаимосвязи личностных особенностей и отношения к значимым людям, можем увидеть, что и у юношей, и у девушек отношение к отцу связано с личностными факторами. Отношение к отцу более значимо для конформных, более зависимых девушек, а также для более доверчивых и терпимых по отношению к людям юношей. У юношей личностные особенности связаны с отношением к друзьям и преподавателям. Для более конформных юношей отношения с преподавателями очень значимы. Отношение к друзьям является очень важным для более чувствительных юношей, демонстрирующих мягкость и зависимость в поведении. Более робкие девушки, а также девушки с гибкими установками по отношению к социальным нормам больше интересуются собой и своим внутренним миром. Отношения с молодым человеком наиболее значимы для эмоционально устойчивых, имеющих постоянные интересы девушек. Рассматривая взаимосвязи личностных факторов и мотивации общения,

можно отметить, что более замкнутые юноши и девушки больше стремятся быть принятыми группой. Стремление к принятию больше свойственно независимым, имеющим свое мнение юношам и девушкам. Меньше боятся быть отвергнутыми юноши, имеющие более высокий показатель по фактору интеллекта. У девушек, часто демонстрирующих подчиненность в поведении, больше выражен страх отвержения. Кроме того, страх отвержения проявляется сильнее у более дипломатичных девушек.

Таким образом, показатели удовлетворенности отношениями, а также отношение к себе и к молодому человеку у девушек связано с личностными особенностями, у юношей указанные связи отсутствуют. При этом взаимосвязи личностных особенностей с отношением к друзьям и преподавателям выявлены только у юношей. Выдвигаемая гипотеза подтверждена. В дальнейшем планируется сравнительный анализ параметров системы значимых межличностных отношений в подростковом, юношеском возрасте и в период ранней взрослости, а также выявление личностных факторов, влияющих на значимые отношения.

Папеко Е. И.

КРЕАТИВНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Социально-экономическая, культурно-нравственная нестабильность общества, неустойчивость его интересов, а также научно-технический прогресс ставят современного человека с ранних лет в ситуацию не только социальной адаптации к быстро меняющимся условиям жизни, но и необходимости эффективного преобразования индивидуального видения мира, самостоятельного принятия решений, самореализации, способности генерировать и реализовывать новые идеи в различных областях знаний. Именно поэтому поиск резервов и возможностей развития творческих способностей детей дошкольного возраста в условиях массовых образовательных учреждений является проблемой, требующей научно-теоретического и практического (психолого-педагогического) решения. Решить эту задачу возможно, рассматривая креативность как значимый фактор личностного развития ребенка. Наметьте пути решения данной проблемы позволяет целый ряд исследований отечественных психологов, раскрывающих существенные закономерности психического и личностного развития. Так, следует указать труды Л. С. Выготского, работы А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца и др., работы Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова, В. В. Рубцова, Г. А. Цукерман и др., в которых детально раскрываются механизмы развивающей учебной деятельности; исследования Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейна, А. Г. Асмолова, В. С. Мухиной, А. В. Захаровой и др., посвященные лич-

ностному развитию в онтогенезе; исследования одаренности в работах А. М. Матюшкина, Е. Л. Яковлевой, Н. Б. Шумаковой, Е. С. Беловой, Е. И. Щеплановой, В. С. Юркевич.

Влияние личностных факторов на развитие креативности в дошкольном возрасте до сих пор систематически не исследовалось. Возможность влияния на развитие креативности детей через воздействие на развивающуюся личность ребенка нуждается в углубленном изучении и разработке адекватных возрастным особенностям детей методов диагностики креативности и «Я-концепции» ребенка. Креативность – это составная часть одаренности, являющаяся личностной категорией, продуктивной динамической структурой личности в совокупности творческого потенциала, склонностей и способностей, таящихся в творческой индивидуальности (А. М. Матюшкин, Н. Ф. Вишнякова, Е. Л. Яковлева). В проблеме личности и творчества подчеркивается приоритет личностных, а не интеллектуальных факторов творчества. Основным условием развития творчества является развитие личности ребенка. При этом постулируется, что развитие всех творческих процессов связано с самореализацией личности. (К. Роджерс). Личностное развитие в дошкольном детстве – это сложное социокультурное становление ребенка, опосредованное образовательной деятельностью, в процессе которой он «присваивает» социальный опыт, рефлексивует его с содержанием имеющегося опыта.

Начальный период формирования личности относится к дошкольному возрасту. По мнению Ж. Годфруа, процесс социализации личности начинается с первых часов жизни человека (Бабаева Ю. Д., 2000). Однако, как замечает Е. Ф. Рыбалко, «первые три года жизни являются ее предысторией, периодом создания необходимых условий ее развития» (Рыбалко Е. А., 1974). По классификации Д. Б. Эльконина, этот период называется младенчеством (Годфруа Ж., 1992). В онтогенезе креативность развивается от самых элементарных до относительно сложных форм качественного преобразования личности. В дошкольном возрасте активное развитие познавательных процессов и эмоций соотносится с не менее активным личностным развитием ребенка. Начальным этапом онтогенеза креативности в этот период является становление самосознания личности путем познания самого себя и окружающего мира. (Л. И. Божович, Н. Ф. Вишнякова, Е. В. Субботский и др.).

Таким образом, креативные дети, по мнению отечественных психологов, имеют высокий творческий потенциал. Наиболее общей его характеристикой является, по их мнению, ярко выраженная познавательная потребность. Среди характерологических особенностей – инициативность, упорство, уклонение от шаблона. У одаренного ребенка процесс развития личности протекает более бурно, а личностно-

индивидуальные особенности выражены более ярко и проявляются раньше. Эти особенности получили название «психосоциальной чувствительности» (обостренное чувство справедливости, опережающее нравственное развитие, высокая эмоциональная чувствительность, чувство личной ответственности).

Патрикеева Э. Г.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОБЛЕМНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В высшем учебном заведении при устном изложении учебного материала в основном используются словесные методы обучения. Среди них важное место занимает вузовская лекция. Лекция выступает в качестве ведущего звена всего курса обучения и представляет собой способ изложения объемного теоретического материала, обеспечивающий целостность и законченность его восприятия студентами. Однако традиционная вузовская лекция имеет ряд недостатков, которые обусловлены следующим: лекция приучает к пассивному восприятию чужих мнений, тормозит самостоятельное мышление обучающихся; одни слушатели успевают осмыслить, другие – только механически записать слова лектора. Однако опыт обучения в высшей школе свидетельствует о том, что отказ от лекции снижает научный уровень подготовки обучающихся, нарушает системность и равномерность их работы в течение семестра. Поэтому лекция по-прежнему остается ведущим методом обучения. В определенной степени остроту названных противоречий снимает возможность применения в учебном процессе нетрадиционных видов чтения лекций.

Современная методика насчитывает свыше 250 различных методов. Эти методы приводят к изменению роли преподавателя, новым инструментам оценки достижений обучающихся. Наиболее эффективным методом обучения, особенно в преподавании психологических дисциплин, является метод решения проблем (проблемное обучение), поскольку психологическая компетентность будущего специалиста проявляется в умении эффективно взаимодействовать в разных жизненных ситуациях. Вместо того чтобы «транслировать» обучающимся факты и их взаимосвязь, можно предложить им проанализировать ситуацию (проблему) и осуществить поиск путей изменения данной ситуации к лучшему. Если в традиционной лекции используются преимущественно разъяснение, иллюстрация, описание, приведение примеров, то в проблемной – всесторонний анализ явлений, научный поиск истины. Проблемная лекция опирается на логику последовательно моделируемых проблемных ситуаций путем постановки проблемных вопросов или предъявления проблемных задач.

Проблемная ситуация – это сложная противоречивая обстановка, создаваемая за занятиях путем постановки проблемных вопросов (вводных), требующая активной познавательной деятельности обучающихся для ее правильной оценки и разрешения. Проблемный вопрос содержит в себе диалектическое противоречие и требует для разрешения не воспроизведения известных знаний, а размышления, сравнения, поиска, приобретения новых знаний или применения полученных ранее. Проблемная задача, в отличие от проблемного вопроса, содержит дополнительную вводную информацию и при необходимости некоторые ориентиры поиска для ее решения. Понятия «проблемный вопрос» и «проблемная задача» разграничиваются лишь условно, ибо проблемные вопросы могут перерасти в задачи, а задачи расчлениваться на вопросы. Уровень сложности, характер проблем зависят от подготовленности обучающихся, изучаемой темы и других обстоятельств.

Решение проблемных задач и ответ на проблемные вопросы осуществляет преподаватель (иногда прибегая к помощи слушателей, организуя обмен мнениями). Преподаватель должен не только разрешить противоречие, но и показать логику, методiku, продемонстрировать приемы умственной деятельности, исходящие из диалектического метода познания сложных явлений. Поскольку методика проблемного обучения является групповой, то это еще более усиливает ее эффективность, так как по материалам научных исследований групповые формы являются наиболее результативными.

Результативность применяемых в учебном процессе методов обучения (по материалам научных исследований): групповые формы – 90%, дискуссии – 75%, работа с книгой – 15%, лекции – 5%.

Таким образом, на лекции проблемного характера слушатели находятся в постоянном процессе «сомышления» с лектором и в конечном итоге становятся соавторами в решении проблемных задач. Все это приводит к хорошим результатам, так как, во-первых, знания, усвоенные таким образом, становятся достоянием слушателей, т. е. в какой-то степени знаниями-убеждениями. Во-вторых, усвоенные активно, они глубже запоминаются и легко актуализируются (обучающий эффект), более гибки и обладают свойством переноса в другие ситуации (эффект развития творческого мышления). В-третьих, решение проблемных задач выступает своеобразным тренажером в развитии интеллекта (развивающий эффект). В-четвертых, подобного рода лекция повышает интерес к содержанию и усиливает профессиональную подготовку (эффект психологической подготовки к будущей деятельности).

Пахмутова М. А.

Розум С. И.

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Самоорганизация личности является актуальной темой как для практической, так и для фундаментальной психологии. Психология начала свое развитие с «классического» периода, но стремясь к получению полноценного знания о своем объекте, постепенно перешла в «неклассическую» стадию. В 90-х годах прошлого века появились работы, посвященные теории самоорганизующихся психологических систем (Ключко В. Е., 2005). Авторы этих работ считают, что психология вступает постепенно в постнеклассический период развития науки и методологии, так как самоорганизующийся объект не свойствен «неклассической» парадигме.

Понятие «самоорганизация» было заимствовано из кибернетики. С точки зрения кибернетики, система изначально стремится к некоторой цели, которая становится системообразующим фактором. Синергетика рассматривает самоорганизацию как процесс упорядочения в открытой системе за счет согласованного взаимодействия множества составляющих ее элементов и не предполагает заранее определенной цели. Самоорганизация личности происходит по-разному в различных ситуациях. Поскольку самоорганизация является проявлением внутренних процессов, т. е. активизируется силами самой системы, то мы можем говорить о самоорганизации личности как субъекта деятельности.

Создание психологических концепций субъекта принадлежит трудам отечественных психологов (А. В. Брушлинский, Б. Г. Ананьев и др). Б. Г. Ананьев в качестве одной из системных психологических характеристик человека использует понятие «субъект деятельности». Субъект деятельности содержит в себе те качества человека, которые характеризуют его как активное деятельное существо. Поэтому, рассматривая самоорганизацию личности, целесообразно сфокусировать внимание на структуре субъекта деятельности, характеризующейся активностью всех «само-» процессов. Вот что писал сам Б. Г. Ананьев о субъекте деятельности: «Особенно важным представляется комплексное исследование субъекта определенной массовой деятельности в отношении различных потенциалов и тенденций развития личности. Изучение сложной совокупности актуальных и потенциальных характеристик человека как субъекта деятельности – важнейшая задача всех наук о человеке» (Ананьев Б. Г., 1980).

Таким образом, можно предположить, что субъект деятельности является не только носителем активизирующего механизма процесса самоорганизации, но также содержит в себе потенциальные качества,

способные проявить себя в данном процессе. Обмен информацией, энергией и веществом с внешней средой является условием развития человека. Но человек как личность, развиваясь и изменяясь, тем не менее, сохраняет в определенной степени некоторое постоянство (например, мотивов, установок, смыслов и т. д.). Известно, что в структуре личности имеются некоторые подструктуры, которые и обеспечивают это относительное постоянство, такие, например, как самооценка (точнее – «уровень собственного достоинства», по Т. Шибутани), усвоенные нормы и ценности. Б. Г. Ананьев предложил представлять человека не только как открытую, но и как закрытую систему. Точнее говоря, предположил наличие закрытой системы внутри открытой: «Подход с этой стороны к явлениям человеческой индивидуальности нам представляется весьма перспективным. Именно в этих явлениях как бы замыкается внутренний контур регулирования всех свойств человека как индивида, личности с ее множеством противоречивых ролей и субъекта различных деятельностей.

В такой относительно замкнутой системе, «встроенной» в открытую систему взаимодействия с миром, образуется определенное взаимосоответствие тенденций и потенций человека, самосознание и «я» – ядро человеческой личности» (Ананьев Б. Г., 1980). Далее он говорит о том, что через сложные переходы из закрытой системы в открытую человек вносит свой вклад в материальную и духовную культуру общества. Можно предположить, что субъект деятельности является в такой схеме неким посредником между индивидуальностью (закрытой системой) и личностью (открытой системой) посредством активности.

Таким образом, рассматривая процесс самоорганизации личности, целесообразно фокусировать внимание на такой подсистеме, как субъект деятельности. Исследования отечественных психологов дали серьезный толчок к развитию концепции субъекта и субъектной деятельности. Будучи активной структурой, способной направлять свои силы не только вовне, но и на себя, и содержащей потенциалы развития личности, субъект деятельности, возможно, является ключом к пониманию многих самопроцессов личности, в том числе и процесса самоорганизации.

Пилипенко К. М.

Коскина Е. Н.

ЗАВИСИМОСТЬ САМООТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОТ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМИ АГРЕССИВНЫХ РЕАКЦИЙ

Самоотношение подростка является неотъемлемой единицей нормального психического функционирования личности, каждая такая единица позволяет подростку социализироваться в обществе и проявить

себя. Становление самооотношения – процесс не простой, а если существуют какие-либо факторы, мешающие нормальному становлению самооотношения, то необходимо оказание психологической помощи подростку. Ведь только в этом случае мы можем рассчитывать на будущее развитие полноценной личности. Зачастую таким мешающим фактором становится агрессия. Проявление агрессивности и агрессивных реакций в подростковом возрасте изучалось различными авторами (А. А. Реан, А. Басс, Д. Холмс, Э. Фромм и др). Почти каждый подросток во время переходного возраста сталкивается с особыми трудностями, пытается найти себя, что не всегда вызывает положительные поведенческие реакции, а порой и вовсе отрицательные. Агрессия на данном возрастном этапе является самозащитой подростка, он желает, чтобы его приняли как взрослого, в целях его же социальной адаптации, а окружающие зачастую не умеют правильно на это реагировать, что значительно влияет на самосознание личности подростка.

Все вышесказанное делает необходимым выявление зависимости формирования самооотношения подростков от проявления ими агрессивных реакций. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что от проявления подростком агрессивных реакций зависит формирование его самооотношения. Исследование проводилось на базе МОУ «СОШ №5» г. Великие Луки Псковской области, в нем приняли участие дети подросткового возраста (25 человек). В исследовании использовались следующие методики: «методика определения уровня агрессивности» (Басса-Дарки) и «тест-опросник самооотношения» (В. В. Столин, С.Р. Пантелеев).

Результаты исследования показали, что в большей степени из всех агрессивных реакций подростки склонны проявлять раздражение (6,6 балла), подозрительность (6 баллов) и физическую агрессию (5,6 балла). Раздражение у подростков проявляется в грубости и вспыльчивости, они готовы к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении. Подозрительность выражается в недоверии подростка к окружающим людям и осторожном отношении к ним. Что касается физической агрессии, то можно сделать вывод, что в определенные моменты подростки проявляют стремление нанести физический вред другому человеку. Стремление нанести вред другим людям косвенным образом имеет у респондентов слабовыраженный характер (4,7 балла). Подростки почти не испытывают зависти к окружающим за действительные и вымышленные действия (3,8 балла). По шкале «вербальная агрессия» показатель у респондентов составил 3,7 балла, т. е. им не свойственно выражать свое недовольство словами, что можно объяснить их импульсивностью. Респонденты редко испытывают чувство вины за свои поступки и действия, считая их правильными (3,6 балла). Кроме того, они

не выступают против установившихся обычаев и законов, а если и выступают, то в форме пассивного сопротивления, о чем свидетельствует среднее значение, полученное по шкале «негативизм» (2,6 балла).

Глобальное самоотношение подростков отражает внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя. Из исследования можно сделать вывод о наличии чувства «за» самого себя у подростков (76,5%), что свидетельствует об общей удовлетворенности своим «Я» школьниками. Дифференцированное самоотношение у подростков преобладает в качестве самоуважения (76%) и в ожидаемом отношении от других (65%). Готовность к действиям по отношению к своему «Я» проявляется в самоуверенности (70%), а также в саморукотворности (68%).

Для выявления взаимосвязи между агрессивными реакциями и самоотношением подростков был проведен корреляционный анализ, позволивший получить следующие достоверные взаимосвязи: на 1-процентном уровне значимости вербальная агрессия определяет уровень самоуважения ($r = 0,43$; при $p \leq 0,01$) и самоинтереса ($r = 0,45$; при $p \leq 0,01$). Обратная пропорциональная связь на 1-процентном уровне выявлена между физической агрессией ($r = -0,46$; при $p \leq 0,01$), негативизмом ($r = -0,40$; при $p \leq 0,01$) и аутосимпатией. Таким образом, наша гипотеза о взаимосвязи становления самоотношения подростков с проявлением ими агрессивных реакций подтвердилась.

Поспелова И. Г.

Михеева А. Н.

СТРАХИ У УЧИТЕЛЕЙ ПРЕДПЕНСИОННОГО И ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

Неизбежным спутником нашей жизни являются эмоции. Страх – это эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действий и воображаемой опасности. В рамках курсовой работы нами было проведено исследование страхов у детей младшего школьного возраста – выявлены причины возникновения, проанализированы методы работы. Интересным оказался факт, что больше половины учителей, работающих в школе – люди предпенсионного и пенсионного возраста. Нас заинтересовала тема страхов у учителей предпенсионного и пенсионного возраста, ведь именно в данном возрасте в наивысшей степени проявляется страх перед будущим, страх одиночества и пр.

Выделена гипотеза исследования – количество страхов у работающих учителей предпенсионного и пенсионного возраста меньше, чем у неработающих учителей. В зависимости от профессиональной занятости были сформированы три эквивалентные группы: первая группа – учителя

предпенсионного возраста, которые в ближайшие пять лет должны выйти на пенсию – 20 человек; вторая группа – учителя пенсионного возраста, работающие со статусом до пяти лет – 20 человек; третья группа – не работающие от трех месяцев до пяти лет учителя – 20 человек.

В рамках исследования было проведено интервью, использовался также опросник актуальных страхов. Для обработки данных сделан качественный и корреляционный анализ.

По результатам интервью было выяснено, что учителя предпенсионного возраста испытывают следующие страхи: страх будущего, страх потери работы, страх за здоровье. Возможно, это связано со снижением трудовой активности, понижением заработной платы и уменьшением социальных контактов. Для работающих учителей наиболее актуален страх потери работы, страх бедности, страх будущего.

Таким образом, данные социальные группы объединяет страх будущего и страх потери работы. Для неработающих учителей наиболее значимы страх одиночества, страх за здоровье и страх за родных. Вероятно, это связано со снижением социальных контактов и ухудшением здоровья. Количество страхов у неработающих ниже, чем у работающих. С помощью ранговой корреляции Спирмена (для выборки с ненормальным распределением) сравнивали частотное упоминание страхов у разных групп. На достаточном уровне достоверности (5%) выявлена связь между группами работающих учителей предпенсионного и пенсионного возраста.

Следовательно, группы работающих учителей испытывают близкие по структуре страхи. Гипотеза исследования не подтвердилась. Неработающие учителя испытывают меньше страхов, чем работающие учителя. Можно предположить, что отсутствие чего-либо (работы, заработной платы) снижает коэффициент страха, например отсутствует страх потери работы. Наибольшее количество страхов у работающих учителей предпенсионного возраста. Данное исследование позволило выявить наиболее значимые страхи у учителей предпенсионного и пенсионного возраста. Можно предположить, что страхи порождаются тем, что есть у человека, соответственно чем меньше у него есть, тем меньше страхов он испытывает.

Преображенская А. Д.

Котова Т. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ КАУЗАЛЬНОЙ СХЕМЫ ОБЪЕКТА У ДОШКОЛЬНИКОВ

Тема нашей работы связана с понятием «конвенциональная каузальная схема объекта». Под этим термином мы подразумеваем представления ребенка об общественном способе употребления данного

объекта, культурных правилах его употребления. Это понятие принято отличать от естественной каузальной схемы объекта, под которой подразумеваются представления ребенка о естественных закономерностях, под которые попадает объект. Интерес к различению этих двух понятий продиктован традицией изучения феномена чрезмерного подражания (Lyons, 2007; Tomasello, 2005; Nielsen, 2006; Котова, Преображенская, 2009).

Феномен чрезмерного подражания заключается в готовности ребенка подражать действиям, не нужным для достижения цели, если они продемонстрированы взрослым, хотя без наблюдения манипуляций взрослого при достижении той же цели ребенок игнорирует ненужные действия (Lyons et al., 2007). Получается, что поведение ребенка не соответствует полностью естественной каузальной схеме объекта, которую он смог бы открыть без вмешательства взрослого.

При всем множестве исследований феномена чрезмерного подражания остается открытым вопрос, в какой степени естественные каузальные связи и представления ребенка о них задействованы при построении конвенциональной каузальной схемы объекта ребенком, наблюдающим поведение взрослого. В поисках ответа на данный вопрос мы провели серию экспериментов, которая направлена на исследование гипотезы о том, что структура конвенциональной каузальной схемы объекта, создаваемой дошкольником в ходе совместной деятельности с взрослым, отображает набор отдельных операций взрослого, выделяемых по перцептивным свойствам объекта, а не содержание операций взрослого, выделяемое по функциональным свойствам объекта. Мы демонстрировали испытуемому образец поведения с искусственным объектом, а позже заменяли объект на дублер. Дублеры различались по ряду признаков, связанных либо с искажением перцептивных признаков объекта, либо с искажением функциональных закономерностей объекта. Испытуемым демонстрировали основной предмет путем нахождения игрушки через лишние действия. Ребенка оставляли одного, а по возвращении, забрав предмет, говорили «а еще у меня есть вот такой предмет, в нем тоже есть игрушка. Поиграй с предметом как хочешь, найдешь игрушку и поиграешь с игрушкой» и ставили на стол дублер, после чего экспериментатор оставлял ребенка. Мы получили для каждого испытуемого сумму лишних действий, которые он совершал после демонстрации при работе с основным объектом, и при работе с каждым из пяти дублеров.

Сравнение исходной суммы лишних действий и суммы лишних действий для разных дублеров показало, что значимое снижение лишних действий происходит при искажении перцептивных признаков объекта и не происходит при искажении функциональных закономерностей

объекта. Исходя из полученных результатов, можно говорить о том, что структура конвенциональной каузальной схемы объекта, создаваемой дошкольником в ходе совместной деятельности со взрослым, отображает набор отдельных операций взрослого, выделяемых по перцептивным свойствам объекта, а не содержание операций взрослого, выделяемое по функциональным свойствам объекта. Кроме того, нами была проведена дополнительная серия экспериментов, в которой мы проследили, зависит ли формирование конвенциональной каузальной схемы объекта у дошкольника в ходе совместной деятельности с взрослым от его осведомленности в сфере естественных законов, к которым апеллирует поведение взрослого. К примеру, мы полагали, что конвенциональная каузальная схема, формирующаяся у ребенка на механическом материале, будет в большей степени соответствовать поведению взрослого, чем конвенциональная каузальная схема на символическом материале, в силу большей осведомленности ребенка-дошкольника о механических закономерностях, нежели о символических. Экспериментальные данные позволили подтвердить это предположение.

Рублева А. Ю.

ВЛИЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА РАЗВИТИЕ ДЕЦЕНТРАЦИИ

В современных условиях процесс становления и развития личности находится под влиянием двух ведущих тенденций – глобализации, интеграции культур, и вместе с тем – сохранения основ родной культуры, пропаганды национального самосознания, обращения к традициям. Вследствие этого с каждым годом растет количество людей, изучающих иностранные языки. Представителями зарубежной и отечественной науки проводится большое количество исследований данного процесса. При этом основное внимание уделяется исследованию лингвистических и методических характеристик, в то время как попытки проведения психологического анализа процесса можно встретить гораздо реже. Понятия «язык» и «речь» относятся к числу наиболее важных и сложных. Впервые проблема соотношения языка и речи была сформулирована В. Гумбольдтом, позже Ф. де Соссюром.

Современное понимание проблемы: язык – это стихийно возникшая уникальная система знаков и правил их комбинирования, предназначенная для коммуникации; речь – язык в действии, применение языка с целью общения (Левонтина И. Б., 2000). Существует множество теорий, объясняющих формирование и развитие речи. Они расходятся в вопросе о том, является ли речь чисто человеческим приобретением, можно ли считать ее структуры универсальными и наследственными, или же это приобретенные структуры, различные в разных культурах. Изуче-

нием данного вопроса занимались Э. Сепир (1921) и Б. Уорф (1956) – представители релятивистской теории языка; Н Хомский (1968) – преформистской теории языка; Ж. Пиаже – конструктивистской теории языка; Б. Ф. Скиннер – представитель теории оперантного обусловливания языка.

Целым рядом исследований доказано, что изучение иностранного языка вызывает изменения в психических процессах (Ремизова С. В., 2010). Люди, владеющие двумя или более языками, отличаются следующими особенностями: культурным релятивизмом и повышенной толерантностью по отношению к другим культурам (К. Бэмфорд, Д. Мизокава); более высоким уровнем интеллекта (Е. Пил, В. Ламберт); более развитыми когнитивными способностями (К. Фостер, С. Ривз); лучшей памятью; более развитой способностью решения проблем. На наш взгляд, изучение иностранных языков влияет на развитие децентрации. Источником децентрации выступает непосредственное или интериоризованное общение с другими людьми, в ходе которого происходит столкновение противоречивых точек зрения, побуждающее субъекта к преобразованию смысла образов, понятий и представлений в собственной познавательной позиции (Скутина Т. В., 2006).

Данный процесс становится более вероятен и возможен при изучении иностранного языка, так как в каждом языке способ отражения предметов и явлений действительности специфичен и своеобразен. Следовательно, качественно изменяя языковую картину мира индивида, новый язык неизбежно влияет и на общую картину мира в когнитивной сфере. Усвоение новой языковой системы в конечном счете приводит к изменению «угла зрения» на окружающий мир, его понятия, отношения и ценности, к преодолению «монокультурности» и лингвоцентризма. Ставя задачу развития децентрации, необходимо представлять обучающемуся систему иностранного языка с точки зрения стоящей за ней иноязычной картины мира, которая есть единство языкового и когнитивного. Поскольку специфика языкового отражения мира наиболее отчетливо и системно выступает в грамматике языка, стержнем обучения и должна стать грамматика как комплекс структурно-функциональных единиц, представляющих грамматические категории в единстве их форм и значений (Цветкова Т. К., 2001). При обучении иностранному языку также важнейшим моментом является знакомство обучающегося с культурной средой страны изучаемого языка.

Рыжкова Т. Ю.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ
В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ДОМЕ РЕБЕНКА № 6**

Исследователями раннего возраста давно доказано, что первые три года жизни ребенка являются чрезвычайно важным и ответственным этапом в его развитии. В данный период наблюдается максимальный темп формирования предпосылок, обуславливающих все дальнейшее развитие организма. Дети, воспитывающиеся в домах ребенка – это «особые» дети. Их психическое и физическое развитие имеет ряд негативных особенностей. Поэтому этим детям особенно необходим контроль за психическим развитием для раннего выявления отклонений, планирование индивидуальных мер коррекции и профилактики, направленных на создание условий полноценного развития.

Наш дом ребенка рассчитан на 75 детей в возрасте от рождения до четырех лет. Практически у всех детей неблагополучный анамнез, большая часть воспитанников имеет сочетанную патологию развития со стороны центральной нервной системы. Таким образом, целью нашей работы является создание целостной системы, обеспечивающей оптимальные психолого-педагогические условия для детей с проблемами в развитии в соответствии с их возрастными и индивидуально-типологическими особенностями, состоянием соматического и нервно-психического здоровья. Исходя из этой цели, работа психолога в доме ребенка включает в себя следующие задачи:

1. Психодиагностика детей раннего возраста. Основные диагностики, используемые в работе дома ребенка: шкала психомоторного развития Гезелла модифицированная и шкала измерения социальной компетенции Долла модифицированная. Для диагностики эмоционального и социального развития детей используются дополнительные методики: методика исследования эмоционального состояния; диагностика степени адаптации ребенка в группе; методика изучения социальных эмоций; обследование симптомов нарушенного поведения и эмоций у детей раннего возраста; методика изучения негативных личностных проявлений у детей; диагностика агрессивности у детей. По результатам диагностики, для выработки наиболее эффективного плана сопровождения каждого ребенка, мы взаимодействуем со всеми специалистами дома ребенка. Данные фиксируются в индивидуальные реабилитационные карты.

2. Коррекционно-развивающая работа. Для реализации этих задач мы используем следующие программы и методики: работа в сенсорной комнате, адаптированные для раннего возраста коррекционно-развивающие занятия: комплексные психолого-музыкальные занятия, развивающие занятия с элементами методики Монтессори, арт-терапию

(элементы игровой терапии и сказкотерапии, элементы песочной терапии, рисование, работу с пластическим и природным материалом). Важной и необходимой является работа в сенсорной комнате, которая представляет собой реальную возможность расширить жизненный опыт детей, обогатить их чувственный мир. Для реализации проблемы социальной адаптации мы используем в своей работе еще один всемирно известный опыт – педагогику Марии Мотессори. С целью развития эмоциональных отношений между детьми, способствующих проявлению эмпатии к сверстникам, а также для стабилизации положительного эмоционального фона детей были разработаны, апробированы и введены в работу совместные занятия с использованием элементов музыкальной терапии. Учитывая возраст наших малышей, одним из ведущих методов абилитации также является арт-терапия.

3. Консультативная и профилактическая работа. Консультативное направление включает в себя информационную и мотивационную поддержку персонала, активное вовлечение специалистов в целенаправленный коррекционно-развивающий процесс. Работа ведется по нескольким направлениям: методическая и практическая помощь педагогам при организации жизненного пространства детей. Проведение семинаров и тренингов с педагогами по различным психологическим направлениям, в том числе – по вопросам профвыгорания. Психологическое обеспечение образовательных программ. Тактичная коррекция педагогического сопровождения: организация папок психолога, где педагог может задать любой интересующий его вопрос о развитии детей, характерологических, эмоциональных, поведенческих проявлениях детей. Особое внимание уделяется работе с приемными родителями. Таким образом, следуя принципам мультидисциплинарности, непрерывности и системности, и, главное, – принципу соблюдения интересов ребенка, психологическое, медицинское и педагогическое сопровождение детей в доме ребенка, можно сделать целостной системой деятельности всего коллектива, обеспечивающей необходимые условия для развития детей-сирот.

Рядченко А. В.

ПСИХОДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ ЭТНОТОЛЕРАНТНОСТИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Изучение способов поведения и выявление проблем взаимодействия детей в условиях этнической неоднородности приобретает особую актуальность. Мы исходим из того, что сенситивным периодом для формирования негативных гетеростереотипов, как источника ксенофобного поведения, выступает подростковый возраст, и для его предупреждения, работу по развитию толерантности нужно начинать уже в до-

школьном образовательном учреждении. Объектом исследования является поликультурная среда дошкольного образовательного учреждения. Предмет – уровень сформированности этнической толерантности у детей старшего дошкольного возраста. Цель исследования – теоретическое осмысление и практический поиск психолого-педагогических условий, способствующих формированию этнической толерантности старших дошкольников в условиях межэтнического взаимодействия. Гипотеза: психологическими особенностями развития этнической толерантности у старших дошкольников являются: активно формирующиеся этническое самосознание и идентификация с лицами национальной группы, этническая осведомленность. Процесс формирования этнической толерантности дошкольников будет протекать успешнее, если воспитатель обладает высоким уровнем этнической толерантности и осуществляет выбор методов в зависимости от этнических установок дошкольников.

В соответствии с целью и гипотезой исследования были поставлены следующие задачи: осуществить теоретический анализ изучения проблемы толерантности; исследовать уровень сформированности этнической толерантности у дошкольников; определить основные направления деятельности по формированию этнической толерантности дошкольников. Испытуемыми в нашем исследовании выступили дети старшего дошкольного возраста ДОО д/с «Солнечный» № 116. Всего обследовано 53 человека, из них 37 человек из группы, где регулярно проводится работа по формированию у детей этнокультурной грамотности и 16 детей из группы, где не разработана программа целенаправленной деятельности в сфере этнокультурного образования.

Использование модифицированного детского личностного вопросника Р. Кеттелла позволило определить исходный уровень сформированности межличностной толерантности у старших дошкольников: толерантное поведение – 72%, интолерантное – 28%. Для уточнения и сопоставления данных по нашей выборке мы измерили уровень тревожности, агрессивности и эгоистической установки в межличностном взаимодействии, как показателей интолерантности, а также альтруистической установки, как показателя межличностной толерантности и их соотношение с помощью методики САТ. Тревожность: 19,4% – низкий уровень, 27,8% – средний, 52,8% – высокий уровень, что подтверждает результаты диагностики по предыдущей методике. Альтруистическая установка на межличностное взаимодействие – 58,3%, эгоистическая – 41,7%.

В проективной методике «несуществующее животное» дети с высоким и средним уровнем межличностной толерантности изображали миролюбивых животных, линии рисунка равномерные, уверенные; ис-

пытуемые с низким уровнем (интолерантные) изображали животных с клыками, рогами, человекообразных монстров, пострисуночный опрос выявил тенденцию к агрессивному поведению.

Для определения отношения дошкольников к иноэтничным сверстникам нами была проведена методика «сестренки». Чтобы выявить уровень знаний о других народах и национальностях, как важного показателя этнотолерантности, мы использовали метод индивидуальной беседы. Анализ данных указывает на то, что о своей этнической принадлежности знают только 64% дошкольников в обычной группе и 92% в группе с элементами этнокультурного образования. Формирование этнической толерантности дошкольников основано на общих принципах психокоррекции. В качестве исходного материала для проведения серии занятий с детьми старшего дошкольного возраста мы предлагаем использовать разработанную автором книжку-раскраску. Нами апробированы некоторые возможности проведения занятий и исследования уровня сформированности этнической идентичности детей с помощью этого материала. В результате предпринятое коррекционное воздействие актуализирует изменения в уровне сформированности межличностной толерантности дошкольников. Произойдет постепенное сокращение количества детей с низким уровнем межличностной толерантности и увеличение количества детей со средним и высоким уровнем межличностной толерантности по выделенным показателям.

Садовская Т. В.

ВЛИЯНИЕ МАКРОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Проблемы морали, нравственности волновали человека с момента зарождения человеческого общества. Эти вопросы затрагивались как в трудах философов (В. В. Розанов, В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, П. Флоренский, Н. А. Бердяев), педагогов (А. И. Ушинский, Т. В. Гаврилова), так и психологов (Л. Кольберг, К. А. Абульханова-Славская, Б. С. Братусь, М. И. Воловикова). В связи с тем, что в нашей стране происходят не только экономические, но и политические изменения, которые затрагивают духовно-нравственную сферу, вопросы морального развития являются особо актуальными. Анализируя работы отечественных авторов, можно отметить, что большая их часть выполнена в советское время, а потому плотно связана с господствующей идеологией. В связи с этим основной пласт исследований направлен на изучение нравственной сферы не как целостной характеристики личности, а как интегративного образования (отдельно исследовались: когнитивный компонент [нравственные знания, представления, понятия], эмоциональный [моральные чувства, эмоции], поведенческий, нравст-

венное сознание). При довольно большом количестве работ, посвященных изучению нравственной сферы дошкольников (Субботский Е. В., 1983; Якобсон С. Г., 1984) и подростков (Редькина Е. Б., 1994; Фельдштейн Д. И., 1988; 1989; Божович Л. И., 1968), работ, направленных на изучение моральной сферы в периоды юности и взрослости крайне мало.

В работах отечественных исследователей отражено представление о том, что развитие морально-нравственной сферы связано с различными факторами: со степенью ригидности и структурированности нравственных норм, интеллектуальной вовлеченностью субъекта (Воловикова М. И., Ребеко Т. А., 1990); самооценкой (Сапожникова Л. А., 1998); мотивационной сферой (Капустин Н. П., 2001) гендерными факторами (Сапожникова Л. А., 1998). В своей работе мы планируем также рассмотреть факторы, влияющие на развитие морально-нравственной сферы.

Опираясь на положение Л. И. Божович о том, что нравственное развитие не изолированный процесс, а связанный с социальным, наряду с индивидуально-типологическими особенностями мы выделили микро- и макросоциальные факторы. Под первыми мы понимаем микросреду, в которой рос и развивался респондент (особенности семейного воспитания), под макросоциумом мы понимаем размер города, в котором проживает испытуемый.

В данной статье мы планируем подробнее остановиться на параметре макросоциума. В опросе приняли участие респонденты из мегаполиса (Санкт-Петербурга) и провинциального города (Челябинская область). В пилотажном исследовании принимали участие 40 студентов колледжа из этих городов. Для изучения особенностей развития нравственной сферы испытуемых нами были использованы методики «Моральный выбор» и «Морально-нравственные ориентации» (А. А. Хвостова). Нами были выявлены достоверные различия по Т-критерию Стьюдента ($p \leq 0,01$). Согласно результатам исследования, респонденты из небольшого города отличаются более высоким уровнем развития морально-нравственной сферы. Таким образом, можно предположить, что макросоциальные факторы оказывают влияние на развитие морально-нравственной сферы.

Свередюк Е. В.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В основе исследования лежит модель позитивного функционирования личности, разработанная в различных концепциях гуманистически ориентированных психологов (А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс, К. Г. Юнг и др.), в рамках которой психологическое благо-

получие рассматривается как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью. Субъективное благополучие личности, будучи интегральным социально-психологическим образованием, определяется через систему представлений личности о себе, своей жизни, отношениях, состоянии и т.п. На наш взгляд, изучать проблему субъективного благополучия особенно актуально на психологах, так как эффективность их профессиональной деятельности во многом определяется особенностями ценностно-смысловой сферы.

В исследовании приняли участие 45 студентов второго, третьего и четвертого курсов факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка в возрасте от 18 до 24 лет. 40 респондентов – девушки, 5 – юноши, что соответствует генеральной совокупности студентов-психологов.

Мы предположили, что студенты с высоким уровнем субъективного благополучия будут демонстрировать высокий уровень осмысленности жизни. Уровень субъективного благополучия студентов-психологов определялся при помощи шкалы субъективного благополучия Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова. Было выявлено, что у 35 респондентов наблюдается высокий уровень субъективного благополучия, у них преобладает хорошее настроение, самочувствие, они смотрят в будущее с оптимизмом. Десять студентов проявили низкий уровень субъективного благополучия, их состояние характеризуется одиночеством, беспокойством, они чрезмерно реагируют на незначительные препятствия и неудачи. Ценностно-смысловая сфера личности определялась с помощью теста смысложизненных ориентаций J. Crumbaugh, L. Maholick, в адаптации Д. А. Леонтьева.

По результатам исследования в выборке преобладают те, кто имеет конкретные цели в жизни (54%). Большинство студентов воспринимают свою жизнь как интересную и эмоционально насыщенную (61%), высоко оценивают результативность своей жизни (56%). У большинства студентов высокий уровень локуса контроля Я (54%), что означает соответствие представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. 54% респондентов убеждены в том, что человек может контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. 37 студентов-психологов имеют высокий уровень осмысленности жиз-

ни, 8 – низкий. Для выявления взаимосвязи уровня субъективного благополучия и смысложизненных ориентаций студентов-психологов был применен метод ранговой корреляции Спирмена. Данные обрабатывались с помощью программы STATISTICA 6,0.

В результате изучения взаимосвязей субъективного благополучия и смысложизненных ориентаций было установлено, что большинство студентов с высоким уровнем субъективного благополучия имеют цели в будущем, которые придают жизни осмысленность, направлены свою жизнь как интересную, эмоционально насыщенную и наполненную смыслом ($r = 0,64$ при $p < 0,05$); высоко оценивают результативность своей жизни ($r = 0,67$ при $p < 0,05$); соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле ($r = 0,57$ при $p < 0,05$); считают себя хозяевами своей жизни, убеждены в том, что человек может контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь ($r = 0,79$ при $p < 0,05$). В целом жизнь студентов с высоким уровнем субъективного благополучия можно охарактеризовать как осмысленную ($r = 0,66$ при $p < 0,05$).

Таким образом, вопрос субъективного благополучия личности – это вопрос к самой личности, ее мировоззрению, устремлениям, смыслу, активности.

Соколовская О. К.

ТИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТА-ПСИХОЛОГА

В последнее десятилетие в России делается существенная ставка на компетентностный подход в образовании, который напрямую связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания индивида не только в качестве специалиста, профессионала своего дела, но как личности и члена социума. По данным, расположенным на федеральном портале российского образования, 294 вуза имеют факультеты и отделения, готовящие психологов. Однако практической работой в сфере психологии впоследствии занимается лишь около 30% выпускников. В связи с этим при подготовке профессиональных психологов особое внимание необходимо уделять не только приобретению студентами высокой квалификации, но и формированию профессиональной позиции, личностного отношения к предстоящей деятельности.

Актуальность изучения содержания профессиональной позиции, специфики ее развития у студентов-психологов на разных этапах получения профессионального образования определили тему исследо-

вания. В общий объем выборки вошли студенты-психологи с первого по пятый курс в количестве 277 человек. Для исследования параметров профессиональной позиции студентов-психологов использовали мини-тест для изучения профессиональных позиций Л. Б. Шнейдер.

Для статистической обработки данных применяли кластерный анализ. Выявлены семь типов профессиональной позиции: «продуктивная», «сопереживающая», «самопознания», «восторженная», «потенциальная», «отсутствующая», «разочарования в профессии».

– «Продуктивная позиция». Студенты-психологи высоко оценивают удовлетворение от помощи другим людям, при этом наблюдается интернальная позиция при оценке своего профессионального будущего. Позитивно оценивают себя как психолога, осознавая недостаточный опыт в практической психологии.

– «Позиция самопознания». Данная группа студентов-психологов имеет низкие оценки удовлетворенности своим образом Я, профессиональной самооценки, практического опыта и стремления к профессиональному развитию, самосовершенствованию. Невысоки оценки профессионально важных качеств – таких, как эмпатия, искренность, тепло.

– «Потенциальная позиция». Студенты, сформировавшие данную группу, высоко оценивают свою роль в профессиональном будущем. В целом удовлетворены своим образом Я, но невысоко оценивают себя как психологов, отмечают наличие коммуникативных навыков и некоторый опыт в практической психологии, свои планы в целом не связывают с деятельностью психолога. Проявляют эмпатию, тепло искренность в отношениях.

– «Восторженная позиция». Данная группа студентов-психологов высоко оценивает роль образования в успешности своей будущей профессиональной деятельности, подчеркивает высокую значимость собственной активности в профессиональном развитии. Кроме того, важным параметром является желание помогать людям. Свои профессиональные планы студенты связывают с деятельностью психолога, но невысоко оценивают у себя такие качества, как конкретность, инициативность, спонтанность.

– «Отсутствующая позиция». Студенты-психологи, отмечая зависимость профессионального будущего от собственной активности, низко оценивают свой практический опыт, у них отсутствует стремление к профессиональному саморазвитию и желание в будущем видеть себя психологом. Отмечают, что окружающие не ценят их, как профессионалов.

– «Сопереживающая позиция». Отличается желанием помогать людям при профессиональных планах в области психологии и интер-

нальной позицией в отношении профессионального будущего. Наряду с отмеченными признаками студенты выделяют отсутствие практического опыта, недостаток знаний о деятельности практического психолога и профессиональных знаний в целом. Низка оценка себя как психолога.

– Позиция «разочарования в профессии». Студенты-психологи выделяют собственные усилия в профессиональном развитии, отмечая некоторый опыт в практической психологии. Низка роль получаемого образования в успешности профессиональной деятельности. Критично оценивают спонтанность, инициативность, конкретность. При желании оказывать помощь людям, стремление работать практическим психологом не выражено. При переходе от первого курса к пятому уменьшается доля студентов-психологов, демонстрирующих «сопереживающую», «восторженную» позицию и позицию «самопознания», увеличивается доля студентов с «потенциальной» и «отсутствующей» профессиональной позицией, «продуктивная» позиция доминирует у студентов-психологов на протяжении всего процесса обучения в вузе. Третий год обучения характеризуется резким увеличением доли студентов с позицией «разочарования в профессии».

Струговец А. С.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Анализ особенностей и динамики гендерной социализации показывает, что к настоящему времени гендерные ожидания молодежи претерпели изменения: смещаются традиционные представления о роли мужчины как «защитника»; имеют место тенденции инфантилизации и феминизации молодой части мужского населения и принятия женщинами маскулинных ролей во всех сферах жизнедеятельности; наблюдается рост иждивенческих проявлений среди обоих полов; усиливается прагматичность в ожиданиях от потенциальных супругов. В трудах Д. Зиммермана, В. Т. Кабуша, В. Г. Петровой, К. Уэста и других указывается на необходимость дифференциации процесса воспитания с учетом половой принадлежности воспитанников.

Гендерное воспитание – это целенаправленный процесс формирования у воспитанников научной системы взглядов на единство и взаимообусловленность биологической, психосексуальной и социокультурной природы человека, закономерности становления маскулинности и фемининности через освоение социальных ролей, норм, ценностей, идеалов, морали современного общества. Эффективность деятельности по гендерному воспитанию и становлению культуры семейных отношений определяется ее системностью, поскольку формирование ответственного родителя, семьянина предполагает обязательное овладение ген-

дерной культурой, компонентами которой выступают когнитивный (гендерное самосознание), эмоциональный (гендерная идентичность) и поведенческий (гендерное поведение и гендерные роли). Но, в то же время, в социальной действительности существуют проблемы формирования гендерной культуры личности в современных условиях: феминизация системы среднего образования, низкий уровень гендерной культуры педагогических кадров, построение ролевой модели на основе отрицания и отвержения модели противоположного пола и как следствие – развитие негативизма по отношению к противоположному полу и др.

В процессе воспитательной работы должны решаться задачи приобретения школьниками знаний по вопросам создания семьи, семейного воспитания, гендерных проблем современного общества, а также развития духовного мира учащихся, стимулирования их самообразования и самовоспитания. Нами было проведено исследование эмоционального компонента гендерной культуры – гендерной идентичности – с помощью опросника Сандры Бем и методики изучения гендерной идентичности (МИГИ) Л. Б. Шнейдер. Исследование проводилось на базе УО «Гомельский государственный областной лицей». В нем приняло участие 23 учащихся 15–16 лет, из них 16 девушек и 7 юношей.

Анализ результатов проведенного исследования по методике С. Бем позволяет сделать вывод о преобладающей адекватной гендерной идентичности девушек или их гендерно соответствующем поведении (82% девушек соотносят себя с показателями феминности и даже ярко выраженной феминности и лишь 19% андрогинны). В то же время показатели большинства юношей не соответствуют социальным представлениям о полоролевых нормах: андрогинность и феминность наблюдается у 43% юношей соответственно (в сумме – 86%), а маскулинность лишь у 14% (что соотносится с одним испытуемым из семи опрошенных).

Результаты МИГИ показывают, что как девушки, так и юноши преимущественно находятся в состоянии диффузной гендерной идентичности. Наиболее выраженным у юношей является состояние преждевременной и диффузной гендерной идентичности (43%), а у девушек наивысший средний показатель также выявлен по диффузной идентичности (69% девушек). Исходя из проведенного анализа результатов исследования, мы видим, что у девушек наблюдается более адекватная гендерная идентичность, чем у юношей, откуда можно предположить, что уровень гендерной культуры школьников разных полов отличается, следовательно, и пути формирования гендерной культуры должны быть гендерно адресными.

Таким образом, проблемы, выявленные в результате исследования гендерной идентичности юношей и девушек, позволяют сделать

вывод о недостаточной сформированности их гендерной культуры, о необходимости подбора гендерно адресных методов ее формирования и важности объединения усилий как работников школы и других социальных институтов, так и членов семьи для работы над этими проблемами.

Титков И. С.

Самыкина Н. Ю.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОЖИЛЫХ

По данным статистики, через 30 лет в России число пожилых людей составит 50% от общего количества населения, но уже сейчас «третий возраст» изучается различными авторами (Фролькис, Андреева, Яцемирская, Хомская, Чеканова, Авербух) Наша работа направлена на изучение проблем, связанных с процессом социализации пожилых людей. В качестве предваряющего исследования был проведен контент-анализ личных блогов пожилых людей (охват составил 24 блога, возраст: 53–65) и ранжирование ими значимости тем для общения. Мы предположили, что для людей, общающихся в сети Интернет, за счет большего уровня социализированности, актуальны темы, которым пожилые люди, не имеющие доступа к виртуальному общению, уделяют незначительный процент своего времени в коммуникации. Для сравнения была взята контрольная группа респондентов (20 пожилых людей, не общающихся в сети Интернет).

И в той и в другой группе наиболее популярными и значимыми темами были темы «хобби», «здоровье», «отношения с детьми/родственниками». Однако в экспериментальной группе насчитывалось больше тем, чем в контрольной. Наибольшее различие было отмечено по упоминанию темы смерти. Интернет-активные пенсионеры редко обращаются к этой теме и не считают ее значимой. Подобная ситуация избегания фундаментального вопроса смерти и умирания вообще закономерна и была кратко описана В. П. Козырьковым с точки зрения позиций к пожилому возрасту – финалисткой и акмеистской.

К рассмотрению своего состояния как начального этапа новой жизни или как высшей стадии зрелости. Определенное «табу» на тему смерти существует при любом отношении к себе при достижении определенного возраста. Это является результатом утраты физических кондиций. По Т. З. Козловой, мироощущение, самооценка, активность пожилого зависят в большей степени от состояния здоровья (Козлова Т. З., 2003). Физическая нестабильность воспринимается тревожными пожилыми людьми как проявление личной несостоятельности, стагнации, надвигающейся смерти, эти мысли приближают старость психическую, происходит дальнейшее функциональное замедление организма. Как полагает ряд исследователей, это

замедление имеет эволюционный смысл, заключающийся в адаптации к происходящим изменениям в организме (Зоткин Н. В., 1996). Н. К. Корсакова говорит, что нормальное физиологическое старение характеризуется на всех этапах позднего возраста, прежде всего, изменениями в работе первого блока мозга в виде смещения баланса нейродинамических параметров психической активности в сторону преобладания тормозных процессов (Корсакова Н. К., 1996).

Лица, не общающиеся и не имеющие доступа к сети Интернет (пассивный элемент) смещают приоритетность обсуждений, в первую очередь, в сторону своего здоровья. Лица, виртуально активные, уходят от тематики смерти за счет обсуждений своих путешествий и т. п. У старого человека, как рассуждает В. Генри, меняется мотивация трудовой деятельности. Человек стремится к труду ради получения эмоциональной окраски (Александрова М. Д., 1974). По качеству и количеству обсуждений на форумах и в контрольной группе мы не можем утверждать, что в группах «элитарных» и «неэлитарных» пожилых существует серьезное отличие тематики общения. Можно гипотетически заявить, что Интернет-активные пожилые люди проявляют инициативу в установлении новых контактов, саморазвитии, что является важным компонентом процесса социализации, обладают потенциально большей ресурсностью (в психическом плане) и открытостью, нежели их «Интернет-неактивные» сверстники. На проверку данного предположения будут направлены наши следующие исследования.

Узикова А. Ю.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Специфической стороной проблемы развития является способность личности выстраивать свой жизненный путь. Досуговая деятельность выступает фактором развития, влияние которого отражается на представлениях личности о своей жизни. Целью нашей работы было показать, что наличие сильного увлечения меняет картину жизни личности в период ранней взрослости. Объектом исследования является личность футбольного фаната, предметом – субъективная картина жизненного пути. Контрольная группа состоит из молодых людей, не включенных в неформальное объединение футбольных фанатов. Возраст испытуемых экспериментальной и контрольной групп – 20–25 лет.

С помощью методики «события» (Н. А. Логинова) было выявлено, что субъективная картина жизненного пути футбольного фаната, в отличие от картины жизни молодого человека, не увлекающегося футболом, более эмоционально насыщена. Фанаты назвали и описали большее количество событий, чем испытуемые контрольной группы,

многие из которых отказались от прохождения данного теста. Фанаты оказались более склонными к анализу событий своей жизни, что видно из подробности описания и присутствия объяснений значимости событий и указывает на свойственную им рефлексивность и развитую субъектность, их стремление быть хозяевами своей жизни. Основную часть описанных ими событий составляют события-поведения – те события, авторами которых явились сами фанаты, что говорит об их целенаправленной активности, которая становится частью картины жизни. По данным теста смысложизненных ориентаций (Д. А. Леонтьев) показатели средней экспериментальной и контрольной групп по шкале «цели» различаются ($p \leq 0.1$). В целом, показатели средних экспериментальной группы выше показателей средних контрольной группы по всем шкалам. Необходимость структурировать личностное время с учетом календаря игр и расставлять приоритеты между игрой и делом определяет целеустремленность и целенаправленность фаната в построении своей линии жизни. По тесту «уровень развития субъектности личности» (М. А. Щукина) обнаружены различия ($p \leq 0.1$) по шкале «активность – реактивность», которые говорят о том, что в своих действиях, постановках целей и решениях фанаты более независимы от обстоятельств, чем молодые люди, не увлекающиеся футболом. Психосемантическая диагностика мотивации (тест цветовых метафор И. С. Соломина) показала, что основной жизненный интерес фанатов связан с развлечением, игрой и категориями «матч», «мой любимый футбольный клуб» и «спорт», т. е. с досуговой деятельностью. Молодые люди из контрольной группы направлены на поиск своей идентичности. Приоритетным для них является дружеское общение, базовыми – потребности в самоактуализации и безопасности, отсутствие которых в составе базовых потребностей фаната объясняется его включённостью в неформальную группу.

Общей для обеих групп является направленность на отдых, удовлетворенность которым в настоящем у фанатов выше. Молодые люди, не имеющие увлечения, отдых и реализацию других основных интересов связывают с будущим. Фанаты больше живут сегодняшним днем. Учебная деятельность не значима и для фанатов, и для молодых людей, не увлеченных футболом. Фанаты мотивированы меньше и на работу, которая у них связана с прошлым. Учеба и профессиональная деятельность в обеих группах ассоциируются с печалью, раздражением, неприятностями и страхом. Прошлое для молодых людей, не увлекающихся футболом, связано с печалью и неприятностями. Фанаты ассоциируют его с азартом. Околофутбольное времяпрепровождение предполагает риск. Фанаты создают и разрешают неприятности, за счет чего прирастает опыт и яркие воспоминания, что видно из результатов по методике «события». С риском и стрессом для молодых людей, не увле-

кающихся футболом, связаны драка, игра и спорт. Для фанатов эти занятия – источник снятия эмоционального напряжения и способ отдохнуть. «Риск», «неприятности» и «печаль» попали в группу вытесняемых из сознания категорий, что тоже объясняет экстремальное поведение фанатов. Таким образом, проведенный качественный и количественный анализ показал, что существуют различия в построении субъективной картины жизненного пути футбольного фаната и молодого человека, не имеющего специфической досуговой деятельности в контексте своей жизни.

Федосеева Т. С.

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПРАКТИКИ

Образование на современном этапе своего развития отличается усилением внимания не только к передаче знаний учащимся, но и к личности того, кто эти знания транслирует – к личности педагога. Современный педагог должен не только быть субъектом передачи информации, но и эталоном нравственности для своих учеников. Это возможно только при сформированности у педагога системы общечеловеческих и педагогических ценностей, формировать которую необходимо в сензитивный для этого период – подростковый и юношеский возрасты, т. е. непосредственно в процессе обучения. Прохождение студентами практики, как одного из видов квазипрофессиональной деятельности, также является пространством и условием формирования педагогических ценностей будущих педагогов.

Педагогические ценности – это особенности педагогической деятельности, которые служат ориентирами социальной и профессиональной активности педагога, направленной на достижение гуманистических целей. Ценностные ориентации не сразу становятся системой с развитой структурой, а формируются в процессе становления личности. Становление – это процесс включения более ранних стадий в более поздние, в результате которого явление превращается в целостную систему, которая имеет более или менее развитую структуру.

Для нас важно было выяснить, каким образом проходит становление педагогических ценностей в условиях комплексной психолого-педагогической практики. Нами было проведено экспериментальное исследование на базе Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Выборка исследования представлена студентами пятого курса очной формы обучения факультета педагогики и психологии в количестве 20 человек.

В качестве диагностического инструментария мы использовали методики В. Е. Клочки и О. М. Краснорядцевой «ориентация на ценно-

сти директивного и недирективного подходов в образовании»; «уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой, модифицированную Н. В. Басалаевой.

Проанализировав результаты первичной диагностики (перед прохождением комплексной психолого-педагогической практики) и повторной диагностики (после прохождения практики) студентов по методике «ориентация на ценности директивного и недирективного подходов в образовании» нам удалось выявить следующее. Наблюдается уменьшение студентов, принимающих ценности директивного подхода, и увеличение сторонников ценностей недирективного подхода в образовании среди испытуемых студентов. Кроме того, мы выявили наиболее типичные группы студентов. Первая группа – студенты, принимающие ценности как директивного, так и недирективного подходов в равной степени (10%). Количественный состав данной группы уменьшился на 30% по сравнению с первичным обследованием. Вторая группа – студенты, у которых преобладают ценности недирективного подхода в образовании (75%). Отмечается увеличение показателей данной группы на 25%. Третью группу составляют студенты, выступающие за директивные ценности в образовании и принимающие их в низкой и средней степени (5%), количество представителей данной группы осталось без изменений. Четвертую группу составляют студенты, отвергающие ценности директивного подхода и принимающие ценности недирективного подхода в образовании (10%). При первичном обследовании эта группа испытуемых показала меньшие результаты по сравнению со вторичным (5%).

Педагогическая практика оказала влияние на изменение педагогических ценностей студентов, исследуемых нами с использованием методики Е. Б. Фанталовой «уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах», модифицированной Н. В. Басалаевой. Динамика ценностей по «значимости» проявляется в изменении после прохождения практики менее значимых для студентов ценностей педагогической деятельности. Ценности «познание», «свобода» и «творчество» стали более значимыми для студентов, а «ученик как субъект образовательного процесса» и «уверенность в себе», напротив, заняли менее важное место в педагогическом сознании студентов. Педагогические ценности «творчество», «здоровье» и «педагогическая деятельность как приоритетная жизненная позиция» стали более доступными для студентов после прохождения практики. Таким образом, в ходе теоретического и экспериментального исследования, нам удалось проследить процесс становления педагогических ценностей студентов в условиях практики.

Федосеева М. В.

ОСОБЕННОСТИ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К ПРОБЛЕМАМ В РАЗНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДАХ

В последнее время огромное внимание уделяется вопросам инноваций и инновационных проектов, которые можно считать основой модернизации различных сфер жизнедеятельности. Образование объявляется в настоящий момент приоритетным вопросом государственной политики, определяющим социокультурный престиж и будущее государства (Тазбиева З. М., 2009). Руководство страны призывает к модернизации современной российской школы и предполагает создание нового типа личности, склонного и способного к введению инноваций (Хашир А. А., 2010). Инновационное поведение осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов. Чувствительность к проблемам предполагает «выход за пределы» и является одной из характеристик инновационного потенциала личности (Клочко В. Е., Галажинский Э. В., 2009).

Чувствительность к проблемам выступила в качестве предмета нашего исследования. Цель исследования: выявить критерии выраженности феномена чувствительности к проблемам у молодых людей, имеющих различный опыт вовлечения в инновационную деятельность и обучающихся в разных образовательных средах. Гипотеза исследования: чувствительность к проблемам у учащихся будет выше в тех образовательных средах, которые ориентированы на развитие готовности и способности к включению в инновационную деятельность. В исследовании были использованы следующие методики: методика «золотоискатели» В. Е. Клочко; методика, основанная на принципе киноленты В.Е. Клочко; шкала толерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна в адаптации Е. Г. Луковицкой; опросник «стремление к изменениям»; опросник «психологическая готовность к инновационному поведению» О. М. Краснорядцевой и В. Е. Клочко.

Данная работа является итогом двухлетних исследований, направленных на изучение особенностей чувствительности к проблемам в разных образовательных средах. Результатом исследования 2009 г. стало частичное подтверждение гипотезы о том, что уровень чувствительности к проблемам у студентов, вовлеченных в инновационную деятельность, выше, чем у студентов, не имеющих опыта вовлечения в инновационную деятельность. В рамках исследовательской программы 2010 г. нами была предпринята попытка по изучению особенностей чувствительности к проблемам у победителей программы «У.М.Н.И.К.» (19 человек). Целью программы «У.М.Н.И.К.» является выявление молодых ученых, стремящихся самореализоваться через инновационную деятельность.

Помимо этого, в качестве респондентов выступили студенты, обучающиеся в Томском государственном университете по специальности «управление персоналом» на 4–5 курсах (12 человек). Нами был проведен сравнительный анализ особенностей чувствительности к проблемам у респондентов, вошедших в выборку исследования 2009 г. и у респондентов, участвовавших в исследовании в 2010 г. Сравнение проводилось между следующими группами испытуемых: студенты, не имеющие опыта вовлечения в инновационную деятельность; студенты, вовлечённые в инновационную деятельность; студенты, обучающиеся по специальности «управление персоналом», победители конкурса «У.М.Н.И.К.». В рамках исследования была экспериментально установлена зависимость степени выраженности чувствительности к проблемам от уровня вовлеченности молодых людей в инновационную деятельность. У молодых людей, имеющих позитивный опыт инновационной деятельности, чувствительность к проблемам выше, чем у молодых людей, не имеющих такого опыта. Для определенной части студентов, имеющих разный опыт вхождения в инновационную деятельность, характерны различные формы «ухода» от противоречий в ходе мыслительной деятельности.

Было статистически доказано отсутствие однозначной зависимости между чувствительностью к проблемам и такими характеристиками инновационного потенциала личности, как толерантность к неопределенности, стремление к изменениям и психологическая готовность к инновационной деятельности. Данный факт может свидетельствовать об отсутствии однозначной зависимости между ресурсными и поведенческо-деятельностными составляющими инновационного потенциала личности. Вектор своей дальнейшей работы мы хотели бы направить на разработку и апробацию диагностической и психолого-образовательной программы, направленной на изучение и развитие чувствительности к проблемам, как одной из диспозиционных характеристик инновационного потенциала личности.

Фролова Е. В.

СТИЛИ КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Создание инновационной модели высшего образования предусматривает внедрение системы психолого-педагогического сопровождения, которая способна обеспечить поддержку учебного процесса в пределах вуза. Учебный материал может быть представлен в разных модальностях, что создает «перцептивные» коридоры и задает направление дальнейшей аналитико-синтетической переработки информации. В связи с этим индивидуальные репрезентации мира могут стать мише-

нями психолого-педагогического влияния, а именно: при разработке средств и методов обучения, адекватных способам восприятия информации.

Целью эмпирического исследования является выявление роли стилевых особенностей восприятия в обеспечении успешности учебной деятельности студентов. В исследовании приняли участие 186 студентов первого и четвертого курсов Национального аэрокосмического университета им. Н. Е. Жуковского «ХАИ», из которых было сформировано две выборки:

- 1) студенты технических специальностей – 105 человек;
- 2) студенты гуманитарных специальностей – 81 человек.

В работе были использованы следующие методы: методика диагностики стилей кодирования информации (Фролова Е. В., 2010), шкала преобладания первой или второй сигнальной системы (1 или 2 СС) из опросника «ЧХТ», БИАС-тест (Б. Льюис, Ф. Пуцелик), тест «интеллектуальная лабильность» (А. В. Козловский), методика определения типа мышления (Г. В. Резапкина), методика определения преобладающего типа запоминания, методика определения рефлексивности мышления, методика определения ригидности мышления.

В результате исследования были получены следующие выводы:

- 1) студенты разных направлений подготовки имеют исходные различия в психофизиологических особенностях восприятия: студенты технического факультета являются левополушарными индивидами с доминированием словесно-речевого СКИ; студенты гуманитарного факультета – правополушарные индивиды с доминированием визуального, предметно-практического и сенсорно-эмоционального СКИ;

- 2) в динамике распределения типов восприятия (с первого по четвертый курс) снижается уровень выраженности сенсорно-эмоционального СКИ и 1 СС независимо от направления подготовки. У студентов гуманитарного факультета повышается выраженность словесно-речевого СКИ и 2 СС. Таким образом, влияние системы высшего образования отражено в уменьшении доли сенсорных и эмоциональных факторов в восприятии информации, а также в росте восприятия смысловой составляющей информации и уровня развития способностей к символизации. Более чувствительными к такому влиянию являются студенты-«гуманитарии», поскольку исходный уровень развития систем восприятия и переработки информации представлен первосигнальными средствами восприятия;

- 3) успешность обучения студентов на первом курсе слабо детерминирована их особенностями восприятия и переработки информации. На выпускных курсах происходит «предметная стилевая специализация», которая связана с формированием учебных стратегий на основе

преобладающих стилей восприятия. Это приводит к специализации студента на определенных средствах восприятия и переработки учебной информации и отражается в возникновении корреляционных связей между стилями кодирования информации и показателями академической успеваемости;

4) успешность обучения студентов технических направлений подготовки обусловлена положительным влиянием сенсорно-эмоционального СКИ, который связан с гибкостью мышления, способностью объединять учебную информацию, представленную в разных модальностях, и создает предпосылки подготовки инженерных кадров в определенной прикладной области. Развитый словесно-речевой СКИ снижает эффективность обучения по техническим направлениям подготовки, так как создает предпосылки формирования «ученого-теоретика» и связан с ригидностью познавательной сферы, что затрудняет усвоение учебной информации, преобразование учебного материала в разные формы его презентации;

5) успешность обучения студентов гуманитарных направлений обусловлена положительным влиянием визуального СКИ и уровня развития 2 СС. Эти стили связаны с рефлексивностью и гибкостью мышления, что создает предпосылки для формирования словесно-логического мышления и обеспечивает эффективность усвоения учебной информации за счет более осознанного отношения к обучению, способности к переводу информации в разные формы представления. Отрицательное влияние на отдельные показатели успешности обучения имеют предметно-практический и сенсорно-эмоциональный СКИ за счет снижения продуктивных характеристик познавательной деятельности.

Хвоина Т. В.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЮНОШЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ

В ряду наиболее важных проблем психологии стоит проблема поиска ценностей и смыслов юношами с гуманитарной и технической направленностью. Это обусловлено тем, что данная проблема весьма актуальна своей новизной и неразработанностью. Сегодня уже общеизвестно, что смысловая сфера человека является той высшей инстанцией, которая подчиняет себе все его другие жизненные проявления, определяет направленность и пристрастность человеческого познания. И именно образовательная деятельность оказывает огромное влияние на становление и развитие смысло-жизненной и ценностной концепции личности, так как, с одной стороны, образовательные учреждения являются одними из основных институтов социализации личности, общение с педагогами, сверстниками наполняет определенным смыслом жизне-

деятельность учащихся; с другой стороны, получаемые знания способствуют развитию и становлению личности, формированию субъективного мировоззрения.

Большинство отечественных и зарубежных ученых едины в том, что смыслы людей не существуют сами по себе, вне контекста общества, они обусловлены потребностями и интересами социальных субъектов, объективны по природе и имеют субъективную форму выражения. Юношеский возраст является решающим для формирования системы личностных смыслов и ценностей. В данный период личностного развития смыслы и ценности формируются в определенную систему, характеризующуюся динамичностью, иерархичностью и устойчивостью. Данная система опосредует дальнейшее развитие ценностных ориентаций, мировоззрения, идентичности. Для нас важно было выявить взаимосвязь ценностей и смыслов юношей с гуманитарной и технической направленностью для построения модели психологического сопровождения профессионального самоопределения юношей и девушек с учетом их ценностных и смысловых ориентаций.

Для подтверждения теоретических положений о взаимосвязи ценностей и смыслов в зависимости от гуманитарной и технической направленности юношей, нами было проведено экспериментальное исследование. Экспериментальное исследование проводилось в 2009–2010 гг. на базе МОУ «СОШ № 9» и МОУ «Лицей» г. Лесосибирска. Выборка представлена юношами и девушками в возрасте 16–17 лет, в количестве 30 человек. В качестве диагностического инструментария мы использовали тест «смысложизненных ориентаций» (СЖО), адаптированный Д. А. Леонтьевым, психодиагностическую «методику предельных смыслов» (Д. А. Леонтьев) и тест «ценностные ориентации» М. Рокича.

Анализируя результаты, полученные при диагностике ценностных и смысловых ориентаций, можно сделать вывод, что юноши и девушки имеют сложившуюся систему ценностей и смыслов. У большинства юношей и девушек первичным смыслом жизни выступает окончание школы, получение аттестата. Почти все ученики хотят поступить в вуз и получить диплом, а, следовательно, найти высокооплачиваемую работу и создать семью.

Уровни наличия смысложизненных ориентаций также имеют свои различия. У учеников с технической направленностью преобладает высокий уровень смысложизненных ориентаций, а у учеников с гуманитарной направленностью – средний уровень смысложизненных ориентаций, но имеет место быть и высокий, но в меньшем процентном соотношении. Низкий уровень смысложизненных ориентаций у старшеклассников разных направленностей имеет одинаковый показатель. И, наконец, ценности, которые для юношей и девушек гуманитарной и

технической направленности имеют наибольшее значение: здоровье, материально обеспеченная жизнь, любовь, семья, а также забота, честность, жизнерадостность и терпимость. Наименее значимыми ценностями являются: красота природы и искусства, развитие, познание и творчество.

Для изучения взаимосвязи ценностей и смыслов юношей с гуманитарной и технической направленностью мы провели корреляционный анализ при уровне значимости 5%. Мы отмечаем, что существуют статистически значимые взаимосвязи между ценностями и смыслами в зависимости от технической и гуманитарной направленности. Так, у юношей с гуманитарной направленностью выявлена взаимосвязь ценности «любовь» со шкалой методики СЖО «процесс» ($r = 0,56$), ценности «ответственность» со шкалой «локус контроля Я» ($r = 0,62$) и ценности «широта взглядов» со шкалой «результат» ($r = 0,58$). А у юношей с технической направленностью выявлена взаимосвязь ценности «любовь» со шкалами методики СЖО «цели», «локус контроля – Я», «Локус контроля – Жизнь» ($r = - 0,56$; $r = - 0,60$; $r = - 0,62$ соответственно). Ценность «исполнительность» взаимосвязана со шкалой методики СЖО «цели» ($r = - 0,53$).

Хорощун М. Э.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Сегодня каждый ребенок, подросток, юноша развивается и социально адаптируется под влиянием тех обстоятельств, которые не существовали еще десять лет назад, многие значительно изменили свою роль, потеснив влияние взрослых, и, таким образом, возникли вопросы социально-психологической адаптации личности, в частности подростка, которые требуют тщательного изучения и внимания. Сопоставление параметров, характеризующих уровень самодетерминации, с такими показателями субъектности, как социально-психологическая адаптация рассматривается как основа понимания процесса становления мотивационных основ активного включения подростков в систему социальных отношений.

Цель исследования – выявить гендерные особенности мотивации самодетерминации и социально-психологической адаптации подростков 13–14 и 15–16 летнего возраста. В исследовании приняли участие 140 подростков (из них 70 школьников 13–14 лет и 70 школьников 15–16 лет) муниципального образовательного учреждения СОШ № 3 г. Краснодара. В результате нашего исследования было обнаружено, что в мотивационной сфере подростка происходят коренные изменения. Она приобретает иерархический характер, мотивы становятся не непо-

средственно действующими, а возникают на основе сознательно принятого решения. В мотивационной структуре процесса общения происходят значимые перемены. У мальчиков сильнее, чем у девочек, выражена амотивация. Девочки уже имеют более или менее определенные цели и сформированные представления о желаемом, а мальчики еще не определились и не знают к чему стремиться. У девочек потребность в автономии развита гораздо больше, чем у мальчиков. Девочек уже не удовлетворяет участие в определенной совокупности дел, решений. У них разворачивается потребность в общественном признании, происходит осознание не только своих обязанностей, но, главное, прав в семье, обществе. Мальчики скорее характеризуются тем, что стремление к самостоятельности проявляется в потребности в признании со стороны взрослых его возможностей и значения, через решение, как правило, частных задач.

Гендерный анализ достоверности различий подтвердил, что у мальчиков и девочек существуют различия по показателям поддержки автономии. Это может являться следствием особенностей данной возрастной группы. Нами уже было отмечено, что девочки в этот период опережают мальчиков в развитии на два года. А мальчики в этом возрасте в значительной степени способны руководствоваться в своем нравственном поведении теми требованиями, которые сами себе предъявляют, и теми задачами и целями, которые перед собой ставят. Следовательно, происходит переход от «реактивного» следования требованиям извне к активному построению своего поведения в соответствии со своим собственным идеалом.

Адаптированность у мальчиков выше, чем у девочек, так как, несмотря на общий характер, в поведении подростков имеются и определенные половые различия. Мальчики в большинстве своем более активны, динамичны, агрессивны, ориентированы на соперничество, конкуренцию, борьбу, и их в большей степени интересует поиск и открытие нового. В поведении девочек в большей степени проявляются центристские тенденции, тенденции к удержанию, стабилизации и сохранению. Поэтому полоролевая дифференциация приводит к формированию у девушек иных форм взаимодействия. В связи с этим их предметный мир и характер взаимодействия с ним в некоторой степени отличается от такового у юношей.

Кроме того, достоверность различий наблюдается по шкале «непринятие себя». Специфика поведения молодых людей подросткового возраста заключается в следующем: в росте интереса к противоположному полу; все в большем использовании форм поведения, прямо или косвенно связанных с половой ролью, при этом у мальчиков – состязания и поединки, а у девочек – интерес к нарядам и домашнему хо-

зайству. Девушки больше стремятся к любви, нежности, уважению и безопасности. Они более требовательны и критичны по отношению к себе, к своему внешнему виду.

Полученные результаты могут быть использованы при работе с детьми и подростками, нуждающимися в психолого-педагогической помощи, при разработке программ по профилактике социально-психологической дезадаптации. Результаты и выводы исследования могут быть использованы при изучении личностных и социальных особенностей подростков, что позволит расширить возможности подхода к обучению и воспитанию учащихся.

Худякова Ю. С.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

Достаточно давно наша страна стала многонациональной... Хорошо это или плохо?.. Не так важно. Важно то, как это сказывается на материальном и духовном благополучии населения этой страны, скажут многие. Однако мало кто задумывается, с какими трудностями приходится сталкиваться людям, которые приезжают в совершенно незнакомую страну, в которой сложились свои обычаи, традиции, порядки, ценности... В современной действительности важным становится такой аспект адаптации иностранных граждан, как адаптация к обучению в вузе. От того, насколько успешно иностранный студент справится с этой нелегкой задачей, во много будет зависеть его дальнейшее социальное благополучие и стабильное положение в обществе.

Студенты некоренных национальностей – это особая социальная категория населения. Специфика возрастных особенностей и трудности, возникающие в связи с необходимостью адаптации к новой социальной и этнокультурной среде, порождают особый спектр проблем и приводят к появлению потребности студентов в психологической поддержке. Итак, мы ставим своей целью изучить особенности адаптации данных студентов к обучению в вузе для дальнейшей работы по их интеграции в социум.

В ходе исследования нами были измерены также такие показатели, влияющие на уровень адаптации, как этническая аффилиация и этническая идентичность личности. Исследуя этническую аффилиацию, как один из факторов адаптации, мы понимаем под ней выраженную идентификацию со своей этнической группой, восприятие себя как части группы, а группы – как продолжения самого себя. Исходя из этого, нами была выдвинута следующая гипотеза: студенты с более выраженной ориентацией на свою этническую группу будут иметь трудности в процессе адаптации к новым условиям, новой образовательной среде. Мы

понимаем под этнической идентичностью отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособление от других этносов.

Целесообразность исследования данного показателя объясняется тем, что выраженная этническая идентичность может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процесс адаптации студентов-мигрантов к обучению в вузе. Характер влияния будет установлен в ходе проведения исследования. Выборку составили студенты-первокурсники двух вузов: Ярославского государственного университета и Ивановского государственного университета. Для решения поставленной задачи нами были использованы методы: анкетирование, наблюдение, тестовые методики (шкала этнической аффилиации Г. У. Солдатовой, «оценка состояния адаптированности личности», имеющая шесть шкал: удовлетворенность собой, ситуацией, общением, здоровьем и образом жизни, деятельностью, общий уровень адаптивности, тест Куна «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой).

Таким образом, в результате проведенного целостного исследования были получены следующие результаты:

1. Иностранцы студенты, обучающиеся на первом курсе в вузе РФ, сталкиваются с целым рядом трудностей в процессе адаптации, среди которых одними из важнейших являются: новые климатические условия (15,4%), языковой барьер (38,4%), негативное отношение коренных жителей (15,4%).

2. Общий уровень адаптивности у иностранных студентов имеет значимую положительную корреляцию с такими показателями оценки адаптивности личности, как удовлетворенность собой, деятельностью, здоровьем и образом жизни. Полученные результаты говорят о том, что чем выше у студента удовлетворенность в данных сферах жизни, тем более высоким будет и показатель общей адаптивности личности.

3. При оценке показателя этнической идентичности студентов нами было установлено, что он не имеет корреляционных связей ни с одним из критериев, которые диагностировались в исследовании. Таким образом, характер этнической идентичности не оказывает влияния на успешность адаптации студентов, следовательно, при дальнейшей работе мы будем учитывать данный факт при составлении программ психологического сопровождения студентов первого курса.

4. Была установлена значимая отрицательная корреляция между такими показателями, как этническая аффилиация и удовлетворенность общением. Данный факт может свидетельствовать о том, что студенты, имеющие выраженную ориентацию на свою этническую группу, будут иметь трудности в процессе общения. В связи с этим, мы считаем целе-

сообразным проводить тренинги для первокурсников, направленные на расширение коммуникативных возможностей и повышение уровня толерантности к представителям другой культуры.

Цатурян М. О.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном образовательном процессе роль педагога, как организатора собственной профессиональной жизни, так и отдельных сторон жизни учащихся, существенно возрастает, что существенно повышает требования к личности профессионала, к его способности проектировать образовательный процесс таким образом, чтобы максимально раскрыть личностный потенциал каждого учащегося в зависимости от его возрастных потребностей. Знание и применение педагогом на практике определенных педагогических технологий существенным образом повышает возможность реализации тех или иных педагогических задач, направленных на развитие личности учащегося в целом, на формирование отдельных ее сторон и, в частности, на формирования персональной идентичности старшеклассников. Вопрос выделения необходимых условий, в которых могут осуществляться те или иные педагогические технологии, призванные к содействию при формировании персональной идентичности учащихся, требует детального изучения. Во-первых, в качестве важного педагогического условия для побуждения к самовоспитанию, саморазвитию, и, как следствие, формированию персональной идентичности может рассматриваться позитивная мотивация учащихся со стороны педагога, под влиянием которой учащиеся смогут самостоятельно поставить лично значимые цели. Следующим аспектом, оказывающим существенное влияние на возможность формирования тех или иных личностных образований старшеклассников, является стремление к самосовершенствованию со стороны педагога. В качестве еще одного условия, в рамках которого возможно внедрение тех или иных педагогических технологий, направленных на формирование персональной идентичности, нами рассматривается стиль педагогического общения.

Под стилем педагогического общения понимаются индивидуально-типологические особенности взаимодействия педагога и обучающихся, в котором находят выражение коммуникативные возможности педагога, сложившийся характер взаимоотношений педагога и воспитанников, творческая индивидуальность педагога, особенности учащихся. Педагог, придерживающийся диалогического (демократического) стиля общения, по нашему мнению, в наибольшей степени направлен на содействие учащимся в решении их лично значимых задач.

На сегодняшний день в психолого-педагогической литературе представлено достаточное количество работ, посвященных описанию конкретных психолого-педагогических технологий, которые может использовать учитель в своей педагогической практике.

Среди основных психолого-педагогических технологий можно выделить личностно-ориентированную технологию К. Роджерса, технологию педагогики ненасилия (В. А. Ситаров, В. Г. Маралов, А. Г. Козлова), а также технологию саморазвития личности Г. К. Селевко. Применение данных технологий на практике в существенной мере способно, на наш взгляд, повысить возможности педагога в решении задач личностного развития учащихся, в частности в решении конкретной задачи формирования персональной идентичности старшеклассников. В ходе квалифицированной педагогической работы психологически компетентных педагогов, способных к грамотному построению педагогического процесса и внедрению тех или иных частных психолого-педагогических технологий, создаются благоприятные условия для решения задач содействия при формировании персональной идентичности как групп школьников, так и отдельных учащихся.

Ширяева В. В.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Большая часть проблем, препятствующих нормальному ходу обучения, воспитания и развития детей младшего школьного возраста, связана с эмоциональной неустойчивостью, основой которой является тревожность. Выявление причин, вызывающих тревогу, как эмоциональное состояние, и формирующих тревожность, как психическое свойство, на современном этапе развития общества даёт возможность разобраться в том, что происходит с ребенком и, главное, как ему помочь. В исследовании предполагается, что существуют особенности тревожности, определяющиеся спецификой учебного заведения и характерные для современного этапа развития общества.

Теоретической основой исследования явилась монография А. М. Прихожан [Прихожан А. М., 2007]. В исследовании приняли участие 112 младших школьников четырех учебных заведений: музыкального педагогического колледжа, двух средних общеобразовательных школ № 43 и № 29 и негосударственного общеобразовательного учреждения «Традиционная гимназия им. св. Митрофана Воронежского».

Перечень методик исследования: детская шкала проявления тревожности СМАС в адаптации А. М. Прихожан, методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса в адаптации Е. В. Новиковой, проективная методика диагностики школьной тревожности А. М. Прихожан, методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан,

тест животных Заззо в модификации Н. Д. Игнатъевой. Во всех четырех учебных заведениях была проведена фронтальная психодиагностика. По её результатам исследовалась динамика состояния эмоциональной сферы детей на современном этапе развития общества.

В соответствии с принятым статистическим критерием выбраны причины, вызывающие тревожность, свойственную детям младшего школьного возраста, встречающиеся не менее чем у 65% испытуемых. На первом этапе мы выделили те вопросы, которые вызывают тревогу у большинства детей, вне зависимости от устойчивой тревожности, с учетом гендерных различий.

Исследование, проведенное нами, показало интересные факты динамики состояния эмоциональной сферы детей. Изучение содержания причин тревожности у детей разных возрастов проводилось в 1979–1982, 1989–1992, 1996–1997 и 2002–2004 гг. [Прихожан А. М., 2007]. Мы решили в продолжение этой работы провести исследование в 2010 г. с детьми младшего школьного возраста.

В результате выяснилось, что тревога за жизнь и здоровье родителей появляется в период 2002–2004 гг. и остается актуальной в настоящее время. Тревога в области школьной действительности отмечается в 1979–1982 гг., через период – в 1996–1997 гг. и через период – в 2010 г. Снизился возрастной порог в проявлении тревожности в отношениях со сверстниками у мальчиков с 11–12 лет до 8–10 лет. Проявилась тревожность за свою жизнь и здоровье у девочек 8–10 лет, в то время как в предыдущие периоды этот вид тревожности отмечался у девочек только в 13–14 лет в 1989–1992 гг. Снизился возрастной уровень тревожности в отношениях со сверстниками у мальчиков с 11–12 лет до 8–10. Боязнь не соответствовать социальным нормам, характерная для девочек 8–10 лет в 2010 г., не была отмечена в предыдущих исследованиях. Такой фактор тревожности, как боязнь неуспеха, неуверенности в себе, собственной несостоятельности, выявленный у мальчиков и девочек 8–10 лет в 2010 г., в предыдущие периоды проявлялся впервые только у 13–14-летних детей, у мальчиков в период 1989–1992 гг., у девочек в период 1996–1997 гг.

Различия в уровне и частоте проявления явно повышенного и высокого уровня тревожности у мальчиков и девочек в каждом отдельном учебном заведении и по всей выборке статистически не значимы, но причины эмоциональной неустойчивости у мальчиков и девочек различны. Уровень напряженности общего эмоционального состояния детей в специализированных школах выше, чем в общеобразовательных. Динамика особенностей тревожности детей нашего времени обусловлена не только характером ведущей деятельности младшего школьного возраста, но и такими областями действительности, как семья и социум.

Особенностью нашего времени является понижение возрастного порога проявления таких причин тревожности, как боязнь не соответствовать социальным нормам, опасения за свою жизнь и здоровье, неуверенность в себе и собственная несостоятельность.

Шувалов П. А.

РАННЕЕ РАЗЛУЧЕНИЕ РЕБЕНКА С РОДИТЕЛЯМИ И МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Поступление ребенка в детский сад вызывает, как правило, серьезную тревогу у взрослых. Изменение социальной среды сказывается и на психическом, и на физическом здоровье детей. В нашей работе мы постарались выявить влияние данного процесса на особенности механизмов психологической защиты (далее МПЗ) в позднем подростковом возрасте, как в первом наиболее стабильном периоде, когда мы можем говорить о стабильности личностных образований. На основании данных экспериментальных исследований разлучения ребенка с родителями (Spencer-Booth, Hinde, 1966; Bowlby, 1961; Heinicke, Westheimer, 1966; Ainsworth, 1967) нами были выделены основные преобладающие эмоциональные реакции на этот процесс: страх и гнев. Исходя из концепции рабочей модели Дж. Боулби (Bowlby J., 1969), психоэволюционной теории эмоций Р. Плутчика (Plutchik R., 1979) и теории переработки информации П. Криттенден (Crittenden P. M., 1992), мы предполагаем, что возраст начала систематического краткосрочного разлучения ребенка с объектом привязанности будет влиять на выраженность таких механизмов психологической защиты, как вытеснение и замещение, в более поздние возрастные периоды.

Для проверки наших гипотез нами использовался ряд стандартизированных методик. Изучение механизмов психологической защиты подростков проводилось с помощью апробированного Л. И. Вассерманом варианта опросника «Life Style Index» (LSI) Р. Плутчика. Выявление особенностей темперамента производилось с помощью «Eysenck Personality Inventory» (EPI) Г. Айзенка.

В исследовании приняли участие 58 учащихся восьмых классов с родителями. Средний возраст испытуемых на момент исследования составил $14,35 \pm 0,63$ лет. Среди испытуемых было 33 девочки и 25 мальчиков. Из семей участвующих в исследовании, 42 было полных, в 14 ребенок проживал с матерью и в двух с отцом.

В ходе исследования были получены следующие результаты. С целью проверки наших гипотез о взаимосвязи возраста начала посещения детского сада, параметров экстраверсии и нейротизма с МПЗ, нами была построена корреляционная матрица на основании коэффициента корреляции Пирсона. Была выявлена корреляция возраста начала посещения ре-

бенком детского сада с вытеснением ($k = 0,3730$), при довольно высоком уровне значимости ($p = 0,016$). Было установлено, что существует обратная связь экстраверсии с реактивными образованиями ($k = -0,3312$; $p = 0,034$). Кроме того, была выявлена обратная корреляционная связь экстраверсии с МПЗ интеллектуализация ($k = -0,4497$), при высоком уровне значимости ($p = 0,003$). Наряду с этим, мы получили высокосignификантный коэффициент прямой корреляции выраженности нейротизма и регрессии ($k = 0,7973$; $p = 0,000$) и проекции ($k = 0,4231$; $p = 0,006$).

Помимо этого, выраженность нейротизма имеет статистически значимую прямую связь с выраженностью замещения ($k = 0,6382$; $p = 0,000$) и компенсации ($k = 0,3393$; $p = 0,030$), а также обратную с отрицанием ($k = -0,3404$; $p = 0,029$). Кроме взаимосвязей шкал МПЗ с факторами возраста начала посещения детского сада и свойств темперамента, также были выявлены взаимосвязи между отдельными МПЗ. Высоко статистически значимая прямая корреляционная связь выявлена между регрессией и компенсацией ($k = 0,4326$; $p = 0,005$), регрессией и проекцией ($k = 0,4807$; $p = 0,001$), регрессией и замещением ($k = 0,7394$; $p = 0,000$), компенсацией и проекцией ($k = 0,5620$; $p = 0,000$), проекцией и замещением ($k = 0,4816$; $p = 0,001$).

В результате нашего исследования были получены следующие выводы. Систематическое краткосрочное разлучение ребенка с родителями в раннем и младшем дошкольном возрасте не влияет на замещение, однако влияет на вытеснение в подростковом возрасте. Существует обратная связь между выраженностью экстраверсии и реактивным образованием, интеллектуализацией. Существует прямая взаимосвязь выраженности нейротизма с проекцией, регрессией, замещением и компенсацией, а также обратная связь с выраженностью отрицания в подростковом возрасте. Исходя из того, что в научном сообществе время признается непрерывным и однонаправленным процессом, мы можем утверждать, что раннее разлучение ребенка с родителями вследствие посещения детского сада влияет на МПЗ в подростковом возрасте. При этом характер влияния зависит от особенностей темперамента и возраста начала посещения детского сада.

Шукашвили В. Ю.

Хаматкоева Л. Б.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

В условиях современного российского общества проблема интеллектуально активной личности, готовой эффективно и нестандартно решать профессиональные, а также свои жизненные проблемы и задачи, имеет большую значимость, как на индивидуальном, так и на общест-

венном уровне. В связи с этим в психологии возрастает интерес к проблеме личностных особенностей учащейся молодежи, к ее интеллектуальной компетентности, личностным ресурсам, выступающим показателем квалифицированности кадров. Стиль мышления является одним из проявлений индивидуальных различий в интеллектуальной деятельности человека. К настоящему времени оформился целый ряд подходов к проблеме стилей мышления и наиболее известные из них связаны с именами таких ученых, как А. А. Алексеев, А. К. Белоусова, Г. А. Берулава, Р. М. Бремсон, Л. А. Громова, Л. Н. Собчик, Р. Стернберг, А. Ф. Харисон (Белоусова А. К., 2002.). Начиная с раннего детства и на протяжении всей жизни в психике человека, формируются и развиваются защитные механизмы. Эти механизмы предохраняют осознание личностью различного рода отрицательных эмоциональных переживаний и перцепций, способствуют сохранению психологической стабильности, разрешению внутриличностных конфликтов и протекают на бессознательном уровне. Данной проблемой занимались З. Фрейд, А. Фрейд. (Демина Л. Д., Ральникова И. А., 2000). Актуальность и значимость проблемы психологической защиты связана с происходящими в настоящее время социально-экономическими, культурными, политическими изменениями, которые оказывают влияние на процесс формирования личности и социализации всех групп населения.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи стилей мышления с механизмами психологической защиты у студентов вузов. Мы предположили, что действительно стиль мышления и психологические защиты взаимосвязаны. Нами были использованы следующие методы исследования:

1. Индекс жизненного стиля (Life Style Index). Опросник Плутчика-Келлермана-Конте.

2. Методика измерения стиля мышления А. К. Белоусовой.

3. Методы математической обработки данных с использованием компьютерной программы для статистической обработки данных «SPSS 13,0». Исследование проходило на базе Северо-Осетинского государственного педагогического института и Северо-Кавказского горно-металлургического института (ГТУ) г. Владикавказа. Выборка составила 78 человек, из них 23 юноши и 55 девушек в возрасте от 18 до 23 лет, студенты (2–4 курсов) трех разных специальностей: психологии, горной инженерии, менеджмента. В нашем исследовании мы придерживались концепции стилей мышления А. К. Белоусовой, которая полагает, что в основе стиля мышления лежит своеобразное сочетание четырех функций: генерации, селекции, смыслопередачи и реализации. Автор выделяет четыре стиля мышления: инициативный, критический, управленческий, практический (Белоусова А. К., 2002.).

В результате использования «методики измерения стиля мышления» А. К. Белоусовой было выявлено, что в группах студентов, обучающихся на различных факультетах, большая часть молодых людей обладает тем или иным доминирующим стилем мышления. Так, например, 45% студентов-психологов и 55% студентов-менеджеров обладают практическим стилем мышления, а 50% студентов горных инженеров – критическим стилем мышления. Диагностика защитного поведения осуществлялась с помощью опросника LSI – индекса жизненного стиля Плутчика-Келлермана-Конте.

Проведенный корреляционный анализ данных выявил одностороннюю связь между управленческим стилем мышления и механизмами психологической защиты – компенсацией и рационализацией. На наш взгляд, это обусловлено тем, что людям с управленческим стилем мышления необходимо всегда иметь рациональное объяснение достижения той или иной цели, т. к. эффективное управление строится на ясности. Если даже объяснение не глубокое, а соотносится с проблемой, но завуалировано от правдивого, то управление может иметь положительный эффект. Компенсация позволяет управленцу акцентировать внимание на сильных сторонах своей личности, тем самым скрывая от глаз подчиненных уязвимые места. Кроме того, были выявлены особенности профилей защитного поведения студентов с различными доминирующими стилями мышления. Таким образом, наше предположение о наличии взаимосвязи между стилем мышления и психологической защиты личности получило подтверждение.

Организационная психология

Акамова К. С.

Чернобровкина С. В.

**КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СОТРУДНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИЯХ
С РАЗЛИЧНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРОЙ**

В настоящее время актуальной задачей в сфере управления персоналом становится помощь работникам в формировании и поддержании конструктивных поведенческих стратегий, направленных на успешное преодоление стрессовых ситуаций. Особенности стратегий преодолевающего поведения определяются в т. ч. и организационными факторами, среди которых важным является корпоративная культура. Таким образом, важным вопросом в нашей работе становится выявление различий копинг-стратегий сотрудников в ситуации организационного стресса в условиях разной корпоративной культуры. Знание этих особенностей будет способствовать разработкам по коррекции корпоративной культуры для сохранения профессионального здоровья сотрудников.

В нашей работе мы опираемся на определение организационного стресса, данное Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой: «Организационный стресс – психическое напряжение, связанное с преодолением несовершенства организационных условий труда, с высокими нагрузками при выполнении профессиональных обязанностей на рабочем месте в конкретной организационной структуре, а также с поиском новых нестандартных решений при форс-мажорных обстоятельствах» (Водопьянова Н. Е., 2009). Согласно пониманию организационного стресса как многомерного явления, а также модели его диагностики, представленной в работе Л. Н. Артамоновой, А. Б. Леоновой (Артамонова Л. Н., 2009), целесообразно рассматривать причины организационного стресса как факторы трех уровней: индивидуального, группового и организационного. Поэтому мы предполагаем, что использование копинг-стратегий также можно рассматривать на этих трех уровнях, в соответствии с факторами возникновения организационного стресса.

При анализе копинг-поведения мы используем классификацию копинг-стратегий С. Хобфолла, разработанную им в рамках ресурсного подхода, основанного на когнитивном подходе к изучению копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман (Водопьянова Н. Е., 2009). Для изучения корпоративной культуры мы использовали типологию корпоративной культуры, предложенную зарубежными авторами-исследователями (Камерон К., Куинн Р., 2001). Выборка – 46 человек – сотрудники кассовых отделов и отделов продаж и клиентского обслуживания одного из коммерческих банков города. Было выявлено, что в трех отделах веду-

щим является смешанный кланово-рыночный тип культуры, в других трех отделах – рыночный тип. При изучении копинг-стратегий сотрудников в ситуации организационного стресса было выявлено, что сотрудники больше всего используют такие стратегии, как «поиск социальной поддержки», «вступление в социальные контакты» и «ассертивные действия», т. е. конструктивные стратегии. Меньше всего используются стратегии «избегание», «импульсивные действия» и «асоциальные действия», т. е. неконструктивные действия. В отделах с ведущим кланово-рыночным типом культуры работники более склонны обращаться друг к другу за помощью, чтобы разрешить проблемы, возникающие в процессе индивидуальной работы или в деятельности коллектива отдела, чем в тех ситуациях, которые проявляются на уровне всей организации. В отделах с преобладанием рыночного типа культуры сотрудники более склонны действовать жестко, догматично в проблемных ситуациях, проявляющихся на уровне организации в целом, чем в ситуациях, касающихся конкретно их индивидуальной трудовой деятельности.

В результате сравнительного анализа копинг-стратегий сотрудников из двух групп отделов на каждом из предложенных уровней было выявлено, что для разрешения стрессовых ситуаций сотрудники отделов с кланово-рыночным типом культуры чаще уходят от разрешения проблемы, чем это делают сотрудники офисов из второй группы, и чаще используют манипулятивные действия. Возможно, это объясняется тем, что в условиях кланового типа люди позволяют себе не предпринимать каких-либо действий для разрешения проблемы, т. к. думают, что им в этом могут помочь коллеги, таким образом, снимается личная ответственность за их разрешение. Кроме того, учитывая слабую выраженность иерархического типа в отделах первой группы с присущей ей формализованностью, можно предположить, что сотрудники используют косвенные, манипулятивные действия в процессе разрешения трудностей, поскольку они не рассчитывают на прямые, официальные действия руководителя. Но в целом можно говорить, что личность в ситуации организационного стресса сохраняет целостность своего преодолевающего поведения, используя одни копинг-стратегии в различных организационных условиях, детерминирующих стресс.

Алексеева П. А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УПРАВЛЕНИЯ ИМИДЖЕМ РЕГИОНА

В современном мире любая жизненная среда имеет свой имидж и бренд. Имидж имеет символическую природу, формируется с определенной целью внешнего управленческого воздействия и содержит

в своей основе символы, образы, стереотипы. В психологии, весьма профессионально изучающей имидж, понятие «образ» является одной из основных категорий. Формирование имиджа региона как образа зависит от ряда факторов, среди которых не только экономические, социальные, культурные, исторические, но и психологические факторы.

В данном исследовании мы рассмотрели в качестве психологического фактора формирования образа региона удовлетворенность потребностей населения. С целью изучения представлений о Республике Саха (Якутия) было проведено исследование, в котором приняли участие представители работающего населения в количестве 44 человек в возрасте от 24 до 52 лет.

В результате проведенного контент-анализа для исследования образа территории по методу сочинения на тему «Моя республика», мы выделили девять категорий. Наиболее выражена категория «природа, природные ресурсы» (28%). На втором месте стоит категория «географическое положение, климат» (13%). На третьем месте – «жители, народ» (12%), содержащая характеристики жителей республики. Перечисленные категории могут соотноситься с таким составляющим элементом образа, как «образ-знание» – отражение существующей реальности. Категория «отношение к республике» (11%) занимает четвертое место и связана с выражением чувств и эмоций такими понятиями, как «я люблю свою республику», «я горжусь своей республикой», «доволен, что живу в Якутии» и т. д. На пятом месте стоит категория «культура» (9%), отражающая отличительные черты, достояние республики. Затем следует категория «будущее» (8%), которая относится к такой составляющей образа, как «образ потребного будущего», где респонденты прогнозируют возможные изменения, события, которые могут быть значимыми для них. На седьмом месте выделились категории «отрицательный образ» (7%) и «положительный образ» (7%). Категории «отношение к республике», «положительный образ», «отрицательный образ» относятся к компоненту образа – «образ-значение», в которых у респондентов выражается значение, отношение к региону через ценностно-смысловую сферу. На последнем месте категория «промышленность» (5%).

Таким образом, в представлении населения о своем регионе преобладает такой элемент образа, как «образ-знание», т. е. респонденты в большей степени описывают существующую реальность, объективную сторону образа территории, чем значение, отношение к региону и желаемые изменения или события, значимые для них. Далее, по методу «парные сравнения», мы выделили три группы. В первую группу вошли респонденты, у которых удовлетворены все потребности (23%). Вторую группу составляют респонденты, у которых частично не удовлетворены потребности (48%). Третья группа состоит из респондентов

с неудовлетворенными потребностями (29%). У второй и третьей групп наиболее выражена неудовлетворенность потребностей в самореализации.

Проведенный анализ образа республики по трем выделенным группам показал, что у всех групп на первом месте выделяется категория «природа, природные ресурсы». Это означает, что образ региона у населения ассоциируется больше с природой и природными ресурсами, независимо от удовлетворенности потребностей. Различие у групп обнаружено в значении образа республики для самих респондентов, т. е. в ценностно-смысловом компоненте образа. У респондентов первой группы, у которых все потребности удовлетворены, наиболее выражена категория «отношение к республике» (15%). Далее следует категория «положительный образ» – 8%, а «отрицательный образ» проявился только у 2% респондентов первой группы. Во второй группе, у которой потребности частично не удовлетворены, так же выражены, как у первой группы, категории «отношение к республике» (10%) и «положительный образ» (8%), и наименее выражена категория «отрицательный образ» (5%). Выраженное отличие проявилось у третьей группы, у которой не удовлетворены потребности. По сравнению с первой и второй группами, «отрицательный образ» явно доминирует – 15%, затем категория «отношение к республике» (8%), а категория «положительный образ» выражен очень низко – 2%.

Таким образом, обнаруживается тенденция о влиянии степени удовлетворенности потребностей на формирование образа территории, как психологического фактора для управления имиджем региона в индивидуальном и массовом сознании.

Багина Е. А.

АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ И ОРГАНИЗАТОРСКИХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ У АБИТУРИЕНТОВ

В связи с задачами модернизации системы образования в контексте Болонской декларации актуализируется задача перехода к планированию результатов образования на языке компетенций/компетентностей. То есть делается существенная ставка на компетентностный подход в образовании, который «позволяет моделировать результаты образования как нормы его качества, ориентируясь при этом на конкретные запросы соответствующих сфер профессиональной деятельности» (Я. И. Кузьмина, Д. В. Пузанкова, И. Б. Федорова, В. Д. Шадрикова, 2004), и делает «получаемые студентами разных вузов квалификации сравнимыми и прозрачными» (Байденко В. И., 2006). Это обеспечивает мобильность выпускников на рынке труда. Современные организации начинают активно использовать компетенции для того, чтобы добиться большей согласованности во всех направлени-

ях деятельности, установить высокие стандарты качества и эффективности. Многие компании разрабатывают модели компетенций и осуществляют оценку компетенций профессионалов.

Целью нашего исследования стала характеристика организаторских и коммуникативных компетентностей у абитуриентов, поступающих в ВГПУ в 2010 г. Данные компетентности необходимы, на наш взгляд, для полноценного функционирования в современном обществе и в профессиональной сфере в частности, так как переориентация экономики на сферу услуг требует от профессионалов умения обеспечивать эффективное протекание коммуникативного процесса, способствовать привлекать к себе людей и поддерживать межличностные отношения. Важно целесообразно организовывать свою деятельность и активизировать других на выполнение задач.

В исследовании приняли участие 138 абитуриентов, из них 39 юношей и 99 девушек в возрасте не старше 19 лет. Абитуриентам, подающим документы в приемную комиссию ВГПУ, на добровольной основе было предложено заполнить стандартизированные бланки ответов следующих диагностических методик:

– опросник Л. П. Калининского «определение организаторских и коммуникативных качеств личности» для выявления следующих качеств: направленность; деловитость; доминирование; уверенность в себе; требовательность, жесткость; упрямство, негативизм; уступчивость; зависимость; психологический такт; отзывчивость;

– анкета, разработанная на факультете социальной работы, педагогики и психологии для изучения основных факторов, влияющих на выбор той или иной профессии. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием непараметрических критериев Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса.

В процессе исследования нами были установлены различия по параметру «Деловитость» ($p \leq 0,05$) в структуре организаторских и коммуникативных компетентностей между группами юношей и девушек. То есть представители женского пола более уверены и ответственны за свои решения, сильнее стремятся повышать свои деловые и организаторские качества, и у них ярче выражена способность идти на риск ради достижения собственных целей по сравнению с представителями мужского пола. В зависимости от размера населенного пункта, в котором они проживают, у абитуриентов были установлены различия по параметрам «доминирование» ($p \leq 0,05$) и «упрямство, негативизм» ($p \leq 0,05$). Большая выраженность упрямства, негативизма и доминирования свойственна жителям крупных населенных пунктов. Для таких молодых людей характерно стремление к лидерству, властность, желание распоряжаться. Они стремятся быть во главе и больше проявляют

агрессию по сравнению с юношами и девушками из сельской местности. Кроме того, городским жителям более свойственно проявление упрямства, скептицизма и неуступчивости, они стремятся добиться своего, отстаивают свою позицию, при этом сопротивляются любому влиянию.

Далее мы попытались выяснить, какие из компонентов коммуникативных и организаторских компетентностей влияют на выбор факультета. Нами были выявлены различия по параметру «упрямство, негативизм» ($p \leq 0,05$) у молодых людей в зависимости от выбора того или иного факультета. Более упрямые, скептические, настойчивее отстаивающие свою позицию люди чаще всего подавали документы для поступления на филологический факультет.

Таким образом, нами было установлено, что коммуникативные и организаторские компетентности у абитуриентов имеют гендерные особенности, различаются в зависимости от размера населенного пункта, в котором проживает человек, а также влияют на выбор факультета.

Багратиони К. А.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЕТЕНТНЫХ МОЛОДЫХ МЕНЕДЖЕРОВ-ЖЕНЩИН

Актуальность. В настоящее время в российской экономике появляются новые профессии и сферы деятельности, которые являются результатом развития рыночных отношений. Это создает проблему научного описания профессий и практической разработки методов отбора и подготовки кадров. Важно знать, какие именно профессионально важные качества сотрудников и менеджеров, как правило, молодого возраста, необходимы для успешной работы в новых производственных сферах. Значимым аспектом проблемы является вопрос о психологических профессионально значимых качествах молодых женщин-менеджеров, для которых могут быть разработаны необходимые для практики методики и профессиограммы.

Психологическая компетентность менеджера. В настоящем исследовании психологическая компетентность молодого менеджера рассматривалась как комплекс профессионально значимых качеств, среди которых могут быть выделены два фундаментальных: жизнестойкость и авторитет среди сотрудников.

1. Личностная переменная «жизнестойкость» (эквивалент *hardiness*, С. Мадди) характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, не снижая успешности деятельности.

2. Авторитет – это представление о человеке как о компетентной в конкретных вопросах личности, существующее в сознании окружающих.

Выборка и методы исследования. Выборку для исследования составили женщины-менеджеры, отобранные в соответствии с результатами проведенных социометрии и теста жизнестойкости в 12 структурных подразделениях одного из крупных московских предприятий. Всего было протестировано 27 женщин. Возрастной диапазон: 24–29 лет. В исследовании были использованы следующие методы:

- тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев);
- социометрия (Я. Морено);
- 16-факторный личностный опросник (Р. Кеттелл);
- тест структуры интеллекта – IST (Р. Амтхауэр);
- семантический дифференциал времени (Л. И. Вассерман);
- методика Ш. Шварца для изучения ценностей личности;
- проективная методика «психологическая автобиография» и рефлексивный тест-самоотчет «Кто я в будущем?» в авторской модификации;
- непараметрический U-критерий Манна-Уитни и др.

Результаты исследования (учитывались только значимые и достоверные различия – при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$) Посредством сравнительного анализа результатов по тесту жизнестойкости были отобраны пять молодых женщин-менеджеров со статистически значимо более высоким уровнем жизнестойкости и высоким социальным статусом. Для них характерны сдержанность и рассудительность в установлении межличностных связей, активность в социальной сфере с проявлением делового лидерства (А-, F-, Н+). Они отличаются независимостью характера, прямолинейностью в общении. Характеризуются приверженностью общепринятым правилам и нормам (Е+, Q2-, G+, N-), устойчивостью, уверенностью в себе и в своих силах, спокойным адекватным восприятием окружающей действительности, умением контролировать свои эмоции и поведение, стрессоустойчивостью; им свойственны развитые волевые качества, в поведении — уравновешенность, направленность на реальную действительность (С+, О-, Q3+, Q4-, G+); характерны: высокая оперативность, подвижность мышления, умение оперировать абстракциями, развитая аналитичность, тенденции к радикализму (В+, М+, Q1+, Е+). Им свойственна высокая идентичность со своим социальным статусом. Они отличаются более высоким уровнем интеллекта по сравнению со средними значениями своих коллег («Number Rows», «Selection of figures», «Tasks with cubes» и др.) На уровне нормативных идеалов доминирует мотивационная цель «универсализм».

Вместе с тем в реальном поведении они руководствуются мотивационными целями: «самостоятельность», «безопасность», «достижения» и «доброта». Характерны активная позиция в настоящем, положительно эмоционально насыщенный образ профессионального будущего;

характерны насыщенные событиями, планами и целями глубокая ретроспекция и неглубокая антиципация; значительная доля антиципируемых будущих событий и ролей связана с профессиональным и карьерным ростом.

Выводы. Возможно, психологически компетентные молодые женщины-менеджеры пользуются авторитетом среди коллег и подчиненных женского пола, так как отличаются от них специфическими личностными особенностями и более высоким уровнем интеллекта; они также выделяются мужчинами как непохожие на других женщин и поэтому высоко оцениваются, как исключения, опровергающие стереотипное представление мужчин о недостаточной способности женщин к руководящей работе.

Баранская С. С.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Этимологически термин организационная лояльность имеет смысл законопослушного, нормативного поведения. Наряду с представлениями о преданности и верности, ряд моделей (И. Г. Чумарин, К. В. Харский, А. Ковров) представляет организационную лояльность именно в аспекте благонадежности персонала: соблюдения сотрудниками норм и правил компании, отсутствия неправомерных действий в отношении своей организации и аспектов ее деятельности. Как правило, именно характеристики нормативного поведения сотрудников служат критериями определения их как лояльных или же нелояльных по отношению к организации. Таким образом, законопослушное, нормативное поведение сотрудников является первой и обязательной ступенью в формировании преданности и верности как более сложных уровней организационной лояльности. Наличие указанного нормативного компонента говорит о необходимости рассмотрения такого основополагающего фактора, как организационная справедливость, способного оказывать влияние на формирование организационной лояльности.

Цель проведенного исследования состояла в изучении взаимосвязи организационной лояльности с основными видами организационной справедливости (справедливости взаимодействия, распределения и процедурной справедливости). Для достижения данной цели на первом этапе были оценены уровни организационной справедливости, а также уровень организационной лояльности сотрудников. На втором этапе исследования была проанализирована взаимосвязь уровней лояльности сотрудников с уровнями организационной справедливости.

В исследовании приняли участие 301 сотрудник (152 женщины, 149 мужчин) шести коммерческих и государственных организаций

в возрасте от 21 до 74 лет, со стажем работы от 0,5 до 48 лет. В процессе исследования были использованы следующие психодиагностические методики: опросник «организационная справедливость» (русскоязычная адаптация опросников П. Суини, Д. МакФарлина, Б. Нихоффа и Р. Мурмана), а также опросник лояльности, разработанный самостоятельно. Использованные методики прошли психометрическую проверку показателей валидности и надежности и удовлетворяют минимальным требованиям, предъявляемым исследовательским методикам. Для обработки результатов исследования был использован регрессионный анализ.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Организационная лояльность сотрудников находится преимущественно на среднем и высоком уровнях. Сотрудники испытывают гордость за свою организацию, они вовлечены, заинтересованы делами и проблемами своей компании и готовы трудиться, прилагать усилия на благо успешного развития своей организации.

2. Общий показатель организационной справедливости и ее видов находится преимущественно на среднем уровне. Степень справедливости процессов принятия решений и проведения организационных процедур, распределения поощрений и благ среди сотрудников, а также их взаимодействия со своим руководством представлена в равном соотношении для всех указанных видов справедливости. Наибольший показатель уровня справедливости относится к характеристикам межличностного общения и возможностям открытого, доступного информационного обмена между сотрудниками и руководством. Сотрудники чувствуют внимательность, уважение и искренность в общении с руководством, считают его честным и открытым в предоставлении необходимой в работе информации и готовым для продуктивного взаимодействия.

3. Выявлена взаимосвязь показателей уровня организационной лояльности с организационной справедливостью и ее видами. Наибольший вклад в показатель организационной лояльности сотрудников вносит процедурная справедливость. Возможность участия сотрудников в процессах разработки и обсуждения организационных решений, их последующей реализации и коррекции способствует повышению уровня организационной лояльности. Честность, непредвзятость и объективность организации в назначении материальных и нематериальных поощрений и их распределении среди сотрудников также способствует формированию и развитию лояльности у сотрудников по отношению к своей компании.

Проведенное исследование подтверждает наличие и значимость нормативного компонента при рассмотрении факторов организационной лояльности. Учет организационной справедливости как фактора лояльности сотрудников позволяет совершенствовать систему формирования и повышения организационной лояльности в практической деятельности, а также проясняет само понятие лояльности и возможности дифференциации ее уровней.

Белов А. Б.

ОСОБЕННОСТИ САМОВОСПРИЯТИЯ И ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ МЕНЕДЖЕРОВ С КЛИЕНТАМИ

В настоящее время представление о бизнесе как о системе партнерских отношений считается наиболее перспективным. Для формирования таких отношений необходимо как собственное развитие сотрудников компании, предлагающих товары и услуги, так и учет ими обратной связи от клиентов и корректировка своего поведения и дальнейшего общения на основе полученной информации. Построение и совершенствование системы таких отношений предполагает не только повышение уровня коммуникативных умений и навыков персонала, но и, что наиболее важно, качественное изменение отношения персонала к клиентам на основе позитивного изменения отношения к себе, к окружающим, к своей работе, миру в целом. Представления человека о самом себе являются важным аспектом построения взаимоотношений с окружающими, и соответственно, могут быть предпосылкой для достижения успеха в деловых взаимодействиях. Успешность контактов находится в большой мере под влиянием характеристик обратной связи (Петровская Л. А., 1998). То, как подается обратная связь и воспринимается партнерами по общению, является существенным моментом в развитии делового общения. Экспериментально изучаются различные аспекты обратной связи в межличностном общении (Антонова Н. В., 1996; Журавлева Н. С., 2004; Ладоненко М. А., 2009; Стремоусова Е. Н., 2010 и др). Вместе с тем вопросы о соотношении особенностей партнеров по деловому общению и подачи ими обратной связи остаются недостаточно изученными.

В связи с этим целью нашего исследования являлось выявление характеристик самовосприятия и обратной связи сотрудников сервисной компании и особенностей соотношения между этими характеристиками. Для изучения особенностей самовосприятия сотрудников использовался тест М. Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?». Данная методика была дополнена авторским опросником, содержащим вопросы, касающиеся направленности на обратную связь от клиентов, подачи обратной связи клиентам, удовлетворенности общением, возникающих в деловом

общении трудностей и атрибуции данных трудностей. Для анализа формальной и содержательной сторон высказываний сотрудников во время реального взаимодействия с клиентами использовалась категориальная сетка, разработанная Л. А. Петровской (Петровская Л. А., 1981), в модифицированном в соответствии с целями данного исследования варианте.

В результате анализа особенностей самовосприятия было выделено три группы сотрудников, отличающихся типом самовосприятия: в первой группе тип самовосприятия характеризовался наличием только субъективных (преимущественно эмоционально-личностных) категорий в самоописаниях, во второй группе – объективных, для третьей группы было характерно сочетание объективных и субъективных категорий.

Сравнение выделенных групп между собой показало:

1. У представителей первой группы эмоционально-личностный компонент в общении, и в частности, в обратной связи, ярко выражен (большее количество оценочных, оценочно-интерпретативных и автодескриптивных высказываний, чем в других группах), для них характерна наибольшая частота подачи обратной связи, это сильно отличает их от участников второй группы.

2. Представители второй группы стараются избегать высказываний, направленных на личность собеседника и характер коммуникации, предпочитают формальный стиль общения, реже дают обратную связь, она представлена большим количеством дескриптивных высказываний, чем в других группах.

3. У представителей третьей группы обнаружены значимые различия с участниками второй группы и различия на уровне тенденции с первой группой по частоте подачи обратной связи, для которой характерно большее количество советов, по сравнению с другими группами.

Для всех групп характерна нейтральная по эмоциональному знаку обратная связь, но количество положительных высказываний больше у представителей первой группы, чем у других групп.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования могут быть:

1. Расширение анализа эмоционально-личностных особенностей респондентов (с привлечением дополнительного методического инструментария, например личностных опросников, проективно-личностных методик), связанных с характеристиками обратной связи.

2. Изучение влияния возрастных особенностей респондентов на их самовосприятие и обратную связь.

Бударгина Е. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УСПЕШНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время все больше организаций включают в свою деятельность, помимо основной работы, работу над различного рода проектами, а ряд организаций используют проектную деятельность как основную. Однако успешность проектной работы не всегда соответствует поставленным целям. Причины этого могут быть самыми разными – недостаток финансирования, жесткие требования, слишком сжатые сроки и т. д. Но нередко проекты осуществляются, несмотря на все сложности. Что может быть причиной таких различий? Рассмотрение научных теорий отечественных и зарубежных исследователей позволило нам сделать предположение о важной роли психологических факторов в проектной работе.

Выявление и анализ этих факторов, влияющих на успешность проектов, и есть цель данной работы. Тема является актуальной, так как в настоящее время проектную деятельность в работе использует множество организаций и, конечно, каждая из них заинтересована в том, чтобы добиться максимальных результатов. Теоретическая новизна работы в том, что мы используем комплексный подход, рассматривая психологические и социально-психологические факторы успешности проектов, анализируем опыт зарубежных и отечественных исследователей, создаем на основе этого собственную теоретическую модель.

Предмет исследования: психологические факторы успешности проектной деятельности. Объект исследования: сотрудники проектных групп международной молодежной организации AIESEC, в которой молодые люди занимаются реализацией своих проектов. Всего 82 человека (48 девушек и 32 юноши), в возрасте 18–24 лет.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между показателями мотивационных ожиданий сотрудников проекта, оценок ресурсности и процесса реализации проекта, внутригрупповых отношений и успешностью проектов.
2. Существуют психологические факторы успешности проектной деятельности.

Если говорить о самом понятии проекта, то отечественные исследователи понимают его как комплекс взаимосвязанных мероприятий, предназначенных для решения в течение заданного времени и при установленном бюджете имеющейся задачи и достижения поставленной цели (Снетков В. М., 1997). В западной практике понятие «проект» толкуется несколько шире: «Проект – это все, что задумывается или планируется; это процесс целенаправленного изменения технической или со-

циально-экономической системы, переводящей ее из одного состояния в другое» (Кук Х., 2007). Однако в обоих подходах можно увидеть, что проекты рассматриваются, как нечто меняющее наш мир, способствует его развитию. Потому так важно уделять этой проблеме должное внимание.

Замысел эмпирического исследования представлен в разработанной нами комплексной модели оценки успешности проектной деятельности, позволяющий с разных сторон оценить ее и дать характеристику ее успешности. Итак, в качестве факторов, которые, по нашему предположению, могут влиять на успешность проектной работы, мы включаем следующие: возможность реализации мотивов в проекте, внутригрупповые отношения, удовлетворенность работой, оценка ресурсности и процесса реализации проекта его сотрудниками.

Изучение данных факторов осуществляется нами посредством методик: «возможность реализации мотивов» В. Доминьяка, «удовлетворенность работой» В. Розановой, «внутригрупповые отношения» А. Лутошкина, а также авторских анкет «оценка ресурсности проекта» и «оценка успешности процесса реализации проекта».

Для того, чтобы установить критерии успешности проектной деятельности, мы использовали экспертную оценку. Ниже представлены данные критерии.

1. Количество реализованных стажировок и привлеченных денежных средств.
2. Соответствие итога поставленным целям.
3. Удовлетворенность всех членов команды результатом.
4. Количество людей, оставшихся в команде до конца проекта.
5. Количество людей из команды, взявших в дальнейшем на себя руководство проектами.
6. Реализация проекта на повторяющейся основе.
7. Наличие положительных отзывов от партнеров, спонсоров, стажеров.

В настоящее время основное исследование находится на этапе реализации. Полученные результаты позволят нам сформулировать выводы о том, какие психологические факторы оказывают влияние на успешность проектной работы. Это, в свою очередь, безусловно, будет полезно в повышении эффективности организаций, работающих в развивающейся сфере проектной деятельности.

Дружилов С. А.

ПРОБЛЕМЫ МОББИНГА НА КАФЕДРЕ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нападки и притеснения со стороны руководства и коллег по работе как явление известны давно, но как отдельная психологическая проблема оно было выделено лишь в конце XX в. и получило название «моббинг», под которым понимают форму психологического давления на сотрудника в коллективе с целью его увольнения. Проявляется моббинг в виде психологических притеснений работника, происходящих на протяжении длительного времени и включающих в себя негативные высказывания, необоснованную критику в адрес работника, его социальную изоляцию, распространение о нем ложной информации и т. п. Понятие «моббинг» было введено К. Лоренцем. Он называл моббингом феномен группового нападения нескольких мелких животных на более крупного противника. В современном значении термин был употреблен Х. Лейменном, изучавшим в 80-е годы XX в. поведение людей в трудовом коллективе.

Моббинг рассматривается как «психологический террор», который включает «систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или нескольких людей, направленное против другого человека». Проявление моббинга в обществе основано на противопоставлении «своих» и «чужих» в борьбе за разного рода ресурсы. Существует два вида моббинга:

- 1) вертикальный – «боссинг», когда психологический террор в отношении работника исходит от начальника;
- 2) горизонтальный – когда психологический террор исходит от коллег.

Боссинг сопровождается созданием группировок в коллективе, подключением к психологическому давлению на работника и других членов организации. Благодаря своей актуальности, тема изучения моббинга и боссинга как психологических явлений получила распространение во всем мире. В нашей стране психологи не уделяли этому явлению необходимого внимания, а острота проблемы моббинга в XXI в. возрастает.

На основе анализа публикаций, относящихся к исследованию моббинга за рубежом, отметим его значимые характеристики:

- а) продолжительность моббинга – от одного до пяти лет;
- б) жертвами моббинга становятся 30–50% сотрудников;
- в) процент распространенности моббинга в сфере образования в два раза выше, чем в других сферах деятельности;
- г) в 90% случаев моральное преследование начинает начальник.

Начавшееся в стране реформирование высшего профессионального образования (ВПО) совпало, с одной стороны, с экономическим кризисом, с другой стороны, с демографической «ямой». Грядущие перемены, связанные с изменением статуса вуза и его финансирования, предстоящие структурные преобразования, а как следствие – угроза сокращения преподавателей – все это составляет объективные предпосылки обострения социально-психологической ситуации на кафедрах. На многих кафедрах сложилось положение, когда есть старшее возрастное поколение, как правило, «остепененных» преподавателей, есть младшее поколение, в котором процент «остепененности» значительно ниже, и практически отсутствует среднее поколение. Согласно статистике (Юсипова Д. Р., 2008), каждый второй доцент имеет возраст старше 50 лет, а каждый второй профессор старше 60 лет. Нам известны выпускающие кафедры, на которых средний возраст преподавателей с ученой степенью составляет 66 лет, «неостепененных», имеющих стаж более 20 лет – 64 года; а младшее поколение преподавателей без ученой степени (таковых около 30%) имеет средний возраст 28 лет.

Известно, что группы людей, объединенных в организационные структуры, имеют свои традиции, потребности и ценности. Несоответствие этим элементам порождает конфликты, а также создает в коллективе проблемы системного характера, которые обостряются на фоне реформаций, проводимых в организации. «Не вылезай» (поперед коллектива), «не будь значимым» (значимее нас), «не думай» (больше, чем мы), «не будь умнее» (например, руководителя), «не будь лучше (всех нас)» – подобные экзистенциальные послания программируют человека, группу, к выбору непродуктивного пути развития. На кафедре, для корпоративной культуры которой характерны названные послания, высока вероятность возникновения моббинга по отношению к неординарному преподавателю, отличающемуся высокой результативностью в научной и методической деятельности. При стабильной работе вуза возникающая неприязнь со стороны руководства и преподавателей кафедры к высокопродуктивному коллеге имеет латентный характер, ибо реальной опасности он не представляет. На переломном этапе, связанном с реформированием вуза, руководство кафедры, да и коллеги начинают считать этого сотрудника «опасным» и такой работник становится объектом моббинга.

Дубко А. В.

ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ К ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Стремительное развитие интернет-технологий за последние годы можно считать одной из самых значительных инноваций. Сняв ограничения пространства и времени, они дали возможность организациям

выйти за пределы окруженных стенами офисов, людям – совершать покупки и пользоваться услугами, не выходя из дома. Однако явные преимущества виртуального взаимодействия могут быть сведены на нет из-за страха и тревоги. Онлайн-взаимодействия – безликие и неосязаемые – связаны с разного рода сомнениями, которые могут привести к отказу от использования некоторых онлайн-услуг.

Недоверие в виртуальной среде вызывается целым рядом факторов, среди которых наиболее значимы несовершенство технологий и ненадежность источника (Beldad et al., 2010). Вначале коммуникационные среды (MUDs, чаты и пр.) не подразумевали долгосрочного взаимодействия, поэтому возможности самопрезентации были ограничены, среды были анонимны, и идентичность создавалась на один раз. Как следствие, пользователи экспериментировали с разными, порой неприемлемыми, идентичностями (Rosenmann & Safir, 2006). Но с переносом значительной части совершаемых интеракций в Интернет, перед человеком всерьез встала проблема конструирования идентичности, т. е. создания собственного виртуального облика. У виртуальной идентичности есть одна важная особенность, она представляет собой лишь оболочку, в то время как ее содержание находится вне Интернета, поэтому богатство виртуального Я напрямую зависит от разнообразия и совершенства каналов передачи из внешнего мира в виртуальный. Намечились три тенденции в развитии виртуального пространства: увеличение скорости (приближение общения к общению в реальном времени), снижение анонимности (только информации, чей источник известен, можно доверять) (Асмолов А. Г., 2003), группировка разрозненной информации в сеть, в структуру.

Так появились среды с высоким содержанием идентифицирующей информации, такие как социальные сети. Удобство социальных сетей для распространения информации сложно переоценить, каковые преимущества были немедленно восприняты исследователями разных областей.

Однако скорость распространения информации в социальных сетях зачастую используется в целях нанесения вреда пользователям или для агрессивной рекламной деятельности, что снижает доверие к сети вообще и к сообщениям с положительным бэкграундом в частности. Более широкое внедрение онлайн-взаимодействий зависит не только от все увеличивающихся преимуществ такого рода коммуникаций, но и от доверия людей к онлайн-партнерам по взаимодействию и к онлайн-сообщениям.

В эволюции социальных сетей можно наметить перспективу. Если до сих пор история развития виртуальной среды шла по пути добавления новых форм, превосходящих старые аналоги по возможно-

стям, то с этого момента можно ожидать обратный процесс – попытку записать большинство сайтов Интернета с различными функциями в рамки одного большого сайта. Уже сейчас сеть В контакте пытается стать аналогом всего Рунета, включить в себя возможности трекера, сайтов по поиску работы, рекламных сайтов, блогов, электронных фотоальбомов, чатов, форумов и т. д. Уже стало традиционным для музыкальных групп иметь не только официальный сайт, но и официальный профиль В контакте. Благодаря тому, что В контакте объединяет разные интеракции унифицированной формой сообщения, мы будем исследовать факторы доверия к виртуальному сообщению на его базе.

Базовая теоретическая модель доверия была расширена с помощью двух фокус-групп с предварительным опросом ($n = 20$). Результатом стало появление двухчастной модели факторов доверия к виртуальному сообщению. К первой группе факторов, названной «факторы реципиента» относятся: половозрастные характеристики, уровень образования, опыт взаимодействия с данной средой и с компьютером, а также локус контроля, общий уровень доверчивости (т. е. убежденность, что люди добры по своей природе и не будут стараться умышленно нанести вред) и склонность к рискованному поведению. Вторая группа факторов, получившая наименование «факторы сообщения», включает основные характеристики сообщения: грамотность, стилевые особенности, характер ожидаемой активности (каких действий от тебя ждет отправитель сообщения), полнота информации в сообщении, наличие неких ссылок, позволяющих верифицировать сообщение, а также степень самораскрытия автора сообщения (количество и каналы идентифицирующей автора информации).

Целью дальнейшего исследования является получение эмпирической модели с распределением вкладов каждого фактора в общий феномен доверия.

Колиниченко И. А.

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, СОЗДАТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Динамично возникающие проблемы современного предпринимательства выводят психологическую науку на их качественное переосмысление и анализ. Предпринимательская организация, производящая новый товар или услуги, имеющие высокий спрос на рынке, представляет собой синтез новых идей, технологий, персонала, материальных ресурсов. Личность самого предпринимателя, являющегося ключевой фигурой организации, в современных социально-экономических условиях имеет немаловажное значение для ее успешного функционирования.

Значительное число психологических исследований посвящено личности предпринимателя, который является ключевой фигурой этой деятельности. Например, достоверно установлено следующее: предприниматель определяется как человек особого типа, психологические особенности которого могут проявляться и рассматриваться безотносительно к содержанию выполняемой им экономической функции. Именно благодаря подобной идее, заимствованной из работ Й. Шумпетера, появились психологические исследования, которые были посвящены поиску тех особенностей, которые стимулируют человека к осуществлению успешной и эффективной предпринимательской деятельности. Психология личности предпринимателя в зарубежных исследованиях представлена изучением мотивации предпринимательской деятельности (Д. Макклеланд, Д. Аткинсон, Х. Хекхаузен), выявлением уровня интернальности предпринимателей (Р. Брокхаус, М. Кете де Врис, Д. Миллер и др.), объяснением склонности предпринимателей к умеренному риску (Р. Брокхаус, К.-Э. Вернерид).

В настоящее время в психологии и социологии продолжают исследования особенностей свойств и качеств личности современного предпринимателя (А. Е. Чирикова, Т. В. Корнилова, В. Г. Булыгина, А. П. Корнилов, В. Нечаев, Г. Е. Булычкин, В. С. Магун). Ученый В. П. Поздняков, определивший предпринимательство как специфический вид экономической деятельности, предполагающей наличие у его субъекта особых психологических качеств, основной задачей психологии предпринимательства считал раскрытие этих психологических особенностей. Многие трактовки личности предпринимателя совсем не указывают на черты предпринимателя-одиночки; скорее всего, в них содержатся представления о предпринимателе как субъекте организации, ее лидере, обладающем характерными чертами и свойствами, способствующими развитию организации, воодушевлению ее работников, вовлечению их в мир увлекательного предпринимательского процесса.

Планирование и проведение исследования. На первом, подготовительном этапе исследования, проводился отбор шкал-признаков для последующего построения списка, необходимого для факторного анализа. Выбор признаков осуществлялся на основе ассоциативного эксперимента, проведенного с предпринимателями (мужчины и женщины, 40 человек), работающими в сфере малого бизнеса в городах Кавминвод Ставропольского края. Обработка ответов испытуемых предпринимателей включала построение групповой матрицы данных 71×16 (путем суммирования индивидуальных протоколов), а затем к полученной матрице данных применялся метод многомерной статистики – факторный анализ, который проводился по программе STATISTICA 6.0.

Сравнительный анализ показывает, что у испытуемых обоих выборок имеются четкие представления о противоположности моральных и безнравственных позиций, так как ролевые позиции высокоморального человека и безнравственного человека находятся в оппозиции друг к другу на противоположных полюсах каждого фактора во всех выборках. Этот факт, свидетельствующий о положительном отношении к себе, как и к типичному представителю своей профессии, достаточно важен для решения задач нашего исследования.

Результаты интерпретации данных, полученных в итоге факторизации, показывают, что в обыденном сознании предпринимателей фиксируется достаточно завершённый, целостный образ типичного предпринимателя, наделенный современными представлениями о предпринимателе, существующими в общественном сознании, и обогащенный чертами, свойственными именно субъектам предпринимательства.

Кулинкович Т. О.

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Исследование посвящено изучению образа идеального руководителя у специалистов разного пола, возраста и профессионального опыта. Первым этапом исследования стало выяснение факторной структуры образа идеального руководителя и дальнейший анализ гендерных различий в представлениях об идеальном руководителе. Выборку составили 1070 человек со средним и высшим образованием, разным опытом профессиональной и руководящей деятельности, проживающих в Республике Беларусь. В исследовании приняли участие представители следующих социальных групп: 1) студенты, 2) рабочие и служащие (дифференциация внутри группы не проводилась), 3) военные, 4) руководители учреждений и производственных коллективов, 5) безработные, 6) пенсионеры. Распределение выборки по полу: женщины: 708 (66,2 %), мужчины – 362 (33,8%).

Представления об идеальном руководителе измерялись при помощи методики Т. Лири. Первичные показатели по восьми характеристикам образа «Идеального руководителя» были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент с последующим Varimax-вращением. Анализ взаимосвязи изучаемых переменных осуществлялся методом корреляционного анализа Спирмана. При сравнении показателей по отдельным параметрам образа идеального руководителя применялся тест Уилкоксона. Проверка на нормальность распределения осуществлялась тестом Колмогорова-Смирнова.

Результаты факторного анализа показали, что при оценке образа «Идеального руководителя» восемь первичных личностных харак-

теристик теста Т. Лири, как у мужчин, так и у женщин объединяются в две равные непротиворечивые группы: оценка образа идеального руководителя состоит из двух факторов. Выделенные факторы объясняют 67% дисперсии, на I фактор приходится 35% дисперсии, на II фактор – 32% дисперсии. Первый фактор можно интерпретировать как «отзывчивость», в него вошли характеристики: подчиняемый (0,766), зависимый (0,779), дружелюбный (0,870), альтруистичный (0,855). Крайние показатели по такому фактору можно интерпретировать как «зависимость покровителя от опекаемых». Второй фактор можно интерпретировать как «напористость (жесткость)», он объединяет остальные четыре характеристики: авторитарный (0,675), эгоистичный (0,873), агрессивный (0,838) и подозрительный (0,780). В отношении образа руководителя такие характеристики можно интерпретировать как уверенную настойчивость, деловую хватку, асертивность и «активность завоевателя».

С целью выяснить, не дублируют ли полученные факторы вторичные измерения методики («агрессивность–дружелюбие» и «доминирование–подчинение»), был проведен корреляционный анализ. Анализ корреляций между измерениями показал наличие высокой корреляционной связи между параметром «сотрудничество–агрессия» и значениями по первому фактору (0,816); наличие слабой связи между значениями по второму фактору и параметром «доминирование–подчинение» (0,389) и умеренной обратной связи второго фактора с параметром «сотрудничество–агрессия» (-0,533).

Полученные данные позволяют судить об отличии полученной факторной структуры представлений об идеальном руководителе от традиционной структуры, предлагаемой в методике Т. Лири. Анализ гендерных различий образа идеального руководителя по оригинальным вторичным измерениям методики Т. Лири и полученным факторам показал наличие в образе идеального руководителя, как в мужской, так и в женской выборке более высоких показателей по измерению «доминирование–подчинение» по сравнению с характеристиками «дружелюбие–агрессия» ($p < 0,001$). По показателям факторов «напористый» и «отзывчивый» значимые различия обнаружались только при отдельном сравнении показателей в мужской и женской выборках: с более высокой средней оценкой фактора «напористый» по сравнению с фактором «отзывчивый» в женской выборке ($p = 0,009$) и более высокой средней оценкой фактора «отзывчивый» по сравнению с фактором «напористый» в мужской выборке ($p = 0,005$). Однако следует отметить, что сравнение показателей по данным факторам в возрастной динамике дает более ясную картину различий.

Таким образом, женщины в целом у идеального руководителя отдают предпочтение качествам уверенности и напористости, а мужчи-

ны – качествам отзывчивости и подчиняемости. В то же время, сравнение оценок мужчин и женщин по обоим факторам показывает, что мужчины оценивают оба фактора значительно выше, чем женщины. То есть мужчины в целом предпочитают более напористого и отзывчивого руководителя, а женщины – более эмоционально отстраненного и пассивного.

Львова О. В.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ЭКСПЕРТНЫХ ЗНАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ШЕРИНГА

В настоящее время знания являются ценным ресурсом любой компании. Организации стараются привлечь к себе экспертов, обладающих уникальными для своей области знаниями. Особенно значимым становится извлечение экспертных знаний в контексте шеринга (от англ. *knowledge sharing* – разделение знаний) – процесса передачи и получения знаний между людьми, способствующего появлению нового понимания относительно решаемых в организации задач (Журавлева, Червинская, 2009).

Под извлечением экспертных знаний понимается процесс выявления и структурирования экспертных знаний по решению проблем предметной области, осуществляемый в результате взаимодействия когнитолога с экспертом, с целью построения модели экспертных представлений и рассуждений (Червинская, 2009). От того, насколько хорошо компания может управлять этим процессом, зачастую зависит ее конкурентоспособность. В связи с этим сегодня в зарубежной научной литературе появляется большое количество разнообразных статей, посвященных изучению экспертных знаний. Но, к сожалению, эта тема пока не получила столь широкого освещения в России. Британские ученые утверждают, что каждый человек является экспертом в области персональных знаний (*personal knowledge*). Персональные знания (ПЗ) – это знания, которыми обладают все люди и которые позволяют решать ежедневные проблемы и вопросы: знания о своих состояниях, эмоциях, типах поведения, отношениях с другими людьми и т. д. (Milton, Clarke, Shadbolt, 2006).

Осознание человеком структуры своих ПЗ позволяет ему быть более эффективным в контексте шеринга в организации. В связи с этим Milton, Clarke и Shadbolt проводят эмпирическое исследование, целью которого является извлечение ПЗ и построение их метамоделей.

Выборку исследования составили десять человек (работники крупной британской инженерной компании). Выборка была сформирована квазислучайным способом. В качестве методов извлечения ПЗ использовались: полуструктурированное интервью (ПСИ), метод реперту-

арных решеток по людям (РРпЛ), метод репертуарных решеток по событиям (РРпС), построение диаграммы состояний, построение иерархической концептуальной карты стремлений, построение диаграммы событий, метод оценки полуструктурированного интервью (ОПСИ), опросник темперамента Кейрси.

На первом этапе исследования с каждым испытуемым было проведено восемь индивидуальных встреч. Каждая встреча длилась один час. Во время первой встречи со всеми участниками проводилось ПСИ, во время предпоследней встречи – ОПСИ. Остальные методы были случайным образом распределены между сессиями. В конце каждой сессии испытуемым предлагалось заполнить анкету, в которой они оценивали встречу и использованный в ней метод по четырем шкалам: интересный (*interesting*), сподвигающий на раздумья (*thought-provoking*), разъясняющий (*enlightening*), рекомендательный (*recommendation*). Последняя встреча с каждым участником была посвящена сбору обратной связи по исследованию в целом и по использованным методам в частности. Она проходила в виде ПСИ и включала в себя оценку использованных методов с помощью метода сортировки карточек.

На основе результатов первого этапа исследования было проведено сравнение и оценка использованных методов извлечения ПЗ. Для этого использовались данные анкетирования по окончании каждой встречи и данные, полученные с помощью метода сортировки карточек. Было установлено, что наиболее предпочитаемым и эффективным является метод построения диаграммы состояний, а наиболее неудачными являются метод РРпС и опросник Кейрси.

На втором этапе исследования с помощью ПО РСРАСК был проведен контент-анализ данных, полученных во время первого этапа, на основе чего была построена общая метамодел ПЗ. Она описывает ключевые классы понятий испытуемых, таксономию внутри каждого класса и связи между классами понятий. Были выделены следующие классы понятий: человек, история жизни, временной период, событие, инциденты, действие, качество события, состояние, изменения, свойства человека, поведение, решение, стремление, возможность, ресурсы, верования, интерес, место, работа/роль, отношения.

Метамодел, построенная на основе проведенного исследования, позволяет испытуемым получить общее понимание ситуации и осознать свои знания и взаимосвязи между различными классами понятий, включенными в их знания. В дальнейшем мы планируем провести аналогичное исследование в российских компаниях. Целью исследования будет создание подобной метамодел экспертных знаний внутри организации и выявление ее влияния на эффективность шеринга.

Маленко Е. В.

ФОРМИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ДОРОЖНЫХ УСЛОВИЯХ

Безопасное поведение является превентивной мерой в снижении дорожно-транспортных происшествий, которые ведут к ущербу здоровью и благосостоянию граждан, а значит, эта тема требует детального изучения. Для изучения поведения водителей в дорожных ситуациях наиболее информативным, требующим минимальных денежных, временных ресурсов является метод интервью. По мнению С. Квале, «гибкость интервью и его близость к жизненному миру опрашиваемых могут привести к знанию, которое может быть использовано для улучшения условий человеческого существования» (Квале С., 2003). Мы прибегнем к полуструктурированной форме проведения интервью для получения информации по каждому из тематических блоков, а также ведения беседы с учетом индивидуальных особенностей участников исследования.

С целью исследования безопасного управления автомобилем разработана схема интервью. Выделены его основные структурные элементы:

- 1) этапы освоения управлением автомобилем;
- 2) оценка водителя им самим и его окружением;
- 3) изменения в поведении водителя на дороге;
- 4) методы повышения безопасности дорожного движения.

Критерием корректности ответов является их соответствие описанию структурных элементов интервью, приведенных выше. Апробация и уточнение интервью проводились на водителях, чей стаж варьировал от 1,5 до 25 лет. Средний стаж вождения составил 7,2 года. Опрашиваемые были как любителями, так и профессиональными шоферами. В пилотажном исследовании приняло участие 15 человек.

В ходе интервью было получено минимальное количество повторных ответов, а значит, требуется большее количество интервью. Ответы на вопрос об изменении стиля вождения свидетельствуют о том, что в жизни водителей присутствует индивидуальное событие, трансформирующее их дальнейшее поведение на дороге. Следовательно, формирование водительской деятельности есть не только процесс отработки навыков и применения знаний, полученных в автошколе, но и переживание новых, важных для водителя событий и ситуаций, влияющих на вождение. При рассмотрении ответов на вопросы о впечатлении от первой поездки можно выделить два типа ответов: те, что касаются эмоций и ощущений, и те, что описывают действия. При первом типе водители высказывались о тревоге и волнении: «я пугалась такого количества машин», «я сильно волновалась». Второй тип ответов подразу-

мевал описание действий, к которым прибегали начинающие водители: «начинала ездить по тихим улицам спального района», «требовалось и за дорогой следить, и скорость соблюдать». Тенденция двух типов ответов сохранилась и при ответе на вопрос о том, что изменилось в стиле вождения на настоящий момент.

Транскрибирование полученных данных проводил автор работы. Для структурирования материала интервью выделялись основные смысловые единицы из ответов, а затем отмечалось, сколько из участников отвечали схожим образом. В работе была использована содержательная обработка, вся экстралексическая информация (интонационные ударения, паузы, смех) не была учтена. Структуризация информации обеспечивает стандартность обработки, что снижает субъективность анализа. Сложность возникает при обработке ответов на вопрос о вариантах изменения стиля вождения, поскольку каждая из историй уникальна и сложно поддается стандартизированному анализу.

Планируется прибегнуть к кластерному анализу для выявления стилей вождения. Надежность анализа и интерпретации интервью обеспечивается тем, что обработка результатов интервью будет проводиться несколькими экспертами независимо друг от друга. Критерием валидности является достижение консенсуса относительно того, что интерпретация логична и обоснованна. По результатам пилотажа стало ясно, что для исследования поведения водителей следует прибегнуть к схеме полуструктурированного интервью с формализованным анализом ответов.

Итоговая схема интервью должна включать блоки о начальных этапах становления вождения, об отношении водителей к их деятельности, о трансформирующих поведение событиях. В рамках основного исследования с помощью такой схемы интервью и ее обработки станет возможным, во-первых, описать кластеры, которые объединяют водителей со схожей манерой езды; во-вторых, выявить личностные характеристики водителей, которые попали в один кластер.

Перман В. А.

ТИП ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И МОТИВИРОВАНИЕ РАБОТНИКОВ

Проблема адекватного мотивирования работников актуальна для любой организации независимо от типа организационной культуры этой компании. Для руководителей и владельцев важным является сохранение и подбор персонала, готового работать с полной отдачей, «с горящим взглядом» и не требующего слишком многого от работодателя. Однако нередко интересы владельцев компании и персонала не совпадают. Причин этому множество. Понятно, что любой собственник

заинтересован в получении максимальной прибыли при наименьших затратах, в том числе и на персонал. Не вызывает сомнения тот факт, что только достижение разумного компромисса между потребностями работников и руководителей (владельцев) позволит достичь наибольшей эффективности функционирования этой компании. Если же руководство не учитывает потребности и мотивы своих работников, то такая организация вряд ли будет эффективной, она ограничивает себя в возможностях развития и конкурентоспособности.

Оптимальное управление персоналом во многом зависит от типа организационной культуры, доминирующей в этой компании. Под организационной культурой мы понимаем сложное, многоуровневое образование, недостаточно изученное в настоящее время. Не вызывает сомнения, что организационная культура обуславливает профессиональную мотивацию работников. Существуют особенности потребностно-мотивационной сферы работника, проявляющиеся в определенном типе организационной культуры. В зависимости от характеризующих организацию устойчивых отношений общие мотивационные тенденции работников могут приобретать ту или иную направленность. На этом основано использование возможностей корпоративной культуры для мотивации сотрудников.

Цель нашего эмпирического исследования – попытаться установить возможные взаимосвязи доминирующего типа организационной культуры, особенностей потребностно-мотивационной сферы сотрудников и инструментов их мотивирования. Теоретическим обоснованием особенностей корпоративной культуры в данной работе послужила типология организационных культур, предложенная К. Камероном и Р. Куинном. Для описания сферы профессиональной мотивации была использована методика, направленная на диагностику профессиональных потребностей Ш. Ричи и П. Мартина.

В исследовании приняли участие работники четырех компаний – всего 56 человек. Эмпирические данные были подвергнуты математико-статистической обработке. Остановимся на их интерпретации. Так, на основании корреляционного анализа было установлено, что в условиях клановой культуры люди испытывают потребность в увеличении социальных контактов, коммуникации, общении (0,33; $p < 0,01$). Кроме того, многие сотрудники в таких компаниях испытывают потребности в самосовершенствовании, профессиональном росте и личностном развитии (0,29; $p < 0,05$). В случае доминирования адхократического типа организационной культуры значимой для сотрудников становится потребность в творческой работе (0,37; $p < 0,01$). Характерно, что в организации с адхократическим типом организационной культуры ее со-

трудники не нуждаются в структурировании своего труда (-0,27; $p < 0,05$).

В рамках рыночной культуры работники стремятся к достижениям (0,36; $p < 0,01$). Важным двигателем их активности является желание ставить серьезные цели и добиваться их. Для иерархического типа организационной культуры свойственна значимая положительная взаимосвязь с потребностью в комфортных условиях работы (0,32; $p < 0,05$).

Обобщая результаты данного эмпирического исследования, можно сказать, что сравнение профилей культур двух организаций – государственной, занятой в сфере страхования, и страховой (коммерческой) компании – показало, что в государственной организации клановая культура выражена статистически значимо сильнее, нежели в страховой (коммерческой) компании ($p < 0,05$). Культуру государственного учреждения можно охарактеризовать как кланово-иерархическую. Рыночная культура в страховой компании выражена значимо выше, нежели в государственной организации ($p < 0,01$). Результаты исследования свидетельствуют о существовании взаимосвязей между особенностями организационной культуры и особенностями мотивации работников. Это необходимо учитывать при проведении внутриорганизационных изменений, затрагивающих основы существующей в компании культуры. Кроме того, полученные данные позволяют разрабатывать мероприятия по направленному формированию наиболее эффективного типа организационной культуры.

Петухова Ю. О.

ПРИНЯТИЕ РИСКА И ОРИЕНТАЦИЯ НА ВЫЗОВ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ИННОВАЦИОННОЙ ЛИЧНОСТИ

Процесс внедрения инновационных проектов затронул практически все сферы современной жизни. Особой стратегической задачей правительства РФ является выход на новый инновационный путь развития образования и формирование специалистов, обладающих инновационным потенциалом. Упомянув инновационный потенциал, мы опираемся на определение: инновационный потенциал – личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения (Клочко В. Е., Галажинский Э. В., 2009). Поэтому актуальной для психологии становится задача выявления условий, обеспечивающих актуализацию инновационного потенциала современной молодежи.

Анализ доступной литературы на эту тему позволяет сделать вывод, что основные условия вхождения в инновационную деятельность – это выраженность ориентации на вызов и принятие риска. На основе этого мы организовали и провели психологическое исследова-

ние. Выборка состояла из 198 юношей и девушек в возрасте от 18 до 29 лет, которые посчитали важным для себя принять добровольное участие в проекте «Делу время», направленном на актуализацию лидерского и предпринимательского потенциала.

Данный проект был организован и реализуется ФП ТГУ и ООО «Центр поддержки молодежного предпринимательства». С целью установить особенности выраженности «ценностной ориентации на вызов» и «принятие риска» мы продифференцировали группу участников бизнес-проекта «Делу время» на две подгруппы. Критерием для деления стало наличие/отсутствие своего личного бизнес-проекта у людей, решивших поучаствовать в этом мероприятии. Таким образом, в первую подгруппу вошли юноши и девушки, которые хотят расширить свой бизнес. Эта подгруппа получила название «Лидер» (33 человека). Вторая подгруппа, у участников которой нет проекта, получила название «Развитие» (12 человек).

В процессе исследования мы применили пять психодиагностических методик: тест «якоря карьеры» (автор Э. Шейн), который позволяет оценить степень выраженности ценностных ориентаций человека на вызов; тест «жизнестойкость» (ТЖС) (автор С. Мадди, в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), с помощью которого определялась склонность к принятию риска; «опросник самоорганизации деятельности» (автор Е. Ю. Мандрикова), направленный на измерение умения организовывать свою деятельность; методика «диагностика особенностей общения» (В. Н. Недашковский), позволяющая оценить коммуникативную компетентность.

В процессе обработки данных с использованием описательной статистики были подсчитаны средние значения и стандартные отклонения по показателям методик. Нами было установлено, что две подгруппы существенно отличаются друг от друга по ряду параметров. Участники подгруппы «Лидер» более вовлечены в деятельность (49,7 балла; $p = 0,0000$). Они более рискованны (27,6 балла; $p = 0,0000$). Превышает верхний квартиль нормативных значений показатель по шкале ориентация на вызов, она составляет 9,1 балла. Это означает, что данный показатель является важным условием вхождения в инновационную среду. Следующим этапом обработки данных стал корреляционный анализ по Пирсону. В подгруппе «Лидер» мы получили связь «вызова» с ориентацией на служение ($r = 0,4618$; $p = 0,001$), на настоящее ($r = 0,3143$; $p = 0,031$), с настойчивостью ($r = 0,3184$; $p = 0,029$). Однако корреляции между «принятием риска» и «вызовом» не было обнаружено. Данную особенность мы объясняем тем, что в процессе развития компоненты потенциала становятся более зрелыми и способны актуализироваться

в зависимости от ситуации, в одной – один компонент, а в другой ситуации – другой компонент.

Существует взаимосвязь между «ориентацией на вызов» и «принятием риска» ($r = 0,5701$; $p = 0,006$) в подгруппе «Развитие». Данные связи могут означать, что у людей, попавших в эту подгруппу, существует инновационный потенциал, но его компоненты не самостоятельны, что не позволяет молодым людям активно вовлекаться в жизненные события и получать новый опыт.

Данные, полученные в ходе исследования, позволили расширить представления о «вызове» как о стремлении к достижению. Выявленные взаимосвязи показали, что «вызов» имеет тесную связь с пониманием собеседника и умением планировать деятельность. Мы пришли к выводу, что это не простой авантюризм, а продуманные, спланированные, осознанные действия, имеющие под собой проработанный план и заданную стратегию. Полученные результаты нашего исследования показали, что включенность в деятельность различных проектов сопровождается увеличением значений по показателям «ориентации на вызов» и «принятия риска».

Потемкина Е. Ю.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕНИЯМИ: ТЕАТРАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В настоящее время психологическое сопровождение взрослых людей с интеллектуальной недостаточностью приобретает все большую актуальность для Республики Беларусь как социально-ориентированного государства. Л. С. Выготский отмечал, что психика развивается даже при самых глубоких степенях умственной отсталости. Именно вторичные нарушения в достаточной степени подлежат психологической и педагогической коррекции. Это создает великолепные условия и пространство для поиска тех методов, которые в наибольшей степени будут способствовать улучшению, исправлению, восстановлению утраченных или искаженных в своем развитии функций у умственно отсталых людей (Выготский Л. С., 1934).

Одним из приоритетных направлений в этом выступает создание «особых» театров, в которых посредством использования театральной деятельности осуществляется интеграция людей с ограничениями в здоровую общность. Актуальность и значимость данной проблемы обусловлена недостаточностью знаний, методов и приемов в практической работе психолога в учреждениях специального типа, отсутствием методических разработок о возможностях использования театральной деятельности со взрослыми людьми, имеющими интеллектуальную недостаточность. В связи с этим нами было проведено исследование

с целью выявления уровня эффективности театральных программ, как метода психологического сопровождения взрослых с умственными и множественными ограничениями.

Гипотеза исследования заключается в следующем: использование театральных постановок является эффективным методом с точки зрения психологического сопровождения. Методы исследования: 1) метод экспертных оценок, 2) интерпретационный. Характеристика выборки: сотрудники социальных мастерских при храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» г. Минска, 10 участников в возрасте от 18 до 30 лет. Театральная программа состояла из разминочных упражнений и непосредственно постановки спектакля «Зимы не будет» по одноименной пьесе В. Ольшанского.

На основании анализа полученных данных можно судить об эффективности использования театральной деятельности как метода психологического сопровождения людей с интеллектуальной недостаточностью. Участники театральной программы поделились впечатлениями о благоприятном общем эмоциональном фоне творческих занятий («нам понравилось», «занятия проходят весело», «было хорошо», и т. д.), говорили о возможности самореализации (участие в разминочных упражнениях, распределение ролей среди участников), а также имело место мнение родителей об участии в данной театральной программе, они отметили интерес к занятиям и повышенную активность в выполнении домашних дел. Участники проекта в целом, дали высокую оценку проводимой театральной программе («нам нравится заниматься», «скорее бы выступать» и т. д.).

На основании экспертных оценок можно сделать вывод, что данный метод работы является эффективным. Вместе с взрослыми людьми, имеющими умственные ограничения, в данном театральном проекте участвуют студенты факультета психологии БГПУ им. М. Танка (Минск). Интегративный характер театральной группы помогает включить всех участников в творческий процесс. В такой группе удается расположить участников к взаимодействию друг с другом и руководителем, т. е. снять коммуникационный барьер, помочь поверить в свои способности. Это достигается путём поощрения инициативы (похвала) со стороны руководителя и студентов.

В ходе творческого процесса людям с ограничениями удастся не только реализовать свои способности, но и усвоить некоторые знания о правилах поведения в общественных местах посредством проигрывания разных социальных ролей героями спектакля. Люди с интеллектуальной недостаточностью нуждаются в медицинской, социальной, психологической поддержке со стороны общества и государства. Большая роль в этом отдается педагогическим методам работы, но мало внима-

ния уделяется эмоционально-личностной сфере человека с ограничениями, его способностям, потребностям. Интегративный театр является одним из методов разрешения данной проблемы. Взрослые люди с умственными ограничениями не хотят признавать деление на «здоровых» и «больных» людей. Поэтому главной психологической задачей в сопровождении данного контингента взрослых людей является выявление потребностей людей с ограничениями и пути их удовлетворения.

Сергеева А. С.

Толстов И. Е.

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПАРАМЕТРОВ ДИСКУРСА ОРГАНИЗАЦИИ

В современной практике системного исследования организации все большее распространение получают дискурсные подходы. Дискурс организации – это форма социальной практики (Van Dijk, 2001), создающая и создаваемая организационной реальностью (Heracleous, 2006), реализующаяся в процессе организационных интеракций и коммуникации. Целью нашего исследования было:

- 1) выявление и операционализация параметров дискурса организации;
- 2) анализ тематико-жанровой структуры дискурса организации.

Общее число респондентов, являющихся сотрудниками двух организаций разного типа, составило 83 человека, 48 из них являются сотрудниками машиностроительного предприятия, 35 – сотрудниками проектной организации IT-специалистов.

Для операционализации параметров дискурса организации мы разработали методику тематической карты и провели на ее основе анкетирование, направленное на выявление и анализ причин актуальности тех или иных тем; сравнение их между собой по заданным критериям. В ходе исследования мы операционализировали параметры дискурса организации следующим набором переменных:

- 1) экстенсивность;
- 2) интенсивность;
- 3) плотность;
- 4) формализованность каналов общения.

Именно эти переменные были положены в основу анкеты, необходимой для построения тематической карты. Важно отметить, что для составления анкеты необходимо осуществлять адаптацию тематической карты к исследуемой предметной области посредством предварительного проведения полуструктурированного интервью.

Анализ тематической карты включает в себя три основных этапа:

1. Выделяются категории обсуждаемой тематики (выделение категорий осуществляется экспертами предметной области).

2. Производится анализ параметров обсуждаемой тематики; сравнение тем между собой по плотности с целью выделения наиболее актуальной темы в организации.

3. Анализ параметров обсуждаемой тематики, сравнение респондентов между собой (экстенсивность взаимодействия респондента, интенсивность взаимодействия респондента).

В ходе анализа тематико-жанровой структуры дискурса организации нами было выделено три типа дискурса, в которые может включаться сотрудник: 1) профессиональный – дискурсы, базирующиеся на знаниях и опыте человека как специалиста и профессионала, возникающие при решении рабочих задач или при их обсуждении; 2) организационный дискурс – дискурсы, которые строятся вокруг тех или иных аспектов властных отношений внутри организации: управление, контроль, полномочия, а также на представлениях о прошлом и будущем организации, ее целях, ценностях, степени своего принятия или отторжения этих ценностей и т. д.; 3) личный – дискурсы, возникающие в организации, но не относящиеся ни к организационным, ни к профессиональным ролям коммуниканта.

Для проведения углубленного анализа дискурса организации мы обратились к таким характеристикам его типов, как «темы» и «жанры». Под темой дискурса понимается макроструктура, выводимая при помощи имплицитных макроправил из содержания дискурса и представлений об окружающем мире (Van Dijk, 1980). Под жанром дискурса понимается отдельный тип коммуникативного события, имеющего особые коммуникативные цели, опознаваемые теми, кто использует жанр, либо дискурсивным сообществом (людьми, включенными в данный дискурс) (Swales, 1990). Выделив те из характеристик коммуникации, которые относятся непосредственно к жанрам дискурса (поскольку дискурс в нашем понимании проявляется в коммуникации организации, но не сводится исключительно к ней), мы выделили следующие переменные, описывающие характеристики жанра дискурса:

- 1) степень формализованности сценария;
- 2) степень заданности ролей;
- 3) опосредованность общения;
- 4) констелляция участников.

Подводя итоги исследования можно сделать вывод о том, что нами были выявлены формализуемые характеристики дискурса организации, на основании которых можно проводить качественный анализ

дискурсивных практик, которые больше всего отражают актуальное состояние организации. Формализованные характеристики были представлены в виде анкеты – «тематической карты», которая была апробирована на материале двух контрастных организаций. Полученные данные показали, что этот метод позволяет выявлять проблемные дискурсы организаций, а также составить адекватное представление о типовых жанрах этих дискурсов и темах, которые в них возникают.

Склемина Д. М.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОБСТВЕННИКОВ И МЕНЕДЖЕРОВ

Авторы, исследующие особенности предпринимательской деятельности (Р. Кантильон, И. Тюнен, В. Зомбарт, М. Вебер, К. Г. Гинс, Й. Шумпетер, Л. Якокка, К. Татеиси, В. Е. Савченко, В. В. Томилов, А. Менегетти), сходятся в том, что предприниматель – это человек, который берет ресурсы: труд, энергию и другие активы и соединяет их в такие комбинации, которые увеличивают их первоначальную стоимость. При этом он осуществляет какие-то перемены, создает новый порядок деятельности. «Предпринимателя отличает особый склад ума, способность к синтезу и использованию своей интуиции в сфере рыночных взаимоотношений» (Менегетти, 2009).

Целью нашего исследования стало выявление тех психологических особенностей, которые по-разному или в разной степени проявляются у предпринимателей и менеджеров среднего звена, и если различия обнаружатся, дать психологическую интерпретацию обуславливающих их причин. Объектом исследования стали 20 успешных предпринимателей-собственников среднего бизнеса, проживающих на Урале, предприятия которых продолжили свое развитие, несмотря на спад в экономике в 2008–2009 г. (средний возраст 36,6 лет, из 12 мужчин и 8 женщин), и 20 менеджеров среднего звена (средний возраст 30,5, из них 9 мужчин и 11 женщин), которые работают на одном предприятии в должности руководителя подразделения более двух лет. В качестве инструментария исследования нами были выбраны следующие методики: методика свободного самоописания (эссе), опросник 16 PF Р. Кеттелла, самоактуализационный тест, тест Герцберга на определение мотиваторов человека, тест Forma Mentis на оценку образа мышления, опросник уровня субъективного контроля.

Контент-анализ текстов свободных самоописаний позволил выделить следующие психологические особенности предпринимателей:

- Развитая интуиция в сочетании со сформированными рефлексивными способностями. Большинство предпринимателей отмечали,

что при построении бизнеса они ориентировались на чутье, интуицию, при этом была замечена их склонность к самоанализу.

- Серьезное отношение к овладению техническими знаниями и навыками, актуальная потребность в получении профессиональных управленческих навыков.

- Выраженный интернальный локус ответственности.

- Тенденция рассматривать достижения собственной профессиональной деятельности через успешность функционирования компании на рынке.

- Явное доминирование ценностных установок, связанных с работой в сравнении с другими сферами жизни.

Сравнительный анализ выявил, что психологические профили предпринимателей и менеджеров имеют много общего, и при этом характеризуются рядом отличий: Предпринимателям свойственна в сфере личностных качеств: большая компетентность во времени, большая независимость, гибкость, спонтанность, самопринятие, принятие агрессии, большая контактность, познавательные потребности. Кроме того, у предпринимателей был отмечен высокий уровень креативности, абстрактного мышления, которые позволяют им создавать новые способы и формы бизнеса. В сфере образа мышления было выявлено, что предпринимателей отличает от менеджеров большая ответственность, инициатива, а также автономия. В сфере самосознания оказалось, что предприниматели-собственники в большей степени, чем менеджеры, считают, что большинство важных событий в их жизни есть результат их собственных действий. В сфере мотивации было выявлено, что ведущими мотивами в обеих группах выступают достижение успеха, а также содержание работы. Однако предпринимателей в большей степени, чем менеджеров, мотивирует ответственность работы.

Корреляционный анализ выявленных психологических особенностей предпринимателей позволил сделать следующие выводы. Предпринимательские особенности в меньшей степени связаны с социодемографическими параметрами. Чем в большей степени менеджер переходит от административной к коммерческой, предпринимательской деятельности – тем в большей степени у него развиваются установленные нами качества. Большинство обнаруженных предпринимательских качеств тесно коррелируют друг с другом. Это позволяет предположить, что если работать над развитием отдельных психологических качеств, положительно влияющих на предпринимательскую деятельность, то у человека будут развиваться и другие качества, благодаря которым он будет добиваться больших результатов в бизнесе и в жизни в целом.

Страхова Г. Г.

СФЕРА ПОТРЕБНОСТЕЙ И ВЛИЯНИЕ ИХ НА ТРУДОВУЮ МОТИВАЦИЮ ПРОДАВЦОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ

Мы исследовали факторы, влияющие на мотивацию продавцов-консультантов, работающих в крупных магазинах, специализирующихся на продаже товаров народного потребления. В 2008–2010 гг. нами было организовано исследование мотивационной сферы продавцов-консультантов на базе четырех крупных магазинов, торгующих товарами народного потребления. Предметом исследования стали потребности продавцов-консультантов, влияющие на их трудовую мотивацию, целью исследования – выявление основных факторов, влияющих на мотивацию продавцов-консультантов, длительное время работающих в сфере розничных продаж товарами народного потребления в крупных торговых центрах.

В основу исследования были положены следующие гипотезы:

– Преобладающими потребностями продавцов-консультантов, длительное время работающих в сфере розничной торговли, являются потребность в общении и потребность в стабильности.

– Введение системы премирования за объемы продаж оказывает незначительное влияние на рабочую мотивацию сотрудников, длительное время работающих в сфере розничной торговли.

Сформулированные цель и гипотезы, определили следующие задачи исследования – провести исследование мотивационной сферы продавцов-консультантов, используя следующие методики:

- методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса;
- методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса;
- Мотивация профессиональной деятельности, методика К. Замфир в модификации А. А. Реана;
- Разработанный нами опросник, направленный на выявление удовлетворенности работой у продавцов-консультантов.

Проанализировать, как изменились показатели уровней продаж и удовлетворенности работой у каждого продавца-консультанта после введения в компании системы мотивации, основанной на премировании за объемы продаж. Объем выборки составил 289 человек (менеджеры, старшие продавцы и продавцы) женского пола в возрасте от 19 до 54 лет, работающие в четырех крупных торговых центрах, специализирующихся на продаже товаров народного потребления и входящих в состав одной торговой компании. Из них опыт работы в компании: менее шести месяцев – 62 человека; от шести месяцев до двух лет –

58 человек; от двух до десяти лет – 97 человек; более десяти лет – 72 человека.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Опыт работы и возраст продавцов-консультантов положительно коррелируют с уровнем мотивации, направленной на избегание неудач (полученный индекс равен 364) и отрицательно коррелируют с показателем мотивации к успеху (индекс – 332). Результаты повторного тестирования после введения системы мотивации, направленной на премирование за объемы продаж, дали незначительные изменения: 380 и 354 соответственно. Выявлена положительная корреляция между опытом работы и внутренней мотивацией продавцов-консультантов, т. е. деятельность имеет значение сама по себе для продавцов, работающих длительное время в сфере торговли, при этом уровень внешней положительной мотивации отрицательно коррелирует с опытом работы и с возрастом (-432 и -436 соответственно). Влияние внешней отрицательной мотивации с возрастом немного уменьшается.

Результаты анкетирования показали, что в мотивационной сфере продавцов, длительное время работающих в розничной торговле, преобладают потребность в принадлежности – 214 человек, в общении – 198 человек, в стабильности и безопасности – 161 человек. Анализ показателей уровня продаж показал незначительное повышение объема продаж в начале внедрения системы мотивации, основанной на премировании за объемы продаж, однако через полгода уровень продаж опустился до показателей, которые были до введения этой системы мотивации. Удовлетворенность работой после введения системы мотивации, основанной на премировании за объемы продаж, незначительно увеличилась (4%) у продавцов, работающих в компании более десяти лет, при этом у продавцов-консультантов, работающих в компании меньше 0,5 года, удовлетворенность работой снизилась на 16%. Данное исследование позволяет расширить представления о природе трудовой мотивации продавцов-консультантов и факторах, влияющих на нее, дает возможность построения более эффективных систем мотивации.

Фролова Н. А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОТИВОВ

В работе исследовалась взаимосвязь типов организационной культуры с оценкой возможности реализации мотивов менеджеров по продажам. Для этого были проанализированы тип организационной культуры (существующий и предпочитаемый) и возможность реализации мотивов в сети магазинов крупной торговой компании, занимающейся продажей сантехники и товаров для дома. В процессе теоретиче-

ского анализа были рассмотрены основные теории мотивации, в частности теория ожиданий В. Врума.

Однако в рамках эмпирического исследования данная теория была рассмотрена с другой точки зрения. Освещены понятие, типы и характеристики организационной культуры. За основу взята типология Кима Камерона и Роберта Куинна. Исследования проведены с помощью методики В. И. Доминьяк. «Возможность реализации мотивов».

Оценка типа организационной культуры производилась с помощью методики К. Камерона и Р. Куинна «OCAI». Обработка результатов производилась с использованием методов математической статистики (описательная статистика: среднее, стандартное отклонение, минимальные значения, максимальные значения по результатам; Критерий Колмогорова-Смирнова – для проверки соответствия значений параметров нормальному распределению; критерий Н Краскала-Уоллеса – для сравнения более двух независимых выборок [мотивационного профиля и типов организационной культуры по трем магазинам]; коэффициент корреляции г-Спирмена – для проверки гипотез о взаимосвязи изучаемых явлений).

В результате исследования мы обнаружили, что в клановом типе организационной культуры сотрудники видят больше возможности реализации таких мотивов, как «стабильность, надежность», «азарт соревнования», «самореализация в профессиональной деятельности». То есть в тех компаниях, где преобладает ориентация на командные формы работы, на взаимодействие между коллегами, благоприятный психологический климат, сотрудники чувствуют себя более стабильно и надежно, видят больше возможностей для самореализации и готовы к конструктивному соревнованию, что может стать основой для разработки рейтинговой системы оценки эффективности сотрудников. При бюрократическом типе организационной культуры сотрудники видят меньше возможности реализовать мотив «удовлетворение от процесса деятельности» и больше возможности для реализации мотива «азарт соревнования». То есть в компаниях, где работой людей управляют процедуры, сотрудник не имеет возможности получать удовлетворение от процесса деятельности, но имеет почву для развития конкуренции. В адхократическом типе организационной культуры сотрудники видят больше возможности реализовать мотив «более полная самореализация в профессиональной деятельности». То есть при таком довольно гибком типе организационной культуры сотрудник видит возможности для творческого подхода к решению профессиональных задач, возможность провозводить разнообразные пути достижения цели.

Данная работа может быть полезной для службы персонала компании при разработке новой системы мотивации либо при коррек-

тировке уже имеющейся системы. Данные этого исследования помогают понять приоритеты сотрудников и их мнение по поводу различных параметров по продвижению и развитию организации, отражают их видение организационной культуры компании и то, что бы им хотелось видеть. Исследование может помочь выбрать нужное направление в стиле управления персоналом.

Хачатурова М. Р.

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА МЕНЕДЖЕРОВ И ЕЕ СВЯЗЬ С КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕМ В КОНФЛИКТЕ

Понятие «временная перспектива» стало широко употребляться благодаря работам Л. Фрэнка в 1939 г. при описании им жизненного пространства человека. Сбалансированная, устойчивая временная перспектива способна помочь личности лучше справиться с различного рода трудностями и сложными ситуациями, т. е. она влияет на тип совладающего поведения личности. В нашем исследовании в качестве трудной ситуации был выбран межличностный конфликт. Целью нашего исследования было изучение связи направленности временной перспективы менеджеров с выбором копинг-стратегий поведения в ситуации межличностных конфликтов.

Мы выдвинули следующие гипотезы.

1. Существуют значимые различия в направленности временной перспективы у управленцев различного звена: менеджеры высшего звена более ориентированы на будущее.

2. В ситуации межличностного конфликта:

а) управленцы с преобладанием временной перспективы, ориентированной на будущее, предпочитают когнитивные стратегии поведения;

б) управленцы с преобладанием временной перспективы, ориентированной на фаталистическое настоящее и негативное прошлое, предпочитают неадаптивные эмоциональные и поведенческие стратегии поведения.

Методики:

1. Методика Ф. Зимбардо на определения типа временной перспективы личности (в адаптации А. Сырцовой).

2. Методика на выявление типов копинг-стратегий поведения Э. Хайма. Участники исследования: 83 человека – 49 женщин и 34 мужчины, средний возраст – 29 лет. Респонденты, принявшие участие в исследовании, были разделены на три группы: менеджеры низшего звена (34 человека), среднего звена (28 человек) и высшего звена (21 человек).

Результаты. Полученные в исследовании результаты позволяют нам утверждать следующее. Среди менеджеров высшего звена наи-

большее количество респондентов, ориентированных на будущее (29%), среди управленцев среднего звена – респондентов, ориентированных на гедонистическое настоящее (27%), а среди менеджеров низшего звена в наибольшей степени представлены респонденты, ориентированные как на позитивное прошлое (30%), так и на фаталистическое настоящее (21%). Однако статистически значимые различия были найдены только между менеджерами высшего звена и двумя другими группами по направленности временной перспективы на будущее ($p = 0,03 < 0,05$).

Мы объясняем это тем, что человек, ориентированный на будущее, характеризуется организованностью, амбициозностью, наличием четких целей, которых он собирается добиться, умением пожертвовать сиюминутным удовольствием ради будущих результатов. Такие характеристики часто приводят личность к успеху, большим достижениям в карьере, более высокому управленческому статусу.

Перейдем к проверке других сформулированных в исследовании гипотез. В проведенном нами исследовании ориентация управленцев, направленная на будущее, значимо коррелирует с выбором адаптивных когнитивных стратегий и поведенческих стратегий (коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,401$ и $r = 0,397$ соответственно при уровне значимости $p < 0,05$). Таким образом, такие люди в ситуации конфликта используют стратегии когнитивного анализа произошедшего, стараются понять причины конфликта. Они прибегают к сотрудничеству с другими людьми для эффективного разрешения возникшей трудной ситуации, при этом думая о последствиях принимаемых ими решений, в том числе и о том, как принимаемое решение скажется на будущих отношениях с оппонентом. Значимых корреляций направленности временной перспективы управленцев на фаталистическое настоящее с выбором копинг-стратегий поведения в проведенном исследовании найти не удалось. Направленность же человека на негативное прошлое значимо коррелирует с выбором неадаптивных эмоциональных стратегий (коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,351$ при уровне значимости $p < 0,05$). Такой человек, уже имея какой-то негативный опыт взаимодействия в конфликте, в новой ситуации старается уйти от решения конфликта, подавляя в себе негативные эмоции или же, наоборот, ярко реагируя через открытую агрессию или рыдания и т. д.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что управленцы, ориентированные на будущее, в ситуации конфликта прибегают к когнитивным и поведенческим копинг-стратегиям, а управленцы, ориентированные на негативное прошлое – к неадаптивным эмоциональным стратегиям. Полученные результаты могут быть положены в основу социально-психологического тренинга для сотрудников организаций.

Чикурова Е. И.

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ ПРОГРАММИСТОВ

За последние 30 лет сформировалось множество профессиональных сообществ, связанных с созданием и обслуживанием информационных технологий (мобильных устройств, компьютеров, сети Интернет и т. д.). Одним из таких сообществ стали программисты, занимающиеся разработкой программного обеспечения для программируемых устройств. К настоящему времени нет широко распространенных и всеми признанных специализированных или универсальных тестов интеллекта, которые бы надежно диагностировали способности к программированию или эффективность будущей деятельности в качестве программиста.

Определенные качества, такие как гибкость и критичность мыслительной деятельности или способности к абстрагированию реально необходимы программисту, однако степень необходимости может сильно различаться. Это зависит от различных этапов работы программиста (анализ задачи, составление блок-схемы, разбиение на модули, кодирование, отладка, стыковка модулей, документирование, сопровождение и т. п.), когда необходимость в вышеперечисленных качествах проявляется в большей или меньшей степени.

Кроме того, недостаток необходимых на первый взгляд качеств может без труда компенсироваться изобилием других. Профессор социологии и психологии Массачусетского технологического института Ш. Текл среди всех интеллектуальных особенностей программистов выделял полнезависимый когнитивный стиль. Он проводил исследование на выявление параметра зависимости или независимости от «поля» в группе программистов. Полнезависимые субъекты, по данным Ш. Текл, встречаются среди программистов чаще, чем полезависимые (Turkle S., 1995).

В рамках данной работы проводится подобное исследование доминирования полнезависимого стиля поведения над полезависимым в среде программистов. В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет, занимающие должность программиста в различных частных компаниях и государственных организациях г. Томска. Общий объем выборки составил 35 человек. Было проведено психодиагностическое исследование с применением методики «Фигуры Готтшальдта». Все полученные данные были организованы в базу данных и обработаны статистически («Statistica»). Согласно М. А. Холодной, полнезависимый человек в большей степени, чем его зависимый от поля антипод, опирается на внутренние ощущения, собственные эталоны поведения и поставленные перед самим собой цели; полезависи-

мый человек, обладая собственными программами поведения, все же в значительной степени подвержен влиянию и давлению внешней среды.

Полезависимость понимается как «умение преодолевать видимое поле и структурировать его», «дифференцировать, расчленять ситуацию, ... выделять отдельные элементы», как «жлонность детализировать и дифференцировать свои познавательные впечатления, ориентируясь при этом именно на релевантные элементы воспринимаемого материала» (Холодная М. А., 2004). Полезависимость означает, что «все элементы видимого поля оказываются жестко связанными, детали переживаются как трудно отделимые от их пространственного "фона"» (Холодная М. А., 2004).

Полезависимые люди в значительно большей степени, чем полнезависимые, ориентируются на социальные стимулы, ценят добрые отношения с окружающими, «предпочитают занятия, которые предполагают контакт с людьми». Имеется, однако, целый ряд полученных отечественными и зарубежными психологами данных о возможной мобильности когнитивного стиля: полнезависимым субъектам удастся временами действовать и в манере полнезависимых, а полнезависимым людям также бывает присуща определенная мобильность, и они в ряде ситуаций способны действовать как полнезависимые.

Гипотеза, согласно которой среди программистов чаще встречаются люди с полнезависимым стилем поведения, чем с полнезависимым, подтвердилась. И наши данные, полученные на исследовании программистов г. Томска, подтверждают данные Ш. Текла на исследовании программистов США. В нашей выборке $Q1 = 2,9$, а $Q3 = 3,7$, $M = 3,587$ (при пороге полнезависимых показателей более 2,5). Это говорит о том, что для респондентов в большей степени характерен полнезависимый стиль поведения, однако многие из них могут быть гибкими в выборе своего когнитивного стиля (ПЗ/ПНЗ). Работодатели оценивают как положительный фактор возможность смены стиля мышления, так как это позволяет работнику быть продуктивным на разных этапах создания программы. Однако чаще всего в деятельности программиста оказывается необходимым именно полнезависимый стиль поведения, который продемонстрировали респонденты.

Шестиловская Н. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из этапов организационного консультирования является этап предварительной диагностики в организации, от правильности проведения которого без преувеличения зависит успешность и эффективность взаимодействия организационного консультанта и организа-

ции-клиента, а также внедрения необходимых изменений. Чтобы иметь возможность начать выполнять задание, консультант должен точно знать, что ожидает от него руководство организации. Поэтому во время первых встреч консультант побуждает руководство организации говорить как можно больше о своем личном восприятии проблемы, которую нужно разрешить. Консультанту необходимо добиться доверия руководства, чтобы оно воспринимало его как компетентного и профессионального специалиста, тогда консультант сможет провести диагностику детально и максимально объективно, имея доступ ко всем важным для него источникам информации.

Следующие важные вопросы необходимо обсудить при принятии решения провести предварительную диагностику:

1. Какими полномочиями будет обладать консультант на время проведения диагностики. Если руководство организации обещает, что «когда начнете, на месте разберемся», это уже неправильный подход к началу сотрудничества.

2. Предоставление консультанту нужных документов и информации. Хороший консультант сразу должен убедить руководство организации в том, что любые сведения нужны исключительно для более точной работы, а не для того, чтобы выведать тайны.

3. С кем должен контактировать консультант и кого ему еще необходимо увидеть, по мнению руководства.

4. В качестве кого руководитель будет представлять консультанта, и какие цели посещения он представит сотрудникам организации. Это очень важный вопрос, поскольку от этого будет зависеть мотивация персонала.

5. Проводилась ли когда-либо ранее диагностика или другие мероприятия подобного характера, какое отношение сотрудников было тогда, и какое осталось впечатление; что нужно преодолеть, чтобы диагностика прошла успешно.

6. Как представить итоговый отчет по диагностике руководству организации, какие сведения включить дополнительно. Ответственность за проведение диагностики, так как и дальнейшая работа по проведению организационных изменений лежит не только на консультанте, но и на организации-клиенте, поэтому своевременное информирование и создание достаточного уровня мотивации зависит от руководства и менеджера по работе с персоналом организации в той же степени, как и от консультанта.

Предварительная диагностика ограничивается быстрым сбором и анализом существенной информации, ее цель – не предложить меры для решения проблемы, а определить и запланировать нужное для этого консультативное задание.

Следующие факторы могут усложнить процесс предварительной диагностики в организации:

1. Отсутствие некоторого количества сотрудников на рабочих местах (отпуск, больничный лист, специфический характер работы и т. д.).
2. Большая загруженность рабочими вопросами сотрудников организации (непрерывный и сложный рабочий процесс).
3. Недостаточная информированность всех сотрудников организации о проведении диагностики (требует индивидуального разъяснения целей анкетирования или создает дополнительные проблемы при ответах на вопросы, что прерывает планомерность процесса и занимает лишнее время).
4. Нежелание точно или старательно отвечать на вопросы анкеты.
5. Социально желательные ответы из-за боязни или желания угодить руководству.
6. Негативная психологическая атмосфера в организации.

После проведения процедур диагностики руководству организации предоставляется письменный отчет, включающий полное описание ее результатов, конкретный пошаговый план действий, рекомендации. На основании отчета руководство организации и консультант обсуждают дальнейшее сотрудничество и разрабатывают стратегию необходимых изменений в организации.

Социальная психология

Абитов И. Р.

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Современный мир предъявляет высокие требования к компенсаторным механизмам психики человека. Большое количество информации, высокий темп жизни, изменяющиеся социально-экономические условия приводят к необходимости развития механизмов преодоления стресса, предвосхищения возможных стрессовых ситуаций и снятия напряжения, возникшего под влиянием стрессовых ситуаций. Профессиональная деятельность является одним из главных «поставщиков» стресса в жизни человека. Одними из наиболее стрессогенных являются профессии, характеризующиеся большим количеством взаимодействий и высоким уровнем ответственности. К таким профессиям относится профессия психолога. Специализация в области медицинской психологии связана с частыми контактами с людьми, страдающими различными психическими расстройствами, участием в диагностической и психотерапевтической работе с данной категорией клиентов. Это приводит к повышению уровня профессионального стресса и возникновению риска дезадаптации.

Исходя из вышеизложенного, представляется актуальным исследование совладающего поведения у студентов-психологов, обучающихся на пятом курсе и готовящихся начать профессиональную деятельность, и курсантов, проходящих подготовку по специальности «медицинская психология», большинство из которых уже работают в системе «человек–человек». В исследовании участвовала группа курсантов, проходящих переподготовку по специальности «медицинская психология», состоящая из 51 респондента женского пола и группа студентов-психологов 5 курса, состоящая из 17 респондентов (13 респондентов женского пола и 4 – мужского).

При проведении исследования использовались следующие методики:

- 1) методика «индекс жизненного стиля» Р. Плутчика;
- 2) методика «опросник способов совладания» (Р. Лазарус, адаптация Т. Л. Крюковой);
- 3) тест антиципационной состоятельности (В. Д. Менделевич).

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Курсанты, обучающиеся по специальности «медицинская психология», отличаются более частым использованием просоциальной

копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» и более высоким развитием временной составляющей прогностической компетентности.

2. Студенты-психологи чаще прибегают к использованию механизмов психологической защиты «регрессия», «компенсация», «проекция» и «замещение», а также чаще используют конфронтативный копинг.

3. Совладающее поведение курсантов, проходящих обучение по специальности «медицинская психология», характеризуется высокой адаптивностью и протекает с опорой на просоциальные копинг-стратегии, отличается большей согласованностью между отдельными копинг-стратегиями, а также копинг-стратегиями и механизмами психологической защиты. Механизмы психологической защиты и копинг-стратегии в данной группе испытуемых компенсируют недоработки друг друга.

4. Совладающее поведение студентов-психологов пятого курса характеризуется низкой адаптивностью и протекает с опорой на примитивные защитные механизмы «регрессия» и «замещение», отличается низкой согласованностью между механизмами психологической защиты и копинг-стратегиями. Существуют реципрокные (взаимоисключающие) взаимодействия между механизмами антиципации и психологической защиты в данной группе испытуемых.

Акульчик А. Д.

АТРИБУТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УЧЕБНЫХ ГРУППАХ

В настоящее время проблема атрибутирования занимает важное место в процессе взаимодействия людей в обществе. Государства все больше стремятся наладить связи с другими странами. В Беларусь с каждым годом все больше и больше приезжает иностранных студентов, в том числе и представителей Восточной Азии. Увеличение количества иностранных студентов сопровождается рядом сложностей, которые обусловлены коммуникативными и языковыми барьерами. Среди факторов, осложняющих межгрупповое взаимодействие, анализируются закономерности атрибутивных процессов. Ибо объяснение причин одними людьми может определить их поведение по отношению к представителям других социальных групп. Особенности объяснения белорусскими студентами поведения студентов из Китая стали предметом проведенного эмпирического исследования.

В исследовании приняли участие 90 студентов, из которых 30 респондентов имеют опыт общения с иностранными студентами (обучение в одной группе, проживание в общежитии), 30 респондентов такого опыта не имеет, еще 30 студентов составили контрольную груп-

пу. Для сбора данных использовалась анкета, предназначенная для выявления причинного объяснения поведения.

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы. В отличие от объяснения поведения членов своей группы при объяснении белорусскими студентами неблагоприятных ситуаций, в которых оказываются студенты из Китая (конфликты, проблемы с учебой и т. д.), чаще используются ситуационные ($p = 0,001$) и личностные атрибуции ($p = 0,05$), т. е. причины неудач и конфликтов белорусские студенты приписывают самим студентам из Китая, их индивидуальным особенностям, а также сложившимся обстоятельствам. Несколько иная ситуация наблюдается с объяснением благоприятных ситуаций. В объяснении белорусскими студентами успехов иностранных студентов в учебной, научной и других сферах активности преобладают обстоятельственные атрибуции ($p = 0,005$), причины приписываются ситуации в целом, сложившимся обстоятельствам.

Данные результаты позволяют обнаружить предельную ошибку атрибуции, описанную Т. Петтигру: при объяснении негативного поведения аутгруппы используются диспозиционные атрибуции в большей степени, чем при объяснении такого же поведения членов ингруппы; при объяснении положительных действий членов аутгруппы используются внешние причинные факторы (случайность, исключение, наличие преимуществ, обстоятельства и др). Полученные результаты позволили выявить различия в объяснении белорусскими студентами поведения студентов из Китая в зависимости от наличия опыта общения с ними. Студенты, которые обучаются вместе со студентами из Китая в одной учебной группе, объясняют поведение последних, используя преимущественно личностные и объектные (стимульные) атрибуции ($p \leq 0,042$). Студенты, которые проживают вместе с иностранными студентами в одном общежитии, объясняют поведение студентов из Китая посредством объектного атрибутирования ($p = 0,015$). Наличие опыта общения с иностранными студентами вне общежития или учебной группы сопряжено с преобладанием объектного атрибутирования ($p = 0,001$). Причем при объяснении неблагоприятных ситуаций, в которых оказываются иностранные студенты, а также их успехов и неудач в учебной деятельности вместе с объектным используется обстоятельственное объяснение ($p \leq 0,025$); при интерпретации внеучебных ситуаций применяются личностная и обстоятельственная атрибуции ($p \leq 0,042$).

Таким образом, межгрупповые контакты с иностранными студентами позволяют отчасти преодолеть описанную ранее предельную ошибку атрибуции. Полученные результаты можно соотнести с гипотезой контакта, предложенной Г. Олпортом, которая гласит, что непосредственное общение между членами разных социальных групп спо-

способствует улучшению межгрупповых отношений. Преобладание объектных (стимульных) атрибуций можно объяснить наличием опыта общения с иностранными студентами. Благодаря общению отношения с иностранными студентами становятся более доброжелательными, а причины поведения в конкретной ситуации видятся не в личности иностранного студента, а в объекте, на который направлено действие. Из всего вышесказанного следует, что необходимо уделять больше внимания организации учебного сотрудничества в смешанных студенческих группах.

Батенько И. С.

Довгая Ю. Л.

ДИНАМИКА МОТИВОВ ПОСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ПСИХОЛОГИЯ»

Изменение места и значения человека в современных социально-экономических условиях делает все более актуальной проблему профессионализации. Первым важнейшим процессом профессионализации является профессиональное определение, выбор профессии, т. е. распределение по различным сферам трудовой деятельности. Добровольно выбранный, а не навязанный обстоятельствами вид труда превращает профессии и специальности в деятельность, полезную как для самого человека, так и для общества. Изучением вопросов, связанных с профессиональной ориентацией, особенностями выбора профессии, профессиональной подготовки, профессиональной адаптации занимались и занимаются такие психологи, как Е. А. Климов, Э. Ф. Зеер, Н. С. Пряжников, Л. Б. Шнейдер и др. В связи с ростом популярности среди абитуриентов и востребованности в обществе профессии «психолог» актуальным видится изучение мотивации студентов-первокурсников, обучающихся на специальности «Психология».

Мотивы, определяющие преобладание интереса к тому или иному предмету, многообразны. В основном они сводятся к следующим:

1. Непосредственный интерес к самому содержанию предмета, к тому содержанию действительности, которое в нем отражается. Этот интерес к самому предмету бывает в некоторых случаях настолько сильным и стойким, что учащийся оказывается в состоянии отделить самый предмет, его интересующий, от неинтересного его преподавания.
2. Интерес вызывает характер той умственной деятельности, которой требует предмет.
3. В некоторых случаях интерес вызывается или подкрепляется соответствием склонностей человека, а также тем, что данные дисциплины ему хорошо даются (Епифанова С., 2000).

С целью изучения динамики мотивов поступления на специальность «Психология» было проведено исследование на базе факультета социальной педагогики и психологии УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова». В экспериментальных срезах приняли участие студенты-первокурсники набора 2008 г., 2009 г. и 2010 г. Выборка составила 110 человек. Студентам первого курса предлагалось написать эссе на тему: «Почему вы выбрали профессию психолога?» по заданному плану: С чем связан Ваш выбор профессии психолога? Какими потребностями обусловлен Ваш выбор? Какое влияние может оказать обучение на Вашу жизнь? Каковы Ваши жизненные ценности? Какие надежды и ожидания Вы связываете с обучением в университете? Как Вы представляете себе свое будущее после обучения?

Данные, полученные в результате письменных ответов студентов, обрабатывались с помощью контент-анализа. В качестве единиц анализа выступали мотивы поступления на специальность «Психология». Подсчет частоты упоминания категорий – сплошной, терминологический. В результате проведенного анализа были выделены основные мотивы поступления на специальность «Психология» по годам поступления. Можно сделать вывод о том, что у студентов набора 2008 г. и 2009 г. доминирующей является гуманитарно-альтруистическая направленность: желание помогать людям в решении их жизненных проблем (у 58% респондентов в 2008 г. и у 60% – в 2009 г.). У первокурсников набора 2010 г. преобладает ориентация на приобретение профессии, соответствующей интересам (50%). Менее популярны такие мотивы, как желание разобраться в себе (у студентов 2008 г. – 24%; 2009 г. – 21%; 2010 г. – 17,8%), желание получить жизненный опыт, желание стать высококвалифицированным специалистом.

Мотивы поступления на специальность «Психология» были проранжированы. Как показывают результаты ранжирования, первое и второе место у студентов-первокурсников занимают желание помогать людям и приобрести профессию, соответствующую личным интересам. Далее выявляются некоторые различия по годам обучения: в 2008–2009 учебном году на третьем месте желание разобраться в себе, а у студентов 2009–2010 и 2010–2011 учебных годов – желание стать высококвалифицированным специалистом (притязание на достаточно высокий уровень овладения профессией). Интересен и тот факт, что актуальность профессии «психолог» на четвертом месте у первокурсников 2008–2009 учебного года, на пятом – 2010–2011 учебного года и на шестом – 2009–2010 учебного года.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для студентов, обучающихся по специальности «Психология», актуальны такие мотивы

вы, как желание стать высококвалифицированным специалистом, помогать людям, получить необходимый жизненный опыт и т.д.

Баянова Л. Ф.

Галеев Д. Р.

Массаров Б. Н.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ПРИ РАЗНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Ценностно-смысловая сфера личности определяется как система, формирующая смыслы и цели жизнедеятельности человека и регулирующая способы их достижения (Леонтьев Д. А., 1993). В психологии используются два понятия: «ценности» и «ценностные ориентации». При всем сходстве значения указанных понятий ряд авторов отмечает их различие (Б. С. Алишев, В. А. Ядов, Г. А. Мелекесов). В западной психологии эти понятия также имеют различия в значениях. Так, Г. К. Триандис определяет ценности в качестве принципов, организующих жизнь человека, а ценностные ориентации отнесены им к представлениям о желаемом в организации жизнедеятельности (Triandis H. C., 1980). Особую актуальность для современной психологии приобретает изучение культурных различий в выраженности тех или иных ценностей. Клакхон и Стродтбек выявили, к примеру, факторы, определяющие ценностную сферу той или иной культуры (Kluckhohn P., Strodtbeck F., 1961). Культурные ценности представляют собой такие ценностные образования, по показателям которых обнаруживаются культурные различия, что эмпирически выявлено С. Шварцем в исследованиях в тридцати странах мира (Schwartz, 1992).

Целью нашего исследования стало изучение культурных ценностей при различной направленности личности. Ценности занимают промежуточную позицию между ценностно-смысловой и мотивационной сферами личности, поэтому теоретически целесообразна постановка гипотезы о том, что ценности определяются спецификой направленности личности. В нашем исследовании мы рассмотрели три типа направленности личности: направленность на общение, направленность на себя, направленность на результат. Изначально мы предположили, что указанные типы направленности как основного конструкта в структуре личности будут определять характер культурных ценностей.

В ходе проведения диагностических процедур были использованы методики на изучение ценностно-смысловой сферы личности и на выявление направленности личности. Ценностная сфера личности исследовалась, с помощью опросника ценностей Шварца (Schwartz, 1992), адаптированного В. Н. Карандашевым (Карандашев В. Н., 2004). Данная методика позволяет выявить выраженность показателей семи

ценностей культуры: включенности, иерархии, овладения, аффективной автономии, интеллектуальной автономии, равенства, гармонии.

В исследовании принимали участие 81 респондент в возрасте от 18 до 22 лет. Выборка в соответствии с целью исследования была распределена следующим образом: I группа – испытуемые с типом направленности на себя (43%), II группа – испытуемые с типом направленности на общение (35%), III группа – испытуемые с типом направленности на результат (22%). В результате факторного анализа в I группе были выделены три фактора. Первый фактор включает в себя такие ценности, как овладение, аффективная автономия, интеллектуальная автономия. Вторым фактором: включенность, равенство, гармония. Третьим фактором: иерархия. Во II группе выделены также три фактора. Первый фактор: включенность, интеллектуальная автономия, гармония, равенство. Вторым фактором: овладение, аффективная автономия. Третьим фактором: иерархия. В III группе выделено два фактора. Первый фактор: включенность, интеллектуальная автономия, равенство, гармония. Вторым фактором: иерархия, аффективная автономия, овладение.

Сравнение факторов в группе с направленностью на общение и на результат показал наличие общих факторов для данных выборок. Так, один из факторов объединяет следующие ценности: включенность, интеллектуальную автономию, гармонию, равенство. Это объясняется интегрированностью культурных ценностей, связанных с социальной адаптацией. Подобный фактор не образован в выборке с направленностью на себя, поскольку эгоцентризм снижает социальную адаптацию. Культурная ценность иерархии интегрирована в фактор с культурными ценностями овладения и аффективной автономии лишь в выборке типа направленности на результат, что объяснимо приверженностью личностей этой направленности на дело в большей степени, чем на взаимодействие с другими. Культурная ценность иерархии в качестве обособленного фактора выступает в двух выборках с типом направленности на себя и на общение. Это мы объясняем тем, что иерархия связана с регулированием поведения человека в системе отношений. Для личностей с направленностью на результат иерархия связана в один фактор с аффективной автономией и овладением. Таким образом, культурные ценности имеют различный характер связей в зависимости от направленности личности.

Баянова Л. Ф.

Багаева М. Н.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В рамках кросс-культурных исследований в западной психологии вслед за антропологами 50-х годов психологи предприняли попытки поиска культурных универсалий – общих для всех культур тем, касающихся «ядерного» образования культуры – ценностей. Эти универсалии Ховстедте назвал «культурными измерениями» (Hofstede G., 1991). В качестве предмета исследования культурных измерений Триандисом также называются ценности (Triandis H. S., 1980). Особый интерес изучение культурных ценностей приобретает в связи с исследованием этнического контекста. Культурные ценности представляют собой такие ценностные образования, по показателям которых обнаруживаются культурные различия, что эмпирически выявлено С. Шварцем в исследованиях в тридцати странах мира (Schwartz, 1992).

Целью нашего исследования стало выявление характера связи культурных ценностей в группе с позитивной этнической идентичностью. Сама постановка цели исследования подразумевает научный интерес не к представителям того или иного этноса, а изучение ценностной сферы личности в зависимости от степени ее этнической идентификации. Концептуально такая постановка цели означает, условно выражаясь, исследование не «по горизонтали», когда сравниваются ценности разных этнических групп, а «по вертикали», когда анализируются ценности в зависимости от степени этнической идентичности. Этот принципиальный момент связан с тем, что мы оцениваем этнос как универсальный культурный конструкт, принадлежность к которому осуществляет человек как субъект взаимодействия с культурой.

Для определения этнической идентичности нами использована методика Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой (Солдатова Г. У., Рыжова С. В., 1994), для определения культурных ценностей – методика Шварца в адаптации Карандашева В. Н. (Карандашев В. Н., 2004). В эмпирическую выборку вошли 81 участник в возрасте от 17 до 20 лет, из которых выявлены две группы по этнической идентичности – этнически индифферентные (11 человек) и с позитивной этнической идентичностью (70 человек). Проявлений других типов идентичности в обследованной группе не выявлено, что, на наш взгляд, является показателем общей тенденции распределения типов этнической идентичности.

Анализ интересующих нас факторов проявления культурных ценностей в ценностно-смысловой сфере мы произвели в группе с позитивной этнической идентичностью. Центральным звеном нашего исследова-

дования является изучение соотношения и взаимосвязи этнической идентичности человека с его культурными ценностями – основным элементом, характеризующим культуру (Карандашев В. Н., 2004). Ценности же в свою очередь описывают те представления, с которыми люди определенной общности связывают хорошее и желательное в культуре, т. е. выражают культурные идеалы.

Корреляционный анализ выявил наличие определенных взаимосвязей. В группе с позитивной этнической идентичностью обнаружены взаимосвязи ценностей и типа этнической идентичности с прямой и положительной направленностью (т. е. чем выше один показатель, тем выше другой, и наоборот). В соответствии с концепцией С. Шварца и В. Билски, ценности входят в два блока – самоопределение–самовозвышение и сохранение–открытость изменениям. Данные авторы выделили определенные противоречия между ценностями:

1. Ценности сохранения (безопасность, конформность) противостоят ценностям изменения (стимуляции).

2. Ценности самоопределения – отказа от собственных интересов в пользу других людей (доброта, универсализм) противостоят ценностям самовозвышения, акцентирующим собственные интересы (гедонизм).

В группе с позитивной этнической идентичностью преобладают личностные ценности, направленные на ограничение действий и побуждений, причиняющих вред другим (конформность, $r = 0,25$), потребность в адаптированности и предсказуемости мира, снижении неопределенности (безопасность, $r = 0,23$), понимание, благодарность, терпимость и поддержание благополучия всех людей и природы (универсализм, $r = 0,34$).

Таким образом, исследование обнаруживает, что для людей с позитивной этнической идентичностью характерна следующая тенденция: чем больше развиты ценности сохранения и самоопределения, тем ярче проявляется оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам.

Бежина Х. В.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, СТРАДАЮЩИХ БЕСПЛОДИЕМ

Бесплодие относится к числу тех патологических состояний, которые могут существенно влиять на психоэмоциональный статус, вызывают состояние хронического стресса, изменяющее не в лучшую сторону не только эмоциональные, но и рефлексивные характеристики социальной идентичности женщин. Если рассматривать бесплодие не только как ситуацию соматической болезни, но и как кризисную ситуа-

цию развития личности женщины, как ситуацию кризиса социальной идентичности, то становится очевидной необходимостью изучения эмоциональных и рефлексивных характеристик идентичности женщин с нарушением репродуктивной функции. В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что бесплодия оказывает негативное влияние на эмоциональные и рефлексивные характеристики идентичности женщин.

Исследование проводилось в 2006–2008 гг. на базе Областного перинатального центра г. Курска. В качестве испытуемых выступили две группы женщин: 80 женщин, страдающих бесплодием, и 30 женщин без патологии. В качестве измерительного инструментария нами использованы следующие методики: структурированное интервью, методика исследования жизненного пути личности «линия жизни» в варианте, разрабатываемом Т. Д. Василенко, восьмицветовой тест М. Люшера, методика определения уровня развития рефлексивности А. В. Карпова, тест «саморефлексия телесного потенциала» В. А. Ложкина, Ю. Р. Рождественского. Для статистического анализа результатов исследования мы использовали U-критерий Манна-Уитни с уровнем статистической значимости менее 0,05. Все расчеты проводились с применением пакета статистических программ STATISTICA 6.0.

Благодаря проведенному исследованию были получены результаты и сделаны соответствующие выводы. В ситуации бесплодия показатель отклонения от аутогенной нормы, по тесту М. Люшера, выше, нежели у нормы, т. е. отмечается повышенная тревожность, сниженное настроение и общее негативное самочувствие человека. Данное негативное состояние выступает общим отрицательным фоном для формирования изменений в психологических аспектах социальной идентичности женщин, страдающих бесплодием. Тест «саморефлексия телесного потенциала» В. А. Ложкина, Ю. Р. Рождественского показал повышение саморефлексии телесного потенциала, как одного из видов рефлексивных процессов, специфичного в изменении физического функционирования человека, что отражает центрированность на восприятии состояния своего организма. Повышение саморефлексии телесной сферы формирует специфичную идентичность женщины, важным аспектом которой является центрация на телесных ощущениях. По результатам методики определения уровня развития рефлексивности А. В. Карпова в группе женщин, страдающих бесплодием, рефлексивность в целом, в традиционном ее понимании, как процесса осознания личностного содержания собственных переживаний, резко снижена. Невозможность рефлексии и осмысления самой ситуации бесплодия, фрустрация реализации материнской роли женщиной приводит к негативной оценке на-

стоящего этапа жизни во временном измерении социальной идентичности.

Методика «линия жизни» показала, что удельный вес прошлых событий значительно больше в группе женщин, лечившихся от бесплодия, что говорит о значительной обращенности в прошлое. Эмоциональная сфера характеризуется наличием тенденций к повышенной тревожности, снижению настроению, нестабильности эмоциональных реакций. Рефлексивные процессы направлены на телесную сферу, вокруг которой центрируется большинство смыслов, при этом все остальные сферы личного и социального бытия не рефлексивируются и не осмысливаются, что делает рефлексивные процессы однонаправленными, формируя узкие, специфичные для телесной сферы переживания. Прошлое и будущее воспринимаются как бессмысленные этапы жизненного пути, не несущие в себе позитивных смыслов. Настоящий этап жизни, как интегративный показатель временной перспективы, оценивается крайне негативно, что отражает сложность жизненной ситуации женщин в ситуации бесплодия.

Результаты проведенного исследования дают возможность очертить проблемное поле личностного реагирования на ситуацию бесплодия у женщин. Мы можем обоснованно говорить о необходимости психокоррекционного воздействия на эмоциональную и рефлексивную сферу женщин, осуществляя выбранное направление психокоррекции на всех этапах обращения беременных женщин за медицинской и психологической помощью.

Бордюг Е. И.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН, ЖЕСТОКО ОБРАЩАЮЩИХСЯ СО СВОИМИ ДЕТЬМИ

Жестокое отношение к детям сегодня превратилось в обычное явление (на учете в органах Министерства внутренних дел Украины за жестокое обращение с детьми находятся свыше 80 тыс. семей). До 10% жертв насилия гибнет, у других появляются отклонения в физическом, психическом развитии, в эмоциональной сфере. В связи с этим поставленный вопрос приобретает серьезное социальное и общечеловеческое значение. Большинство исследователей проблемы неврозов считают, что деструктивный стиль отношения родителей к ребенку ведет к возникновению аномалий формирования личности в детском возрасте (Захаров А. И., 1998). В работах зарубежных авторов также можно найти подтверждение того, какую огромную роль играет родительское отношение в возникновении нарушений и отклонений психического развития ребенка (Адлер А., 1928).

В связи с вышеперечисленным, целью исследования является выявить особенности эмоциональной сферы матерей, жестоко обращающихся со своими детьми. Объект исследования – эмоциональная сфера женщин. Предмет исследования – особенности эмоциональной сферы матерей, которые жестоко ведут себя со своими детьми. Согласно поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать литературу по исследуемой проблематике.
2. Выявить матерей, с жестоким обращением с детьми.
3. Установить эмоциональную направленность матерей, жестоко обращающихся со своими детьми.
4. Изучить интегративный уровень эмоционального интеллекта и уровни парциального эмоционального интеллекта матерей, жестоко обращающихся со своими детьми.
5. Исследовать особенности личностной идентичности женщин, жестоко обращающихся со своими детьми.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы:

- Тест-анкета «эмоциональная направленность» (Б. И. Додонов).
- Диагностика "эмоционального интеллекта" (Н. Холл).
- Тест «Кто Я?» (Г. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т. В. Румянцевой).

Для статистической обработки данных использовались следующие методы: описательная статистика, t-критерий для независимых выборок, критерий равенства дисперсий Левина, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В исследовании приняли участие 58 женщин, в возрасте от 25 до 45 лет, которые проживают в городе, работают и имеют высшее образование. Они были разделены на две группы: женщины, которые жестоко ведут себя со своими детьми (группа была выделена на основании данных Управления по делам детей Харьковского городского совета) и женщины, которые воспитывают своих детей условно благополучно.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Эмоциональная направленность женщин, которые характеризуются жестоким обращением со своими детьми, имеет гедонистическую и глористическую специфику. Совсем неприсущи для них эмоциональная потребность в гармонии с окружающим миром и успешности в своей деятельности.
2. Женщины с жестоким обращением с детьми имеют низкий уровень эмоционального интеллекта, а также таких его компонентов,

как эмоциональная информированность, управление эмоциями, эмпатия и распознавание эмоций других людей.

3. Идентичность женщин, которые жестоко ведут себя со своими детьми, имеет ряд своих специфических особенностей: у них неадекватная самооценка, которая свидетельствует о нереалистичной оценке себя, снижении критичности относительно своих действий. Характерная особенность идентичности женщин, которые жестоко обращаются со своими детьми, есть неосознанность своей уникальности, своей неповторимости и ценности. Доминирующую позицию в системе разных компонентов идентичности и характеристик сфер жизни занимают сексуальные роли, как модели обращения, которые они сами выбирают, роли коммуникативной направленности, как субъекта общения и семейные роли, но не роль «матери».

Нам удалось выявить закономерности, с помощью которых возможно снизить жестокое обращение с детьми, частоту его применения или его влияние на ребенка. Изменения к лучшему возможны при условии работы с женщинами, в ходе которой будет происходить развитие эмоциональной компетентности и эмоционального интеллекта, которые являются необходимым условием психологического здоровья личности и ее эффективности в межличностном взаимодействии. Развитие способности этих женщин к сопереживанию, к пониманию состояний и чувств другого человека, умения идентифицировать себя с другим человеком, вызовут рост осмысленности действий этих женщин, их активность и все большее развитие эмоциональности.

Борисов Р. В.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Россия – страна со сложным этническим и религиозным составом населения. Практически в каждом регионе нашей страны мирно проживают представители самых различных этносов и вероисповеданий. Одной из самых взрывоопасных точек страны с позиции проблемы национализма, экстремизма и терроризма в последнее время стал Северный Кавказ. Кавказский регион сегодня является зоной жизненных интересов и ареной соперничества мировых геополитических конкурентов России: США, Турции, нефтедобывающих стран арабского Востока.

Особое место занимает Дагестан, представляющий собой уникальнейший феномен исторически сложившегося лояльного взаимодействия и этнической консолидации более 30 коренных этносов, компактно проживающих на сравнительно небольшой территории (50,3 тыс. кв. км). Являясь «южным форпостом» России и занимая ключевое положение на Северном Кавказе, Дагестан определяет основные векторы раз-

вития большинства республик региона с точки зрения перспектив российской государственности и сохранения территориальной целостности Российской Федерации. Республика расположена на стыке Европы и Азии и граничит по суше и Каспийскому морю с пятью государствами (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Туркменистан и Иран), ориентированными сегодня не столько на Россию, сколько на Турцию и США. Последними активно эксплуатируется религиозно-этнический фактор в борьбе за вытеснение Кавказа из сферы национальных интересов России с применением военной силы, что четко просматривается на примере Чечни и Дагестана.

Как показывают научные исследования и повседневное общение с жителями региона, такие идеи – идеи выхода Дагестана из состава России – не поддерживаются большей частью населения. Следовательно, для сохранения этой тенденции, на наш взгляд, необходимо, в первую очередь, воспитывать патриотизм у дагестанцев-граждан России. Думается, сделать это можно через формирование системы идентичностей: этнической, республиканской (дагестанской) и гражданской идентичности: Я аварец (даргинец, лакец, кумык, лезгин) → Я дагестанец → Я гражданин Российской Федерации.

Таким образом, идентичность в данном случае, по сути, является трёхслойной: этническая, республиканская (дагестанская), гражданская (российская). В данном случае необходимо обратить внимание на идею о том, что этническая идентичность наиболее примордиальна из всей приведенной системы, т. к. впитывается не только осознанно, но и бессознательно путем подражания старшим в ходе социализации. При переходе к республиканской и особенно гражданской идентичности она становится уже искусственным конструктом, который надо формировать, сам по себе он не появится. Именно формированию гражданской идентичности в традиционном обществе – на примере Республики Дагестан – и будет посвящено наше исследование, основное направление которого представлено в данной публикации.

Брель А. В.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Анализ фактического материала и экспериментальных данных, имеющихся к настоящему времени, позволил авторам (Грошев И. В., 2007; Давыдова Ю. А., 2008; Поздняков А. А., 2006) прийти к заключению, что фактор пола должен актуализироваться и одновременно являться одной из составляющих любого социально-психологического или конфликтологического исследования, без учета которого эти исследования не представляют серьезной научной ценности (Давыдова Ю. А.,

2008). Однако можно отметить, что конфликтное поведение большинством исследователей в области психологии и конфликтологии изучается вне зависимости от половых особенностей конфликтующих сторон, за исключением работ Е. Н. Богданова, В. Г. Зазыкина, Н. И. Леонова, Б. И. Хасана. Но и названные исследователи рассматривают поведение в конфликте через призму традиционно используемой концепции половых различий, без учета гендерного конструкта, определяемого феминностью и маскулинностью личности (Давыдова Ю. А., 2008). Проведенный нами анализ литературных источников в данной проблемной области позволил сделать следующие выводы.

Сравнив материалы о половых и/или гендерных особенностях конфликтного взаимодействия, полученные разными авторами, мы обнаружили некоторые различия и даже противоречия в их результатах. На наш взгляд, это связано с тем, что каждый автор концентрировал свое внимание на различных аспектах конфликтов, протекающих в различных профессиональных и других контекстах. Возможно, сказались и гендерные стереотипы, так как сами исследователи нередко находятся в их плену. Тем не менее, нам удалось заметить определенную тенденцию: мужчины реже прибегают к стратегии «избегание», чем женщины. Стратегию «приспособление» избегают и в семейных конфликтах, и в служебных. Наиболее предпочтительными для мужчин являются следующие стратегии: соперничество, компромисс и сотрудничество. У женщин нет явного предпочтения в выборе стратегии, однако они реже, чем мужчины, используют стратегию «соперничество» (даже если женщина занимает пост руководителя) и «сотрудничество».

Таким образом, можно сделать вывод, что мужчины не склонны отказываться от своих интересов, они либо вступают в борьбу, либо стремятся договориться. Можно предположить, что мужчины выбирают стратегию «соперничество» из-за влияния гендерных стереотипов («настоящий» мужчина должен быть сильным и мужественным). Однако в этом случае может «проявиться» другой стереотип (женщина – «слабый» пол), который приводит к тому, что мужчина проигрывает всегда. Женщины выбирают стратегии, которые способствуют сохранению отношений. Возможно, это связано с тем, что для них важно не только и не столько решить проблему, сколько сохранить доброжелательные отношения.

Еще одна сложность, с которой мы столкнулись, осуществляя анализ, состоит в том, что различные авторы по-разному понимают понятие «гендер». Нередко в исследовании происходит отождествление понятий «гендер» и «пол», что, на наш взгляд, неправомерно, поскольку маскулинность, феминность и андрогинность (гендерные различия в психологии определяются именно через эти конструкты) детермини-

рованы не только биологическими факторами, но и психосоциальными (Грошев И. В., 2002). А по мнению Давыдовой Ю. А., маскулинность и феминность детерминированы не только биопсихосоциальными факторами, но и видом профессиональной деятельности. Следовательно, понимание «гендера» Давыдовой Ю. А. нельзя отождествлять с понятием «гендер», которое рассматривается как социальный конструкт личности.

Проанализировав результаты, полученные в исследованиях с учетом таких конструктов, как маскулинность, феминность и андрогинность, можно прийти к выводу, что поведение феминного(ой) и маскулинного(ой) мужчины (женщины) имеет большие различия. Таким образом, данные исследований маскулинных мужчин (женщин) не являются верными для феминных мужчин (женщин). Таким образом, гендерные различия недостаточно рассматривать через призму пола, необходимо определить степень маскулинности, феминности и андрогинности мужчин и женщин. Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости проведения дальнейших исследований гендерных особенностей конфликтного реагирования. Хотелось бы также подчеркнуть, что нельзя достоверно предсказать поведение в конфликте с учетом только одного гендера. Чем больше будет учтено факторов, тем точнее будет прогноз.

Будакова А. В.

ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ*

В современных условиях государство связывает развитие рыночной экономики с таким видом деятельности, как предпринимательская, для этого оно, в частности, стремится решить следующие важные задачи: активизация развития предпринимательства, создание предпринимательской среды, формирование у населения положительного образа предпринимателя. Решение данных задач может содействовать занятости населения, защите от безработицы, снижению напряженности на рынке труда, поддержке трудовой и предпринимательской инициативы граждан. Эта поддержка осуществляется посредством реализации программ содействия начинающим предпринимателям с целью привлечения в эту сферу заинтересованных, энергичных людей, готовых организовать свой бизнес. Поэтому мы решили исследовать личностный и коммуникативный потенциал молодых людей, обучающихся в Институте инженерного предпринимательства (ИИП). Молодые люди (41 человек в возрасте от 18 до 25) были протестированы батареей методик,

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Кадры», ГК № 2564 от 25.11.2009

в состав которой вошли: тест «жизнестойкость» С. Мадди (адаптация Леонтьева А. Д. и Рассказовой Е. И., 2006), «опросник самоорганизации деятельности» Мандриковой Е. Ю. (2007), опросник «якоря карьеры» Э. Шейна (2001). Измерение коммуникативного потенциала осуществляли с помощью методики «диагностика особенностей общения» Недашковского В.Н. (2002).

В результате тестирования группы молодых людей из ИИП и последующей статистической обработки были получены данные, характеризующие их коммуникативно-личностный потенциал. Учитывая полученные значения показателей жизнестойкости (суммарный показатель составил $105,6 \pm 14,08$ балла), студентов ИИП можно характеризовать как людей, готовых пойти на риск, но не склонных вовлекаться в разнообразную активную деятельность и слабо контролируемых происходящие с ними события. Очевидно, что это может затруднить им осуществление будущей предпринимательской деятельности.

Средние значения показателей опросника самоорганизации деятельности в изучаемой выборке почти все ниже среднего (суммарный показатель самоорганизации составил $122,78 \pm 16,94$ балла). Следовательно, студенты ИИП мало планируют свою ежедневную активность и не стремятся прилагать волевые усилия для завершения начатых дел, но это, в свою очередь, позволяет им достаточно быстро перестраиваться на новую деятельность, что является прогностически благоприятным знаком.

По результатам методики «якоря карьеры» (суммарный показатель по методике $6,7 \pm 0,8$ балла) мы можем сказать, что испытуемые способны управлять людьми для решения важных задач, для них характерна самостоятельность в трудовой деятельности, стремление самим определять когда, над чем и сколько работать. При этом они не уверены в собственной компетентности, но стремятся помогать миру, делать его лучше, и на данный момент у них не выражен интерес к созданию собственного бизнеса.

Оценка коммуникативного потенциала показала (суммарный показатель по методике ДОО $15,2 \pm 2,41$), что молодые люди из ИИП в общении хорошо понимают собеседника, могут «настроиться на его волну», они способны понять свои чувства и желания в процессе коммуникации, при этом они не всегда могут сохранить границы в общении, могут попасть в ситуацию межличностного «слияния с собеседником», и не всегда у них получается ясно и однозначно высказать свою позицию собеседнику. Как видим, их коммуникативная компетентность требует развития.

Таким образом, молодые люди, обучающиеся предпринимательской деятельности в ИИП, на данный момент не полностью психологи-

чески готовы к ней. В структуре их личностно-коммуникативного потенциала обнаружилось как ресурсные, так и дефицитарные компоненты. Они способны пойти на риск, не склонны «застрывать» на одном деле, могут управлять людьми. Молодые люди хорошо справляются с ситуацией конкуренции, но они мало вовлекаются в деятельность, им необходимо развивать способность к самоорганизации. В общении им нужно развивать умение держать межличностные границы, для того чтобы не становиться «безмолвными соглашателями» и учиться ясно и правильно выражать свои мысли собеседнику. Для этого им необходима помощь в виде психологического сопровождения во время обучения или индивидуальной работы с психологом. Успешность их будущей предпринимательской деятельности зависит не только от их стремления получить необходимые экономические знания, но и от желания развиваться как личность.

Буравцова Н. В.

Столбикова М. Ю.

ВЛИЯНИЕ ЗНАЧИМЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА РАЗВИТИЕ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

Феномен Я-концепции является центральным личностным образованием, оказывающим влияние на все проявления человека. При этом личность не может определить себя безотносительно к системе своих «социальных ролей» иначе, как путем указания групп, к которым она принадлежит, с которыми соотносятся ее индивидуальные свойства. Она может идентифицировать себя с ними, отстраняться и противопоставлять себя им, но во всех случаях они служат для личности точкой отсчета. Потребность в самоопределении рассматривается как потребность в формировании определенной смысловой системы, в которой слиты представления о мире и о себе самом, формирование этой смысловой системы подразумевает нахождение ответа на вопрос о смысле своего существования.

Чтобы получить полную картину личности, ее следует рассматривать одновременно как уникальную и неповторимую сущность, с одной стороны, и как гомогенную и унифицированную – с другой. Я-концепция включает в себя подсистемы, определяющие регуляцию самосознания и социального поведения: личностную идентичность (относящуюся к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт) и социальную идентичность (складывающуюся из отдельных идентификаций и определяющую принадлежность человека к различным социальным категориям). Когда на первый план выходит социальная идентичность, личность начинает воспринимать себя и других членов группы как имеющих общие характеристики,

определяющие группу как единое целое, субъективно идентифицирует себя с релевантной группой (Тэрнер В., 1983).

С помощью опросника самооотношения В. В. Столина, методики выявления социально-перцептивной дифференциации малых групп Н. П. Фетискина и теста «q-сортировка» В. Стефансона исследовались взаимосвязи представлений личности, включенной в референтную группу, о себе и об отношении к ней значимых других. Выборку составили учащиеся 11 класса общеобразовательной школы (24 чел.) и студенты второго курса НГУЭУ (25 чел.). Предварительное анкетирование подтвердило референтность данных групп для респондентов.

У школьников выявлена прямая взаимосвязь между самооодобрением и стремлением к развитию коммуникативных процессов в группе ($R_s = 0,42$, $p \leq 0,04$). С увеличением самопонимания, веры в свои силы и способности, при адекватной оценке своих возможностей возрастает потребность в общении с членами значимой группы ($R_s = 0,43$, $p \leq 0,03$). Чем выше их самоуважение, тем более позитивного отношения они к себе ожидают. При росте уверенности в том, что группа отнесется к ним с пониманием и интересом, они охотнее идут на контакты, проявляют инициативу в обсуждениях.

В данном возрасте движение личности к самосознанию и личностному росту обусловлено двумя взаимосвязанными механизмами, один из которых относится к тому, что требует социальная среда от конкретной личности, а вторая – к чему она может стремиться в данном взаимодействии. Исходный момент самосознания личности – её статус в значимом обществе, равно как и статус общества, в котором складывается и формируется личность (Ананьев, Б. Г., 1977).

Студенты более ориентированы на поиск и обнаружение в себе индивидуальных и личностных качеств. На передний план у них выступает личностный выбор и самореализация. Выявлено обратное взаимовлияние самовосприятия и позитивного отношения к группе ($R_s = -0,94$, $p \leq 0,05$). Чем выше самооодобрение и позитивная самооценка, тем ниже интерес к групповым вопросам и проблемам ($R_s = -0,86$, $p \leq 0,05$). Подтверждение этому можно найти в работах И. С. Кона (1984), С. Л. Рубинштейна (2000), рассматривающих тенденции к самореализации сквозь призму осознания собственных личностных особенностей и стремления к повышению уровня персонализации. Интерес к собственным мыслям, эмоциям взаимосвязан с уклонением от совместной деятельности, с нежеланием принимать установленные в группе нормы и ценности ($R_s = 0,76$, $p \leq 0,02$), ограничением контактов ($R_s = 0,74$, $p \leq 0,03$). Эти выводы согласуются и с концепцией Г. Олпорта (2002), что на данном этапе личностного развития молодым людям присущи тенденции к нарушению равновесия («открытость» в плане взаимодействия со средой): для них более значимо проявление индивидуальности, а не идентификация с

референтной группой. Развиваясь, личность вырабатывает свое отношение к социуму, стремится соответствовать или не соответствовать своей деятельностью и качествами стандартам социального окружения. Самоотношение рождается сначала между человеком и значимыми для него людьми и только потом становится главной составляющей его внутреннего мира.

Валитова В. Р.

Гуцунаева С. В.

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ В ТРЕНИНГОВОЙ РАБОТЕ

Феномен толерантности/интолерантности к неопределенности тесно связан с актуальными проблемами современности. Всевозрастающие потоки информации и стремительное увеличение темпа жизни, перемены в жизни российского общества породили проблему глобальной неопределенности человеческого существования. В этих условиях возрастает интерес к данному феномену. Термин «интолерантность к неопределенности» ввела Э. Френкель-Брунвик в 1949 г., изучением этой проблемы занимались такие исследователи, как Г. Хофстед (1967–1980), С. Баднер (1992), А. Гусев (1999), Е. Луковицкая (1998) и др. Неопределенность как исторический фактор хорошо выделил А. Тойнби, который говорил: «Неопределенность – постоянная спутница людей, вышедших на широкую дорогу цивилизации. Путь этот полон неожиданностей и все это сопровождается как удивительной деморализацией, так и редкостным героизмом...» (Мусин К., 2005).

Источников неопределенности множество в жизни человека, но, прежде всего, – это недостаточность наших знаний об экономической сфере, окружающем мире. Другой источник неопределенности – это случайность, то, что в сходных условиях происходит неодинаково, что заранее нельзя предугадать (Дынкин А. А., 2002). Кроме того, источником может служить новизна проблемы, ее сложность, неразрешимость, что усиливает фрустрирующее действие любой трудной жизненной ситуации. (Баднер С., 1982). Ситуации неопределенности могут приводить человека к замешательству, беспорядку, тревоге и стрессу.

На первом этапе своей работы мы поставили перед собой цель выявить уровень интолерантности к неопределенности в различных половозрастных группах и проследить взаимосвязь интолерантности к неопределенности с типами реагирования в стрессовых ситуациях. Используя в исследовании методику «толерантность к неопределенности» С. Баднера и тест «рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга, а также математико-статистические методы обработки данных (Т-критерий Стьюдента и коэффициент Пирсона), мы выявили, что:

1) у молодежи (респондентов до 30 лет) более высокий уровень интолерантности к неопределенности (ср. зн. = 70,0; n = 20), чем у рес-

пондентов старшего возраста (ср. зн. = 62,1; n=20) (различия значимы при $p < 0,01$); в частности, по таким ее составляющим, как: новизна проблемы и сложность проблемы – у молодежи эти показатели выше, чем у старшего поколения (при $p < 0,05$);

2) у мужчин уровень интолерантности к неопределенности выше (ср. зн. = 69,1; n= 19), чем у женщин (ср. зн. = 63,2; n = 21), (различия значимы при $p < 0,05$), в частности, по новизне проблемы (при $p < 0,01$).

3) у людей с высоким уровнем интолерантности к неопределенности преобладает «фиксация на препятствии» как тип реагирования в стрессовых ситуациях ($r = 0,34$, при $p < 0,05$).

Многие психологи, занимающиеся данной проблематикой, видят возможности коррекции интолерантности к неопределенности в тренинговой работе. Это и послужило основанием для второго этапа работы – разработки и апробировании тренинга по снижению уровня интолерантности к неопределенности через информирование участников о ситуациях неопределенности в повседневной жизни и формах конструктивных выходов из них, через создание условий для проявления креативности, снижения тревожности, фрустрированности личности. Тренинговая группа состояла из 15 человек в возрасте от 16 до 18 лет (выбор возрастной группы был обусловлен результатами диагностики на I этапе), из них 4 юноши и 11 девушек. Тренинг длился в течение 3 дней по 6 часов в день. В результате проведения диагностики с помощью методик «толерантность к неопределенности» С. Баднера и «самооценка тревожности, фрустрированности, агрессивности и ригидности» О. Елисеева в начале и по завершении тренинга мы выявили, что показатель интолерантности к неопределенности в экспериментальной группе после тренинга стал ниже (ср. зн. =40,8), чем до тренинга (ср. зн. = 43,1) (различия значимы на уровне $p \leq 0,01$), в частности, по такому компоненту, как неразрешимость проблемы (ср. зн. = 6,3 до тренинга, ср. зн. = 5,8 после тренинга, при $p \leq 0,05$).

Таким образом, результаты исследования подтверждают предположение о том, что коррекция интолерантности к неопределенности в тренинговой группе дает положительные результаты. В перспективе мы планируем исследовать взаимосвязь интолерантности к неопределенности с другими личностными характеристиками, самооценкой личности. Результаты таких исследований могут быть использованы психологами в тренинговых программах, в кросс-культурных исследованиях, при подборе персонала и т. д.

Волохонская М. С.

НЕДОВЕРИЕ К ОПИСАНИЮ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ В ПУБЛИЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ*

Анализируя проявления доверия и недоверия в публичной интернет-коммуникации, нельзя обойти вниманием тот факт, что блоги и социальные сети часто используются в целях консультирования в широком смысле: одни люди запрашивают у других рекомендации в связи с какой-либо проблемной ситуацией. Ситуация часто описывается в феноменологическом ключе («Вот как это выглядит»), после чего комментаторам в неявной форме предлагается самостоятельно выбрать ключевые точки проблемы, изменение которых, по их мнению, повлияет на проблемную ситуацию. Их можно обозначить как «точки недоверия», в которых у комментаторов возникает сомнение в компетентности автора запроса.

Таким образом, перед исследователем феномена доверия встает два вопроса:

1) каким образом взаимосвязаны характеристики текста запроса с ключевыми точками, которые выбирают комментаторы;

2) каким интерпретациям комментаторов, в свою очередь, склонен доверять автор запроса.

Далее представлен краткий анализ описания подобной проблемной ситуации с позиции первого из обозначенных выше исследовательских вопросов. В качестве примера запроса фигурирует пост в одном из психологических сообществ на livejournal.com.

Из-за ограниченности объема тезисов ограничимся несколькими цитатами. Орфография и пунктуация автора поста сохранены. Пост называется «Детский психолог не справляется со своим ребенком. Кто что посоветует?» Первая цитата: «Она редела и редела, на утешения не реагировала. Тогда я вышла из себя, гаркнула, что считаю до трех, если не успокоится, нашла паю. Успокоилась. При дальнейшей попытке зареветь я на нее наорала, что она меня доводит и я ее побью, и вообще большая уже, а ревет из-за снеговика будто кто-то умер. Она успокоилась, пошла что-то вырезать из бумаги. Вот не могу с ребенком без крика и угроз договориться. Вроде плачущую девочку надо жалеть, но от этого она еще больше плачет. Может надо было поутешать и дать поплакать часа 2?». Вторая цитата: «Раз в какое-то время (месяц-два) должен быть скандал, чтобы я оборалась, а она проревелась. Короче, она должна получить напоминание, что я таки представляю какую-то угрозу, иначе она все хуже и хуже себя ведет, все чаще и дольше плачет,

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 10-06-00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации».

все хуже делает уроки, становится все менее вежливой с чужими взрослыми, все некультурнее поведение в транспорте и т. п.».

Комментаторы данного текста выражают сомнение в некоторых аспектах отношений между автором поста и ее дочерью. С нашей точки зрения, эти аспекты в значительной степени конституированы дискурсом исходного поста. Уже в самых первых комментариях читатели сомневаются в том, что:

1. У ребенка есть право не выполнять указания матери, а мать способна разговаривать с ребенком неприказным тоном. Эта точка может быть связана с дискурсом «должного» развития событий, выраженным во фразах «должен быть скандал», «должна получить напоминание», «большая уже, а ревет из-за снеговика» (большие дети не должны плакать из-за того, что кажется взрослым мелочами?). Кроме того, такое сомнение может быть связано с тем, что вопрос, обращенный к себе (читателю) встречается в тексте всего один раз: в основном текст состоит из утверждений, которые выглядят безапелляционными.

2. Мать способна справляться с собой, своими чувствами. Эта точка недоверия, скорее всего, связана с формулировками наподобие «вышла из себя», «она меня доводит и я ее побью».

3. У матери и ребенка есть совместные положительные переживания (а не только отрицательные). В тексте поста не встречается упоминаний о положительной стороне взаимоотношений между матерью и дочерью, зато есть слово «угроза» и некоторые другие означающие, свидетельствующие о негативном эмоциональном фоне отношений.

4. Автор компетентен как психолог. Такого рода предположения могут базироваться на общем впечатлении неуверенности автора в психологическом анализе ситуации (автор описывает действия, которые не приводят к желаемому результату, и не описывает рациональных оснований своих действий). Кроме того, эта точка задается названием поста.

Таким образом, мы можем увидеть, что описание ситуации в запросе конституирует ключевые точки, на которых базируются интерпретации комментаторов. Возможно, использование альтернативных интерпретаций, не конституированных особенностями дискурса запроса, позволило бы расширить диапазон возможностей интернет-консультирования по самым разным проблемам.

Волохонский В. Л.

ИНТЕНСИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДИКТОР ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ*

В изучении вопросов межличностного доверия одним из важных вопросов является выбор того естественного показателя, который можно было бы использовать в качестве меры измерения уровня доверия. В нашем случае был выбран такой показатель, как предпочтение пользователями одного кандидата другому при выборах модератора сетевого ресурса. Рассматривался случай выборов модератора сообщества *solidarnost_lj* (политическое сообщество, посвященное российскому движению «Солидарность») в социальной сети блогов *livejournal.com*, происходивших в октябре 2010 г. Модератор в данной сети обладает чрезвычайно высокими полномочиями – может в любой момент лишиться полномочий модератора всех остальных, стереть все записи или уничтожить сообщество. Поэтому предпочтение одного из кандидатов другому в данной ситуации является формой доверия. К этому вопросу добавляется уверенность в способности выполнять функции модератора – следовать правилам и решать возникающие конфликты.

Выборы модератора проходили в форме открытого прямого голосования, в котором каждый участник сообщества мог проголосовать за пятерых кандидатов (из тринадцати претендентов). Всего было подано 77 голосов. В ходе опроса были получены ответы 42 участников голосования о том, почему они оказали доверие тем, кого они предпочли. Более половины опрошенных заявили, что основной причиной выбора стало для них личное знакомство и опыт взаимодействия, причем никто не стал голосовать за незнакомого лично кандидата в ситуации, если мог предпочесть ему лично знакомого. Кроме того, несколько респондентов отметили, что среди кандидатов отсутствуют те, кого они могли бы посчитать резко неподходящими.

Было сделано предположение о том, что с межличностным доверием реципрочно связана интенсивность взаимодействия между людьми. С одной стороны, по ходу нарастания истории взаимодействия усиливается наше доверие к человеку (при условии, что этот человек, конечно, не вызывает своим поведением недоверие). С другой стороны, люди стараются снизить интенсивность своего общения с теми, кому они не доверяют. В случае социальных сетей такого рода взаимодействие можно зафиксировать в виде оставления комментариев в блогах, участия в деятельности общих площадок коммуникации (сообществ). Была написана программа, с помощью которой был проанализирован

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 10-06-00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации».

доступный внешнему наблюдателю опыт коммуникации кандидатов с избирателями: изучались все записи в блогах избирателей и в сообществе *solidarnost_lj* в течение года, предшествовавшего голосованию. Измерялись следующие показатели активности кандидатов:

- 1) количество блогов избирателей, в которых кандидатом был оставлен хотя бы один комментарий в течение года;
- 2) количество записей, сделанных кандидатом в сообществе;
- 3) общее количество комментариев, оставленных кандидатом в сообществе.

Все эти показатели оказались сильно связаны с количеством голосов, поданных за кандидата (применялся коэффициент корреляции Спирмена), сильнее всего – активность кандидата в качестве автора записей в сообществе ($R_s = 0,85$, $p < 0,01$).

Таким образом, было показано, что в ситуации выбора между кандидатами в небольшом сообществе социальной сети величина накопленного опыта взаимодействия с участниками сети может быть успешным предиктором результата. Для определения этого опыта могут быть использованы различные системы терминов. С одной стороны, можно использовать понятие «репутация», с другой – количество потенциальных/осуществлённых актов коммуникации.

Ворожейкина Л. И.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ*

«Я-концепция» – совокупность представлений личности о самой себе, которая формируется в процессе взаимодействия с другими людьми, осуществляет мотивационно-регуляторную функцию поведения личности. В структуру «Я-концепции» входят следующие компоненты: «духовное Я»; «телесное Я»; «материальное Я»; «социальное Я». Для светского человека всегда останется загадкой, почему люди избегают мирской жизни, посвящая свою жизнь служению Богу или уходя в монастырь. Чтобы прояснить это, мы использовали шкалу измерения тактик самопрезентации С. Ли, Б. Куигли и др. и опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Панталева.

В нашем исследовании приняли участие 45 студентов третьего курса Киевской духовной академии, средний возраст респондентов 22–23 года. В своем исследовании мы решили рассмотреть такие аспекты «социального я», как самопрезентация и самоотношение. Как правило, впечатлением, которое люди производят на окружающих, можно управлять при помощи определенных стратегий и тактик самопрезента-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 11-16- 46002а/Ц.

ции. Самопрезентацию можно описать как «процесс предъявления "Я-информации" в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации» (Чикер В.А., 2007). Ведущими мотивами самопрезентации в большинстве коммуникаций принято считать потребность в получении социального одобрения, демонстрацию своей принадлежности к определенной среде, утверждение желательной «Я-концепции», повышение привлекательности и достижении уважения.

Как было указано выше, для исследования самооотношения мы использовали опросник В. В. Столина и С. Р. Пантилеева, который позволяет выявить три уровня самооотношения, отличающихся по степени обобщенности:

- глобальное самооотношение;
- самооотношение, дифференцированное по самоуважению, ауто-симпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;
- уровень конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я».

В качестве исходного принимается различие содержания «Я-образа» (знания или представления о себе, в том числе и в форме оценки выраженности тех или иных черт) и самооотношения. В течение жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, эти знания составляют содержательную часть его «Я-концепции». Однако знания о себе самом, естественно, ему небезразличны: то, что в них раскрывается, оказывается объектом его эмоций, оценок, становится предметом его более или менее устойчивого самооотношения.

Полученные данные мы обработали при помощи статистической программы SPSS версии 13.0. Корреляционный анализ показал, что наиболее значимыми корреляциями являются: ауто-симпатия коррелирует с такими тактиками самопрезентации, как «оправдание с принятием ответственности» ($r = 427^{**}$, $p = 0,005$) и «желание/старание понравиться» ($r = 402^{**}$, $p = 0,008$).

Ведущие тактики в поведении семинариста можно объяснить особенностями личности религиозного человека: «Извинение» – зачастую проявляется в признании ответственности за любые обиды, вред, нанесенные субъектом другим, или за негативные поступки. Вербальные или невербальные выражения раскаяния или вины (могут также не носить искреннего характера, а проявляться как норма вежливости). «Желание/старание понравиться» – действия и поступки, как правило, обусловлены желанием вызвать у окружающих симпатию, часто для получения определенной пользы. Данная тактика может также принимать форму лести, конформности, возвышения других. «Пример для подражания» – поведение, предъявляемое субъектом общения как мо-

ральное и привлекательное, вызывающее уважение, подражание и/или восхищение. Здесь стоит также отметить, что наименее используемая тактика самопрезентации у семинаристов – это «запугивание». Это можно интерпретировать тем, что христианство – религия ненасилия, и агрессивные проявления не одобряются и осуждаются православной церковью.

Таким образом, подводя итог нашего исследования, можно констатировать, что для религиозной личности свойственно положительное отношение к себе и окружающим, поведение можно охарактеризовать как аттрактивное и строящее благоприятное впечатление о субъекте самопрезентации. Следующим этапом нашего исследования должен стать сравнительный анализ поведения и самоотношения у семинаристов и студентов третьего курса вуза, для того чтобы выявить как религиозность и профиль вуза влияют на такие аспекты «Я-концепции», как самопрезентация и самоотношение.

Гамова Е. И.

ВЛИЯНИЕ ОРИЕНТИРОВКИ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ГРУПП

В социальной психологии проблематика малых групп занимает центральное место, рядом теоретических направлений малая группа определяется как начальная ячейка общества, образующая социальную структуру и реализующая социальные отношения на микроуровне (Андреева Г. М., 2007; Крысько В. Г., 2003). Анализ публикаций по социальной психологии за последние годы выявил застой в развитии имеющихся концепций, что не позволяет с иных позиций переосмыслить и исследовать социально-психологические явления и параметры малой группы. (Сидоренков А. В., 2005). Указанные тенденции проявляются и применительно к исследованиям совместной деятельности.

Совместная деятельность считается одним из важнейших объектов исследования социальной психологии, изучаемым на уровне ее общей методологии, конкретной социально-психологической теории и в практически ориентированных исследованиях (Журавлев А. Л., 2005). Социальная значимость решения задач оптимизации различных видов совместной деятельности находится в противоречии со степенью исследованности рассматриваемого феномена вследствие сильного влияния общепсихологического подхода, в рамках которого совместная деятельность рассматривается либо по аналогии с индивидуальной деятельностью, либо как сумма индивидуальных деятельностей. В совместной деятельности группы актуализируются феномены, в индивидуальной деятельности не встречающиеся, а аналоги феноменов индивидуальной деятельности приобретают качественно своеобразное содержание.

К таковым, по нашему мнению, относится ориентировочная часть совместной деятельности (ориентировка) группового субъекта, недостаточно исследованная в социальной психологии.

Мы считаем необходимым исследовать групповое состояние, предвещающее осуществление деятельности (ориентировку). Роль ориентировки подчеркивал А. С. Макаренко Ориентировочный рефлекс – чисто физиологический процесс (Павлов И. П., 1965). Исследование ориентировочной основы деятельности было осуществлено П. Я. Гальпериным применительно к индивидуальной учебной деятельности субъекта (Гальперин П. Я., 2002), проблема же ориентировки в различных видах совместной деятельности и поведении группового субъекта недостаточно раскрыта. Планируя исследование, мы исходили из предположения, что результативность совместной деятельности и организация взаимодействия членов группы обусловлена особенностями ориентировки группового субъекта в предстоящей деятельности и соотносится им как с внешними, так и внутренними условиями ее протекания. Для исследования ориентировочной части совместной деятельности малых молодежных групп мы использовали наблюдение, беседу, аппаратную методику «арка» для измерения следующих показателей: результативность; взаимодействие; согласованность действий; время, затраченное на ориентировку, исполнение; содержание ориентировки; вербальные реакции испытуемых в ходе ориентировочной и исполнительной частей совместной деятельности.

Мы установили взаимосвязь между результативностью совместной деятельности, уровнем организованности группы, качеством ориентировки. Для групп среднего уровня организованности характерно увеличение удельного веса ориентировочной части, снижение качества плана совместной деятельности, частое обращение к «стандартным приемам». Низкоорганизованным группам присуще преобладание исполнительной части совместной деятельности над ориентировочной, снижение удельного веса ориентировки в структуре совместной деятельности. План предстоящей совместной деятельности в группах такого типа отсутствует совсем или низкого качества. По нашему мнению, функция ориентировки – помочь группе разобраться в ситуации неопределенности, детально спланировать предстоящую деятельность, объективно оценить сложившуюся ситуацию и потенциальные возможности, наметить основные и промежуточные цели деятельности, выяснить пути их достижения. При качественном планировании предстоящей совместной деятельности ее результативность повышается, при отсутствии результативность снижается.

Таким образом, установлено, что ориентировочная часть определяет содержание исполнительной части, ее характер и результатив-

ность. Ориентировка направлена на правильное и рациональное построение исполнительской части совместной деятельности, на обеспечение рационального выбора одного из возможных планов. На основе анализа содержания ориентировки возможно достоверное прогнозирование результативности предстоящей совместной деятельности группы.

Голуб О. В.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОДИНОЧЕСТВА И ЭКСТРАВЕРСИИ–ИНТРОВЕРСИИ У СУПРУГОВ

Население Земли давно превысило 6 миллиардов человек, но многие и в самых густонаселенных регионах переживают одиночество. Исходя из этого факта, возникает вопрос о том, связано ли чувство одиночества с той социальной средой, что окружает человека. Вероятно, да, но эта связь не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Наиболее остро современный человек ощущает одиночество в ситуациях интенсивного и, как правило, принужденного общения в городской толпе, в среде друзей, в кругу собственной семьи, хотя обычно супруги обладают сходными чертами, позволяющими сохранять близкие отношения и избегать чувства одиночества. Мы предположили, что обычно у супругов экстравертированность одинакова, а если уровень экстравертированности у супругов разный, то уровень одиночества, хотя бы у одного из них, будет высоким.

Для исследования проблемы, кроме анализа литературы, использовались психодиагностические методы: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и методика EPQ Г. Айзенка. Выборку составили 30 супружеских пар с разным стажем семейной жизни (1–31 год). Возраст супругов 19–57 лет. Ниже представлена интерпретация результатов, подвергнутых количественной обработке в программе Statistica 6.0. Для анализа полученных данных, выборка была разделена на три группы: семьи, где оба супруга интроверты (10 пар); семьи, где оба супруга экстраверты (10 пар); семьи, в которых один из супругов интроверт, а другой – экстраверт (3 пары). 7 пар супругов оказались амбивертами и были исключены из анализа, так как он основан на сравнении контрастных групп, а пары с неопределенной установкой такой группы не представляют.

Описывая первую и вторую категории, следует отметить, что в результате подсчета коэффициента корреляции Спирмена между показателями экстравертированности супругов выявилась связь на уровне $r = 0,75$ при $p = 0,013$, которая может говорить о том, что люди преимущественно выбирают супругов со сходным уровнем экстравертированности. Вероятно, это связано с тем, что в этом случае они в одинаковой мере нуждаются в социальных контактах и для них комфортны похожие

условия. Пары – представители третьей группы являются скорее исключением. В описываемой выборке это 3 пары с разным стажем семейной жизни (1 год, 8 и 28 лет). Пара со стажем семейной жизни 28 лет представлена супругой-экстравертом, показавшей уровень одиночества (21 балл) значительно более низкий, чем супруг-интроверт (32 балла).

В паре, прожившей вместе 8 лет, наоборот, более высоким уровнем субъективного одиночества обладает супруг-экстраверт (31 балл), показатель жены значительно ниже (15 баллов). В третьей паре супругов с различным уровнем экстравертированности оба супруга оказались одиночками (25 баллов у жены-интроверта и 31 балла у мужа-экстраверта).

На основе проведенного качественного анализа можно сказать, что если у супругов различный уровень экстравертированности, то, по меньшей мере, один из них будет чувствовать себя одиноким. Причиной этого может являться то, что люди с разным уровнем экстраверсии-интроверсии нуждаются в разных количественно и качественно социальных контактах. Контакты экстравертов более многочисленны и при этом могут быть поверхностными, у интровертов же, наоборот, их немного, однако они более глубоки. В связи с этим, хотя бы один из супругов недополучает того общения, которое ему необходимо, переживает неразделенность мыслей, чувств и соответственно чувствует себя одиноким. Пары, где оба супруга интроверты (средний показатель по шкале у женщин 7 баллов, у мужчин – 8) имеют следующие средние показатели одиночества: женщины – 20 баллов, мужчины – 19 баллов. Эти показатели несколько выше, чем у пар с экстравертной установкой (средний балл по шкале у женщин и у мужчин – 15).

Статистически значимых различий (t-критерий Стьюдента) между показателями одиночества у мужчин и женщин, имеющих разный уровень экстраверсии-интроверсии, не обнаружено. Вероятно, это объясняется тем, что есть исключения, и тенденция из-за этого неясная.

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить о некоторой связи между показателями одиночества и экстраверсии-интроверсии. В частности, в случаях, когда супруги обладают разным уровнем экстраверсии-интроверсии, возможно возникновение чувства одиночества хотя бы у одного из супругов. Полученные результаты могут быть полезными при психологическом консультировании семей, в которых супруги имеют разный уровень экстравертированности.

Гордиевич Е. П.

Гончарова С. С.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ТРУДНОСТИ СУПРУГОВ НА СТАДИИ «ПУСТОГО ГНЕЗДА» И СОВЛАДАНИЕ С НИМИ

Супружество – основной и важный статус человека, который требует определенных усилий для преодоления трудных ситуаций и тяжелых событий (Куфтяк Е. В., 2010). В нашем исследовании трудные ситуации рассмотрены не в качестве критических жизненных событий, а как ежедневные (повседневные) стрессовые ситуации (Perez M., Reicherts M., 2004). Существуют эмпирически подтвержденные данные о том, что повседневные стрессовые ситуации потенциально способствуют расстройству. Так патогенное воздействие личностной тревоги, вызывающее появление психических симптомов, моделируются повседневными стрессорами (Kohn P. M, Gurevich M., 1991).

Для исследования повседневных трудностей нами использовалась «Анкета самонаблюдения за стрессом» М. Perez и М. Reicherts. Для супругов на стадии «пустого гнезда» главные повседневные трудности связаны с большим количеством производственных обязанностей, а также ссорами с детьми и заботой об их будущем. Это не согласуется с основными задачами развития семьи в период «опустевшего гнезда», среди которых называют: пересмотр супружеских взаимоотношений, перераспределение обязанностей и времени, адаптация к уходу на пенсию. Респондентов просили в перечне обозначенных стрессоров выделить самый значительный за последний месяц. Анализ повседневных стрессоров строился на основании типологии Р. Лазаруса (вызов–угроза–потеря) (Lazarus, R. S., 1986).

Было обнаружено, что среди стрессовых ситуаций, о которых сообщили супруги, в большей степени преобладают ситуации «Угрозы» (болезнь, трудности на работе и т. д.), которые требуют от человека больших усилий по их преодолению, активизации адаптационных возможностей. На вопрос о том, «для кого еще и насколько являлась эта ситуация стрессовой» супруги назвали мужа/жену и детей. В момент протекания вышеперечисленных повседневных трудных ситуаций наиболее актуальными для супругов были чувства разочарования, взволнованности, нервности, печали, досады.

Для изучения совладания был использован «опросник о способах coping» (WCQ) (авторы – Р. Лазарус и С. Фолкман, адаптация Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтяк). У супругов на стадии «пустого гнезда» среди стратегий совладания доминирует «самоконтроль», «положительная переоценка» и «бегство–избегание».

Для определения особенностей совладающего поведения у супругов на стадии «пустого гнезда» дополнительно проведено изучение

стратегий совладания у молодых супругов (30 пар, стаж супружества – до 5 лет). Выявлено, что у молодых супругов преобладают стратегии совладания: «положительная переоценка», «планирование решения» и «самоконтроль». Итак, супруги на стадии «пустого гнезда» используют в основном эмоционально-фокусированный копинг, а молодые супруги наряду с эмоционально-фокусированным копингом (положительная переоценка, самоконтроль), применяют и проблемно-фокусированный (планирование решения) – усилия по изменению ситуации. В стратегиях совладания у двух выборок статистически значимые различия получены по шкалам «дистанцирование», «самоконтроль», «принятие ответственности». Так, супруги на стадии «пустого гнезда» используют гораздо чаще, нежели молодые супружеские пары, когнитивные усилия, чтобы отделиться от ситуации; усилия по регулированию своих чувств и действий, а также добиваются признания своей роли в проблеме и пытаются ее решить.

Одним из критериев успешного (эффективного) совладания супругов с повседневными трудностями, на наш взгляд, может являться уровень их психологического благополучия. В исследовании был использован опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Н. Н. Лепешинского. Выявлено, что у молодых супругов уровень психологического благополучия выше, чем у супругов на стадии «пустого гнезда». Статистически значимые различия между двумя группами супружеских пар получены по шкалам «положительные отношения с другими», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие». Это значит, что у молодых супругов лучше развито умение строить доверительные отношения, которые строятся на взаимных уступках, заботе о благополучии других, способности сопереживать и допускать привязанности и близкие отношения. Они больше открыты новому опыту, испытывают потребность реализации своего потенциала и целей, а также позитивно относятся к себе.

Таким образом, полученные в ходе исследования данные раскрывают особенности совладания с повседневными трудностями супругов на стадии «пустого гнезда» и могут быть использованы в психологическом сопровождении.

Грицай Л. А.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОТЦОВСТВА

Образ отца в культурном наследии многих народов считается истинным воплощением мужского начала. Однако в современной России традиция ценностного отношения к отцовству утрачивается. Более того, ярко проявляют себя кризисные явления в родительстве. Ослабля-

ются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства. Как указывает Н. А. Демчук, только 50% современных матерей и 23,6% современных отцов отвечают требованиям эффективного родительства. Изучая эти статистические данные, нетрудно заметить, что кризисные явления в большей степени затрагивают отцовство, чем материнство. Безусловно, сложившаяся ситуация требует внимательного изучения основных социально-психологических особенностей современного отцовства. Согласно А. Р. Михеевой, отцовство представляет собой «культурное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого заключается в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей». При этом ряд исследователей (Ю. В. Борисенко, Р. В. Манеров, Р. В. Овчарова) отмечают не только психологическую, но и психолого-социальную обусловленность отцовства. Поэтому в какой-то мере истоки современного кризисного состояния отцовства нужно искать в общественных преобразованиях, которые происходили в нашей стране в течение XX в.

Во-первых, либерализация общественной морали, пропаганда свободного образа жизни способствовали увеличению числа разводов и детей, рожденных вне брака. Это привело к тому, что часть детей выросла в семьях без отца, без его воспитательного примера и заботы. Безусловно, данное обстоятельство крайне негативно повлияло как на становление личности таких детей, так и на развитие отцовской позиции самих мужчин.

Во-вторых, в результате социальных преобразований в начале прошлого столетия подверглись значительным изменениям традиционные представления о роли мужчины-отца как о «кормильце» и «защитнике» семьи, т. к. в Советской России росла эмансипация женщин, что способствовало их активному включению в сферу труда.

В-третьих, именно на XX век пришлись самые разрушительные для нашей страны войны, значительным образом сократившие долю мужского населения и приведшие к тому, что женщины были вынуждены брать на свои плечи обязанности погибших отцов, мужей и братьев.

В-четвертых, советская государственная политика в области семьи была целиком построена на поддержке материнства. Более того, часть исследователей склонны видеть в данном обстоятельстве определенную черту идеологии тоталитарного государства. В частности, Р. А. Лопин отмечает, что в результате подобной политики произошло «исключение мужского начала из семейного быта и замена его полным вмешательством государства в дела семьи».

В-пятых, произошла постепенная феминизация системы образования и воспитания, когда мальчики, возможно, и без того лишённые

отцовской опеки, в школе и других воспитательных учреждениях видели перед собой только учительниц-женщин.

Ну и, наконец, в-шестых, в постсоветской России ситуация осложнилась резким снижением уровня жизни, сменой ценностной парадигмы в обществе от коллективизма к крайнему индивидуализму и гедонизму.

Все эти перечисленные обстоятельства привели к тому, что в современной России обостряются вопросы, связанные с девиантным отцовством: уходом мужчины из семьи, отказом от совместной жизни с супругой (подругой) и своим ребенком; проявлением насилия по отношению к ребенку; безразличным отношением к детям. Связано столь негативное проявление мужского поведения помимо выше обозначенных социокультурных причин также и с личностными особенностями современных юношей: инфантильностью, недоверием, негативным восприятием действительности, равнодушием, неуверенностью в себе. Поэтому проблема возрождения ценностного отношения к отцовству являются, на наш взгляд, жизненно необходимым приоритетом возрождения русской семьи.

Довгалюк Е. С.

Гончарова С. С.

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

Современный этап развития Вооруженных сил характеризуется значительным усилением внимания к проблеме эффективного функционирования человека в условиях воинской деятельности. Необходимость укрепления психологической устойчивости военнослужащих, повышения их готовности к выполнению задач в любых условиях заставляет решать задачи определения роли и позиции человека в мире, нахождения эффективных, созидательных средств взаимодействия с собой и с миром. В последнее время в контексте проблемы личностных ресурсов совладания с трудными ситуациями значительный интерес у психологов вызывает такая личностная характеристика, как жизнестойкость. С. Мадди, автор концепции жизнестойкости (*hardiness*), определяет этот термин как интегральную личностную черту, ответственную за успешность преодоления личностью жизненных трудностей (Рассказова Е. И., 2005). С. Мадди установил, что жизнестойкость является той базовой характеристикой личности, которая опосредует воздействие на ее сознание и поведение всевозможных благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, от соматических проблем и заболеваний до социальных условий (Леонтьев Д. А., 2002).

Жизнестойкость включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность

этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (*hardy coping*) со стрессами и восприятия их как менее значимых. Вовлеченность (*commitment*) определяется как убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности. Контроль (*control*) представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет влиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Принятие риска (*challenge*) – убежденность человека в том, что все то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного.

В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование (Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И., 2006). В рамках дипломного проекта нами проведено изучение жизнестойкости курсантов Военной академии Республики Беларусь с помощью методики «жизнестойкость», адаптированной Д. А. Леонтьевым и Е. А. Рассказовой. В исследовании приняли участие 238 юношей с первого по пятый курс в возрасте от 17 до 23 лет. Мы предположили, что большинство курсантов будут иметь высокие и средние показатели жизнестойкости, причем от первого к пятому курсу показатели могут быть выше. У 68,75% курсантов был выявлен средний показатель жизнестойкости, у 29,15% – низкий, а результаты 2,1% опрошенных соответствовали высокому уровню жизнестойкости.

При отдельном рассмотрении компонентов жизнестойкости получились следующие результаты. «Вовлеченность» 68,3% курсантов соответствует среднему показателю, 31,7% респондентов – низкому, ни у одного курсанта не было выявлено высокого уровня вовлеченности. По шкале «контроль» результаты 80% опрошенных относятся к среднему показателю, 16,7% курсантов получили низкие результаты, а у 3,3% курсантов был выявлен высокий уровень контроля. 68,3% респондентов характеризуется средним показателем принятия риска, 26,7% – низким и результаты 5% курсантов соответствуют высокому показателю принятия риска. Статистическая проверка данных на различия уровня жизнестойкости среди курсантов различных курсов с применением Н-критерия Краскала-Уоллиса не выявила их наличие ($H = 9,2$; $p = 0,0571$). Это свидетельствует о том, что жизнестойкость является достаточно устойчивой характеристикой личности, и на ее показатели не влияет курс обучения курсантов.

Таким образом, результаты большинства курсантов соответствуют средним либо высоким показателям по всем характеристикам жизнестойкости, что свидетельствует о способности личности выдер-

живать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности. У курсантов, имеющих низкий показатель уровня жизнестойкости, могут наблюдаться симптомы физической или психологической дезадаптации. Данной группе курсантов можно рекомендовать пройти тренинг жизнестойкости.

Зурилина А. С.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОМОСЕСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

В современном мире позиция общества относительно гомосексуальных отношений противоречива. В науке гомосексуальные отношения рассматриваются сегодня как вариант нормы, однако немногие исследователи затрагивают эту тему. В настоящее время универсальным зарубежным пособием для консультантов, работающих с гомосексуальными отношениями, считается книга Д. Дейвиса и Нила Ч. «Розовая психотерапия: Руководство по работе с сексуальными меньшинствами». Помимо собственных исследований, они обобщили в данной работе значительную часть западных исследований гомосексуальных отношений. Согласно Д. Дейвису и Ч. Нилу, гомосексуалы должны строить отношения не по гетеросексуальной модели, а руководствуясь своими желаниями. Психотерапевту авторы предлагают пользоваться либеральным принципом аффирмативной психотерапии «Будь тем, кто ты есть; это вполне нормально». Это помогает психотерапевту фокусировать внимание на индивидуальных особенностях пары. Однако авторы предлагают также рассматривать социальный контекст, в котором находится пара, и подчеркивая индивидуальность пары, не допустить того, чтобы клиенты чувствовали себя одиночками (Дейвис Д., Нил Ч., 2001).

Данный современный взгляд на гомосексуальность опирается на обширную базу работ классиков психологии З. Фрейда, Р. Крафт-Эбинга, А. Фореля и др. Несмотря на то, что в течение развития психологической науки гомосексуальность часто рассматривалась как болезнь, работы известных авторов стимулировали ее изучение.

В России исследования гомосексуальности в настоящее время находятся в менее выгодном положении. Наиболее известным автором, затрагивающим тему гомосексуальности, принято считать И. С. Кона. В своих работах И. С. Кон часто затрагивает исторический аспект гомосексуальных отношений, позиционируя таким образом гомосексуальность как явление, которое не является продуктом влияния современности. Тем не менее непосредственно гомосексуальным отношениям автор уделяет не так много внимания (Кон И. С., 2005).

Наименее известны работы антрополога и историка Л. С. Клейна. Впрочем, Л. С. Клейн также уделяет значительно больше внимания исто-

рии гомосексуальности, а не собственно исследованиям (Клейн Л. С., 2000). Что касается собственно гомосексуальных отношений, то как ни парадоксально, наиболее полной работой, посвященной данной тематике, можно считать описательную работу Е. Лацци и М. Канторовой, рассказывающих о своей гомосексуальной семье. Не имея психологического образования, авторы анализируют развитие отношений в своей семье и знакомых им гомосексуальных семьях в контексте российской действительности. (Лацци Е., Канторова М., 2006).

В настоящее время в России начинают активно развиваться ЛГБТ-организации (организации, занимающиеся помощью и поддержкой геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов). Одновременно с активной политической деятельностью и проведением групп поддержки руководство данных организаций проводит и поддерживает различные исследования в области гомосексуальности в целом и гомосексуальных отношений в частности. Одновременно с этим развивается новый методологический подход к гомосексуальным отношениям – квир-методология. Исследователи, работающие с опорой на квир-методологию, рассматривают гомосексуальные отношения как вариант нормы, с одной стороны, а с другой – стараются уйти от понятия гомосексуальной ориентации, отрицая стабильные понятия «гей», «лесбиянка», «гомосексуал».

Если рассматривать квир-теорию более широко, то можно также отметить и отказ в рамках данной методологии от понятия стабильной гендерной идентичности (Кунцман А., 2010). Данный подход имеет широкое распространение в западной психологии, в России же, однако, он только появляется. Исследования в рамках данного подхода, чаще всего, проводятся людьми, сотрудничающими или состоящими в ЛГБТ-организациях.

Таким образом, можно выделить определенные тенденции в развитии исследований, затрагивающих понятие гомосексуальных отношений, в России и за рубежом. Прежде всего, зарубежные исследования проводятся чаще, чем в России, и более систематизированы. Отчасти это связано с тем, что во многих развитых странах гомосексуальность считается вариантом нормы с точки зрения науки и законодательства и при этом редко порицается обществом. Многие российские работы направлены на исторический анализ гомосексуальности в разных культурах, в частности, в русской культуре. Современные российские исследования, чаще всего, проводятся ЛГБТ-организациями и исследователями, сотрудничающими с ними.

Иванова Н. А.

Таран И. И.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ

Социально-экономические изменения, происходящие в современном российском обществе, привели к обострению многочисленных социальных проблем, наиболее актуальной из которых является проблема социальной адаптации студентов в вузе. Невозможность для значительной части студентов реализовать себя в новых условиях порождает у них психотравмирующую ситуацию, нарушение поведения, изменение эмоционального состояния, в связи с чем возникает необходимость в поиске путей, обеспечивающих эффективную адаптацию студентов в социуме. Для этого необходимо рассмотреть, как будет меняться поведение студентов в зависимости от их индивидуальных особенностей.

Исходя из этого, мы поставили цель исследования: изучить гендерные и половые особенности социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе. Нами был проведен констатирующий эксперимент на группе студентов в возрасте от 16 до 22 лет. В исследовании мы использовали методики «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса, Р. Даймонда, «Тест нервно-психической адаптации» И. Н. Гурвича, «Маскулинность/фемининность» С. Бэм. Полученные результаты диагностики психологического пола у студентов показали, что студентов-первокурсников андрогинного типа 85%, фемининного типа 10% и студентов-первокурсников маскулинного типа 5%. У большинства студентов нет ярко выраженного преобладания черт только маскулинного или только фемининного типа личности.

Изучая уровень социально-психологической адаптации среди студентов первого курса, мы выявили, что такие показатели, как самоприятие, принятие других, эмоциональная комфортность, интернальность и стремление к доминированию больше развиты у юношей, чем у девушек. Исходя из результатов исследования нервно-психической адаптации у юношей и девушек, можно сказать, что юноши менее подвержены болезненному состоянию, близкому к патологии. Большинство студентов женского пола можно считать практически здоровыми с неблагоприятными прогностическими признаками, но также в это соотношение входят лица с состоянием предпатологии. А студенты мужского пола относятся в большинстве своем к категории лиц практически здоровых с благоприятными прогностическими признаками.

Как показали исследования гендерных особенностей адаптации, лица с андрогинным типом личности более успешно приспосабливаются к новой социальной ситуации, чем фемининные и маскулинные лич-

ности. Самый низкий показатель адаптации присущ студентам фемининного типа личности (51,3%). Самый высокий показатель у студентов андрогинного типа (66,7%) и несколько ниже у студентов маскулинного типа (59,5%).

Повторное исследование во втором семестре показало, что в уровне адаптации произошли определенные изменения. У юношей достоверно выше стали признаки адаптации, приятия других, эмоциональной комфортности, стремлении к доминированию и нервно-психической адаптации по сравнению с первым семестром. У девушек достоверно выше адаптация, приятие других и нервно-психическая адаптация. У фемининных студентов достоверно выше стали показатели: приятие других, стремление к доминированию. У андрогинных типов личности достоверно выше стали показатели: адаптация, приятия других, эмоциональная комфортность, стремление к доминированию, нервно-психическая адаптация.

Таким образом, социальная адаптация – очень важный компонент воспитания и обучения студента в высшем учебном заведении, который имеет многие особенности. В частности, юноши намного лучше приспосабливаются к новой ситуации, в отличие от девушек, которые не могут полностью адаптироваться к изменениям. У них нередко случаются стрессы и другие факторы дезадаптивного поведения. Психологические ресурсы адаптации к новым социальным условиям имеют гендерную специфику. Из результатов исследования следует, что индивиды с андрогинным типом личности, в отличие от фемининных и маскулинных типов, приспосабливаются к новым условиям наиболее успешно, и с наименьшими потерями.

Казаков А. В.

ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

С каждым годом Интернет играет все более значительную роль как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни человека. Увеличивается и количество исследований, направленных на изучение данной среды. Однако несмотря на рост интереса к Интернету, проблема просоциального поведения в сети остается слабо освещенной. При этом, как и в других социальных общностях, в интернет-сообществах оно имеет большое значение. В нашей работе мы постарались выявить особенности просоциально активных пользователей интернет-сообществ, отличающие их от участников, редко или совсем не оказывающих помощи в сети Интернет. В исследовании приняли участие 120 человек (38 мужчин и 82 женщины), в возрасте от 15 до 76 лет (средний возраст – 30 лет).

Для сбора информации были использованы следующие методы:

- 1) 16-факторный личностный опросник Кеттелла (форма С);
- 2) «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна;
- 3) авторская методика «уровень альтруизма»;
- 4) авторская методика «мотивация просоциального поведения в сети Интернет».

Для обработки данных использовались критерий корреляции Спирмена, критерий Шеффе, хи-квадрат Пирсона. Среди полученных данных, во-первых, стоит отметить, что люди, осуществляющие просоциальное поведение в сети Интернет, часто помогают другим участникам сообщества несколькими различными способами одновременно (отвечают на вопросы, создают контент, модерировать сообщество и т. д.). Во-вторых, была обнаружена взаимосвязь между результатом обращения индивида за помощью в сети Интернет и его просоциальным поведением. Респонденты, осуществляющие просоциальное поведение, ранее получали необходимую помощь в ответ на обращение к другим участникам интернет-сообщества с просьбой совершить какое-либо действие в сети Интернет ($p = 0,010$): принять участие в опросе, голосовании, подписании петиции, помочь в онлайн-игре и т. п. Вероятно, этот результат может объясняться формированием у респондента позитивного отношения к сообществу и его участникам из-за оказанной ему помощи. Однако подобной зависимости между просоциальным поведением и результатом обращения за советом выявлено не было, что, возможно, объясняется меньшей эмоциональной значимостью получения такого вида помощи, а следовательно, и меньшей силой воздействия на индивида. В-третьих, было выявлено, что для респондентов, совершающих просоциальные поступки в сети Интернет, характерна большая значимость мотивов познания ($p = 0,032$) и совместной деятельности при использовании Интернет ($p = 0,000$), чем для индивидов, их не совершающих.

Индивиды, придающие большое значение использованию Интернет для совместной деятельности, чаще других откликаются на просьбы совершить действие, ответить на вопрос, чаще создают контент. Их большая просоциальная активность может быть объяснена тем, что они зависимы от мнения и требований группы, стремятся работать и принимать решения вместе с другими людьми ($p = 0,012$). В то же время индивиды, имеющие высокую мотивацию познания при использовании Интернет, имеют более высокий уровень альтруизма ($p = 0,012$).

Таким образом, связь мотивов познания и совместной деятельности при использовании Интернет и просоциального поведения может быть объяснена несколькими причинами: высоким уровнем альтруизма

у индивида (при мотивации познания) и зависимостью индивида от группы (при мотивации совместной деятельности). Кроме того, существует взаимосвязь между мотивацией просоциального поведения в сети Интернет и социально-психологическими свойствами индивида: индивиды, осуществляющие просоциальное поведение для получения благодарности, более чувствительны к одобрению окружающих ($p = 0,021$), но менее склонны к сотрудничеству с незнакомыми людьми и к проявлению лидерских качеств ($p = 0,037$). Кроме того, мы выяснили, что у людей, не совершающих просоциальных действий в Интернете, уровни эмпатии ($p = 0,046$) и альтруизма ($p = 0,011$) ниже, чем у индивидов, откликающихся на просьбу совершить какое-либо действие в сети Интернет. Помимо этого, была обнаружена взаимосвязь между стажем использования Интернет и некоторыми личностными особенностями индивида: чем больший стаж имеет респондент, тем он менее альтруистичен ($p = 0,002$) и общителен ($p = 0,017$), и тем более склонен к заниженной самооценке ($p = 0,001$).

Казаковский А. В.

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

В настоящее время наблюдается тенденция негативного отношения к рекламной продукции. Например, некоторые люди принципиально не покупают то, что рекламируется, или просто выключают звук у телевизора, когда художественный фильм прерывается рекламой. Поскольку реклама является посредником между самим товаром и потенциальными покупателями, то плохое к ней отношение может привести к тому, что у людей сложится негативный образ продукта или услуги (в связи с тем, что реклама этого продукта им не понравилась).

В проведенном исследовании акцент был сделан на изучение рекламных предпочтений (на примере телевизионной рекламы соков) и характеристик личности молодых людей и девушек, заканчивающих высшее учебное заведение. Участникам исследования предлагалось ответить на определенный ряд вопросов, касающихся самого рекламируемого продукта – сока, существующей рекламы об этом товаре и качества, которыми должно обладать идеальное рекламное сообщение (с целью определения характеристик, связанных с предпочтениями рекламы).

В результате исследования было показано, что основными критериями выбора определенной марки сока, которыми руководствуются молодые люди и девушки при покупке, являются, во-первых, вкусовые качества (50% респондентов дало такой ответ), во-вторых, соотношение цены и качества (34% респондентов), в-третьих, известность бренда (16%). Данное распределение соответствует равномерному ($p > 0,1$). На

вопрос о том, каким должен быть идеальный сок, респонденты ответили, что, в первую очередь, соку стоит быть натуральным (так считают 67%), 18% считают, что сок должен быть вкусным, а остальные говорят, что сок должен утолять жажду (15%). На просьбу вспомнить и описать какую-либо из демонстрировавшихся по телевизору рекламных роликов о соке, 58% участников исследования назвали рекламу сока, в которой принимали участие дети, были семейные сюжеты и юмор. 12% людей вспомнило рекламу, так как в ней демонстрировалась роскошь и претензия на превосходство (со слов респондентов). 10% респондентов отметили рекламу, которая им запомнилась из-за участия красивой актрисы. И лишь 20% опрошенных ничего не смогли вспомнить.

Рекламные ролики, которые понравились молодым людям и девушкам статистически значимо не отличаются по своим характеристикам и их портреты максимально близки к их представлениям об идеальной рекламе ($p > 0,1$): реклама должна быть оптимистичной и поднимающей настроение, оригинальной и веселой, главный актер должен нравиться зрителям, а музыка должна сочетаться с сюжетом (результаты получены при помощи метода семантического дифференциала).

Характеристики видеороликов, которые не понравились юношам и девушкам, так же схожи ($p > 0,1$). Реклама не нравится, если она пессимистичная и грустная, используется обыденный сюжет, содержит мало информации о самом товаре, музыкальное сопровождение не сочетается с сюжетом, а актер не нравится. При сравнении портретов понравившегося и не понравившегося рекламного ролика (полученных методом семантического дифференциала) обнаружены статистически достоверные различия ($p < 0,05$) по таким характеристикам рекламы, как эмоциональность, навязчивость, искренность, соотношение между музыкальным сопровождением и товаром. Так, лучше будет восприниматься реклама: оптимистичная и поднимающая настроение, деликатно преподносящая товар, вызывающая позитивные эмоции, доверие (без ощущения того, что клиентов обманывают), с участием актеров, которые нравятся, и гармоничным музыкальным фоном.

Оказалось, что личностные особенности юношей и девушек с рекламными предпочтениями не связаны. На выбор рекламного сообщения как понравившегося или не понравившегося, в первую очередь, влияет форма предъявления рекламы, а не черты личности. Таким образом, ключевым моментом, от которого зависят рекламные предпочтения, является форма предъявления рекламы, а не индивидуальные характеристики респондентов.

Калмыкова А. И.

ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МУЖЕСТВЕННОСТИ У ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

В условиях социальных и жизненных изменений, наблюдаемых во всем мире, серьезные изменения произошли и в сфере гендерных представлений. Однако в настоящее время не без влияния феминистского движения существующие в обыденном сознании стереотипы маскулинности–фемининности, противопоставляющие мужчин и женщин (мужчины – доминантны, агрессивны, уверены, рациональны, а женщины – зависимы, эмоциональны, конформны, интуитивны) существенно меняются. Более того, на современном этапе общественного развития все чаще появляются утверждения о том, что современные мужчины не соответствуют изменившимся социальным условиям, о наличии «кризиса маскулинности».

Существуют разные стереотипы, представления, каноны маскулинности даже в пределах одной социальной и культурной системы. От того, как и под чьим влиянием осуществляется процесс гендерной социализации, в какой субкультуре происходит становление идентичности человека, зависят и его представления о маскулинности–фемининности. Так, в современном обществе активно развивается субкультура футбольных фанатов, которая нередко вызывает негативное отношение со стороны общества вследствие агрессивного поведения ее членов, обладающих жесткой, часто ригидной жизненной позицией.

Цель исследования – изучение существующих представлений, образов мужественности и их связей с личностными особенностями в среде мужчин – футбольных фанатов и мужчин, не являющихся футбольными фанатами. Выборку исследования составили две группы молодых людей. В одну группу вошли молодые люди, являющиеся футбольными фанатами (22 человека, средний возраст – 23 года). Они посещают более 70% домашних матчей команды за сезон, совершили несколько поездок в другие города на игры команды. Во вторую группу вошли молодые люди, которые не являются членами субкультуры футбольного фанатизма (25 человек, средний возраст – 22 года).

Для проведения исследования нами был сформирован методический комплекс, в который вошли следующие методики: «ассоциации» и «семантический дифференциал» для выявления представлений о мужественности и «настоящем мужчине»; методика диагностики психологического пола С. Бэма (для изучения степени выраженности черт маскулинности–фемининности); проективная методика «изображения» для изучения образов мужественности.

В результате исследования мы выявили, что для футбольных фанатов характерно присвоение себе как традиционно мужских, так и

традиционно женских качеств. Это проявилось в результатах проведенной методики С. Бэм, направленной на выявление психологического пола человека. Полученные данные показали, что для современных молодых людей характерна андрогинность в психологическом плане. При этом для футбольных фанатов характерна ярко выраженная тенденция к маскулинному психологическому полу, а для молодых людей, не являющихся членами фанатской субкультуры, характерна направленность на фемининность в проявлении психологического пола. В образном восприятии мужественности и мужественного человека для футбольных фанатов характерно отрицание качеств и внешних проявлений, которые традиционно обозначаются как женские. В качестве проявлений мужественности, формирования образа мужественного человека футбольные фанаты обращались к таким категориям, которые традиционно считаются мужскими. Кроме того, футбольные фанаты особым образом воспринимают и трактуют человеческую сдержанность. Для них сдержанность является формой проявления слабости, неуверенности, нерешительности. Сдержанность ими противопоставляется активности, решительности, целеустремленности и силе. Представление о мужественном человеке, образ мужественности в группе футбольных фанатов отличается стереотипностью, малой вариативностью, что свидетельствует о четком видении того, что есть мужественность и мужественный человек, а также подчеркивает традиционность представлений. Кроме того, футбольные фанаты продемонстрировали важность конструкта «мужественность» в структуре их мироощущения и представления себя в различных аспектах. Они хорошо знают, как должен выглядеть и как должен вести себя мужественный человек, и что ему не должно быть присуще. Они воспринимают себя как мужественных людей и предполагают развивать свою личность в сторону большей мужественности.

Каськова Д. С.

МОТИВАЦИЯ ДОСТИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривая спортивную деятельность как особый вид деятельности в целом, имеющий свою специфическую структуру и ряд особенностей, необходимо определить критериальное содержание спортивной деятельности. Особенности спортивной деятельности, описанные Е. П. Ильиным (2008), можно разделить на две группы. Первая группа особенностей характеризует условия спортивной деятельности, вторая – личностную значимость деятельности и отношение к ней со стороны спортсмена. Исходя из этого, в качестве критериев спортивной деятельности можно выделить ее успешность, которая определяется

уровнем спортивных достижений, и удовлетворенность, рассматриваемая через категорию положительной эмоциональной оценки. Описывая структуру спортивной деятельности, остановимся на анализе ее основных структурных компонентов. Блок мотивации спортивной деятельности – это совокупность различных побуждений к определенной активности, которые порождают, стимулируют и регулируют эту активность.

Мы предполагаем, что мотивация достижения спортсменов связана с успешностью спортивной деятельности. Область спортивной мотивации достижения и структуры мотивации весьма обширна. Она объединяет в определенный момент ряд мотиваторов, мотивов, интересов и целей, главных и второстепенных, которые взаимно сливаются, перекрываются, часто бывают взаимопротивоположными и создают настолько сложную и изменчивую мотивационную структуру личности определенного спортсмена, что их регулирующую деятельность бывает трудно понять и изучить. Здесь действуют и многочисленные причины, которые индивидуум либо представляет неполно, либо неправильно, либо вовсе не сознает их.

Большое влияние на мотивацию достижения спортсмена могут оказывать различные раздражители и факторы, исходящие из внешних условий. Одна из сложных задач для начинающего – научиться не реагировать на несущественные раздражители окружающих условий, и сосредоточивать внимание на наиболее значимых и информативных. Обдумывая тренировочное задание, тренер должен выделить для спортсмена то главное, чего можно достичь (научиться) в этом упражнении.

Рассмотрим некоторые основные виды внешних причин мотивации достижения более высоких результатов, имеющие значение для спортсмена (Дмитриенкова Л. П., 1980):

- 1) внешней причиной является соревнование в спорте;
- 2) другой внешней причиной является информация, или обратная связь, обеспечиваемая тренером (взаимоотношение тренера и спортсмена);
- 3) еще одна внешняя причина – взаимоотношение спортсмена с родителями.

Действие внешних факторов зависит также от так называемой нормы реакции организма, которая строго индивидуальна. Норма реакции определяется возрастом, индивидуальными особенностями (самооценка), тренированностью и другими факторами (Андреев А. Н., 2000, с. 254). По мнению А. В. Ермолина, особенностью мотивации достижения в подростковом возрасте является тот факт, что с возрастом (от младших школьников к юношам) снижается число ответов на вопросы о причине поступка. Это значит, что чем старше школьники, тем реже они ссылаются на внешние обстоятельства и факторы при объяс-

нении собственных действий и поведения. О смещении с возрастом мотивационных детерминант в сторону внутренних факторов говорят и изменение соотношения между внешними и внутренними предпочтениями в сторону последнего мотиватора (Ермолин А. В., 1996). Нужно отметить, что развитие мотивационной структуры в отдельных случаях очень индивидуально, его периоды у разных лиц могут быть различны по своей выраженности и продолжительности дифференциации (Ильин Е. П., 2000, с. 293).

Таким образом, на основе проведенного анализа представленных нами внешних факторов мотивации спортсменов, мы делаем следующий вывод. Основными внешними факторами, которые влияют на мотивацию достижения и структуру мотивации, согласно Л. П. Дмитриенковой, являются: обратная связь, обеспечиваемая тренером и характер взаимоотношения спортсмена с тренером. Причины, которые влияют на мотивацию достижения и структуру мотивации, могут быть самыми различными, и их трудно свести к каким-то очевидным принципам. Полагаться на действие только внешних стимулов не следует. Это существенные мотивационные факторы (стимул к деятельности), однако не стоит пренебрегать другими не менее важными источниками активности, ведь стремление к саморазвитию и самоутверждению, интерес к содержанию и процессу работы – также действенные мотивы деятельности и актуализация их способна обеспечить успех.

Каширина Н. В.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ И КРЕАТИВНОСТИ У УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

Выбор темы обосновывается возросшей популярностью Интернета как средства коммуникации в молодежной среде, а также влиянием различных факторов на зависимость от Интернета. В нашей работе мы хотели бы затронуть эти явления, а именно рассмотреть соотношение общения в Интернете, аддикции и процесса творчества. Для нашего исследования процесс творчества – это комбинирующая деятельность, т. е. любая модификация жизненного опыта или другой информации, в основе которой лежит соединение предыдущего опыта с новым: «кроме воспроизводящей деятельности, легко в поведении человека заметить и другой род этой деятельности, именно деятельность комбинирующую или творческую» (Выготский Л. С., 1997).

В данном исследовании мы рассматриваем личностную креативность респондентов, как один из аспектов творчества. Нами была выдвинута гипотеза о том, что в процессе общения он-лайн молодые люди выполняют комбинирующую деятельность, которая сопровождается ощущением реальности воображаемого. Для проверки гипотезы

была разработана авторская анкета, посредством которой предполагалось выявить отношение респондентов к Интернет-коммуникациям, их эмоциональное состояние в момент нахождения в сети, творческий потенциал, значимость для них реального и виртуального общения.

В анкетировании принимали участие 64 (26 юношей, 38 девушек) пользователя Интернета в возрасте от 16 до 27 лет. По результатам анкетирования гипотеза получила подтверждение.

Следующим этапом стало изучение личностной креативности лиц, имеющих предпосылки к Интернет-аддикции и не имеющих таковых. Предметом нашего исследования явилась связь между интернет-зависимостью и особенностями творческой личности. Задачей исследования мы поставили выявление этой статистически достоверной корреляции. Контингентом стали 17 наиболее активных пользователя Интернета, находящихся в одной возрастной группе (16–17 лет). Для выявления связи между уровнем интернет-зависимости и параметрами личностной креативности нами были использованы методики: диагностика личностной креативности (Туник Е. Е., 1998) и тест определения интернет-зависимости (Л. А. Колчанова). Для выявления связи использовался корреляционный анализ (критерий Спирмена).

Статистически достоверные связи обнаружены между показателями по результатам теста на интернет-зависимость и такой особенностью творческой личности, согласно методике Е. Е. Туник, как «сложность» (0,88 – связь наблюдается на уровне $p < 0,01$). Между показателями по результатам теста на Интернет-зависимость и «воображением» (0,51 – связь наблюдается на уровне $p < 0,05$). Между показателями по результатам теста на интернет-зависимость и «склонностью к риску» (минус 0,35 – существует тенденция к обратной корреляции).

Согласно полученным результатам, мы сделали следующие выводы. У респондентов с высоким уровнем воображения существуют предпосылки интернет-зависимости. Это можно объяснить тем, что «разделение реальностей происходит в результате разрушения или ослабления грани между реальностью, зависимой от произвольного усилия, и реальностью, не зависимой от него» (Смылова О. В., 2000).

Таким образом, конструируя свою собственную реальность в Сети, человек с более развитым воображением будет строить ее ярче и насыщенной, соответственно, из такой «реальности» сложнее будет выйти, от нее труднее будет отказаться. Высокий уровень по шкале «сложность» (субъект, ориентированный на познание сложных явлений, любит ставить перед собой трудные задачи) также предполагает риск возникновения аддикции. Это можно объяснить тем, что для поддержания мотивации к познанию сложных явлений требуется высокая заинтересованность, «подпитываемая» положительными эмоциями. Чем силь-

нее эти эмоции, тем сильнее у человека желание идти дальше. У респондентов с высокими показателями по шкале «склонность к риску», наоборот, существует тенденция к снижению показателей по тесту определения зависимости. Возможно, причина этого в стремлении человека, склонного к риску, быть независимым от чьего бы то ни было мнения, а последнее ценится в интернет-среде, потому что «общение онлайн» в основном построено на идентификации. В результате исследования наша цель была достигнута – выявлена статистически достоверная связь между склонностью к интернет-аддикции и такими особенностями творческой личности, как сложность и воображение. Соответственно, люди, у которых развиты эти особенности, попадают в группу риска, реализуя свой творческий потенциал в Интернет-коммуникациях.

Кичемасова С. К.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКТЕРА ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Интерес социальных психологов к профессиональной деятельности актера состоит в том, что она целиком построена на общении и, по мнению А. Н. Капустиной, качества личности, определяющие взаимодействие человека с человеком, представлены в профессии актера многопланово и всесторонне (Капустина А. Н., 1985). Профессиональная деятельность актера является проводником между автором–режиссером–зрителем и осуществляется в процессах общения: актер–образ, актер–актер, актер–зритель. В рамках динамического подхода нами было проведено исследование, в котором участвовали три группы испытуемых: подростки из школьного драматического кружка, студенты четвертого курса СПбГАТИ, профессиональные актеры драматических театров Санкт-Петербурга – общая численность выборки составляет 67 человек.

Для изучения профессиональных и личностных особенностей использовались многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С), методика «Кто Я?», групповая и экспертная оценки личности. Дисперсионный анализ результатов методики Кеттелла выявил, что признак «пол» не имеет статистически-значимых связей с личностными особенностями актера – мужчины и женщины, актеры обладают схожим профилем личности. Фактор «возраст», напротив, связан с изменчивостью некоторых показателей Кеттелла в трех выборках. Так, подростки в сравнении со студентами оказываются менее самостоятельными и независимыми в поведении (Е). Профессиональные актеры по сравнению со студентами с возрастом проявляют более развитую способность противостоять чужому воздействию (Q2). Факторы «пол» и «возраст» вместе статистически значимо влияют на изменчивость переменных

Ф и Н. Мальчики из школьной театральной студии демонстрируют более развитую эмоциональную сдержанность, чем юноши из группы студентов СПбГАТИ ($p < 0,01$). Мужчины-актеры, по сравнению со студентами мужского пола, чаще проявляют робость при социальном взаимодействии ($p < 0,05$). По остальным факторам методики Кеттелла в трех изученных выборках статистически значимых различий не обнаружено. Следовательно, существует определенная структура личностных качеств актера, выражающаяся в социально-психологическом плане в склонности к экстраверсии, смелости при социальном взаимодействии, развитом чувстве ответственности, прямолинейности и естественности.

Эмоциональная сфера актера характеризуется богатством эмоциональных переживаний, склонностью к рефлексии и мечтательности, а также тревожностью как свойством творческой личности. Интеллектуальные особенности отражаются в оперативности мышления, высоком уровне общей культуры, склонности мышления к аналитичности.

По результатам анализа методики «Кто Я?» на уровне статистической значимости доказано, что с возрастом у актера увеличивается выраженность объективной составляющей самооценки. Для субъективной составляющей наиболее выраженным в трех группах является эмоциональный компонент установки на себя, выражающий склонность к эмоционально-чувственному восприятию мира. В группах подростков и студентов в структуре установки преобладают когнитивный и эмоциональный компоненты, а поведенческий выражен меньше. У профессиональных актеров, несмотря на преобладание эмоционального компонента, установки на себя обладают большей согласованностью, т. е., воспринимая себя, актеры ориентируются и на свои мысли, и на чувства, и на поступки.

Результаты корреляционного анализа выявили, что в структуре взаимосвязей в трех группах системообразующими являются показатели методики Кеттелла. В группе подростков особенности общения и показатели эмоциональной сферы особенно проявляются в таких профессиональных качествах актера, как «сценическая убедительность», «выразительность голоса» и «обаяние». У студентов особенности взаимодействия с другими людьми и интеллектуальные характеристики отражаются в таких профессионально-важных качествах, как «выразительность голоса», «способность к перевоплощению», «чувство юмора», «убедительность». У профессиональных актеров особенности эмоциональной сферы и абстрактность мышления проявляются в «способности к перевоплощению», «сценическом обаянии» и «эмоциональности». Обнаружены взаимосвязи профессионально-личностных качеств актера с объективной и субъективной составляющими Я-концепции, а также с компонентами установки актера на себя.

Таким образом, можно сделать вывод, что личностные особенности проявляются в профессионально-важных характеристиках актера, образуя единый комплекс личностных и профессиональных качеств.

Клюева Н. Ю.

ПУТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ БЕЗДОМНЫХ ЛЮДЕЙ

Под бездомным понимается человек, потерявший жилье и социальные связи и на данный момент находящийся во взаимодействии с такими же, как он, людьми без постоянного места проживания. То есть это человек, переживший некоторый кризис в жизни, вследствие которого он утратил жилье или возможность проживания в нем, а также утративший прежние социальные связи, и который, попав на улицу, обрел новые. Бездомность – это социальное явление, характеризующееся наличием группы людей, оставшихся без жилья и потерявших старые социальные связи, после чего, попадая в уличную среду, они приобретают новые социальные связи и социальный опыт.

Вся работа, проводимая в нашей стране по ресоциализации бездомных людей, имеет недостаточный успех. Материальная, медицинская и социальная службы не справляются с поставленной задачей – выводом человека из ситуации бездомности. Нехватка опыта работы и психологической помощи со стороны социальных служб, а также мотивации со стороны самих бездомных людей приводят к тому, что количество бродяг увеличивается, а почти все люди, пробывшие на улице более полугода, остаются там навсегда.

Наши работы за последние четыре года были посвящены изучению феномена бездомности и личности бездомного человека, что позволило сделать ряд выводов о существенных характеристиках личности бездомных людей. На данный момент исследование продолжается и имеет своей целью создание комплексной программы ресоциализации бездомных людей.

Нами были выделены характеристики личности бездомного человека, свойственные в большей или меньшей степени всем людям этой категории: отсутствие близких социальных связей; одиночество; снижение уровня развитости познавательных процессов; низкий уровень ответственности; внешний локус контроля; волевые нарушения (отсутствие активной позиции в жизни; признание изменения ситуации при наличии стимула); отсутствие навыков общения с людьми не из среды бездомности; признание страха перед неизвестностью мира; стыд за свой социальный статус; низкий уровень осмысленности жизни; оправдание своих пороков; стресс. Данные характеристики мы обозначим как проблемы клиента. Запрос, с которым люди приходят на психологиче-

ские группы, несколько отличается от обозначенных выше проблем: потребность в общении, одиночество, отсутствие возможности для личностного развития.

На основании выделенных проблем клиента и запросов была составлена пилотная программа ресоциализации, которая на данный момент функционирует. Основными задачами группы являются: мотивация на изменение, признание важности собственных способностей для дальнейшей жизни, развитие навыков коммуникации, обучение работе в команде, развитие познавательных (восприятие, память, воображение, мышление, внимание) и творческих способностей, преодоление одиночества, поиск ресурсов, построение жизненного плана и повышение собственной значимости. Программа ресоциализации является комплексом разнонаправленных творческих методов: рисование масляными красками пальцами рук, создание аппликаций и коллажей, построение трехмерного макета Города Мечты, групповые и индивидуальные упражнения на развитие способностей и интеллекта, синаматерапия.

Данные занятия имеют определенные результаты: на 40% повышается коммуникабельность после месяца посещения занятий, 35% участников спустя два месяца обретают внутренний локус контроля, у всех участников повышается развитие способностей. Однако не наблюдается значительных изменений в мотивации и смысложизненных ориентациях, не претерпевают изменений также отношения в среде вне группы.

На данный момент нам видится необходимым продолжение исследования по следующим направлениям: изучение конфигурации иерархии мотивов, целей бездомных людей, уровня нравственности и человечности, изучение отношений личности. Кроме того, важным видится более детальное изучение среды обитания людей без определенного места жительства по двум направлениям: образ мира как субъективное представление о среде и объективная экспертная оценка социальной среды, где живут бездомные люди.

Козлова О. В.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

Поступив в профессиональное училище, молодой человек приобретает новый социальный статус, и в соответствии с этим изменяется его собственное отношение к себе. В этих образовательных учреждениях педагоги сталкиваются со сложным и, по существу, еще недостаточно изученным процессом ускоренной социализации. За сравнительно короткий срок в профессиональном училище у молодых людей происходит достаточно серьезный скачок в сознании, зависящий во многом

от окружающих его людей. Молодым людям приходится интегрироваться в непривычные условия обучения. Значительная часть привыкает к самостоятельному образу жизни и обстановке другого типа поселения. Потеря привычной для учащихся среды обучения и общения, а для некоторых и проживания – опасное состояние для юной личности, только что вступившей в общественную жизнь (Рожков М. И., 2008). Человек стремится к жизнеустройству, при котором он со своей собственной культурой, личностью и особенностями найдет свое место и будет чувствовать, что его уважают и ценят. Недостаточный уровень сформированности социальной компетентности личности в этих условиях может привести к необратимым разрушительным последствиям, которые ставят под сомнение возможности дальнейшего успешного существования человека.

Как показывает ряд исследований, развитие социальной компетентности подростков обусловлено потребностью в самоутверждении, самоопределении и включает развитие качеств личности, способствующих общению, развитию социальных умений и навыков, усвоению социальных ролей и полоролевых стереотипов. Кроме того, развитие социальной компетентности в подростковом возрасте обусловлено выраженной потребностью в эмоциональном благополучии и включает развитие способности к эмпатии, умению дифференцировать собственные эмоции и эмоции других людей, самоконтролю и самомотивации.

Смысл современного образования, и профессионального в том числе, заключается в развитии у учеников и студентов способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и их собственный опыт. На рубеже XX–XXI вв. в психологии социальная компетентность личности все чаще рассматривается исследователями в качестве глобальной характеристики человека, необходимой для его адаптации и самореализации в современной социальной среде (Н. В. Калинина, Е. В. Коблянская, В. Н. Куница, М. И. Лукьянова и др.).

Диагностика исходного уровня развития социальной компетентности учащихся профессионального училища на констатирующем этапе исследования показала:

1. Общение со сверстниками носит противоречивый характер: присутствует доброжелательность и конфликтность, агрессивность.
2. Их взаимодействие часто характеризуется ситуацией «каждый сам по себе».
3. Считают свое мнение главным, нетерпимы к мнениям товарищей, что порождает незаинтересованность в совместной деятельности.

4. Плохо знают нормы и правила поведения в обществе.
5. Не понимают необходимость образования, слабо развита мотивация к учению, познанию.
6. Низкая социальная активность. Непонимание роли собственной активности свидетельствует о недостаточной ответственности в жизни и нежелании брать на себя такую ответственность.
7. Не знают конструктивных способов разрешения конфликтов.
8. В совместной работе с коллективом не включаются в решение проблем, не принимают критику, деструктивно выражают критику, допускают оскорбительные высказывания.
9. Выполняя совместную деятельность, не заинтересованы в достижении общего положительного результата.

В связи с этим для повышения уровня развития социальной компетентности учащихся в училище необходимо создание атмосферы постоянной заботы о учащихся, их социальной поддержки; ориентация содержания и форм учебной и внеучебной работы с учащимися на активность и деятельность самих детей, на проявление ими самостоятельности в организации и проведении различных мероприятий; широкое привлечение учащихся к участию в общественно полезной и творческой деятельности.

Козыренцева Л. С.

РЕСУРСЫ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Современные условия жизни предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям человека. Одним из психологических механизмов адаптации человека к изменившимся социальным условиям является его совладание с возникающими трудностями. Поэтому становится понятен интерес к этому феномену поведения, поскольку психологическое совладание и юношей, и девушек в трудных (стрессовых) ситуациях во многом определяет эффективность их социально-психологической адаптации. В понимании содержания процесса преодоления трудностей и стресс-факторов, обуславливающих его эффективность, особая роль отводится ресурсам личности.

Изучить ресурсную сферу в юношеском возрасте позволило нам проведение исследования, в котором приняли участие 42 учащихся гимназии № 3 города Минска в возрасте 15–17 лет. В качестве методики исследования нами была выбрана «шкала оптимизма и активности» (Водопьянова И. Я, 2009). Методика позволяет оценить степень выраженности двух переменных – оптимизма и активности личности, а также определить психологические типы по оси оптимизм – пессимизм. Согласно полученным результатам, большинство юношей и девушек

(69%) являются «активными оптимистами» («энтузиастами»): они верят в свои силы и успех, позитивно настроены на будущее, предпринимают активные действия для того, чтобы добиться желаемых целей. Они бодры, жизнерадостны, в основном не подвержены унынию и плохому настроению, легко и стремительно отражают удары судьбы, как бы тяжелы они ни были. В трудных ситуациях используют проблемно-ориентированные стратегии преодоления стресса.

Было выявлено, что некоторые учащиеся (17%) относятся к «реалистам»: они адекватно оценивают текущую ситуацию по своим силам (возможностям) и не пытаются прыгнуть «выше головы», довольствуются тем, что имеют, они устойчивы к психологическому стрессу.

Полученные по методике результаты также свидетельствуют о том, что часть юношей и девушек (10%) являются «пассивными оптимистами» («лентяями»). Их девизом можно считать слова: «Все как-нибудь само образуется». Такие люди уверены в том, что «все будет хорошо», хотя и не предпринимают для этого никаких усилий. Они добродушны, веселы и умеют даже в плохом находить что-то хорошее, однако их отличительной чертой является недостаток активности. Они больше надеются на случай, на удачу, чем на собственные силы. Склонны к пассивному ожиданию или откладыванию принятия решений.

Было обнаружено, что меньшинство учащихся юношеского возраста относятся к «активным пессимистам» (2%) и «пассивным пессимистам» (2%). Для «активных пессимистов» («негативистов») свойственна большая активность, но эта активность часто имеет деструктивный характер. Такие люди, вместо того чтобы созидать новое, предпочитают разрушать старое. В стрессовых ситуациях часто используют агрессивные стратегии совладающего поведения. Что касается «пассивных пессимистов» («жертв»), то они характеризуются преобладанием мрачного и подавленного настроения, пассивностью, отсутствием веры в свои силы. В трудных ситуациях предпочитают стратегии ухода от решения проблем, считают себя жертвой обстоятельств.

Таким образом, среди юношей и девушек есть как «энтузиасты» и «реалисты», так и «лентяи», «негативисты» и «жертвы». Однако «энтузиастов» большинство. Это свидетельствует о том, что оптимизм как позитивная жизненная установка в сочетании с активностью – это психологический ресурс устойчивости личности к жизненным стрессам, который способствует совладающему поведению и тем самым препятствует развитию негативных стресс-синдромов, таких как синдром психического выгорания.

Колотилина В. В.

ВЫБОР ПАРТНЕРА ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Любовь на протяжении столетий была и остается предметом дискуссий в искусстве, религии, а также в обыденном познании. Однако долгое время эта тема оставалась без внимания в академической психологии по причине трудности изучения. В отечественной психологии проблема любви рассматривается в рамках психологии общения и межличностных отношений (Гозман Л. Я., 1987; Ильин Е. П., 2009; Петрушин С. В., 2006; Куницына В. Н., 2001), семейной психологии (Андреева Т. В., 2004; Шнейдер Л. Я., 2006 и др.) и психотерапии (Эйдемиллер Э. Г. и Юстицкий В., 2008; Кратохвил С., 1991 и др.). В западной психологии подробно представлены теории любви, стадии, типы. В психологии описывается опосредованность личной истории человека предыдущим опытом: отношениями в семье (Залкиндт А. Б., 2001; Москаленко В. Д., 1991; Шульц В., 2001 и др.), сценарием жизни (Берн Э., 2004; Джеймс М. и Джонгвард Д., 1995; Сонди Л., 2007; Стюарт Я. и Джойнс В., 1996 и др.), особенностями детско-родительских отношений (Левкович В. П., 2008; Каптерев П. Ф., 1999), ролью любви матери (Боулби Дж., 1969 и Эйнсворт М., 1989; Лангмейер Й. и Матейчек З., 1984; Марцинковская Т. Д., 2000 и др.), базовым уровнем дифференциации (Боуэн М., 1978; Варга А. Я., 2005; Хамитова И. Ю., 2003; Керг М. Е., 1988 и др.), отношениями со сверстниками в разные возрастные периоды (Каган В. Е., 1987; Зеньковский В. В., 1995; Кон И. С., 1989 и др.). Опыт первой любви выступает фактором самоопределения личности (Клей М., 1991; Кон И. С., 1989; Несына С. В., 2004), понимания себя (Шпрангер Э., 1997; Штерн В., 1997); источником представлений о смысле любви (Вараксина Е. В., 2008).

Исследования жизненного опыта ограничены его влиянием на особенности выстраивания отношений с другими, проблема же последствий первых любовных отношений не поставлена и является, таким образом, принципиально новой областью научного знания. В отечественной психологии образ партнера крайне редко является предметом теоретических и практических исследований. Аспекты проблемы выбора партнера освещались в соотношении с социально-демографическими и личностными характеристиками в работах Т. В. Андреевой (2004), А. И. Волковой, В. И. Штильбанс (1989), В. А. Сысенко (1981), М. А. Абалакиной (1987) и др. Одним из первых, кто размышлял о причинах выбора партнера, был З. Фрейд, теория которого опирается на предположение о влечении, которое дети испытывают к родителю противоположного пола и могут переносить ее на потенциальных партнеров. Дальнейшие поиски причин выбора партнера велись главным

образом в зарубежной социальной психологии: теория комплементарных потребностей Р. Уинча, теория «субъект–ценность–роль» Б. Мурстейна, инструментальная теория подбора супругов Р. Сентерса, теория «фильтров» А. Керкгоффа и К. Дэвиса и др.

В исследовании, проведенном на базе МУ «Центр социальной помощи семье и детям» г. Кемерово в октябре 2010 г, приняло участие 60 человек (30 мужчин и 30 женщин) в возрасте 30–40 лет. Средний возраст – 32,6 лет. В браке состоят 31 человек (11 женщин и 20 мужчин), в когабитационном союзе 14 человек (11 женщин и 3 мужчин), не имеют отношений 15 человек (9 женщин и 6 мужчин).

Автор использовала психобиографическую анкету «первая любовь» (авторская), с ее помощью изучался характер переживания чувства первой любви; методику Т. Лири для получения данных об образе первого, реального и идеального партнеров.

Анкетирование позволило разделить выборку на три группы: гр. 1 (15% выборки) – респонденты со «счастливым», гр. 2 (30%) – «нейтральным» и гр. 3 (55%) – «драматическим» характером опыта первой любви. Для образа первого партнера характерно значимое отличие респондентов гр. 3 по октантам «авторитарность» ($m_2 = 3,3$ $m_3 = 4,9$, $t =$ минус 2,5 при $p = 0,02$), «эгоцентричность» ($m_2 = 2,2$ $m_3 = 4,7$, $t =$ минус 3,9 при $p = 0,0003$) и фактору «доминирование» ($m_2 = 0,9$ $m_3 = 4,9$, $t = -2,6$ при $p = 0,013$).

Идеальный партнер респондентам гр. 3 представляется скромным и эмоционально сдержанным ($m_2 = 2,3$ $m_3 = 3,6$, $t = -2,6$ при $p = 0,01$). В гр. 3 обнаружена прямая связь ($p < 0,05$) октант «авторитарность», «эгоцентричность», «агрессивность», «недоверчивость» и «гиперпротективность» в образах первого и реального партнеров.

Первая любовь – один из самых распространенных и значимых феноменов взаимоотношений мужчины и женщины, и его исследование является весьма востребованным. Любовь является значимым событием, в продолжение всей жизни есть несколько вех, которые разграничивают ее на периоды «до» и «после встречи» с любимым человеком, образ которого может определить выбор спутника для последующих отношений.

Комарова А. И.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОЛЛЕКТИВИСТСКИХ КУЛЬТУРАХ

«...Мы бездумно полагаем, что то, что является верным для нашей культуры, так же верно и для любой другой. На самом деле существуют огромные различия между разными культурами» (Айзенк М., 2002). Культура имеет значение не только для социально-

экономического развития страны, но и определяет модель взаимодействия ее представителей как друг с другом, так и с представителями других групп. Одним из важных компонентов структуры личности, выполняющим функцию регулятора поведения, являются культурные ценности. Ш. Шварц понимает под ценностями критерии, по которым человек действует, оценивает свои действия и строит свое отношение к миру. Ученый разделяет ценности на уровне личности (индивидуальные различия) и ценности на уровне культур (различия в социальных культурах) (Лебедева Н. М., 2008).

Изучение доминирующих в обществе ценностей позволяет проанализировать изменения, происходящие в культуре в реалиях сегодняшнего дня. Нас, в первую очередь, интересует вопрос об иерархии культурных ценностей у представителей русской, калмыцкой и китайской культур. Выбор обозначенных этнических групп обусловлен несколькими обстоятельствами, основным из которых является выявление специфических особенностей иерархии ценностей в различных коллективистских культурах. Изучение обозначенной проблемы проводилось с использованием «опросника культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца (перевод и адаптация Н. М. Лебедевой)».

В качестве объекта исследования выступили 203 русских, 62 калмыка, 62 китайца. Все испытуемые – студенты в возрасте 20–22 года. Для китайских студентов опросник был переведен на китайский язык с последующей проверкой, которая осуществлялась путем обратного перевода. В зависимости от иерархии ценностей испытуемых нами выявлены следующие результаты: в культурах этнических групп русских и калмыков в большей степени, чем в группе китайцев ($p \leq 0,001$), личность рассматривается как принадлежащая к группе, идентифицирующая себя с ней, видящая смысл в социальных связях. Для данных этнических групп характерно внутреннее согласие с ценностью добровольного объединения с другими и заботой об их благе, их поведение более социально-ответственно, направлено на преодоление эгоизма, ориентировано на равенство, социальную справедливость, ответственность, свободу; представители всех трех этнических групп в равной степени характеризуются как любознательные, открытые, изобретательные, которым свойственны право индивида следовать своим интеллектуальным путем, широта взглядов и независимость идей; калмыки в большей степени, чем русские ($p \leq 0,01$), а русские больше, чем китайцы ($p \leq 0,01$), ориентированы на независимую устремленность индивида к переживанию позитивных эмоций, принимают мир таким, какой он есть, ориентированы на единство с природой, защиту окружающей среды; калмыки ($p \leq 0,001$) и китайцы ($p \leq 0,01$) в большей степени, чем русские, ориентированы на авторитетность, богатство, соци-

альную власть, подчинение правилам, обязанностям и предписанным ролям; русские в большей степени, чем калмыки, ориентированы на самоутверждение и продвижение вперед, стремятся изменить и подчинить себе социальный и природный мир и использовать его в своих и групповых интересах ($p \leq 0,001$). Китайцы по данным показателям занимают промежуточное положение, при этом достоверных различий между группами «русские–китайцы» и «китайцы–калмыки» не выявлено.

Выявленный ценностный профиль свидетельствует о том, что ценности определяются принадлежностью к той или иной этнической группе, в различных коллективистских культурах каждая ценность вносит свой вклад в этот профиль и играет в нем свою специфическую роль. Одним из объяснений полученных феноменов может быть то, что, во-первых, в настоящее время представители различных этнических групп в разной степени стремятся к индивидуальному успеху, во-вторых, на иерархию ценностей влияет православие у русских, буддизм у калмыков, конфуцианство у китайцев. Культура выполняет регулятивную функцию, она определяет характер поведения и общения людей, т. е. культурное влияние отражается на преобладании тех или иных ценностей, которые, в свою очередь, определяют характер и качественные характеристики групповых и межличностных отношений, аффективные проявления (эмоции и чувства), обычаи и ритуалы, выбор мотивационных стратегий.

Копылова П. В.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

В процессе лечения и реабилитации людей с алкогольной зависимостью проблема межличностного взаимодействия носит приоритетный характер. Лечение и реабилитацию пациентов наркологических учреждений целесообразно строить в виде совместной деятельности больного и персонала, целью которого является восстановление позитивного социального функционирования и здорового жизненного стиля. С точки зрения отечественной психологии, смысл взаимодействия раскрывается при условии включенности его в общую деятельность (Андреева Г. М., 1994), определяется соотношением индивидуальных «вкладов» участников (Хараш А. У., 1977, Уманский Л. И., 1977), «окрашивается» эмоциональными отношениями, ориентациями и установками партнеров (Обозов Н. Н., 1979).

Данное исследование представляет собой попытку изучить особенности межличностного взаимодействия людей с алкогольной зависимостью, в процессе экспериментально организованной совместной

деятельности. Исследование проводилось в виде серий экспериментов, в которых пары испытуемых вовлекались во взаимодействие при помощи «аппаратурной методики "Арка"» (А. С. Чернышев, С. В. Сарычев), кроме того, дополнительно в эксперимент было введено задание по сборке пазла. Оценивание параметров взаимодействия проводилось по разработанному нами профилю критериально-экспертной оценки, за основу которого была принята классификация типов взаимодействия Ф. Бейлса.

Для проверки статистических гипотез использовался непараметрический критерий U Манна-Уитни. Исследование осуществлялось на базе наркологического отделения Областного наркологического диспансера г. Курска. В исследовании приняли участие десять пар испытуемых, в которых оба испытуемых имеют алкогольную зависимость, и десять пар, в которых один из испытуемых имеет алкогольную зависимость, а другой условно отнесен нами к категории здоровых испытуемых, т. е. не имеющих химической зависимости. Общий объем выборки испытуемых с алкогольной зависимостью составил 30 мужчин в возрасте 20–55 лет, здоровых испытуемых десять мужчин в возрасте 21–50 лет. Исследование было организовано в виде двух серий экспериментов: взаимодействие в диадах зависимый–зависимый; диадное взаимодействие в системе зависимый–независимый. После чего была осуществлена критериально-экспертная оценка особенностей диадного взаимодействия и анализ полученных результатов. Статистический анализ полученных данных позволил выявить значимость различий с тенденцией к возрастанию показателей в группе диад зависимый–зависимый по следующим параметрам: «поддержка действий партнера» (Uэмп = 24, Uкр = 27); «высказывание предложений» (Uэмп = 15, Uкр = 27), «проявление удовлетворенности результатом работы» (Uэмп = 13, Uкр = 27). Экспериментальная группа диад зависимый–независимый значительно отличается по повышенным параметрам «осуждение действий партнера» (Uэмп = 24, Uкр = 27), «выражение несогласия с партнером» (Uэмп = 18, Uкр = 27), «проявление безразличия к результату работы» (Uэмп = 20,5, Uкр = 27).

Таким образом, гипотеза о том, что межличностное взаимодействие людей с алкогольной зависимостью обладает рядом особенностей, подтвердилась. Взаимодействие людей с алкогольной зависимостью между собой характеризуется наличием поддержки, открытым высказыванием мнений и предложений, а также положительной установкой в отношении деятельности и ее результата. В то время как взаимодействие людей с алкогольной зависимостью со здоровыми представителями общества характеризуется неприятием точек зрения друг друга, осуждением, а также безразличием к результату взаимодействия, а, следовательно, и к самому процессу. Данное исследование экспериментально

иллюстрирует настоящую проблему лечения и реабилитации лиц с алкогольной зависимостью. Процесс лечения, психотерапии, реабилитации всегда связан с взаимодействием людей с алкогольной зависимостью с врачами, психотерапевтами, психологами, социальными работниками, не имеющими алкогольной зависимости. Результаты исследования свидетельствуют о нарушенном характере данных отношений, и в то же время указывают на способы их оптимизации. Психотерапия и сопровождение лечения алкогольной зависимости, должны включать в себя: принятие личности человека с алкогольной зависимостью; самораскрытие и эмоциональную вовлеченность участников лечебного взаимодействия.

Крючкова Ю. М.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Сегодня возможность получения образования за рубежом имеет практически каждый, кто заботится о своем будущем и о своей карьере. В последнее время все больше украинских студентов получают образование за рубежом. Нас заинтересовала адаптация украинских студентов в новой учебной среде и как этот процесс связан с их толерантностью. Исследование проводилось на базе московских вузов и колледжа живого библейского слова в городе Суон Ривер, провинция Манитоба, Канада. В исследовании участвовали 28 украинских студентов в возрасте 18–23 лет (14 человек, обучающихся в России и 14, проходящих обучение в Канаде).

С целью диагностики толерантности использовался «экспресс-опросник «индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова)». Диагностика уровня межкультурной адаптации проводилась с использованием опросника АЛКСС (опросник адаптации личности к новой социокультурной среде [Оригинальный вариант Л. В. Янковского, модифицированная версия Т. Г. Стефаненко, М. С. Панова]).

Достоверность различий в средних значениях оценивалась с помощью сравнительного критерия Манна-Уитни. Нами было выявлено значимое различие между канадскими украинцами и российскими по одному показателю – толерантности как черте личности. Уровень личностной толерантности выше у студентов, проживающих в Канаде. Уровень толерантности как черты личности у канадских студентов выше, чем у российских, т. е. у канадских украинцев более развиты те личностные черты, убеждения и установки, которые в значительной мере определяют отношение респондентов к окружающему миру, чем у российских. Кроме того, у канадских украинцев незначительно выше

уровень этнической толерантности, т. е. отношения к представителям других этнических групп. Показатели же социальной толерантности, т. е. проявлений в отношении различных социальных групп, у канадских и у российских украинцев одинаковы.

Значимые различия в средних значениях межкультурной адаптации канадских и российских украинцев выявлены по двум показателям – интерактивность и ностальгия. Более высокий уровень выявлен у канадских украинцев. Канадские украинцы в большей мере расположены к расширению социальных связей, принятию новой культурной среды, активному вхождению в эту среду. Они стремятся к самореализации, у них более высокий уровень активности, уверенности в отношениях с другими, они планируют свое будущее.

Показатели шкалы конформность одинаково высоки и у канадских респондентов, и у российских, что можно интерпретировать как стремление при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентацию на социальное одобрение, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми, стремление принять систему ценностей и норм поведения данной среды.

Показатели шкалы депрессивности довольно низкие, но у российских респондентов они незначительно выше. У украинцев, обучающихся в России, чаще возникает ощущение невозможности реализовать свой уровень ожиданий, связанный с социальной и профессиональной позицией, беспомощность перед жизненными трудностями, сочетающаяся с чувством бесперспективности, сомнения, тревога относительно социальной идентичности. Им сложнее реализовывать собственные способности, что связано с неприятием себя и других, чувством подавленности, изолированности.

Шкала ностальгии имеет самые высокие значения в обеих группах, но у российских респондентов они незначительно выше. В этом случае мы можем говорить о том, что и канадские, и российские украинцы испытывают внутреннее расстройство и смятение из-за чувства разьединенности с традиционными ценностями и невозможности обрести новые; ощущения того, что человек «не на своем месте».

Показатели шкалы отчужденность у российских украинцев немного выше, т. е. российским украинцам более свойственно испытывать неприятие к новому социуму, озабоченность своей идентичностью и своим статусом, влияние внешнего контроля на общее неприятие себя и других, они убеждены, что собственные усилия могут лишь в незначительной степени повлиять на ситуацию.

Подводя итог нашему исследованию, мы можем говорить о том, что украинские студенты, проживающие в Канаде, адаптируются лучше, чем украинские студенты, проживающие в России. В целом, прове-

денный анализ позволяет говорить о том, что высокий уровень толерантности способствует лучшей адаптации студентов к новым социокультурным условиям.

Кузекина Р. Б.

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОКОРРЕКЦИИ ПРОБЛЕМ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТТС

Ни для кого не секрет, что в нашей стране есть масса людей, так или иначе отбывающих наказание за собственные деяния. Наиболее уязвимой к воздействию среды колонии является молодое поколение, которое мы теряем по тюрьмам в большом количестве. В данной ситуации необходима активизация всех механизмов, которые помогают человеку чувствовать себя свободным. Наиболее доступным является творчество – оно помогает человеку почувствовать себя свободным, он волен творить все, что он захочет, а бумага, как известно «стерпит все». Во время творческого процесса может быть задействован и другой механизм – в создании чего-то нового и созидании уже созданного человек подробнее знакомится с самим собой, раскрывает новые грани. Этим и интересен данный процесс. Работа с творческими практиками – ТТС в том числе – путь к изменению личностной истории.

Руководствуясь данной идеей, мы составили программу занятий с малолетними преступниками, новизна которой заключалась в использовании биографий известных людей, имеющих опыт личностного развития в условиях заключения, и именно творчество имело для них целетельную силу.

Целью исследования явилось изучение динамики личностных качеств (тревожности, агрессивности, отношения к себе и другим) заключенных в ходе групповой коррекции. Нашу выборку составили молодые люди – заключенные ОВК в количестве десяти человек в каждой группе, в возрасте от 15 до 17 лет. Программа состояла из двух этапов. Первый – «диагностико-ознакомительный». Его основные цели: знакомство, диагностика, установление доверительных отношений, ознакомление с программой. Мы познакомились с биографией О. Генри, обсуждали, далее следовало прочтение рассказа «дары Волхвов», обсуждение. Далее, по примеру испытуемые составляли собственные рассказы (для помощи они могли воспользоваться предметами из коллекции игрушек). После чего мы читали эти рассказы и корректировали концовку всей группой.

Второй «психокоррекционный этап» состоял из четырех встреч. На первой мы познакомились с биографией А. Грина. После мы прослушивали восемь музыкальных отрывков, оценивали их, рисовали наибо-

лее понравившийся. В заключение были презентации работ и обсуждение.

На следующей встрече мы знакомимся с биографией Ф. М. Достоевского, писали список помогающих/мешающих качеств собственной личности. Далее мы выбирали 1–2 качества из списка и писали о них небольшие рассказы, после чего мы их читали и при необходимости корректировали. На четвертой встрече мы знакомимся с биографией А. Солженицина. Далее было два этапа: из предложенных предметов выбор «себя» и «не себя», с последующим выкладыванием коллажа/ написания рассказа о них и обсуждение проделанной подборки, презентация работ, обсуждение темы «я – это». На последней встрече мы знакомимся с биографией Н. Г. Чернышевского. Далее следовал выбор двух фотографий из предложенных по принципу «нравится/не нравится», описание/рисование чувств, которые они вызывают, прочтение по желанию. Это также был и завершающий этап, на котором мы обсуждали проделанную работу и прощались.

Сравнивая данные диагностики перед проведением занятий и после них, мы обнаружили, что проведение психокоррекционных занятий в экспериментальной группе оказало положительное влияние на проявление таких личностных качеств, как ситуативная тревожность ($T = \text{минус } 2,66; p \leq 0,01$), физическая агрессия ($T = \text{минус } 2,72; p \leq 0,05$), чувство обиды и вины ($T = \text{минус } 2,37; p \leq 0,05$) – заметно снизив показатели по этим параметрам; параметр «силы» был заметно повышен ($T = \text{минус } 2,68; p \leq 0,01$).

Мы понимаем данные результаты как положительное влияние проведения психокоррекционной программы. Это можно объяснить следующим: в процессе занятий испытуемые овладели социально приемлемыми формами выражения эмоций (рисунок, рассказ и т. д.), в том числе негативных, что способствовало снижению потребности активного выражения агрессии в отношении другого лица и ее переориентации на социально одобряемые формы выражения. Снижение чувства вины и обиды можно объяснить активным вовлечением в работу, что способствовало отвлечению от данных переживаний, улучшению взаимодействия и снижению напряжения.

Согласно результатам исследования, краткосрочный курс ТТС может быть рекомендован для проведения в среде малолетних преступников с целью формирования у них самоидентификации и позитивного отношения к себе и своим особенностям, а также для улучшения и облегчения процессов адаптации, социализации и ресоциализации.

Куклина Ю. А.

СВЯЗЬ КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В ГРУППЕ

В настоящее время групповая работа по принятию решений стала очень важной частью нашей жизни. На многих производственных предприятиях, в различных компаниях и корпорациях в силу своих очевидных преимуществ именно этот вариант используется наиболее часто. В связи с этим возникает очень важный вопрос – как сформировать команду, которая будет максимально эффективно решать поставленную задачу? Наиболее разработанным и широко используемым, на наш взгляд, является ролевой подход английского психолога Р. М. Белбина (Белбин Р. М., 2009). Белбин полагает, что успешные команды имеют несколько ключевых фигур. Он выделяет девять основных ролей: Работник компании (Реализатор), Председатель, Шейпер, Генератор идей, Исследователь ресурсов, Аналитик-стратег, Душа команды, Педант, Специалист. Работника компании отличает дисциплинированность, добросовестность, здравомыслие, терпимость к окружающим, консервативность и высокая степень самоконтроля. Председатель обладает высоким уровнем способности к умозаключениям, самодисциплиной, склонностью к доминированию, сильной преданностью работе, а также спокойствием и самодисциплиной. Шейпер эмоциональный, коммуникабельный, стремится к победе, а не к получению знаний. Генератор идей чаще всего имеет высокий интеллект, оригинальное мышление и является интровертом. Исследователь ресурсов является креативным, общительным, имеет низкий уровень тревожности и часто проявляет энтузиазм к работе. Аналитик-стратег отличается предусмотрительностью, рассудительностью, расчетливостью, отсутствием эмоциональности. Душа команды – мягок, отзывчив, чувствителен, поднимает дух команды. Характерными чертами Педанта являются старательность, методичность, добросовестность, перфекционизм. Специалист – опытный человек, эксперт в области решаемой проблемы, эта роль не имеет каких-либо универсальных поведенческих проявлений.

По Р. М. Белбину командная роль описывает набор поведенческих характеристик того, как один член команды взаимодействует с другим, причем его деятельность служит достижению результата всей командой в целом. Мы считаем, что одним из важнейших критериев выбора роли при групповой работе являются определенные когнитивные особенности, которыми обладает человек. К таким особенностям в первую очередь относятся когнитивные стили, степень развития различных видов и типов мышления, вербальные способности, а также степень развития воображения (Реан А. А., 2002). Исходя из этого, мы предполагаем, что роль Работника компании отличается некоторой ри-

гидностью, интолерантностью к нереалистическому опыту, внутренним локусом контроля, дискурсивностью; Председатель обладает средним уровнем интеллекта, когнитивно простой, адаптивный; Шейпер имеет гибкий познавательный контроль, импульсивен, ярко выражена физиогномичность, дискурсивность; у Генератора идей, скорее всего, выражена холистичность, инновативность, интуитивность, исследовательский стиль, он также имеет дивергентное мышление, полнезависим, толерантен к нереалистическому опыту, чаще прибегает к абстрактной концептуализации; Исследователя ресурсов отличает полнезависимость, гибкий познавательный контроль, импульсивность, холистичность, исследовательский стиль решения задач; Аналитик-стратег когнитивно сложный, обладает сканирующим контролем, рефлексивностью, конвергентным мышлением и ассимилятивным стилем решения задач; Душа компании проявляет рефлексивность и интолерантность к нереалистическому опыту; наиболее характерные черты Педанта – полнезависимость, узкий диапазон эквивалентности, узкая категоризация, ригидный познавательный контроль, рефлексивность, конкретная концептуализация, буквальность; у Специалиста достаточно сложно выделить какие-либо отличительные когнитивные особенности (Холодная М. А., 2004). В ближайшее время мы планируем проверить наше предположение о взаимосвязи когнитивных особенностей и занимаемых ролевых позиций при принятии решений в группах в экспериментальной серии. В дальнейшем эти данные могут быть полезны при первичном и вторичном подборе персонала, а также при формировании различных команд.

Курочкина И. М.

Вихрева С. Ю.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Актуальность этой проблемы обусловлена, главным образом, ростом разводов, как в нашей стране, так и за рубежом. Факторы, влияющие на стабильность молодой семьи, многообразны (Ерш Е., Гидревич Т., 2000; Александров И. Ф., 2003). Особенности добрачных отношений, наблюдаемые в начальный период семейной жизни молодых людей, оказывают сильное влияние на благополучие их будущих семей. Они могут либо укрепить семью, либо создать риск для ее дестабилизации и распада. Поэтому эти факторы, которые включают и длительность добрачных отношений, получили также название «факторы риска» (Левкович В. П., 2009).

Цель нашего исследования состояла в выявлении влияния продолжительности добрачных отношений на семейное благополучие супругов. В эксперименте участвовали 24 супружеские пары, проживаю-

щие в г. Великие Луки Псковской области; возраст респондентов до 30 лет, стаж брака – от одного года до четырех лет. Все испытуемые были распределены на 3 группы:

- в I группу вошли супружеские пары со сроком добрачных отношений, не превышающих 6 месяцев;
- II группу составили супружеские пары со сроком добрачных отношений от 6 месяцев до 3 лет;
- к представителям III группы относятся супружеские пары со сроком добрачных отношений свыше 3 лет.

В качестве методов исследования нами использовались:

- 1) анализ научно-методической литературы;
- 2) констатирующий эксперимент;
- 3) психодиагностические методики (тест-опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. Д. Бутенко; методика измерения уровня любви и симпатии З. Рубина; опросник «особенности общения между супругами» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской);
- 4) математико-статистическая обработка данных (t-критерий Стьюдента для независимых выборок).

В ходе диагностики уровня удовлетворенности браком были получены следующие результаты: 62,5% супружеских пар из I и III групп значительно не удовлетворены своими брачными отношениями, это служит показателем того, что их общее эмоциональное и морально-психологическое состояние находится на низком уровне; в свою очередь, такое же количество семей из II группы удовлетворены супружескими отношениями, т. е., по мнению супругов, их семейная жизнь оправдала свои ожидания, общество друг друга доставляет им большое удовольствие, внутри семей оказывается достаточно высокая эмоциональная поддержка.

Достоверные различия по изучаемым показателям выявлены между I и II группами ($t = \text{минус}2,254; p \leq 0,05$) и II и III группами ($t = 3,690; p \leq 0,01$). При изучении преобладания любви и симпатии было выявлено, что у 75% супружеских пар из II группы отмечается взаимопонимание и любовь в семье, т. е. данным парам наиболее присущи чувство привязанности и заботы. Кроме того, делаем вывод, что у 75% супружеских пар из I и III групп испытуемых преобладает чувство симпатии в отношениях с партнером. Выявлены достоверные различия по шкале симпатии между I и II группами ($t = 2,442; p \leq 0,05$).

Результаты исследования особенностей общения во всех трех группах испытуемых показали, что у большинства супружеских пар из I группы по всем изучаемым шкалам диагностирован средний уровень общения между супругами, кроме шкалы «Доверительность общения» в

оценке себя, где был определен низкий показатель. У 62,5% супружеских пар из II группы респондентов выявлен средний показатель по шкалам «доверительность общения» и «психотерапевтичность общения», по всем остальным шкалам отмечается высокий уровень. Одинаковый процент (37,5%) супружеских пар из III группы показали как средние, так и низкие результаты по всем шкалам, кроме «легкость общения» и «взаимоотношения между супругами» в оценке партнера. Были выявлены достоверные различия между супругами в I и II группах испытуемых по всем изучаемым шкалам, между II и III группами испытуемых по следующим шкалам: «доверительность общения» ($t = 2,143$; $p \leq 0,05$), «Сходство во взглядах» ($t = 2,132$; $p \leq 0,05$) и «Общие символы» ($t = 2,659$; $p \leq 0,05$). Между I и III группами респондентов достоверных различий не выявлено.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что положительное влияние на благополучие в молодой семье оказывает длительность добрачного периода от шести месяцев до трех лет. «Фактором риска» может являться как слишком короткий (до шести месяцев), так и длительный (более трех лет) срок добрачных отношений. Действие данного фактора продолжается и в браке, проявляясь в тематике или поводах для конфликтов между супругами, поэтому он требует специальных компенсирующих мер.

Лунатова А. С.

МЕТОДИКА РАНЖИРОВАНИЯ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ

Исследования проблем референтной группы в современной социальной психологии практически исчезли. Однако, на наш взгляд, научное знание о социально-психологических механизмах выбора значимых групп имеет большое значение как для теории, так и для практики в социальной психологии. В теоретическом плане это углубление знаний о процессе социализации личности в социальном контексте, а в практическом плане это может стать основой для разработки средств профилактики и коррекции проблем, возникающих, например, в юношеском возрасте («уход» подростков из семьи в криминальные «уличные группировки» и т. п.).

В ходе исследования, целью которого было выявление критериев (оснований) выбора значимых (референтных) групп в юношеском возрасте, автором была разработана методика ранжирования референтных групп личности, в основе которой лежит модификация первого этапа методики измерения ценностей личности Е. С. Махлах и др. (Махлах и др., 1975). Целью данного этапа в методике Е. С. Махлах является выяснение основных референтных групп личности.

На основании задаваемых десяти вопросов-ситуаций в исходном варианте нами были созданы пять возможных типов отношений для индивида с людьми или группами:

- 1) с кем я провожу свободное время, отдыхаю;
- 2) с кем у меня доверительные отношения;
- 3) чье мнение для меня важно;
- 4) кому я больше всего симпатизирую;

5) кто является для меня примером в жизни. По десяти ситуациям в исходной методике оценивался список людей, окружающих личность. Исходя из целей нашего исследования, мы предложили испытуемым оценить различные группы: семья (в ее составе выделялись родители, родственники и братья, сестры), друзья по школе (бывшие одноклассники), группа сверстников по учебе, приятели, компания по месту жительства, группа сверстников по секции, кружку и т. п. Если испытуемого не удовлетворяла ни одна из данных групп, он мог вписать свой вариант в разделе «другая группа», где нужно было назвать группу и объяснить ее выбор. Группы оценивались испытуемыми по типам отношений по следующей шкале: +3 – полностью подходит; +2 – подходит; +1 – скорее подходит, чем не подходит; 0 – затрудняюсь ответить; минус 1 – скорее не подходит, чем подходит; минус 2 – не подходит; минус 3 – совсем не подходит. По каждому типу отношений для каждой оцениваемой группы подсчитывалось среднее арифметическое значение, стандартное отклонение по группе испытуемых.

Выборка исследования, общей численностью 65 человек, состояла из двух подвыборок:

1) из учащихся профессионального училища №63 (ПУ-63) г. Москвы в возрасте от 16 до 18 лет (средний возраст – 17 лет), мужского пола. Общая численность опрошенных – 34 человека;

2) из студентов первого курса факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова в возрасте от 16 до 19 лет (средний возраст – 18 лет), преимущественно женского пола. Общая численность опрошенных – 31 человек.

Результаты исследования с применением разработанной автором методики позволяют сделать следующие выводы:

1. С помощью данной методики можно выявить, на какую группу личность ориентируется в той или иной ситуации, что можно рассматривать как критерий выбора референтной группы.

2. На наш взгляд, методика также позволяет сделать вывод о «степени референтности» той или иной группы. По результатам исследования группа «родители» лидировала по количеству выборов в различных типах отношений в обеих подвыборках.

3. Однако методика не позволяет однозначно сказать, какой психологический механизм лежит в основе выбора значимых групп в юношеском возрасте. Так, для учащихся ПУ многие критерии выбора значимой группы получились более размытыми, чем в группе студентов МГУ.

Эмпирическое изучение референтности различных групп в юношеском возрасте требует использования комплекса методических средств. Так например, методика, разработанная автором, может быть дополнена методиками на выявление групповых и индивидуальных ценностных ориентаций или методикой диагностики мотивов аффилиции.

Матасова И. Л.

Шаталина М. А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЖЕНАТЫХ И РАЗВЕДЕННЫХ МУЖЧИН

В психологии семьи накоплен богатый опыт изучения семейной жизни как многоуровневой организации (С. В. Ковалев, Н. Л. Москвичева, Е. Г. Силяева, В. А. Сысенко, Э. Г. Эйдемиллер и др.). В классическом понимании мужчина в семейных отношениях занимает лидирующие позиции, поскольку во многом он берет на себя ответственность за материальное благополучие семьи, за ее безопасность. От мужчины традиционно требуется, в первую очередь, чтобы он стал профессионалом, занятым на хорошо оплачиваемой работе. Семья поэтому многими из них рассматривается как нечто второстепенное по отношению к работе. Стремясь к стабильности, мужчина в браке выбирает такую линию поведения, которая смогла бы сочетать и его интересы, и интересы семьи. Мотивационная сфера понимается Л. И. Божович как стержень личности, к которому стягиваются и такие ее свойства, как направленность, ценностные ориентации, установки, социальные ожидания, притязания и другие социально-психологические характеристики. Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека с социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности.

В исследовании особенностей ценностно-мотивационной сферы женатых и разведенных мужчин были использованы следующие диагностические методики: опросник «Ценностные ориентации в области семейных отношений» (разработан Центром социально-психологической помощи семье (Москва, 1984); методика социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной.

Достоверность полученных результатов устанавливалась при помощи U-критерия Манна-Уитни. Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что существуют различия в социально-психологических установках в мотивационно-потребностной сфере и ценностных ориентациях в области семейных отношений женатых и разведенных мужчин. Разведенные мужчины, в отличие от женатых, в своей деятельности в большей степени ориентированы на эгоистические поступки, то есть чаще отталкиваются от собственной заинтересованности в деятельности, чем от значимости ее для других людей. Эта позиция является понятной, так как женатые мужчины, находясь в семье и выполняя определенные роли, в своей деятельности должны учитывать интересы всех членов семьи. Как это ни парадоксально, но они, в отличие от женатых, в меньшей степени ориентированы на деньги и меньше ориентированы на свободу.

Стремление к свободе является одной из основных потребностей каждого человека. С другой стороны, ответственность предполагает определенное ограничение свободы. В семье реализация потребности в свободе для женатого мужчины является более желанной и менее возможной. Выраженная ориентация женатых мужчин на финансовое благополучие и то, что для разведенных мужчин в область приоритетных интересов не входит «стремление к увеличению зарплаток и извлечение прибыли в любых ситуациях», можно объяснить следующим образом. Во внутрисемейных конфликтах проблема материального благополучия семьи из-за низких зарплаток мужа является достаточно распространенной. Разведенные мужчины сознательно (или бессознательно) начинают уделять этой позиции меньшее значение, так как она продолжает оставаться травмирующей, и в своей новой ситуации они стараются на этой теме внимание не акцентировать.

На первое место среди семейных ценностей женатые мужчины ставят «гибкое общее воспитание», то есть согласованность супругов в процессе воспитания детей. Эта позиция для неженатых мужчин также является важной: они отводят ей третье место в иерархии семейных ценностей. На первое место неженатые мужчины ставят «самопожертвование ради детей», в иерархии ценностей женатых мужчин эта позиция занимает более низкие позиции и не входит в первые три приоритетные ценности. Это может объясняться тем, что мужчины после развода продолжают нести ответственность за воспитание и содержание ребенка, осуществлять этот процесс ему приходится, зачастую жертвуя своими желаниями. Кроме того, ситуация осложняется еще и тем, что вне семьи мужчине приходится согласовывать исполнение отцовских обязанностей с бывшей супругой, учитывать ее пожелания.

Таким образом, экспериментально было подтверждено, что у женатых и разведенных мужчин существуют различия в социально-психологических установках в мотивационно-потребностной сфере и ценностных ориентациях в области семейных отношений.

Медников С. В.

Самыкина Н. Ю.

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗРОСЛЕНИЯ ПОДРОСТКА

Взросление – это процесс, управляемый одновременно двумя группами факторов: с одной стороны, большое влияние имеют биологические предпосылки, а с другой – ведущую роль играет та социальная ситуация, в которую включен подросток. Среди различных задач взросления значимой является выстраивание отношений с другими. В подростковом возрасте большое значение приобретают группы сверстников, межличностные отношения. Общение с подобными себе помогает подростку через них «видеть» себя: общество сверстников – это узнавание себя в других и других в себе, развитие самосознания в процессе взаимодействия. В этот период поддержка значимой подростковой группы приобретает большее значение, чем поддержка родителей.

Ранее проведенные исследования помогли нам описать функцию взросления, которую транслирует подростковая субкультура. Субкультура – это система ценностей, моделей поведения, жизненного стиля какой-либо социальной группы, представляющая собой самостоятельное целостное образование в рамках доминирующей культуры. Субкультура возникает как позитивная или негативная реакция на господствующую в обществе культуру и социальную структуру среди различных социальных слоев и возрастных групп. Субкультура может отличаться от доминирующей культуры языком, манерой поведения, одеждой и т. д. Являясь образованием, альтернативным основной культуре и, в первую очередь, группе взрослых, подростковая субкультура, тем не менее, включает подростка в ряд социально значимых ситуаций, освоение которых становится возможным через «выход за пределы» наличных возможностей и тем самым способствует развитию личности. Кроме того, подростковая субкультура оказывает существенную эмоциональную поддержку. В настоящее время одной из наиболее популярных и активных субкультур является фанатская (футбольная) субкультура. Футбольное «боление» со второй половины XX в. все в большей степени приобретает характер мирового социального явления. Так, Финал Кубка мира по футболу 2010 г. смотрело более 700 млн. человек.

Футбольный фанатизм как социальное движение появился в 70-х годах XX в. В это время в европейской футбольной культуре стали преобладать определенные тенденции, связанные с ростом хулиганства,

стычек между болельщиками и т. п. Критериями отнесения болельщика к числу фанатов является:

- 1) активное посещение домашних матчей команды;
- 2) ежегодное совершение нескольких выездов в другие города;
- 3) знание и принятие субкультуры футбольных фанатов.

Футбольные фанаты – это та часть футбольных болельщиков, которая придерживается определенной специфической субкультуры (нормы и ценности, специфические практики и символика и т. д.) и действует в соответствии с ней. Притягательность фанатской субкультуры для молодого человека заключается в следующих ее особенностях:

- 1) открытость (каждый человек может стать членом этой субкультуры);
- 2) структурированность (четкая иерархия);
- 3) «романтизм» (наличие своих речевок, песен, традиций и т. д.);
- 4) санкции на эмоциональное выражение, в первую очередь, на негативные эмоции;
- 5) маргинальность (принятие обществом при относительной свободе).

Субкультура футбольных фанатов стоит в оппозиции по отношению к общей культуре общества, при этом она образована вокруг общественно популярного явления – футбола. Она нацелена на создание собственного стиля жизни, но не конфликтна. Конфликты ее членов возникают с сотрудниками правоохранительных органов и внутри субкультуры, когда сталкиваются различные, зачастую враждующие между собой фан-движения. Ведущими мотивами включения в процесс «боле-ния» являются мотивы общения, поиска острых ощущений и самоутверждения. Удовлетворение этих мотивов происходит внутри фанатской субкультуры, которая становится фактором взросления подростка. Основным мотивом выхода из фанатской субкультуры становится падение интереса (не к футболу, но к самой субкультуре). В подростковом и юношеском возрасте поддержку оказывают референтные группы (субкультура), а по мере взросления группы становятся более социально одобряемыми (за исключением бандитской, наркоманской и т. д. субкультур). Кроме того, действительно взрослый человек способен к субъектным поступкам и принятию за них ответственности без разделения ее с группами и другими людьми. Фактически, если человек взрослеет, то необходимость в фанатстве (подчинении, внушаемости, безответственности, чувстве толпы, «романтизме», протестности и т. д.) постепенно сходит на нет.

Медников С. В.

Ульянова М. В.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОТБОР СУДЕЙ В БОЛЬШОМ ТЕННИСЕ

Важными действующими лицами в спорте являются не только спортсмены, зрители, тренеры, но спортивные судьи. Ни один профессиональный спорт не может обойтись без судейства. Зачастую именно от них зависит исход встречи, на них лежит колоссальная ответственность за определение победителя не только в отдельной встрече, но и во всем первенстве. По мнению Е. П. Ильина (2008), в спортивное судейство приходят, в основном, спортсмены, не добившиеся высоких спортивных результатов. В абсолютном большинстве это спортсмены, имевшие первый спортивный разряд, но есть и те, кто имел звание мастера спорта, причем их количество увеличивается. Возможно, из-за не сложившейся спортивной карьеры они таким путем стремятся завоевать высокий статус в иной сфере спортивной деятельности. С другой стороны, эти данные свидетельствуют о том, что для квалифицированного судейства нужен достаточный опыт занятий данным видом спорта, что, бесспорно, будет обуславливать успех деятельности судьи в избранном виде спорта.

Процесс профессионального отбора – определение пригодности специалиста для обучения или профессиональной деятельности – в общем виде достаточно стандартизован. Этот процесс состоит из трех частей, в настоящее время самостоятельных: медицинский отбор, контроль знаний и психологический отбор. Медицинский контроль и контроль знаний имеют юридический статус. Таким образом, на основании полученных данных возможно официальное принятие решения. При этом проведение психологического отбора юридически не закреплено. Однако только по результатам всех трех составляющих этого процесса возможно принятие корректного решения (Фрумкин А. А, 2004). Если рассматривать процесс профессионального отбора судей в большом теннисе, то стоит говорить о трех составляющих:

- 1) медицинский отбор, включающий в себя обследование зрения, слуха, общей физической подготовки;
- 2) контроль знаний, включающий в себя тест на знания правил игры большого тенниса и правила судейства;
- 3) психологический отбор, который включает в себя процедуру изучения и оценки степени развития психических и психофизиологических качеств человека, требуемых для работы судьей в большом теннисе, что способствует успешному овладению профессией и последующей эффективной деятельности.

Проведенное нами ранее исследование позволило выявить 8 групп профессионально важных качеств, необходимых для работы судьи в большом теннисе (Медников С. В., Ульянова М. В., 2010). Между тем, среди большого перечня качеств, мы считаем, следует большое внимание уделить биологически устойчивым психофизиологическим качествам, к которым в нашем случае относятся:

1) сенсорно-перцептивные свойства (восприятие формы, восприятие пространства, восприятие движения, восприятие цвета, восприятие времени; зрительная работоспособность);

2) свойства нервной системы (сила нервной системы, подвижность нервной системы, лабильность нервной системы);

3) психомоторные свойства (скорость и точность реакции).

В качестве экспресс-отбора можно использовать «метод двух портретов», который основан на использовании знаний экспертов для построения психологического эталона специальности. На последующих этапах в соответствии с полученным эталоном осуществляется подбор диагностических методик, тестирование (построение реального психологического портрета обследуемого) и принятие решения по результатам сравнения эталона и реального портрета с применением математических методов обработки. (Фрумкин А. А., 2004) Данный метод реализован в программе АСПСД.

В настоящее время отбор судей в большом теннисе состоит лишь из контроля знаний. При этом психологический отбор судей очень важен, поскольку судьи в большом теннисе, как показали наши прошлые исследования, подвержены эмоциональному выгоранию. Также во время матча не все судьи умеют справляться с давлением со стороны спортсменов, тренеров и зрителей. Зачастую ошибки во время своей работы судьи допускают из-за повышенной тревожности. Работа судьей на вышке и судьей на линии в большом теннисе является очень напряженной и психологически сложной. Таким образом, мы можем говорить, что профессиональный отбор судей в большом теннисе обязателен.

Митрофанова Т. А.

СУВЕРЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПОВЕДЕНИЕ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

Уважение к границам бытия другого человека играет важную роль в любых межличностных отношениях. Способность защищать и развивать свое психологическое пространство выполняет важные задачи в структуре личности, самосознания и поведения человека. Важную роль в развитии суверенности ребенка играют родители и ближайшее окружение. Мы коснулись взаимосвязи суверенности и стратегий пове-

дения в конфликтных ситуациях матерей и детей. Целью исследования было определить, существует ли связь между суверенностью психологического пространства и поведением в конфликтной ситуации, а также связаны ли суверенность и поведение в конфликтах матерей и детей.

Методами сбора информации выступили:

- 1) опросник «суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер;
- 2) тест Томаса;
- 3) опросник Плутчика-Келлермана-Конте;
- 4) опросник Басса-Дарки;
- 5) биографическая анкета.

В исследовании участвовали мужчины и женщины в возрасте от 20 до 30 лет в количестве 48 человек (16 мужчин и 32 женщины) и их матери (9 чел.). Для обработки данных были использованы критерий Шеффе, критерий корреляции Пирсона.

Вероятно, суверенные люди являются более социализированными, ориентированы на конструктивное решение проблем. Суверенность психологического пространства отрицательно связана с общей напряженностью психологических защит ($p = 0,004$), враждебностью ($p = 0,000$) и агрессивностью ($p = 0,001$). Социальные роли приписывают женщинам мягкость и пассивность, а мужчинам агрессивность и уверенность. Соответственно, депривированные мужчины и женщины как будто занимают позицию противоположного пола. Женщины больше склонны к проявлению физической агрессии, чем суверенные ($p = 0,027$) и сверхсуверенные ($p = 0,014$). Мужчины чаще, чем суверенные используют обиду ($p = 0,047$) и чувство вины ($p = 0,037$), а также регрессию ($p = 0,035$) и отрицание ($p = 0,024$). Депривированные мужчины скорее склонны к проявлению враждебности, чем к агрессивности, а – женщины наоборот.

Сложности в установлении близких отношений, личной и социальной идентичности у женщин, депривированных по суверенности социальных связей, могут быть объяснены более высоким уровнем физической агрессии ($p = 0,033$), подозрительности ($p = 0,012$), враждебности ($p = 0,005$) по сравнению со сверхсуверенными. У них выше уровень вербальной агрессии ($p = 0,035$) и враждебности ($p = 0,039$), чем у суверенных. Это может мешать им чувствовать себя уверенно в группе и устанавливать интимные отношения с отдельными людьми.

Недостаточная способность к креативному и ответственному отношению к своей жизни, экзистенциальной уверенности у женщин, депривированных по суверенности ценностей, согласуется с более высокой подозрительностью ($p = 0,006$) и враждебностью ($p = 0,016$), чем у

сверхсуверенных. Подозрительность у них также выше, чем у суверенных ($p = 0,019$).

В группе мужчин, депривированных по суверенности ценностей выше уровень чувства вины ($p = 0,004$), регрессии ($p = 0,022$), рационализации ($p = 0,018$) и общей напряженности психологических защит ($p = 0,034$), чем у суверенных.

Ребенок, наблюдающий эффективность сотрудничества, усваивает этот образец поведения. Сотрудничество матерей и детей положительно связано ($p = 0,009$). Если мать избегает конфликтных ситуаций, соперничать или сотрудничать с ней сложно. Избегание матерей и детей положительно связано ($p = 0,016$).

Вероятно, жесткая позиция матери в отношении правил, запретов вызывает у детей желание добиться своего любым путем. Компромисс матерей отрицательно связан с соперничеством детей ($p = 0,018$). Возможно, чем более мать ценит и защищает свое психологическое пространство в целом, вещи и ценности, тем больше она может нарушать права ребенка на территорию, и это становится для него значимым.

Суверенность территории респондентов положительно связана с общей суверенностью ($p = 0,003$), суверенностью вещей ($p = 0,013$) и ценностей ($p = 0,003$) матерей.

Возможно, активное участие или забота воспринимаются ребенком как нарушение его границ, а пассивное приспособление позволяет этого избежать. Суверенность физического тела респондентов положительно связана с приспособлением матерей ($p = 0,018$) и отрицательно с сотрудничеством ($p = 0,028$). Таким образом, обнаружены некоторые связи суверенности и поведения в конфликтах матерей и детей. Люди с разной суверенностью отличаются по уровню агрессивности, враждебности и напряженности психологических защит. Депривированные мужчины и женщины используют различные формы проявления агрессии и психологические защиты.

Осьмак Е. О.

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЭМИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ИЗ РОССИИ В США

Вторая половина XX в. и начало XXI ознаменованы этническим парадоксом современности. Этническое возрождение и сохранение этнической идентичности становятся не только важным элементом поддержания «Я-концепции» личности, но и механизмом развития человечества в целом (Стефаненко Т. Г., 1999). Вследствие активного роста процессов миграции и глобализации все более важную роль приобретает изучение проблем адаптации, аккультурации, а также динамики эт-

нической идентичности. Под этнической идентичностью мы понимаем не только составную часть социальной идентичности, относящуюся к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности, но также переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделением от других (Шпет Г. Г., 1996).

Особый интерес для изучения в связи с этим приобретают мигранты, как эмигранты, так и иммигранты, представители различных этнических диаспор, зачастую проживающие в поликультурном обществе, где сохранение этнической идентичности является вопросом сохранения культурного и исторического наследия (Berry J. W., 2001; Phinney J. S., 1990, 1992). В связи с этим проблемным полем возникла идея исследования, целью которого явилось изучение динамики этнической идентичности эмигрантов второго поколения из России в США. В качестве объекта исследования выступили молодые люди в возрасте от 17 до 26 лет, эмигранты второго поколения из России в США, родившиеся в США или увезенные туда из России или стран бывшего СССР в возрасте до 13 лет (30 человек). Для решения поставленной цели были выбраны следующие методы: тест «двадцати утверждений» М. Куна и Т. МакПартленда («Кто я?») и методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности варианта 1992 г. (MEIM).

Исследование было представлено респондентам в двух вариантах: на русском и английском языках, где они имели возможность выбрать наиболее комфортный для них вариант. По полученным результатам теста «Кто я?» в экспериментальной группе 53% респондентов указали этническую идентичность «русский». Средний ранг места, занимаемого этнической идентичностью, составил 3,93 (в контрольной группе процент респондентов, указавших этническую идентичность, составил всего 16%, средний ранг – 9,6).

Полученные данные могут свидетельствовать о значимости этнической идентичности в ряду других видов идентичности, как социальной (профессиональной и т. д.), так и личностной. Стоит отметить, что 40% респондентов в своих ответах на тест «Кто я?» указали гражданскую/этническую идентичность «американец», «гражданин Америки» либо в ответах был представлен смешанный вариант «русский американец», «белый русский американец», «американец в первом поколении». Интересным нам показался тот факт, что наряду с присутствием этнической идентичности «русский» у 15% процентов респондентов присутствовала также другая этническая идентичность, например, «еврей», «украинец», «молдованин», которая следовала после этнической идентичности «русский».

Полученные данные могут говорить о сложной структуре этнической идентичности эмигрантов, где мы можем наблюдать тенденцию

к биэтнической («русский американец», «русский еврей») и мультикультурной идентичности (ответы, где присутствовало несколько этнонимов, а также ответ «гражданин мира»).

По результатам методики Дж. Финни выраженность общего и когнитивного компонентов этнической идентичности эмигрантов находится на среднем уровне, имея тенденцию перехода к высокому, а выраженность аффективного компонента этнической идентичности находится на высоком уровне (получены статистически значимые различия на 1% и 0,1% уровне с контрольной группой). Эти данные свидетельствуют о большей выраженности этнической идентичности у эмигрантов, особенно переживания своей этнической принадлежности. Они могут объясняться гетерогенностью среды, в условиях полиэтнической американской среды, у эмигрантов появляется больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других групп, их сходстве и различиях.

Таким образом, по результатам, полученным в исследовании, мы можем сделать выводы:

1) этническая идентичность представлена в образе «Я» и занимает значимое место в ряду других видов идентичности молодых людей-эмигрантов второго поколения из России;

2) этническая идентичность эмигрантов из России – сложное образование, распространенным типом является биэтническая и мультикультурная идентичности;

3) выраженность компонентов этнической идентичности у эмигрантов из России в США выше, чем у молодых людей, родившихся и проживающих в России.

Ощепков А. А.

Князюк А. В.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМ ЦЕННОСТЕЙ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ У ДЕВИАНТНЫХ СТУДЕНТОВ*

По мнению многих видных ученых, занимающихся проблемой ценностных ориентаций, несмотря на специфику подходов (Рубан Л. С., 1999; Леонтьев Д. А., 1997; Олпорт Г. У., 2002), система ценностных ориентаций во многом определяет формирование личности человека. При этом молодой возраст является периодом окончательного формирования системы ценностных ориентаций, оказывающей влияние на становление характера и личности в целом. Это связано с появлением на данном возрастном этапе необходимых для становления ценностных

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 года.

ориентаций предпосылок: жизненное самоопределение, выбор жизненного пути. Однако процесс становления может и нарушиться, приводя к возникновению феномена девиантного поведения, который в последнее время вызывает беспокойство все большего числа психологов.

В связи с этим нами была выдвинута гипотеза о существовании различий в системе ценностных ориентаций и личностных особенностей у нормативных и девиантных студентов, для проверки которой было проведено эмпирическое исследование. Эмпирическая часть исследования выполнена на базе филиала Ульяновского государственного университета в г. Димитровграде. В качестве респондентов выступали студенты в возрасте 21–23 лет, всего 107 человек. В исследовании использовались Ценностный опросник С. Шварца, методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор – Орел А. Н.) и 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (форма С). В результате анализа различий систем ценностей студентов со склонностью к отклоняющемуся поведению и студентов без отклонений в поведении, были выявлены статистически значимые по t-критерию Стьюдента различия в значимости ценностей ограничительный конформизм ($t_{\text{эмп}} = 2,1711$ при $p \leq 0,05$), социальность ($t_{\text{эмп}} = 2,3196$ при $p \leq 0,05$) и духовность ($t_{\text{эмп}} = 2,8624$ при $p \leq 0,01$). Более высокая значимость ценности конформизма у нормативных студентов естественным образом характеризует их направленность на следование общепринятым правилам. С другой стороны, более низкая ценность конформизма у девиантных студентов характеризует их склонность к нарушению социальных норм и правил. То же самое касается ценности социальности – у нормативных студентов более высокая значимость социальности характеризует их просоциальную направленность и, наоборот, у девиантных студентов более низкая значимость социальности характеризует их асоциальную ориентацию. Что же касается ценности духовности, то, видимо, более высокая значимость духовности для девиантных студентов свидетельствует об их стремлении найти гармонию, свое предназначение.

Далее, нами были проанализированы различия в личностных факторах согласно шкале Кеттелла. В результате нами были обнаружены статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента в показателях факторов E «независимость–подчиненность» ($t_{\text{эмп}} = 3,830$ при $p \leq 0,01$), F «озабоченность–беспечность» ($t_{\text{эмп}} = 2,170$ при $p \leq 0,05$), Q1 «радикализм–консерватизм» ($t_{\text{эмп}} = 3,300$ при $p \leq 0,01$) и Q3 «высокий самоконтроль–низкий самоконтроль» ($t_{\text{эмп}} = 2,580$ при $p \leq 0,05$). Более высокие показатели фактора E у девиантных студентов характеризует их доминантность, самоуверенность, у нормативных же студентов наблюдается более оптимальное отношение к авторитетам. Более высокие значения фактора F у студентов со склонностью к отклонениям

свидетельствуют об их большей импульсивности, в отличие от студентов без отклонений в поведении, для которых больше характерна сдержанность. Высокие показатели у девиантных студентов по фактору Q1 свидетельствуют об их стремлении пересмотреть существующие принципы и, наоборот, для нормативных студентов более характерно стремление к поддержке устоявшихся традиций. Низкие оценки по фактору Q3 у девиантных студентов говорят об их недисциплинированности, в отличие от нормативных студентов, которым более характерна дисциплинированность и точность в выполнении социальных требований.

Петрова Н. В.

НЕГРАМОТНОСТЬ АВТОРА КАК ФАКТОР ДОВЕРИЯ ЧИТАТЕЛЯ К ТЕКСТУ*

С появлением интернета находить нужную информацию стало проще. Мы читаем о политических и социальных событиях (плохо отделимых от авторской интерпретации), мнения о новых книгах и фильмах, отзывы на товары и услуги и многое другое. При попытках определить, можно ли полагаться на мнение того или иного автора, мы пытаемся понять, насколько он разбирается в обсуждаемом вопросе, насколько умен, насколько честен с читающей аудиторией. И мы регулярно делаем это, даже не рефлексируя причин своих выводов. Тем интереснее научное изучение критериев доверия.

Мы предположили, что неграмотность может служить одним из существенных факторов, снижающих доверие к тексту. Для проверки этой гипотезы был проведен интернет-эксперимент на выборке около 200 человек. Всем испытуемым предлагалось прочитать один и тот же диалог двух неизвестных людей (А и Б) о некоей книжке, а затем оценить степень разумности авторов и степень доверия к высказанным мнениям. Кроме того, у испытуемых была возможность комментировать свои оценки, за счёт чего мы получали информацию об обнаружении ими неграмотности авторов. Испытуемые были случайным образом поделены на четыре группы, единственное различие между которыми составляло наличие или отсутствие ошибок в репликах одного или другого автора. Первая группа испытуемых (назовём её «++») получала диалог, где оба автора пишут грамотно. Вторая («--») получала диалог, где оба автора пишут с ошибками. Третья группа («+-») получала диалог, где автор А пишет грамотно, а автор Б с ошибками. Четвертая

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта № 10-06-00354а «Феномен доверия в публичной интернет-коммуникации».

группа («-+»), где автор А пишет с ошибками, а автор Б – грамотно. Добавляемые ошибки были идентичны для обоих авторов: ошибки в неграмотном варианте текста Б были аналогичны ошибкам в неграмотном варианте текста А.

Опишем наиболее интересные из полученных результатов. Во всех группах автор А оказался более предпочитаемым (выше средние оценки по шкале «разумности», чаще указывается как вызывающий больше доверия). Но отличия в силе этого предпочтения между группами наблюдаются, что и выявляет влияние фактора неграмотности. Наибольшее преимущество А получил в группе «+-», где он грамотен на фоне Б. Наименьшее преимущество А получил, как ни странно, в группе «--», где оба автора пишут неграмотно. Для сравнения: в группе «+-» лишь 15% испытуемых оказали большее доверие Б, тогда как в группе «--» ему оказали большее доверие 33% испытуемых (критерий хи-квадрат, $p = 0,098$). Самое яркое отличие между группами обнаружилось в количестве испытуемых, отметивших неграмотность в своих комментариях. В группе «+-» о неграмотности написали 24% испытуемых, а в группе «-+» - всего 6%. Более того, в группе «--», где оба автора пишут одинаково неграмотно, на неграмотность указали девять человек (20%), но трое из них увидели только неграмотность Б. Использовался точный критерий Фишера, $p = 0,019$. Далее мы сравнивали, не голосуют ли иначе те, кто отметили неграмотность. Обнаружилось, что среди отметивших неграмотность в группе «+-» нет голосов в пользу неграмотного автора (Б) и значительно меньше ответов о равном доверии к обоим авторам, чем среди не отметивших неграмотность. Для группы «+-» были найдены достоверные различия (критерий Манна-Уитни, $p = 0,011$) между отметившими и не отметившими неграмотность в разности их оценок, даваемых А и Б: средние оценки разумности А и Б не отметившими неграмотность испытуемыми различаются на 0,79 балла, тогда как отметившие неграмотность Б давали ему в среднем на 3,62 балла меньше, чем А.

Кратко сформулируем выводы:

- 1) Неграмотность более предпочитаемого автора имеет стойкую тенденцию не осознаваться.
- 2) Осознание неграмотности одного из авторов сильно коррелирует с предпочтением грамотного участника дискуссии.
- 3) Связь доверия и неграмотности оказалась не столь тривиальной, как можно было ожидать. Автор А вызывает наибольшее доверие, когда он грамотен на фоне Б, но автор Б вызывает наибольшее доверие, когда он пишет так же неграмотно, как его оппонент. Различные интерпретации такого результата и вопрос о том, когда автору «выгодно» быть неграмотным, требуют дополнительных исследований.

Петрушенко С. В.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Даже убежденный любитель письма просмотр книги начинает с картинок, выражая тем самым архетипичное предпочтение визуального образа словесному (Андрей Головнев). В последнее время активизировался не только теоретический интерес к проблеме методологии, методики получения и анализа качественных данных, но и заметен рост числа исследований, выполненных в качественной стратегии. По мнению В. А. Янчука, «Качественные методы – методы исследования, ориентированные на схватывание индивидуально-специфичного, уникального, максимально приближенного к условиям проявления в реальной жизни. Исходя из посылки о невозможности дискретизации и статизации точности человеческого бытия без ущерба для понимания его сущности и схватывания тончайших нюансов индивидуального переживания и интерпретации происходящего, качественные методы ориентированы на неструктурированность, максимальную адаптируемость к изменению условий, выявлению новых контекстов и идей» (Янчук В. А., 2001).

Традиционно под качественными данными понимаются данные, которые носят вербальный характер (текст, речь) или это могут быть видеоматериалы, рисунки, фотографии и пр. В психологической литературе основной акцент сделан на исследование «текстов» и гораздо реже ученые прибегают к визуальным источникам информации, в частности к фотографиям и видеоматериалам. Тем не менее, У. Дж. Т. Митчелл, один из теоретиков визуальных исследований, отмечает, что в последние двадцать пять лет произошел настоящий переворот в гуманитарных науках, связанный с интересом к изучению визуальной культуры в широком смысле (Mitchell W. J. T., 1995). И все чаще в научных кругах звучит идея о «визуальном повороте», в результате которого формируется новая исследовательская парадигма, именуемая «визуальным исследованием».

Под «визуальным исследованием» (*visual research*), как правило, подразумевают исследование, в котором применяют визуальные средства и данные. К визуальным данным относятся фотографии, фильмы, телевизионные и рекламные сюжеты, рисунки, картины и т. д. Среди перечисленных видов господствует фотография. В связи с этим термин «фотоисследование» зачастую используется как синоним термина «визуальное исследование».

В рамках нашего исследования представляют интерес научные изыскания антропологов, социологов и этнографов, занимающихся визуальными исследованиями на протяжении десятилетий. Антропологи и этнографы использовали визуальные данные для вещественного, материального закрепления увиденного о наблюдаемых сообществах,

народах и их культуре для последующей рефлексии. Среди социологов первыми были работы Р. Барта, П. Бурдье, Ж. Деррида и др. «Первоначально социологи обращали внимание на фотографическое представление различных исторических событий, а также на взаимоотношения фотографии и власти, отражение в визуальных репрезентациях различных идеологий и стратегий контроля» (Печурина А. В., 2007). До 90-х годов прошлого века функция фотографий часто сводилась исключительно к иллюстративной. Фотография определялась как частица «объективной реальности», фрагмент мира. С течением временем стал формироваться интерпретативный подход к фотографии, «за счет открытия ее способности изображать разное для разных людей и прочитываться по-разному. Фотография, таким образом, приобретает характер репрезентации, подлежащей интерпретативному пониманию» (Власова Т. А., 2007). Принципиально важным в контексте нашего исследования является утверждение о том, что «снятые специально для научных целей или используемые исследователем фотографии в любом случае содержат внутренний нарратив о социальной структуре, отношениях и ценностях той эпохи, когда они были созданы» (Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р., 2007). Из этого можно заключить, что визуальные материалы интересны для исследователей в качестве «культурных текстов» и инструментов производства, представления и приобретения знаний» [Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В., 2009].

Характеризуя современную ситуацию в целом, можно сказать, что изучение визуальных источников (в частности, фотографий) позволяет решить ряд исследовательских задач: сбор и сохранение «пойманного момента», с возможностью его последующего анализа и обсуждения; фасилитация «рассказывания» (использование фотографий в фототерапии); построение нарратива (когда фотоальбом является объектом обсуждения в исследованиях семьи и биографии и т. д.).

Разваляева А. Ю.

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЗНАВАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ЭМОЦИЙ ДЕЛИНКВЕНТНЫМИ ПОДРОСТКАМИ*

Согласно принятому в настоящее время подходу, эмоции рассматриваются как адаптивная функция отношений индивида со средой, регулирующая его умственные и физические реакции (Salovey, Mayer, 1990). Многочисленные исследования подтвердили важную роль, которую эмоции играют в процессах социального взаимодействия. Способность осознавать эмоции и управлять ими вносит существенный вклад в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №10-06-00511а).

успешное социальное функционирование. Так, понимание эмоций другого облегчает прогнозирование его последующих действий, а управление эмоциями дает человеку возможность проявлять свои эмоции социально одобряемым образом, что является залогом его оптимального социального функционирования. Таким образом, для успешной ориентировки в социуме необходима эффективная обработка информации об эмоциях (Brackett, Rivers et al., 2006). На этом подходе базируется понятие эмоционального интеллекта (ЭИ), введенное П. Сэловеем и Дж. Мэйером (1990).

Согласно их модели, ЭИ является конструктом, содержащим четыре группы способностей, расположенных в порядке возрастания сложности: осознание, оценка и выражение эмоций; использование эмоций для повышения эффективности мышления; понимание, анализ эмоций, применение знаний об эмоциях; регуляция эмоций с целью эмоционального и интеллектуального развития (Salovey, Mayer, 1997).

В данном сообщении мы изложим результаты исследования особенностей эмоционального интеллекта делинквентных подростков. Для измерения ЭИ применялась методика ЭМИн (Люсин Д.В., 2009), позволяющая оценить проявления ЭИ по следующим шкалам и субшкалам: внутриличностный ЭИ, межличностный ЭИ, понимание эмоций и управление эмоциями, понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями и контроль экспрессии.

В исследовательскую выборку было включено 82 респондента в возрасте 16–17 лет, из них: группа 1 – условно осужденные подростки, состоящие на учете в милиции ($n = 41$); группа 2 – студенты колледжа ($n = 41$). При проведении сравнительной оценки показателей эмоционального интеллекта между группами с использованием непараметрического критерия Манна – Уитни были выявлены значимые различия по шкалам «межличностный эмоциональный интеллект» ($U = 548,000$) и «понимание эмоций» ($U = 589,500$). По шкалам внутриличностный ЭИ, управление эмоциями и субшкалам понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями среднее значение в группе 2 (студенты колледжа) были незначительно выше, по субшкале «контроль экспрессии» среднее значение было выше в группе делинквентных подростков (45,74 – группа 1; 37,26 – группа 2).

Полученные результаты позволяют предположить, что эмоциональный интеллект делинквентных подростков ниже, чем у их ровесников. Делинквентные подростки в среднем хуже понимают свои и чужие эмоции и хуже управляют чужими эмоциями, чем их ровесники в контрольной группе, однако они лучше контролируют внешнее проявление

своих эмоций. Полученные нами результаты сопоставимы с результатами исследования Бреккетта, (Breckett et al., 2004), в рамках которого были выявлены взаимосвязи низких показателей по тесту на эмоциональный интеллект (MSCEIT), особенно, по шкалам осознания эмоций и использования их для повышения эффективности мышления, с девиантным поведением. Тем не менее, нельзя не заметить, что сложность, возникающая при сопоставлении данных исследований, заключается в том, что в них подразумеваются разные модели эмоционального интеллекта и используются разные методики его измерения

Самойлова А. С.

ОСОБЕННОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКАХ

Межкультурные браки – это столкновение разных моделей поведения. Как следствие возникает проблема межличностных отношений людей с разными установками и представлениями о семейной жизни. Проблема моно- и межэтнических браков представляет интерес для исследователей разных отраслей научного знания: психологов, социологов, демографов, этнографов. Ее изучали такие исследователи, как: Г. М. Андреева, Л. Ф. Бурлачук, Э. К. Васильева, И. С. Кон, В. Н. Левкович, Н. Пезешкиан, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.

Россия – многонациональная страна. В ней проживает более 150 народов, обладающих своей спецификой, языком, самобытностью, культурой.

Особенностью России является проживание в ней многих народов на территории различных областей за пределами своих территориально-национальных образований. Таким регионом является и Хакасия. По данным переписи населения 2002 г. в нашей республике живут 80,28% русских, 11,98% хакасов, 1,68% немцев и 1,53% украинцев, а также представители еще 104 этносов. Это указывает на актуальность проблемы межэтнических браков и в нашем регионе.

Наше исследование направлено на выявление особенностей супружеских взаимоотношений в межэтническом браке. Какие стили конфликтного поведения и копинг-стратегий используют супруги и каковы их представления о брачном партнере. Возможно, наше исследование поможет супругам, состоящим в межэтническом браке, преодолеть возникающие проблемы.

Цель исследования: выявить особенности супружеских отношений в межэтнических семьях. В нашем исследовании приняли участие 52 человека: 13 пар, состоящих в моноэтнических браках (национальность супругов – русские) и 13 пар, состоящих в межэтнических браках (13 женщин русской национальности и 13 мужчин таджикской,

узбекской, киргизской и других национальностей). Средний возраст испытуемых 39 лет.

Методы исследования: тест-опросник удовлетворенности браком В. В. Столина; опросник «понимание–эмоциональное притяжение–авторитетность» А. Н. Волковой; опросник «общение в семье» Ю. Е. Алешиной; методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма; «взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской.

1. Методы математической статистики: χ^2 -критерий углового преобразования Фишера. В результате исследования были выявлены следующие особенности супружеских отношений в межэтнических браках:

1) обнаружены статистически значимые различия на высоком уровне доверительности общения в оценке партнера. Это говорит о том, что большинство испытуемых состоящих в моноэтнических браках, считают своих партнеров более откровенными в общении с ними, чем самих себя в общении с партнером. Чего нельзя сказать о респондентах, состоящих в межэтнических браках. Большинство из них оценивают откровенность своих партнеров, так же, как и свою собственную, на среднем уровне;

2) половина испытуемых, состоящих в моноэтнических браках, обладают высоким уровнем общих символов семьи, что может проявляться в различных формах – свой, никому другому не понятный, язык, наличие ласковых прозвищ и обращений, семейные традиции и обряды и др. На данном уровне обнаружены статистически значимые различия. Довольно малое количество испытуемых, с высоким уровнем общих символов семьи, состоящих в межэтнических браках, может объясняться тем, что супруги – выходцы из разных культур и в их родительских семьях были отличные друг от друга семейные традиции, обряды и т. д., которые так и не смог принять каждый из супругов;

3) были выявлены статистически значимые различия по шкале «вопросы, связанные с воспитанием детей», что свидетельствует о пассивной реакции супругов, состоящих в межэтнических браках, на конфликтную ситуацию;

4) обнаружены достоверно значимые различия по шкале «ситуации рассогласования норм поведения» на среднем уровне конфликтности, это свидетельствует, что в моноэтнических браках чаще наблюдается пассивная реакция супругов на конфликтные ситуации, связанные с рассогласованием норм поведения, чем в межэтнических браках;

5) были обнаружены статистически значимые различия по шкале «проявление доминирования одного из супругов» на высоком уровне конфликтности, из чего можно сделать вывод, что в моноэтнических

браках ситуации проявления доминирования одного из супругов являются более конфликтными, чем в межэтнических браках. Это может быть связано с готовностью партнеров, вступающих в межэтнический брак, к принятию традиций и особенностей воспитания и мировоззрения своего будущего супруга.

Самохина М. А.

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ

Потребность в оценке достоверности информации является актуальной для многих сфер человеческой деятельности. Выделяются три основных направления исследований в данной области: анализ психофизиологических реакций; анализ вербальной продукции; анализ невербального поведения. Недостаток метода оценки психофизиологических реакций связан с необходимостью соблюдения ряда условий (добровольное согласие подэкспертного, его возраст, самочувствие и др.). Возникает вопрос о возможности использования альтернативных методов исследования. На основе серий проведенных исследований (Самохина М. А., 2009, 2010; Осышная Д. П., 2010) сотрудниками лаборатории ММПЯиП СГУ были предложены способы оценки достоверности информации на основе анализа невербального поведения человека (Усанов Д. А., Романова Н. М., Самохина М. А. и др., 2009) и экспрессивной речи (Иванов Л. Н., Самохина М. А., Осышная Д. П., 2010). Оба метода успешно используются на практике в рамках проведения судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве.

В данной работе представлен анализ случая применения комплексного исследования поведения человека с целью оценки достоверности информации в рамках судебной экспертизы по уголовному делу по ст. 132 ч. 4 п. «б» УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста). В связи с тем, что обвиняемый отказался от проведения исследования с использованием полиграфа, а в отношении потерпевшей в силу возраста (семь лет) применение данного метода было затруднительно, возникла необходимость оценки достоверности информации на основе анализа невербального поведения. Дополнительно проводился анализ экспрессивной речи. В соответствии с методикой исследования с каждым подэкспертным было проведено структурированное интервью, включающее серию нейтральных, контрольных и проверочных вопросов. Вывод о достоверности сообщаемой информации делался на основе количественного анализа выделенных параметров невербального поведения и экспрессивной речи путем сопоставления показателей, зафиксированных во время ответов на вопросы проверочного блока с кон-

трольными и нейтральными вопросами. Дополнительно ответы на вопросы проверочного блока (непосредственно касающиеся рассматриваемого дела) анализировались при помощи методик контент-анализа валидности утверждений (Steller M., Kohnken G., 1989) и мониторинга реальности (Spoger S. L. 1997), применяемых для оценки вербальной достоверности информации на основе содержательных критериев.

При анализе невербального поведения подозреваемого были выявлены более выраженные реакции на проверочные вопросы по сравнению с контрольными по группе вегетативных признаков (количество морганий, глотательные движения, форсированное дыхание); мимических признаков (количество улыбок, движения губами); пантомимических признаков (движения головой, плечами, туловищем; жесты-иллюстрации, движения кистями и пальцами). При анализе характеристик экспрессивной речи были выявлены более выраженные реакции по признакам высоты тона голоса; латентного периода, частоты заполненных пауз хезитации, покашливаний и логоневроза.

Методики КАВУ и МР позволили выявить недостаточное количество содержательных признаков достоверности вербальной информации. Полученные результаты оценки анализа поведения подозреваемого позволили сделать вывод о недостоверности сообщаемой им информации. При анализе поведения потерпевшей получены более выраженные реакции контрольного блока по сравнению с проверочным по группе вегетативных признаков (количество морганий, глотательные движения); группе пантомимических признаков (движения головой, плечами, туловищем, жесты-манипуляции, движения кистями и пальцами); группе мимических признаков (область лба, бровей, губ).

При анализе характеристик экспрессивной речи были выявлены более выраженные реакции по параметрам темпоральных особенностей речи; пауз хезитации; форсированные выдохов. Методики КАВУ и МР выявили высокий процент содержательных признаков достоверности вербальной информации. Результаты проведенной экспертизы впоследствии были подтверждены данными генетической экспертизы, были рассмотрены в качестве одного из доказательств в суде и легли в основу обвинительного заключения. Успешность применения подхода, основанного на оценке достоверности информации посредством комплексного анализа поведения человека, была подтверждена в рамках проведения ряда судебно-психологических экспертиз, как в качестве основного метода, так и в совокупности с применением полиграфа.

Самсонова Т. И.

**СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

В становлении научного интереса к проблеме социальной компетентности можно выделить три этапа. 1 этап – 60-е – начало 70-х годов XX в. – введение в научный оборот термина «компетентность» в русле теории речевой коммуникации и обучения языкам; 2 этап – 70-е – 80-е годы – изучение и разработка понятия компетентности в психологии управления и социальной психологии. В настоящее время социальная компетентность становится все более значимой во всех сферах социальной жизни человека, не только в профессиональной деятельности, и признается интегративной характеристикой современного человека (Крокинская О. К., 2000; Куницына В. Н., 2001; Баранова Л. А., 2006).

Само качество социальной компетентности характеризует человека, успешно прошедшего социализацию и способного к адаптации и самореализации в условиях современного общества. 3 этап – с конца XX в. – выделение социальной компетентности в качестве предмета междисциплинарного рассмотрения и анализа как сложного, многокомпонентного явления.

На основе обобщения существующих подходов социальную компетентность можно определить как интегративное личностное образование, включающее знания, умения, навыки и способности, формирующиеся в процессе социализации и позволяющие человеку адекватно адаптироваться в социальной среде и эффективно взаимодействовать с социальным окружением. Современный этап общественного развития характеризуется ускорением динамики протекания социальных процессов, нестабильностью социальной среды. Поэтому один из основных навыков в структуре социальной компетентности – навык анализа социальных ситуаций и принятия самостоятельных решений, позволяющий делать выбор адекватной стратегии поведения в условиях неопределенности и риска, ориентироваться в быстро меняющейся социальной среде и эффективно решать социальные проблемы.

Специфика принятия решений по преодолению социальных проблем заключается в том, что человек всегда включен в социальную ситуацию, поэтому важна постоянная саморефлексия, способствующая адекватному восприятию личностью себя самой и своих действий. Необходимым условием успешного решения проблем при социальном взаимодействии является восприятие и понимание людьми друг друга – коммуникативная рефлексия. Принятие решений в процессе социального взаимодействия требует также видения перспективы, прогнозирования развития социальной ситуации и анализа уже свершившихся событий. Саморефлексия, коммуникативная рефлексия, способность к прогнозированию

и ретроспективному анализу входят в интегративное понятие рефлексии. Поэтому в качестве одного из важнейших компонентов в структуре социальной компетентности выступает рефлексивность – личностное свойство, лежащее в основе навыка анализа социальных ситуаций и принятия решений.

Однако сам по себе анализ социальных ситуаций не предполагает какой-либо заданной направленности. Ориентиром при выборе решения социальной проблемы является ценностно-нормативная система личности. Принятое решение к тому же должно быть обязательно дополнено его осуществлением. Поэтому в структуре социальной компетентности в качестве ее основных компонентов, помимо рефлексивного, выделяются: ценностный компонент (жизненные цели и ценности) и исполнительно-деятельностный (самостоятельность и целеустремленность в реализации принятых решений).

Социальная компетентность на основе знаний человека о себе как социальном субъекте, социальной среде, социальных структурах, общественно одобряемых целях и ценностей, позволяет делать обоснованный выбор в каждой конкретной жизненной ситуации. Социальная компетентность позволяет также выстроить, спроектировать свой жизненный путь в целом, рассмотреть различные варианты своего развития, определить пути реализации своих задатков, предвидеть результаты тех или иных жизненных выборов, реализовать принятые жизненные решения, своевременно корректируя свои личностные особенности и действия. Единство рефлексивного, ценностного и исполнительно-деятельностного компонентов, выделяемых в качестве основных в структуре социальной компетентности, обеспечивающих как ситуативное, так и перспективное принятие решений, является регулятором включения человека в социальные структуры и успешности всего процесса самореализации личности.

Таким образом, такой междисциплинарный подход к структуре социальной компетентности дает возможность конкретизировать емкое общенаучное понятие самоорганизационного цикла, лежащего в основе развития человека через включение его в социальные структуры (Келасьев В. Н., 2003).

Селезнева Д. В.

АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ И ЯПОНСКИХ СТУДЕНТОВ

Проблема этнических стереотипов на сегодняшний день занимает одно из центральных мест в социальной психологии. Стереотипы являются обязательной частью нашей культуры, делая наше мышление и деятельность в некотором смысле консервативными. Они имеют достаточно сильное влияние на сознание людей и очень широкое распространение. Под этническим стереотипом мы понимаем жестко фиксиро-

ванную этническую установку, напрямую регулируюшую восприятие, поведение и интерпретацию поведения окружающих людей (Почебут Л. Г., 2007). Актуальность изучения этнических стереотипов именно данных групп обусловлена развитием партнерских отношений Японии и России. Рядом авторов отмечается, что именно знание этнических стереотипов является важным условием эффективного сотрудничества, налаживания контактов и успешной адаптации к инокультурной среде.

В качестве объекта проведенного эмпирического исследования выступили студенты различных вузов Санкт-Петербурга (140 человек) и студенты Токийского университета (50 человек), различные по полу и возрасту, имевшие опыт общения с представителями другой национальности (для русских – с японцами, для японцев – с русскими) или не имевшие подобного опыта. С целью выявления и сравнения авто- и гетеростереотипов восприятия нами была использована методика «приписывания качеств» Д. Каца и К. Брейли. Для выборки японских студентов методика была переведена на японский язык техникой обратного перевода.

В результате проведенного исследования нами были выявлены наиболее значимые автостереотипы восприятия русских людей. В представлении русских о самих себе они являются патриотичными, дружелюбными, прагматичными, самодовольными, отзывчивыми, обладающими чувством собственного достоинства, целеустремленными, бережливыми. Были выделены также значимые гетеростереотипы восприятия японцев в отношении русских. В представлении японцев русский человек сильный, эмоциональный, эгоистичный, гостеприимный, щедрый. На основании полученных данных мы можем судить о том, что представления русских о самих себе не совпадают с представлениями японцев о них. Такое несоответствие позволяет говорить о низкой степени межкультурного взаимопонимания и взаимной проницательности этих двух этнических групп.

При рассмотрении автостереотипов восприятия представителей японской культуры были выделены следующие значимые представления японцев о самих себе: дисциплинированные, трудолюбивые, терпеливые, бережливые. Отмечается явный положительный характер автостереотипов. Русскими также были выделены значимые гетеростереотипы восприятия в отношении японцев. В представлении русского человека японцы патриотичные, послушные, отзывчивые, бережливые. Гетеростереотипы также носят положительный характер, что позволяет судить о позитивной, в целом, оценке данного этноса.

При анализе взаимосвязей стереотипов было выявлено, что чем чаще японцы склонны оценивать себя как трудолюбивых, тем чаще они

могут считать русских ленивыми ($r = 0,36$, $p < 0,05$). Японцы, считающие себя бережливыми, склонны оценивать русских как щедрых ($r = 0,38$, $p < 0,05$). Кроме того, обнаружено, что чем более сильными японцы считают себя, тем менее уверенными в себе предстают в их глазах русские ($r = -0,40$, $p < 0,05$).

Таким образом, мы видим противопоставление характера авто- и гетеростереотипов. При положительной оценке себя представители японской национальности отмечают противоположные черты у русских людей. В целом, в результате проведенного исследования были получены данные, позволяющие сделать вывод о том, что содержание этнических стереотипов русских и японских студентов хоть и различно, но носит скорее положительный характер. Этот факт дает основание прогнозировать успешность межкультурной коммуникации представителей данных этнических групп.

Синельникова Е. С.

ДОВЕРИЕ В СЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема доверия не относится к числу проблем, впервые поставленных психологической наукой. Задолго до возникновения научной психологии проблема доверия обсуждалась в философской литературе. Доверительные отношения рассматривались в этике как нравственные отношения между людьми, предполагающие знание людьми друг друга и обоюдно высокую оценку нравственных качеств партнеров. Особо подчеркивалось, что доверие существует только на основе добровольности, доверие по принуждению или в силу обстоятельств не может рассматриваться как подлинное доверие. Кроме того, отмечалось, что доверие реализуется как передача интимных мыслей и чувств и является составляющей интимно-личностных отношений. Мы можем утверждать, что данные этические изыскания предвосхитили психологические исследования феномена. Так, в работах В. С. Сафонова и Е. А. Хорошиловой были впервые выделены два неотъемлемых признака доверительного общения: значимость доверяемой информации и отношение доверия к партнеру. В. С. Сафонов называет три основные функции доверительного общения: психологическое облегчение, обратная связь в процессе самопознания, психологическое сближение. В исследованиях В. Н. Куницыной были выделены стадии формирования доверительного общения, составлены психологические портреты людей, доверяющих и не доверяющих другим, разграничены понятия доверия и псевдодоверия.

О значимости формирования у ребенка базального доверия к миру и о его влиянии на дальнейшую жизнь человека, на его отноше-

ния с собой и другими неоднократно говорил Э. Эриксон. Э. Эриксон рассматривает базальное доверие как новообразование первого года жизни ребенка. Б. Ф. Поршнев отмечает, что базальное доверие первично, дано от рождения. А недоверие формируется на ранних этапах онтогенеза как ощущение небезопасности жизни и стремление избегать неприятных факторов среды. А. Б. Купрейченко и С. П. Табхарова рассматривают доверие и недоверие как относительно автономные феномены, формирующиеся на ранних этапах онтогенеза и способные существовать одновременно по отношению к одному и тому же объекту. Авторы объясняют сосуществование противоположных тенденций по отношению к одному и тому же объекту многоаспектностью и динамичностью отношений между людьми, наличием противоречивых качеств партнеров по общению, высокой степенью риска доверия.

Мы могли бы также назвать в качестве еще одной гипотетической причины внутреннюю конфликтность самого доверяющего. Согласно Т. С. Скрипкиной, доверие к другому человеку есть частный случай доверия к миру и неразрывно связано с доверием к себе.

В зарубежной психологии сосуществуют два основных подхода к исследованию доверия. Согласно первому подходу, доверие рассматривается как раскрытие наиболее уязвимых сторон своего Я. Второй подход объясняет доверительность особенностями ситуации общения. Таким образом, проблема доверия достаточно многосторонне исследовалась в психологической науке, однако специфика доверительных отношений в семье, как правило, оставалась вне рассмотрения психологической науки. В то же время понимание и доверие в семье являются важнейшими терминальными ценностями, и потребность в исследовании данных феноменов очень высока.

Мы сочли возможным сделать данные феномены предметом нашего исследования в рамках гранта РГНФ «Изменяющаяся Россия: Трансформация семейных ценностей на современном этапе развития страны». Е. С. Синельниковой под руководством В. Н. Куницыной была составлена анкета «понимание и доверие в семье». В исследовании приняли участие 63 человека, студенты вузов г. Санкт-Петербурга. В исследовании были выявлены основные аспекты доверия в семье: финансовый аспект, сексуальный аспект, уважение и автономность; открытость и искренность; совместное решение проблем. Самооценочный уровень доверия в семьях был выше, нежели уровень понимания. Доверие в семье оценивалось большинством опрошенных как менее стабильный и значимый компонент внутрисемейных отношений, нежели понимание. Доверие и понимание рассматривались респондентами как взаимосвязанные феномены. По результатам исследования были составлены психологические портреты семей, в которых присутствует

только один компонент: понимание или доверие. В ходе исследования были сформулированы гипотезы об уровнях и стадиях доверия в семье, которые будут положены в основу дальнейшего исследования феномена.

Смирнов Н. В.

САМООЦЕНКА КАК РЕГУЛЯТОР СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В настоящее время одной из актуальных проблем в современной психологии остается проблема социально-психологических аспектов совместной деятельности детей младшего школьного возраста. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что это чрезвычайно важный этап в развитии и социализации личности ребенка. По мнению ведущих отечественных психологов (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина) именно в данный период у ребенка формируется система организационных отношений, ценностных ориентаций, целей и мотивов. Совместная деятельность, сопровождаемая общением, выступает в этот период фактором перехода психических функций из натурального, природного их характера в сознательный, т. е. высший, собственно человеческий (Л. С. Выготский). Общение в коллективе сверстников опосредовано, с одной стороны, выполняемой деятельностью, ее целями и структурой, а с другой стороны индивидуально-личностными особенностями ребенка.

Одной из наиболее значимых индивидуально-личностных особенностей является самооценка. Состояние самооценки младших школьников характеризуется оценкой себя и своих достижений и в значительной степени зависит от оценки окружающих. На этом основании мы ставим целью изучить влияние характера самооценки детей младшего школьного возраста, на организацию совместной деятельности в ситуации неопределенности. В качестве методов исследования мы использовали наблюдение и моделирование. В качестве моделей нами используется аппаратная модель «Арка» в модификации А. С. Чернышева, Т. И. Сурьяниновой, и изготовление совместной аппликации. Данные виды совместной деятельности в значительной мере различаются по степени неопределенности. С целью проследить влияние характера самооценки, на успешность/неуспешность групп по критерию кооперированности, детям была предложена методика С. Г. Якобсона «лесенка самооценки» в модификации А. С. Чернышева, Т. И. Сурьяниновой.

В исследовании приняли участие 75 испытуемых, учащиеся младших классов школ г. Курска в возрасте 7–8 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0. Проводился факторный анализ с вращением Varimax normalized с методом извлече-

ния Principal axis factoring. Решение о числе факторов принималось на основании критерия «каменной осыпи» Кеттела. Значимая нагрузка по переменной рассматривалась не менее 0,4.

Было выделено два фактора. Первый фактор является биполярным, в него вошли переменные: самооценка с нагрузкой (-0,454) и выраженность лидера (0,716). Данный фактор определяет роль и специфику связи характера самооценки и выраженности лидерства в группе и отражает влияние самооценки на успешность/неуспешность групп по критерию кооперированности. Второй фактор является униполярным, и в него вошли переменные: самооценка с нагрузкой (0,651) и стиль лидерства с нагрузкой (0,808). Данный фактор отражает влияние связи самооценки и стиля лидерства на успешностью/не успешностью групп по критерию кооперированности.

Наличие данных факторов говорит нам о важности связи самооценки детей младшего школьного возраста на успешность организации ими совместной деятельности. В результате полученных данных мы можем сделать вывод, что дети младшего школьного возраста, обладающие адекватной самооценкой, быстрее кооперируются, чем дети с неадекватно завышенной самооценкой. Дети с адекватной самооценкой, будучи менее устойчивыми к неопределенности, преодолевают тревогу за счет сотрудничества, создавая тем самым условия для проявления лидерского потенциала группы, и чаще всего сами берут на себя функцию лидера – организатора. Дети с неадекватно завышенной самооценкой чаще занимают позицию авторитарного лидера, тем самым порождая конфликтные отношения внутри группы. Следовательно, наличие в группе детей с адекватной самооценкой способствует более продуктивному характеру взаимодействия.

Смирнова Н. С.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВНОСТИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Романтические отношения мужчин и женщин не всегда складываются идеально. С возрастанием свободы в отношениях все сильнее о себе заявляют проблемы измен и ревности. Нами было проведено исследование, целью которого являлось рассмотрение феномена ревности в романтических отношениях. Эмпирическое изучение данной проблемы проводилось следующими методами: тест Стреляу по изучению силы нервных процессов, опросник FPI (форма В) (адаптирован факультетом психологии ЛГУ при участии Ф. Короди), опросник удовлетворенности браком (В. В. Столин, Т. Л. Романова, Г. П. Бутенко), опросник «Реакции на ревность» (Маслач, Пайнс, 2003), авторское интервью. Выборка состояла из 15 пар, состоящих в романтических отношениях, про-

должающихся от двух до семи лет. Романтические отношения понимались нами как избирательные и относительно устойчивые отношения между мужчиной и женщиной, основанные на положительных эмоциях, физиологически обусловленные сексуальными потребностями и выражающиеся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств (Кроник А. А., 1998).

Ревность же часто является боязнью измены партнера. Измена – это явление в романтических отношениях людей, когда один заводит половые либо романтические отношения с другим человеком, нарушает осознанные им и добровольно принятые обязательства по отношению к своему партнеру, не порывая старых отношений (Андреева Т. В., 2007; Витек К., 1988). Основным понятием выступала ревность – эмоциональное выражение потребности человека в сохранении верности его партнером и в то же время в единоличном обладании им (Новейший психологический словарь/Сост. Шапарь Б. В., 2006).

Исследовались реакции ревности: самую слабую степень выраженности имеют физиологические реакции. Это объясняется тем, что перевод переживаний во внутренний план не очень характерен для молодых людей. Кроме того, выявилось, что женщины демонстрируют большую выраженность реакций ревности (как физиологических, так и эмоциональных) по сравнению с мужчинами. Объяснить это можно большей эмоциональностью женщин, их большей ориентированностью на свои переживания. Наиболее часто встречающиеся в данной выборке физиологические реакции ревности были следующие (в скобках обозначено количество людей, признавших выраженность данной реакции на 5, 6 и 7 баллов): нервный срыв (18), дрожь в руках (12), учащение сердцебиения (17), бессонница (14), нервная дрожь (11), прилив крови к голове (23). Среди эмоциональных реакций на ревность преобладают: ярость (22), чувство неполноценности (12), тревога (11), унижение (9), депрессия (19), жалость к себе (16), гнев (16), чувство собственника (9), обида (10), уверенность в своей правоте (14). Физиологические реакции ревности связаны с невротичностью человека ($R = 0,560849$, при $p = 0,01$). Связь прямая, то есть чем больше уровень невротизации личности, тем больше психосоматических нарушений, тем ярче выражены реакции ревности. Физиологические реакции связаны также с депрессивностью и раздражительностью ($R = 0,389156$, при $p = 0,03$ и $R = 0,420085$, при $p = 0,02$ соответственно). Чем более человек склонен к депрессиям, к сильным и долгим переживаниям, тем ярче у него будут проявляться реакции ревности телесного плана, тем острее он будет чувствовать муки ревности. Физиологические реакции ревности связаны с эмоциональной лабильностью ($R = 0,485589$, $p = 0,007$). Частые смены настроения, неуравновешенность, плохая саморегуляция создают

благоприятную ситуацию для сильного переживания ревности. Физиологические реакции ревности обратно связаны с уравновешенностью ($R = -0,581316$, при $p = 0,0008$). Чем более уравновешен и гармоничен человек, чем спокойнее он реагирует на стрессы, тем менее выражены психосоматические симптомы ревности.

Обработка данных с помощью критерия Спирмена показала отсутствие достоверной связи между выраженностью реакций ревности одного партнера и удовлетворенностью отношениями другого. Происходит полное соответствие поговорке «Ревнует – значит любит», и второй партнер вполне доволен таким положением вещей. Предположение о наличии связи реакций ревности с эмоциональностью человека не получило подтверждения (не выявлено достоверной связи). Ни сила процессов возбуждения и торможения, ни подвижность нервных процессов не связаны с реакциями ревности. Связи с физиологическими реакциями не нашлось, потому что ощущение переживаний на физическом уровне может зависеть от мнительности человека, от его стрессоустойчивости, а не от эмоциональности и преобладания определенных нервных процессов.

Спиридонов Я. В.

КОНФЛИКТНАЯ КОНГРУЭНТНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Конфликтологическая наука, на современном этапе своего развития, признает конфликт в качестве закономерного и необходимого компонента социальных, в том числе и межличностных, отношений и считает, что последний может обладать не только деструктивной, но также и конструктивной функциональностью. В процессе анализа конструктивных функций межличностного конфликта, как нам кажется, вполне отчетливо проясняется одно определяющее обстоятельство, а именно что данные функции в полной мере действительны лишь в том случае, если конфликт (как на эмоциональном, так и на проблемном уровне) будет осознанно пройден или изжит в полной мере. Если же его нормальное течение будет по каким-либо причинам прервано (например, в результате избегания или насильственного подавления), то действительность вышеотмеченных функций становится проблематичной (Спиридонов Я. В., 2008). Отмеченное обстоятельство подтверждается многими исследователями в области конфликтов (Хасан Б. И. 2003, Корнелиус Х., Фейр Ш., 1994). Вышеотмеченное условие (или обстоятельство) конструктивности межличностного конфликта, на наш взгляд, может отражаться понятием «конфликтная конгруэнтность». Анализ данного психологического феномена дается ниже. Понятие конгруэнтности в психологический обиход ввел К. Роджерс. Это одна из наиболее

важных категорий в его теоретической и психотерапевтической системе. «Конгруэнтность, – пишет К. Роджерс, – является термином, который мы используем для обозначения точного совпадения переживаний и осознания. В дальнейшем его можно распространить на совпадение переживания, сознания и общения» (Роджерс К., 2000).

Отечественные психологи А. Б. Орлов и М. А. Хазанова понимают конгруэнтность как процесс безоценочного осознания человеком своих собственных реальных и актуальных ощущений, переживаний и проблем с их последующим точным озвучиванием в языке и выражении в поведении способами, не травмирующими других людей (Орлов А. Б., Хазанова М. А., 1993). Вместе с тем категория конгруэнтности, на наш взгляд, предполагает возможность дифференциации применительно к специфическим областям человеческого взаимодействия. Так, Р. Нельсон-Джоунс, анализируя функционально-содержательный аспект Я-концепции в рамках клиент-центрированного подхода, отмечает, что последнюю можно рассматривать как структуру, состоящую из различных Я-концепций, каждая из которых может быть более или менее важной относительно других, связанных различными способами. Причем тогда, как одни Я-концепции могут соответствовать реальным переживаниям, т.е. быть конгруэнтными, другие, напротив, могут, в различной степени, не соответствовать реальным переживаниям, т.е. быть неконгруэнтными. Различные Я-концепции могут отражать различные сферы жизнедеятельности (Нельсон-Джоунс Р., 2000).

Таким образом, можно предположить, что в структуре Я-концепции может иметь место специфическая Я-концепция, отражающая совокупность представлений о себе в специфической сфере конфликтного взаимодействия. В соответствии с этим мы выделяем, в качестве относительно самостоятельного, такое свойство субъекта, как конфликтную конгруэнтность, которое определяется как процесс адекватного осознания своих конфликтных переживаний и их реализации на коммуникативном, поведенческом уровне.

Под конфликтными переживаниями мы понимаем спектр эмоций, связанных с противоречиями и проблемами в межличностных отношениях (Спиридонов Я. В., 2006). В структуре конфликтной конгруэнтности мы выделяем три компонента: рефлексивный компонент, компонент реализации и компонент коррекции. Первый компонент представляет собой осознание собственных конфликтных переживаний. По сути, это частный элемент Я-концепции, отражающий совокупность представлений о своих конфликтных диспозициях и негативных эмоциональных переживаний в отношении окружающих. В свою очередь, второй компонент образуется механизмами конструктивной реализации конфликтного потенциала. Он определяется актуальными целями лич-

ности в заданном ситуативном контексте. И, наконец, третий компонент включает в себя механизмы реконструкции первого компонента в пользу большего соответствия поведенческим и психоэмоциональным проявлениям. Он, прежде всего, опирается на процесс скрупулезного анализа содержания обратной связи, отражающей объективные проявления конфликтной активности личности.

Ткачишина О. Р.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Информатизация и компьютеризация, которые все больше входят в современное общество, приводят к ускорению темпов жизни, увеличению информационного потока и необходимости восприятия и переработки человеком большого количества информации. Чтобы понять сущность, особенности и проблемы адаптации личности в условиях информатизации и компьютеризации, необходимо изучение тех категорий населения, которые наиболее тесно связаны с компьютерными и информационными технологиями. На пути к исследованию данной проблемы важным шагом может стать изучение особенностей адаптации студентов – будущих программистов, компьютерщиков и пр.

Методы исследования: наблюдение, методика диагностики ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина, «Исследование экстраверсии – интроверсии и нейротизма» Г. Айзенка, многофакторный личностный опросник FPI, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), кластерный и сравнительный анализ. Исследованием было охвачено 415 студентов (I, II и IV курсов) высших учебных заведений г. Киева. Из них 315 человек – будущие специалисты по компьютерным технологиям и 100 человек – будущие политологи и дипломаты. Исследование показало, что со всей выборки студентов – будущих специалистов по компьютерным технологиям 39,4% имеют высокий уровень социально-психологической адаптации, 35,2% – средний уровень, а 25,4% – низкий уровень.

Степень адаптированности студентов в вузе зависит от уровня развития показателей социально-психологической адаптации и результатов учебной деятельности. Студенты с высоким уровнем адаптированности характеризуются высоким уровнем развития таких показателей: готовности и приспособления к нормам и требованиям вуза (стремлением к познанию нового, $p \leq 0,001$, пониманием своих психологических особенностей, $p \leq 0,001$); принятием социальной функции студента, $p \leq 0,001$, уверенностью в себе, $p \leq 0,001$, хорошей успеваемостью по специальным дисциплинам, $p \leq 0,01$, низким уровнем пропусков занятий, $p \leq 0,01$; готовности и приспособления к интенсивной интеллекту-

ально-познавательной и групповой деятельности (мотивацией к обучению $p \leq 0,001$, эмоциональной стабильностью $p \leq 0,001$). Студенты со средним уровнем адаптированности менее включены в интеграционные процессы студенческой группы и отношения, чем студенты с высоким уровнем адаптированности, что обусловлено меньшей стабильностью эмоциональных процессов и высоким уровнем агрессивности ($p \leq 0,001$); выявлен меньший уровень усвоения обязанностей и ролевого поведения ответственности, чем у студентов с высокой адаптированностью, в частности, показатели учебной успеваемости у них ниже ($p \leq 0,01$) и большее количество пропусков занятий ($p \leq 0,01$). Студенты с низким уровнем адаптированности характеризуются самыми низкими оценками развития таких показателей: готовности и приспособления к нормам и требованиям вуза (низким уровнем стремления к познанию нового $p \leq 0,001$); усвоения обязанностей и ролевого поведения ответственности (в частности, неуверенностью в себе, $p \leq 0,001$); принятием социальной функции студента, $p \leq 0,001$; низкой успеваемостью по специальным дисциплинам, $p \leq 0,01$ и наибольшим количеством пропусков занятий, $p \leq 0,01$. Выявлены особенности социально-психологической адаптации студентов разных специальностей.

Студенты – будущие политологи и дипломаты характеризуются большим развитием таких социально-психологических критериев, как: усвоение обязанностей и ролевого поведения ответственности ($p \leq 0,01$), что связано с большей уверенностью в себе, смелостью в высказывании своих мнений и решительностью будущих политологов и дипломатов ($p \leq 0,05$); включенность в интеграционные процессы студенческой группы и отношения ($p \leq 0,01$), что связано с общительностью и выраженной потребностью в общении ($p \leq 0,01$); готовность и приспособление к образу профессии ($p \leq 0,05$), благодаря большому развитию самоконтроля ($p \leq 0,05$). Как показало исследование, студенты – будущие специалисты по компьютерным технологиям – в первые годы обучения в вузе характеризуются меньшей общительностью ($p \leq 0,05$) и меньшей потребностью в общении с другими ($p \leq 0,05$) в сравнении со студентами других специальностей, что осложняет их включенность в интеграционные процессы студенческой группы и отношения. Кроме того, будущие специалисты по компьютерным технологиям оказались менее уверенными в себе и более застенчивыми ($p \leq 0,05$).

Трапезникова Ю. В.

**АНАЛИЗ ТАКТИК ПЕРЕГОВОРОВ В СИТУАЦИИ
КОНФЛИКТУЮЩИХ ИНТЕРЕСОВ**

Цель: анализ тактик переговоров между заинтересованными лицами в ситуации конфликтующих интересов на материале студенческой выборки. Объект: процесс переговоров между двумя собеседниками в ситуации конфликтующих интересов. Предмет: закономерности взаимопереходов между тактиками уступки, давления, аргумента в пользу своей позиции и аргумента против позиции собеседника в процессе переговоров.

Гипотезы:

1. Протекание переговорного процесса в ситуации конфликтующих интересов может быть адекватно описано с помощью математической модели цепей Маркова второго порядка, т. е. тактика, применяемая собеседником А в момент времени N, зависит от двух предыдущих тактик во взаимодействии: тактики собеседника Б в момент времени N-1 и предыдущей тактики самого собеседника А в момент времени N-2.

2. Тактика давления, применяемая собеседником А, приводит к повышению вероятности применения тактики давления со стороны собеседника Б.

3. Тактика уступки, применяемая собеседником А, приводит к повышению вероятности применения этой тактики со стороны собеседника Б.

Организация и методы исследования. В исследовании было использовано 50 пар студентов различных курсов института психологии ПГПУ. Парам была предложена игровая ситуация, в которой они являлись двумя сотрудниками одной компании. Испытуемые должны были принять решение по четырем пунктам, при этом учесть интересы собеседника, но минимально отступить от своих предпочтений.

Ситуация взаимодействия снималась на видеокамеру. На втором этапе исследования группа экспертов анализировала видеозапись. Словесное взаимодействие пар было закодировано с видеозаписи переговоров. Схема кодирования была основана на разработке Вейнгарта. Далее мы последовательно анализировали прирост пригодности математических моделей цепей Маркова разного порядка к эмпирически полученным данным. Далее мы провели анализ частичных и маргинальных ассоциаций для того, чтобы определить прирост пригодности при переходе от одной модели к другой.

На следующем этапе мы анализировали различные модели, которые прошли проверку на пригодность, таких моделей мы выявили четыре, это модели первого порядка.

Выводы:

1. Первая гипотеза не нашла эмпирического подтверждения. Сравнение показало, что улучшение в индексах пригодности при переходе от цепи первого порядка к цепи второго порядка незначительно: $\chi^2 = 23,1$, $p > 0,05$. Фактически это означает, что учет закономерностей взаимодействия между состояниями в моменты времени N-1 и N-2 в нашей выборке для объяснения поведения собеседника А и собеседника Б избыточен. Модель первого порядка, учитывающая лишь непосредственные реакции собеседника А на собеседника Б (и наоборот), обладает высокой степенью пригодности: $\chi^2 = 42,6$, $p < 0,05$.

2. Вторая гипотеза также не нашла своего подтверждения. Об этом можно говорить на основании того, что если была предложена тактика давления, то человек, скорее всего,отреагирует на это тактикой уступки (42,86%).

3. Третья гипотеза также не нашла эмпирического подтверждения. Об этом можно говорить на основании того, что если была представлена тактика уступки, то человек, скорее всего, представит тактику аргумента в защиту своей позиции (41,34%).

4. При анализе модели 14 (человек в момент времени N ориентируется на сказанную оппонентом фразу в момент времени N-3), мы получили следующие результаты: А: если в момент времени N-3 была предложена тактика давления, то человек не берет во внимание тактики, использованные в моменты времени N-1 и N-2, онотреагирует на нее, скорее всего, тактикой уступки (34,29%). Б: Если в момент времени N-3 была предложена тактика уступки, то человек не берет во внимание тактики, использованные в моменты времени N-1 и N-2, онотреагирует на нее, скорее всего, либо тактикой уступки (32,40%), либо тактикой аргумента за свою позицию (32,96%). В: Если в момент времени N-3 была предложена тактика аргумента в защиту своей позиции, то человек не берет во внимание тактики, использованные в моменты времени N-1 и N-2, онотреагирует на нее, скорее всего, тактикой уступки (40,12%). Г: Если в момент времени N-3 была предложена тактика аргумента против позиции соперника, то человек не берет во внимание тактики, использованные в моменты времени N-1 и N-2, онотреагирует на нее, скорее всего, тактикой аргумента в защиту своей позиции (30,56%).

Трутьев Е. В.

ДИНАМИКА КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЖАРНОЙ ЧАСТИ В ХОДЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследования особенностей совладающего поведения у сотрудников пожарной части определена особенностями профессиональной деятельности, предъявляющей высокие требования

в плане физического и психического здоровья. Эффективное преодоление профессиональных стрессовых ситуаций определяет эффективность профессиональной деятельности в целом и снижает вероятность появления и развития профессиональных деструкций.

Целью работы является изучение динамики выбора копинг-стратегий сотрудниками пожарной части на разных этапах профессионального пути. Выборку исследования составили сотрудники пожарной части г. Омска с разным стажем работы в ситуации пожара. В результате сформировались две группы, в каждой из которых по 30 человек: со стажем работы менее десяти лет и более десяти лет. Для проведения сравнительного анализа был использован опросник диагностики копинг-стратегий К. Карвера (адаптация Л. И. Дементий, 2004). К опроснику прилагалась инструкция, где сообщалось, что сотрудникам пожарной части с разным стажем необходимо оценить свое поведение при столкновении с ситуацией пожара на начальном этапе профессионализации (ретроспективно) и на настоящий момент.

При сравнительном анализе копинг-стратегий сотрудников пожарной части со стажем работы менее десяти лет обнаружены значимые различия. Высокие показатели выявлены на начальном этапе профессионализации по стратегии «поиск эмоциональной общественной поддержки» ($t = 1,46$, $p = 0,002$), что может свидетельствовать о частом обращении к коллегам в поиске сочувствия и понимания на этапе адаптации. Со временем появляется опыт, уверенность в себе и своих силах и необходимость в этом минимизируется. Кроме того, с приобретением опыта стрессовая ситуация рассматривается как возможность личностного роста, что благоприятно влияет на выполнение работы – стратегия «положительное истолкование и рост»: $t = 2,08$, $p = 0,004$. Сотрудник пожарной части признает реальность случившейся ситуации, принимает ее неизбежность как специфику собственной профессиональной деятельности (шкала «принятие») ($t = 0,79$, $p = 0,03$).

Были обнаружены значимые различия по стратегии «ментальное отстранение» ($t = 4,14$, $p = 0,002$), по которой можно судить о том, что при выполнении работы напряжение постоянно растет и сотруднику необходимо отвлекаться от источника стресса с помощью сна, развлечений и мечты, что также свойственно и сотрудникам со стажем работы более десяти лет ($t = 4,22$, $p = 0,02$). Кроме того, выявлены значимые различия копинг-стратегий сотрудников пожарной части со стажем работы более десяти лет. У таких сотрудников ярко выражен «активный копинг» ($t = 3,49$, $p = 0,03$), который указывает, что в начале профессии сотрудник мало действует, а с возрастанием опыта он активно выполняет действия, направленные на преодоление источника стресса. Пожарный нуждается в совете, помощи, поддержке, особенно важной на на-

чальных этапах работы (стратегия «поиск активной общественной поддержки» ($t = 4,76$, $p = 0,003$). С ростом опыта работы сосредоточение на источнике стресса возрастает и снижается внимание к другим видам деятельности для лучшего прояснения сути проблемы и способов ее предотвращения («подавление конкурирующей деятельности» ($t = 2,53$, $p = 0,04$), а также индивид признает реальность случившейся ситуации и осознает, что она произошла (шкала «принятие»: ($t = 1,97$, $p = 0,003$), а не пытается ее отрицать, как это было в начале работы.

С учетом копинг-стратегии «положительное истолкование и рост» ($t = 2,69$, $p = 0,02$) можно судить о том, что с приобретением опыта стрессовая ситуация рассматривается более позитивно в отношении угрожающей ситуации при точной оценке всей чрезвычайной ситуации. Согласно полученным данным, можно сделать следующий вывод: динамика в выборе копинг-стратегий сотрудников пожарной части с различным стажем работы на разных этапах профессионального пути имеет значимые различия. Сотрудники пожарной части со стажем работы до десяти лет часто ищут эмоциональной помощи, понимания. В свою очередь, у сотрудников со стажем более десяти лет появляется стратегия «активный копинг», увеличивается стрессоустойчивость, но они также ищут поддержки, совета, так как совершаемая трудовая деятельность крайне сложна и сопровождается эмоциональным напряжением. Понимание динамических тенденций в выборе копинг-стратегий позволит разработать меры профилактики профессионального стресса и подготовки начинающих сотрудников к корректному выходу из возможных стрессовых ситуаций.

Фабрикант М. С.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В МИРОВУЮ КРОСС-КУЛЬТУРНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Переход к постнеклассической научной рациональности проявляется, помимо прочего, также и в том, что социокультурный контекст оказывает существенное влияние даже на те науки, которые тот или иной его аспект непосредственно не изучают. Так, условия глобализации – процесса, который непосредственно не входит в предметную область психологической науки, – играют существенную роль в изменении очертаний психологии XXI в, в частности, в связи с растущей популярностью и значимостью кросс-культурной психологии. В широком смысле слова вся современная психология должна стать кросс-культурной, если иметь в виду осознание степени межкультурных различий, доказанное эмпирическими исследованиями, и логически вытекающую из него необходимость основывать обобщения, претендующие на универсальность, на репликации в различных регионах, то есть, на

построении репрезентативной выборки для всего человечества, вместо того, чтобы ограничиться контингентом, территориально и социально близким исследователю.

В узком смысле слова кросс-культурная психология объединяет ученых, заинтересованных не в элиминировании, а в выявлении межкультурных различий в виде позиционирования культур друг относительно друга на шкале, отражающей ту или иную взаимосвязанную совокупность психологических особенностей – так называемый культурный синдром, наиболее известным из которых является индивидуализм – коллективизм.

С другой стороны, признание специфичности той или иной культуры тесно связано с метапарадигмой социального конструктивизма, что проявляется в культуральной психологии, ориентированной на глубинное изучение отдельно взятой культуры.

Кросс-культурный вектор развития психологической науки на теоретическом уровне, в отличие от эмпирического, привел к развитию индигенной психологии – попытке построения понятийного аппарата, основанного на незападных мировоззренческих конструктах. Нельзя сказать, чтобы российская этническая психология сколько-нибудь уступала мировой кросс-культурной. Следует говорить, скорее, об относительной взаимной изоляции, поскольку многие российские учебники по этнической психологии содержат лишь незначительное количество западных источников, причем не всегда наиболее современных, и в еще меньшей степени – иностранных незападных. Соответственно, в ведущих международных журналах в данной области публикации российских авторов встречаются значительно реже, чем можно было бы ожидать на основании существующего потенциала. Кроме того, само словосочетание «этническая психология» вызывает у большинства западных интеллектуалов ассоциации с примордиалистской трактовкой этнонациональных феноменов с соответствующими идеологически неприемлемыми коннотациями «крови и почвы».

Как альтернатива изолированной этнопсихологии возможна ее поуровневая интеграция в существующие направления мировой кросс-культурной психологии. Участие российских ученых в крупномасштабных позитивистских исследованиях, направленных на транскультурную валидизацию универсального закона, возможно, как показывает наш опыт, при достаточно умеренных организационных ресурсах, что не исключает интереса к результатам исследования со стороны профильных международных научных журналов.

Сопоставление российской культуры с другими возможно в психологии, как и в других областях исследования, например, с использованием результатов уже проведенных исследований, базы данных

по которым находятся в открытом доступе (например, Всемирное исследование ценностей под руководством Р. Инглхарта, с данными которого в настоящее время работает Лаборатория сравнительных социальных исследований НИУ-ВШЭ, включая автора данного текста).

Культуральная психология особенно перспективна в России не только вследствие впечатляющего этнокультурного многообразия, но и благодаря особой роли, которую продолжают играть в развитии социально-конструктивистской методологии два всемирно известных русскоязычных автора – М. М. Бахтин и Л. С. Выготский. Наконец, индигенная психология в России возможна и закономерна вследствие преобладающего признания уникальности русской культуры со стороны как русских ученых, так и мирового научного сообщества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перспективы интеграции российской этнической психологии в мировую кросс-культурную психологию представляются весьма многообещающими, причем не исключено, что эта интеграция необходима мировой психологической науке даже в большей степени, чем российской.

Хаматкоева Л. Б.

Шукашвили В. Ю.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Проблемы, связанные с процессом формирования этнической идентичности, всегда привлекали внимание ученых, причем не только психологов. В настоящее время эта тема стала чрезвычайно актуальной в связи с назревшими проблемами в национальной политике. Этническая принадлежность «задается» вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением, в которое он попадает и которое, в свою очередь, «задает» общепринятые стандарты поведения и самореализации личности. Для миллионов людей этническая идентичность – это сама собой разумеющаяся данность, не подлежащая рефлексии, через которую они себя осознают и благодаря которой могут ответить сами себе «Кто я и с кем я?» Вопросами данной проблемы занимались многие исследователи, такие, как В. С. Агеев, А. Г. Асмолов, Н. М. Лебедева, В. П. Левкович, Н. Г. Панкова, В. Н. Павленко, Ю. В. Платонов, Л. Г. Почебут, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко и многие другие. Этническая идентичность – это психологическая категория, описывающая субъективное осознание своей принадлежности к конкретной этнической общности. Современная отечественная этнопсихология рассматривает этническую идентичность как осознание собственной принадлежности к определенной этнической общности. Этническая идентичность включает в себя три компонента: когнитивный, аф-

фективный и поведенческий. Отклонения от нормальной позитивной этнической идентичности, по мнению Г. У. Солдатовой, могут быть пяти типов: этническая индифферентность возникает тогда, когда личная идентичность становится гораздо выше этнической; этнонигилизм – нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности; гиперидентичность характеризуется стремлением к этническому доминированию; этноэгоизм, который проявляется на вербальном уровне в виде напряженности и раздражения при общении с представителями другого народа; этноизоляционизм – убеждение в превосходстве своего народа, прекращение брачных и межнациональных связей; национальный фанатизм – готовность идти на любые действия во имя этнических интересов.

Целью нашего исследования явилось изучение взаимосвязи типа этнической идентичности с личностными особенностями.

Используя методики «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и личностный опросник FPI, мы выявили, что существует взаимосвязь между типами этнической идентичности и личностными особенностями:

1. Обратная корреляционная связь между национальным фанатизмом и невротичностью, зависимость значима на уровне $p \leq 0,05$, с повышением уровня национального фанатизма понижается уровень невротичности и наоборот. Готовность идти на любые действия во имя этнических интересов, оправдание любых жертв может понижать невротические синдромы и наоборот.

2. Обратная корреляционная связь между позитивной этнической идентичностью и раздражительностью, зависимость значима на уровне $p \leq 0,05$. Позитивное принятие себя и других может способствовать понижению неустойчивого эмоционального состояния и наоборот.

3. Прямая корреляционная связь между позитивной этнической идентичностью и общительностью, зависимость значима на уровне $p \leq 0,01$. Выраженная потребность в общении и готовность удовлетворения этой потребности способствуют позитивному принятию себя и других.

4. Прямая корреляционная связь между национальным фанатизмом и общительностью. Зависимость значима на уровне $p \leq 0,05$. Высокие показатели шкалы «общительность» могут говорить о повышении национального фанатизма, что ставит этническую идентичность выше личной.

5. Обратная корреляционная связь между этнической индифферентностью и уравновешенностью, зависимость значима на уровне $p \leq 0,05$. Повышение личной идентичности над этнической может гово-

речь о понижении защищенности стресс-факторов обычных жизненных ситуаций и наоборот.

6. Обратная корреляционная связь между этнической индифферентностью и открытостью, зависимость значима на уровне $p \leq 0,05$. Высокие показатели шкалы «открытость» способствуют повышению этнической идентичности, так как стремление к доверительно-открытому взаимодействию с окружающими людьми повышается и тем самым личная идентичность уходит на второй план и наоборот. Таким образом, мы подтвердили гипотезу о том, что между типами этнической идентичности и личностными особенностями существует взаимосвязь. В перспективе, мы планируем исследовать взаимосвязь типов этнической идентичности с психологической защитой. Данная работа представляет интерес для психологов, занимающихся кросс-культурными исследованиями.

Харитонова Т. С.

Садыкова Д. И.

МЕТОДИКА НЕЗАКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОЛЕРАНТНОСТИ

Возможности применения методики незаконченных предложений в практике психологических исследований широко описаны в научной литературе (Анастаси А., Урбина С., 2003; Хьелл Л., Зиглер Д., 2006). Предлагая испытуемому стимульный материал в виде незаконченных предложений, мы просим завершить их. Как отмечают Л. Ф. Бурлачук и С. М. Морозов, возможность приспособления к разнообразным исследовательским задачам является бесспорным достоинством данной методики (Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М., 2008).

Нами была предпринята попытка разработать авторский вариант «Незаконченных предложений» в целях исследования представлений о толерантности у молодых девушек и юношей 18–22 лет. Полученные нами результаты раскрывают содержание представлений студентов о толерантности, подтверждая тем самым высокую информативность методики. Исследование представлений студентов о толерантности проводилось в сентябре 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном инженерно-экономическом университете (СПбГИЭУ). В группу испытуемых вошли 40 студентов очной формы обучения факультета туризма и гостиничного хозяйства СПбГИЭУ (20 второкурсников и 20 студентов пятого курса). Одним из основных методов изучения стал опрос с помощью методики «Незаконченные предложения».

Разработанный нами авторский вариант методики включал в себя восемь незавершенных предложений:

1. Толерантность – это...;
2. В общении с представителями другой культуры толерантный человек...;
3. Развивать толерантность необходимо тем, кто...;
4. Я считаю, что современному обществу толерантность...;
5. Отличительной особенностью толерантного человека является...;
6. Если мой знакомый захочет стать более толерантным, я скажу ему...;
7. Тема толерантности освещается...;
8. Рассуждая о толерантности, следует отметить, что в Санкт-Петербурге...

Обработка полученных данных проводилась с помощью контент-анализа: в ответах испытуемых были выделены смысловые единицы информации и вычислена частота их упоминаний. Для 80% опрошенных студентов толерантность – характеристика личности, которая проявляется в ситуации общения с представителем другой национальности, расы, конфессии. По мнению 20% испытуемых, о толерантности уместно говорить в любой ситуации, где имеются какие-либо различия во взглядах, мнениях, образе жизни, которые совсем не обязательно связаны с этнической или конфессиональной принадлежностью. В описании проявлений толерантности доминируют такие характеристики: терпимость (80%), уважение (35%), спокойная реакция на существующие различия с собеседником (30%), отзывчивость (10%), открытость новым контактам (10%), доброжелательность (7%). Студенты второго курса, завершая предложения, рассуждают в общем и целом. Их ответы лаконичны и сводятся к фразам-клише («Толерантность – это терпимость», «Развивать толерантность необходимо тем, кто интолерантен», «Я считаю, что современному обществу толерантность необходима» и т. д.), чего не наблюдается при опросе старшекурсников. Полученные варианты завершения предложений в ходе опроса студентов пятого курса более разнообразны. Заканчивая предложения-стимулы, они не просто высказывают свою точку зрения, но и аргументируют ее, поясняя на конкретных примерах.

Таким образом, представление о толерантности у студентов пятого курса является более содержательным и конкретным, чем представление о толерантности у второкурсников. Применение методики незаконченных предложений в нашей работе позволило изучить содержание представлений молодого поколения о толерантности, а также

выявить положительную динамику этих представлений в процессе обучения в вузе.

Хасенова Л. Б.

СВЯЗЬ АДАПТИВНОСТИ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КАЗАХСТАНСКИХ СТУДЕНТОВ

Современный процесс глобализации затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества. В России и за рубежом все более актуальными становятся разнообразные учебные фонды для школьников и студентов, которые дают возможность получить образование за рубежом. Успешность адаптации зависит и от того, насколько восприимчивы и толерантны представители другой страны по отношению к приезжим, и от того каковы ожидания мигрантов на личностном и на групповом уровнях, от мотивации, которая напрямую связана с целью и длительностью пребывания в другой стране.

Целью нашего исследования является изучение особенностей адаптивности и ценностных ориентаций казахстанских студентов первого и четвертого курсов. В исследовании приняли участие 50 человек – студенты из РУДН, МГУ им. Ломоносова, МГИМО, РГНУГ им. Губкина (25 казахских студентов первого курса и 25 студентов-казахов четвертого курса), из которых 17 юношей и 33 девушки (средний возраст студентов первого курса 17–19 лет, четвертого курса 19–22). Испытуемые первого и четвертого курса – этнические казахи, граждане Республики Казахстан. С целью исследования адаптивности была использована методика «Адаптивность», разработанная профессором А. И. Крупновым (Крупнов, 2002). Для измерения ценностных ориентаций была использована методика Ш. Шварца «Для изучения ценностей личности», которая была переведена и адаптирована В. Н. Карандашевым (Карандашев, 2001). В нашем исследовании адаптивность рассматривается как системное свойство личности, позволяющее человеку познать отдельные аспекты взаимодействия социальных и природных систем с окружающей средой. А ценностные ориентации – личные приоритеты человека, которые, возможно, связаны с убеждениями этнического характера.

При проведении корреляционного анализа адаптивности и ценностных ориентаций наиболее яркой связью ценностных ориентаций для студентов первого курса оказалась связь с адаптацией. Обнаружены корреляции «адаптации» с «самостоятельностью» (самоконтроль, автономность, независимость), «стимуляцией» (стремление к новизне и глубоким переживаниям), «достижением» (личный успех через появление компетентности в соответствии с социальными стандартами) и «гедонизмом» (удовольствия, наслаждение жизнью). Все связи положитель-

ные. Выявленная положительная связь между самостоятельностью и адаптацией, указывает на то, что проявление самостоятельности студентами способствует их лучшей адаптации.

В анализе связей адаптивности и ценностных ориентаций студентов четвертого курса выявились следующие особенности: обнаруженные прямые связи «коммуникации» с «самостоятельностью», чем больше студенты стремятся к самостоятельности, пытаются отстаивать свою точку зрения, тем сложнее им устанавливать новые контакты с представителями других культур. Кроме того, обнаружены прямые связи «эмоциональности» с «самостоятельностью» и «властью». Это означает, что чем больше студенты стремятся к самостоятельности («самостоятельность») и/или к доминированию над окружающими («власть»), к повышению своего социального статуса, тем больше у них эмоциональных переживаний, которые сопровождаются тревожностью, раздражительностью и апатией. Возможно, это встречает непонимание со стороны окружающих. Адаптация в группе студентов четвертого курса связана со следующими ценностями: «безопасность» (0,43), «конформность» (0,44), «доброта» (0,48), «стимуляция» (0,47) и «гедонизм» (0,45). Студенты четвертого курса больше обращают внимания на свое здоровье, стараются добросовестно относиться к учебе, у них доброжелательное отношение к окружающим, и в результате они лучше адаптируются.

Таким образом, одной из самых значимых ценностей для студентов первого курса является независимость, они хотят реализоваться как люди самостоятельные и взрослые, они больше обращают свое внимание на установление контактов, стремятся к получению удовольствия, созданию ореола независимости. Студенты четвертого курса в большей степени ищут способ самореализации, пробуют себя в роли «лидера» и стремятся к сохранению этнической самоидентификации. Им недостаточно просто быть или казаться взрослыми, они пытаются найти свое место в иерархической социальной лестнице. Следовательно, студенты четвертого курса больше стремятся к самоопределению и к достижению поставленных целей. На четвертом курсе казахские студенты склонны к переоценке ценностей.

Цветкова Л. А.

НАРКОСИТУАЦИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Одной из центральных проблем современного российского общества и общественного здравоохранения является проблема употребления наркотиков молодежью. Интерес к данной проблематике продиктован высокой значимостью здоровья молодежи, поскольку именно от него будет зависеть общий уровень популяционного здоровья населения страны в ближайшем

будущем. Кроме того, первым и наиболее важным этапом разработки любой действенной профилактической программы является исследование той группы (или сообщества, субкультуры и т. д.), на которую данная программа будет направлена. Молодежь – наиболее динамичная часть общества. Поэтому для создания, корректировки и оценки эффективности профилактических программ необходимо регулярное проведение мониторинговых исследований. В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) под научным руководством профессора И. Н. Гурвича и кандидата психологических наук Л. А. Цветковой с 2002 г. с периодичностью раз в четыре года реализуются исследования в сфере здоровья студенческой молодежи. Эти исследования, организованные по типу мониторинговых с использованием единой методологии, позволили охарактеризовать динамику наркоситуации в вузе за последние восемь лет (с 2002 по 2010 г.). В исследовании принимали участие студенты СПбГУ с первого по четвертый курс обучения. Объем выборки исследования составил в 2002 г. 400 человек, в 2006 г. – 1476 человек, а в 2010 г. – 627 человек. Средний возраст респондентов составил 20 лет.

Данные были собраны методом анкетного опроса. Число сопоставимых индикаторов в исследованиях трех лет составило 162. Оценка значимости различий проводилась на основе χ^2 -критерия или t-критерия Стьюдента.

Результаты сравнительного анализа данных показали, что жизненный prevalence употребления психоактивных веществ (ПАВ) в выборке 2010 г. оказался сопоставим с данными 2002 г., т. е. около 30% студентов сообщили, что когда-либо употребляли наркотики или другие ПАВ не по назначению врача. Однако с 2006 г. по 2010 г. этот показатель вырос почти в 1,5 раза (22% против 30% соответственно) ($p \leq 0,001$). В структуре употребления ПАВ с 2002 г. первое место устойчиво занимают препараты конопли (план, марихуана, гашиш). Их, хотя бы раз в жизни, пробовали 25% студентов. Около половины студентов пробуют впервые наркотики до поступления в вуз. Наиболее частые причины, побуждающие их к этому – желание поэкспериментировать (92%) и пример со стороны друзей (44%). Доля актуальных наркопотребителей, или тех студентов, которые употребляли ПАВ за предшествовавшие опросу 30 дней, составила 5%. Данный показатель за последние восемь лет остается стабильным. Однако мы не можем говорить о наркотической зависимости у данной части студентов, т. к. в исследовании не идентифицировались ежедневные потребители ПАВ.

В настоящее время у трети всех студентов СПбГУ есть знакомые и друзья, постоянно употребляющие ПАВ. Причем эта цифра оказалась сопоставима с данными 2006 г., хотя по сравнению с 2002 г. она сократилась в два раза ($p \leq 0,001$). Наличие знакомых или друзей, постоянно употребляющих ПАВ, значимо чаще фиксируется среди имеющих опыт наркопотребления студентов ($p \leq 0,001$). Однако, если студенты не употребляют наркотики, они

все равно имеют высокую социально-территориальную близость к актуальным наркопотребителям. Выявлена негативная отчетливая тенденция сокращения применения антинаркотических мер в семье проживания студента ($p \leq 0,001$). Их можно охарактеризовать скорее как индифферентные. Так, несмотря на преобладание теплых и открытых отношений, в семьях половины опрошенных студентов лишь изредка обсуждалась тема опасности употребления наркотиков, а у 37% данная тема не обсуждалась вовсе.

Таким образом, можно сказать, что для данной молодежной выборки характерно эпизодическое использование так называемых «легких наркотиков», которые в современной молодежной субкультуре являются атрибутом успешной социализации и не связываются молодежью со значительными рисками для жизни. При благоприятных обстоятельствах эпизодическое употребление не переходит в проблемное, а прекращается по мере формирования адаптивных форм поведения. Результаты проведенного исследования способствуют накоплению статистических данных о распространенности рискованных форм поведения студентов и являются надежным основанием для планирования профилактической работы в студенческой среде в сфере сохранения и укрепления здоровья.

Цветкова Л. А.

Антонова Н. А.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАВ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ В ВОЗРАСТЕ 15-16 ЛЕТ В СЗФО РФ

Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета в период с августа 2009 г. по май 2010 г. при технической поддержке регионального представительства Управления ООН по наркотикам и преступности в Российской Федерации и при финансовой поддержке Правительства Финляндии и Правительства Швеции провели исследование потребления психоактивных веществ (ПАВ) среди учащихся в возрасте 15–16 лет в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации (СЗФО РФ). Основная задача исследования – изучение распространенности проб психоактивных веществ: табака, алкоголя, а также проб наркотиков и других веществ учащимися 15–16 лет. Достоверность и соответствие признанным международным стандартам обеспечены использованием методологии международного проекта ESPAD©. Данный проект реализуется в различных странах Европы, начиная с 1995 г. с периодичностью один раз в четыре года. Так, в 2007 году в проекте приняли участие 35 стран: Армения, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия и др. Исследования с применением методологии ESPAD уже проводились в России в 1999, 2003 и 2007 г. г. при координации Национального научного центра наркологии Росздрава (Кошкина Е. А., 2009).

Данное исследование было реализовано в восьми областных центрах субъектов СЗФО: городах Архангельске, Великом Новгороде, Вологде, Калининграде, Мурманске, Петрозаводске, Пскове и Санкт-Петербурге, а также в трех городах Ленинградской области (Всеволожске, Гатчине и Тосно). Выборка строилась на основании случайно отобранных классов или учебных групп, которые в совокупности были репрезентативны для конкретного областного центра СЗФО, за исключением случаев, когда имелась возможность провести сплошной опрос учащихся исследуемой возрастной группы. Анонимное анкетирование проводилось среди учащихся 10 или 11 классов общеобразовательных школ и учебных групп колледжей и училищ на базе общего образования; в дальнейшем из собранного массива были отобраны только анкеты учащихся 1993 года рождения.

Сбор данных был осуществлен с ноября 2009 г. по январь 2010 г. Общий объем выборки в СЗФО составил 8626 человек. Проблема курения среди 15–16-летних учащихся СЗФО остается достаточно острой. Две трети подростков (68,6%) пробовали курить сигареты в течение жизни. Подавляющее большинство учащихся 15–16 лет (91,7%) во всех исследованных городах СЗФО имели опыт употребления алкогольных напитков в течение жизни. Каждый четвертый подросток в возрасте 15–16 лет хотя бы раз в жизни употреблял те или иные виды наркотиков.

В структуре потребления наркотиков наиболее распространенными среди учащихся подростков СЗФО вне зависимости от города проживания являются препараты конопли (марихуана, гашиш), которые в течение жизни хотя бы раз пробовали 23% опрошенных.

В исследовании были выявлены региональные различия в уровне употребления различных ПАВ подростками. Проведенное исследование позволяет на основе собранных сопоставимых данных осуществлять сравнение показателей уровня употребления ПАВ среди учащихся СЗФО РФ со средними показателями по России и Европе. Полученные данные будут использованы для продолжения мониторинга ситуации с употреблением психоактивных веществ и разработки рекомендаций по профилактике употребления психоактивных веществ среди молодежи с учетом региональных особенностей.

Челомова Н. А.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЦЕНИВАНИЕ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Постоянно возрастающий темп жизни в современном обществе определяет растущий спрос потребителей, соответственно, для них необходимо создавать новые предложения. Компании стараются не упустить своих потребителей, и поэтому специалисты постоянно разрабатывают различные инновации. Для создания чего-то нового, продукта,

который снова захватит внимание потребителей, все время необходимы новые, креативные идеи – и для этого как раз компаниям нужны люди, которые могут придумать и реализовать идею. В последнее время в организации стали приглашать молодых специалистов, так как они могут мыслить нешаблонно и свежо. В связи с этим вопрос исследования креативности сейчас является очень актуальным. Процесс создания творческого продукта и, в первую очередь, креативного потенциала человека – тот «запас», благодаря которому компания, в которой он работает, будет или не будет развиваться. Однако привычные, классические тесты на креативность (например, батарея тестов Гилфорда) измеряют, скорее, уже готовый продукт, а не креативный потенциал личности – возможно, данный человек способен на большее, и необходимо раскрыть его способности, которые на данный момент скрыты.

Встает вопрос об измерении именно практической креативности. Необходимо изучить понятие креативного потенциала личности, выявить его связь с творческим продуктом и узнать, совпадает ли самооценка креативного потенциала личности с тестовой и экспертной оценкой креативного потенциала. В исследовании принимали участие испытуемые в возрасте от 18 до 54 лет. Средний возраст участников – 23,82 года, общая численность выборки – 80 человек.

В данной работе использовались апробированные методики по исследованию креативности: тест самоактуализации (САТ), субтесты из батареи тестов на креативность Гилфорда, а также экспертная оценка креативного потенциала испытуемых и авторская анкета. Гипотеза «Самооценка креативного потенциала личности совпадает с тестовой и экспертной оценкой креативного потенциала» подтверждается частично. Средние показатели отличаются незначительно, однако корреляционной связи между ними не было обнаружено в ходе исследования. Это может быть объяснено различием в использованных шкалах.

С помощью показателей самооценки и экспертной оценки можно определить креативный потенциал, однако сами по себе они являются субъективными, и необходим объективный критерий, уравнивающий оба эти показателя.

Из-за отсутствия связи между данными показателями и тестовым показателем, можно сделать вывод, что тесты на креативность измеряют не креативный потенциал, а качество продукта, который получается в итоге креативного процесса. Гипотеза «Субъективное оценивание креативного потенциала связано с характеристиками креативного продукта» подтверждается по результатам корреляционного и контент-анализа. Экспертная оценка связана с показателем гибкости по субтесту – чем выше оценивают эксперты креативный потенциал человека, тем выше характеристики создаваемого им продукта. Окружающие люди

«подталкивают» к созданию чего-либо нового, так как зачастую являются референтной группой для данного испытуемого и в общении с ним оказывают на него влияние. Это подтверждается и упоминаниями самих испытуемых при ответе на вопрос: «Я понимаю, что занимаюсь творчеством, когда...» – достаточно часто встречается ответ: «...когда окружающие считают это творчеством». Таким образом, окружающие, возможно, неосознанно дают установку испытуемому на проявление креативности и создание продукта.

Чикалова Е. А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТЦОВСТВА

В современном обществе институт семьи претерпевает значительные изменения, обусловленные политическими, социальными и экономическими преобразованиями. Тенденции перераспределения семейных ролей, пересмотра культурных эталонов маскулинности и фемининности и связанные с этим процессы «включения» женщины в общественную и политическую деятельность, а мужчины – в сферу семьи, стимулируют развитие комплексного подхода к анализу проблем семьи. Это означает, что наряду с анализом материнства и роли женщины в семье, в фокус исследователей попадают проблемы отцовства. Характеризуя состояние современного знания в этой научной области, следует отметить, что по известным причинам (политическим, идеологическим, социально-экономическим) отечественные исследования в области социальных, гуманитарных и психологических наук (в том числе и затрагивающие проблематику отцовства) начали активно развиваться лишь в последние несколько десятилетий, что объясняет количественный перевес западных исследований, касающихся проблем отцовства. Теоретические истоки зарубежных исследований отцовства прослеживаются в работах представителей биологического детерминизма (Э. Дюркгейм, К. Маркс, Т. Парсонс, З. Фрейд, Э. Фромм, Ф. Энгельс), социального конструктивизма (П. Бурдьё, И. Гоффман, Р. Коннел, М. Мид, М. Мойзер, Э. Оэкли, А. Рич, С. Файерстоун), «биосоциального» подхода (В. Вуд, И. Игли, Э. Росси, Г. Рубин). Различные концепции отцовства представлены в трудах Р. Ла-Росса, Дж. Плека, В. Фтенакиса, Ш. Барта и др.

Теоретико-методологические концепции отцовства, разрабатываемые в рамках зарубежных подходов, могут быть рассмотрены в качестве отправной точки для отечественных исследований. Феномен отцовства как самостоятельный предмет исследования в трудах российских ученых появляется относительно недавно. Понятие «отцовство» входит в научный оборот только в конце 80-х годов XX века

(Гурко Т. А., 2003). Первоначально тематика работ, в которых исследовалось отцовство, в основном была связана с проблемами семьи, материнства, родительства, отцовство включалось в данные исследования фрагментарно. Современные отечественные исследования отцовства концентрируются вокруг следующих направлений:

- анализ зарубежных исследований отцовства (Ю. В. Борисенко, Т. А. Гурко, И. С. Клецина, И. С. Кон, Д. В. Мальцева, Я. Г. Николаева) и исторический ракурс проблемы (Т. В. Григорова, А. Е. Звонарева, И. В. Павлов, И. В. Рыбалко, Г. Г. Филиппова);

- изучение влияния эмоциональных и психологических характеристик отца, стиля воспитания на личность ребенка (О.Г. Калина, А. Б. Холмогорова, Л. Д. Старостина);

- исследование влияния отцовства на развитие личности самих мужчин (О. Н. Безрукова, Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогой, Н. В. Дмитриева, Ю. В. Евсеенкова, И. С. Кон, А. Г. Портнова);

- изучение образов отца в структуре самосознания личности (М. К. Акимова, А. В. Левченко, А. А. Лукина, И. М. Марковская, М. Н. Усцева), в массовом сознании, в литературе, в средствах массовой информации (А. Е. Звонарева, О. Г. Исупова, И. С. Кон, И. В. Рыбалко);

- анализ трансформационных процессов отцовства, специфика отцовства в изменяющихся условиях (Ю. В. Борисенко, Т. А. Гурко, Ю. В. Евсеенкова, А. Е. Звонарева, О. В. Игнатова, И. С. Клецина, И. С. Кон, А. Г. Портнова, И. В. Рыбалко, Н. В. Соколюк, И. О. Шевченко);

- построение типологии отцовства на основе множества критериев, выявление преимуществ и недостатков различных типов отцовства (традиционное, новое) (Е. Ангелова, Е. Асонова, А. Е. Звонарева, Н. В. Дмитриева, Ю. В. Евсеенкова, О. Г. Исупова, И.С. Клецина, И. Кукулин, М. Майофис, Р.В. Овчарова, О. Свешникова, А. Темкина, Ю. А. Токарева). Последние два направления тесно связаны с развитием гендерного подхода и мужских исследований. Акцент в данных направлениях делается на социокультурной обусловленности отцовства и его тесной связи с существующими канонами маскулинности, с одной стороны, и с мужской идентичностью – с другой (Кон И. С., 2008). Анализ феномена отцовства в рамках гендерного подхода является недостаточно изученным, но, тем не менее, перспективным направлением. В целом анализ исследований, посвящённых проблемам отцовства, показывает, что как для Запада, так и для России характерны тенденции постепенного выделения исследований отцовства в самостоятельное направление, сосуществования различных интерпретаций данного феномена в зависимости от теоретического подхода и от уровня анализа (микро-, мезо- или макроуровень), интенсификации междисциплинарных связей с целью более комплексного изучения отцовства.

Шамко Е. В.

Казанцева Т. В.

ТИП ПРИВЯЗАННОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РОМАНТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Романтические отношения – отношения, в которых в любой стране в любой момент времени находится огромное количество людей. Романтические партнёры, безусловно, привязаны друг к другу. Эта привязанность может носить лёгкий характер, а может быть очень сильной, переходящей в зависимость. Целью работы было определить характер связи между привязанностью и удовлетворённостью романтическими отношениями. В исследовании участвовали 35 девушек в возрасте от 17 до 25 лет. Бартоломью и Горовиц (1991) выделили четыре типа привязанности к романтическому партнёру на основе измерения межличностной тревоги и избегания близости в отношениях. По количеству баллов, которые набираются по двум шкалам, у испытуемого диагностируют один из следующих типов привязанности: А («надёжный» тип): представители этого типа имеют низкие баллы по обеим шкалам. Такие люди считают себя достойным любви, а партнёра – любящим и надёжным. В («сверхвовлечённый» тип): высокие баллы по шкале тревожности, низкие по шкале избегания. Человек обладает негативным представлением о себе и позитивным о партнёре. С («отстранённо-избегающий» тип): низкая тревожность, высокое избегание. Люди с таким типом привязанности имеют позитивную модель себя и негативное представление о партнёре. D («боязливый» тип): представители «боязливого» типа имеют высокие баллы по обеим шкалам, их представление и о себе, и о партнёре носит негативный характер. Для диагностики удовлетворённости был использован рисуночный тест «Круги отношений» (А. А. Кроник, Е. А. Кроник), модифицированный под наши задачи. Испытуемым предлагалось изобразить свои отношения с партнёром в виде двух кругов, когда один круг – это испытуемый, а другой – партнёр. Расположение кругов отражает характер отношений партнёров с точки зрения испытуемого, круги могут не соприкасаться, соприкасаться, частично пересекаться, совпадать или один из кругов мог быть вписан в другой. Испытуемым было дано шесть ситуаций отношений с возлюбленным:

- отношения в целом;
- в момент отдыха;
- в момент счастья;
- в момент стрессовой ситуации;
- в момент разлуки;
- в будущем.

На каждую из этих ситуаций испытуемый рисовал по два рисунка: первый изображал реальные отношения с партнёром в данной ситуации, а второй идеальные, желаемые. Если реальная и идеальная ситуация не совпадали, делался вывод о том, что испытуемый неудовлетворён отношениями с романтическим партнёром в данной ситуации. Были получены статистически достоверные результаты, показывающие, что вне зависимости от типа привязанности в ситуациях стресса и разлуки количество неудовлетворённых романтическими отношениями выше, чем количество удовлетворённых. Это в целом перекликается с данными о том, что негативные эмоции сильнее влияют на человека, чем позитивные, и оказывают большее влияние на формирование представления о характере отношений (Baumeister, Bratslavsky, Finkenauer, Vohs, 2001). Исследование так же позволило подтвердить гипотезу о том, что тип привязанности связан с удовлетворённостью романтическими отношениями в некоторых ситуациях, а именно: представители «боязливого» типа в стрессовой ситуации чаще склонны переживать неудовлетворённость романтическими отношениями. То есть в сложных, нестандартных ситуациях люди с негативным представлением и о себе, и о партнёре, чаще недовольны взаимодействием с партнёром. Так же было показано, что представители «сверхвовлечённого» типа чаще переживают неудовлетворённость романтическими отношениями в ситуациях отдыха, стресса и в отношениях в целом. Вероятно, это обусловлено тем, что люди с привязанностью типа «В» желают сохранять романтические отношения, при этом считая себя недостаточно хорошими для них.

Список авторов тезисов

Абдуллаева В. К.	Ташкент, ТашПМИ, dr-abdullaeva@rambler.ru
Абдильманова Д. М.	Санкт-Петербург, СПбГУ, d.abdulmanova@gmail.com
Абитов И. Р.	Казань, АСО, ildar-abitov@yandex.ru
Агалакова А. С.	Омск, ОмГУ, aga-va@mail.ru
Адамян Н. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, nika.adamyan@gmail.com
Акамова К. С.	Москва, НИУ-ВШЭ, aks.inya@mail.ru
Акимова А. А.	Великие Луки, ВЛГАФК, askimovaania@yandex.ru
Акульчик А. Д.	Минск, БГУ, miss_anastasia@list.ru
Алексеева Е. М.	Казань, КФУ, ealekseeva@list.ru
Алексеева П. А.	Якутск, СВФУ, ponchi777@mail.ru
Аллахвердов М. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, m.allakhverdov@feedb.ru
Алоец Е. А.	Москва, МГУ, la_frei@mail.ru
Анискевич Е. И.	Минск, БГПУ, aei1989@mail.ru
Антонова Н. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, natalimyr@mail.ru
Антонян Л. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, LAV0487@mail.ru
Афанасьева А. С.	Курск, КГМУ, afanasievanna@gmail.com
Афанасьева Д. В.	Челябинск, ЮУрГУ, Jaronka003@yandex.ru
Афони́на Н. Ю.	Тула, ТулГУ; МДОУ № 57, natalyaafonina.tula@yandex.ru
Ахмедова И. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, pemphix@mail.ru
Бабарахимова С. Б.	Ташкент, ТашПМИ, sayuora_barievna2010@bk.ru
Бабушкина О. Н.	Томск, ТГУ, olka_nikolaevna@mail.ru
Багаева М. Н.	Казань, ТГТТУ, angylo2@yandex.ru

Багина Е. А.	Вологда, ВГПУ, radistkakat@zzzona.ru
Багненко Е. С.	Санкт-Петербург, СПбМАПО, e_bagnenko@mail.ru
Багратиони К. А.	Москва, МПГУ, sau_ko@mail.ru
Баранская С. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, phatima@mail.ru
Барский Ф. И	Москва, ПИ РАО, philipp.barsky@gmail.com
Батенько И. С.	Витебск, ВГУ, irina_batenko@mail.ru
Баянова Л. Ф.	Казань, ТГПУ, balan7@yandex.ru
Бегоян А. Н.	Ереван, АДПП, arman.begoyan@gmail.com
Бежина Х. В.	Курск, КГМУ, kristsova@mail.ru
Белов А. Б.	Москва, МГУ, andrewbelov@gmail.com
Беляева В. А.	Казань, КФУ, victosik@mail.ru
Билецкая М. П.	Санкт-Петербург, СПбГПМА, diloroom@mail.ru
Блажнова И. В.	Самара, Самарский ф-л МПГУ, blazhnova77@mail.ru
Бобылев Е. Л.	Арзамас, АГПИ, arzjen@mail.ru
Божко Т. В.	Минск, БГПУ, tanbozh@mail.ru
Болдицин С. В.	Самара, ПГСГА, prsobes36@samtel.ru
Болтик Г. В.	Гомель, УО ГГУ, galinaboltik@yandex.ru
Бондаренко А. А.	Москва, НИУ-ВШЭ; НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко, flames-z@mail.ru
Бордюг Е. И.	Харьков, ХСШ № 16, lena_bordug@mail.ru
Борисов Р. В.	Махачкала, ДГУ, borisovr@list.ru
Брель А. В.	Минск, БГУ, nastyabrel@rambler.ru
Будакова А. В.	Томск, ТГУ, farmazonka2009@yandex.ru
Бударгина Е. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, e_budargina@mail.ru
Буенок А. Г.	Санкт-Петербург, СПбГУ, stasia276@inbox.ru
Буклина С. Б.	Москва, НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бур- денко, sbuklina@nsi.ru
Буравцова Н. В.	Новосибирск, НГУЭУ, burawzov@yandex.ru
Буславская А. В.	Курск, КГМУ, bycik-super@yandex.ru
Бутаков Д. Б.	Самара, СамГУ, butda@mail.ru

Бызова В. М.	Санкт-Петербург, СПбГУ, VBysova@mail.ru
Валитова В. Р.	Владикавказ, СОГПИ, switty_vi@mail.ru
Вассерман М. В.	Санкт-Петербург, СПбГПМА, worldhi5@yahoo.com
Васянович В. А.	Санкт-Петербург, РГПУ имени А. И. Герцена, exploreru@gmail.com
Ващенко К. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, demonstone999@mail.ru
Вейц А. Э.	Сумгаит, СПНД, veyts@mail.ru
Величева Д. И.	Красноярск, СФУ, dar.9090@list.ru
Верзилин С. Д.	Санкт-Петербург, СПбГУ, modusponens@mail.ru
Ветрова И. И.	Москва, ИП РАН, stranavetra@gmail.com
Вихрева С. Ю.	Великие Луки, ВЛГАФК, vikhreva0202@mail.r
Власова Е. Ф.	Москва, РГГУ, elizabeth.vlasova@gmail.com
Волковыская Е. А.	Санкт-Петербург, СПбГПМА, vlkvsk@gmail.com
Володин Н. А.	Нижний Новгород, ННГАСУ, kolyan- molodec@mail.ru
Волохонская М. С.	Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, volokhonskaya@gmail.com
Волохонский В. Л.	Санкт-Петербург, СПбГУ, volokhonsky@gmail.com
Ворожейкин И. В.	Самара, СамГУ, vorozheikin@yandex.ru
Ворожейкина Л. И.	Волгоград, ВолГМУ, larisa_vorozheikina@yahoo.com
Воронин И. А.	Москва, МГУ, ivan.a.voronin@gmail.com
Высотина Т. Н.	Санкт-Петербург, ГОУ № 687 "Центр реабили- тациии ребенка", vita_piter@mail.ru
Гаджибабаева Д. Р.	Махачкала, ДГУ, gdr_05@mail.ru
Галасюк И. Н.	Москва, ИПК ДСЗН, igalas@yandex.ru

Галеев Д. Р.	Казань, ТГПУ, drgaleev@mail.ru
Галимзянова М. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, mariross@mail.ru
Гамова Е. И.	Курск, КГУ, gamova-katrine@yandex.ru
Гасанова Р. О.	Казань, КФУ, Roksana.Gasanova@ksu.ru
Глод Н. В.	Минск, БГПУ, natkagd@mail.ru
Говалёва Ю. И.	Челябинск, ЧГПУ, yuliya.govaleva@mail.ru
Говорин А. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, govorant49@gmail.com
Голованова И. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, ir.golovanova@gmail.com
Голованова А. С.	Самара, СамГУ, x13443@yahoo.com
Голуб О. В.	Минск, БГПУ, golybka.o@mail.ru
Гончарик И. М.	Минск, БГПУ, simi30@mail.ru
Гончарова Ю. А.	Курск, КГМУ, yulyashk-g@yandex.ru
Гончарова С. С.	Минск, БГПУ, s.goncharowa@mail.ru
Горбатов С. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, s.gorbatov@bk.ru
Гордиевич Е. П.	Минск, БГПУ, ep.dmitruk134@mail.ru
Гордиенко Н. В.	Железноводск, Железноводский ф-л МГГУ, idilia2008@rambler.ru
Гринштейн Э. А.	Самара, СамГУ, greenshtejn@yandex.ru
Грицай Л. А.	Рязань, РГУ, usan82@gmail.com
Гришакова Е. М.	Самара, СамГУ, GriwakovaEkaterina@rambler.ru
Громова И. А.	Минск, БГПУ, gromira@gmail.com
Гурвич И. Н.	Санкт-Петербург, СПбГУ, iosif@bk.ru
Гурина И. Г.	Минск, БГПУ, iragurina@yandex.ru
Гуцунаева С. В.	Владикавказ, СОГПИ, c.dreeva@mail.ru
Давлетшина Н. Р.	Киров, ВятГГУ, davletshina.nady@mail.ru
Даниленко О. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ,

	Lizihan1987316@live.cn
Дворцова Е. В.	Новокузнецк, НФИ КемГУ, alenadv@mail.ru
Дворцова М. Н.	Новокузнецк, НФИ КемГУ, alenadv@mail.ru
Демченко Е. А.	Санкт-Петербург, ФГУ
Дербенева М. Ю.	Санкт-Петербург, СПбГУ, m_derbeneva@mail.ru
Дик П. В.	Минск, БГУ, dick@biz.by
Довгалюк Е. С.	Минск, БГПУ, kpp_bgpu@tut.by
Довгая Ю. Л.	Витебск, ВГУ, djl-pr@mail.ru
Долбеева К. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kdolbeeva@gmail.com
Доценко А. Ю.	Харьков, ХНУ, konstrectora@gmail.com
Драчкова В. О.	Магадан, СВГУ, fly@maglan.ru
Дружилов С. А.	Новокузнецк, СибГИУ, drusp@nvkz.kuzbass.net
Дубко А. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, Eho.SM@rambler.ru
Егоркина Т. В.	Санкт-Петербург, РГПУ имени А. И. Герцена, taisya_egorkina
Енчикова Е. С.	Москва, НИУ-ВШЭ, enchicova@mail.ru
Ерицян К. Ю.	Санкт-Петербург, СПбГУ, ksenia.eritsyan@gmail.com
Ефимова Ю. В.	Якутск, СВФУ, Julya0709@mail.ru
Жирков А. М.	Санкт-Петербург, СПбГУ, ana-zhirkov@yandex.ru
Жукова Д. И.	Белгород, БелГУ, zhukova.daria.linda@gmail.com
Жученко О. А.	Ижевск, Ижевская ГСХА, adlog@mail.ru
Загорец Т. Л.	Москва, РГМУ, zagorets2004@mail.ru
Зайцева Ю. Е.	Санкт-Петербург, СПбГУ, Julia.psy@gmail.com
Зайцева Я. Н.	Владикавказ, СОГПИ, lekyan777@mail.ru
Закурдаева И. Д.	Москва, МГУ, nervus.vagus.psy@gmail.com
Заломов Я. А.	Киров, ВятГГ, yaricz@mail.ru
Зеленская И. А.	Санкт-Петербург, ФЦСКЭ, angel_wife@inbox.ru
Зотова В. А.	Санкт-Петербург, РГПУ имени А. И. Герцена, zotova_leva@mail.ru
Зуев К. Б.	Москва, ИП РАН, k_zyev@mail.ru
Зурилина А. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, mouson@yandex.ru
Иванов А. А.	Самара, СамГУ, arsen.chief@mail.ru

Иванова Н. А.	Великие Луки, ВЛГАФК, Nina_strelka@mail.ru
Ившина М. Е.	Курск, КГМУ, volshebstvo.88@mail.ru
Измайлова Г. Х.	Москва, МГУТУ, galina_izmailova@mail.ru
Ильина А. Н.	Красноярск, СФУ, alenailyina@mail.ru
Ильиных А. Е.	Новосибирск, НГТУ, banyuhova@gmail.com
Кагермазова Л. Ц.	Нальчик, КБГУ, laura07@yandex.ru
Казаков А. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, a.v.kazakov@bk.ru
Казаковский А. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, alexey1420@mail.ru
Казанцева Т. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, tatakaz@mail.ru
Какорин Д. В.	Санкт-Петербург, ООО "ДрЭко", dm434@mail.ru
Калмыкова А. И.	Москва, НОУ СОШ НГШ, kalmykova.anna@gmail.com
Капахова Д. Н.	Санкт-Петербург, СПбГПИМА, diloroom@mail.ru
Каразаева А. Ю.	Новосибирск, МБДОУ ЦРР - д/с №222, kkk.aaa@mail.ru
Карасаева А. М.	Санкт-Петербург, РГПУ имени А. И. Герцена, aliya-13@mail.ru
Каримова А. Р.	Казань, КГТУ, alsu_kai@mail.ru
Каськова Д. С.	Курск, КГМУ, kaskdiana@yandex.ru
Кашаева Л. С.	Великие Луки, ВЛГАФК, psixolog_1988@mail.ru
Каширина Н. В.	Воронеж, ВГПУ, sati-90@mail.ru
Киреева Н. Н.	Санкт-Петербург, СПбГУ, Nikaren1@yandex.ru
Кичемасова С. К.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kichemasova@mail.ru
Клокова А. В.	Ярославль, ЯрГУ, alisa-klokova@yandex.ru
Клюева Н. Ю.	Москва, НИУ-ВШЭ, nadia.klueva@gmail.com
Князюк А. В.	Ульяновск, УлГУ, sokramento@mail.ru
Ковалева Ю. В.	Смоленск, СмолГУ, Kovaleva_YV@mail.ru
Козина Н. В.	Санкт-Петербург, СПбГПИМА, navico@mail.ru
Козлов Д. Д.	Самара, СамГУ, ddkozlov@gmail.com
Козлова Е. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, in-tone@list.ru
Козлова О. В.	Красноярск, КГПУ, bulgosha@yandex.ru
Козыренцева Л. С.	Минск, БГПУ, klorys@mail.ru
Коледа Ю. Н.	Гомель, ГГУ, yulyakoleda@mail.ru
Колесникова Д. А.	Гатчина, СПбГПИМА, koldasha@gmail.com

Колиниченко И. А.	Пятигорск, ПГЛУ, KolinichenkoI@yandex.ru
Колотилина В. В.	Кемерово, МУ ЦСПСиД, КемГУ, vkolotilina@mail.ru
Комарова А. И.	Волгоград, ВАГС, kalinka34@mail.ru
Копылова П. В.	Курск, КГМУ, polina_122@mail.ru
Корчагина З. В.	Санкт-Петербург, НИПНИ, zoya-korchagina@yandex.ru
Коскина Е. Н.	Великие Луки, ВЛГАФК, kurcanova@mail.ru
Кособудская О. А.	Великие Луки, ВЛГАФК, o.a.kos@bk.ru
Котов А. А.	Москва, РГГУ, al.kotov@gmail.com
Котова Т. Н.	Москва, РГГУ, tkotova@gmail.com
Котова Т. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kotova.t.a@gmail.com
Кравчик К. Б.	Санкт-Петербург, СПбГУ, synthex@list.ru
Краева А. В.	Санкт-Петербург, Психологический центр, VBysova@mail.ru
Крылова Д. А.	Москва, МПГУ, dakrylova@gmail.com
Крючкова Ю. М.	Москва, РУДН, enkelij@list.ru
Кувалдина М. Б.	New York, The New School, kuvaldinamara@gmail.com
Куделькина Н. С.	Самара, СамГУ, Kudelkinans@gmail.com
Кузекина Р. Б.	Омск, ОмГУ, reg_kuzekina@mail.ru
Кузнецова А. С.	Тамбов, ТГУ, baby-any@inbox.ru
Кузнецова Е. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kuznetsova_2@mail.ru
Куклина Ю. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, julia-ia2006@yandex.ru
Кулаженкова И. К.	Санкт-Петербург, СПбГУ, gloria1990@list.ru
Куликов С. А.	Архангельск, СГМУ, brumer@bk.ru
Кулинкович Т. О.	Минск, БГУ, t.kulinkovich@gmail.com
Купцова С. А.	Великий Новгород, НовГУ, kupsv@yandex.ru
Курочкина И. М.	Великие Луки, ВЛГАФК, irinka00151989@mail.ru
Курчигина О. Л.	Калининград, СПбГУ, Oksanatt@gmail.com
Лебедева Е. И.	Москва, ИП РАН, evlebedeva@yandex.ru
Лебедева Г. Г.	Санкт-Петербург, СПбГМУ, lebedeva2512@yandex.ru
Леоненко Н. О.	Екатеринбург, УрГПУ, sfleo@mail.ru
Ли Ц.	Санкт-Петербург, СПбГУ,

	Lizihan1987316@live.cn
Ликстанова Н. В.	Новокузнецк, НФИ КемГУ, alenadv@mail.ru
Линкевич К. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, ksenia-linkevich@mail.ru
Липатова А. С.	Москва, НИУ-ВШЭ, alipatova@hse.ru
Лобанова А. В.	Тула, ТГПУ, lav79-79@yandex.ru
Ложечкина А. Д.	Ставрополь, СГУ, gogastik77@mail.ru
Ломайкина Т. Н.	Самара, Тап-4ick@yandex.ru
Лордкипанидзе Н. З.	Санкт-Петербург, СПбГУ, zoya-korchagina@yandex.ru
Лубинская Е. И.	Санкт-Петербург, ФГУ
Лысенко С. В.	Тамбов, ТГУ, svetlana-lysenko@inbox.ru
Львова О. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, olya.lvova@googlemail.com
Маленко Е. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, malenko.katerina@yandex.ru
Мальцева Н. А.	Москва, РГГУ, nataly_vlad@rambler.ru
Мальюкова Н. Г.	Москва, ЦПРИН, maliukova@rambler.ru
Мамина Т. М.	Санкт-Петербург, СПбГУ, tmamina@mail.ru
Марченко О. П.	Москва, ЦЭП МГППУ, olga.marchenko@yahoo.com, olga.marchenko@psyexp.ru
Маслов Е. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ, maslov@kpml.ru
Массаров Б. Н.	Казань, ТГГПУ, boolg89@mail.ru
Матасова И. Л.	Самара, СФ ГОУ ВПО МГПУ, inna_gu@mail.ru
Махиева Л. Х.	Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, augur88@yandex.ru
Мачильская А. П.	Санкт-Петербург, СПбГУ, avokado-84@mail.ru
Медведев Н. Н.	Санкт-Петербург, СПбГПИМА, nnmedvedev@gmail.com

Медников С. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, smspb@inbox.ru
Микитенко А. А.	Москва, МГОУ, olga.marchenko@yahoo.com, olga.marchenko@psyexp.ru
Минакова М. А.	Москва, ИП, psy-chea@yandex.ru
Миронова А. Н.	Новокузнецк, НФИ КемГУ, alenadv@mail.ru
Митрофанова Т. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, t.a.mitrofanova@gmail.com
Михеева А. Н.	Пермь, ПГППК, stasi86@yandex.ru
Михеева М. А.	Казань, КФУ, m9017@yandex.ru
Моисеев Р. Л.	Москва, МГППУ, pihambar@mail.ru
Молутова М. К.	Санкт-Петербург, СПбГУ, maya1203@rambler.ru
Морозов А. В.	Москва, МГУТУ, doc_morozov@mail.ru
Морозова А. В.	Самара, ПГСГА, garmonia-avm@yandex.ru
Москвина Е. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, e.moskvina@bk.ru
Муртазина И. Р.	Санкт-Петербург, СПбГУ, murtinna@yandex.ru
Мусатов К. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, constantine.musatov@gmail.com
Нагорская И. А.	Москва, НИИ НХ им. Н. Н. Бурденко РАМН, prosty30@yandex.ru
Наркевич Т. Ю.	Гомель, УО, vredina999@mail.ru
Немцова Г. Д.	Минск, БГПУ, gal23231@yandex.ru
Нестеренко Е. С.	Минск, БГПУ, katusa89@mail.ru
Одайник А. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, odainic@gmail.com
Околот М. В.	Краснодар, КубГУ, maria7okolot@rambler.ru
Ординова Е. М.	Москва, МГУ, katinord@yandex.ru
Осьмак Е. О.	Санкт-Петербург, СПбГУ, lizaosmak@gmail.com
Ощепков А. А.	Ульяновск, УЛГУ, sladkod@yandex.ru

Павленко И. Н.	Белгород, БелГУ, pavlenko.inna.nik@gmail.com
Павлова О. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, olgapsy23@mail.ru
Павлова Е. М.	Москва, МГУ, pavlova.lisa@gmail.com
Паксютова В. В.	Казань, КФУ, valery.2912@mail.ru
Паламарчук Н. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, napal1@yandex.ru
Папеко Е. И.	Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, kat-papeko@yandex.ru
Патрикеева Э. Г.	Арзамас, АГПИ, ellapatrik@mail.ru
Пахмутова М. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, marbry@mail.ru
Пащенко М. А.	Санкт-Петербург, СПбГПМА, pando4ka-88@mail.ru
Перман В. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, vsperman@yandex.ru
Петанова Е. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ
Петрова Н. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, vsperman@yandex.ru
Петрова Л. Е.	Владимир, ФГОУ ВПО, lika0801@yandex.ru
Петрушенко С. В.	Минск, БГПУ, fotino@mail.ru; fottino@tut.by
Петухова Ю. О.	Томск, ТГУ, im_happy@mail2000.ru
Пикалова Ю. В.	Курск, КГМУ, pikalova.yu@yandex.ru
Пилипенко К. М.	Великие Луки, ВГАФКС, ChristinaX-tina@mail.ru
Полегоско А. С.	Минск, БГПУ, katusa89@mail.ru
Полянская Е. А.	Ростов-на-Дону, ЮФУ, polansky_@mail.ru
Пономарева И. В.	Челябинск, ЧелГУ, ivp-csu@yandex.ru
Попов А. П.	Москва, МГОУ, olga.marchenko@yahoo.com, olga.marchenko@psyexp.ru
Поспелова И. Г.	Пермь, ПГППК, stasi86@yandex.ru

Потёмкина Е. Ю.	Минск, БГПУ, potemochka@mail.ru
Почтарь А. А.	Москва, МПГУ, aapochtar@gmail.com
Преображенская А. Д.	Москва, РГГУ, anja3101@mail.ru
Пронин С. П.	Самара, ПГСГА, proninsp@gmail.com
Пуговкина Е. А.	Самара, ЦПК ЦРО, earugovkina@yandex.ru
Разваляева А. Ю.	Москва, МГУ, annraz@rambler.ru
Разумникова О. М.	Новосибирск, НИИ физиологии СО РАМН
Решетников М. М.	Санкт-Петербург, ВЕИП, mr@ecpp.org
Розум С. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ, rozumsi@yandex.ru
Романенко К. Р.	Москва, АСОУ, rom.ksu.rom@gmail.com
Романова Е. И.	Курск, КГМУ, ew.romanowa@yandex.ru
Рублева А. Ю.	Самара, СамГУ, arina-enchanted@mail.ru
Рудометова Ю. Ю.	Москва, ЦПРН, yuliayurievna@mail.ru
Рудыхина О. В.	Новосибирск, НГТУ, olga.rudyhina@gmail.com
Рыжкова Т. Ю.	Санкт-Петербург, СПб "ПНДР №6, psiholog64@yandex.ru
Рычкова О. В.	Белгород, БелГУ, Rychkova@bsu.edu.ru
Рядченко А. В.	Тольятти, ТГУ, lavissa_359@rambler.ru
Садовская Т. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, sadvskayatyana@mail.ru
Садыкова Д. И.	Санкт-Петербург, СПбГИЭУ, kariza55@mail.ru
Самойлова А. С.	Москва, СПбГУ, annabondareva@mail.ru
Салитова М.В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, m.salitova@gmail.com
Самохина М. А.	Саратов, СГУ, smhmr@yandex.ru
Самсонова Т. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ, tatyana_samsonov@mail.ru

Самыкина Н. Ю.	Самара, СамГУ, samykina@inbox.ru
Саркисян Я. Я.	Самара, yana-sarcos2009@yandex.ru
Свередюк Е. В.	Минск, БГПУ, s.helen.v@mail.ru
Селезнёва Д. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, d.selezneva@gmail.com
Селиванова Е. А.	Тамбов, ТГУ, elen-kroha@yandex.ru
Селин А. В.	Курск, КГМУ, alexspsy@gmail.com
Семяшкин А. А.	Москва, МГУ
Сергеева А. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, An.se.sergeeva@gmail.com
Силантьев В. И.	Санкт-Петербург, СПбГУ, vsilantev@gmail.com
Синельникова Е. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, svetl.sinelnikova@ yandex.ru
Склемина Д. М.	Екатеринбург, УСИБ, sklemina@mail.ru
Смирнов Н. В.	Курск, КГМУ, smirnov-nikv@yandex.ru
Смирнова В. В.	Великие Луки, ВЛГАФК, viki-as@mail.ru
Смирнова Н. С.	Кострома, КГУ, ronia_777@mail.ru
Соина Н. А.	Белгород, БелГУ, natalia.soina@yandex
Соколова Е. А.	Самара, ЦПК ЦРО, cokol300@rambler.ru
Соколовская О. К.	Вологда, ВГПУ, olibnya@mail.ru
Солдатов П. А.	Москва, МГУ, aquo.acid@gmail.com
Соловьева М. А.	Таганрог, ТИУиЭ, sobaka_pavlova@ukr.net
Солодухина А. В.	Курск, КГМУ, nastyasolodukhina@yandex.ru
Сотников В. А.	Курск, КГМУ, lifastraton@yandex.ru
Спиридонов Я. В.	Уфа, БАГСУ, yaroslavspiridonov@yandex.ru
Столбикова М. Ю.	Новосибирск, НГУЭУ, marusya_stb@mail.ru
Страхова Г. Г.	Москва, ОТД "Ясенево", stra-galina@ya.ru

Струговец А. С.	Гомель, ГГУ, slu2nny@mail.ru
Таран И. И.	Великие Луки, ВЛГАФК, itar69.69@mail.ru
Титков И. С.	Самара, СамГУ, ivan titkov@ya.ru
Ткачишина О. Р.	Киев, НПУ, tkachish@ukr.net
Толстов И. Е.	Санкт-Петербург, СПбГУ, Farmely@yandex.ru
Трапезникова Ю. В.	Пермь, ПГПУ, trapeznikova-julia@mail.ru
Третьякова Т. М.	Сыктывкар, СГУ, tt3101@ya.ru
Тромбчиньски П. К.	Санкт-Петербург, СПбГУ, skala.84@mail.ru
Трунов А. Ю.	Мичуринск, ТГУ, alexander_myces@mail.ru
Трутень Е. В.	Омск, ОмГУ, genika88@mail.ru
Тухтиева Н. Х.	Санкт-Петербург, СПбГУ, tukhtieva_n@mail.ru
Узикова А. Ю.	Санкт-Петербург, СПбГУ, alterabsence@gmail.com
Ульянова М. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, ulyanova_spb@yahoo.com
Фабрикант М. С.	Минск, БГУ, marharyta.fabrykant@gmail.com
Фадеева Ю. И.	Воронеж, ВГПУ, juliavrnl@list.ru
Федосеева М. В.	Томск, ТГУ, Margarita_psy@mail.ru
Федосеева Т. С.	Лесосибирск, ЛПИФФГОУ ВПО СФУ, tanusha1989@mail.ru
Филипченко Е. А.	Гомель, ГГУ, filinilena@mail.ru
Фомель М. С.	Москва, НИУ-ВШЭ, mfomel@gmail.com
Фролова Н. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kropidze@ya.ru
Фролова Е. В.	Харьков, ХНУ, jfrolova07@mail.ru

Хабибулин Р. К.	Санкт-Петербург, СПбГУ, rust014@list.ru
Хаматкоева Л. Б.	Владикавказ, СОГПИ, mila15-89@yandex.ru
Харитоновна Т. С.	Санкт-Петербург, СПбГИЭУ, tharitonova@yandex.ru
Харлова К. О.	Санкт-Петербург, СПбГУ, kristi1404@yandex.ru
Хасенова Л. Б.	Москва, РУДН, baiseitka@yandex.ru
Хачатурова М. Р.	Москва, НИУ-ВШЭ, milanahse@mail.ru
Хватова Ю. Г.	Тамбов, ТГУ, g_khvaton@mail.ru
Хвоина Т. В.	Лесосибирск, ЛПИ фСФУ, хвоина@mail.ru
Хорошун М. Э.	Краснодар, КГУФКСТ, khoroshunmarina65@mail.ru
Хоршева Н. А.	Нижний Новгород, НГПУ, vol_nata@list.ru
Хромов А. И.	Москва, НЦПЗ РАМН, axromik@mail.ru
Худякова Ю. С.	Ярославль, ЯрГУ, Khudyakova-yulia@yandex.ru
Цатурян М. О.	Вологда, ВГПУ, marina85cat@rambler.ru
Цветкова И. В.	Москва, МГУ, tsvetkovaiv@gmail.com
Цветкова Л. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, larissa@psy.pu.ru
Целковников Б. М.	Краснодар, КубГУ, psihologija43@rambler.ru
Цымбал А. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, tsymbal_antonina@mail.ru
Челомова Н. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, nchelomova@gmail.com
Чепелева Л. М.	Краснодар, КубГУ, lada-chep@mail.ru
Черепанов А. В.	Барнаул, АлтГУ, antonpartizan@ya.ru
Чернобровкина С. В.	Омск, ОмГУ, chernobrovkina_s@list.ru
Чернова Т. Н.	Саранск, МордГПИ, chernovaa1989@mail.ru
Чернышкова Е. Ю.	Москва, НИУ-ВШЭ,

	Helencher2008@yandex.ru
Четвериков А. А.	Санкт-Петербург, СПбГУ, stop.psy@gmail.com
Чигринова И. А.	Москва, МГУ, to.chigrinova@gmail.com
Чикалова Е. А.	Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, kate4ka123@rambler.ru
Чикурова Е. И.	Томск, ТГУ, ranetka.007@mail.ru
Чувашова И. А.	Новокузнецк, НФИ КемГУ, alenadv@mail.ru
Чумакова И. О.	Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, iretta88@gmail.com
Шамко Е. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, shamko.e.v@gmail.com
Шаталина М. А.	Самара, СФ ГОУ ВПО МГПУ, inna_gu@mail.ru
Шаханская О. В.	Ташкент, ТашПМИ, vegrevill@mail.ru
Шелонина Т. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, shelonina@bk.ru
Шестиловская Н. А.	Минск, БГУ, flower27@mail.ru
Ширяева В. В.	Воронеж, ВГПУ, veravrn@yandex.ru
Ширяк М. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, mari.chiriacvie@gmail.com
Шпицер Д. Д.	Санкт-Петербург, СПбГУ, DaryaShpicer@gmail.com
Шувалов П. А.	Сыктывкар, СыктГУ, shuvik@list.ru
Шукашвили В. Ю.	Владикавказ, СОГПИ, veronash_89@mail.ru
Шухлова Ю. А.	Томск, ТГУ, ushuh@yandex.ru
Щевлягина М. Б.	Казань, КГМУ, maria-kgu@rambler.ru
Щербакова О. В.	Санкт-Петербург, СПбГУ, o.scherbakova@gmail.com
Юхновец Т. И.	Минск, БГПУ, yukhnavets@yahoo.com

Якименко О. Ю.	Харьков, ХНУ, jakimenko_ks@mail.ru
Яковистенко А. Д.	Самара, ЦПК ЦРО, adyakovistenko@mail.ru
Яковлева А. С.	Санкт-Петербург, СПбГУ, fragancia7@yandex.ru
Яшанина А. А.	Новосибирск, НГТУ, tais4@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

1. Общая психология и методология психологии

Абдульманова Д. М.	Жизненный сценарий человека	3
Агалакова А. С.	Личностные детерминанты социальной поддержки как копинг-стратегии у молодежи	4
Акимова А. А., Смирнова В. В.	Формирование спортивной мотивации у юных борцов-самбистов	6
Алексеева Е. М.	К постановке проблемы исследования ментальных репрезентаций	8
Аллахвердов М. В.	Профили «если..., то...» как содержание имплицитных теорий	10
Алоец Е. А., Барский Ф. И.	Современная психология счастья: достижения и проблемы	11
Афонина Н. Ю.	Интеллектуальная дифференциация в возрастной психологии: дошкольный возраст	13
Блажнова И. В.	Влияние дифференцированной маркировки стимулов на фиксированную установку	15
Бобылев Е. Л.	Методологические подходы к психологическому анализу искусства	16
Бызова В. М., Краева А. В.	Выраженность показателей коммуникативной толерантности педагогов и молодежи	18
Васянович В. А.	Невербальные признаки обмана	20
Ветрова И. И., Зувев К. Б.	Сравнительный анализ методик измерения эмоционального интеллекта	21
Ворожейкин И. В., Куделькина Н. С.	Опознание в условиях затрудненного выбора	23

Воронин И. А.	Проблемы валидности в дифференциальной психометрике	25
Гасанова Р. О.	Психические состояния и восприятие в напряженных ситуациях жизнедеятельности	27
Говорин А. С., Адамян Н. А., Кулаженкова И. К.	Субъективная уверенность как механизм стабилизации гипотез сознания	29
Голованова А. С.	Регуляторный фокус как системообразующий фактор волевой сферы личности	32
Гришакова Е. М., Ворожейкин И. В.	Решение задач локализации в условиях многовариантного выбора	33
Даниленко О. И., Ли Ц.	Копинг-стратегии китайских студентов, обучающихся на родине и в России	35
Доценко А. Ю.	К понятию синдрома «эмоционального холода» у девушек	37
Енчикова Е. С.	Переживание свободы и ответственности в виртуальном мире и реальной жизни	38
Зайцева Ю. Е.	Образ самопрезентации (аватара) как фактор формирования первичного доверия	40
Заломов Я. А.	Типы переживания одиночества	42
Зотова В. А.	Исследование взаимосвязи локуса контроля и характерологических особенностей	43
Иванов А. А., Гришакова Е. М.	Изучение стратегий когнитивной деятельности при решении сенсомоторных задач	45
Ильиных А. Е.	Креативность и социальный интеллект: особенности взаимосвязи	47
Какорин Д. В.	Двигательная и зрительная оценка иллюзорных изображений	48

Карасаева А. М.	Влияние смысловых установок на восприятие иконических и речевых стимулов	50
Каримова А. Р.	Эмоциональный интеллект как фактор устойчивости к психическому выгоранию	52
Ковалева Ю. В.	Интеллект и креативность как индикаторы одаренности	54
Козлов Д. Д., Голованова А. С.	Псевдодовольное поведение: экспериментальное исследование упорства	56
Козлов Д. Д.	Процессы самоорганизации в структуре «Я» личности	57
Крылова Д. А.	Структура совладающего поведения в различных типах семей	59
Кувалдина М. Б.	Релевантность стимула при индукции слепоты по невниманию	61
Куделькина Н. С., Иванов А. А.	Когда маска становится праймом?	63
Линкевич К. В.	Влияние неосознаваемой структуры материала на эффективность его заучивания	64
Ложечкина А. Д.	Стагнация диагностического базиса и исследований в специальной психологии	66
Мамина Т. М.	Влияние контекста предложения на восприятие и запоминание омонимичного слова	68
Марченко О. П., Микитенко А. А., Попов А. П.	Степень знакомства и различные показатели частотности слов	70
Михеева М. А.	Трудности изучения проблемы ментальной репрезентации	72

Муртазина И. Р.	Отечественные подходы к пониманию жизненного выбора	74
Мусатов К. А., Васянович В. А.	Об актуальности изучения невербального поведения	76
Мусатов К. А.	О проявлении эмоций в голосе	77
Одайник А. С., Четвериков А. А.	Проведение экспериментальных психологических исследований в сети Интернет	79
Околот М. В., Чепелева Л. М., Целковников Б. М.	Музыкальные потребности в контексте пространства личностного бытия	81
Ординова Е. М.	Субъективные репрезентации и личностный риск	83
Павлова Е. М.	Эмоциональный интеллект и личностные предикторы креативности	85
Паксютова В. В.	Роль ситуации в формировании субъективного образа психического состояния	87
Пономарева И. В.	К вопросу о типологии личностной беспомощности	89
Почтарь А. А., Зуев К. Б.	Понимание смысла жизни в разных типах семей	90
Решетников М. М.	О научных постулатах на основе недоказуемых идей	92
Романенко К. Р.	Развитие личности через идентификацию с литературным героем	94
Рудыхина О. В.	Взаимосвязь стилевых и типологических особенностей у студентов вуза	95

Салитова М. В., Шпицер Д. Д.	Конфликт целей – новые грани в понимании внутриличностных конфликтов	97
Саркисян Я. Я., Ломайкина Т. Н.	Роль неосознаваемого фона в процессе воспроизведения ряда чисел	98
Силантьев В. И.	Критический анализ психосемантики	100
Солдатова П. А.	Современные исследования коллективной памяти: основные идеи и перспективы	102
Соловьева М. А.	Способы регуляции эмоций и их связь с личностными свойствами	104
Тухтиева Н. Х.	Влияние иррелевантных параметров стимула на фиксирование установки	105
Фомель М. С.	Персонологический факт и проблема уровней анализа	107
Хабибулин Р. К.	К вопросу о психологическом портретировании	109
Чернышкова Е. Ю.	Рефлексия агрессии и эмоции гнева: ведущие закономерности	111
Четвериков А. А.	Изменение критериев осознания под влиянием смены «наивных теорий»	112
Чигринова И. А.	Личностная регуляция морального выбора	114
Ширяк М. С.	Психологические аспекты воображения в эстетической ситуации	116
Щербакова О. В., Голованова И. В.	Метакогнитивные сбои в процессе понимания крылатых выражений	118

Якименко О. Ю.	Полоролевая сфера женщин, находящихся на разных этапах психосексуального развития	120
Яковистенко А. Д., Соколова Е. А., Пуговкина Е. А.	Из опыта работы по системе семейной групповой логопсихотерапии	121

2. Клиническая психология, психофизиология и психология здоровья

Абдуллаева В. К.	Психологическая оценка эмоционального статуса больных героиновой наркоманией	124
Афанасьева Д. В.	Супервизия в структуре додипломной подготовки студентов – клинических психологов	125
Ахмедова И. С., Паламарчук Н. В.	Психофизиологические аспекты повышения устойчивости к информационному стрессу	127
Бабарахимова С. Б., Шаханская О. В.	Роль психологического обследования в диагностике лудомании	129
Бегоян А. Н.	Концептуальный диссонанс	131
Беляева В. А.	Выявление депрессии и анализ причин ее возникновения у школьников-старшеклассников	132
Болдицин С. В.	Анализ индивидуально-психологических свойств личности мобильных аддиктов	134
Болдицин С. В., Пронин С. П.	Феномен мобильной аддикции как форма технологической зависимости	135
Бондаренко А. А., Буклина С. Б.	Нейропсихологические синдромы у пациентов с торсионной дистонией	137
Буенок А. Г.	Проблема изучения чувства юмора в управленческой деятельности	139

Буславская А. В.	Танцевально-двигательная терапия как метод реабилитации онкологических пациентов	140
Ващенко К. В.	О доминирующих стратегиях в поведении человека	142
Вейц А. Э.	Сравнительный анализ конфликтов у детей с неврозами и неврозоподобным синдромом	144
Верзилин С. Д.	Перспективы исследования когнитивных процессов при аутизме	146
Волковыская Е. А., Вассерман М. В.	Особенности перцепции и вербализации эмоций больными, перенесшими инсульт	148
Высотина Т. Н.	Родительское отношение к детям, имеющим аутизм с умственной отсталостью	150
Гаджибабаева Д. Р.	Психологическое здоровье учащихся	151
Гончарова Ю. А.	Доверие как фактор деформации субъектности при состоянии зависимости	153
Гринштейн Э. А., Бутаков Д. Б.	Исследование различий образа азартных игр у мужчин и женщин	155
Громова И. А.	Особенности социальных сетей зависимой личности	157
Гурвич И. Н., Антонова Н. А., Ерицын К. Ю.	Изучение групп населения с высоким риском заражения ВИЧ в психологии здоровья	159
Давлетшина Н. Р.	Формирование навыков саморегуляции подростков с ограниченными возможностями	161
Дворцова Е. В., Чувашова И. А.	Взаимосвязь эмоционального выгорания и эмпатии: гендерный аспект	162

Дик П. В.	Взаимосвязь различных видов рискованного поведения подростков	164
Долбеева К. А.	Нарушения переработки аффективной информации у лиц с депрессивным синдромом	166
Драчкова В. О.	Субъективная семантика детей с умственной отсталостью	168
Егоркина Т. В.	Концепция посттравматического роста в контексте психотравматологии	169
Жукова Д. И.	Автобиографическая память у лиц с высоким уровнем перфекционизма в юности	171
Загорец Т. Л.	Взаимосвязь комплаенса и типа ВКБ при соматоформных расстройствах	173
Зеленская И. А., Демченко Е. А., Лубинская Е. И.	Психологические особенности больных ИБС после АКШ в процессе реабилитации	175
Ившина М. Е.	Психологическое здоровье женщины во время беременности	176
Ильина А. Н.	Предпосылки диалога в конфликте в парах с романтическими отношениями	178
Капахова Д. Н., Билецкая М. П.	Особенности психологической адаптации лиц, перенесших ишемический инсульт	180
Каразаева А. Ю., Разумникова О. М.	Различия в корковой активности у левшей и правшей в фоне и при решении творческих задач	181
Коледа Ю. Н.	Социально-психологическая адаптация молодежи с синдромом ВДА	183

Колесникова Д. А., Билецкая М. П.	Структура защитно-совладающего поведения подростков с сахарным диабетом I типа	185
Котова Т. А.	Использование ритмических упражнений в психокоррекции эмоциональных нарушений	186
Кузнецова А. С.	Категория «здоровье» в ценностной системе студентов разных специальностей	188
Кузнецова Е. А.	Психологические особенности детей с функциональными заболеваниями (ВСД, ФД)	190
Куликов С. А.	Проявления когнитивного дефицита у больных шизофренией с разным качеством жизни	191
Купцова С. А.	Психологические рекомендации по развитию личности младших школьников с УО в семье	193
Лебедева Г. Г.	Психообразовательные занятия при лечении депрессии	195
Ликстанова Н. В.	Психологические факторы профессионального здоровья врачей	196
Лобанова А. В.	Профилактика аддиктивного поведения в подростковой среде	197
Лордкипанидзе Н. З., Корчагина З. В.	Психодиагностика в гинекологии: задачи и исследовательские модели	199
Лысенко С. В.	Технология повышения стрессорной устойчивости студентов	201
Мальцева Н. А.	Восприятие времени и пространства при расстройствах аутистического спектра	203
Малюкова Н. Г., Рудометова Ю. Ю.	Нейропсихологический подход в нейрореабилитации	204

Мачильская А. П.	Особенности полоролевых представлений подростков с умственной отсталостью	206
Медведев Н. Н.	Тревожно-депрессивные проявления и саморегуляция у невротических личностей	207
Нагорская И. А.	Нарушения когнитивных функций у детей с фармакорезистентной височной эпилепсией	209
Павленко И. Н.	Родительское отношение к детям с онкогематологическими заболеваниями	211
Пащенко М. А., Козина Н. В.	Механизмы преодоления стресса у лиц с алкогольной зависимостью	213
Пикалова Ю. В.	Особенность эмоционально-волевой регуляции при состоянии алкогольной зависимости	215
Полянская Е. А.	Психофизиологические коррекции в терапии стрессовых состояний и их последствий	216
Романова Е. И.	Эгоцентрические установки и доверие к себе у беременных женщин	218
Селиванова Е. А.	Самоактуализация в структуре личности студентов с разным уровнем рефлексивности	220
Семяшкин А. А.	Психофизиологическая основа взаимосвязи когнитивных стилей и темперамента	222
Соина Н. А., Рычкова О. В.	Нарушения эмоциональной сферы у больных шизофренией	223
Солодухина А. В.	Деформация субъектности при алкогольной зависимости	225
Сотников В. А., Селин А. В.	Особенности временного компонента идентичности онкологических больных	227

Третьякова Т. М.	Анализ психоэмоционального состояния подростков с локальными поражениями мозга	228
Тромбчиньски П. К.	Исследование личностных особенностей больных неврозами	230
Трунов А. Ю.	Эмоциональная рефлексия как условие личностного здоровья локомотивных работников	232
Фадеева Ю. И.	Отношение к смерти в юношеском возрасте	233
Филипченко Е. А.	Психологическая адаптация подростков, склонных к наркотической зависимости	235
Харлова К. О.	Телесность как инструмент развития креативности	237
Хватова Ю. Г.	Невротические проявления у студентов и их связь с функциональным состоянием	239
Хромов А. И.	Терапевтическая динамика когнитивных функций у детей и подростков при шизофрении	240
Цветкова И. В.	Роль социокультурных стереотипов в формировании внутренней картины здоровья	242
Цымбал А. В.	Исследование социально-психологической адаптации лиц, переживших угрозу жизни	244
Черепанов А. В.	Активная музыкотерапия в регуляции эмоций при стрессовых расстройствах	246
Чернова Т. Н.	Факторы формирования психологического здоровья учащихся младшего школьного возраста	247

Чумакова И. О.	Переживание болезни пациентами с фибрилляцией предсердий в ходе лечения	249
Шелонина Т. В., Горбатов С. В.	Система отношений подростков с аддиктивным поведением	251
Шухлова Ю. А.	Личностный потенциал подростков страдающих депрессией	252
Щевлягина М. Б.	Игровая компьютерная аддикция у психически больных и лиц с девиантным поведением	254
Яковлева А. С., Жирков А. М.	Психологическая адаптация к болезни лиц с онкогематологическими заболеваниями	256
Яшанина А. А.	ЭЭГ-корреляты креативности и личностных черт	257

3. Педагогическая и возрастная психология

Анискевич Е. И., Юхновец Т. И.	Развитие профессионального самосознания студентов-психологов в процессе обучения	260
Антонян Л. В., Петанова Е. И.	Адаптация российских и иностранных студентов к обучению в вузе	262
Афанасьева А. С., Селин А. В.	Психологические факторы развития эмоционального интеллекта у студентов вуза	263
Бабушкина О. Н.	Особенности мотивации к самореализации у девочек-подростков	265
Багненко Е. С.	Психологические аспекты формирования женщиной своего внешнего облика	267
Болтик Г. В.	Изучение самооценки старших дошкольников с различным уровнем креативности	269

Болтик Г. В., Наркевич Т. Ю.	Программа развития стрессоустойчивости старшеклассников	270
Величева Д. И.	Влияние совместного художественного творчества на образ себя и образ другого	272
Власова Е. Ф., Котов А. А.	Социальное и перцептивное основание для формирования значений новых слов	273
Володин Н. А., Хоршева Н. А.	Отечественные и зарубежные авторы о сенсомоторном развитии детей первого года жизни	275
Галасюк И. Н.	К вопросу об обучении специалистов социальной сферы работе с семьей инвалида	277
Глод Н. В.	Психологический климат в семье и жизненные установки подростков	279
Говалева Ю. И.	К вопросу развития эмоциональной сферы дошкольников	280
Гончарик И. М.	Эмоциональное Я старших подростков: анализ семантических универсалий	282
Гордиенко Н. В.	О психологическом сопровождении личности педагога как профессионала	283
Гурина И. Г.	Ассоциативное поле концепта «природа» в сознании старших подростков	285
Дворцова М. Н.	Взаимосвязь акцентуаций и зависимости от сети «Вконтакте» у старшеклассников	287
Дербенева М. Ю.	Эмоциональные предпочтения как фактор профессионального самоопределения	289
Ефимова Ю. В.	Коррекция страхов у детей старшего дошкольного возраста средствами игротерапии	291
Жученко О. А.	Прогнозирование оценок студентами на экзамене	292

Зайцева Я. Н., Валитова В. Р.	Психологические особенности школьников, занимающихся научной деятельностью	294
Закурдаева И. Д.	Экспериментальное исследование интенции в раннем возрасте	296
Кагермазова Л. Ц.	Особенности профессионального становления преподавателей высшей школы	297
Карасаева А. М.	Влияние смысловых установок на восприятие иконических и речевых стимулов	299
Кашаева Л. С., Коскина Е. Н.	Агрессивность школьников в зависимости от родительских реакций и установок	301
Клокова А. В.	Характеристика студентов разных специальностей с использованием модели ТК	303
Козлова Е. В., Киреева Н. Н.	Психологические факторы становления гражданской позиции старшеклассников	304
Кособудская О. А.	Развитие самоактуализации в структуре Я-концепции у студентов спортивных вузов	306
Кравчик К. Б.	Влияние музыкального обучения на развитие музыкального мышления и креативности	308
Курчигина О. Л.	Развитие представлений о пространстве и времени у младших школьников	310
Лебедева Е. И.	Модель психического и интеллектуальное развитие	312
Леоненко Н. О.	Этнические особенности Я-концепции и терминальных ценностей подростков	313
Маслов Е. И.	Представления старшеклассников о семейном образе жизни	315

Махиева Л. Х.	Особенности временной перспективы у подростков из детских домов	317
Минакова М. А.	Исследование ошибок начинающих психологов-консультантов	318
Миронова А. Н.	Развитие эмоционально-волевого компонента готовности школьников к ЕГЭ	321
Моисеев Р. Л.	Особенности рисунка человека у лиц, чьи родители имеют инвалидность по зрению	322
Молутова М. К.	Беседа как инструмент понимания проблем и переживаний в юношеском возрасте	324
Морозов А. В., Измайлова Г. Х.	Профессионально-личностное развитие современных студентов в вузах	326
Морозов А. В., Петрова Л. Е.	Формирование профессиональной компетентности слушателей в процессе их обучения	328
Морозова А. В.	Образ жизненного пути в период кризиса середины жизни	329
Москвина Е. А., Галимзянова М. В.	Переживание развода родителей взрослыми	331
Немцова Г. Д., Божко Т. В.	Изучение ситуационной изменчивости мотивации помощи	332
Нестеренко Е. С., Полегоско А. С., Гончарова С. С.	Копинг-стратегии младших школьников и подростков	334
Околот М. В.	Музыкальные потребности людей с различной степенью обученности в области музыки	335
Павлова О. В.	Взаимосвязи параметров значимых отношений и личностных факторов у студентов вуза	337

Папеко Е. И.	Креативность как свойство личности. Постановка проблемы	339
Патрикеева Э. Г.	Применение проблемного метода обучения в преподавании психологических дисциплин	341
Пахмутова М. А., Розум С. И.	Самоорганизация личности с позиций теории субъекта деятельности	343
Пилипенко К. М., Коскина Е. Н.	Зависимость самоотношения подростков от проявления ими агрессивных реакций	344
Поспелова И. Г., Михеева А. Н.	Страхи у учителей предпенсионного и пенсионного возраста	346
Преображенская А. Д., Котова Т. Н.	Формирование конвенциональной кау- зальной схемы объекта у дошкольников	347
Рублева А. Ю.	Влияние изучения иностранных языков на развитие децентрации	349
Рыжкова Т. Ю.	Психологическое сопровождение детей в "Психоневрологическом доме ребенка №6"	351
Рядченко А. В.	Психодиагностика сформированности этнотолерантности у старших дошкольников	352
Садовская Т. В.	Влияние макросоциальных факторов на морально-нравственное развитие	354
Свередюк Е. В.	Субъективное благополучие и смысло- жизненные ориентации студентов- психологов	355
Соколовская О. К.	Типы профессиональной позиции студента-психолога	357
Струговец А. С.	Формирование гендерной культуры юношей и девушек	359
Титков И. С., Самыкина Н. Ю.	Социализация пожилых	361

Узикова А. Ю.	Представления футбольных фанатов о своей жизни	362
Федосеева Т. С.	Становление педагогических ценностей студентов в условиях практики	364
Федосеева М. В.	Особенности чувствительности к проблемам в разных образовательных средах	366
Фролова Е. В.	Стили кодирования информации как предикторы успешного обучения студентов	367
Хвоина Т. В.	Профессиональная направленность юношей в зависимости от ценностей и смыслов	369
Хорошун М. Э.	Гендерные аспекты мотивации самодетерминации и социальной адаптации подростков	371
Худякова Ю. С.	Особенности адаптации иностранных студентов в условиях вуза	373
Цатурян М. О.	Особенности применения психолого-педагогических технологий	375
Ширяева В. В.	Исследование причин эмоциональной неустойчивости младших школьников	376
Шувалов П. А.	Раннее разлучение ребенка с родителями и механизмы психологической защиты	378
Шукашвили В. Ю., Хаматкоева Л. Б.	Взаимосвязь стилей мышления и психологической защиты личности студентов	379

4. Организационная психология

Акамова К. С., Чернобровкина С. В.	Копинг-стратегии сотрудников в организациях с различной корпоративной культурой	382
Алексеева П. А.	Психологические факторы управления имиджем региона	383

Багина Е. А.	Анализ коммуникативных и организаторских компетентностей у абитуриентов	385
Багратиони К. А.	Индивидуально-психологические особенности компетентных молодых менеджеров-женщин	387
Баранская С. С.	Организационная справедливость как фактор организационной лояльности	389
Белов А. Б.	Особенности самовосприятия и делового общения менеджеров с клиентами	391
Бударгина Е. В.	Психологическая оценка успешности проектной деятельности	393
Дружилов С. А.	Проблемы моббинга на кафедре в условиях реформирования высшего образования	395
Дубко А. В.	Факторы доверия к виртуальной идентичности	396
Колиниченко И. А.	Психосемантическое исследование личности предпринимателя, создателя организации	398
Кулинкович Т. О.	Факторная структура представлений об идеальном руководителе	400
Львова О. В.	Извлечение экспертных знаний в контексте шеринга	402
Маленко Е. В.	Формирование безопасного поведения в дорожных условиях	404
Перман В. А.	Тип организационной культуры и мотивирование работников	405
Петухова Ю. О.	Принятие риска и ориентация на вызов как характеристики инновационной личности	407

Потемкина Е. Ю.	Психологическое сопровождение людей с ограничениями: театральная деятельность	409
Сергеева А. С., Толстов И. Е.	К вопросу об операционализации параметров дискурса организации	411
Склемина Д. М.	Особенности предпринимательского потенциала собственников и менеджеров	413
Страхова Г. Г.	Сфера потребностей и их влияние на трудовую мотивацию продавцов-консультантов	415
Фролова Н. А.	Взаимосвязь типа организационной культуры и оценки возможности реализации мотивов	416
Хачатурова М. Р.	Временная перспектива менеджеров и ее связь с копинг-поведением в конфликте	418
Чикурова Е. И.	Особенности когнитивного стиля программистов	420
Шестиловская Н. А.	Особенности проведения предварительной диагностики в организации	421

5. Социальная психология

Абитов И. Р.	Особенности совладающего поведения студентов психологических специальностей	424
Акульчик А. Д.	Атрибутивный аспект межкультурной коммуникации в учебных группах	425
Батенько И. С., Довгая Ю. Л.	Динамика мотивов поступления студентов на специальность «Психология»	427
Баянова Л. Ф., Галеев Д. Р., Массаров Б. Н.	Культурные ценности при разной направленности личности	429

Баянова Л. Ф., Багаева М. Н.	Культурные ценности в контексте позитивной этнической идентичности	431
Бежина Х. В.	Характеристики социальной идентичности женщин, страдающих бесплодием	432
Бордюг Е. И.	Особенности эмоциональной сферы женщин, жестоко обращающихся со своими детьми	434
Борисов Р. В.	Гражданская идентичность в традиционном обществе: постановка проблемы	436
Брель А. В.	Гендерные особенности конфликтного взаимодействия	437
Будакова А. В.	Оценка коммуникативно-личностного потенциала молодых людей	439
Буравцова Н. В., Столбикова М. Ю.	Влияние значимых взаимоотношений на развитие Я-концепции личности	441
Валитова В. Р., Гуцунаева С. В.	Интолерантность к неопределенности: возможности коррекции в тренинговой работе	443
Волохонская М. С.	Недоверие к описанию проблемной ситуации в публичной интернет-коммуникации	445
Волохонский В. Л.	Интенсивность коммуникации как предиктор предпочтений в социальных сетях	447
Ворожейкина Л. И.	Некоторые аспекты религиозной личности	448
Гамова Е. И.	Влияние ориентировки на результативность совместной деятельности малых групп	450
Голуб О. В.	Взаимосвязь показателей одиночества и экстраверсии-интроверсии у супругов	452
Гордиевич Е. П., Гончарова С. С.	Повседневные трудности супругов на стадии «пустого гнезда» и совладание с ними	454
Грицай Л. А.	Социально-психологические особенности современного отцовства	455

Довгалоук Е. С., Гончарова С. С.	Жизнестойкость курсантов военного вуза	457
Зурилина А. С.	Исследование гомосексуальных отношений в российской и зарубежной науке	459
Иванова Н. А., Таран И. И.	Особенности социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе	461
Казаков А. В.	Просоциальное поведение в сети Интернет	462
Казаковский А. В.	Предпочтения телевизионной рекламы и личностные особенности молодого поколения	464
Калмыкова А. И.	Образы и представления о мужественности у футбольных фанатов	466
Каськова Д. С.	Мотивация достижения как фактор успешности спортивной деятельности	467
Каширина Н. В.	Соотношение Интернет-аддикции и креативности у участников Интернет-коммуникаций	469
Кичемасова С. К.	Профессиональные и личностные особенности актера драматического театра	471
Клюева Н. Ю.	Пути психологической ресоциализации бездомных людей	473
Козлова О. В.	Развитие социальной компетентности учащихся профессионального училища	474
Козыренцева Л. С.	Ресурсы стрессоустойчивости в юношеском возрасте	476
Колотилина В. В.	Выбор партнера для отношений в контексте опыта переживания чувства первой любви	478
Комарова А. И.	Культурные ценности в коллективистских культурах	479
Копылова П. В.	Особенности межличностного взаимодействия людей с алкогольной зависимостью	481

Крючкова Ю. М.	Особенности адаптации и толерантности украинских студентов	483
Кузекина Р. Б.	Возможности психокоррекции проблем малолетних преступников средствами ТТС	485
Куклина Ю. А.	Связь когнитивных особенностей и ролевых позиций при принятии решений в группе	487
Курочкина И. М., Вихрева С. Ю.	Длительность добрачных отношений супругов как фактор благополучия молодой семьи	488
Липатова А. С.	Методика ранжирования референтных групп личности: опыт разработки	490
Матасова И. Л., Шаталина М. А.	Сравнительный анализ ценностно-мотивационной сферы женатых и разведенных мужчин	492
Медников С. В., Самыкина Н. Ю.	Субкультурные факторы взросления подростка	494
Медников С. В., Ульянова М. В.	Профессиональный отбор судей в большом теннисе	496
Митрофанова Т. А.	Суверенность психологического пространства и поведение в конфликтных ситуациях	497
Осьмак Е. О.	Динамика этнической идентичности эмигрантов второго поколения из России в США	499
Ощепков А. А., Князюк А. В.	Особенности систем ценностей и личностных факторов у девиантных студентов	501
Петрова Н. В.	Неграмотность автора как фактор доверия читателя к тексту	503
Петрушенко С. В.	Визуальные исследования в психологии	505
Разваляева А. Ю.	Особенности распознавания и понимания эмоций делинквентными подростками	506
Самойлова А. С.	Особенности супружеских отношений в межэтнических браках	508

Самохина М. А.	Оценка достоверности информации на основе комплексного анализа поведения	510
Самсонова Т. И.	Социальная компетентность: междисциплинарный подход	512
Селезнева Д. В.	Авто- и гетеростереотипы восприятия русских и японских студентов	513
Синельникова Е. С.	Доверие в семье в контексте российских и зарубежных исследований	515
Смирнов Н. В.	Самооценка как регулятор совместной деятельности младших школьников	517
Смирнова Н. С.	Исследование феномена ревности в романтических отношениях	518
Спиридонов Я. В.	Конфликтная конгруэнтность как психологический феномен	520
Ткачишина О. Р.	Проблема адаптации личности в современном информационном обществе	522
Трапезникова Ю. В.	Анализ тактик переговоров в ситуации конфликтующих интересов	524
Трутьев Е. В.	Динамика копинг-поведения сотрудников пожарной части в ходе профессионализации	525
Фабрикант М. С.	Интеграция российской этнопсихологии в мировую кросс-культурную психологию	527
Хаматкочев Л. Б., Шукашвили В. Ю.	Взаимосвязь типа этнической идентичности с личностными особенностями	529
Харитонов Т. С., Садыкова Д. И.	Методика незаконченных предложений в исследовании представлений о толерантности	531
Хасенова Л. Б.	Связь адаптивности и ценностных ориентаций казахстанских студентов	533
Цветкова Л. А.	Наркоситуация в студенческой среде	534
Цветкова Л. А., Антонова Н. А.	Употребление ПАВ среди учащихся в возрасте 15-16 лет в СЗФО РФ	536

Челомова Н. А.	Субъективное оценивание креативного потенциала личности	537
Чикалова Е. А.	Основные направления отечественных исследований отцовства	539
Шамко Е. В., Казанцева Т. В.	Тип привязанности и удовлетворенность романтическими отношениями	541
Список авторов тезисов		543

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ XXI ВЕКА
Материалы Международной
научно-практической конференции
молодых ученых
21–23 апреля 2011 года
Санкт-Петербург

Корректор *В. Р. Фатеева*

Компьютерная верстка *Н. А. Адамян, Д. Д. Штицер, Е. С. Басова*

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2011. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ.л. 20,93 Уч. изд.л. 19,8 Тираж 280 экз. Заказ №
Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Типография Издательства СПбГУ
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41